

Зигмунд Фрейд

Макс Шур

Жизнь и смерть

Max Schur

Freud:

Living and Dying

Макс Шур

Зигмунд
Фрейд:

жизнь и смерть

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
встрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
И.А. Озерова

Шур Макс

Ш96 Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть / Пер. с англ.
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. —
527 с.

ISBN 5-9524-1794-9

Подробное жизнеописание и одновременно глубокое исследование творчества Зигмунда Фрейда составлено его лечащим врачом, другом и единомышленником. Макс Шур представляет читателям не только глубоко страдающего пациента, но и человека огромной духовной силы и выдержки, которому даже собственные страдания служили материалом для научных изысканий. Книга ценна не только впечатлениями очевидца, но и приведенной в ней обширной перепиской Фрейда, сопровождаемой исчерпывающими комментариями.

ББК 88.1

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-1794-9

Вступление

Написать книгу о жизни выдающегося человека, особенно если придется коснуться темы его смерти, — дело совсем не простое; это потребует от автора большой деликатности. Особенно трудным это становится, когда книгу пишет врач, а выдающийся человек, о котором он собирается рассказать, — его пациент, которого он любил и уважал. Затея представляется совсем уж невыполнимой, если этого пациента зовут Зигмунд Фрейд. С тем, чтобы лучше объяснить, почему я считаю написание такой книги не только необходимым, но и рассматриваю это как мою личную обязанность, мне нужно сперва кратко изложить историю ее появления.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Психоанализ учит нас, что жизнь человека не так полна случайностей, как это обычно считается. И все же случай всегда найдет себе место в череде житейских событий. Именно ему я обязан тем, что в 1915 г., когда я только что поступил в медицинскую школу, моя очаровательная кузина, изучавшая тогда психологию у Спаларедо в Женеве, убедила меня посещать лекции, которые читал не кто иной, как Фрейд. Они позже были опубликованы под названием «Лекции по введению в психоанализ».

Кроме меня, на этих лекциях присутствовало еще несколько студентов-медиков. Аудитория Фрейда состояла по большей части из студентов, «интеллектуалов» и просто любопытствующих. Присутствовавшие студенты-медики должны были удостоверить свои посещения личной подписью лектора. Фрейд имел обыкновение лично приветствовать каждого студента, обменявшись с ним парой слов и рукопожатиями. Особенно впечатлял проницательный взгляд, с которым он всегда жал руку. Мог ли я помыслить тогда, что тринадцать лет спустя мне доведется стать его личным врачом.

И в этом, и в последующем году я не пропустил ни одной лекции. Было бы совсем не просто объяснить удивительную притя-

гательность тех встреч и оценить значение приобретенных познаний. Разумеется, в свои восемнадцать лет я еще не был готов к целостному восприятию этих лекций, однако органичное единство сути идей Фрейда и формы их представления производили неизгладимое впечатление. При этом перевод его работ всегда представлял особые трудности для всех, включая Стрейчи и конечно же меня: сопутствующие ему сложности можно было сравнить разве что с теми, которые существуют при переводе стихов.

Как бы то ни было, посещение вводных лекций не могло не вызвать у меня самый живой интерес к психоанализу. В то же время по ряду причин я решил специализироваться в сфере медицинских внутренних болезней. Собственный анализ я начал в 1924 г.

И вновь стечение обстоятельств: в 1927 г. мой старший коллега, консультировавший Мари Бонапарт¹, направил меня к ней, чтобы взять анализ крови. Мы разговорились, и она оказалась приятно удивлена встречей с терапевтом, увлеченным психоанализом. В 1928 г. во время пребывания в Вене она тяжело заболела, и я лечил ее в течение долгих недель². Именно она убедила Фрейда пригласить меня в качестве личного врача. Им я и оставался вплоть до самой его смерти в 1939 г.

Таким образом, мне довелось узнать Фрейда как учителя, ученого и почтенного отца семейства. Я заботился о здоровье членов его семьи, многих из его пациентов, о которых мы с ним часто и помногу беседовали. Я видел его страдающим от мучительных болей. Я видел его пренебрежение и презрение к грубости и глупости, как и нежную любовь к близким для него людям. Он всегда был гуманным и благородным человеком в самом высоком смысле этого слова. И я могу утверждать, что свою мучительную болезнь и смерть он встретил с тем же достоинством, которое было свойственно ему всю его жизнь.

После смерти Фрейда я переехал в Америку, где многие мои друзья, коллеги, издатели книг и журналов и даже кинопродюсеры настойчиво добивались от меня, когда же, наконец, я «поделюсь с общественностью» моими воспоминаниями о Фрейде. Однако я предпочитал воздерживаться от этого многие годы, и не только потому, что уважение к тайне частной жизни было неотъемлемой частью кодекса чести самого Фрейда, но и поскольку требовалось время, чтобы обрести необходимую объективность в освещении давних событий. Мне нужно было подготовиться к этой работе так основательно, чтобы с занятой мною позицией мог бы согласиться даже сам Фрейд.

¹ Мари Бонапарт была пациенткой и ученицей Фрейда. Позже она стала известным психоаналитиком.

² Я оставался ее врачом или, по крайней мере, медицинским консультантом и другом вплоть до ее смерти.

В 1950 г. на английском была опубликована книга «Введение в психоанализ». Вряд ли можно переоценить важность этого события. Приложенная к этой книге значительная часть переписки Фрейда с Вильгельмом Флиссом, равно как и сопутствующие рукописи, в особенности «Проект научной психологии» (1895), во многом разрушают наше непонимание личности и работ этого великого человека. Все это особо подчеркивали Эрнст Крис, написавший предисловие к «Введению в психоанализ», Эрнест Джонс, автор книги «Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда», и другие. Через знакомство с «Введением в психоанализ» мы можем глубже приобщиться к гению Фрейда, к особенностям его развития и деятельности. Мы можем видеть, что своими творческими озарениями Фрейд был обязан не только вспышкам своей поразительной интуиции. Ключевую роль здесь сыграли его высочайшая честность перед самим собой, решительность и мужество, с которыми, преодолевая ошибки и промахи, он шаг за шагом шел к своим открытиям.

Всякий, кто увлечен психоаналитическими изысканиями и, следовательно, изучал труды Фрейда, не раз мог заметить, что многие идеи, сформулированные им позднее, прямо или косвенно встречаются уже в его ранних рукописях. По этой причине систематическое изучение рукописей Фрейда представляет особый интерес даже для современного психоанализа. Даже в таких ранних его работах, как «Проект научной психологии» и в особенности «Толкование сновидений» (1900), мы можем обнаружить по крайней мере элементы многих идей, большей частью получивших развитие не только в трудах самого Фрейда, но и в работах последующих поколений психоаналитиков.

В своем вступлении к опубликованному сборнику переписки с Флиссом и в списках внутри издания Эрнст Крис особенно стремился сопоставить отраженные в этих письмах идеи Фрейда с теми, которые он параллельно развивал на страницах своих научных трудов. Сверх того, Крис взялся проследить и судьбу впервые прозвучавших в письмах к Флиссу идей, которые сформировались в научных работах Фрейда значительно позже. Многие его теории продолжительное время оставались в неоформленном состоянии, пока Фрейд собирал для них необходимые фактические подтверждения. Они вновь могли возникнуть у него лишь спустя десятилетия самоанализа и работы с пациентами. Для конкретного примера здесь можно вспомнить о концепциях «Я» и «Сверх-Я» или о переформулированной им теории тревоги.

Я уже говорил об уважении к частной жизни как о препятствии к опубликованию некоторых биографических подробностей. Однако сам Фрейд нередко преодолевал стремление оградить свою личную жизнь от внимания, если полагал, что научные соображения требуют обратного. Так в «Толковании сновидений» и «Психопа-

тологии обыденной жизни» он с готовностью очень искренне обсуждал весьма интимные подробности своей жизни, своих мыслей и фантазий, которые обнаружил в процессе самоанализа. Впрочем, при написании «Толкования сновидений» Фрейд не пренебрегал правом определенным образом «цензурировать» свои тексты. Иначе обстояло дело с личной перепиской, которую он вел с Флиссом. В одном из писем к нему Фрейд сам отмечал, что эта переписка имеет для него особое значение из-за той предельной искренности, которую порой можно позволить при общении с близким человеком. Неудивительно, что Фрейда крайне взволновала возможность ее публикации в момент, когда вся переписка неожиданно оказалась в распоряжении Мари Бонапарт. В ее обращении к нему ярко обнаруживается конфликт между стремлением сохранить в неприкосновенности личную жизнь и потребностями научной общности. Мари Бонапарт писала Фрейду:

«Возможно, Вы сами... не в полной мере понимаете всю меру Вашего величия. Вы принадлежите истории человеческой мысли, как Платон или, скажем, как Гёте. Какой потерей для нас, их несчастных потомков, обернулась бы утрата бесед Гёте с Эккерманом или диалогов Платона...»

Фрейд отвечал:

«Печально, что мои письма к Флиссу находятся все еще не в Ваших руках, а в Берлине... Мне нелегко принять Ваше мнение, равно как и использованные Вами сравнения. Я могу лишь полагать, что через 80 или 100 лет интерес к этой переписке заметно ослабеет».

Издатели переписки с Флиссом вполне осознавали всю деликатность проблемы и отразили ее во вступительной части сборника. И все-таки переписка была опубликована, хотя и частично.

С ее выходом в свет появилась возможность не только в новом свете взглянуть на научные построения Фрейда, но и получить бесценный источник биографического материала, позволяющего хотя бы частично приобщиться к поразительному подвигу Фрейда -- его самоанализу.

Переписка с Флиссом представляет особую ценность для всех, кого интересует творчество и личность Фрейда, включая и меня. Возможность сопоставить образ Фрейда, которого я знал по вводным лекциям и лично знал на протяжении одиннадцати последних лет его жизни, с тем Фрейдом, который предстает на страницах этих писем, многое может объяснить. Сверх того, эта переписка представляет особый интерес для меня. Будучи знаком с его работами и благодаря опыту личных контактов я довольно

хорошо представляю себе отношение Фрейда к жизни, болезням и смерти. Я видел, как он держался в годы тяжелейших страданий. Находясь на пороге смерти, Фрейд рассказывал мне в общих словах о наблюдавшихся им у себя симптомах болезни сердца, которые беспокоили его до сорока лет. Лишь в некоторых научных и автобиографических работах Фрейда можно обнаружить редкие разрозненные упоминания об этой проблеме. Не чаще можно встретить и указания на навязчивую сосредоточенность (правда, в легкой форме) Фрейда на вопросе якобы строго predetermined продолжительности собственной жизни. Я не знал, однако, что проблемы с сердцем у Фрейда были так серьезны, что по крайней мере в течение двух лет он действительно жил в страхе внезапно умереть от сердечного приступа. Подробно эта тема будет обсуждаться во 2-й главе этой книги.

Опубликованная переписка с Флиссом охватывает период с 1887-го по 1902 г. Особенно драматичным во многих отношениях для Фрейда было время с 1893-го по 1900 г. В 1893-м Фрейд с Брейером опубликовали предварительный вариант их работы «Психические механизмы истерических явлений». В том же году у Фрейда появились первые симптомы стенокардии, а в 1900 г. вышло его «Толкование сновидений».

Мы узнали немало ценного из переписки с Флиссом, однако многие вопросы остались без ответа, и я пришел к выводу, что мои наблюдения, особенно последних десяти с половиной лет жизни Фрейда, все же следует опубликовать. Я свел воедино все имевшиеся у меня материалы, большую часть которых использовал д-р К.Р. Эйслер для пополнения архива Зигмунда Фрейда.

В то время Эрнест Джонс готовил издание своей биографии Фрейда. Семья Фрейда всецело поддерживала его в этом начинании. Джонс получил право доступа к большей части переписки Фрейда, содержащей и сохранившиеся в неприкосновенности его письма к невесте.

Поэтому с разрешения семьи Фрейда я решил предоставить в распоряжение Джонса все собственные материалы, равно как и записи профессора доктора Ганса Пихлера — хирурга, оперировавшего Фрейда с 1923-го по 1938 г. Эти записи (примерно 80 печатных листов) дают подробный отчет по каждому медицинскому осмотру Фрейда, включая данные о более чем 30 проведенных операциях¹. Я намеревался передать в распоряжение Джонса и все копии писем Фрейда, адресованных мне, перед тем как он начнет работу над третьим томом книги, поскольку тоже желал внести свою лепту в создание научной биографии, и, кроме того, хотел оказать помощь человеку, который помог мне и моей семье

¹ Я признателен профессору Гансу Пихлеру-младшему за разрешение воспользоваться этими записями.

получить английскую визу и уже на английской земле вновь официально стать личным врачом Фрейда прежде, чем я, как эмигрант, прошел через необходимые процедуры перепроверки.

В 1953 г. появился первый том Джонса, содержавший большое количество нового, не публиковавшегося ранее материала, включая, например, подборку писем Фрейда к невесте. Работа, проведенная Джонсом, действительно отличалась высоким качеством и была оценена по заслугам. Все три тома останутся бесценным источником информации для историков и биографов Фрейда. Это событие вновь показало мне необходимость пополнения биографии Фрейда воспоминаниями современников, близко его знавших.

Впрочем, некоторые особенности первого тома вызвали у меня возражения. Прежде всего, я не согласился с оценкой Джонса симптомов болезни Фрейда. Джонс был склонен объяснять ее «тревожной истерией». Также он говорил, что определенное время Фрейд испытывал «частые приступы» страха смерти, чему я не нашел доказательств в опубликованной переписке с Флиссом. Не могу согласиться и с довольно поверхностной интерпретацией Джонсом некоторых аспектов отношения Фрейда к Флиссу, которые он рассматривал прежде всего в свете детской сексуальности и в особенности эдипова комплекса. Подобный подход не в состоянии отразить подлинные сложности этих отношений.

К тому времени я уже понял, что изменения в отношении Фрейда к болезни и смерти нельзя рассматривать в отрыве от мучивших его болезненных симптомов и вне их тесной связи с самоанализом и отношениями с Флиссом.

После опубликования первого тома биографии, который охватывал период жизни Фрейда до 1902 г., я, соответственно, переписал то, что Джонс позже назвал моим «эссе», включив туда некоторые мои мысли, расходившиеся с его позицией, в особенности в той ее части, где Джонс оценивал симптомы болезни Фрейда.

Перед тем как поставить Джонса в известность, я поделился своими соображениями с Анной Фрейд. Свое суждение она выразила в письме. Оно превзошло все мои ожидания: «Сам пациент высоко оценил бы Вашу позицию, если бы мог с ней познакомиться». Я решил отправить рукопись Джонсу, когда он возьмется за третий том.

В то время я вел с ним интенсивную переписку по поводу многих аспектов его работы. Тогда мы пришли к соглашению, что мое «эссе» будет опубликовано под моим именем в конце третьего тома и получит название «Последняя глава». Однако позже по ряду причин планы Джонса на этот счет изменились, и он предпочел все предоставленные мною материалы просто включить в свой текст, разумеется, при этом сославшись на меня должным образом. Тем не менее в результате много важной информации выпало из книги. В конечном итоге я понял, что даже рад, что

мы отступили от намеченного плана. Прежде всего, я начал осознавать, что отношение Фрейда к смерти как к биологической, физиологической и психологической проблеме выступает в качестве важной составляющей его работы; это отношение изменялось по мере создания Фрейдом своей новой науки, и такое изменение неотъемлемо связано с его самоанализом, продолжавшимся всю жизнь. Придя к этому заключению, я понял, что требуется нечто большее, чем просто «последняя глава». Следовало предпринять попытку возвратиться к истории ее появления.

Ранее я выразил свое нежелание писать биографическое исследование, объяснив это, в частности, тем, что «уважение к частной жизни было частью кодекса чести самого Фрейда». Это утверждение требует некоторых разъяснений. Я упомянул, что в «Толковании сновидений» и прочих работах Фрейд раскрыл некоторые интимные подробности собственной жизни. Он обсуждал их столь открыто, поскольку считал это необходимым для правильного «толкования сновидений» и адекватного понимания «психопатологии обывденной жизни».

На протяжении всей жизни Фрейд очень свободно обсуждал свои самые сокровенные мысли как с Флиссом, так и с многими другими коллегами и друзьями. Однако всегда именно он сам устанавливал пределы допустимой откровенности. Более того, он не мог и представить, по крайней мере сознательно, что все эти материалы попадут в распоряжение биографов. Поэтому в 1936 г. он вначале ужаснулся, узнав, что его переписка с Флиссом оказалась у Мари Бонапарт.

Когда на рубеже веков Фрейд вышел из состояния изоляции, которая была отчасти самоизоляцией, и стал всемирно известен, ему было крайне неприятно находиться в центре всеобщего внимания, в том числе и внимания прессы.

Известно, что со времени своего визита в США в 1909 г. Фрейд стал относиться к этой стране с некоторой предвзятостью. Одной из причин того, возможно, стала именно столь распространенная в Америке как в академических, так и в обывательских кругах атмосфера крайней бесцеремонности. В самом деле, у Фрейда всегда было очень мало друзей, с которыми он бы легко общался и переписывался, что называется на «ты».

Каково же было отношение Фрейда к биографическим изысканиям? Говоря об этом отношении, следует, прежде всего, обратить внимание на то, кто именно выступал объектом такого исследования — другие или он сам. Фрейд без колебаний применял методы психоанализа как к известным произведениям искусства, так и к их создателям. Примеров тому немало. Среди прочих можно вспомнить царя Эдипа, Гамлета, короля Лира, новеллы К.Ф. Мейера, «Градиву» Йенсена, «Моисея» Микеланджело. Фрейд писал биографические эссе о Гёте, Достоевском и Леонардо да Винчи.

В письме Хэвлоку Эллису от 12 сентября 1926 г., написанном после получения автобиографии последнего, можно видеть, что Фрейд вполне осознавал противоречие между своим любопытством к жизни выдающихся людей и нежеланием делиться той же информацией личного порядка с другими. В его ответе были такие слова:

«Я вижу, сколь великодушно вы готовы предоставить в распоряжение биографа столь большой объем личной информации. Сам же я не нашел бы для этого никаких стимулов».

Фрейд по-разному реагировал на свои биографии, написанные Ф. Виттельсом (1924) и Стефаном Цвейгом (1931, 1933).

Предпубликационную копию немецкой версии книги Виттельса он получил в декабре 1923 г., вскоре после своей второй онкологической операции (см. главу 13). Ответ Фрейда содержал острую критику этого труда наряду с признанием его отдельных положительных моментов. Например:

«Стоит ли говорить, что сам я никогда бы не пожелал такой книги и не способствовал бы ее появлению. Я считаю, что у общества нет никаких прав на мою персону, и оно ничего у меня не почерпнет, пока мой случай... не получит полного освещения!»

Одна из основных претензий Фрейда к Виттельсу, бывшему студенту Штекеля, заключалась в том, что тот не смог объективно представить причины его разрыва с последним.

Фрейд также составил список замеченных им неточностей, ожидая, что Виттельс внесет должные поправки. Закончил письмо он следующими словами: «Пожалуйста, воспринимайте сказанное так, что, хотя я и не одобряю Ваших усилий, я никоим образом не могу их и недооценивать».

В опубликованную версию этого письма не была включена оценка Фрейдом построений Виттельса: «Возможное не всегда действительно».

Позже, ознакомившись с английским переводом книги Виттельса и не обнаружив там большей части рекомендованных им поправок, 15 августа 1924 г. Фрейд писал:

«Я убежден, что если некто знает о ком-то так же мало, как Вы обо мне, то ему не следует что-либо писать об этой персоне и уж тем более называть написанное биографией. По крайней мере, следует подождать, пока персона уйдет в небытие, чтобы возражать было уже некому».

Особенно Фрейд возражал против некорректного изложения Виттельсом эпизода с кокаином (см. главу 1), но еще больше — против истолкования им окончательного разрыва с Флиссом. Тем

не менее на следующий год Фрейд дал свое согласие на восстановление Виттельса в Венском психоаналитическом обществе.

Из этих писем можно видеть, что Фрейд весьма негативно относился к биографическим исследованиям его жизни, а если и шел навстречу устремлениям авторов, то требовал от них строго придерживаться действительных фактов. То самое «возможное не всегда действительно» относится именно к многочисленным безосновательным домыслам и гипотезам. Несмотря на всю свою нерасположенность к подобного рода затеям, Фрейд не мог отказать в определенной поддержке даже этому, столь критикуемому им биографу.

На работу Стефана Цвейга Фрейд отреагировал более благосклонно. Он писал:

«Нежелание признать себя в собственном портрете или неузнавание себя в нем — факт обыденный и хорошо известный. Поэтому я поспешу выразить удовлетворение тем, сколь точно Вами отмечены мои наиболее характерные черты. Действительно, то, чего я достиг на настоящий момент, все это прежде всего благодаря моему характеру, чем интеллекту. Полагаю, что это стержень Вашего мнения, и я придерживаюсь такой же точки зрения...

В действительности человек — более сложное существо: с созданным Вами образом не согласуется, что я испытываю головные боли и временами устаю, как и любой другой человек, что я был страстным курильщиком (я бы и желал им оставаться), что своим самоконтролем и упорством в работе я по большей мере обязан сигаре, что, несмотря на всю свою хваленую непритязательность, я многое отдал за то, чтобы собрать свою коллекцию греческих, римских и египетских древностей, что я больше интересуюсь археологическими книгами, чем психологическими, что до войны и сразу после ее окончания каждый год я чувствовал острую потребность провести в Риме хотя бы несколько недель или дней, ну и так далее».

Более определенно по проблемам, возникающим при изучении жизни «великих людей», Фрейд высказался в своей благодарственной речи, написанной им по случаю присуждения премии Гёте в 1930 г.:

«Я готов принять упрек, что мы, аналитики, недостойны находиться под покровительством Гёте, ибо преступили черту, пытаясь применить аналитические методы к нему самому, низведя тем самым великого человека до объекта исследования. Однако я не соглашусь, что тем самым мы умаляем его величие.

Все мы, почитающие Гёте, без особого протеста принимаем усилия его биографов, пытающихся по имеющимся сведениям воссоз-

дать его жизнь. Но что значат для нас эти усилия, если даже лучшие и исчерпывающие биографические работы не могут ответить на два вопроса, которые только и представляют для нас интерес; не могут пролить свет на происхождение того великого дара, который создает гения, и не помогают нам сколько-нибудь хорошо понять ценность и значение его творений? А ведь, без сомнения, именно такие биографии способны удовлетворить нашу столь сильную потребность. Мы ощущаем ее особенно остро, когда история безапелляционно отказывает нам в ее удовлетворении, как, например, в случае с Шекспиром... Но что оправдывает нашу потребность узнать подробности жизни человека, когда его работы приобретают для нас столь большое значение? При ответе на этот вопрос обычно отмечают желание приблизить к нам такую личность в ее человеческих чертах. Допустим...

И все же следует признать, что существует и другой мотив. Оправдание биографа содержит также признание. Разумеется, биограф не стремится развенчать своего героя, но желает сделать его ближе, понятнее нам. Однако это означает уменьшение расстояния, которое отделяет нас от него, и определенное умаление его исключительности. Неизбежно, что, узнав больше о жизни великого человека, мы узнаем и о тех случаях в ней, в свете которых он совсем не выглядит героем, выглядит не лучше нас и по-человечески действительно приблизился к нам. И тем не менее, я полагаю, что нам следует узаконить усилия биографов. Наше отношение к отцам и учителям всегда имеет двойственный характер: глубокое почтение к ним всегда содержит и компонент враждебного протеста. Это психологическая неизбежность, которая не может быть изменена без насильственного вытеснения истины, и ей надлежит распространяться на наше отношение к великим людям, истории жизни которых мы намерены изучать».

Эти строки ясно указывают на те конфликты и ограничения, перед лицом которых оказывается любой биограф. Осознать их — его обязанность. Пусть нехотя, но Фрейд все же признал, что «усилия биографов следует узаконить». Никакое выполненное психоаналитиком биографическое исследование не может отказаться от применения к своему объекту методов психоанализа. Следовательно, биографические изыскания оказываются в сфере внимания так называемого прикладного психоанализа.

Фрейд подошел к этой проблеме и с другой стороны. Арнольд Цвейг, с которым он интенсивно переписывался на протяжении последнего десятилетия своей жизни (см. главы 20 — 27), с 1930 г. увлекся идеей провести сравнительно-сопоставительное исследование трудов и личностей Фрейда и Ницше.

В 1934 г. А. Цвейг отправил Фрейду набросок своей, как он ее называл, «повеллы», целиком посвященной «помешательству»

Ницше. В последующей серии писем он набросал для Фрейда общий план своей работы, которая, в сущности, оказалась биографической фикцией¹.

Фрейд ответил серьезным письмом, в котором обсудил «проблему взаимосвязи исторической реконструкции с исторической реальностью». Фрейд допускал, что, когда существует невосполнимый недостаток достоверной информации, биограф вправе заполнить пробел за счет своего воображения. Ради примера он обратился к таким произведениям, как «Макбет» Шекспира, «Дон Карлос» Шиллера и «Эгмонт» Гёте. Однако Фрейд утверждал, что в случае с Ницше, значение трудов которого было очень велико и в первой половине XX века, биографу следует прежде всего позаботиться о максимальной исторической точности в представлении его личности. В следующем письме Фрейд обратил внимание Цвейга на две проблемы, которые неизбежно предстанут перед биографом Ницше. Прежде всего, довольно мало известно о «сексуальной конституции» Ницше. Еще важнее то, что на протяжении по крайней мере последних двенадцати лет своей жизни Ницше страдал от прогрессирующего слабоумия, и отсутствует возможность узнать, когда эта разрушительная болезнь начала себя проявлять. Фрейд поднял вопрос о позволительности домысливания в таких случаях «слы влияния патологии» (15 июля 1934 г.).

Фрейд также упомянул, что не может принять и половины оценок своей персоны, которые Цвейг сделал в своей книге «Немецкое еврейство: попытка подвести итоги» (1934).

Несмотря на свои возражения относительно предложенного Цвейгом плана, Фрейд спросил Лу Андреас-Саломе (одну из женщин, сыгравших важнейшую роль в жизни Ницше) о возможности предоставления ею Цвейгу некоторой информации о Ницше. Однако она наотрез отказалась рассказать что-либо, что могло бы поддержать идею проведения такого исследования. По всей видимости, основное возражение Фрейда по плану Цвейга касалось, прежде всего, невозможности получить надежную информацию².

Наиболее объективное — научное — мнение по вопросу применения психоанализа в биографических исследованиях Фрейд выразил в вышеупомянутой торжественной речи, написанной по случаю присуждения ему премии Гёте:

«Когда психоанализ ставит себя на службу биографии, он, естественно, имеет право на то, чтобы с ним обращались не жестче, чем с самими биографами. Благодаря психоанализу можно до-

¹ В то время Цвейг прежде всего хотел проследить роковое влияние идей Ницше на развитие нацизма в Германии.

² Позже, по случаю 80-летия Фрейда, Цвейг опубликовал свое гораздо более скромное по размерам эссе под названием «Аполлон побеждает Диониса» (1936).

быть некоторые сведения, которые невозможно получить другими путями, и тем самым отразить новые связующие нити в «полотне мастера», восходящем к влечениям, переживаниям и работам художника».

Это замечание касается и любых биографических исследований, посвященных самому Фрейду и обращающихся при этом к методу психоанализа. По этой причине я воздержусь от каких бы то ни было утверждений, не подкрепленных собственными открытиями Фрейда, выраженными в его письмах, беседах с окружающими, в толкованиях снов, автобиографических работах и иных произведениях, а равно и фактами из некоторых биографических материалов о нем (как, например, в недавно опубликованных метрических данных (см. главу 1). Перефразируя высказывание Фрейда из одного упоминавшегося ранее письма к Виттельсу: возможное не всегда действительно, но оно может быть таковым. Соответственно в каждом конкретном случае следует быть крайне внимательным в выносимых оценках.

Работая над этим биографическим исследованием, я столкнулся с еще одной проблемой. Пожалуй, она была наиболее трудной; ведь я был врачом Фрейда и предполагал опубликовать в моей книге и его историю болезни. Дилемма разрешилась, когда я предоставил Джонсу все сведения, имевшиеся в моем распоряжении. Я уже приводил соображения, из которых исходил, принимая подобное решение. Как бы то ни было, в этой книге я предполагаю представить имеющиеся у меня данные в целом. Именно Фрейд «пробудил мир от сна» (см. главу 11), пролив свет на доселе скрытые стороны нашей подсознательной жизни, развеивав вековые мечты о бессмертии и выявив нашу неспособность постичь собственную смерть (см. главы 5, 10, 11, 14, 18). Поэтому я намерен действовать в духе самого Фрейда, который всегда стремился знать всю правду, какой бы тяжелой она ни была, не воздерживаясь от рассказа о его долгой болезни и тяжких страданиях.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Некоторые эссе Фрейда автобиографичны, например «Ширма памяти» (1899) и «Автобиографическое исследование» (1925). Работа 1936 г. («Расстройство памяти на Акрополе») главным образом является частью самоанализа Фрейда. Изложенное в ней можно легко увязать с обстоятельствами событий 1899-го и 1904 гг., а также с некоторыми его снами (см. главы 5, 7, 12 и 14). Автобиографический характер других работ более завуалирован. Примером таких произведений могут служить «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», в которых Фрейд предста-

вил значительный объем информации личного характера и воссоздал некоторые наиболее важные события своего раннего детства. Некоторые новые любопытные подробности тех лет недавно были выяснены Шайнером («Отношения Зигмунда Фрейда с его родным городом Фрайбергом»). Эти факты позволяют пристальнее всмотреться в некоторые наиболее спорные гипотезы Фрейда.

Наиболее важны письма Фрейда. Анализ переписки с Флиссом показывает, что во многих отношениях письма Фрейда более откровенны, чем опубликованные им работы. В 1956 г., за год до выхода в свет третьего тома биографии Джонса, Бинсвангер написал «Воспоминания о Зигмунде Фрейде» (позже вышедшую на английском под названием «Зигмунд Фрейд: Воспоминания дружбы»). Многие письма Фрейда, опубликованные в этой замечательной книге, весьма существенны с точки зрения основной направленности моего исследования. Много других важных сведений, обнаруженных в письмах Фрейда, содержит любой из трех томов написанной Джонсом биографии.

В 1960 г. вышла большая подборка писем под редакцией Эрнста Л. Фрейда. В 1961 г. Мари Бонапарт согласилась предоставить в мое распоряжение и свою обширную переписку с Фрейдом, которая хранилась в Лондоне, в его семье.

Джонс собрал обширную информацию из всех доступных источников. Письма Фрейда к невесте, 93 из которых были опубликованы в 1960 г., тоже являются важным источником информации о Фрейде, особенно если учитывать, что начиная с 1901 г. уже прекращается обширнейшая переписка с Флиссом. Впрочем, со временем число тех, кто получал письма от Фрейда, неуклонно росло. В настоящее время совместными усилиями доктора М. Балинта и Эрнста Л. Фрейда готовится к публикации очень интересная переписка Фрейда с Ференци¹. Я признателен доктору Майклу Балинту за предоставленные копии этих писем. Много важной информации содержат собственные публикации Фрейда за последние три десятилетия его жизни (см. главы 8—14).

Кроме Джонса, биографические работы о Фрейде или воспоминания о нем публиковали его студенты-пациенты: Лу Андреас-Саломе, Бинсвангер, Г. Захс, Ф. Виттельс, С. Цвейг, сын Фрейда Мартин, если вспомнить лишь наиболее известных, а также некоторые его современники, внося тем самым свой вклад в наше понимание многих аспектов его личности. Мой личный опыт общения с Фрейдом в 1928—1939 гг. может также стать источником неопценимых по важности сведений о нем.

По счастью, Фрейд за свою долгую жизнь написал великое множество писем. Большая часть его переписки сохранилась. В

¹ К моменту выхода этой книги М. Балинт и Эрнст Л. Фрейд уже умерли.

1963 г. я прибыл в Лондон, где получил право ознакомиться с большим количеством материалов, среди которых находились письма Фрейда к Абрахаму, Лу Андреас-Саломе, Эйтингтону, Джонсу, Юнгу, Арнольду и Стефану Цвейгам¹. В 1964 г. мне предоставили копии его переписки с Флиссом². За все это я особенно благодарен мистеру Эрнсту Л. Фрейду и мисс Анне Фрейд.

ПОДБОР МАТЕРИАЛОВ

Когда в 1964 г. я читал лекцию в Нью-Йоркском психоаналитическом обществе, приуроченную к двадцатипятилетию годовщины смерти Фрейда, то дал ей название «Проблемы смерти в творчестве Фрейда и его жизни». Тогда я был способен обсуждать эту тему лишь в общих чертах. Та лекция была прочитана прежде, чем я смог в полной мере проанализировать весь объем переписки Фрейда с Флиссом. Уже тогда я попытался выделить три взаимосвязанных направления исследований: поведение Фрейда в повседневной жизни, его письма и его работа. Развивая тему моей книги, я придерживался той же стратегии.

В упомянутом ранее письме ко мне Анна Фрейд подчеркнула, что мое первое «эссе» является не просто какой-то историей, а фрагментом подлинной биографии. Я понял тогда, что название моей юбилейной лекции, которое я предполагал использовать и при публикации книги, охватывает слишком ограниченную область. Проблемы жизни и смерти не следует рассматривать в отрыве друг от друга. Жажда жизни и все, что ее поддерживает; страх смерти, который может постепенно превращаться в принятие и даже в желание смерти, — противостояние этих противоположных влечений и изменчивое равновесие между ними являются неизменными спутниками человеческого существования. Соответственно, в данной книге я хочу попытаться рассмотреть эти составляющие так, как они отразились в жизни Фрейда. Тем не менее к материалам я подошел крайне избирательно, оставив многие работы Фрейда и события его жизни вне рамок этой работы.

В своем труде я подробно останавлиюсь на так называемом «периоде Флисса», ведь то было время, описанное во «Введении в психоанализ», когда в результате самоанализа Фрейд пережил самые решительные перемены. Кроме того, в этом случае у нас появляется возможность узнать о Фрейде, что называется, «из первых рук». Рискуя быть обвиненным в использовании метода

¹ С того времени опубликована переписка Фрейда с Абрахамом, Лу Андреас-Саломе и Арнольдом Цвейгом.

² К печати готовился сборник неопубликованной переписки с Флиссом.

перетолковывания фактов, я все же предполагаю часто цитировать выдержки из переписки, которую Фрейд вел в пору своей дружбы с Флиссом.

Я детально рассмотрю множество факторов, каждый из которых оказал свое влияние на развитие взглядов Фрейда на жизнь и смерть: его болезненную — сперва сердечную — симптоматику, его никотиновую зависимость, прискорбное материальное положение, упорную борьбу за понимание неведомых доселе областей «бессознательного»; его склонность к резким переменам настроения, когда сопровождавшаяся спадом творческой активности депрессия внезапно сменялась горячкой «лихорадочной активности». Я остановлюсь на некоторых психопатологических механизмах и в особенностях на самоанализе Фрейда.

Опираясь на исчерпывающее знание переписки с Флиссом, ее связи с некоторыми снами Фрейда и их интерпретациями, изложенными в «Толковании сновидений», я предполагаю отследить некоторые стороны его самоанализа, сыгравшие существенную роль для его дальнейшей жизни. Я обрисую множество причин и источников предрассудка Фрейда, вынуждавшего его заикливаться на «роковых» рубежах своей жизни, и удивительной устойчивости этого предубеждения, сохранявшегося вопреки постепенному включению Фрейдом проблемы смерти в свою научную деятельность, и сформировавшемуся у него научному мировоззрению, что отразилось в достижении предельной уравновешенности и силы духа, полном отказе от любых иллюзий. Можно полагать, что такое преображение далось Фрейду отнюдь не легко, став результатом неослабевающей внутренней борьбы. Несмотря на то что я рассмотрю в этом ключе многие творения Фрейда, такие его поздние работы, как «По ту сторону принципа удовольствия», где он впервые сформулировал теорию стремления к смерти и некоторые собственные идеи о смерти, получившие окончательное выражение в «Я и Оно», «Экономической проблеме мазохизма» и «Торможениях, симптомах и тревоге», я предполагаю оценить иначе.

СТРУКТУРИЗАЦИЯ

Методам психоанализа Фрейд находил место в самых различных областях человеческой деятельности: образование, антропология, литература, социология — вот лишь немногие из них. В последнее время подобное их использование стало широко распространенным, особенно в США, где прикладной психоанализ приобрел особый размах. Соответственно эта книга адресуется не только изучающим поведенческие дисциплины, но и всем, кто интересуется этими сферами деятельности, что, в свою очередь, вызвало целый ряд затруднений.

Когда я писал эту книгу, то оказался перед выбором: либо следовать принятому Джонсом методу отделения собственно биографического материала от анализа работ Фрейда соответствующего периода, либо опираться прежде всего на хронологический метод. По ряду причин именно ему я и отдал предпочтение. Прежде всего это произошло потому, что такого подхода требует сама идея этой книги. Я полагаю, что жизнь и творчество Фрейда переплелись между собой слишком тесно, не давая возможности поступить иначе.

Чтобы соотнести события жизни Фрейда с его письмами и научными произведениями, пришлось включить в эту книгу некоторые специальные сведения, которые могут несколько затруднить ее понимание теми, кто не очень хорошо знаком с теорией психоанализа. Особенно трудным может показаться, например, мое критическое обсуждение предложенной Фрейдом теории влечения к смерти.

Сложности иного рода проистекают из того, что задуманная мной биография может быть признанной лишь отчасти биографией в традиционном смысле. Неискушенный читатель, скорее всего, незнаком с некоторыми крайне важными фактами из жизни Фрейда; поэтому я постараюсь либо сослаться на доступные источники этих сведений, либо приводить особо существенную биографическую информацию прямо на страницах этой книги.

Три части, на которые поделена книга, соответствуют трем фазам в изменении установок Фрейда касательно проблем болезни, умирания и смерти и их влияния на его жизнь и деятельность.

Часть первая

*Через тернии
к звездам*

Глава 1

АТМОСФЕРА

Биографические исследования редко бывают исчерпывающими. Углубляясь в изучение вопроса, мы вновь и вновь наталкиваемся на неизвестные ранее факты. Так оказалось и на этот раз. Лишь сравнительно недавно обнаружили новые данные (Шайнер, 1968), проливающие свет на события ранних, наиболее значимых лет для развития жизни Фрейда. На них я и остановлюсь подробнее.

РАННЕЕ ДЕТСТВО, ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВО ФРАЙБЕРГЕ

Отец Фрейда, Якоб, родился в 1815 г. в Тисменице, местечке в Восточной Галиции. Это был небольшой городок, насчитывавший всего 6000 жителей, среди которых поляков, евреев и украинцев было примерно поровну¹.

Якоб Фрейд был торговцем шерстью. Он постоянно разъезжал между двумя провинциями Австро-Венгерской империи, Галицией и Моравией², продавая и покупая текстиль. Поскольку в Тисменице жизнь Фрейдов по ряду причин оказалась довольно неустроенной, семья вскоре переехала во Фрайберг³.

Есть ряд серьезных противоречий между информацией, которую приводит об отце Фрейда и его семье Джонс⁴, и сведениями из

¹ В целом в Галиции преобладало польское население, однако ее восточная часть была по преимуществу украинской. Тисменице — польское название городка. Немецкий вариант названия — Тисменитц.

² Невероятно, но, согласно Шайнеру, в Станиславе — месте моего рождения — Якоб Фрейд представлял интересы некоего купца, который на поверку оказался моим прадедом!

³ Согласно книге Р. Джиклхорна «Фрайбергский период в жизни семьи Фрейда» (1969) Якоб Фрейд обосновался в Фрайберге в 1884 г., а не в 1840 г., как утверждает Шайнер (1968).

⁴ Основным информантом Джонса был младший брат Фрейда Александр (1868—1943).

архивов и метрик по Шайнеру. Согласно Джонсу¹ отец Фрейда в шестнадцать лет женился на девушке по имени Салли Каннер. У них родились два сына: Эммануил (1832) и Филипп (1836). После смерти Салли в 1852 г. Якоб примерно год колесил по Германии и, наконец, осел в Вене, где 29 июля 1855 г. женился на будущей матери Фрейда Амалии (родилась 18.08.1835 г.).

Ни Джонс, ни Александр Фрейд не имели в своем распоряжении добытой Шайнером архивной информации. Шайнер провел обстоятельное изучение метрических книг, фиксирующих рождения, смерти, свадьбы и переезды. Благодаря Шайнеру мы обладаем детальным описанием дома, где Фрейд провел первые три года своей жизни.

Факты, полученные из разных источников, свидетельствуют: Якоб и его сыновья Филипп и Эммануил² в 1840 г. обосновались во Фрайберге и прожили там вплоть до 1859-го или 1860 г. Однако о присутствии там Салли — первой жены Якоба Фрейда — не упоминается. Записи о ее смерти тоже отсутствуют, и установить точную дату не удалось³.

В учетную книгу еврейских поселенцев за 1852 г. вписаны следующие члены семьи: Якоб Фрейд, 38 лет, *его жена Ревекка*, 32 лет, его сын Эммануил, 21 года, с женой Марией, 18 лет, и второй сын Якоба Филипп, 16 лет. Эти данные подтверждают, что Ревекка не могла быть первой женой Якоба; Ревекка и Салли — разные женщины, поскольку первая была слишком молода, чтобы быть матерью Эммануила. В реестре приехавших еврейских поселенцев, живших во Фрайберге в 1854 г., Ревекка уже не значится. Таким образом, либо она к этому времени тоже умерла, либо этот брак Якоба окончился разводом.

Дом, в котором был рожден Зигмунд Фрейд, на протяжении четырех поколений принадлежал династии ремесленников. Внизу располагалась мастерская, а на втором этаже было две комнаты. В одной из них жил домовладелец со своей семьей⁴. Во вто-

¹ Здесь я сошлюсь на немецкую версию написанной им биографии, первый том которой был опубликован в 1960 г. В исходном виде первый том работы Джонса вышел в 1953 г. Немецкий вариант содержит некоторые дополнительные сведения о переездах семьи Фрейда.

² Дочь Эммануила Фрейда Берта (род. 22.02.1859 г.) свидетельством о рождении подтвердила, что ее отец — сын Якоба Фрейда и Салли Каннер.

³ Мы не знаем, откуда у Джонса информация, что она умерла в 1852 г. На генеалогическом древе, которое было показано мне Гарри Фрейдом, сыном Александра Фрейда, фиксирован только год ее свадьбы с Якобом Фрейдом — 1831 г.

⁴ По Шайнеру, домовладельца звали Иоганн Заджик (1850—1924), дочь которого и предоставила эту информацию. С ее слов, отец запомнил Зигмунда Фрейда шустрым юнцом, любившим играть в мастерской и мастерившим для себя из обрезков металла маленькие игрушки. Возможно, Иоганн Заджик нередко навещал Фрейда, когда бывал в Вене.

рой комнате уютилось все семейство Фрейда: Якоб, Амалия и дети, Зигмунд (род. 06.05.1856 г.), Юлиус (род. в 1857 г. — умер 15.04.1858 г.), Анна (род. 31.12.1858 г.). Старшие сыновья поселились неподалеку: Филипп — напротив, Эммануил с женой и детьми, Джоном (род. 1854 или 1855 г.), Полиной (род. 1856 г.), Бертой (род. 22.02.1859 г.), — на другой улице. Женщины часто работали в семейной лавке, упаковывая товары, в то время как за детьми присматривала нянька.

Добытые Шайнером сведения очень важны, поскольку позволяют не только лучше понять ту атмосферу, в которой рос и развивался Зигмунд Фрейд, но также отделить «архивную» правду от «семейной легенды»¹. Расхождения между семейной легендой и информацией из архивов и учетных книг могли быть следствием искажения или полного забвения некоторых фактов. Похоже, что, таким образом, исчезли, например, воспоминания о второй жене Якоба Фрейда.

Возникают очевидные вопросы: кто *не мог* не знать об этой свадьбе и кто *возможно* слышал о ней? Конечно, о ней несомненно знал сам Якоб, оба его сына, Филипп и Эммануил, а также жена Эммануила. Мать Фрейда, третья жена Якоба, могла совершенно не знать о своей предшественнице, но это маловероятно. Вряд ли были основания держать ее в неведении, если, конечно, отсутствовали какие-то особые причины скрывать этот факт. Впрочем, в тесном семейном кругу такие вещи утаить крайне сложно. Даже если удастся скрыть сам факт, то атмосфера «секретности» вокруг него наводит на мысли.

Знал ли сам Фрейд о второй жене своего отца? Вероятнее всего, только на подсознательном уровне. Существование такой семейной тайны имеет весьма важное значение, ибо у нас появляются основания внимательнее присмотреться к самоанализу Фрейда и к его письмам, реконструкциям и снам. «Тайна» эта вполне могла направлять его творческую мысль. В этой связи интересно переосмыслить и его теоретические рассуждения о значении смерти для маленьких детей и о том, какое влияние она оказывает, когда они больше узнают о ней в свои ранние годы.

Другое, более важное расхождение «легенды» с действительностью касается жилищных условий семьи Фрейда во Фрайберге. Полученные Шайнером данные обнаруживают и определенные неточности в воспоминаниях Фрейда о своем раннем детстве, которые, главным образом, рождались через самоанализ и сновидения. Я собираюсь подробнее обсудить эти расхождения, подни-

¹ Фрейд и его ученики (например, Ранк) позже пробовали разобраться в запутанном клубке из мифов, легенд и историографии. В конечном итоге Фрейд также пытался отыскать зерно истины в мифах и легендах, послуживших ему пищей для размышления, в таких работах, как, например, «Тотем и табу» или «Моисей и монотеизм» (1939).

маемые ими вопросы и допускаемые ими ответы в 4, 5 и 9-й главах этой книги.

Фрейд комментировал свои ранние годы во Фрайберге не только в автобиографических работах («Ширма памяти», «Автобиографическое исследование»), но и в письмах к Флиссу, в «Толковании сновидений» и в «Психопатологии обыденной жизни». Позже Фрейд с ностальгией вспоминал прожитые им во Фрайберге годы. Ему не хватало чудесной природы, прогулок по лугам и лесам и, несомненно, первых друзей детства. В 16 лет он снова посетил Фрайберг во время коротких капикул, о чем позже подробно написал в «Ширме памяти».

Фрейду не исполнилось и четырех лет, когда его отец решил покинуть Фрайберг (скорее всего, это случилось в 1859 г., но точно неизвестно). По-видимому, сперва Якоб пытался обосноваться в Германии, но в конечном итоге в 1860 г. осел в Вене.

Мы не знаем, каким образом он в то время зарабатывал на жизнь, но похоже, что по-прежнему пытался торговать шерстью. Много позже из писем Фрейда к невесте (1882—1886) стало известно, что в последние годы его отец не раз пытался поправить свое материальное положение, но ни одна из его попыток не увенчалась успехом. Содержать семерых детей (двух сыновей и пять дочерей), родившихся с 1856-го по 1866 г. (не считая Юлиуса, который, родившись в 1857-м, в 1858 г. умер), было совсем непросто. Семейство едва сводило концы с концами. Возможно, некоторую помощь оказывали Эммануил и Филипп, которые, переехав в Манчестер, жили относительно обеспеченно. Соответственно, семья Якоба Фрейда постоянно находилась в весьма стесненных условиях, а порой даже бедствовала.

КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЕВРЕЕВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФРЕЙДА

Джонс считал, что антисемитизм был одной из причин, по которой Якоб Фрейд покинул Фрайберг. Однако документального подтверждения этого предположения у нас нет. В своей книге о раннем детстве Фрейда, появившейся на английском в 1944 г., Бернфельды объясняли такой отъезд прежде всего причинами экономического характера. Шайнер (1968) был склонен разделять эту точку зрения. Впрочем, существовавшее в германском обществе отношение к евреям не могло не оставить особый след в душе Фрейда.

Я уже упомянул, что в Тисменице, где родился Якоб Фрейд, процент еврейского населения был довольно высоким. Населявших его евреев можно было назвать «хранителями культуры»: между собой они общались на идиш, но большинство евреев уме-

ли также говорить и писать по-немецки. Сверх того, им пришлось в определенной степени владеть и польским. Все евреи учили иврит, а некоторые наиболее образованные и достаточно зажиточные владели им настолько, что могли читать написанную на нем Библию. В те времена большинство евреев продолжали носить и традиционный кафтан.

Евреи Моравии были не столь ортодоксальны. Якоб Фрейд был достаточно либеральным и просвещенным человеком, который гордился своим еврейством, но не являлся фанатичным приверженцем традиционных обычаев¹. Сам Фрейд всегда ощущал себя евреем и не раз выражал гордость своим происхождением, что можно видеть по двум нижеследующим примерам. Вот что он написал в предисловии к еврейскому переводу «Тотем и табу»:

«Вряд ли среди читателей найдутся такие, которым окажется легко разделить эмоциональную позицию автора этой книги, пренебрегшего языком Святого Писания, совершенно отошедшего от религии его отцов, как и от любой другой религии, не считающего возможным разделить национальные идеалы, но никогда не отрекавшегося от своих соотечественников и всегда ощущавшего себя настоящим евреем, не желающим сменить свою национальность на какую бы то ни было еще. Если бы его спросили: «После того как вы отвернулись от всего того, что всегда было свойственно настоящему еврею, что же могло в вас от него остаться?» — его ответ был бы таков: «Очень многое. И пожалуй, самое главное». Сейчас он не в состоянии объяснить это «самое главное» с достаточной ясностью, но пройдет какое-то время, и ученые умы несомненно постигнут эту сокровенную суть.

Соответственно, автор испытывает особые чувства от перевода этой книги на иврит, язык тех людей, которым близки исторические образы. Книга к тому же обращена к истокам религии и нравственности, хотя и не совпадает с сформировавшимися у евреев убеждениями и не делает выводов в их пользу. Однако ее автор надеется, что читатели разделят его уверенность в том, что объективная наука не должна находиться в стороне от духа просвещенного еврейского народа».

Примерно двадцать лет спустя, 8 мая 1932 г., Фрейд писал Арнольду Цвейгу, только что обосновавшемуся на той земле, которая тогда еще называлась Палестиной: «Мы произошли оттуда, наши предки жили там веками, и невозможно представить, сколь многое из той жизни навсегда вошло в нашу плоть и кровь». (См. также главу 21.)

¹ Я использовал слово «обычаи» вместо «догмы», поскольку последние в иудаизме играют куда более скромную роль, чем, например, в католицизме.

Пожалуй, ничто не может лучше охарактеризовать мироощущение Якоба Фрейда, чем сделанная им дарственная надпись на Библии, которую он преподнес Зигмунду на его тридцатипятилетие:

«Мой дорогой сын.

Тебе было всего семь лет, когда Бог призвал тебя на путь познания, сказав: «Читай внимательно мою Книгу, и тебе откроется неиссякаемый источник знания и мудрости». Это Книга книг; это отрытый мудрецами бесценный клад, из которого люди столетиями черпали наши законы.

Ты узрел в этой книге лик Всемогущего, внял словам его и высоко воспарил на крыльях Святого Духа. Я сохранил эту Библию для тебя и теперь, в день твоего тридцатипятилетия, передаю ее в знак любви к тебе твоего старого отца».

Эта краткая надпись может многое сказать и об отце, и о сыне. Отец Фрейда тоже вырос с той уверенностью, которая только и позволила еврейскому народу преодолеть века гонений и бед, всякий раз напоминая им, что они — «люди Книги», народ избранный.

Веками евреи видели в Библии источник мудрости. Важнейшим отличием между людьми они почитали отличие тех, кто «познал» этот источник, от тех, кто его «не знает». Человек, написавший такие строки посвящения, несомненно, разделял сокровенную мечту многих еврейских отцов, желавших, чтобы их дети обязательно оказались среди «познавших», пусть даже если им самим и не удалось стать такими. Его желание, безусловно, исполнилось. Фрейд стал именно тем самым «человеком Книги», искателем истины.

В добавленной в 1935 г. к «Автобиографическому исследованию» строке Фрейд говорил: «Как я понял позже, моя глубокая увлеченность Библией (почти с тех самых пор, как я овладел искусством чтения) оказала серьезное влияние на направленность моих интересов».

Мы могли бы добавить, что человек, адресовавший такие строки своему сыну, был, как заметил сам Зигмунд после его смерти, человеком «глубокой мудрости». Соответственно Фрейд получил возможность идентифицировать себя с ним в этом отношении и сформировать соответствующий образ идеального «Я». Это гораздо убедительнее объясняет некоторые характерные черты его личности, чем его собственное «образное» утверждение о древнем наследии, вошедшем в его «кровь и нервы».

Однако существенны и некоторые другие аспекты влияния на Фрейда культуры восточноевропейских евреев. У каждой культуры есть свой собственный идиоматический язык, проявляющийся, к примеру, в шутках или в некоторых суевериях. Фрейд часто обращался к еврейским анекдотам, которыми, как и цитатами

из литературных произведений, постоянно иллюстрировал свою научную позицию.

Некоторые наиболее типичные суеверия, свойственные представителям его национальной культуры, тесно связаны с Библией или еврейской письменностью как в том, что касалось ее орфографической системы, так и системы счисления. Например, одно из возникших из библейских текстов суеверий делит дни недели на «плохие» и «хорошие». Понедельник, второй день недели, считался плохим днем, поскольку Бог, говоря о втором дне творения мира, не упомянул, что «это хорошо». Напротив, после создания на шестой день творения человека Господь сказал: «это очень хорошо». С тех пор пятница и считается очень хорошим днем. Согласно этому суеверию, например, в понедельник не следует отправляться в путешествия или принимать важные решения.

Некоторые типичные суеверия связывались с определенными числами. К примеру, число 18 могло быть истолковано как написанное на иврите слово «жизнь» и, следовательно, было хорошим числом. Число 17 приравнивалось к слову «навсегда». В качестве примера суеверности Фрейда Джонс вспоминал эпизод, как тот некогда рассказывал своей невесте, что, будучи еще мальчиком вытянул в лотерее число 17, соответствующее по своей сути слову «постоянство» (на немецком «beständigkeit» — устойчивость, стойкость, неизменность), и их помолвка состоялась именно 17-го числа. На протяжении многих лет они праздновали этот день. Я практически уверен, что в основе повышенного внимания Фрейда к числу 17 лежало именно древнее суеверие.

Число 52 истолковывалось как «пес» и, следовательно, считалось плохим числом. Соответственно 52-й день рождения тоже считался «критическим» — особенно для мужчины (также см. главу 5).

Если еврея спрашивали о возрасте члена его семьи или возрасте какого-либо другого близкого ему человека, то, отвечая на вопрос, он наряду с сообщаемым возрастом неизменно добавлял «до 120», подкрепляя этой уловкой свою надежду, что именно так долго тот, о ком его спрашивали, и проживет.

Другим важным числом считалось «36», соответствовавшее комбинации еврейских букв «Ламед» и «Вов». Согласно хасидскому сказанию, на Земле всегда должно оставаться 36 святых людей. Если один из них умирает, то Бог тут же заменяет его другим — обычно мальчиком из бедной, простой семьи. Присутствие же всех 36 праведников защищает человечество от уничтожения за его грехи. Если некий человек особенно одарен и просвещен, то его называют «Ламед-вовник»: это слово образовано комбинацией упомянутых символов. Само число 36 осталось непознанным, но 36 — это два раза по 18, а 18, как уже упоминалось, приравнивается к слову «жизнь».

Можно не сомневаться, что семья из Тисменице была хорошо знакома с такими умозаключениями, поскольку этот город был тесно связан с династией хасидских раввинов.

Позже я подробно коснусь предрассудка Фрейда, который вынуждал его задумываться о якобы предопределенной продолжительности его собственной жизни. Скорее всего, именно описанные «культурные» суеверия оказались среди множества факторов, обусловивших появление этого предрассудка. В письме, где приводился яркий пример проявления такого предрассудка, Фрейд отмечал: «Вы найдете подтверждение... еврейского происхождения моего мистицизма»¹ (см. главу 5). В этом контексте следует вспомнить об одном важном для затронутой мною темы эпизоде, Фрейд привел его на страницах «Толкования сновидений». Прочитую лишь наиболее существенный отрывок, где он вспоминает о своем сне и размышляет об ассоциациях к нему:

«Я зашел на кухню в поисках съестного. Там находились три женщины, и одна из них — хозяйка — что-то вертела в руках, словно готовя клецки. Она ответила, что я должен подождать, пока все будет готово... Я ощутил нетерпение и с чувством обиды вышел из кухни... Когда я начал анализировать этот сон, я вдруг совершенно неожиданно вспомнил первый прочитанный мною роман (кажется, мне было тогда тринадцать)... Я очень хорошо помню, чем он заканчивается. Герой этого романа... постоянно повторял имена трех женщин, с которыми были связаны величайшие в его жизни счастье и страдание... В этой связи эти три женщины напомнили мне трех Парок, плетущих нить судьбы человека. И одна из тех трех женщин — хозяйка из сна — была матерью, дающей жизнь и, сверх того (как это было в моем случае), первую пищу. Любовь и голод, как я думаю, пересеклись в образе женской груди.

...Одна из Парок что-то вертела в руках, словно готовила клецки, — нетипичное занятие для богини, требующее объяснений. Их я нахожу в других своих воспоминаниях, относящихся к еще более раннему детству. Тогда мне было шесть лет, и мать преподавала мне первый урок. Я был поставлен перед фактом, что

¹ Вопрос влияния еврейской мистической традиции на Фрейда в свое время был исследован в книге Д. Бакана «Зигмунд Фрейд и еврейская мистическая традиция» (1958). В рамках этой книги я не могу обсуждать выдвинутые там предположения. Однако в свете внимания к культурным истокам предрассудка, связанного с числами Фрейда, весьма существенным представляется тот факт, что на страницах этой книги особенно подчеркивалась связь между каббалистической криптографией и нумерологией Фрейда. Также может быть существенным то обстоятельство, что свое письмо к Юнгу, в котором Фрейд намекнул о еврейской природе своего мистицизма, он начал с «посвящения» Юнга в ранг своего наследника и кронпринца.

все мы сотворены с помощью земли и в нее же должны вернуться. Мне это не слишком понравилось, и я позволил себе возразить. И вот тогда моя мать сделала такое же движение руками, как та женщина из сна, и в доказательство своей правоты продемонстрировала мне черные, отшелушившиеся от трения частички кожи. Потрясенный столь убедительным доказательством, я вынужден был согласиться с материнским утверждением, которое я впоследствии услышал выраженным во фразе: «Ты тоже смертен, как и все живое»¹. Таким образом, те женщины из сна действительно были Парками. Я встретил их, направляясь на кухню, как часто поступал в детстве, когда был голоден, а моя мать, стоявшая у плиты, всякий раз одергивала меня, напоминая, что я должен подождать обеда».

Ориентируясь на материалы автобиографии Фрейда, мы можем считать, что он был знаком со строками Книги Бытия «Из праха создан, в прах и обратишься» еще до того, как прочел Шекспира. Таким образом, мысль о неизбежности смерти рано запала ему в душу, и именно при непосредственном участии матери!

Мотив же трех Парок с тех пор не раз повторялся в рукописях Фрейда.

ДОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Нам крайне мало известно о жизни Фрейда с 1860-го по 1873 г. — год окончания им гимназии. Он был одним из лучших учеников, почти всегда первым в классе. В конце этого цикла обучения каждый ученик обязан был успешно пройти сложный письменный и устный экзамен, называвшийся «Matura», прежде чем ему позволялось выбрать какой-либо университетский факультет.

В автобиографии Фрейд упоминал, что в свои ранние гимназические годы под влиянием старого друга² подумывал изучать законы и участвовать в общественных движениях. То, что вместо этого он решил заняться медициной, Фрейд объяснял влиянием на него трудов Дарвина и эссе Гёте «Природа».

Круг его студенческих интересов вряд ли можно назвать заурядным. Уже в первый год обучения он прослушал курс «Биология и дарвинизм» зоолога Карла Клауса, последователя Геккеля, одного из первых и наиболее убежденных сторонников эволюции.

¹ В дальнейшем мы увидим, что Фрейд не раз использовал эту цитату (с такой же ошибкой) в некоторых своих письмах. Очевидно, это навеяно обращением принца Генриха к Фальстафу из «Генриха IV»: «Ты обязан Богу смертью».

² Виктор Адлер, позже — лидер Социал-демократической партии Австрии.

онного учения Дарвина. Именно Геккель сформулировал фундаментальный биогенетический закон «онтогенез повторяет филогенез», занявший позже особое место в генетическом мышлении Фрейда.

Медицинское образование Фрейда затянулось на восемь лет вместо нормативных пяти или пяти с половиной, поскольку еще студентом он занялся исследовательской работой, сперва в Институте сравнительной анатомии Клауса, а с 1876 г. в Институте физиологии, во главе которого стоял Брюкке. У Клауса Фрейд написал свои первые статьи, в Институте физиологии познакомился с Брюкке и его ассистентом Фляйшлем. Там же он повстречал и Йозефа Брейера.

Работая в Институте Брюкке, Фрейд вплотную подошел к открытию того, что нейрон (структура, образованная нервной клеткой с отходящими от нее отростками) является анатомической и функциональной единицей нервной системы. Это открытие позже принесло Вальдейеру мировую известность.

Фрейд получил степень доктора медицины 31 марта 1881 г., однако задержался в Институте Брюкке еще на год. Окончательно эти стены ему пришлось покинуть, поскольку молодой врач был недостаточно обеспечен и к тому же еще и был евреем. По тем же причинам не обещала быть успешной и академическая карьера. На эти сложности Фрейду вполне недвусмысленно указал Брюкке. Таким образом, молодому врачу в любом случае пришлось бы покинуть этот институт, где он чувствовал себя почти как дома, даже если бы он и не влюбился в Марту Бернейс, помолвка с которой произошла 17 июня 1882 г.

Упомянутые события вынудили Фрейда пересмотреть свои планы на будущее. Так он стал интерном при больнице широкого профиля, а 1 января 1884 г. перешел в отделение первых болезней. Параллельно он работал в лаборатории знаменитого невролога Мейнерта. Он поставил перед собой задачу стать приват-доцентом в невропатологии и начать частную практику.

Звание приват-доцента имело в Вене немалый вес. Оно утверждало его обладателя как специалиста и консультанта, предполагая при этом и более высокое жалованье. Фрейд добился этого в 1885 г. и в тот же год, получив субсидию, приобрел возможность на полгода отправиться в Париж в знаменитую клинику «Сальпетриер», которую возглавлял Шарко — самый известный в те годы европейский психоневролог.

Написанные Фрейдом в тот период статьи неизменно обнаруживали его острый ум, способность делать далекоидущие выводы, скрупулезность и настойчивость. В те годы Фрейда привлекало и изучение фармакологических свойств кокаина, что, вообще говоря, находилось далеко от сферы его основных научных интересов.

Вскоре он обнаружил его обезболивающий эффект, стимулирующее влияние на эмоциональную сферу, а также качества кокаина как анестетика. Более всего его интересовали первые два свойства. Он очень надеялся, что кокаин найдет широкое применение и окажется весьма полезен при желудочных расстройствах, морской болезни, неврастении (в те годы частый диагноз), невралгии тройничного нерва, ишиасе и многих других недугах. Он также надеялся, что кокаин сможет избавлять людей от пристрастия к морфию, и намерен был это доказать на примере своего друга Фляйшля, упомянутого выше ассистента Брюкке. Фрейд тогда еще не знал, что кокаин может вызывать еще более опасное привыкание.

Не интересуясь анестетическими качествами кокаина, Фрейд поведал о них двум своим друзьям-офтальмологам, Кенигштейну и Коллеру. Именно Коллер и оказался первым, кто с успехом использовал это свойство, став «отцом» местной анестезии.

Впоследствии Фрейда жестоко критиковали за то, что он ввел в обиход этот опаснейший наркотик и долгое время упорно отказывался признать, что он может вызывать привыкание. В течение нескольких лет временами он принимал его и сам. Позже он использовал его в компрессах при лечении синусита. Фрейд справедливо утверждал, что кокаиновая зависимость может возникнуть не у каждого, а только у тех, кто особым образом к ней предрасположен. По счастью, сам он оказался не из их числа¹.

Можно ли было представить тогда, что по прошествии десятилетия Фрейд станет тем, кто изменит человеческую историю? Чувствовал ли сам он, что ему суждено свершить «невозможное»? Его научная деятельность на тот момент не предвещала такого поворота событий. Но в его письмах мы можем отыскать уже некоторые предпосылки к нему. Одно из писем, опубликованное в подборке от 1960 г., Фрейд написал в 17 лет своему другу детства (он писал его в перерыве между письменным и устным гимназическими экзаменами). Оно уже обнаруживает его способность к самонаблюдению:

«Ты воспринимаешь мои «заботы о будущем» слишком беспечно. Люди, которые, как ты говоришь, не боятся ничего, кроме посредственности, — в безопасности. В безопасности от чего? Разумеется, не от того, чтобы стать посредственностями. Разве в том дело, боимся мы чего-либо или нет? Не кажется ли тебе, что главный вопрос здесь должен был бы звучать иначе — имеют ли наши страхи под собой реальную основу? Не секрет, что и великие умы тоже ловят себя на сомнениях, но разве следует из этого то, что

¹ Этот вопрос я предполагаю обсудить позже, когда речь пойдет о никотиновой зависимости Фрейда.

каждый, кто сомневается в своих способностях, — человек великого ума? Возможно, кто-то не слишком умен, но в то же время он вполне может считаться достойным человеком из-за своей образованности, упорства и даже самоотверженности. Я отнюдь не намерен советовать тебе, оказавшись перед выбором, решительно отбросить все чувства, но если ты сделаешь так, то убедишься, сколь в малом ты можешь быть уверен. Все-таки прелесть нашего мира именно в богатстве возможностей, несмотря на то что оно, к сожалению, не самая надежная основа для самопознания».

Второе письмо позволяет предположить, что уже студентом-медиком Фрейд был убежден, что станет не только человеком Книги, но и пера. Посылая другу две копии своих первых публикаций, он писал:

«Я... посылаю тебе собрание моих работ, не полное, разумеется, как я имею основания полагать, ожидая правки третьей и будучи увлечен четвертой и пятой, которые завораживают мой ум, словно тени английских королей Макбета».

С 1882-го по 1886 г. особое место в жизни Фрейда заняла его помолвка с Мартой. К удовлетворению будущих биографов и критиков, но к глубокому разочарованию самих влюбленных, большую часть этого времени им пришлось провести вдали друг от друга. Фрейд писал ей почти каждый день¹. Эти письма, как, впрочем, и многие другие написанные им, были признаны высоким образцом литературного искусства. (Фрейд, который на протяжении своей жизни совсем не часто получал общественные награды, в 1930 г. был награжден премией Гёте по литературе.) Некоторые из них особенно ярко обнаруживают необыкновенную силу и выразительность его письменного слова, иные предоставляют биографу прекрасную возможность проследить преемственность его творчества. Многие выдвинутые в них идеи получили свое обстоятельное воплощение лишь по прошествии многих десятилетий.

В это время Фрейд с головой погрузился в свою исследовательскую работу. При этом он также подумывал о возможности обосноваться где-нибудь в маленьком городке в качестве терапевта, чтобы ускорить свою свадьбу, поскольку ему постоянно не хватало денег. По счастью, он имел друзей, которые всегда были рады помочь ему материально: Брейер, его старый преподаватель религии Хаммершлаг, а также его коллеги и друзья Панес и Фляйшль.

¹ Марта, жена Фрейда, сохранила всю переписку и забрала ее с собой, когда в 1938 г. семья вынужден была покинуть Вену. Множество выдержек из нее было опубликовано Джонсом в первом томе биографии.

Когда своими планами он поделился с Мартой, она настоятельно посоветовала ему лучше подождать, чем жертвовать научной карьерой. То, что Фрейд стоял тогда перед сложным выбором, видно из отрывков письма от апреля 1884 г.:

«Скорее всего, ты всерьез восприняла то, что я тогда сказал. Пожалуйста, не переживай; я не стану приносить тебе жертв, принося которые тебе будет нелегко. Поверь, естественно, что я больше возражаю против затянувшегося ожидания. Я переношу его хуже тебя; общезвестно, что невесты всегда счастливее женихов. Так что я решился на подобную карьеру прежде всего ради себя... Я не зайду особенно далеко, так что в ближайшие два года решительных изменений с нами, скорее всего, не произойдет. В лучшем случае произойдут незначительные перемены в моем положении в обществе. Это не потребует от меня никаких усилий... Вдобавок... в одной из научных областей я достаточно независим, чтобы добиться успехов без какой-либо особой поддержки или помощи. Я имею в виду мои познания в области нервной системы... Так что миру не просто будет позабыть мое имя. Я не очень амбициозен, но я и без того знаю себе цену.

Если в Германии¹, то я, конечно, думал о Нижней Австрии, Моравии или Силезии.

В настоящее время я в любом случае по-прежнему готов к борьбе и не намерен проиграть битву за будущее в Вене. «Борьба за существование» все же означает для меня борьбу за существование именно здесь. Однако перспективы стать доцентом следующей зимой представляются мне весьма зыбкими».

Подобные перепады настроения в пределах одного письма наблюдались довольно часто, когда Фрейд бился над формулированием своих новых открытий. Фрейд не признает себя амбициозным, но при этом оговаривается, что, несмотря на это, сам прекрасно знает себе цену. Подлинные амбиции состояли для него в следовании высокому внутреннему стандарту.

Годом позже у него появился шанс повысить и упрочить свое положение в госпитале, где он работал, а также возможность получить стипендию для работы в парижской клинике Шарко. Это значило для него найти упомянутую ранее «надежную» работу. Он писал: «Большинство людей посчитало бы непростительной глупостью упустить работу, которую мне предлагали месяц назад. Однако искушающий человека демон по большей части есть он сам. Не следует приниматься за что-либо, если не чувствуешь к этому внутреннего стремления». В последующие годы он нередко упоминал о своем внутреннем демоне.

¹ Имеется в виду возможность начать здесь медицинскую практику.

Это время было также и временем болезней и печали. В 1884 г. Фрейд, по-видимому, перенес легкую форму тифа¹. В 1884 г. он несколько недель страдал от ишиаса. Ему предписали постельный режим, но вскоре это ему так надоело, что он решил «не связываться с ишиасом больше никогда». Ввиду позднейших утверждений о склонности Фрейда к ипохондрии крайне важно привести здесь его описание следующего эпизода:

«О принцесса, попробуй догадаться о произошедшем со мной. Готов спорить — угадать не получится. Приготовься услышать самое невероятное. В это утро я лежал в постели, ужасно страдая, и глядел на себя в зеркало до тех пор, пока вид моей включенной бороды не заставил меня содрогнуться. Это чувство нарастало и нарастало, пока, наконец, не перешло все границы. Я решил: «Больше никакого ишиаса, снова стать человеком, пожертвовать роскошью быть больным». В мгновение ока я был одет и, уже сидя у цирюльника, буквально вздохнул от облегчения, вновь увидев себя аккуратно подстриженным. Погода была великолепная, и я с удовольствием погулял в саду. Становилось все лучше и лучше, после теплой ванны я вполне уже мог ходить. Бросился в лабораторию, приготовил ум к работе, после обеда играл в шахматы и после краткого визита профессора Х. решил навестить его в тот же вечер, что и сделал. Гостеприимный хозяин был чем-то озабочен и вскоре выставил меня, однако вопреки всему я снова в седле, хотя и утомлен, что понятно. Главное, что я вновь могу работать и, кроме того, мне необыкновенно приятно от того, что именно я так решил. Таковы факты. На следующий день боли при ходьбе конечно же вряд ли исчезнут полностью, однако если они будут не сильнее, чем после моей сегодняшней отчаянной попытки, то я вполне смогу работать и вскоре все будет хорошо.

Спокойной ночи, моя маленькая принцесса, и больше ни слова об ишиасе...»

В апреле 1885 г. Фрейд, возможно², перенес легкую форму оспы. Вот как он это описывал:

¹ В те годы не было возможности проводить бактериологические и серологические тесты, поэтому большинство желудочно-кишечных лихорадочных расстройств классифицировались как «легкая форма тифа».

² Здесь я вновь говорю — «возможно». Случаи оспы в то время наблюдались довольно часто, и диагноз ставился без проведения каких-либо специальных тестов. Однако никогда почти не бывало, чтобы даже легкая форма оспы не оставила на коже больного характерных рубцов (оспин). Под приведенное Фрейдом описание подпадает множество различных инфекций, сопровождающихся поражениями кожи. Это могла быть и действительно крайне ослабленная форма оспы, возможная у человека, вакцинация которого проводилась без соблюдения должных временных интервалов.

«Суббота, 25.04.1885 г.

Моя любимая Марточка!

Люстгартен, мой врач, нашел для меня возможность написать тебе письмо. Вместе с конвертом оно пролежало несколько часов в сухом стерилизаторе при температуре 120 градусов, чтобы, кроме этих строк, к тебе ничего не попало. Как ты считаешь, приемлема ли для нас такая цензура?..

У меня настоящая оспа, правда, не совсем такая, какой ты представляла ее в детстве. У меня нет ни одной пустулы, только пять маленьких бугорков на коже да дюжина характерных узелков, которые еще меньше. Нет никаких уродств, рубцов, жара и т. п. Я даже не лежу в постели, однако я действительно болен, временами невероятная слабость, у пищи вообще нет никакого вкуса, а читать могу только утром. Вторая половина дня особенно мучительна из-за слабости, тревоги и неспособности работать; к вечеру вновь становится немножко лучше... и все-таки в целом я вполне доволен, прежде всего, потому, что мое истощение не носит психологического характера, а является результатом болезни, а во-вторых, поскольку эта болезнь, с которой я должен, как медик, в конце концов найти общий язык, все же не слишком сурова по отношению ко мне».

После этого эпизода Фрейду пришлось пройти через своего рода карантин. Возможно, это обстоятельство придало ему дополнительной решимости в намерении уничтожить все свои записки и рукописи. 28 апреля 1885 г. Фрейд писал:

«Это был плохой, тяжелый месяц. Как я рад, что он заканчивается! Я весь день ничего не делаю; временами листаю историю России да наблюдаю за двумя обедающими репой кроликами. Впрочем, одно из своих намерений я уже почти осуществил; много лет спустя пока еще не родившимся людям оно явно придется не по вкусу. Поскольку ты не догадаешься, о ком я говорю, то объяснюсь: я говорю о моих будущих биографах. Я уничтожил все мои записи за последние 14 лет: письма, научные заметки и рукописи моих статей. Сохранилась только семейная переписка. О твоих письмах, моя дорогая, говорить не приходится; они неприкосновенны.

...Я не находил себе места при мысли о том, что мои бумаги могут оказаться в чужих руках. Кроме того, все, что произошло до поворотного момента моей жизни, до нашей встречи и моего выбора профессии, давно уже мертво, и я не мог отказать воспоминаниям о тех далеких годах в праве на почетные похороны. Что касается биографов, то почему бы не позволить им посуетиться, ведь мы же не стремимся сделать их задачу слишком легкой. Разумеется, каждый из них будет уверен в

справедливости своего мнения о «Пути развития героя», и я уже сейчас с удовольствием предвкушаю, насколько далеки они будут от истины».

Разве не звучат эти строки так, словно Фрейд почему-то догадывался, что по прошествии некоторого времени его персона окажется в центре внимания многочисленных биографов? К несчастью, Фрейд повторял подобную церемонию «очищения огнем» еще не один раз: в 1915 г. он сжег некоторые из своих метапсихологических работ, а в 1938 г., перед тем как покинуть Вену, уничтожил значительную часть своей переписки и рукописей.

В тот же период Фрейд пережил смерть и самоубийство близких ему людей. Минна, сестра Марты, была помолвлена с Шенбергом, другом Фрейда. Он заболел туберкулезом¹. В июне 1885 г. Фрейд понял, что Шенберг неизлечим: туберкулез, уже поразив горло, вошел в заключительную стадию. Шенберг навестил Минну в последний раз, и Марта тоже догадалась, что он обречен. 23 июня 1885 г. в письме к Марте Фрейд писал:

«Только что я получил твое долгожданное письмо с прискорбными ожидаемыми известиями, видимо, наши мнения в основном сходятся. Он [Шенберг] не может сейчас жениться на ней, и это совершенно понятно; он не сможет это сделать, если болезнь не отступит, но ему не следует видеть ее чьей-то женой, если он останется жив. Что здесь можно сделать? Он решил разорвать помолвку прямо сейчас, ввиду возможного трагического исхода, что явно было не обязательно. Сама же Минна не пожелает ничего другого, кроме как остаться с ним до самого конца. Мне кажется, что и ты не поступила бы иначе, не покинула бы меня, коль скоро и я стоял бы на пороге смерти. Я же ни за что бы не отказался от самого ценного в моей жизни, пока она у меня есть...»

Несколькими неделями позже Фрейд писал:

«Поскольку ты видела его [Шенберга] недавно, я не буду рассказывать тебе, как он сейчас выглядит — бескровный, исхудавший, едва дышащий. Одно его легкое окончательно уничтожено болезнью, другое, возможно, тоже сильно поражено. Думаю, с ним все кончено; рано или поздно сгорят и эти жалкие остатки...

Для нас он в любом случае потерян. Его измученный дух ослаб; энтузиазм в достижении цели, страсть и вдохновение, кото-

¹ Аналогичная трагедия, похоже, случилась и с другом и благодетелем Фрейда Панесом. Туберкулез был очень распространен тогда в Вене. Когда я был студентом, он назывался «венской болезнью». Тогда мало кому удавалось излечиться от нее.

рыми человек окружает женщину своей мечты, — все это предполагает хорошее здоровье. Когда конец близок, интересы сужаются, желания уходят и не остается ничего, кроме усталости... и стремления к покою... Он спросил меня: «Я ведь правильно поступил?» И я вдруг понял, что был не прав и его любовь уже умерла, умерла раньше его. И все же я не могу понять, как он смог отказаться от всего, что имело для него такое значение: работа, положение, независимость от брата, личная воля. Конечли это долгой и тяжелой борьбы или знак душевного расстройства?»

Незадолго до смерти у Шенберга наступил краткий период эйфории, который иногда случается в последней стадии туберкулеза. Он говорил о своей надежде, что Минни сможет забыть его, поясняя: «Разве тебе не кажется, что бремя такого союза слишком велико для меня? Да, это начинает заявлять о себе мой эгоизм, но все, чего я действительно хочу, — продержаться еще несколько лет». Оценивая эти слова, Фрейд писал:

«Прогноз его дальнейшего состояния остается тем же, независимо от текущего улучшения.

Вечером я задумался, что, если бы серьезный недуг сделал бы нашу женитьбу невозможной, мы бы повели себя иначе. Долгое время я ощущаю тебя своей неотъемлемой частью, и я бы никогда не смог расстаться с тобой; я бы смирился с тем, что ты бы страдала со мной и из-за меня, и я сомневаюсь, что ты, моя малышка, поступила бы по-другому. Человеческая жизнь превращается в существование, когда остается единственное желание — желание еще пожить».

После смерти Шенберга в начале 1886 г. Фрейд писал Минне:

«Твой грустный роман подошел к концу, и когда я об этом размышляю, то не могу не признать: хорошо, что известие о его смерти появилось во время столь долгого перерыва в ваших отношениях.

...На мой взгляд, эта болезнь больше всего страшна тем, что уничтожает человека прежде, чем начинает его мучить. Можешь ли ты представить себе, какая перемена должна была в нем произойти до того, как он мог так неправильно оценить свое состояние, как то было в его последние месяцы? Всякий, кто страдает от такой болезни, питает определенные надежды на скорое выздоровление. Каждый раз, когда от лежащего в госпитале пациента приходилось слышать, что он чувствует себя хорошо и что его пора выписывать, мы понимали, что через сутки он умрет. Природа не всегда столь благосклонна к своим жертвам...»

Природа не была столь же «благосклонна» и к Фрейду, когда пришло его время, но в ту пору он уже не нуждался в ее милости.

Хотя за такими письмами мы легко можем угадать личность Фрейда в его более поздние годы, но вместе с тем мы можем заметить и испытывавшееся им острое чувство незащищенности. Фрейд описывал, как ему удалось привлечь внимание Шарко, продемонстрировав свое знакомство с его публикациями. В результате Шарко попросил одного из своих ассистентов исследовать одного из пациентов вместе с Фрейдом. Фрейд продолжал:

«...С тех пор отношение этого ассистента ко мне изменилось... После того как мы решили отложить заключительный осмотр до четырех часов вечера, он пригласил меня (!) отобедать с ним и несколькими другими докторами из клиники — в качестве своего гостя, разумеется. И все это в ответ лишь на намек со стороны мастера! Но сколь тяжело далась мне эта маленькая победа и как легко это для Рикетти! Я считаю большой неудачей, что природа не одарила меня тем неувольнимым качеством, которое обладает свойством привлекать к себе других людей. Мне кажется, что именно его отсутствие в наибольшей степени закрывает мне путь к безмятежному существованию. Мне всегда было очень непросто отыскать друга. Как долго мне пришлось бороться за расположение моей драгоценной девочки, и каждый раз, когда я встречаю кого-то, то ощущаю вначале некий неосознанный им импульс, побуждающий его недооценивать меня. Возможно, это вопрос взгляда, или чувства, или же иного секрета природы; что бы то ни было — на другого это оказывает глубокое отрицательное воздействие. Меня утешает лишь верность тех, кто оказался в числе моих друзей».

Марта, должно быть, возражала против столь низкой самооценки, на что Фрейд ответил еще более углубленным самоанализом:

«Твои слова так очаровательны и чутки, что всякий раз, когда я имею возможность услышать тебя, я ощущаю умиротворение. Не знаю, как тебя и благодарить...

...Я продолжу писать о твоей критике моей жалкой личности. Задумывалась ли ты, как странно устроен человек, что способности часто являются предвестником падения, а изъяны служат залогом благополучия и процветания?.. Но если бы этот день должен был бы оказаться последним для меня и некто спросил бы меня, как я жил, то услышал бы, что вопреки всему — бедности, долгой борьбе за успех, малому признанию окружающих, нервозности и тревогам — я все же считаю, что был счастлив, уже просто предчувствуя очередной день, что проведу вместе с тобой, из-за уверенности, что ты любишь меня...

Ты действительно находишь меня привлекательным? У меня же на этот счет серьезные сомнения. Мне кажется, люди видят во мне нечто чуждое им. Возможно, подлинная причина в том, что в свои юные годы я никогда не был молодым, а потому теперь, когда вступил в зрелый возраст, я не могу стать старше. Было время, когда все мои помыслы были сосредоточены на учебе и я постоянно чувствовал обиду, что Природа не смиростивилась отметить меня печатью гениальности, как она порой поступает с другими. Теперь мне совершенно ясно, что я не гений, и не могу понять, как я мог когда-то даже мечтать стать им. Я даже не слишком одарен; возможно, моя способность работать прежде всего определяется моим характером при отсутствии выраженной интеллектуальной слабости. Но я знаю, что такое сочетание весьма благоприятно для постепенного достижения успеха и при благоприятных условиях я, возможно, мог бы... достичь уровня Шарко. Я не могу сказать, что это осуществимо, поскольку у меня отсутствуют столь благоприятные условия, равно как и гений с силой, чтобы создать их. Однако вернусь к тому, на чем остановился. На самом деле я хотел сказать совсем о другом. Я хотел объяснить причину моей неприступности и резкости по отношению к незнакомым людям. Это лишь результат подозрительности, которая сформировалась у меня от общения с посредственными и дурными людьми. Однако по мере того, как я буду становиться все сильнее и независимей, эти качества будут у меня постепенно исчезать. Мне всегда отрадno сознaвать, что люди, находящиеся ниже меня или же равные мне, не считают меня неприятным. Так считали лишь те, кто в том или ином отношении находился выше меня. Возможно, нелегко об этом догадаться, но еще в гимназии я всегда находился в жесткой оппозиции к своим учителям; я всегда был готов отстаивать правое дело, не считаясь с опасностью для себя лично. Зато когда я заслужил право занять в своем классе привилегированное положение, когда мне все доверяли, у них больше не было оснований упрекать меня.

Знаешь, что однажды сказал мне Брейер? Я был так тронут услышанным, что в ответ раскрыл ему тайну нашей помолвки. Он рассказал, что открыл для себя, что под моей внешней застенчивостью скрывается отчаянная смелость и бесстрашие. Я тоже всегда так думал, но никогда не осмеливался говорить об этом. Я часто ощущал, что унаследовал всю ту отвагу и страсть, с которой наши предки защищали свой Храм, и ради великого дела был готов не задумываясь отдать свою жизнь. В то же время я всегда чувствовал свою беспомощность и неспособность выразить эти бушующие страсти даже в слове или стихотворении. Поэтому я всегда сдерживаю себя и полагаю, что со стороны это бросается в глаза».

Фрейд всегда утверждал, что обязан своим успехом упорству, а также интеллектуальной и душевной отваге, не позволявшей ему пасовать перед трудностями.

В одном из писем к Флиссу Фрейд говорил о своем темпераменте как о темпераменте «конкистадора», указывая на свойственную таким людям любознательность, отвагу и упорство (см. главу 6).

То, что одновременно Фрейд отказывал себе в способности влиять на людей, может только удивить. Еще более удивительно, что он придерживался аналогичных взглядов и позднее. В 1907 г. в письме К.-Г. Юнгу он говорил: «Я окончательно убедился, что все в моей личности, мои слова и идеи вызывают в людях неприятие, тогда как для Вас их сердца открыты». Не бурный успех, но обстоятельный, неустанный самоанализ освободил Фрейда от подобных тревог.

Следует вспомнить еще одно письмо. В 1883 г. один из коллег Фрейда покончил жизнь самоубийством через месяц после своей свадьбы. Фрейд подробно рассказал об этом Марте. Черту своим рассуждениям он подвел следующим образом: «...необычайно тщеславный человек... погибший, по сути, из-за своего характера, из-за патологической самовлюбленности, сочетавшейся с претензиями на особое место в этой жизни». Я привел эти слова, поскольку после смерти Фрейда нередко звучало мнение, что, страдая от рака, он якобы подумывал о самоубийстве.

В сентябре 1886 г. Фрейд наконец женился. Это событие обозначило важную веху в его жизни. Далее последовал относительно длительный период консолидации и постепенного развития его идей. Фрейд самостоятельно описал этот переходный процесс в двух своих автобиографических работах («К истории психоаналитического движения», «Автобиографическое исследование»). В первом томе биографии подробно остановился на этой теме и Джонс. Поэтому я отмечу лишь основные факторы, сыгравшие значительную роль на этом этапе его жизни.

Прежде всего, следует подчеркнуть важность влияния на Фрейда Йозефа Брейера, с 1880-го по 1882 г. впервые проводившего так называемую систематическую психотерапию тяжелого случая истерии. (В принятых ныне терминах состояние его пациента можно диагностировать как «пограничное».) Джонс утверждал, что Фрейд явно переоценивал влияние Брейера на его работы.

Мы не знаем, действительно ли Фрейд *переоценивал* роль Брейера, но, исходя из чувства глубокой учтивости, он, возможно, мог *преувеличивать* ее. Возможно, Джонс недооценил вклад Брейера. Ведь именно последний указал Фрейду на психическую обусловленность истерии, как и на то, что изначальная душевная травма чаще всего не осознается. Брейер многое рассказал Фрейду об исследованном им случае и предоставил возможность озна-

комиться со своими обширными записями. Однако в том, что от такой посылки получила стартовый импульс революция в психологии, безусловно, заслуга гения самого Фрейда, его безмерной отваги и решительности.

Благодаря Шарко Фрейд понял, что к истерии следует подходить всерьез. Ее нельзя считать симуляцией, а ее симптомы могут быть воспроизведены в состоянии гипноза. Он также пришел к мысли, что в серьезном отношении к изучению гипноза нет ничего дискредитирующего. Непреклонная решительность и, возможно, чувство протеста против косного авторитета медицинского «истеблишмента» Австрии и Германии привели Фрейда в 1889 г. в Страсбург, где он несколько недель посвятил изучению гипноза у Бернгейма, — предприятие, учитывая то, что Фрейд едва начал сводить концы с концами, предполагавшее серьезный финансовый риск. В результате он не только улучшил свою технику гипноза, но также «вынес глубокое впечатление от возможности существования мощных психических процессов, остающихся скрытыми от сознания человека». Сперва Фрейд практиковал гипнотическое внушение, но вскоре последовал примеру Брейера и побуждал пациентов, находящихся в гипнотическом трансе, рассказывать о своем прошлом.

В то время, пока он скрупулезно собирал опытные данные, вышел его перевод работ Бернгейма (1888—1889 и 1892), важнейшая монография «Афазия» (1891), оцененная по достоинству лишь много позже, и, наконец, монография о детских церебральных параличах, написанная в соавторстве с О. Рие (1891). С накоплением достаточных объемов клинических наблюдений Фрейд предложил Брейеру вместе трудиться над созданием «Очерков об истерии» (1893—1895).

Этой книгой психоанализ впервые заявил о себе как о научной дисциплине. Как способ лечения он начал применяться Фрейдом после отказа от применения гипноза и перехода к использованию метода свободных ассоциаций. В следующие восемь лет ему предстояло достичь принципиальных успехов, путь к которым лежал через мучительные сомнения.

Глава 2

СИМПТОМЫ ЗАБОЛЕВАНИЯ СЕРДЦА И БОРЬБА ФРЕЙДА С НИКОТИНОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Одна из целей этого исследования предполагает наблюдение над постепенным изменением характера реакций Фрейда на полные стрессов и опасностей обстоятельства, в которых он оказался. Такое изменение позволило ему предотвратить превращение крайне тяжелой для него ситуации в травматическую. Необходимо также рассмотреть пути преодоления Фрейдом подобных ситуаций.

Во вступительном слове я упоминал о переписке Фрейда с Флиссом и подчеркнул ее огромную важность для понимания нами развития психоанализа как науки и Фрейда как личности. Я также подчеркнул особое значение самоанализа Фрейда с 1892-го по 1902 г.

Отношение Фрейда к Флиссу, как это следует из их переписки, носило очень сложный и глубокий характер и играло важную роль в его самоанализе. При этом некоторые наиболее интимные аспекты этой переписки порой очень напоминали процесс свободного ассоциирования в рамках сеанса психоанализа¹.

Развитие всяких отношений определяется множеством моментов. От Фрейда мы узнаем, что в его случае эти моменты следует искать в его раннем детстве. Особенности его детского опыта наложили свой отпечаток на все его последующие дружеские отношения. Взаимоотношения между людьми зависят также от той жизненной ситуации, в которой они встретились, и конечно же от их индивидуальных особенностей².

Однако на отношение Фрейда к Флиссу существенно повлиял еще и особый фактор. В пору, когда Фрейд имел основания сомневаться в возможности своего выздоровления, Флисс стал его

¹ Сопоставьте с письмом Фрейда от 10 января 1937 г. к Мари Бонапарт по поводу его переписки с Флиссом.

² Важную часть этих факторов с большой проникательностью обсуждали Эрнст Крис в своем вступлении к опубликованной переписке с Флиссом (1950) и Джонс в написанной им биографии.

доверенным врачом. Этот период серьезного недомогания, разумеется, особенно важен для основной темы моего исследования¹.

Во многих письмах к Флиссу Фрейд говорил о своих многочисленных болезненных симптомах: головных болях, которые он называл «приступами мигрени» (такими же болями страдал и сам Флисс), хроническом синусите, некоторых признаках желудочно-кишечного расстройства. Однако особо важное место заняли симптомы сердечного заболевания. Первый намек на эту проблему я обнаружил в неопубликованном письме Фрейда к Флиссу, датированном 18 октября 1893 г. Из него следовало, что эта тема уже обсуждалась ими во время одной из ранее состоявшихся встреч. Письма свидетельствуют, что Флисс объяснял появившиеся симптомы пристрастием Фрейда к курению или, по крайней мере, считал, что никотин существенно способствует их проявлению. В любом случае Флисс довольно жестко настаивал, чтобы Фрейд покончил со своей вредной привычкой. Это событие положило начало бесконечному ряду попыток Фрейда избавиться от никотиновой зависимости. Как мы сможем убедиться в дальнейшем, эти попытки почти всегда были следствием усиления симптомов сердечной болезни. Фрейд писал:

«Я бы не хотел утомлять тебя рассказами о состоянии моего сердца. В настоящий момент с ним гораздо лучше, хотя в этом нет моей заслуги, поскольку в последние дни было столько нервотрепки, что я курил совершенно безбожно². Думаю, что они (проблемы с сердцем) еще дадут о себе знать в самом ближайшем будущем. Что касается курения, то твоему предписанию я буду следовать усердно (буквально: «мучительно»), как было, когда ты выразил по этому поводу свое мнение (в тот раз, когда мы находились на железнодорожной станции). Без курева мне очень тяжело, так что даже наступившие сильные холода не в состоянии ухудшить мое положение еще больше».

Эти несколько строк являются очень красноречивой иллюстрацией отношения Фрейда к Флиссу и курению: он обещает не курить, но при этом использует слово «reinlich», которое может быть переведено как «усердно», так и «мучительно». Он обещает «не утомлять» Флисса, но в то же время выражает уверен-

¹ Крис, сосредоточившись в своем вступлении к опубликованной переписке прежде всего на научном фоне отношения Фрейда к Флиссу, не обсуждал этот аспект, а Джонс, который говорил о мучившем Фрейда недомогании, подчеркивал прежде всего невротический характер наблюдавшейся симптоматики.

² Из остальных писем за этот месяц не удастся восстановить источник этих переживаний. Имеются лишь отдельные намеки на некоторые трудности в отношениях с Брейсером.

ность, что состояние его сердца ухудшится (что и случилось). Это высказывание могло быть навеяно мыслями о смерти, но также и несогласием с мнением Флисса и отказом признать его утверждение о прямой взаимосвязи между сердечной симптоматикой и курением. В самом деле, ведь Фрейд говорит, что стал чувствовать себя лучше, несмотря на постоянное курение. Такая двойственность явно связана с множеством аспектов.

О курении идет речь и в следующем письме (17 ноября 1893 г.). На этот раз процветает и новый мотив, который неизменно будет возникать всякий раз, когда дилемма «курить или нет» становилась особенно острой. В нем Фрейд высказался вполне недвусмысленно, но следы мучительного внутреннего конфликта можно отыскать и здесь.

«Я не буду следовать твоим запретам [курить]; ты действительно считаешь за великое счастье прожить долгую жизнь в таких мучениях?»

По прошествии нескольких месяцев вопрос о курении вновь обострился, возникнув в несколько ином контексте, когда 7 февраля 1894 г. Фрейд писал:

«Событие сегодняшнего дня — смерть Бильрота¹. Как важно все-таки не пережить самого себя»².

Прогноз Фрейда, что его болезнь сердца заявит о себе с новой силой, целиком оправдался. 19 апреля 1894 г. он писал:

«После твоего милого письма я не стану больше сдерживаться и оберегать тебя: я чувствую, что вправе написать тебе о моем здоровье. Все научные и личные дела я отложу до конца письма.

Как всякий, кто, желая отбросить собственную критичность, оказывается вынужден подчиниться влиянию чужих указаний, я вот уже три недели совсем не курю и теперь уже действительно могу без зависти смотреть на наслаждающихся табачным дымом, вполне представляя себе, как можно без этого жить и работать. Я уже совсем было достиг такого состояния, но муки от отказа от курения оказались неожиданно велики, что, впрочем, совершенно понятно.

Пожалуй, менее понятно мое самочувствие в других отношениях. Через несколько дней отказа от курения я почувствовал себя

¹ Теодор Бильрот — знаменитый хирург и прекрасный музыкант; один из наиболее близких друзей Брамса. Фрейд восхищался многогранностью его таланта и интересов.

² Фрейд выразил эту же мысль спустя шестнадцать лет, несколько переиначив известную фразу Макбета: «Давайте умрем в деле».

лучше и начал излагать для тебя мою нынешнюю позицию по проблеме невроза. Затем внезапно сильно жгло сердце (буквально: Herzselend — тяжесть на сердце), и мне стало даже хуже, чем когда я курил. У меня появилась бешеная аритмия, сопровождавшаяся постоянной тяжестью, давлением и жжением в области сердца, жгучей болью в кисти левой руки, некоторая одышка — подозрительно умеренная, словно органического происхождения, — и все эти проявления долгое время продолжали заявлять о себе в приступах, которые случались у меня по два-три раза в день, сопровождаясь депрессией, заменившей мою обычную лихорадочную активность и сопровождавшейся видениями о смерти и сценах прощания. В последние два дня плохое самочувствие уменьшилось, но гипоманиакальность сохраняется, иногда, впрочем, делая мне любезность своим внезапным исчезновением (как это было прошлым вечером и сегодня в полдень) и оставляя по себе человека, который вновь уверенно рассчитывает на долгую жизнь и столь же большое удовольствие от курения.

Для врача, который ежечасно пытается углубить свое понимание неврозов, особенно мучительно то, что он не может определить, какая же депрессия у него самого: умеренная или ипохондрическая. В такой ситуации ему необходима помощь со стороны. Пролетным вечером я зашел к Брейеру и поделился своим мнением, что мои проблемы с сердцем не являются результатом никотинового отравления, а указывают на наличие хронического миокардита, который несовместим с курением. Я помню довольно внезапную аритмию, появившуюся у меня после гриппа в 1889 г. Я тешу себя надеждой на лучшее, но, как бы то ни было на самом деле, в любом случае я должен подвергнуться обследованию. Обещаю так и сделать, но чувствую, что это ничего не прояснит. Я не знаю, действительно ли можно различить эти два расстройства, но думаю, что это возможно на основе оценки субъективных симптомов и их протекания. Ты же, на мой взгляд, в этот раз что-то скрываешь, поскольку я впервые слышу, как ты противоречишь сам себе. В прошлый раз ты говорил, что происхождение этих симптомов связано с областью носа, утверждая, что не находишь признаков никотинового отравления сердца; на этот же раз ты сильно озабочился происходящим и запрещаешь мне курить. Такую непоследовательность я могу объяснить лишь твоим намерением скрыть от меня действительное положение дел, и я прошу тебя не делать этого. Если ты можешь сказать мне что-либо определенное, то, пожалуйста, сделай это. У меня нет преувеличенного представления ни о моих обязанностях, ни о моей незаменимости, и я смогу достойно принять весть о моем миокардите, вместе с той неопределенностью, которую он привнесет в мою укоротившуюся жизнь. Узнав о недалеком конце, мне даже удалось бы извлечь из этого пользу и в полной мере насладиться остатком жизни...»

Едва ли в этом письме найдется предложение, которое не имело бы самого прямого отношения к обсуждаемой мною теме. Оно обнаруживает одну из типичных для Фрейда установок: только особые обстоятельства вынуждали его «обременять» кого-то своими жалобами, и он чувствовал себя обязанным принести извинения за подобное беспокойство и за то, что обсуждение научных вопросов отошло на второй план. В строках этого письма отражена мысль, что иногда самокритичности приходится уступить «указанию». Это относится к борьбе Фрейда со своей вредной привычкой согласно указаниям Флисса, но без внутреннего убеждения в их правильности. В этом письме Фрейд также наиболее живо описывает свои проблемы с сердцем и свою реакцию на них, утверждая, что в этот раз его «сердечная тяжесть» оказалась гораздо тяжелее, чем тогда, когда он еще курил.

Фрейд определенно страдал от повторяющихся приступов тахикардии с «бешеной» (*tollster*) аритмией (*delirium cordis*), болей в груди, отдававших в левую руку, и одышки. Эти приступы были сильными и частыми; они не давали ему покоя целыми сутками. Не обсуждая пока вопросов происхождения этой тахикардии, по сделанному Фрейдом описанию можно предположить, что он страдал от приступов пароксизмальной тахикардии, возможно, с фибрилляцией предсердий, и такими признаками «коронарной недостаточности», как резкие боли, как при стенокардии, и одышка.

Фрейд *реагировал* на эти приступы по-разному. Говоря о своей депрессии, он упоминал, что она сопровождалась картинами смерти и сцен прощания.

Помимо этого, в том же письме от 19 апреля мы можем обнаружить и некоторые другие, уже бессознательные, проявления реакций Фрейда на то, что с ним тогда происходило. Всякий, кто знает, сколь мастерски Фрейд владел немецким языком, не может не обратить внимания на то, что, рассказывая о пережитых страданиях, он использует необычные или даже искаженные, неправильные слова, а предложения строит неуклюже и тоже неправильно. Поскольку эти особенности не могут быть дословно воспроизведены на русском языке, я процитирую этот абзац на немецком:

Tollste Arrhythmie, beständige Herzspannung — *Pressung* — *Brennung*, heisses Laufen in den linken Arm, etwas Dyspnoe von verdächtig *organischer Mässigung*, das alles eigentlich in Anfällen, d.h. über 2/3 des Tages in continuo erstreckt und dabei ein Druck auf die Stimmung, der sich in Ersatz der gangbaren Beschäftigungsdelirien durch Todten-und Abschiedsmalereien äusserte [курсив добавлен. — М. III.].

Слова «*Pressung*» и «*Brennung*» в немецком языке отсутствуют. Первое слово, очевидно, означает «давление» (по-немецки «*Druck*» или «*Beklemmung*»). Возможно, Фрейд изобрел весьма нетипичное

для языка отглагольное существительное (от немецкого глагола «*pressen*» — давить, сжимать, напрягать). Это слово он использовал лишь однажды в письме для описания своих симптомов.

Под словом «*Brennung*», видимо, понимается «*Brennen*» (жжение); фраза «*heisses Laufen in den linken Arm*» буквально может быть переведена как «горячий ток в кисти левой руки», то есть боли в кисти левой руки (так можно перевести на русский использованный им оборот) или «сильное (горячее, жгучее) движение в левой руке».

Фраза «некоторая одышка подозрительно органической умеренности» также неясна. Непонятно, почему *умеренная* одышка должна иметь органическое происхождение.

Фраза «*über 2/3 des Tages in continuo erstreckt*» является частью этого нескладного предложения. В опубликованной английской версии этого письма она была неправильно переведена с немецкого как «наблюдавшихся в двух или трех приступах, неизменно повторявшихся на протяжении всего остатка дня».

Появление столь нескладного предложения из-под пера писателя такого уровня, как Фрейд, может объясняться только тяжелой стрессовой ситуацией. В соответствии с предложенной самим Фрейдом терминологией ее следует считать «травматической».

Дополнительное подтверждение этому можно найти при дальнейшем анализе письма, в тексте которого можно отыскать несколько характерных описок (крайне редко встречавшихся в письмах Фрейда и его научных работах). Ярко описав свои мучения и депрессивное, возможно даже безысходное, состояние, сопровождавшееся «картинами смерти и сцен прощания», Фрейд продолжал: «...гипоманиакальность сохраняется, иногда, впрочем, делая мне любезность своим внезапным исчезновением...» Фрейд заменил здесь слово «депрессивность» на его антоним «гипоманиакальность»¹. Однако помимо отрицания депрессивного состояния эта описка могла указывать на то, что Фрейд предчувствовал грядущую перемену своего настроения и, соответственно, рассчитывал вернуться к старой привычке («оставлявшее по себе человека, который вновь уверенно рассчитывает на долгую жизнь и столь же большое удовольствие от курения»); таким образом, задействованное Фрейдом отрицание несло определенный смысл².

¹ Много позже этот механизм был описан как типичная характеристика «гипомании» (Левин, 1932, 1950; Дойч, 1933).

² Также весьма примечательно, что, в отличие от предыдущего искаженного Фрейдом предложения, следующее за ним, где он говорил о предчувствии скорой перемены своего настроения, вновь напоминает нам о том, сколь прекрасно Фрейд владел немецким. Тот факт, что для возвращения самообладания Фрейду «потребовалось» допустить описку и задействовать механизм отрицания, только подчеркивает глубину мучившего его тогда внутреннего конфликта. Примерно сорок пять лет спустя Фрейд вынужденно предпринял последнюю отчаянную попытку отрицания, допустив еще одну описку (см. письмо Арнольду Цвейгу от 5 марта 1939 г.).

Другую описку Фрейд допустил в конце этого же абзаца¹. Он определенно намеревался сказать, что уверенно рассчитывает на долгую жизнь и столь же большое удовольствие от курения (Rauchlust). Однако на самом деле Фрейд написал «Rauflust» — «драчливость»! Значение этой описки понять нетрудно. По окончании депрессии Фрейд воспрянет духом и вновь сможет бороться за свое право курить.

Итак, в этом абзаце дано сжатое описание педомогания Фрейда, его реакции на травмирующую ситуацию и способа ее разрешения. Именно по этой причине я подверг этот отрывок столь подробному анализу, что могло бы выглядеть неким талмудическим толкованием. Однако именно в психоаналитической традиции уделять особое внимание деталям и «мелочам»².

В следующем абзаце письма уже заметна новая тенденция. Фрейд стремится узнать правду: прежде всего, является ли его депрессия (Verstimmung) и, добавим от себя, его страхи реакцией на заболевание, или же это несомненный признак «ипохондрии». Он желал знать, протекают ли его страдания от отравления никотином, или же первопричиной является миокардит, а курение только обостряет приступы. С одной стороны, здесь имеет место тонкое диагностическое дифференцирование. С другой же, Фрейд вполне допускает неприятную для себя возможность, что его сердце действительно слишком чувствительно к никотину.

Будучи не уверен в том, что Брейер сообщил ему всю правду о его состоянии, Фрейд испугался, что и Флисс захочет скрыть от него истинный диагноз, и поэтому просит ничего не утаивать³. Оказавшись в ситуации неопределенности, Фрейд сам принялся искать важные для диагностики факты, вспомнив о приступах аритмии после перенесенного в 1889 г. гриппа, что может помочь нам восстановить возможные причины его недомогания тех лет.

От некоторых людей можно слышать уверения, что они способны спокойно принять известие о серьезной или даже смертельной болезни. На деле же часто оказывается, что они совсем

¹ Примечательно, что, несмотря на разборчивость почерка, которым было написано это письмо, печатный аналог и опубликованная немецкоязычная версия содержат некоторые вводящие в заблуждение ошибки, допущенные как в этом абзаце (например, «über zwei zu drei des Tages» вместо «2/3 des Tages»), так и в конце третьего (где описка была «скорректирована»), тогда как другие письма, куда более сложные для расшифровки, были воспроизведены в точности.

² Обратите внимание на великолепное обсуждение К.Р. Эйслером (1959) роли деталей при интерпретации литературных трудов.

³ Печальные события 1923 г. (см. главу 13) подтвердили опасения Фрейда касательно недостатка искренности со стороны окружающих. Также см. письмо, написанное Флиссу 6 февраля 1899 г.

не желают знать правду о своем состоянии, а узнав, могут ее не вынести. Однако Фрейд полностью отдавал себе отчет в своих словах и позже действительно доказал свое мужество.

Таким образом, это письмо — свидетельство серьезного конфликта. Фрейд все еще нуждается в помощи отрицания, но превосходство «Я» — жизненная цель Фрейда и главная цель терапии — уже начинает заявлять о себе¹.

До какой степени Фрейду удалось восстановить свое душевное равновесие во время написания этого письма, видно по легкости, остроумию и даже беспечности тона следующих неопубликованных строк:

«Я буду иметь в виду твою мысль по поводу дневника². Ты прав.

Мне тоже не очень-то нравится фрау доктор Фр. Возможно, я был несправедлив к ней, когда называл ее «*zwiderwurzen*»³. Я охотно допускаю, что анализ был ей неприятен. Своим поступком она лишь подтверждает обоснованность моей концепции защиты. Она шарахается от меня уже в третий раз...

Множество повостей, которые ты сообщил, явно свидетельствуют, что ты — обладатель почти абсолютного здоровья. Я размышлял о причинах твоей второй головной боли. Я в самом деле не могу в это поверить. Может, у тебя все же проблемы с носовыми пазухами?⁴

Мои сорванцы и жена в полном порядке. Она не знает о моем бреде насчет близкой смерти. Пожалуй, это в любом случае было бы лишним»⁵.

¹ Уже здесь Фрейд выразил те мысли, которые замечательно представил спустя двадцать лет в своей статье «Быстротечность»: «Ценность преходящего в невозвратимости мгновения» (см. главу 11).

² Очевидно, Флисс советовал Фрейду вести дневниковые записи наблюдавшихся у него симптомов.

³ Непереводимое венское выражение, относящееся к неприятной особе.

⁴ Намек на очень частые приступы головной боли, от которой страдал Флисс и которую сперва объяснял носовой патологией, а позже — «законом периодичности». В последующие годы Флисс перенес несколько операций по этому поводу. Как мы увидим, эти повторяющиеся «приступы» обсуждались во многих письмах. Они очень расшатывали чувство абсолютного доверия Фрейда к Флиссу, которое подразумевало, что Флисс должен быть абсолютно здоров, вынослив и решителен. Тот факт, что на совет Флисса Фрейд отвечает встречным советом, также свидетельствует о преодолении им травмирующей ситуации.

⁵ Последнее предложение дает пример той установки, которая сформировалась у Фрейда при борьбе с раком много лет спустя. Он не желал обременять окружающих, посвящая их в свои страдания (см. письмо Эйтингтону от 1 апреля 1925 г., напечатанное в главе 15). Его слова «в любом случае», очевидно, означают: «Если мои опасения беспочвенны, то зачем моей жене знать о них? Если же я действительно смертельно болен, то зачем беспокоить ее раньше времени?»

Как можно видеть, все это письмо очень напоминает запись аналитической сессии, в ходе которой пациент переживает полный спектр эмоций и выражает все стороны своего «Я». Именно таким образом может быть охарактеризована тональность большей части переписки Фрейда с Флиссом.

В этом письме (от 19 апреля 1894 г.) заметна и неприятная проблема, которая прошла сквозь всю жизнь Фрейда и получила свое отражение во многих его письмах к Флиссу, — никотиновая зависимость. Хотя Фрейд смог преодолеть «травматическую ситуацию», симптомы болезни сердца, сомнения относительно верного диагноза и противоречивое стремление к курению не покидали его, на долгие годы определив основное содержание его писем к Флиссу.

Флисс, по-видимому, не отступал от своего мнения, что имел не по никотину, а не инфаркт — главный виновник всех неприятностей, поскольку Фрейд писал ему в ответ:

«Мой дорогой друг.

Написанные тобой строки были столь приятны мне, что я не могу заставить тебя ждать, пока у меня появятся какие-нибудь новости¹, и должен поделиться с тобой впечатлениями о повседневных событиях.

Я не сомневаюсь, что ты лучше всех разбираешься в этих трудных проблемах, но я опять испытываю затруднения с оценкой моего состояния. Брейер вполне допускает возможность версии, не связанной с отравлением². По-видимому, сердце не расширено, [но] шумы (существенный признак органического заболевания), аритмия и т. д. остаются, несмотря на мое воздержание³. Либи́до уже давно приглушено. Один грамм дигиталиса каждые два дня⁴ заметно ослабляет субъективные симптомы и, возможно, влияет на аритмию, которую все же я постоянно ощущаю, когда пахожу свой пульс. Моя депрессия, вялость, плохая работоспособность и легкая одышка — все даже усилилось.

То есть дело обстоит по-прежнему. Я не могу оставить этот прекрасный мир, не попрощавшись с тобой, и эта мысль не по-

¹ Такое вступление было характерно для Фрейда; возможность написать о своей персоне отнюдь не равноценна случаю, когда появляется какая-нибудь тема для беседы, о которой можно «сказать что-нибудь».

² См. предыдущее письмо. В это время Брейер пытался выяснить причины недомогания Фрейда. Тот факт, что к тому времени их отношения утратили прежнюю близость (см.: *Джонс*. Т. 1. С. 220—267), делал Фрейда вдвойне зависимым от советов и поддержки Флисса в те месяцы.

³ Можно заметить мучивший Фрейда конфликт. Конечно, версия Флисса о никотиновом отравлении была для него гораздо более приемлема, чем допускаемый Брейером инфаркт. Но ведь правда Флисса означала необходимость воздерживаться от курения и далее!

⁴ Приличная доза.

кидает меня с самого начала болезни. Не думаю, однако, что обращусь к тебе в ближайшем будущем, по мучительный и бесполезный уход тяготит меня больше, чем любой возможный неутешительный прогноз.

Через несколько дней я пришлю тебе несколько страниц поспешно набросанного мной анализа, в котором можно найти корень невроза.

Я все еще не в состоянии взять себя в руки и подготовить для тебя отчет¹, за что очень себя ругаю. Раньше все было иначе. Мертвый штиль² в обществе и науке очень беспокоит меня. Я чувствую себя гораздо лучше в суете моей повседневной работы.

Надеюсь, что по крайней мере у тебя все в порядке. Я считаю, что один раз за эти последние дни я все-таки извлек нечто приятное из своей болезни. Несомненно, это случилось как раз тогда, когда я получил от тебя письмо.

Передаю тебе и твоей дорогой Иде самые сердечные пожелания, к которым присоединяется и моя семья.

Твой
д-р Зигм. Фрейд».

Сомнения по поводу диагноза вернулись спустя несколько дней. 6 мая 1894 г. (в свой 38-й день рождения) Фрейд писал:

«Я до сих пор не в состоянии закончить мой набросок по неврозам. Я чувствую себя лучше, временами даже гораздо лучше, но я не бываю свободен от симптомов больше чем половину дня. Мое настроение и работоспособность пребывают в упадке. Я до сих пор не могу поверить, что все это от никотина; в рамках моей практики я имел возможность *порядком насмотреться на аналогичные случаи* и полагаю, что это ревматический миокардит, от которого практически нет спасения. В течение последних лет я неоднократно обнаруживал у себя ревматические мышечные узелки.

Летом мне хотелось бы на время вернуться³ к анатомии; пожалуй, это единственное благодарное занятие».

Последнее предложение указывает на сочетание множества факторов, оказавших влияние на настрой Фрейда: его недомогание, воздержание от курения, одиночество, длительная борьба, которая началась с его попыток понять происхождение невроза,

¹ Вероятно, имеется в виду предварительный вариант «Summary» (см. письмо от 21 мая 1894 г.).

² Вероятно, эта фраза относится к его общественной и научной изоляции того времени и к временному спаду его творческой активности.

³ В этом письме Фрейд сделал опечатку. Поначалу он написал «zur Anatomie zurückfahren», позже исправив на «zurückkehren».

постепенно приведя его к пониманию того, что на самом деле он пытается разобраться в законах функционирования человеческой психики. Хотя в это время он все еще находился лишь в процессе создания своего учения («Очерки об истерии»), он уже, если можно так сказать, превзошел самого себя. Вскоре Фрейд обнаружил, что каждый пациент ставит его перед новыми открытиями и что эти открытия могут быть поняты только в том случае, если он подтвердит их на собственном примере, сам став своим пациентом.

Борьба требовала хотя бы минимального физического здоровья, но, даже не говоря о мучившей Фрейда болезни сердца, отказ от курения лишил его того внешнего стимула, который имел для него особенное значение на протяжении всей его жизни.

Поэтому неудивительно, что Фрейд выразил, по крайней мере в письме, страстное желание вернуться в тихую гавань анатомии, в лабораторию, к микроскопу. Это получило отражение в следующем письме, отрывки которого уже были опубликованы (письмо от 21 мая 1894 г.). Из неопубликованной части я процитирую лишь несколько абзацев.

«Драгоценнейший друг.

Несомненно драгоценнейший, ведь ты изумляешь меня всякий раз, ибо, даже когда ты очень занят или нездоров — или даже и занят, и нездоров, — ты всецело готов принять на себя груз проблем, связанных с моими симптомами. Недосказанность в твоих письмах я начинаю воспринимать буквально как нечто сверхъестественное... Когда я читаю твое письмо, последовательно развешивающее мои «терапевтически-дилетантские» фантазии, я не нахожу там ни слова о твоём собственном здоровье. С некоторых пор я понял, что ты переносишь страдания лучше и с большим достоинством, чем я, чье настроение постоянно колеблется то в одну, то в другую сторону.

Обещаю в самом скором времени прислать тебе подробный отчет о достигнутом; я чувствую себя лучше, хотя далеко не так, как хотелось бы; по крайней мере, я снова в состоянии работать. Сегодня я могу позволить себе целый час говорить с тобой только о науке. Я определенно не считаю благосклонностью судьбы то, что я могу обмениваться с тобой мыслями лишь около пяти часов в год, остальное время существуя совершенно оторванным от других людей. Ты для меня единственный другой, *альтер*¹.

¹ Из этого письма вполне очевидно, что в то время умонастроение Фрейда, надеявшегося провести «целый [аналитический] час» со своим «другим», со своим альтер-эго, напоминало положение, характерное для, как бы мы теперь сказали, «аналитической ситуации». Флисс выступал для него кем-то вроде «объекта перенесения».

Завтра я отправляю свою курочку с пятью маленькими цыплятами на Рейхенау¹, и в последующие одинокие, грустные времена... я буду чаще доводить до конца свои замыслы, по крайней мере в том, что касается писем к тебе.

Разве М. Д.² не прелесть? Ее случай не войдет в сборник [который я готовлю] с Брейером, поскольку второй уровень, связанный с сексуальными мотивами, там не был выявлен. Случай, который я сейчас описываю, относится к наиболее сложным разделам работы³. Ты получишь его раньше Брейера, если сможешь быстро вернуть обратно.

Последние несколько месяцев среди прочих мрачных мыслей, навеванных грядущим расставанием с женой и детьми, меня терзает и боязнь не суметь довести до конца доказательство своего сексуального тезиса. В конце концов, умирать не хочется ни сейчас, ни вообще».

Начало следующего абзаца иллюстрирует саму сущность положения Фрейда.

«Я совсем одинок здесь, томясь неврозы. Они смотрят на меня как на одержимого, но у меня отчетливое ощущение, что я вплотную подошел к величайшей загадке природы».

Это одно из тех редких утверждений, где Фрейд признает исключительность своего открытия. Обещанный «подробный отчет о достигнутом» появился месяц спустя. 22 июня 1894 г. Фрейд снова пишет Флисс⁴. Он начал с сообщения, что собирается прислать ему большое письмо о «теории и жизни», и продолжал:

«Сегодня я посылаю тебе последнюю историю. По характеру моего письма ты поймешь, что я болен. Между 4-й и 5-й страницами я признался в проблемах, которые так долго скрывал. Сам материал крайне поучителен, [и это] имеет для меня решающее значение.

Я буду рад лету, если оно принесет с собой осуществление моего заветного желания и я действительно смогу провести с тобой несколько дней... По большей части жизнь моя столь не-

¹ Гора, расположенная недалеко от Вены.

² Имеется в виду один из исследовавшихся Фрейдом случаев, с которым Флисс должен был быть знаком.

³ Возможно, имеется в виду случай Элизабет фон Р., заключительный вклад Фрейда в создание «Очерков об истерии».

⁴ В опубликованную версию этого письма были включены только два первых и последний абзацы.

предсказуема, что я теперь все более склоняюсь к мысли, что больше не стоит медлить с осуществлением моих сокровенных мечтаний. Прочие поездки следует отложить ради этой, поскольку год выдался особенно неблагоприятным, кроме болезни принес с собой и денежные затруднения. Разумеется, несколько дней отдыха я мог бы позволить себе в любом случае, но я отказался карабкаться [в гору] «с тяжелым сердцем» во всех смыслах этого выражения! Если ты сможешь меня встретить так, чтобы оградить от слишком долгих поездок, и мы сможем действительно побыть наедине, тогда мы несомненно должны встретиться уже в этом году¹.

Далее пойдет моя печальная история, неприкрытая правда со всеми теми подробностями, которые кажутся важными несчастному пациенту, и даже с теми, которые, возможно, не заслуживают внимания.

Я не курю вот уже семь недель, со дня твоего строгого запрета. Сперва я, как и можно было ожидать, чувствовал себя невозможно [буквально: невообразимо] плохо: сердечная симптоматика в сочетании с депрессией плюс жуткие страдания из-за отказа от курения. Они ослабли примерно через три недели, но прежде, чем я избавился от первого страдания, прошло шесть недель. Однако же я остаюсь совершенно разбитым и неработоспособным². По окончании седьмой недели я нарушил мое обещание, данное тебе, и вновь начал курить, чему было несколько причин:

1) За это время я встретил пациентов сходного возраста и примерно в похожем состоянии, которые вообще не курили (две женщины) или бросили курить. Брейер, которому я снова сказал, что не могу объяснить мое состояние никотиновым отравлением, полностью с этим согласился, также сославшись на этих женщин. Таким образом, я лишился той мотивации, которую ты столь точно выразил в одном из твоих предыдущих писем: человек может отказать себе в чем-то, если твердо уверен, что это поможет ему устранить причину своей болезни.

2) Выкурив пару сигар, я теперь вновь мог работать и справился со своим настроением; до этого жизнь была невыносима³. Я обратил внимание, что после этого симптомы болезни не стали более выраженными.

¹ Встреча состоялась в середине августа 1894 г.

² Это противоречит тому, что Фрейд сообщал о себе в предыдущем письме.

³ Обратите внимание на противоречие этого утверждения изложенному в предыдущем абзаце этого письма, где Фрейд говорил, что за три недели преодолел сопутствующий воздержанию от курения дискомфорт, но остался неработоспособен.

Сейчас я курю умеренно, постепенно увеличивая до 3 в день¹, и чувствую себя значительно лучше, чем прежде; намного лучше, но еще, конечно, не вполне хорошо. Опишу свое состояние.

Некоторая аритмия есть, кажется, всегда, но усиливается до степени *delirium cordis*² с ощущением тяжести на сердце лишь во время приступов, длящихся теперь меньше часа и почти всегда после ленча³. Умеренная одышка, наблюдавшаяся при подъеме по лестнице, исчезла. Кисть левой руки не болит уже несколько недель; грудная клетка все еще довольно чувствительна; [неразборчивое слово], тяжесть и чувство жжения не отпускают ни на один день. Объективные признаки вроде бы отсутствуют, но наверняка я сказать не могу. Сон и прочие функции не нарушены. Настроение в целом находится под моим контролем, однако я чувствую себя старым, вялым и нездоровым. Дигиталис помог чрезвычайно⁴.

То, что особенно мучает меня, так это неясность моего положения. Я был бы удивлен, если бы у меня обнаружили ипохондрию, но я не вижу причин, по которым я мог бы склониться к этой версии. Я очень недоволен тем, как ко мне здесь относятся. Брейер полон очевидных противоречий. Когда я сказал, что чувствую себя лучше, он ответил: «Ты не представляешь, *как* я рад это слышать». Эти слова напоминают о серьезности моего положения. Если в другой раз я спрашиваю о чем-то взволновавшем меня, то получаю в ответ: «Ничего страшного; что бы это ни было — оно уже позади». Более того, он не обращает на меня никакого внимания, не видел меня две недели подряд. Я не могу понять, в чем дело: то ли это какая-то определенная линия поведения, то ли он просто совершенно безразличен; то ли дело настолько плохо, что об этом не стоит даже и говорить. В целом же я заметил, что со мной обращаются как с больным, причем весьма уклончиво и двусмысленно, вместо того чтобы успокоить меня, сказав все, что можно сказать в ситуации такого рода, то есть все, что известно.

Было бы колоссальным облегчением, если бы я мог разделить твою уверенность; даже новый период отлучения [от курения] стал бы менее трудным испытанием. Впервые наши мнения расходятся. С Брейером мне проще; он вообще не высказывает никаких мнений.

¹ Распространенный оборот латинского языка, который, как и «t.i.d.» (три раза в день), часто фигурирует в медицинских рецептах.

² Латинский термин, который в то время использовали в связи с пароксизмальной тахикардией с предсердной фибрилляцией.

³ Этот прием пищи в Вене считался основной трапезой. Послеобеденная тяжесть — типичный признак стенокардического синдрома.

⁴ Диагностическая значимость этого наблюдения будет обсуждаться в конце этой главы.

Пример Кюндта не слишком меня испугал, поскольку если бы некто действительно смог гарантировать, что я проживу еще 13 лет, дотянув до 51 года, то этого было бы достаточно, чтобы не портить мне удовольствие от сигар¹. Мое же компромиссное суждение, для которого я, правда, не имею веских научных оснований, таково, что от четырех-пяти до восьми лет я буду больше или меньше мучиться различными болезненными симптомами, а между 40 и 50-ю годами спокойно умру от внезапного разрыва сердца. Если это случится заметно позже 40 лет, так это и вовсе не слишком плохо.

Я был бы крайне признателен тебе, если ты предоставишь мне точную информацию — что это [за болезнь], которая, как я в глубине души надеюсь, очень хорошо известна тебе. Ценность же твоего твердого запрета мне курить весьма относительна и значима разве лишь своим воспитательным и успокаивающим эффектом.

Но довольно об этом; очень грустно так заикливаться на себе, когда можно было бы написать о чем-либо гораздо более интересном.

Я понял из твоего письма, что твои головные боли мешают тебе быть счастливым, и наше невнимание к ним вызывает у меня негодование. Ты ничего не пишешь о своей работе; наверное, тебе кажется, что она мне неинтересна. Прошу тебя, не сомневайся, что в этом ты глубоко заблуждаешься».

Последний абзац опубликованной части этого письма особенно важен в общем контексте:

«Фактически я провел весь день размышляя о неврозах, но, поскольку научные контакты с Брейером практически прекратились, теперь я могу надеяться только на свои силы, поэтому работа и идет так медленно».

Прочтя это письмо, Флисс, очевидно, отреагировал новой «командой», настаивая на необходимости по-прежнему отказываться от курения, на что Фрейд ответил письмом от 14 июля 1894 г.:

¹ Здесь мы впервые встречаем число 51 как предполагаемый и пугающий «роковой предел» жизни Фрейда. В этом письме нет упоминаний о теории периодичности Флисса, с которой это число связано (как сумма двух периодов: «женского» (28) и «мужского» (23)). Вместо этого, Фрейд ссылается на известного немецкого физика Кюндта, преемника Гельмгольца в Берлинском университете, одним из учеников которого был Брюкке, прежний руководитель Фрейда. Кюндт умер 21 мая 1894 г., за несколько недель до того, как было написано это письмо. Можно предположить, что Флисс писал Фрейду об этом событии. Контекст, в котором Фрейд говорит о Кюндте, указывает на вероятность того, что Флисс связывал его преждевременную смерть с неумеренным курением. Однако, хотя Фрейд и увязывал смерть Кюндта с пугающим его числом 51, на самом деле тот умер в 54,5 года. В несколько ином контексте этот вопрос будет обсуждаться в главе 5.

«Драгоценный друг,

твое одобрение — нектар и амброзия для меня, поскольку я полностью сознаю, сколь тяжело оно далось тебе или, пожалуй, сколь искренен ты был в тот момент. С тех пор как я сосредоточился на воздержании от курения, мало что произошло; появился новый набросок по тревожной истерии, который я отдал Брейеру. Элизабет фон Р. тем временем обручилась.

Мой распорядок — и спешу заверить тебя, что ничего от тебя не утаиваю, — таков: воздерживаюсь восемь дней подряд¹ с того момента, как в четверг (28 июня), то есть две недели назад, получил твоё письмо. В следующий четверг я выкурил одну сигару в состоянии неопишущего уныния; затем вновь был перерыв в восемь дней; в следующий четверг — ещё одна, и снова перерыв [это письмо было написано в субботу]. Словом, картина вырисовывается ясная: одна сигара в неделю вновь лишает меня удовольствия от курения. Практически такой режим немногим отличается от полного воздержания...

Мое состояние без изменений. В конце последней недели мне вновь пришлось прибегнуть к помощи дигиталиса; пульс снова прыгает (буквально: *delirious*) [то есть быстрый и совершенно нерегулярный]... С дигиталисом лучше, однако не так хорошо, как хотелось бы. Как мне принимать его: чаще или реже? Обещаю слушаться тебя...

Твои головные боли вызывают у меня бессильную² ярость...

С самыми теплыми пожеланиями...

Зигм. Фрейд».

Это письмо явно заставило Флисса ещё более категорично настаивать на отказе от курения. Фрейд в недатированном (редкий случай) письме неохотно согласился.

«Дорогой Вильгельм.

Я едва могу оценить жесткость твоих доводов. Но, судя по всему, у меня есть достаточно физиологических оснований, чтобы согласиться с твоими распоряжениями. Поэтому сегодня для меня начинается второй период воздержания, который, как я надеюсь, продлится вплоть до нашей августовской встречи.

С сердечными пожеланиями,

Твой З».

¹ В разговорной речи так часто называют неделю.

² Употребленное Фрейдом слово «*Ohnmachtig*» может пониматься двояко: слабый, бессильный или обморочный. В любом случае оно выглядит здесь весьма странно.

Эти письма знаменуют собой хоть и временный, по конец кризиса. Хотя на протяжении 1895 г. Фрейд по-прежнему время от времени обнаруживал у себя знакомые симптомы, письмо, написанное им после августовской встречи с Флиссом, уже звучит вполне оптимистично. 18 августа 1894 г. Фрейд писал:

«Лелея приятные воспоминания о прекрасных днях, проведенных в Мюнхене, и встретив, по возвращении домой, чудесный прием от целой шайки цветущих сорванцов, я вновь почувствовал вкус к жизни».

И далее:

«Впредь я жду только хорошего и убежден, что эти ожидания сбудутся так же, как и мои последние мрачные пророчества»¹.

Следующее письмо, написанное 23 августа 1894 г., дает более подробную информацию об улучшении состояния сердца Фрейда:

«В четверг после нашего расставания² обстоятельства вынудили меня совершить четырехчасовую прогулку из Вайсенбаха до Ишля — ночь, кругом ни души, проливной дождь, спешка — и я перенес ее очень хорошо».

Обзор этого кризиса и реакций Фрейда на него важен по ряду причин. Особенно в плане развития воззрений Фрейда на проблемы болезни и смерти, которых он придерживался, особенно на протяжении последних двадцати пяти лет жизни.

Пытаясь оценить этот эпизод с медицинской точки зрения, я, разумеется, сознаю всю сложность попытки поставить достоверный диагноз через семьдесят пять лет. Ставя подобный диагноз, мы можем опираться лишь на следующие факты: 1) очень подробное описание Фрейдом симптомов собственной болезни, приведенное в процитированных выше письмах к Флиссу; 2) поздние и весьма скудные комментарии касательно этого эпизода, сделанные Фрейдом в ту пору, когда я был его врачом (1928—1939) и которые смог впоследствии сопоставить с его описаниями, фигу-

¹ Весьма противоречивое утверждение. С одной стороны, Фрейд намекал на имевшиеся у него ожидания грядущей болезни, доказавшие свою обоснованность. С другой, он предполагал, что через несколько лет умрет «от разрыва сердца», и это пророчество оказалось перечеркнутым появившимися у него оптимистическими прогнозами.

² Возвращаясь от Флисса, встреча с которым состоялась в Зальцбурге, Фрейд решил остановиться в Ишле, где отдыхали его родители. Это было за два года до смерти отца Фрейда.

рировавшими в его переписке с Флиссом; 3) проблемы с сердцем, которые наблюдались у Фрейда позже; 4) отчеты Фрейда о мнениях Брейера; 5) благоприятное влияние дигиталиса на Фрейда; 6) наши общие познания о патологии сердечной деятельности, ее этиологии и симптомах.

Из писем Фрейда мы узнаем, что впервые он обнаружил у себя «аритмию» после простудного заболевания, возможно, гриппа, перенесенного им в 1889 г. Очевидно, Фрейд не придал ему особого значения и не ощущал в связи с ним никакого дискомфорта. Вспомнил о перенесенном гриппе он лишь под влиянием обострения болезни в апреле 1894 г.

До осени 1893 г. упоминания о жалобах на состояние сердца отсутствовали. Летом 1891 г. Фрейд предпринял восхождение на Дахштейн (высота около 3000 метров). Подъем был сложным: приходилось преодолевать скалы и льды. Поэтому альпинист должен был быть в наилучшей форме. Незадолго до 18 октября 1893 г. Фрейд, должно быть, обнаружил у себя симптомы заболевания сердца, и Флисс посоветовал ему прекратить так много курить. Соответствующее письмо ничего не говорит нам о природе этих симптомов, но с его помощью мы получаем первое представление о попытках борьбы Фрейда с никотиновой зависимостью. Его двойственное отношение к запрету курить было очевидно.

Весной 1894 г. его сердечное заболевание обострилось. Письма Фрейда от 19 апреля 1894 г., 6 мая 1894 г. и 22 июня 1894 г. помогли нам узнать существенно больше о природе этих симптомов, чем было известно до этого. По-видимому, целыми неделями он непрерывно испытывал приступы сильной аритмии и тахикардии («*delirium cordis*») с резкими болями в сердце и одышкой, что существенно ограничивало его физическую активность. Из описаний Фрейда мы можем допустить, что во время наиболее тяжелых приступов у него наблюдалась пароксизмальная тахикардия, возможно, с предсердной фибрилляцией.

Фрейд, Брейер и Флисс указывали, что возможны два диагноза его состояния: «хронический миокардит» или отравление никотином (либо особая чувствительность к нему). Брейер, превосходный, опытный клиницист, вероятно, склонялся к первой версии. Флисс настойчиво поддерживал вторую, обвиняя во всем никотин. Сам же Фрейд — как это можно видеть из его писем — периодически соглашался то с одним, то с другим. По целому ряду причин ему было крайне трудно занять объективную позицию: согласиться с более утешительной гипотезой Флисса означало отказаться от курения, что было бы для него очень тяжело. Принять же сторону Брейера означало допустить возможность наличия у себя серьезного заболевания. Что же касалось воздержания от курения, то Фрейд знал и указывал в своих письмах,

что неумеренное курение осложняет течение миокардита. Однако полный отказ от курения представлялся ему не вполне оправданным. Фрейд рассуждал таким образом: если некто страдает от неизлечимой болезни, то стоит ли ему отказывать себе в удовольствиях на последние оставшиеся ему годы.

Следует рассмотреть и другие диагностические возможности: говорить о «хроническом миокардите» крайне трудно. Для более точной диагностики весьма полезными оказались бы результаты электрокардиограммы, рентгеновских обследований и т. д. Современники Фрейда были знакомы с симптоматикой стенокардии; Нотнагель, руководитель кафедры медицины внутренних органов, один из немногих влиятельных членов венской медицинской школы, поддержавших карьеру Фрейда, не только изучал ее проявления, но и оставил подробнейшее их описание. Однако частота тромбозов венечных сосудов, разнообразие их симптоматики и особенно распространенность этого недуга среди еще молодых людей в то время были еще неизвестны. Всякий же, кто ознакомился с описанием симптомов болезни Фрейда, наблюдавшихся им весной 1894 г., должен, по крайней мере, допустить возможность того, что Фрейд страдал от коронарного тромбоза.

Упоминание Фрейдом о «болезненных мышечных узелках» на теле не доказывает справедливость предположения о том, что он страдал от «ревматизма», давшего осложнение на сердце. Состояние сердца Фрейда в последующие годы не дает никаких резонансов в пользу этого предположения. Однако можно допустить наличие у него острого постинфекционного миокардита неспецифической природы.

Синдром пароксизмальной тахикардии с предсердной фибрилляцией или без нее хорошо известен. Она может протекать и *в отсутствие* каких-либо заметных признаков «органического» заболевания. Ее симптоматика не расходится с описаниями Фрейда. Боли, подобные стенокардическим, и одышка могут объясняться коронарной недостаточностью, вызываемой продолжительными приступами.

Однако пароксизмальной тахикардии свойственно часто напоминать о себе больному в разные периоды его жизни. Если бы такой человек прожил достаточно долго, то вряд ли от него довелось бы услышать, что приступы, мучившие его несколько недель или месяцев подряд, уже больше не повторялись в старшем возрасте. Отдельные приступы могут быть спровоцированы различными причинами, особенно переизбытком и перенапряжением. Один мой коллега испытывал приступ пароксизмальной тахикардии всякий раз, когда у него начиналась морская болезнь. Известно и то, что появлению таких приступов порой может способствовать высокий уровень тревожности.

В 1895 г. Флисс, к тому времени расширивший границы своих умозрительных рассуждений о пазальных рефлекторных неврозах, выдвинул новое предположение. Согласно ему сердечные симптомы Фрейда имели исключительно «пазальное происхождение». Эта гипотеза опиралась на два весьма сомнительных довода: 1) идею о «посовом рефлексе» и 2) идею об «очаговой инфекции», вызывающей заметные дисфункции.

Известно, что у людей, склонных к «вазовагальному рефлексу», появление различных видов нарушения кровообращения может быть обусловлено влиянием широкого спектра сенсорных раздражителей и эмоциональных стрессов. Наиболее характерные симптомы такого рода: румянец, повышенное потоотделение, обмороки или, заметно реже, различные типы аритмий, например экстрасистолы. У людей, склонных к идиопатической пароксизмальной тахикардии, такие приступы могут провоцироваться этими рефлексам. У страдающего стенокардией подобный «рефлекс» вполне может привести к началу приступа.

Помимо симптомов нарушения кровообращения, могут появляться тошнота, рвота, диарея, признаки спазма или симптомов «раздражения» толстой кишки, включая спастический колит. Нам известно, что на протяжении своей жизни Фрейд несколько раз падал в обморок. В дальнейшем я предполагаю подробно обсудить эти случаи и обусловившие их обстоятельства. У Фрейда наблюдались и симптомы спастического колита.

Однако для этих рефлексов характерна внезапность возникновения. Флисс утверждал, что множество функциональных и органических синдромов вызываются локальными «процессами» в слизистой носа в районе носовой раковины и могут быть успешно устранены за счет местного применения кокаиновых компрессов и/или в результате хирургической операции на носовых раковинах. С тех пор эта теория уже не раз подвергалась беспристрастному анализу и признана необоснованной¹.

Обмороки Фрейда (мы точно знаем о четырех или пяти) всегда происходили в ситуациях сильного стресса. В годы, когда Фрейд находился под моим наблюдением, его приступы спастического колита и краткие периоды частых экстрасистол главным образом провоцировались неумеренным курением. Его состояние быстро улучшалось после приема малых доз белладонны (антихолипергик), при заметном сокращении количества выкуриваемых сигар.

¹ В своих спекулятивных рассуждениях Флисс не стал останавливаться на достигнутом. Он уверился, что сама патология носа вкупе с ее последствиями, в свою очередь, детерминируется так называемыми «критическими периодами».

Из переписки Фрейда с Флиссом не вполне ясно, учитывали ли они идею «очаговой инфекции» при оценке сердечной симптоматики Фрейда. Гипотеза о том, что множество заболеваний, особенно различные типы полиартрита, невриты, бронхиальная астма и т. п., связаны с наличием первичной «очаговой инфекции» зубов, миндалин, носовых пазух или аппендикса, вошла в моду только в первых десятилетиях XX века. Именно тогда, руководствуясь этой теорией при «лечении» недугов, медики искали огромное количество людей, проводя операции на совершенно здоровых органах. «Очаговая инфекция» определенно не могла быть повинна в резко выраженной сердечной симптоматике Фрейда.

Какой же из упомянутых выше возможных диагнозов наиболее вероятен? Не слишком похоже, что состояние Фрейда можно было бы объяснить *исключительно* острым никотиновым отравлением или повышенной чувствительностью к никотину без предположения о наличии здесь причин органического порядка. Острое никотиновое отравление способно спровоцировать сердечно-сосудистые симптомы. Однако при отсутствии органических изменений эти явления исчезают в течение нескольких дней или недель с момента, когда пациент бросает курить. Хотя Фрейд не был в должной мере последователен в своем воздержании от никотина, его симптомы не исчезали даже после недельных перерывов в курении и не усиливались с его возобновлением.

Объяснение устойчивых симптомов болезни Фрейда, опирающееся исключительно на предположение о его особой чувствительности к никотину, представляется еще менее убедительным. Если бы дело обстояло подобным образом, то интенсивные приступы должны были бы, так или иначе, совпадать с возобновлением неумеренного курения, а выраженные сердечно-сосудистые реакции часто повторялись бы на протяжении долгих лет, поскольку Фрейд всегда оставался злостным курильщиком.

Как можно оценить вероятность диагноза «идиопатической» пароксизмальной тахикардии? Против него опять же выступает упомянутый ранее факт, согласно которому такие приступы следует ожидать на различных этапах жизни пациента. В оставшиеся сорок пять лет жизни Фрейд уже никогда не испытывал таких приступов.

Здесь же следует рассмотреть еще один возможный диагноз. На страницах своей биографии Фрейда Джонс утверждал, что тот страдал от «очень сильного психоневроза». Согласно Джонсу, этот невроз достиг наивысшей силы во второй половине 1890-х. Джонс писал в своем первом томе: «По-видимому, не наблюдалось каких-либо «конверсионных» физических симптомов, и поз-

же Фрейд несомненно бы классифицировал свое состояние как тревожную истерию». Прочитывая описание приступов Фрейда, Джонс пришел к следующему заключению:

«Ретроспективно можно утверждать, что все эти расстройства в своих главных аспектах являлись следствием его психоневроза, возможно, слегка локализовавшимися из-за никотина. Несомненно, никакого миокардита не было... Последующее развитие событий показало, что Фрейд обладал исключительно здоровым сердцем и был способен переносить значительные дозы никотина».

Джонс не развил это утверждение. Если он не допускал наличия «конверсионных» физических симптомов», то как же он обнаружил психоневротический характер «всех этих расстройств»? Предполагал ли он, что это был «невроз органа», ставший следствием конфликтов и/или тревоги, то есть нечто, что сейчас мы назвали бы «психосоматической» болезнью? Или же он считал, что имело место явное ипохондрическое преобразование нескольких случайных приступов?

В своем толковании Джонс в основном опирался на материалы переписки с Флиссом. Приведенный мною ряд примеров отражает нечто большее, чем то, что можно охарактеризовать термином «первое заболевание»¹. Как бы то ни было, невротическая тревожность у Фрейда была выражена в значительно меньшей степени, чем частые перепады настроения, периодически приобретающие определенно депрессивный характер. Часто у него наблюдалась не только навязчивая озабоченность грядущей смертью вообще, но и суеверный страх перед кончиной в определенный срок. Этот предрассудок, подробно рассмотренный ниже, то ослабевая, то усиливаясь, устойчиво сохранялся на протяжении всей жизни Фрейда. Однако лишь дважды в письмах к Флиссу Фрейд упоминал о своем страхе смерти. Первый раз это произошло в письме от 19 апреля 1894 г., где он описал свои наиболее сильные приступы, сопровождавшиеся «картинами смерти и сцен прощания». Во второй раз «*todesangst*» (страх смерти) был им отмечен в письме от 16 апреля 1896 г., приводящемся в главе 4, где он связал его с впечатлением от смерти от сердечного приступа скульптора Тилгнера. Все эти проявления, особенно депрессивность, весьма показательны в свете наблюдавшейся у Фрейда сердечной симптоматики. Однако, если некто выражает пессимистические настроения, подавлен мыслями о смерти и даже ощущает ее близость во время сильного сер-

¹ Примером локализованного невротического симптома может служить наблюдавшаяся у Фрейда боязнь путешествий, которая, впрочем, никогда всерьез не удерживала его от них.

дечно-сосудистого приступа, отсюда отнюдь не следует, что такие симптомы являются следствием неосознанного конфликта или чрезмерной, неконтролируемой тревоги¹.

В материалах переписки с Флиссом мы не находим и подтверждений тому, что в те месяцы, когда симптомы заболевания сердца Фрейда достигли своей максимальной выраженности, он был подвержен большему стрессу, нежели в иное время. Не обнаруживал он каких-либо более выраженных признаков «невроза» и в месяцы после смерти своего отца (октябрь 1896 г.), и с началом систематического самоанализа весной 1897 г. В эти более поздние годы его сердечные симптомы были слабы, преходящи, носили атипичный характер. Более обоснованно их истолкование как результат усилившегося стресса и душевного конфликта.

Возможно ли, что Фрейд страдал от органической сердечной патологии — коронарного тромбоза малой артерии? Столь ярко описанные Фрейдом симптомы типичны для стенокардических приступов: сильные боли, отдающиеся в кисти левой руки, чувство тяжести. Приступы тахикардии и аритмии типичны при таком заболевании. В тот период у Фрейда можно было наблюдать и другой признак недостаточности левого желудочка сердца — одышку, о которой он позже говорил как о «моторной недостаточности» (см. письмо от 28 марта 1895 г., глава 3). Тот факт, что на Фрейда не раз оказывал весьма положительное влияние дигиталис, принимавшийся им на протяжении года, также свидетельствует в пользу наличия у него органического заболевания с временной недостаточностью левого желудочка.

Хорошо известно, что коронарный тромбоз может наблюдаться в относительно молодом возрасте (в 1894 г. Фрейду было только 38 лет). Более того, если этот тромбоз возникает лишь в малой артерии и не затрагивает остальную часть артериальной системы, то пациент может сохранять нормальную функцию сердечной мышцы и десятилетиями не испытывать никаких приступов. В своей практике я лично знал пациентов, которым коронарный тромбоз ничуть не мешал заниматься альпинизмом, лыжами и прочими видами спорта.

Проявления любого органического заболевания сердца могут сопровождаться повышением чувствительности к никотину. Это я регулярно отмечал у Фрейда в поздние годы.

Исходя из собственного опыта, Фрейд утверждал, и позже я смог убедиться в справедливости его слов, что испытывал необ-

¹ Подобные предположения отнюдь не являются редкостью при оценке физических симптомов. Часто очень сложно точно отличить соматизацию реакций, приводящих к структурной патологии, от вторичных реакций на «органический», «структурный» процесс, особенно если они нарастают и добавляются к физическому симптому. Подобные ошибки очень часто приводят к трагическим последствиям.

ходимость в никотине в периоды активной творческой деятельности или при подготовке к ней. А когда Фрейд вообще пахотился в пном состоянии? При этом крайне сложно понять, мог бы он достигнуть той концентрации, которая была ему необходима для решения стоявших перед ним сверхзадач, если бы сумел отказаться от своей пагубной привычки.

Тем, кто готов усомниться в уместности использования здесь слова «привычка», следует обратиться к собственным письмам Фрейда по данному вопросу. Они представляют собой яркий пример неизменной честности его самонаблюдения:

«Я пришел к мысли, что мастурбация является той самой привычкой, которую можно назвать «первичной склонностью», и все прочие привычки, как например к алкоголю, морфию, табак и т. д., появляются в нашей жизни как ее производные. Эта зависимость играет огромную роль в истерии, и, возможно, мое главное и по-прежнему непреодолимое препятствие целиком или частично лежит в этой области. Неизменно возникают сомнения в возможности победить такую зависимость. Не следует ли анализу и терапии здесь остановиться и допустить переход истерии в неврастение [22 декабря 1897 г.]».

Следующее письмо сможет наилучшим образом подытожить отношение Фрейда к курению¹. Оно вскрывает не только ряд фактов, характеризующих привычку Фрейда курить, но и показывает, что Фрейд остался убежден в том, что обсуждавшаяся мной его сердечная симптоматика была обусловлена причинами органического порядка. Кроме того, оно указывает и на то, что эта привычка (или, как ее называл Фрейд, вице-привычка) связывала Фрейда с его отцом. Как мы увидим, смерть отца Фрейда в 81,5 года должна была существенно повлиять на навязчивый предрассудок Фрейда, заставлявший его считать, что длительность его собственной жизни заранее предопределена.

«12.02.1929 г.

Я начал курить в 24 года, сперва — сигареты, а потом перешел на сигары, и продолжаю курить и сейчас (в 72,5). Мне очень неприятно ограничивать себя в этом удовольствии. Между 30 и 40 годами мне пришлось на полтора года бросить курить, поскольку возникли проблемы с сердцем, которые могли быть следствием

¹ Я признателен коллекции Аренца при Нью-Йоркской публичной библиотеке за разрешение опубликовать это письмо, которое было написано Фрейдом в ответ на опрос, проводившийся среди многих его выдающихся современников с целью узнать об их отношении к курению. Я также признателен доктору А. Гринштейну из Детройта за указание, благодаря которому и узнал об этом письме.

влияния никотина, но, вероятно, были вызваны перенесенным гриппом. С тех пор я верю этой своей вице-привычке и думаю, что сигары очень сильно стимулируют мою работоспособность и облегчают самоконтроль. Примером здесь для меня является мой отец, который оставался заядлым курильщиком до 81 года.

Зигм. Фрейд».

Обобщим: у нас нет веских оснований присоединиться к теории Джонса, утверждавшего, что «все эти расстройства... в своих особых аспектах являлись его психоневрозом». Я склоняюсь к мнению, что между 1893-м и 1896 гг. Фрейд страдал от приступов пароксизмальной тахикардии со стенокардическими болями и признаками недостаточности левого желудочка сердца. Достигнув своего пика в апреле 1894 г., эти приступы указывают на сердечное заболевание органической природы; скорее всего, коронарный тромбоз малой артерии или, возможно, постинфекционный миокардит с временно повышенной чувствительностью к никотину.

Глава 3

ДРУЖБА С ФЛИССОМ: РАННИЙ ПЕРИОД

К моменту, когда сердечная симптоматика приобрела наибольшую выраженность, Фрейду не было и 38 лет. Он содержал жену и пятерых детей, родившихся между 1887-м и 1892 гг. Он также должен был помогать и другим членам своей семьи. Его дела шли плохо, и потому ему было крайне трудно сводить концы с концами. Положение осложнялось наличием старых долгов, остававшихся еще со времени его учения, и полным отсутствием сбережений. Каждый, кто в поздние годы был знаком со щедростью Фрейда и его чувством собственного достоинства, легко может себе представить, сколь тяжело ему было заставить себя вновь просить кредиторов об очередной отсрочке. Фрейд не раз отмечал, как трудно человеку преодолеть ощущение своей изначальной незащищенности, если ему прежде приходилось в тяжелых трудах добывать свой кусок хлеба. 21 сентября 1899 г. он писал Флиссу:

«Мое душевное состояние также очень сильно зависит от моих заработков... Из моего отрочества мне запомнилось, что если дикие лошади пампасов хотя бы раз бывают пойманы с помощью лассо, то на всю оставшуюся жизнь у них сохраняется повышенная тревожность. Так и я в свое время знал чувства беспомощного бедняка, и теперь всегда ощущаю страх, что нищета вернется».

ИЗОЛЯЦИЯ – ГЕНИЙ В ПОИСКЕ ПРИЧИНЫ

Когда Фрейд приступил к лечению неврозов, положившись исключительно на свой собственный новый метод, он практически сжег за собой мосты. Он не только подвергся всеобщему ostracismu, но и поставил под удар финансовое благополучие собственной семьи.

При таких обстоятельствах перспектива болезни и возможной смерти повергла бы в состояние отчаяния кого угодно. Особенно если речь идет о медике, прекрасно сознававшем всю неопределенность своего состояния. Однако, как мы узнаем из писем, больше всего Фрейда тяготило сознание того, что он стоит на пороге рево-

люционных открытий, которые для своего воплощения обязательно потребуют весьма существенных затрат времени. Фрейд нужно было дождаться того момента, когда его пациенты — к которым теперь он должен был причислить и самого себя — смогут, наконец, предоставить в его распоряжение ответы, ключ к пониманию которых был тогда только у него. Но был ли он в состоянии прожить еще достаточно долго, чтобы дождаться этих ответов?

В этих обстоятельствах Фрейд поступил так же, как и в драматическом 1923 г.: он решил оставить свою семью в певедении. При этом у Фрейда не было ни одного врача, которому он мог бы полностью доверять, не сомневаясь в его компетентности, искренности и непредвзятости. Правда, Фрейд всецело доверял своему другу доктору Оскару Рие, но тот был педиатром, а не кардиологом.

В результате Фрейд предпочел обратиться к Брейеру, который обладал необходимыми познаниями и опытом. К сожалению, как раз тогда их пути стали расходиться. Из материалов переписки с Флиссом известно, что во время наиболее тяжелых для Фрейда недель и месяцев Брейер интересовался его состоянием мало и нерегулярно. Нам сложно судить о том, насколько прав был Фрейд в своих упреках Брейеру. Возможно, он сам старался не слишком часто привлекать внимание к состоянию своего здоровья из-за нежелания выглядеть нытиком. Тем не менее в своих письмах Фрейд говорил о противоречивости Брейера, его невнимании и т. д.

Именно Флисс стал его доверенным врачом, «целителем», «волшебником». Флисс был отоларингологом, но его интересы выходили далеко за пределы этой отрасли медицины. Из писем Фрейда следует, что Флисс настаивал на отсутствии у Фрейда миокардита, объясняя наблюдавшиеся симптомы исключительно повышенной чувствительностью к никотину. Эти слова вселяли в Зигмунда надежду. Годы спустя Фрейд признавал, как много значил для него Флисс в то время. Когда их дружба уже подходила к концу, 9 июня 1901 г. он написал нечто вроде прощального письма:

«Ты напомнил мне о том прекрасном и трудном времени, когда я вынужден был признать, что дни мои сочтены, и именно твоя уверенность в обратном помогла мне выстоять».

Любая близкая связь между пациентом и врачом в некоторых аспектах по своим проявлениям сродни отношениям перенесения, возникающим в ситуации психоанализа. В те трудные месяцы поддержка Флисса была очень важна для Фрейда. Несмотря на неприятные симптомы, появлявшиеся у Фрейда в периоды воздержания от курения, и понимание им логических изъянов в рассуждениях Флисса (выраженность наблюдавшихся у Фрейда симптомов не зависела напрямую от того, бросал он курить или же вновь начинал), его изначальная вера во Флисса как в своего «целителя» никогда

не колебалась. Очевидно, что со временем Фрейду становилось все лучше. В состоянии его сердца вовсе не произошло тех ухудшений, которые предсказывал Брейер.

В тот же период отношения между Фрейдом и Брейером сильно осложнились. Ко всему прочему Фрейда задевала неспособность Брейера к полноценному сотрудничеству, поскольку он всегда считал, что именно ранняя работа Брейера по истерии дала решающий импульс последующему развитию психоанализа. Фрейд не мог забыть и ту помощь, которую оказал ему Брейер, когда он так нуждался в деньгах. В свою очередь, Брейер никогда не сомневался в гениальности Фрейда. В письме Флиссу, написанном летом 1895 г., Брейер говорил: «Интеллект Фрейда действует в полную силу. Я уже едва успеваю за ним, как курица за ястребом». Однако Брейер, как и многие другие, так и не смог найти в себе силы преодолеть свое внутреннее сопротивление открытиям Фрейда. Тот мог рассчитывать лишь на его враждебное или, в лучшем случае, скептическое отношение.

Эрих Крис (1950) и Джонс обсуждали некоторые факторы, повлиявшие на отношения Фрейда с Флиссом. Оба автора связывали развитие этих отношений с нарастанием отчужденности между Фрейдом и Брейером и постепенным расхождением их взглядов.

Однако сам Фрейд позже связывал как позитивные, так и негативные аспекты своего отношения к Флиссу — при всех противоречивых чувствах, которые он в нем вызывал, — с впечатлениями своего раннего детства (см. главы 4 и 5). Значительность таких генетических связей подчеркивается одним из существенных принципов психоанализа. Однако мы знаем, хотя даже сам Фрейд порой упускал это из виду, что новые отношения и конфликты, хотя и определяются впечатлениями раннего детства, в точности их никогда не воспроизводят. Они имеют собственную логику развития, обусловленную сложнейшим взаимным влиянием условий среды и состоянием личности.

Из материалов переписки с Флиссом мы узнаем, сколь глубокое впечатление Флисс произвел на Фрейда еще во время их первой встречи. В начале своего первого опубликованного письма к Флиссу Фрейд писал:

«Хотя это мое письмо носит деловой характер, должен признаться, что питаю надежду на продолжение переписки с Вами. Вы произвели на меня столь глубокое впечатление, что я едва удерживаюсь от того, чтобы откровенно сказать Вам, к какой категории людей [Rangordnung] я Вас отношу».

Это событие произошло в ноябре 1887 г., задолго до начала охлаждения отношений с Брейером, до того, как при лечении истерии Фрейд начал применять метод Брейера, и даже до того, как он начал практиковать гипнотерапию.

Крис полагал, что дополнительным фактором, повлиявшим на развитие дружбы между Фрейдом и Флиссом, стала общность их образовательного уровня, а также литературных и исследовательских интересов. Однако это не объясняет глубину впечатления, произведенного Флиссом на Фрейда. Не может объясняться и исключительным влиянием генетических оснований, якобы обусловивших особую готовность Фрейда к такой дружбе и его восторженную реакцию, отразившуюся в первом письме к Флиссу. Думаю, надо предположить, что особую роль здесь сыграла сама личность Флисса. Видимо, в нем было что-то притягивающее, яркое. В своем письме (обстоятельства написания которого будут оговорены далее) Фрейд говорил: «...для меня ты останешься целителем, прообразом человека, которому можно смело доверить свою жизнь и жизнь своих близких».

Не только Фрейд питал подобные чувства к Флиссу. За относительно короткий отрезок времени Флисс развернул широкую медицинскую практику, не ограничивавшуюся узкими рамками отоларингологии. Кроме того, Флисс выдвинул весьма оригинальную гипотезу, связывавшую друг с другом множество различных симптомов¹. Глубокая убежденность Флисса в верности своих построений

¹ Согласно гипотезе Флисса о «назальном рефлекторном неврозе» раздражение слизистой оболочки носа и патология носовых раковин и синусов могут вызывать боли практически во всех частях тела, мигрени и другие типы головных болей, невралгические боли головы, груди, брюшной полости, конечностей и т. д., а также нарушают деятельность сердца, органов дыхания (особенно часто приводя к бронхиальной астме), желудочно-кишечной системы и, наконец, женских половых органов, вызывая дисменорею и выкидыши. Поначалу Флисс видел причину в структурной патологии носа. Позже он уверился, что к тем же результатам могут приводить «функциональные» и «вазомоторные» расстройства.

Не обсуждая степень обоснованности утверждений Флисса, можно отметить достоверность лишь некоторых фактов, которые он приводил в своих рассуждениях:

1) Флисс был прав, говоря о существовании некоторого структурного сходства между пещеристым телом носа и пещеристым телом пениса.

2) На практике установлено, что менструация может сопровождаться и кровотечениями из носа, которые иногда могут наблюдаться и при ее отсутствии («викарные менструальные кровотечения»).

3) Хорошо известно, что применение местных обезболивающих в некоторых «болевых точках» тела может облегчать невралгические боли в ряде других участков тела, располагающихся по ходу распространения нервного импульса.

4) Инфекции синусов могут вызывать различные головные боли и, по аналогии с иными местными инфекциями, служить причиной появления некоторых генерализованных симптомов.

5) Наконец, справедливо, что свободное дыхание через нос по разным причинам имеет важное значение для страдающих от бронхиальной астмы.

Понятно, что приведенные факты подкрепляют утверждения Флисса лишь в *очень малой* степени.

ний, то, что его пациенты страдали от различных психозов и неврозов, а главное, его умение «магически» воздействовать на личности больных делало его метод лечения весьма действенным. Это, в свою очередь, лишний раз убеждало Флисса в истинности его теорий.

Флисс буквально очаровывал своих друзей и пациентов широтой познаний в области биологии, богатством воображения и неколебимой уверенностью в своих способностях врача. Даже пациентка, которая, как мы увидим, серьезно пострадала от роковой ошибки Флисса, сохраняла доброе отношение к нему на всю оставшуюся жизнь. Особо впечатляет, что в 1925 г., в последней стадии своей болезни, «чарам» Флисса поддался даже такой основательный и здравомыслящий ученый, как Карл Абрахам (см. главу 16).

Биографы гениев существенно расходятся в своих оценках того возраста, в котором выдающиеся люди создают свои основные творения или, по крайней мере, впервые на деле доказывают свой талант. Многие композиторы и художники, как, например, В.-А. Моцарт и Леонардо да Винчи, очень рано раскрыли свои творческие способности. Гений И.-В. Гёте стал очевиден к 20 годам. А. Эйнштейн сформулировал теорию относительности в 26 лет. Иначе было с Ч. Дарвином, «Дневниковые записи кругосветного путешествия на корабле «Бигль» доказывают, что свои идеи он смог полностью осмыслить и опубликовать лишь в 50 лет. Гениальность проявляется только в преклонном возрасте весьма редко. Однако те, кто все-таки «становится гением» на склоне своих лет, являют собой пример того, что Гёте и Фрейд называли взаимодействием приобретенного и врожденного. Последняя «схема», пожалуй, применима к Фрейду в большей степени, чем к другим выдающимся людям.

Когда в 1887 г. Фрейд познакомился с Флиссом, его вполне можно было назвать «гением, пахотящимся в поиске причины». Ни одно из научных достижений Фрейда, описанных мной в 1-й главе, не вело его по пути решения величайших загадок бытия. Будучи по своей природе бунтарем, Фрейд пренебрежительно относился к «старой гвардии» медицинской школы Венского университета. Ее членам нередко присуждались почетные звания лишь за то, что они занимали высокие посты, либо благодаря знакомству с «нужными людьми».

Оставив работу в лаборатории Брюкке, Фрейд, так или иначе, оказался в числе аутсайдеров. Шарко, руководитель клиники «Сальпетриер», и Бернгейм, ключевая фигура в истории применения гипноза, были гораздо ближе блестящему молодому бунтовщику, чем его старые учителя.

Из автобиографических эссе Фрейда, так же как и из работ Криса, Джонса и Бернфельда, мы узнаем о степени развития его идей на момент встречи с Флиссом. Брейер, старший коллега и

товарищ Фрейда, который также отказался от академической карьеры и стал весьма преуспевающим терапевтом, поведал ему об успешном лечении Анны О., описанном в «Очерках об истерии». Фрейд предполагал привлечь к новому методу внимание Шарко, но тот не проявил должной заинтересованности. Тогда Фрейд был захвачен влюбленностью в свою невесту Марту и очарован Шарко и его идеями и потому не последовал путем, намеченным Брейером.

По возвращении из Парижа в 1886 г. Фрейд подготовил доклад для Венского медицинского общества о работе Шарко над проблемами истерии. Он обратил особое внимание на проявления истерии у мужчин и в результате оказался в жесткой оппозиции главе Неврологического института Мейперту, лишив себя последней поддержки в академических кругах.

Поскольку в своей неврологической практике Фрейд чаще сталкивался с психоневрозами, чем с органическими заболеваниями, он начал использовать гипноз и вскоре вспомнил о случае Брейера. Хотя сперва Фрейд использовал новый подход только при лечении истерии, вскоре он понял его исключительную ценность для лечения и понимания и других разновидностей психоневрозов. Мы могли бы сказать, что это справедливо и в отношении многих других открытий, Фрейд буквально «наткнулся» на особую роль сексуальности в происхождении неврозов. Однако, сделав первый шаг, Фрейд уже твердо встал на предначертанный для него путь. Он оказался на совершенно неизведанной территории, где его учитель и друг Брейер уже не мог ни помочь ему, ни даже за ним последовать.

Теперь его гений отыскивал свою судьбу. Но Фрейд еще не знал, куда приведет его избранная тропа. В это время он познакомился с Флиссом.

В его лице он встретил независимого и одинокого неконформиста, который исключительно на основе интуиции и клинических наблюдений осмелился выдвинуть ряд смелых гипотез. Они казались довольно фантастическими, но тем не менее захватывали своей отчаянной смелостью. Его гипотезы и многообещающие идеи Фрейда касательно истерии и иных психоневрозов подошли друг другу как нельзя лучше.

Возможно, заинтересовало Фрейда и то, что в своей гипотезе Флисс опирался на терапевтический эффект локальных применений кокаина, обезболивающее действие которого было им исследовано в прежние годы. Из письма от 10 июля 1893 г. мы узнаем, что несколькими годами ранее Флисс оказался «студентом» Фрейда, заинтересованным его мнением об истерических параличах. Этот яркий, харизматический человек готов был принять дружбу Фрейда. Он стремился внимать его речам, в свою очередь тоже рассчитывая быть услышанным. Сверх того, Флисс жил в

другом городе, а потому их отношения были до известной степени свободны от разрушительного влияния повседневных мелочей. Их встречи (или «конгрессы», по выражению Фрейда) проводились в специально выбранных местах, занимая, как правило, два-три дня. Они проходили в атмосфере высочайшей интеллектуальной напряженности, предоставляя обоим ученым прекрасную возможность раскрыть друг другу свои сокровенные замыслы.

После того как Фрейд обнаружил свою «причину», которая захватила его до такой степени, что в одном из своих писем (от 19 февраля 1899 г.; см. главу 5) он назвал ее своим «новообразованием», переписка между ними становилась все более активной и доверительной. Фрейда переполняли мысли, которые он записывал в черновиках, вновь переписывал и отправлял получавшиеся рукописи Флиссу. Он также уговаривал Флисса опубликовать предварительный очерк его концепции назального рефлексорного невроза, читал его рукописи, предлагал свои коррективы и даже подумывал о выпуске совместной статьи.

Трудно поверить, но в то время Фрейд испугался собственных открытий. Поэтому ему было крайне важно общение с таким человеком, как Флисс, который был бы способен выслушать и оценить его (отчасти, возможно, потому, что сам нуждался в благодарной аудитории).

В то время Фрейда окружало крайнее безразличие и даже враждебность коллег. Некоторые из его ранее упомянутых писем отражают это. 25 апреля 1894 г. он пишет о «мертвом штиле в обществе и науке»; 21 мая 1894 г. констатирует: «Я совсем одинок здесь, толкуя неврозы. Они смотрят на меня как на одержимого...» 22 июня 1894 г. Фрейд добавляет: «...поскольку научные контакты с Брейером практически прекратились, теперь я могу надеяться только на свои силы. Поэтому работа идет так медленно». Переписка и общение с Флиссом разрушили эту изоляцию, дав стимулы и силы к новым изысканиям (см. письмо от 14 июля 1894 г.).

К сожалению, письма Флисса к Фрейду не сохранились. Когда вдова Флисса попросила возвратить их, он не смог их отыскать. Ссылаясь на это в письме от 1937 г. к Мари Бонапарт, которая тогда только что выкупила вывезенные из Германии письма Фрейда к Флиссу, Фрейд писал: «До сих пор я не могу понять, уничтожил ли я их, или же искусно спрятал... Как Вы догадываетесь, наша переписка носила глубоко личный характер». Соответственно, у нас нет возможности оценить, до какой степени Флисс был способен воспринимать идеи Фрейда. Однако из собственных писем Фрейда, особенно тех, которые были написаны им в пору его напряженной работы над «Толкованием сновидений», мы можем сделать вывод, что Флисс был не только заинтересованным, но до некоторой степени и понимающим — хотя и

критичным — слушателем и читателем. До тех пор пока это понимание присутствовало в должной мере, мнение Флисса оставалось очень важным для Фрейда, который долго не мог выработать твердой оценки значимости своих работ¹.

Я останавлиюсь позже на том, когда, почему и каким образом их позициям суждено было разойтись. Однако в рассматриваемый нами период эти отношения интенсивно развивались. Фрейд бурно восхищался Флиссом; его восторженность росла по мере того, как крепло его понимание природы неврозов и осознание универсальности определенных психических механизмов.

Как мы уже могли видеть по письмам Фрейда к невесте, он был подвержен тем колебаниям настроения, когда периоды энтузиазма и высокой творческой продуктивности чередуются с временами уныния и упадка сил, которые Гёте считал спутниками безрассудной страсти:

В радости к небесам,
В горе к смерти².

Однако подобные перепады настроения часто встречаются и у очень творческих людей, создающих свои лучшие произведения в состоянии душевного подъема, концентрируя все свои силы для относительно короткого рывка. Творчество Фрейда характеризовалось именно такими краткими всплесками активности. Самые трудоемкие свои работы, как «Проект научной психологии», 7-я глава «Толкования сновидений» и большинство статей по метапсихологии (1915), он создавал за какие-нибудь несколько недель. На смену таким сверхусилиям часто приходили периоды серьезных сомнений в ценности всего написанного за предыдущее время.

Однако в пору дружбы с Флиссом основания для таких перепадов имели гораздо более комплексный характер. Отчасти они зависели от физического состояния Фрейда (которое я обсуждал во 2-й главе). Так, его творческие возможности существенно ослабли во время, когда его мучили наиболее выраженные симптомы заболевания сердца. Хорошо известно, что стенокардия и приступы пароксизмальной тахикардии почти всегда в большей или меньшей степени сопровождаются повышенной тревожностью.

¹ Флисс категорически отказался разделять научную позицию Фрейда, когда обнаружил невозможность одновременного принятия его идеи психического детерминизма и своей веры в абсолютное доминирование неких таинственных «внутренних часов». Тем не менее из переписки между Фрейдом и Абрахамом и от доктора Марианны Крис, дочери Оскара Рие, мы узнаем, что Флисс практически до самого конца сохранял интерес к психоанализу, знакомясь с публикациями Фрейда и рекомендуя своим пациентам лечение посредством психоаналитических методов.

² Гёте, «Эгмонт».

В те годы, когда средства диагностики сердечных заболеваний были крайне несовершенны, такой признак даже считался весьма существенным¹.

Ощущение тревоги в таких случаях отчасти возникает из-за появляющегося чувства тяжести в грудной клетке. Фрейд ярко описал его в своем письме от 19 апреля 1894 г. Отчасти это происходит из-за неожиданности и непредсказуемости начала очередного приступа. То, что позже Фрейд представил как суть «травмирующей» ситуации — внутренняя беспомощность «Я» перед лицом грозящей опасности, — проявляется и в этой болезни. Кроме того, как медик, он понимал истинное значение своих симптомов, что также усиливало его тревогу.

Однако описанные Фрейдом приступы все же не вызывали в нем какого-то особенного ужаса. Как указывалось раньше, лишь однажды в своем письме он упомянул о появившемся у него страхе смерти (см. главу 4). Принимая во внимание полнейшую искренность и доверительность его писем к Флиссу, мы можем полагать, что Фрейд, несомненно, не раз бы поведал о своих страхах, если бы он действительно их испытывал. Следовательно, нельзя утверждать, что Фрейд вообще не испытывал страха смерти, особенно в период своих наиболее сильных приступов, или не имел мрачных предчувствий, что очередной такой приступ может оказаться роковым. Однако мы можем заявить, что происходящее прежде всего вызывало у Фрейда депрессию и появление навязчивых мыслей о возможной длительности своей жизни. Этот настрой, свободно выражавшийся на страницах писем к Флиссу, был неразрывно связан с рядом мучивших Фрейда вопросов. Их можно было бы сформулировать следующим образом: «Не слишком ли грандиозна задача, за решение которой я взялся? Не беру ли я на себя слишком большую смелость? Смогу ли я прожить достаточно долго, чтобы хотя бы издали увидеть свою землю обетованную?» (Впоследствии он выразил эти мысли в одном из своих последних писем к Флиссу; см. главу 6.) Возникавшая после сердечных приступов депрессия была не в состоянии перечеркнуть фактические успехи, которые сопровождали движение Фрейда по избранному им пути, что делало мучившие его вопросы еще острее. Сверх того, хотя это и может прозвучать неправдоподобно, но даже в пору самого угнетенного настроения и в периоды, когда прогресс в лечении пациентов оказывался более чем незначительным, Фрейд никогда не ставил под сомнение истинную ценность своих открытий.

¹ Многие пациенты, страдающие стенокардией, утверждают, что во время приступа их грудь будто сжимает железным обручем и они начинают ощущать нехватку воздуха даже при отсутствии одышки. При этом феномены шокового рефлекса наподобие «холодного пота» и т. п. усиливают чувство страха, которое, в свою очередь, значительно повышает реальную опасность приступа.

В то время душевные конфликты Фрейда были еще далеки от своего разрешения. Ему только предстояло исследовать через самоанализ значимость впечатлений раннего детства, эдипов комплекс, множество сторон своего чувства вины и т. д. Выражали себя эти конфликты через боязнь путешествий, тревогу, которую Фрейд ощущал в связи с неуклонным старением, и особенно через предрассудок, заставлявший его постоянно думать о якобы предопределенной продолжительности собственной жизни.

Фрейд стоял на пороге важнейших открытий. Творческий поиск, начатый им с обращения к новому методу лечения истерии, постепенно привел к пониманию того, что он прикоснулся к одной из величайших загадок бытия. И чем ближе он подходил к ее разрешению, тем все более сложные препятствия вставали у него на пути. Продвижение вперед было мучительно медленным, сопровождалось ошибками и просчетами. В своих изысканиях Фрейд зависел от информации, которую удавалось получить при анализе своих пациентов. Но он был вынужден признать, что нечто внутри его самого не позволит ему прийти к искомому решению теми методами, которыми он овладел в лаборатории. Из переписки с Флиссом мы узнаем, что к *систематическому* самоанализу Фрейд не приступал вплоть до 1897 г.

Нам следует учитывать, что потребности начать самоанализ у Фрейда появились прежде, чем он его действительно начал. Мотивов было много. Фрейд стал понимать, что и он сам не свободен от невротических симптомов, или «истерий», как он называл их в переписке с Флиссом. Все отчетливее он осознавал тот факт, что определенные явления, которые он наблюдал у своих пациентов, могли быть лишь искаженным и гиперболизированным продолжением универсальных закономерностей функционирования человеческой психики. Было ли для человека, обладавшего основательностью Фрейда, что-либо более естественное, чем попытка отыскать внутри себя ответ на вопрос об обоснованности и применимости своих гипотез о функционировании человеческой психики к другим людям, не входившим в круг его пациентов? Разумеется, он обратился к такому универсальному явлению, как сновидения. Пациенты стали пересказывать Фрейду свои сны, а он обнаружил, что они вполне могут поддаваться разумной интерпретации. Соответственно, Фрейду теперь было логично обратиться к изучению снов собственных.

Были к тому же и дополнительные мотивы. В процессе постоянных, напряженных раздумий над проявлениями проблем своих пациентов Фрейд обнаружил, что всякий раз когда он думал, что нашел ключ к осознанию логики их симптомов, то неизменно должен был признать, что какой-то аспект этой проблемы всегда

остается недоступным для понимания. Из его писем к Флиссу, в особенности из приложенных к ним черновиков с теоретическими набросками, выясняется, что он постоянно изменял свои формулировки, по мере того как осознавал необходимость искать «травматические» впечатления пациентов на все более и более ранних ступенях их развития. Постепенно он оценил силу механизмов вытеснения и сопротивления. Это произошло задолго до того, как Фрейд предложил эти термины. Все яснее для него становилось, что, возможно, и он сам подвержен влиянию таких же механизмов.

Вернемся теперь к вопросу интереса Фрейда к снам. Нам известна дата появления сна об инъекции Ирме — образцово-показательного для психоанализа сна (24 июля 1895 г.), о котором позже Фрейд писал Флиссу 12 июня 1900 г.: «Можешь ли ты себе представить, что однажды в этом доме появится мраморная табличка, на которой будет написано: «Здесь 24 июля 1895 г. доктором Зигм. Фрейдом была разгадана тайна сновидений»?» Это толкование, возможно, было его первым систематическим анализом сновидения, в том смысле, что он впервые привел ассоциативные связи к каждому элементу сна, тщательно их сопоставил и таким образом исследовал характер функционирования так называемых механизмов сновтворчества, как он назвал их позже. Однако этому должна была предшествовать длительная серия из анализов собственных снов Фрейда и снов его пациентов. В письме к Флиссу от 4 марта 1895 г. (более чем за три с половиной месяца до сна об инъекции Ирме) Фрейд упомянул о сне Руди Кауфмана¹, молодого врача, который не любил просыпаться слишком рано. Ему снился «галлюцинаторный» сон, в котором он видел себя находящимся в госпитале. Это письмо указывает не только на то, что к тому времени Фрейд стал задумываться о функции сна, нацеленной на воображаемое исполнение желаний, но также и на то, что его друзья и коллеги уже знали о его интересе к снам и собирали их для него.

Я полагаю, что по аналогии с постепенным развитием анализа сновидений, который в конечном итоге привел к разработке специальной методики, систематический самоанализ Фрейда также прошел даже через еще более долгую подготовительную стадию. Весьма важно то, что существенную роль при этом сыграл анализ Фрейдом собственных сновидений. Я также исхожу из предположения, что в некоторых своих аспектах эта предварительная стадия началась еще в 1893 г.

Мы справедливо рассматриваем самоанализ Фрейда как беспрецедентный и непревзойденный подвиг. Для тех, кто не имеет

¹ Рудольф Кауфман, ставший одним из известных венских кардиологов. Он был племянником Брейера.

представления о том, какие трудности возникают перед всяким, кто осмелится пойти по такому пути, необходимо представить некоторые пояснения. (Следует напомнить, что такой анализ осуществляется под контролем эксперта, который сам прежде обязан пройти через сходную процедуру в процессе тренировочного анализа.) Препятствия возникают в форме сопротивления попыткам вскрыть те многочисленные конфликты, через которые всем нам пришлось пройти в годы своего формирования. Крайне тяжело восстанавливать болезненные воспоминания прошлого; признавать то, что все мы скрываем в душе мысли и желания, которые считаются злыми, низменными, агрессивными, и даже то, что мы совершали деяния такого рода. Большинство противится изменению некоторых глубоко укоренившихся черт характера и даже возможности распрощаться со своими болезненными симптомами. Преодолеть это совсем не просто.

Представим теперь, с какими трудностями Фрейд столкнулся перед началом самоанализа. Их можно сравнить с теми, что возникают в ситуации, когда исследователь отправляется в экспедицию, не зная места назначения, не имея ни карты, ни компаса и вдобавок сомневаясь, какие средства и инструменты будут ему нужны в этом походе¹.

Мы знаем, что в качестве одной из важных составляющих любого анализа выступает явление «перенесения». У анализируемого возникает и развивается некое особое отношение к психоаналитику, отражающее те глубокие отношения, которые некогда определяли его общение, например, с родителями, братьями и сестрами. Таким образом, отношение перенесения, по сути, как бы повторяет события минувших лет, а также отражает те изменения, которые претерпели исходные отношения под влиянием жизненных перипетий. Анализ «проявлений перенесения» дает важную информацию для понимания важнейших событий прошлого, а также фантазий, конфликтов и влечений. Среди явлений перенесения мы будем выделять «позитивные» и «негативные». По отношению к психоаналитику анализируемый может обнаруживать у себя очень глубокие позитивные чувства в самой разной степени их выраженности. Он может испытывать к нему доверие, привязанность, даже проецировать на него свои сексуальные фантазии, некритично переоценивать его качества, питать неоправданно завышенные «магические» ожидания в отношении результатов анализа и т. д. Однако могут возникнуть и чувства противоположной направленности: крайнее негодование, непатия, разочарование, вплоть до желания смерти.

¹ Я намеренно воспользовался здесь метафорой, сходной с использованной Фрейдом в одном из его писем Флиссу, в котором он рассказывал о своем плане написания «Толкования сновидений».

Сильное сексуальное перенесение, которое обнаружилось у первой пациентки Брейера, заставило его отказаться от дальнейшей работы над этим терапевтическим методом. Фрейд понял, что позитивное перенесение — если им правильно оперировать — может оказаться важным средством в развитии доверительных отношений. Он понял и особую значимость анализируемого возникающего позитивного перенесения. Только через долгое время Фрейд обнаружил, что развитие негативного перенесения представляет собой не просто сопротивление, но повторяет ключевые моменты прошлого. Коротко говоря, перенесение является неотъемлемой частью анализа.

Каким же образом перенесение проявилось у Фрейда? Фрейд сам был собственным аналитиком. Между тем важнейшая потребность в объекте перенесения проявила себя даже в его самоанализе и отразилась в его отношении к Флиссу.

Было бы пустой тратой времени рассуждать на тему, мог ли Фрейд выполнить свой самоанализ без такого объекта. Определенно мы можем лишь утверждать, что этот самоанализ сыграл принципиальную роль в разрешении Фрейдом собственных внутренних конфликтов и повлиял на дальнейшее развитие его концепций. По этой причине нам важно максимально глубоко разобраться в самоанализе Фрейда и проследить, как он возник и менялся под влиянием их отношений. На этом пути я приму к сведению слова самого Фрейда, который в 1912 г. утверждал на страницах своих писем, что некоторые эпизоды из его жизни, подвергнутые самоанализу, связаны с отношениями с Флиссом.

В регулярном анализе важным условием для развития типичного перенесения служит определенная психологическая дистанция между анализируемым и аналитиком. Аналитик, разумеется, проводит интерпретацию, осмысляя в том числе и все наблюдаемые проявления перенесения, и соответствующим образом оказывает воздействие на ход всего анализа. В случае с Фрейдом многое было не так. Фрейд сам интерпретировал неизвестные психологические механизмы, которые обнаруживал в ходе этого процесса. Неудивительно, что время от времени он оказывался в очередном тупике. Например, 14 ноября 1897 г. он писал: «Мой самоанализ все еще не возобновлен. Я могу анализировать себя только лишь на основе информации, приобретенной объективным путем (как если бы я был посторонним человеком); самоанализ невозможен, иначе болезней бы не было». Фрейд не добавил тут, что он является исключением из правил и не остановится перед трудностями.

Вряд ли кто-либо, кроме самого Фрейда, мог бы еще лучше проиллюстрировать характер взаимосвязи между его отношением к Флиссу и его самоанализом. Когда Фрейд узнал от Мари Бонапарт, что она собирается приобрести его переписку с Флиссом, он написал ей:

«Ввиду близкого характера наших отношений, эти письма вскрывают как деловые, так и личные аспекты; однако даже деловые, где получили отражение все озарения и заблуждения развивавшегося психоанализа, носят весьма личный характер... По этим причинам для меня весьма желательно быть уверенным, что эти материалы паходятся в Ваших руках».

Я уже коснулся нескольких факторов, которые могли повлиять на развитие отношения Фрейда к Флиссу. Я напомню о них снова, добавив к ним несколько ранее не обсуждавшихся:

Генетические связи, коренившиеся в раннем детстве Фрейда, которые проявили себя в его отношении к Брейеру и Шарко; нарастание разобщенности между Фрейдом и Брейером.

Практически полная социальная и интеллектуальная изоляция Фрейда; его растущая уверенность, что он не просто открыл новый метод лечения истерии, но вот-вот отыщет ключ к разгадке извечных тайн человеческой психики; острая потребность в симпатизирующем «альтер эго», способном выслушать и понять; совокупность особых качеств личности Флисса, его широкие интересы, смелость предлагаемых им гипотез.

В пору обострения проблем Фрейда с сердцем Флисс постепенно принял на себя роль его доверенного врача, «арбитра» между жизнью и смертью, строгого критика и инициатора отказа от курения. Несомненно, все это не только способствовало быстрому развитию их отношений, но и придавало этим отношениям особую остроту. Ответная реакция Флисса, который, по-видимому, не просто соглашался на продолжение этих отношений, но активно стремился их развивать.

Какие аспекты отношения Фрейда к Флиссу можно сравнить с отношением перенесения в рамках аналитической ситуации? Во-первых, завышенная оценка объекта перенесения, ослабляющая критичность по отношению к его личным качествам, работе, научным достижениям и т. д. Затем это завышенная потребность в одобрении и похвале; тенденция отвергать любые негативные чувства (см. главы 4 и 5); чередование покорности и неповиновения, свидетельствующее о наличии двойственности, неизбежно сопутствующей любому регулярному анализу.

Внезапные вспышки враждебности, которые могут выражаться в оговорках, снах и даже вполне открыто в смещенном чувстве вины или в рамках симптомообразования (см. главы 4, 5, 6 и 7); сексуализация отношений. Этот аспект Фрейд обнаружил или, по крайней мере, подтвердил только позже (см. главы 5, 6 и 9)

Чтобы провести различия между перенесением в регулярном анализе и напоминающими перенесение явлениями, которые присутствовали в самоанализе Фрейда, я буду говорить о «переносоподобных явлениях» и о «переносоподобном отношении». Эти факторы начали проявляться в 1893 г.

Потребность поддерживать завышенное мнение об аналитике нередко выражается в том, что любые проявления его слабости вызывают негодование и страх. Сходными чувствами анализируемый может реагировать и на известие о любой телесной болезни аналитика, особенно если ему становятся известны ее подробности. Это способно внести напряженность в отношения перенесения.

Сходная картина наблюдалась во время продолжительной предварительной фазы самоанализа Фрейда. Хотя мы не имеем прямых сведений о болезнях Флисса, в письмах Фрейда на этот счет содержится немало информации. По-видимому, Флисс страдал от очень сильных головных болей. Он объяснял их патологией носа и носовых пазух. С дальнейшими разработками в области его теории периодичности объяснительная база расширилась. С тех пор Флисс стал считать, что появление головных болей в так называемые «критические периоды» возможно и вне влияния патологии носа. В целях диагностики своих симптомов и их устранения Флисс консультировался со многими известными специалистами в соответствующей области и прошел через множество операций. Некоторые из них были весьма серьезны и, с учетом большого числа тяжелых послеоперационных осложнений в те времена, довольно рискованны.

Фрейд был глубоко взволнован проблемами Флисса. Его первоначальной реакцией были беспокойство и сочувствие. Так, в письме от 7 февраля 1894 г. Фрейд писал:

«Я почувствовал облегчение, когда узнал мнение Шефера (отоларинголог, лечивший Флисса в Бремене. — *М. Ш.*) по поводу твоих головных болей. Он обещает тебе полное выздоровление. Я набрался наглости поговорить с ним напрямую».

В письме от 19 апреля 1894 г., где Фрейд описывает свой наиболее сильный сердечный приступ и где естественно было бы ожидать выражение его сильной потребности в контакте с Флиссом, он поделился и своими первыми сомнениями относительно причин головных болей друга (см. главу 2). Во время их встречи в августе 1894 г. Флисс, подвергшийся незадолго до того хирургическому вмешательству, должно быть, обсуждал свои головные боли с Фрейдом. В ранее процитированном письме от 23 августа 1894 г. душевный конфликт Фрейда уже заметен достаточно ясно:

«Дорогой друг.

Ты испытываешь сильные головные боли и ожидаешь следующей операции; это прозвучало бы мрачно и тяжело, если бы я не согласился полностью разделить твои надежды на то, что предстоящий курс лечения освободит тебя от них. Обязательно пообещай мне прямо сейчас, что не забудешь о том факторе, который

непосредственно предваряет появление твоих головных болей и который возникает исключительно на первой почве. Другими словами, пообещай мне столь же недвусмысленно, что на этот раз будешь ждать столько, сколько потребуется [буквально: «пока заживет шрам», то есть до полного выздоровления], прежде чем вернешься в Берлин к работе.

Мы еще будем писать или говорить на эту тему».

Неопубликованный отрывок из письма от 29 августа 1894 г. обнаруживает еще более выраженный конфликт:

«Дорогой друг.

Это уж слишком; неужели ты намерен окончательно известить меня? Никуда не годится оперироваться вновь и вновь; с этим надо покончить раз и навсегда. Та старая женщина¹, которой когда-то так не поправились твои головные боли и которая написала мне страшное письмо, действительно была права! Но что мне с этим делать? Я хотел бы быть «доктором», как говорят люди, пастоящим врачом и волшебным целителем, чтобы разбираться в таких вещах и не отдавать тебя в чужие руки в таких обстоятельствах. К несчастью, я не таков, и ты это хорошо знаешь. И здесь я должен положиться на тебя, как и во всех прочих [вещах]. Я должен надеяться, что ты сам знаешь, как исцелить себя, и достигнешь в этом таких же успехов, как и в отношении других (включая меня)».

Выраженные в этих абзацах противоречивые эмоции вполне очевидны. Это и раздражение, и досада, и боль, и явный критический настрой, сменяемый выражением полной уверенности в благополучном исходе. В других частях этого письма отражены еще более мучительные конфликты, которым через годы предстояло вновь напомнить о себе. Им было суждено сыграть очень важную роль в некоторых снах Фрейда. В основе одного из них лежал тот факт, что Фрейд собирался вместе со своей женой отправиться в путешествие. Следовало ли ему отказаться от этих планов и поспешить позаботиться о своем больном друге? Он не отказался от путешествия, которое оказалось очень приятным; когда же он узнал, что Флисс был прооперирован в Мюнхене, в его письмах проявилось сильное чувство вины. Об этом свидетельствуют перешитые уверения в готовности поспешить со своим «запоздалым» визитом.

Неудивительно, что отношения Фрейда с Флиссом порой были весьма напряженными и даже паходились на грани кризиса! Каждый из этих кризисов определялся сочетанием факторов, восходивших к поступкам, поведению и суждениям Флисса и сопут-

¹ Ссылка не идентифицирована.

ствующему углублению понимания Фрейдом закономерностей функционирования психики, достигнутого по результатам его самоанализа и работы с пациентами.

В обычном анализе проявления как позитивного, так и негативного перенесения находятся под постоянным наблюдением. В это время Фрейд уже постиг значение эротического перенесения, но еще не отдавал себе отчета в сложности явлений перенесения позитивного и негативного. Таким образом, неудивительно, что несколько лет Фрейд не просто оставался в неведении относительно степени интенсивности конфликта в своих отношениях с Флиссом, но не имел даже понятия о его существовании.

ЭПИЗОД ЭММЫ

Двойственность особенно сильно проявилась в связи с событием, обсуждение которого заняло центральное место в их переписке с марта по апрель 1895 г. Оно повлияло на содержание, ассоциации и толкование Фрейдом «образцового сна», который приснился ему в ночь с 23 на 24 июля 1895 г. Этот эпизод был связан с так называемым «случаем Эммы».

Некоторое время Фрейд лечил от истерии пациентку по имени Эмма. Он попросил Флисса (как он поступал и при лечении многих других пациентов) проверить ее на предмет наличия какой-либо патологии носовых раковин и синусов, которая могла бы повлиять на ее истерическую симптоматику. Флисс обнаружил некоторую патологию и предложил сделать операцию. По настоянию Фрейда, который, как он сам говорил, желал для своих пациентов «только самого лучшего», в феврале 1895 г. Флисс специально приехал из Берлина. Однако, прооперировав Эмму, он не смог оставаться в Вене достаточно долго, чтобы позаботиться о ней и в послеоперационный период.

После операции у пациентки Фрейда обнаружились стойкие боли, зловонные выделения и кровотечения из носа. Фрейд поначалу отнес эти жалобы за счет ее истерии. Но постепенно он все более озадачивался этими симптомами. После нескольких попыток улучшить дренаж раны приглашенный отоларинголог обнаружил, что Флисс случайно забыл в полости (которая, очевидно, образовалась после удаления носовой раковины и вскрытия синуса) полуметровый кусок пропитанного йодоформом тампона из газа. При его удалении у пациентки произошло сильное кровотечение. На несколько секунд она впала в шоковое состояние, длившееся до тех пор, пока кровь не удалось остановить. Фрейду, присутствовавшему при этой процедуре, стало дурно, и он вынужден был покинуть комнату. Восстановиться он смог лишь после порции коньяка.

Впоследствии пациентка вынуждена была пройти через дополнительную операцию. Ее кровотечения повторились; причем одно из них оказалось настолько сильным, что обсуждалась возможность лигирования сонной артерии. Она нуждалась в присутствии дезинфицирующего материала еще долгое время, пока сохранялся риск заражения. Опасность миновала лишь через несколько недель.

После того как Фрейд понял, что Флисс сделал одну из довольно заурядных хирургических ошибок, повлекшую за собой непредвиденные осложнения, он около суток не решался сообщить ему об этом. Затем он отправил Флиссу большое письмо, начинавшееся с живого описания «развязки» — рассказа об обнаружении тампона с йодоформом, причине неприятного запаха, болей и кровотечения. Затем последовали уверения в совершеннейшей непоколебимости доверия Фрейда к Флиссу, утверждение, что никто не может и не станет обвинять Флисса в произошедшем, признание Фрейдом собственной вины за свои колебания перед написанием письма и убеждение, что Флиссу определенно не следует приписывать эти новости слишком близко к сердцу и т. д. Фрейд объяснял случившийся у него с началом кровотечения приступ слабости не запахом и видом крови, а эмоциями, которые захлестнули его, когда он вдруг представил себе эту ситуацию во всех ее аспектах. «Всего лишь» через десять минут он вынужден был признать, что в этом кровотечении виноват отоларинголог! Причину кровотечения (рационализация) Фрейд увидел в том, что этот отоларинголог удалял газ из полости не в госпитале (где эту полость предварительно расширили бы), а в домашних условиях.

Фрейд понял природу промашек (ошибочных действий) лишь на более позднем этапе своей аналитической работы. Следовательно, мы можем утверждать, что, всячески оправдывая Флисса, Фрейд неосознанно наверняка хорошо знал, что именно Флисс виноват в возникшем у пациентки тяжелом осложнении, и даже обвинял его в этом. Его вера во Флисса как во врача сильно поколебалась.

Его истинная позиция более отчетливо обнаружилась в письмах, написанных в то время, когда состояние Эммы было близким к критическому. В них Фрейд позволил себе высказать в адрес Флисса ряд завуалированных упреков. Однако в то время сознательно он был еще не готов занять в этом вопросе более определенную позицию. Очевидно, что тогда Фрейд не мог позволить себе поставить под удар позитивную сторону своего отношения к Флиссу и оберегал ее методами отрицания и смещения вины. Поступки Фрейда в период кризиса красноречиво свидетельствуют о наличии двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, Фрейд не мог не обвинять Флисса в случившемся, но с другой — не мог без него обойтись. Флисс был очень нужен Фрейду в то тяжелое

время, время важных открытий и выбора направления дальнейших изысканий. Кроме того, Фрейд был все еще не вполне уверен в собственном здоровье.

Переписка за весь этот период, начиная с февраля и до появления сна об инъекции Ирме (23—24 июля 1895 г.), дает представление не только об изменении самых болезненных симптомов у Фрейда, но и его реакции на них. Эта реакция менялась параллельно сдвигам в его отношении к Флиссу.

Флисс, видимо, изменил свое мнение по сердечной симптоматике Фрейда и теперь приписывал важную роль влиянию патологии носа, однако по-прежнему не снимал своего запрета на курение. Зимой 1895 г. Фрейд в очередной раз простудился и, видимо, заболел хроническим риносинуситом. Когда в конце февраля Флисс прибыл в Вену, чтобы прооперировать Эмму, он часто встречался с Фрейдом и лечил его с помощью тех методов, которые часто использовал и на их «конгрессах» — местной аппликацией кокаина в нос и прижиганием (позже он по крайней мере один раз провел операцию на носовой раковине Фрейда).

Сложно судить, был ли акцент, сделанный Флиссом на патологии полости носа как причине сердечных симптомов Фрейда, следствием развития его взглядов на назальный рефлексорный невроз. Возможно, он являлся новой попыткой ослабить обеспокоенность Фрейда этими симптомами. Могла сказаться и постоянная озабоченность Флисса собственными «назальными» симптомами.

Позже, в конце марта или начале апреля, Флисс пошел еще на одно хирургическое вмешательство. Фрейд отреагировал на эту весть столь же неоднозначно, как и в 1894 г. 11 апреля 1895 г. он писал Флиссу:

«Изыскания остановились на полпути, т. е. ничего нового, нет ни идей, ни новых наблюдений. Я совершенно утомлен психологией и думаю бросить все это на некоторое время. Успехи есть только по книге Брейера [«Очерки об истерии»]. Через три недели она будет закончена...

До сих пор ничего не говорилось о тебе. Я думаю, что ты вновь начал приходить в себя. Да будет так! Значит, в конце концов, твоя голова снова в порядке. *Все* кончено; могу ли я в это поверить?»

В этих последних предложениях Фрейд выразил свои надежды и сомнения относительно конечного успеха различных «назальных» операций Флисса. Как мы увидим, этим надеждам, которые были крайне важны для Фрейда в особенности в пору написания им этого письма, не суждено было сбыться.

В письме от 20 апреля 1895 г. весьма заметно характерное присоединение «случая Эммы» к проблемам Фрейда с собственным здоровьем и проявлениям его потаенного конфликта в отношении

к Флиссу. Когда состояние Эммы было критическим, Фрейд дал понять Флиссу, что один из приглашенных к Эмме отоларингологов связал ее повторные кровотечения с первой, сделанной Флиссом, операцией. Подобному «наговариванию» на кого-либо другого суждено было еще не раз проявиться в снах Фрейда. Это обстоятельство в дальнейшем мы еще не раз обсудим.

Видимо, Флисс отреагировал на это с большим негодованием, потребовав извинений. 20 апреля Фрейд отвечал:

«Написавший эти строки еще очень слаб, но весьма огорчен, что ты считаешь нужным требовать от Г. извинений. Даже если Г. придерживается о твоих навыках такого же мнения, как и Вайль, для меня ты всегда останешься целителем, образцом человека, которому смело можно доверить свою жизнь и жизнь своей семьи. Я хотел рассказать тебе о своем недомогании, возможно, посоветоваться по поводу Эммы, но никак не упрекать тебя. Это было бы глупо, несправедливо и полностью противоречило бы моим чувствам...»

В этом же письме Фрейд обсуждал состояние своего здоровья, особо остановившись на предположениях Флисса о назальном происхождении сердечной симптоматики.

«Что касается моего состояния, то мне хотелось бы разделить твою уверенность в том, что источник моих проблем — прежде всего нос, а не сердце. Лишь очень строгий судья обиделся бы на то, что при таком пульсе и дурном самочувствии я часто склонен придерживаться противоположной точки зрения. Я не могу принять твоего предложения и приехать в Берлин сейчас же. Я не в состоянии позволить себе потратить на собственное здоровье 1000 — 1500 флоринов (400 — 600\$) и даже половину этой суммы. Но я недостаточно деморализован, чтобы принять денежную помощь от тебя¹. К тому же я считаю, что это совсем не обязательно. Если нагноение [клиновидной пазухи; см. письмо от 26 апреля 1895 г.] являет собой основную проблему, то опасность практически отсутствует, а несколько месяцев небольших неудобств меня не убьют. Если же, напротив, основной проблемой является заболевание сердца, то ты сможешь лишь уменьшить неприятные ощущения. В будущем же мне придется столкнуться с опасностью абсолютно внезапно, чего я совсем не хочу.

Сегодня я чувствую себя более обнадеженным и потому в состоянии писать. С помощью кокаина я избавился от приступа [назального, не сердечного]. Не могу гарантировать, что не приеду

¹ Видимо, Флисс предлагал Фрейду денежную помощь, благодаря которой эта поездка могла бы состояться.

на день или два для прижигания или гальванизации [Фрейд имел в виду электрическое или химическое прижигание], но в данный момент даже это невозможно. *Как бы я хотел, чтобы ты согласился больше не думать о моем сердце* [курсив мой. — М. Ш.].

Счастлив¹ надеяться вновь услышать тебя.

Искренне твой Зигм.».

Это последнее письмо особенно показательное. Очевидно, что Фрейда все менее и менее заботит состояние его сердца. Несмотря на сохраняющуюся теплоту и доверительность их отношений, Фрейд демонстрирует все большую независимость и оправданно отказывается от любых радикальных процедур. Возможно, он помнил о проблемах, которые возникли у Эммы. Его беспокойство относительно предполагаемых расходов, связанных с поездкой в Берлин, возможно, отчасти было связано с новой беременностью его жены.

26 апреля 1895 г. Фрейд снова написал:

«Довольно странно, но я совсем не чувствую себя плохо. С помощью кокаина я положил конец последнему отвратительному приступу. С тех пор дела идут прекрасно; вышло очень много гноя. Очевидно, у меня эмпиема клиновидной пазухи, чему я несказанно счастлив. Она, наша мучительница, сейчас, похоже, также ведет себя хорошо.

[И 27 апреля] 1) Я чувствую себя хорошо; 2) выделилось много гноя; 3) чувствую себя *очень* хорошо. Соответственно, я больше не хочу беспокоиться о своем сердце, тем более если диагноз скорее безобиден, чем наоборот. Однако я приеду и позволю себе принять от тебя помощь.

[Наконец, 25 мая Фрейд пишет:] Теперь о состоянии моего носа. Вышло очень много гноя, и теперь я чувствую себя великолепно. Сейчас выделение практически остановилось, но я до сих пор чувствую себя очень хорошо».

ПЕРВЫЙ ТРИУМФ

В тот драматический период, когда Фрейд, глубоко симпатизировавший своей пациентке Эмме, мучился от чувства вины за то, что именно он оказался невольным источником ее проблем,

¹ Фрейд, видимо, был «счастлив» потому, что чем больше проявляла себя патология носа, тем проще ему было верить в гипотезу Флисса о «назальной рефлекторной» этиологии наблюдавшихся у него симптомов заболевания сердца. Впрочем, гораздо вероятнее, что к тому времени он уже в достаточной степени избавился от своей легкой коронарной недостаточности, независимо от рецидива синусита.

пригласив для лечения Флисса, он продолжал писать «Очерки об истерии», где изложил свои мысли двухлетней давности. Кроме этого, Фрейд работал над статьей о тревожном неврозе. Однако ни та ни другая работа Фрейда не отражала главной направленности его основных усилий, которую он охарактеризовал в двух письмах, написанных с интервалом в месяц. Первое из них появилось 27 апреля, спустя день после процитированного выше. Второе же, более развернутое, чем первое, было написано 25 мая 1895 г.¹ По этим письмам мы можем судить о развитии ключевых идей и наблюдать порожденный ими конфликт и душевные терзания. Фрейд предпринял первую попытку выйти на уровень обычной психологии, в первом из этих двух писем еще весьма скромно говоря о «психологии для невролога». Он еще колебался между намерением сформулировать свои гипотезы в рамках нейрофизиологии и крепнущим пониманием того, что ему надлежит развивать свои идеи исключительно в рамках психологии. Первое направление привело к появлению осенью 1895 г. «Проекта научной психологии». Второе спустя более чем четыре года поисков и ошибок — к седьмой главе «Толкования сновидений».

Однако были и более непосредственные результаты. Фрейд начал осознавать, что удовлетворительное понимание психической патологии невозможно вне опоры на знание действительных законов функционирования нормальной психики. С другой стороны, он обнаружил, что изучение патологических состояний психики позволит достичь более глубокого понимания функционирования психики нормальной. У него зародилась мысль, что психоанализ должен стать неотъемлемой частью обычной психологии.

То, что самоанализ Фрейда заявил о себе уже в этот период повышенной творческой активности, можно предположить на основе описания Фрейдом собственного состояния, взятого из письма к Флиссу от 25 мая 1895 г.

«Фактически удовлетворительная общая концепция психоневротических расстройств не будет возможна, если не связать их с четкими послылками относительно нормальных психических процессов. Последние недели я посвящаю этой работе каждую свободную минуту. С одиннадцати и до двух почти я провожу время в фантазиях, постоянно истолковывая свои мысли, следуя смутным проблескам озарения и останавливаясь, лишь когда оказываюсь в очередном тупике».

¹ Оба письма были опубликованы в «The Origins of Psychoanalysis» только частично.

Это было то состояние ума, которое в последующих письмах Фрейд описывал в связи со своим самоанализом.

Очевидно, он стоял тогда на пороге открытия деятельности сновидений — психического явления, в котором «нормальные» и «патологические» процессы переплетаются наиболее тесно. Фрейд должен был подготовиться к такому шагу, анализируя сны и отработывая методику их толкования. В ином случае систематический анализ сна об инъекции Ирме не состоялся бы. Однако день 24 июля 1895 г. определил важную веху в развитии новой науки.

Фрейд не преминул посвятить половину своего письма от 25 мая (большая часть не публиковалась) работе Флисса. Он выразил в нем свой энтузиазм относительно возможного «решения» Флиссом проблемы зачатия (или, вернее, контрацепции)¹. Практически мимоходом Фрейд сообщил Флиссу о беременности своей жены, зачавшей непосредственно после эпизода с Эммой. Кстати, спустя четыре недели после своего письма Фрейд получил новость о беременности жены Флисса!

Несмотря на крайне напряженный темп работы и тягостные мысли об Эмме, Фрейд находился в очень хорошем и бодром настроении. 12 июня 1895 г. он отважился снова начать курить. Фрейд писал Флиссу:

«Я снова начал курить, поскольку я всегда отказывал себе в этом (уже четырнадцать месяцев)², а также потому, что должен уважить свое психическое существо, иначе оно не сможет оказать мне помощь, а на эту помощь я возлагаю большие надежды. По большей части мучения просто нечеловеческие»³.

По-видимому, Фрейд обсуждал свое решение возобновить курение со своим другом доктором Рие, который «пожаловался» на него в письме к Флиссу, написав тому в тот же день, что и Фрейд (12 июня). Флисс прямо настоял на том, чтобы Фрейд продол-

¹ Похоже, что Флисс обдумывал идею, сходную с той, которая впоследствии получила свое развитие в трудах австрийского гинеколога Кнауца, заложившего основу для создания метода естественного цикла (метода контрацепции). Флисс пришел к похожей идее, развивая свою концепцию периодичности. Любопытно, что Флисс, очевидно, оказался неспособен должным образом развить посетившую его эту весьма интересную и биологически оправданную мысль.

² Фрейд запомнил: в своем пространном медицинском отчете от 22 июня 1894 г. он сообщил Флиссу, что снова начал курить. Также он эпизодически курил и в периоды «некурения» (например, «Четверговая сигара»).

³ Читая о постоянной борьбе Фрейда с никотиновой зависимостью, я начинаю лучше понимать, почему и я оказался не более удачливым в своих попытках более чем тридцатилетней давности убедить его отказаться от курения.

жал воздерживаться от курения. Тот неохотно подчинился, однако даже эта неприятность не смогла испортить ему настроение. Он с воодушевлением встретил новость о первой беременности фрау Флисс, не преминув иронически связать это событие с открытиями Флисса в сфере контрацепции!

«Привет, дорогой Вильгельм!

Пусть дорогая жена твоя, чаяния которой всегда исполняются, и став матерью останется любимицей судьбы...

Я приеду в начале сентября. Ума не приложу, как я буду потом обходиться без тебя. У меня достаточно проблем с курением...

Всецело отдаю должное твоему открытию. Ты станешь величайшим человеком; управляя сексуальностью, которая, в свою очередь, правит человечеством. Ты сможешь сделать и предвидеть все. Потому мне все еще трудно поверить в столь потрясающие перспективы¹ в их второй части. В первую мне поверить значительно проще...»

Флисс некоторое время не отвечал. В конце концов, на следующий день после сна об инъекции Ирме Фрейд послал ему другое письмо. В своей работе «Некоторый остаток «дневного впечатления в «характерном психоаналитическом сне», опубликованной в 1966 г., я подробно обсуждал бросающуюся в глаза связь между всем тем, что произошло с Эммой, явным содержанием, ассоциациями и толкованиями сна об инъекции Ирме, самоанализом Фрейда и переносоподобной стороной его отношения к Флиссу. Поэтому здесь я повторю лишь некоторые наиболее существенные сведения.

Согласно собственному толкованию Фрейда, включенному в «Толкование сновидений», основной смысл сна об инъекции Ирме заключался в его желании избавить себя от любой ответственности за симптомы, которые продолжали наблюдаться у пациентки. Если бы они не прекратились, то это, вне сомнения, означало бы наличие какой-то органической патологии. Такое избавление от ответственности требовалось Фрейду, чтобы заказать несомненность своей профессиональной добросовестности. Для этого он перевалил все вину на своего друга Отто (доктор Оскар Рие), который в беседе с Брейером, по-видимому, критически отнесся к результатам лечения Ирмы, к тому же, как мы знаем, он еще и «жаловался» на Фрейда в письме к Флиссу от 12 июня. В своем сне Фрейд поставил в неловкое и глупое положение также и М. (Брейера). В ассоциациях Фрейда появился и образ Флисса. При этом в сне сложились две группы людей, к которым Фрейд питал противоположные чувства. Первая группа состояла из всех

¹ Открытия Флисса в сфере контроля над рождаемостью.

тех, кто «не знал», кто ставил глупые диагнозы; кто, как «Отто», делал инъекции грязными шприцами; кто, как М., во время осмотра пациента произносил дурацкие замечания. Вторая группа включала лишь одного человека — его друга Флисса. Его «суждения» Фрейд вспоминал «с удовлетворением» всякий раз, когда «ощущал, что к его взглядам не прислушиваются». Он понимал Фрейда и «играл большую роль» в его жизни; «обладал специальными знаниями о последствиях заболевания носа и его полостей»; к тому же он привлек внимание Фрейда «к некоторым весьма примечательным связям между носовыми раковинами и женскими половыми органами». В ассоциации Фрейда вошла и его озабоченность состоянием Флисса, который страдал от гнойного ринита, способного привести к заражению крови.

Фрейд также упомянул, что настоял на осмотре Ирмы Флиссом, чтобы исключить вероятность того, что ее симптомы являются следствием патологии области носа. Связь всего этого с эпизодом Эммы указывает на то, что основным желанием Фрейда, выразившимся в сне об инъекции Ирме, было стремление снять ответственность *не с себя*, но с Флисса. Так Фрейд хотел обезопасить позитивную сторону своего отношения к Флиссу.

24 июля 1895 г. Фрейд открыл «загадку сновидений». В тот день он написал Флиссу, не упомянув ни о сне, ни о его анализе.

«Ты настоящий дьявол! Почему ты не пишешь мне? Как ты? Неужели тебе больше неинтересно ничего из того, что я делаю? Что там с носом, менструацией, родовыми схватками, неврозами, твоей дорогой женой и плодом? В этом году я все-таки нездоров и должен приехать к тебе. Что же произойдет, если волей случая мы останемся здоровы на целый год? Неужели мы только друзья по несчастью? Или же мы хотим делиться друг с другом и впечатлениями более спокойного времени? Где ты проведешь август? Мы очень уютно устроились на «Небесах»¹.

Сердечные поклоны, твой Зигм.»

Фрейд, который позже отмечал, что судьба и случай определяют развитие любого индивидуума, в этом письме назвал Флисса словом «demon» (daimon — по-гречески еще «судьба», «рок») — то есть сравнил его с той силой, которая управляет нами согласно своим законам и от которой невозможно ускользнуть². Однако — повторимся — он написал это письмо в тот день, который впоследствии торжественно провозгласил днем своего великого открытия.

¹ Бельвю, где Фрейд и его семья проводили лето, располагался в окрестностях Вены на Himmelstrasse (Небесная улица).

² Ср. Гёте, «Urworte Orphisches».

Фрейд завершил очередной этап своего жизненного пути истолкованием сна об инъекции Ирме и написанием этого письма. Он вступил в новый этап ярким, пытливым, но отягощенным проблемами человеком. Отныне он знал, что, какие бы злоключения ни готовило ему будущее, он кардинально изменил свои воззрения на человеческую жизнь и до известной степени даже ход ее событий. Всякий раз, когда его обуревали сомнения, он мог положиться на анализ сновидений, который вновь и вновь подтверждал его открытия. Однако сформулировать свои идеи в полной мере он смог лишь через четыре года на страницах «Толкования сновидений».

Фрейд утверждал это неоднократно. Вот письмо к Юнгу, которое он написал 2 сентября 1907 г.:

«Я мог бы... рассказать Вам... о долгих годах благородного, но мучительного одиночества, начавшегося с тех пор, когда я впервые увидел первый отблеск этого нового мира; о том, как мои ближайшие друзья теряли интерес к моим изысканиям и переставали меня понимать; о периодах тревоги, когда я сам полагаю, что заблуждаюсь, и тревожился о будущем моей семьи: о постепенно растущей во мне убежденности, которая цеплялась за толкование сновидений как за скалу в бушующем море, и о той спокойной уверенности, которой я в конечном итоге достиг...»

Очевидно, что в 1895 г. Фрейд еще не достиг этой «спокойной уверенности».

Толкование первого сна оказалось не только важной вехой на пути развития психоанализа, но выступило и в качестве важного средства самоанализа Фрейда. Несмотря на то что сон об инъекции Ирме предполагал отсутствие каких-либо враждебных чувств Фрейда к Флиссу и не допускал никаких сомнений в его невиновности и «величии», эти чувства и сомнения присутствовали в его подсознании. Отныне Фрейд уже отчасти сознавал, что именно он нащупал путь к решению великих загадок бытия, тогда как Флисс все глубже и глубже погружался в трясину пустого умствования. Твердая уверенность в том, что теперь в его руках оказался мощный инструмент для дальнейших изысканий, стимулировала Фрейда продолжать самоанализ с тем, чтобы углубить свое понимание законов функционирования психики. Неизбежный распад переносоподобного элемента его отношения к Флиссу происходил медленно и непросто. Такая болезненность этого процесса была связана с тем, что данный распад осложнялся рядом внешних обстоятельств. Это и привело в конечном итоге к полному разрыву отношений с Флиссом.

Та роль, которую сон об инъекции Ирме сыграл в личной жизни Фрейда, ничуть не умаляет его значения в истории психоанализа. Тогда Фрейд впервые обнаружил, что каждый элемент явно-

го содержания сна имеет определенный смысл, а скрытое содержание сна можно выявить с помощью свободного ассоциирования по каждому из них. В связи с этим спом Фрейд также открыл и описал деятельность сновидения. В ее рамках используются механизмы сгущения и смещения, позже описанные им в качестве типичных психических процессов в области бессознательного (или «Оно»).

Вместе с тем Фрейд тогда еще не разбирался в вопросе перенесения, особенно негативного перенесения и соответствующих зашит, задействованных при формировании сна.

Фрейд не упомянул своего важного открытия деятельности сновидения в письме от 24 июля 1895 г. и лишь едва намекнул на него в письме от 6 августа 1895 г. Он берет новости к их «конгрессу», надеясь, что лечение Флиссом его носа оставит ему достаточно сил, чтобы он сумел о них рассказать.

Как обычно, интенсивнейшие творческие усилия сменились упадком активности, однако Фрейд сумел избежать депрессии. 16 августа он писал: «Сбор грибов определенно много полезнее для здоровья [чем психология]».

В это же письмо вошел и «лейтмотив», впоследствии выражавшийся все более отчетливо. Речь идет о соединении в один образ Иакова, борющегося с Ангелом, и Моисея, увидевшего обетованную землю лишь издали, с горы.

«Вскоре после того... как одно из предгорий оказалось покорено, я увидел перед собой новые трудности и усомнился, что у меня хватит дыхания, чтобы преодолеть их».

Несмотря на то что из контекста (предыдущего предложения) следует, что Фрейд имел здесь в виду свою работу над «Психологией», в нем содержится и намек на сохраняющуюся у него одышку и временную неспособность ходить по горам.

В сентябре 1895 г. Фрейд посетил Флисса в Берлине. На обратном пути в Вену прямо в поезде он принялся писать «Проект научной психологии», закончив его за несколько недель. Несмотря на то что это был лишь эскиз, сейчас, по прошествии более чем семидесяти лет, мы начинаем понимать подлинную меру его значения.

К сожалению, в этот раз Фрейд снова позволил Флиссу прооперировать свою решетчатую кость. Неудивительно, что в письме от 23 сентября 1895 г. Фрейд не только отчитался о прогрессе по «Проекту научной психологии» и упомянул о появлении новых доводов в пользу своих открытий по деятельности сновидений, но и пожаловался на заметное ухудшение самочувствия!

Кроме описания непомерных трудностей, с которыми пришлось столкнуться при попытках завершить «Проект научной психоло-

гии», в письмах Фрейда за этот период отражаются и его душевные волнения. Они были вызваны самоанализом и множеством увлекших его новых идей по происхождению певрозоз. Его отношение к Флиссу в тот период претерпело позитивные изменения. Возможно, это стало результатом их сентябрьской встречи.

8 октября 1895 г. Фрейд писал Флиссу:

«Драгоценнейший Вильгельм.

Я начинаю чувствовать себя гораздо уютнее, если получаю, наконец, новую возможность поддержать в руках твои научные труды. До сих пор мне удавалось лишь мельком познакомиться с ними. Боюсь, что столь изысканный и сложный материал повергнет в смущение мою творческую фантазию».

Далее Фрейд выказал свою потребность во Флиссе, которая на этот раз проявилась в полную силу лишь после завершения лихорадочных усилий по созданию «Проекта научной психологии». Это письмо он закончил так:

«Как у меня с сердцем?»¹ Не особенно хорошо, но и не так плохо, как в первые две недели. В этот раз *мое внимание вообще не направлено на все это*. [Курсив мой. — М. Ш.].

Это последнее предложение вновь показывает, что Фрейд — по крайней мере временно — обрел способность не обращать особого внимания на телесные страдания. С годами эта способность достигла у него уровня мастерства. Однако в 1895 г. до этого было еще далеко. Всего восемь дней спустя (16 октября 1895 г.) Фрейд снова пожаловался на плохое самочувствие. Он бился над формулировками своего «Проекта», но окончить его было непросто. Фрейд явно искал у Флисса сочувствия: «Если я отправлю тебе... несколько страниц философских обрывков (они получились у меня не особенно хорошо), то надеюсь, это настроит тебя на более снисходительный лад». Пытался ли Фрейд в нескольких последующих предложениях умиловить Флисса, который всегда строго запрещал Фрейду курить и, возможно, отчитал его во время берлинской встречи?

«...Я вновь совсем бросил курить, чтобы у меня не было оснований винить себя за мой плохой пульс. С целью избавиться от жалкой борьбы с желанием выкурить четвертую или пятую [сигару] я лучше буду бороться со стремлением к первой. Полный отказ, видимо, не слишком способствует психической удовлетворенности».

¹ Буквально: в области сердца.

Фрейд оказался в состоянии продержаться без курения только несколько недель. К 8 ноября 1895 г. он вынужден был признать:

«Я не смог выдержать полного воздержания. При моей загруженности теоретическими и практическими заботами рост психической напряженности стал невыносимым».

Симптомы заболевания сердца не остались у Фрейда надолго. Они стали постепенно ослабевать. Такая тенденция сохранялась даже в периоды его наиболее интенсивного самоанализа. К тому времени прошло уже два года с момента их первого появления и почти двадцать месяцев со времени наиболее сильных приступов болей и пароксизмальной тахикардии. Это вполне согласуется с моим предположением о том, что весной 1894 г. Фрейд страдал от легкой формы коронарного тромбоза.

Фрейд временно отложил свою работу в ее теоретической части и полностью сосредоточился на эмпирических наблюдениях. Он сообщал о своем хорошем физическом самочувствии и способности выдерживать большие нагрузки. 29 ноября 1895 г. Фрейд пишет Флиссу:

«Драгоценный Вильгельм.

Я чувствую себя так хорошо, как не ощущал себя *с тех пор, как все это началось*. У меня остались только обильные слизистые выделения, а гноя нет вообще. Кстати, я никогда не сомневался в успехе твоих *маленьких* [хирургических] вмешательств и обязан им своим благополучием. [Курсив мой. — М. Ш.]».

С тех пор наиболее частым физическим симптомом, упоминавшимся в их переписке, стала «мигрень», от которой страдали как Фрейд, так и Флисс. Эта «мигрень» вскоре сыграла не последнюю роль в теориях Флисса о периодичности.

Для Фрейда год закончился на оптимистической ноте. Его шестой ребенок появился на свет 3 декабря 1895 г. Фрейд писал, что он «очевидно принес ему счастье», поскольку после этого его практика удвоилась.

Глава 4

САМОАНАЛИЗ

Новый, 1896 г. Фрейд открыл большим письмом, которое подвело своеобразный итог его последним попыткам концептуализировать свои открытия. До некоторой степени оно ознаменовало и завершение очередного этапа его жизненного пути. С этого времени Фрейд оставил попытки формулировать свои идеи в терминах нейроанатомии и нейрофизиологии — исключение составили только «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) и «A Note upon the «Mystic Writing Pad» (1925) — и теперь опирался главным образом на психологические понятия. В ту пору Флисс, по видимому, уже глубоко погрузился в свои «периодические» гипотезы.

НАЧАЛО РАЗНОГЛАСИЙ С ФЛИССОМ

Весьма примечательно и характерно для удивительной преемственности работ Фрейда, что в этом письме от 1 января 1896 г. он выразил мысль, которую практически дословно повторил почти сорок лет спустя (в постскрипуме к «Автобиографическому исследованию»).

«Я вижу, что, став врачом, ты стремился к своему идеалу — понять человека с помощью физиологии; я же втайне надеюсь тем же путем достичь своей изначальной цели — философии. Я стремился к этому с самого начала, даже когда еще не понимал своего места в этом мире».

Начался период напряженного труда, когда были соединены в единое целое все имевшиеся идеи и сведения. При этом самоанализ отошел на второй план. 13 февраля 1896 г. Фрейд впервые использовал в своем письме термин «метапсихология» в связи со своим стремлением к глубокому осмыслению обычной психологии. По поводу своего здоровья он писал:

«Состояние моего здоровья не заслуживает быть темой для разговора. Нагноение на левой стороне [от старой эмпиемы] на прошлой неделе вновь появилось; мигрени довольно часты. Необходимость отказа от курения тоже не добавляет мне радости. Я быстро седею».

В это время также обнаружили и некоторые перемены в отношении Фрейда к Флиссу, выразившиеся в ослаблении преобладавших до сих пор переносоподобных проявлений с сопутствующим им бурным выражением восхищения и скрытой, отрицаемой двойственностью отношения.

Через неделю после письма от 13 февраля Фрейд получил рукопись книги Флисса «Связь между носом и женскими половыми органами в их биологическом значении», которую предполагалось опубликовать в 1897 г. Эта рукопись уже содержала массу натянутых, искусственных рассуждений о периодичности. Так, во вступлении к книге Флисс пишет следующее:

«Женские менструальные кровотечения [являются выражением] процесса, который влияет на оба пола и начало которому восходит ко времени до наступления половой зрелости...

Факты, которыми мы обладаем, заставляют нас выделить еще один момент. Они приводят нас к мысли, что, помимо менструального процесса двадцативосьмидневного типа, существует и другая группа периодических феноменов, где цикл составляет 23 дня и которым подвержены люди любого возраста и обоих полов.

Рассмотрение этих двух групп периодических явлений приводит к выводу, что они имеют прочную внутреннюю связь с половыми характеристиками мужчин и женщин. И если явления из той и другой группы находят свое выражение как у женщин, так и у мужчин, то это прямо указывает на нашу бисексуальность.

Осознание этих вещей приводит к дальнейшему пониманию того, что наш организм развивается рывками, определяющимися этими половыми периодами. День нашей смерти предопределен ими, так же как и день нашего рождения. Обострения болезней подчиняются тем же периодическим законам, что и сами эти явления.

Мать передает свои периоды своему ребенку, тем самым предопределяя его пол. Эти периоды находят свое продолжение в ребенке и с идентичным ритмом повторяются из поколения в поколение. Эти ритмы не могут быть воссозданы запово. Они будут воспроизводиться до тех пор, покуда живые существа воспроизводят себя половым путем. Они не ограничиваются рамками человечества, но действуют и в животном мире, а возможно, и среди прочих живых существ. Изумительная точность, с которой наблюдаются периоды двадцати трех или, в зависимости от об-

стоятельств, двадцати восьми дней, позволяет предположить существование глубинной связи между астрономическими отношениями и рождением живых организмов».

Фрейд высоко ценил труды Флисса. Он глубоко интересовался его идеями, одобрял их и восхищался ими, так же как, в свою очередь, восхищался его трудами сам Флисс. Фрейд был готов принять — или, по крайней мере, попытаться принять — его спекулятивные теории. Он даже попытался применить основные гипотезы Флисса в своей собственной жизни, обратившись сперва к гипотезе пазального рефлекторного невроза, а после к предположению о периодичности всех биологических событий.

Гипотеза пазального рефлекторного невроза привлекала Фрейда, возможно, еще и тем, что Флисс связывал многие симптомы, предположительно соединенные с пазальной патологией, с вазомоторными расстройствами сексуального происхождения, которые он лечил, применяя при этом местные кокаиновые аппликации. Этим методом в рамках своих «кокаиновых» изысканий интересовался и сам Фрейд.

Много труднее понять причины, побудившие Фрейда принять теории Флисса о периодичности биологических событий. Мы можем лишь догадываться о том, что именно могло привлечь его внимание к этой «игре чисел»¹. Как бы то ни было, гипотеза Флисса о влиянии неких периодов на даты рождения и смерти не преминула проявиться в овладевшем Фрейдом навязчивом, даже суеверном предрассудке. Он был уверен, что эти периоды определяют время прихода и его собственной смерти.

Сперва новая работа Флисса произвела на Фрейда глубочайшее впечатление своим полетом фантазии. Однако в письме от 1 марта 1896 г. он мягко предложил Флиссу некоторые конструктивные замечания и попытался привести в соответствие отдельные стороны его позиции с собственной теорией неврозов. Фрейд полагал поначалу, что гипотеза периодичности Флисса может оказаться неким «органическим», физиологическим базисом для объяснения периодических приступов тревоги, наблюдающихся при тревожных неврозах. В ту пору он еще не догадывался, что в этой точке его выводы коренным образом разойдутся с теориями Флисса. Флисс постепенно стал рассматривать «критические периоды» в качестве решающего фактора, тогда как Фрейд особо подчеркивал роль душевного конфликта в возникновении невроза.

Письмо Фрейда от 1 марта особенно много значит в этом контексте. Следует ли его понимать так, что Фрейд уже догадывался

¹ Тем не менее см. мое обсуждение особых значений чисел в традиционной еврейской культуре (глава 1).

о грядущем окончательном разрыве их дружбы и даже видел причины этого разрыва? После нескольких горьких слов относительно растущей отчужденности между ним и Брейером Фрейд писал:

«Тот факт, что все мы должны платить столь высокую цену за все, что делает нашу жизнь приятнее, решительно неприемлем. Неужели *то же самое* произойдет и с нами? [Курсив добавлен. — М. Ш.].»

Со временем Фрейд все более неохотно соглашался с причудливыми гипотезами Флисса. Возникшая в результате этого напряженность в их отношениях в конечном итоге привела к окончательному разрыву. Впрочем, в это время в знак солидарности с Флиссом Фрейд даже предоставил ему некоторые комплексные формулировки, освещающие проблему периодичности на примерах из собственной жизни. То ослабевая, то вновь усиливаясь, такое сотрудничество между ними длилось более трех лет.

Поздние гипотезы Флисса вызвали новые трудности. Теперь мигрени и вообще все головные боли, мучившие Флисса, привязывались им к определенным «критическим» дням. Разумеется, такие ожидания часто оправдывались. Вскоре, к неудовольствию Фрейда, и их «когнрессы» стали назначаться только на «некритические» дни. В неопубликованной части письма от 16 марта 1896 г. Фрейд довольно открыто выразил свое раздражение по этому поводу:

«Я еще не преодолел окончательно то уныние, которое охватило меня, когда я узнал о твоём расписании головных болей. Отчасти я рад, что Пасха не совпадает с теми днями, которые ты определил как наиболее критические. Что до остального, то я с сожалением вижу, что каждый третий день приносит тебе головные боли. Однако, как императоры безусловно влияют на погоду своим присутствием, и я смогу оказать благоприятное влияние на твои головные боли и потому надеюсь на хорошую погоду».

Фрейд редко задумывался, что твердая вера Флисса в «критические» периоды сама по себе может вызвать у того головные боли.

Теперь Фрейд рассчитывал написать ряд книг, на создание которых должны были уйти долгие годы. В процитированном выше письме к Флиссу он охарактеризовал их цели и характер. Растущая уверенность в важности своего вклада проявилась в письме от 2 апреля:

«Если нам двоим выпадет еще хотя бы несколько лет спокойной работы, то мы действительно сможем оставить после себя нечто, что оправдало бы наше существование. Зная об этом, я чувствую в себе достаточно сил, чтобы преодолеть все повседневные проблемы и трудности. Когда я был молод, для меня не было ничего желаннее философского озарения. Сейчас я нахожусь на пути к нему, повернув от медицины к психологии».

Даже встреча с Флиссом, произошедшая примерно через неделю после появления этого письма и, видимо, повлекшая возобновление самоанализа Фрейда, не смогла заметно поколебать крепнущее в нем чувство уверенности и независимости. Это заметно по следующему письму, которое было написано 16 апреля 1896 г.:

«Драгоценный Вильгельм.

...с головой, переполненной сложными идеями и предчувствиями предстоящих обобщений, гордясь достигнутым мною дерзким чувством независимости, я вернул себе по-настоящему хорошее настроение и с тех пор ленив как никогда. Чтобы удержать то состояние расслабленности¹, которое крайне важно для интенсивной работы, не следует так восстанавливаться. Я записал лишь несколько приблизительных догадок (из моей повседневной работы) касательно промежуточной сферы² и в целом укрепился во мнении, что все идет так, как я и предполагал, и в конце концов все прояснится. В том числе и совершенно неожиданное объяснение кровотечений Эммы, которое должно тебя удовлетворить. Я уже понял, что это за история, но повременю тебе рассказывать.

Следуя твоему указанию (буквально: стимулу), я полностью изолировал себя и нахожу, что легко переношу одиночество. Впрочем, у меня остается еще одно почетное поручение — намеченная на вторник лекция при психиатрическом обществе...

У меня сохраняются мигрени, выделения из носа и приступы страха смерти, такие, как сегодняшней, *хотя они обусловлены скорее всего смертью Тилгнера от сердечного приступа, чем периодичностью*. [Курсив мой. — М. Ш.]³ Ты очень помог мне стать более умеренным в курении. В целом после нашей встречи я ощущаю себя более спокойным и собранным. Это очень хорошо для меня и крайне необходимо. Возможно, вскоре я удивлю

¹ «Mittlelend» — еще одно придуманное Фрейдом необычное словосочетание. «Mittlelend» выступает в качестве производной от слова «mittlelschmerz», которым обозначаются боли, испытываемые многими женщинами во время овуляции, приходящейся на межменструальный период. Флисс очень интересовался этим вопросом. Фрейд неоднократно отмечал тот факт, что его творческая активность достигает наивысшего уровня именно в периоды некоторого физического дискомфорта. Впервые его внимание к этому феномену привлек Флисс. Однако дело обстояло не совсем так. Описанное здесь Фрейдом состояние в действительности было характерно для тех периодов, когда он ожидал появления новой информации по своей работе или самоанализу.

² Фрейд изобрел неологизм «zwischenreich», связав воедино слова «zwischen» (между, промежуточный) и «reich» (область, страна, империя). Видимо, речь шла о бессознательном и самоанализе. Не исключено, что имелась в виду и психофизическая проблема, которая интересовала как Фрейда, так и Флисса.

³ В. Тилгнер был выдающимся австрийским скульптором. Детальное обсуждение обстоятельств его смерти и реакции на нее Фрейда приведено в следующем разделе этой части.

тебя некоторыми психологическими набросками. Сейчас же я слишком ленив, чтобы писать. Между прочим, даже капля алкоголя делает меня совершенно бестолковым».

Это письмо крайне примечательно. Редко где еще у Фрейда можно найти столь противоречивое описание своего настроения и физического состояния. Такие противоречия обычно говорят о наличии конфликта. Особенно они проявились в следующих местах.

В первой части письма Фрейд заявил о своей независимости и охарактеризовал это чувство как «fresh», что можно перевести как «дерзкое, наглое, нахальное, бесцеремонное». Далее он высказал уверенность, что все его предположения постепенно начинают подтверждаться. Также он сделал несколько неопределенных намеков на спорность теорий Флисса, касающихся вопросов времени. В то же время Фрейд уверил того, что подчиняется его указанию оторвать все общественные и научные связи. С одной стороны, некоторые письма того периода указывают на то, что Фрейд даже вел специальные записи с тем, чтобы проверить действенность теории «периодов» на себе и своей семье, с другой же — он вновь умалил значение гипотез Флисса, указав, что приступы страха смерти не объясняются периодичностью, признав тем не менее, что их недавняя встреча «хорошо на него повлияла».

Добавим к этому и явное противоречие между утверждением о «замечательном» физическом самочувствии и перечислением таких симптомов, как мигрень и выделение из носа, не говоря уже о приступах страха смерти. Впрочем, это очевидное противоречие легко может быть объяснено. В тот момент, когда Фрейд ощущал особую гордость своими достижениями, его общее физическое благополучие не могло страдать от подобных симптомов. С другой стороны, как уже говорилось, в их переписке упоминания о мигренях играли немалую роль. Мигрень и выделения из носа мучили как Фрейда, так и Флисса. Причины этих неприятностей интересовали обоих¹.

¹ Мигрень — комплексный синдром. По сей день существует множество теорий, объясняющих причины ее появления. Вряд ли здесь возможно исчерпывающе рассмотреть их доводы. Вспомним лишь об одном факторе: мигрень может быть спровоцирована изменениями атмосферного давления и концентрации ионов.

Многие знакомые Фрейда, страдавшие от мигрени и жившие на южных и северных склонах Альп, в Вене или, например, в Триесте, подвергались этим приступам только накануне или во время внезапных перепадов температуры и атмосферного давления, вызванных сменой направления ветра. На северных склонах такой ветер назывался «фен», а на южных — «сирокко». Такие страдалцы часто могли предсказать приход Föhn — который мог дуть несколько дней — даже точнее барометра. Во время Föhn, чаще всего весной, увеличивалось и число обострений (в том числе и смертельных) при коронарных тромбозах, а также число случаев легочных кровотечений при туберкулезе.

Флисс первоначально объяснял мигрени главным образом за счет патологии носа и носовых пазух. Позже он также пытался вычислить даты начала мигреней по законам периодичности.

Взгляды Фрейда на причины мигрени и факторы, способствующие ее возникновению, отражали ход его собственного развития и особенно изменения в его отношении к Флиссу, течение самоанализа с итоговым разрешением невротических конфликтов и прогресс в процессе концептуализации своих идей.

В 1890-х гг. Фрейд часто упоминал о мигренях и простудах. Он был склонен связывать свои головные боли с проблемами с носом, а потому не только часто прибегал к помощи местных кокаиновых аппликаций, но и разрешил Флиссу во время их «конгрессов» сделать несколько прижиганий и, возможно, даже небольшую операцию на носовой раковине. Когда Флисс стал проводить свои подсчеты согласно законам «периодичности», Фрейд попытался убедиться в их справедливости, стремясь обнаружить какие-либо закономерности в повторении своих головных болей. Однако попутно он начал понимать связь между мигренью и невротическим конфликтом. Некоторые из его писем сопровождались рукописями, посвященными клиническим примерам мигрени и теоретическим размышлениям о ней. Предлагаемые в них формулировки изменялись по мере углубления понимания Фрейдом этой проблемы. Часто наблюдая приступы мигреней при истерии, Фрейд практически описал то, что сейчас мы бы назвали «психосоматическим» синдромом.

Однако с некоторых пор психологические открытия Фрейда вошли в противоречие с гипотезами Флисса и отношениями с ним. Мог ли он придавать большее значение «психогенным» факторам, чем патологии носа или же вычислениям периодичностей? Со временем Фрейд нашел компромиссное решение; «нос» и, куда большей неохотой, «периоды» принимались как «данное» (обусловленное генетически или же заболеванием полости носа), а невротический конфликт рассматривался в качестве сопутствующего фактора. Однако в дальнейшем Фрейд стал придавать ему все большее и большее значение не только применительно к мигрени. На его собственном примере мы можем проследить ряд важных факторов, менявшихся по ходу изменений в физическом и эмоциональном состоянии Фрейда.

Фрейд страдал от частых простуд, возможно, от рецидивирующего синусита. Он был очень чувствителен к переменам погоды, особенно к сильному ветру. Опираясь на материалы переписки с Флиссом, мы можем предположить, что на протяжении того десятилетия, когда их отношения носили особенно близкий характер, в большинстве случаев приступы мигрени у Фрейда провоцировались сильным стрессом, источником которого часто был его самоанализ. После того как анализ избавил его от боязни путе-

шествий, болезненной сосредоточенности на проблеме собственной смерти, которую Фрейд ожидал в не слишком отдаленной перспективе, и, прежде всего, от переносоподобных конфликтов, приступы мигрени уже не причиняли ему особого беспокойства. Его интерес к мигрени как психосоматическому симптому постепенно угас. Однако в годы, когда я был его врачом, в дни, когда дул сильный сухой ветер, мигрени у него еще случались. Однако, несмотря на тот факт, что со времени перенесенной в 1923 г. операции Фрейд страдал от хронического синусита, это состояние никогда не способствовало появлению у него приступов мигрени.

Наконец, следует поставить вопрос: действительно ли приступы головной боли, наблюдавшиеся у Фрейда в так называемый период Флисса, свидетельствовали о наличии у него классического синдрома мигрени, обычно характеризующегося такими симптомами, как «мерцание», появление так называемого «слепого пятна» и т. д., и обычно носящего односторонний характер? Переписка Фрейда с Флиссом не содержит детального описания его головных болей. Когда Флисс интересовался этим вопросом, Фрейд описывал свои «головные боли» лишь общими словами.

TODESANGST — ЭПИЗОД ТИЛГНЕРА

В рассмотренном письме от 16 апреля 1896 г. Фрейд также упоминал о приступах страха смерти. В этот раз *он полагал, что страх этот имел невротический характер, в основе которого лежала невротическая идентификация с покойным скульптором Тилгнером*. К счастью, мне удалось раздобыть материалы, подтверждающие мою догадку¹. Эти сведения столь существенны для темы моего исследования, что будет вполне оправданным прервать здесь хронологическое изложение, чтобы рассмотреть ряд следующих фактов и их значение для Фрейда.

Виктор Тилгнер был скульптором, снискавшим большую известность в Вене. Факты его биографии и некоторые подробности последних недель жизни по многим соображениям идеально способствовали невротической идентификации Фрейда с ним. Поэтому совсем неудивительно, сколь острой была реакция Фрейда на весть о его смерти.

Обычно Фрейд писал письма Флиссу поздно вечером, так что он имел возможность узнать о смерти Тилгнера из очередного

¹ Я крайне признателен доктору К.Р. Эйслеру за предоставленный мне обширный некролог Виктора Тилгнера, опубликованный в ведущем венском ежедневнике того времени «Neue Freie Presse» 16 апреля 1896 г. и 17 апреля 1896 г. Некролог содержит биографические сведения, которые я представил на следующих страницах.

выпуска «Neue Freie Presse», который Фрейд каждый вечер внимательно прочитывал и где на этот раз был помещен обширный некролог. В нем описывались история жизни Тилгнера и обстоятельства последних недель его жизни, включая подробное описание смертельного приступа. Это был типичный коронарный тромбоз, во многих отношениях напоминавший собственные приступы Фрейда. Фрейд уже мог знать многие подробности, опубликованные в первом и втором некрологах, поскольку в Вене Тилгнер был весьма заметной фигурой.

Говоря о влиянии смерти Тилгнера на Фрейда, мы должны рассмотреть ряд более или менее значимых факторов.

Имя Тилгнера — Виктор — совпадало с именем Адлера, одного из основателей и лидеров социал-демократической партии, оказавшего немалое влияние на Фрейда, когда тот был еще студентом. Фрейд восхищался Адлером. Однако во время одной философской дискуссии он раскритиковал его с неоправданной суровостью, что впоследствии, по его воспоминаниям, легло в основу одного из приснившихся ему снов. Это произошло в бывшей квартире Адлера на Берггассе, куда к тому времени Фрейд переехал.

В некоторых аспектах жизнь и деятельность Виктора Тилгнера и Фрейда были похожи. Родившись в 1844 г. (за двенадцать лет до Фрейда), Тилгнер был вынужден в возрасте двух лет переехать в Вену. Он провел детство в крайней бедности. Рано обнаружив артистический талант, благодаря стипендии Тилгнер получил возможность изучать скульптуру в Венской академии искусств; несмотря на множество полученных им наград, ему все равно приходилось вести тяжелую борьбу за существование. В конечном итоге Венская международная выставка 1874 г. принесла ему широкое признание. Вскоре он стал считаться одним из самых крупных скульпторов своего времени как у себя на родине, так и за границей. Его отличало нежелание изменять своим художественным принципам в угоду общественному мнению или критике.

Даже когда Тилгнер достиг значительных успехов на поприще ваяния, он еще не осмеливался взяться за создание статуй, которым после его смерти суждено было стать украшением дворцов, театров, парков и скверов Вены. Перед тем как приняться за этот труд, он чувствовал необходимость совершить поездку в Италию — страну своих грез. Поездка стала возможна благодаря по-королевски щедрому дару одного богатого промышленника, который не только предоставил необходимые для этого средства, но и сказал Тилгнеру: «Если однажды ты вдруг встретишь меня на улице и не захочешь поприветствовать, делай так, как считаешь пужным. Приняв мой дар, ты не берешь на себя никаких обязательств передо мною».

Письма Фрейда к Флиссу, впрочем, как и его сны, тоже переполняли страстное желание увидеть Италию, и особенно Рим.

До 1897 г. он сумел один раз побывать в Тоскане и в Северной Италии, но посетить Рим ему довелось лишь в 1901 г. В письме к Флиссу от 31 августа 1898 г. он поведал о своей остроумной и многозначительной фантазии:

«Важные новости дня, и особенно царский манифест, взволновали и меня лично. Много лет назад я поставил диагноз, что молодой человек страдает павязчивыми идеями... Если бы мне довелось встретиться с ним, то это помогло бы сразу двум людям. Я отправляюсь в Россию на год и вылечу его... После этого ты и я могли бы организовывать по три конгресса в год, причем *только* на итальянской земле, и я смог бы лечить всех моих пациентов бесплатно».

Болезненная проблема долгов (которая Тилгнера, видимо, обошла) занимала особое место в жизни Фрейда. В 1896 г. он все еще был должен некоторым своим друзьям, особенно Брейеру, и это его очень беспокоило. В поздние годы он не брал в долг ни у кого и ни под каким предлогом.

В последние годы своей жизни Тилгнер все более и более сосредотачивал свои усилия на создании памятников. Когда венские власти решили установить в одном из центральных городских скверов большую статую Моцарта, Тилгнер тоже принял участие в конкурсе на лучшую работу и выиграл его. Последние годы своей жизни он в основном посвятил созданию этого памятника, который считал своим главным творением. Когда у него появились симптомы стенокардии, врачи посоветовали ему резко сократить количество своих рабочих часов. Однако он продолжал непрерывно трудиться и согласился съездить ненадолго отдохнуть в Земмеринг только после того, как его статуя будет готова к переносу из студии в сквер. Его мучили сомнения и тревожные предчувствия. Он утверждал: «Я буду полностью удовлетворен лишь в том случае, если смогу увидеть законченную статую». Однако при этом он оговаривался: «Разумеется, и в этом нет никаких сомнений, что я проживу достаточно долго, чтобы увидеть моего Моцарта во всем его великолепии». После некоторой паузы Тилгнер добавлял, что по окончании торжеств он предпочтет отправиться в Италию, чем оставаться умирать в своей студии.

В своих двух письмах Флиссу, предшествовавших тому, в котором Фрейд говорил о смерти Тилгнера, он упоминал о работах, которые планировал написать, если ему доведется прожить еще несколько лет. Его тревожный вопрос к Флиссу: «Смогу ли я прожить достаточно долго и заработать достаточно много для того, чтобы увидеть Рим?» — сопоставим с другим: «Доживу ли я до того времени, когда смогу увидеть свою Обетованную землю?», мучившим его в связи со стремлением успеть закончить

свое главное творение — книгу о сновидениях. Фрейд боялся, что он, как и Моисей, умрет прежде, чем достигнет своей цели.

Тилгнер оказался в очень схожей ситуации. Открытие статуи Моцарта было назначено на 21 апреля 1896 г. Перед открытием должен был состояться торжественный концерт. Предполагалось присутствие самого императора. 15 апреля во второй половине дня Тилгнер дал заключительные указания по гравировке на основании мопумента нескольких тактов из моцартовского «Дон Жуана». Вечер он провел за игрой в тарок — любимой карточной игрой Фрейда, бывшей одним из немногих его развлечений. Ночью Тилгнера стали терзать повторяющиеся приступы очень сильной боли в области сердца, сопровождавшиеся сильной одышкой. Он пытался унять эти симптомы, но умер утром от очередного приступа.

Довольно любопытно, но Фрейду, которого никак нельзя было назвать меломаном, очень нравились оперы Моцарта, особенно «Дон Жуан». Выгравированные на подножии памятника такты были взяты из финальной сцены этой оперы — той сцены, где призрак командора, убитого Дон Жуаном, появляется перед героем и тот умиряет от его рукопожатия. Едва ли случайно, что Тилгнер, мучимый одновременными ожиданиями величайшего творческого триумфа и собственной смерти, остановил свой выбор именно на этом фрагменте оперы. Независимо от того, знали ли Фрейд об этих подробностях к моменту, когда испытал приступ страха смерти, известно, что объяснение подобных состояний часто коренится как раз в таких повсеместно распространенных конфликтах. Фрейд был еще не готов спокойно предстать пред лицом вечности. Кроме того, его отец быстро дряхлел и всего через несколько месяцев смертельно заболел. Вдобавок Фрейд максимально близко подошел к открытию эдипова комплекса. Возможно, соблазнение в опере Моцарта, наказываемое местью отца, производит на нас столь сильное впечатление именно постольку, поскольку музыкальными средствами здесь выражается все тот же эдипов мотив.

Неудивительно, что, узнав о подробностях жизни и смерти Тилгнера, Фрейд испытал приступ страха смерти. Кроме того, он догадался о невротической природе своей реакции, и после самоанализа симптомы такого рода у него уже не появлялись.

Также представляется существенным, что Фрейд упомянул о смерти Тилгнера и собственной на нее реакции в письме, в котором отразилось его весьма непростое отношение к Флиссу¹. Фрейд не

¹ Хотя Джонс не был знаком с рядом дополнительных факторов, необходимых для понимания характера влияния смерти Тилгнера на Фрейда, из всей его переписки с Флиссом он взял именно то письмо, где Фрейд упомянул о приступе «*todesangst*», как доказательство того, что Фрейд страдал от типичной тревожной истерии.

упоминает в нем о каких-либо симптомах со стороны сердца. Весьма примечательно, что, много раз описывая свои сердечные приступы, он часто говорил о сопутствующей им депрессии и мрачных предчувствиях, но практически никогда — о каком-либо действительном страхе смерти.

На этом основании Фрейд и в самом деле вполне мог утверждать, что чувствует себя хорошо, поскольку он больше не беспокоился о мигреши и носовых выделениях и в целом постепенно научился вовсе не замечать легких физических недомоганий. *Он мог преодолеть свой страх смерти, пока понимал его причины.*

Мы можем поэтому объяснить оба явных противоречия — между чувством дерзкой независимости от Флисса и чувством благодарной покорности, которое Фрейд испытывал к нему же, а также между заявленным хорошим физическим самочувствием и различными телесными симптомами и невротическими страхами — прогрессом в самоанализе, о котором Фрейд лишь намекнул, сообщив о новых догадках о «промежуточной сфере».

Как Фрейд упомянул в письме от 16 апреля 1896 г., перед тем, как полностью удалиться от общества, он прежде был должен выступить с запланированной речью. Свои впечатления он описал в письме к Флиссу, начатом 26 и законченном 28 апреля:

«Доклад по этиологии истерии, прочитанный перед психиатрическим обществом, был встречен ледяным молчанием, а Краффт-Эбинг подытожил: «Это напоминает научную сказку». И это после того, как им продемонстрировали решение проблемы более чем тысячелетней давности, по сути указав на «исток Нила»!»

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ОТЦА ФРЕЙДА

Фрейд пережил сорокалетний рубеж, в чем сомневался всего два года назад. В письме к Флиссу от 17 мая 1896 г. он не преминул сказать об этом, сообщив, что больше не имеет жизненных сил. Таким образом, отчасти он по-прежнему доверял спекуляциям Флисса. Однако Фрейд уже разгадал тайну сновидений. К тому времени он сделал решительные шаги не только в создании нового метода лечения некоторых психоневрозов, но и в развитии обычной психологии. Его здоровье улучшилось. Отношение к Флиссу, с одной стороны, стало более независимым, а с другой — все больше пропикалось бессознательными сомнениями и конфликтами. Именно в таких обстоятельствах письмо Фрейда от 30 июня 1896 г. сообщало Флиссу о том, что его отец очень болен, страдает от сердечной недостаточности, проблем с мочеиспусканием и т. д. Он начал это письмо так:

«Мой дорогой Вильгельм.

Ты научил меня, что за всеми распространенными безрассудствами скрывается доля истины, и я могу предоставить тебе соответствующий пример. О некоторых вещах не стоит упоминать даже в шутку, иначе они могут стать явью. Так я писал тебе недавно об отсутствии серьезной потребности в нашем «конгрессе». Сегодня же я должен сообщить тебе о серьезном препятствии, которое возникло на пути следующего «конгресса» или, по крайней мере, повлияет на дату его проведения».

Здесь мы можем видеть одно из весьма немногих прямых проявлений суеверности Фрейда.

До этого Фрейд практически не упоминал в их переписке о своем отце. Теперь он сообщал Флиссе, как тяжело (*verdustert*) он себя ощущает. Неудивительно, сколь сильно обострилась его потребность в дружеском участии.

Я ожидаю наш «конгресс» словно утоления голода и жажды.

Следующий отрывок, особенно его последний абзац, иллюстрирует не только реакцию Фрейда на нависшую над его отцом смертельную опасность, но и его отношение к процессу умирания.

«Мой дорогой Вильгельм.

Только что получил твое письмо и с великим удовольствием предвкушаю все то, что от тебя услышу. К сожалению, я не знаю, когда состоится наша встреча. Ситуация такова: у старика паралич мочевого пузыря и прямой кишки, пища не усваивается; и в то же время он умственно перевозбужден и находится в состоянии эйфории. Я действительно уверен, что это его последние дни, но я не знаю, когда именно наступит конец, и не решаюсь его покинуть. Встретиться с тобой в Берлине, услышать от тебя о новых чудесах и через несколько часов оказаться вынужденным все бросить и введением известий, которые вдобавок могут еще и «оказаться» ложными, мчаться обратно, невзирая на день и ночь, — это то, чего бы я хотел избежать. Из-за этого страха я готов пожертвовать жгучим желанием вновь зажить полной жизнью, когда мысли и сердце находятся в гармонии, и увидеть тебя...

Впрочем, его состояние меня не угнетает. Он заслужил вечный покой, к которому стремится. Это звучит страшно, но, в сущности, он даже счастлив. Его страдания невелики; он угасает спокойно и с чувством собственного достоинства. Я не желаю, чтобы его болезнь затянулась, как не желаю и лишних мучений для моей незамужней сестры, которой приходится ухаживать за ним и которая очень от этого страдает».

Так как состояние отца стабилизировалось, Фрейд отправился отдохнуть. Впервые с тех пор, как у него начались проблемы с сердцем, он смог взобраться на гору высотой около 5000 футов и после этого заявил о своем выздоровлении. В августе 1896 г. произошла короткая встреча Фрейда с Флиссом. Тогда же вместе с братом Александром Фрейд смог ненадолго съездить и в Северную Италию. 29 сентября он писал Флиссу:

«Мой дорогой Вильгельм.

Я надеюсь, что ты со своей женой и сыном вновь очень комфортно обосновался в прекрасных комнатах на Гайдштрассе, [и] сосредоточенно наблюдаешь и подсчитываешь новые периоды... Я пишу тебе только сегодня, поскольку грипп с жаром, гной и проблемы с сердцем внезапно прервали мое благополучие, и я почувствовал себя лучше только сегодня. Как бы я хотел дотянуть до той заветной цифры 51¹, но один из [этих] дней был так плох, что это не представляется мне возможным. Инфекция настигла меня в последнюю критическую дату, 24 сентября, так что 25² сентября я охрип и не мог нормально дышать. Одновременно слег с тонзиллитом и Мартин. Но сейчас я вновь могу свободно дышать... Я взялся лечить жену моего друга R.³ и снова вижу, как все сходится при истерии, так что здесь я нахожу истинное удовольствие...

Мой отец лежит при смерти. Временами он забывается, неуклонно двигаясь на пути к воспалению легких и роковому сроку.

С сердечнейшими пожеланиями,

твой *Зигм.*».

Письмо отражает широкий спектр противоречащих друг другу чувств. Часть личности Фрейда все еще нуждается во Флиссе, соответственно, он выражает свою любовь к Флиссу и восхищение им и даже одобряет его арифметические фокусы. Фрейд только что перенес болезнь и вдобавок со дня на день ждет неизбежной смерти отца. В этих условиях вновь обострился его предрассудок, еще не раз заставлявший его задумываться о якобы предопределенном сроке своей смерти. Таким образом, в тот момент он словно умолял и судьбу, и Флисса: «Позвольте мне дожить хотя бы до 51 года, раз уж я не умер в 40».

Впрочем, в этом письме можно заметить и тонкую иронию, как если бы другая часть Фрейда говорила: «Я нуждаюсь в тебе; ты мой друг; мое «альтер эго». Отец мой умирает. Я знаю, что все эти

¹ «Критический» возраст Фрейда ($51 = 28 + 23$), который обсуждался в главе 5.

² Фрейд допустил здесь две опечатки. Сначала он написал 26/9, затем исправил на 24/9, продолжил 23/9, зачеркнул и написал 25/9.

³ Отоларинголог, упоминавшийся в эпизоде с Эммой.

вычисления — бессмысленные плоды досужего ума. Но я знаю и то, что бегу наперегонки со временем; я всего лишь человек».

Эта часть Фрейда не только не желает вскоре умереть. Она хочет определенных гарантий и долгой жизни. «Я хочу знать, по есть вещи, которых знать не дано, и здесь ты осведомлен не более, чем кто бы то ни было еще. И потому лишь в одной «роковой дате» можно быть уверенным — в той, по направлению к которой сейчас неуклонно движется мой отец».

Лишь по прочтении последнего предложения письма от 29 сентября я смог по-новому взглянуть на один из наших последних разговоров, который состоялся почти через сорок три года после появления этого письма (см. главу 27).

Но за этим письмом просматривается и другая часть личности Фрейда — способная победоносно заявить, что все становится на свои места, и заключить: «Дайте мне еще несколько лет, и этот мир станет совсем таким, как прежде».

Агония отца Фрейда затянулась более чем на четыре недели. Только в потрясении от всего пережитого Фрейд мог написать письмо от 9 октября 1896 г.:

«Состояние моего здоровья не слишком хорошее. Сердечная симптоматика, в частности, не играет большой роли. Я не вижу причин просить тебя о немедленной помощи...

Состояние моего старика отца, возможно, сведет мое участие [в праздновании бракосочетания Оскара Рие и сестры фрау Флисс] к минимуму...

Ты знаешь, что я не смеюсь над фантазиями об исторических периодах, поскольку не нахожу для этого оснований¹. В таких идеях что-то есть; символическое предчувствие неизвестной реальности, с которой они как-то перекликаются. С тех пор даже органы не остались теми же. Больше нельзя не признавать силы небесного влияния. Я склоняюсь перед тобой, как перед почтенным астрологом».

Здесь Фрейд дал волю спекуляциям — можно даже сказать, диким спекуляциям. В сходной, хотя и гораздо более сдержанной манере он рассуждал о «создании и трансформации органов силой бессознательных идей» — так он попытался переосмыслить теорию Ламарка о наследовании приобретенных признаков (см. переписку Фрейда с Абрахамом; письмо от 11 ноября 1917 г.; а также «Тотем и табу» и «Моисей и монотеизм»). Такого рода умствования, правда в меньшей степени, присутствуют и в его тео-

¹ Весьма двойственная формулировка; может означать как то, что отсутствуют основания для насмешек, так и то, что отсутствуют основания для фантазий о самих периодах.

рии влечения к смерти, и в статьях по экстрасенсорному восприятию. Однако двусмысленные уверения о принятии идеи Флисса об исторических периодах, равно как и тот титул, которым Фрейд стал его величать, имели иронический оттенок.

Тон следующей части этого письма заметно другой:

«Сейчас я весьма доволен [результатами] проводимого мною лечения; еще год или два — и я смогу выразить самую суть таким образом, что она окажется доступной любому. Эта перспектива, равно как и удовлетворенность уже сделанным, придает мне сил и уверенности в самые мрачные часы».

Фрейд, по сути, говорил Флиссу: «То, что я собираюсь поведать миру, будет столь понятным, что слушателю не потребуется призывать на помощь воображение». Он знал, что непременно преуспеет в реализации своих замыслов, если сможет прожить еще несколько лет.

В письме от 26 октября 1896 г. Фрейд сообщил о смерти своего отца, описав мучивший того жар, периоды забытья и ставший роковым приступ отека легких. Он добавляет: «Все это произошло в мой собственный критический период. В результате я совершенно подавлен»¹.

В предисловии ко второму изданию «Толкования сновидений» Фрейд написал:

«На протяжении долгих лет работы над проблемой неврозов меня часто охватывали сомнения и мои убеждения оказывались поколебленными. В такие времена именно «Толкование сновидений» возвращало мне былую уверенность».

<...> Эта книга имеет для меня и особое личное значение, которое я смог постичь, лишь закончив работу над ней. Она оказалась фрагментом моего самоанализа — моей реакцией на смерть отца, то есть на самую большую и тяжелую потерю в человеческой жизни».

Несколькими днями позже Фрейд описал свои ощущения в письме от 2 ноября 1896 г.:

«Каким-то неясным образом, в обход формального сознания, смерть старика глубоко потрясла меня. Я высоко ценил его, очень хорошо понимал. Удивительным образом сочетая в себе глубокую мудрость с фантастической открытостью, он очень много значил в моей жизни. Можно сказать, что он умер еще задолго до своей физической смерти, но это событие разбудило целую бурю воспоминаний. Сейчас я чувствую себя совершенно убитым».

¹ Отец Фрейда скончался 23 октября, то есть примерно за две недели до того, как Фрейду исполнилось сорок с половиной лет.

Однако в том же письме Фрейд сообщил, что опоздал на похороны, потому что ему пришлось ждать цирюльника! Существенно, что в одном из отрывков, не включенных в опубликованную версию этого письма, Фрейд говорил: «Я вновь доволен состоянием своих носа и сердца».

В этом письме мы можем обнаружить уже предвестники *систематического* самоанализа Фрейда. Хотя Фрейд назвал «Толкование сновидений» частью своего самоанализа, то есть реакцией на смерть отца, это верно лишь отчасти. Только после этого события Фрейд сумел постичь универсальность двойственности отношения к любимым и почитаемым родителям и в конечном итоге разгадать «эдипов комплекс» и «вину выжившего» (см. главу 5).

Образ отца, особенно в связи с его смертельной болезнью и кончиной, часто появлялся в снах и ассоциациях Фрейда, о которых он поведал в «Толковании сновидений». Мы узнаем о реакции Фрейда как на саму смерть отца, так и на некоторые аспекты его неизлечимой болезни, проявлявшейся в стойком кишечном параличе и недержании мочи и кала. Фрейд, соответственно, вынужден был присутствовать при мучительной агонии умирающего, чья «свеча погасла» уже задолго до физической смерти. Возможно, именно в ту пору у Фрейда зародилось желание продлить свою жизнь, но ни в коем случае не умирание. Мы увидим, что эта мысль не раз посещала его все последующие десятилетия жизни, появляясь в самых разных обличьях.

22 ноября Фрейд писал Флиссу:

«Драгоценный Вильгельм,

ты первый, кому я пишу из моей новой квартиры...¹

Темп изучения истории меня удовлетворяет. Сейчас я получил приглашение на четыре новых случая, но, вероятно, ни одну из таких возможностей реализовать не сумею. Тем не менее я весьма занят [моей практикой]. Хорошее настроение и интерес к жизни полностью исчезли. Вместо этого, я постоянно размышляю на тему, как сложится положение дел после моей смерти. Такие вопросы не следует слишком подробно обсуждать с дорогими для тебя людьми...

Марта вновь великолепно со всем управляется, так что я не теряю зря ни часа»².

¹ Семья Фрейда стала занимать больше комнат в том же доме.

² Жена Фрейда — «фрау профессор» — была образцовой домохозяйкой. Потребности Фрейда, определяемые его работой и привычками, всегда стояли на первом месте, и все шло наилучшим образом. Так было и в годы их бедности, и позже, когда в семью с ростом известности Фрейда пришел достаток.

Таким образом, после смерти отца Фрейд озабочен проблемой того, как пойдут «дела» после его собственной смерти. Используемый в письме оборот может быть понят следующим образом: «У меня большая семья, и я должен заботиться о ней как при моей жизни, так и после нее». Однако тон письма и настроение, которое оно отражает, могут сказать даже больше. Главный вопрос, который должен был занимать Фрейда: что же будет «там»?

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ САМОАНАЛИЗ

Всего через несколько дней Фрейд пишет еще два письма, появившиеся с интервалом в сорок восемь часов (4 и 6 декабря 1896 г.), которые буквально кипят идеями, открытиями и планами на будущее. Показательны следующие слова:

«Трудные времена уходят, и я совсем не интересуюсь загробной жизнью».

Первое письмо нового года (3 января 1897 г.) начинается в том же духе:

«Нас не постигнет неудача. Вместо брода, который мы ищем, мы можем найти океаны неведомого, что будут исследованы теми, кто придет после нас... *Nous y arriverons*. Дай мне еще с десятков лет, и я закончу с неврозами и новой психологией... Когда я избавлюсь от страха, я всегда буду готов бросить вызов любой опасности. Тебе тоже бояться будет совершенно нечего».

Несмотря на последнее предложение, в целом этот отрывок указывает на то, что в установках Фрейда произошли существенные перемены. Именно он теперь обнадеживает своего друга!

Очевидно, в жизни Фрейда наступил момент, когда и самоанализ, и анализ его пациентов давали ему массу новых сведений. Оптимистический настрой сохранялся.

Письмо от 24 января оканчивается так: «Я полагаю, что преодолел возрастной рубеж; мое состояние [здоровья и ума] гораздо более стабильно». В письме от 8 февраля Фрейд говорит о своей поддержке Флисса и противопоставляет ее критичному настрою Брейера: «Ты должен знать, что я «никто» в Вене, поскольку все остальные не верят в твои периоды»¹.

¹ Некто, возможно Брейер, должно быть, говорил, что в Вене не найдется ни одного человека, который верил бы в периоды Флисса. Вновь возникает тема «наговаривания»! Фрейд уже сообщал Флиссу, что в кругу знакомых Брейера проявления периодических явлений 28 и 23 в человеческой жизни рассматриваются как простые совпадения, а многие из друзей Брейера даже увлеклись поиском математических формул, опровергающих теорию Флисса.

Письма этого периода, начавшегося с 4 декабря 1896 г. и продолжавшегося на протяжении всего 1897 г., полны признаков неуклонного прогресса и непрекращающейся борьбы.

Хотя основная масса материала, определявшего его новые прозрения, поставлялась Фрейдом его пациентами, продолжавшийся самоанализ, несомненно, играл здесь весьма важную роль. К тому времени Фрейд уже очень близко подошел к созданию методики свободного ассоциирования, которая стала одним из его наиболее крупных достижений. Он полностью отказался от опоры на вымышленные предположения и требовал от пациентов, чтобы те ничего от него не утаивали.

Таким образом, психоаналитическая методика развивалась бок о бок с психоаналитической теорией и практикой. Успехи, достигнутые за этот период, происходили из особого внимания, с которым Фрейд выслушивал исповеди своих пациентов. Он уже обнаружил, что любая информация, полученная от пациентов, всегда имеет определенную ценность. В периоды наиболее заметных успехов он совмещал в себе психоаналитика, методолога и пациента¹.

Как я уже подчеркивал, этот процесс начался задолго до того, как Фрейд заговорил о себе как о собственном пациенте². Фрейд уже знал, что вынужден ждать не только сведений от своих пациентов, но и от самого себя. Именно в такие периоды ожидания его потребность в дружбе с Флиссом заявляла о себе с особой силой.

В марте 1897 г. внутренняя борьба Фрейда обострилась по причине его глубокой озабоченности состоянием здоровья своей старшей дочери, Матильды, заболевшей тяжелой формой дифтерии³. 29 марта он писал Флиссу:

«Дорогой мой.

<...> Премного благодарен за твою лекцию. Она невероятно насыщена идеями и за двадцать минут позволяет объять взором всю вселенную...

Я с нетерпением ожидаю встречи в Праге...»⁴

¹ Это дополняет мои замечания о самоанализе Фрейда, приведенные в главе 5.

² Здесь я не согласен с Эрнстом Крисом.

³ Хотя дифтерийный антитоксин был открыт уже в 1892 г. и вскоре начал широко применяться, приглашенный для лечения Матильды консультант отказался его использовать, хотя Фрейд настаивал на обратном. Дифтерия тогда была одной из основных причин смерти детей раннего возраста.

⁴ Предполагаемое место встречи для пасхального «конгресса», который состоялся в Нюрнберге. «Конгресс» имел для Фрейда желанный эффект.

В письме от 16 мая 1897 г. Фрейд сообщает Флиссу: «Нечто во мне зреет и бурлит. Мне остается лишь ждать нового всплеска». Именно в этом письме он впервые упомянул о своих планах по написанию книги о сповидениях. К тому моменту стало уже очевидно, насколько более важными и ценными были их отношения именно для Фрейда. В неопубликованной части письма от 2 мая 1897 г., написанного после возвращения с пасхального конгресса, Фрейд писал:

«Открытка и телеграмма прибыли, сожалею, что конгресс не принес тебе того, что дал мне — удовольствия и бодрости. С тех пор я все время нахожусь в состоянии эйфории и работаю как молодой».

В письме же от 16 мая Фрейд ясно дал понять Флиссу, сколь сильную потребность в нем как слушателе он все еще испытывает:

«Могу заметить по твоему письму, как ты посвежел. Я надеюсь, что теперь самообладание долго не покинет тебя и ты вновь позволишь мне найти в твоём лице благожелательно настроенного слушателя. Без этого я по-прежнему работать не в состоянии».

Письмо Фрейда от 31 мая 1897 г. показывает, что он уже открыл существование направленных против родителей враждебных импульсов и даже пришел к первой догадке относительно истоков табу на инцест до того, как осознанно и «официально» начал свой самоанализ. Однако Фрейду следовало «заплатить» за внимание Флисса, как он подчеркнул в письме от 22 июня 1897 г.¹ Флисс прислал ему новости о собственных «открытиях» и ожидал благосклонного ответа. Фрейд оказался в затруднении.

«Никогда еще, читая твои письма, я не был так обманут в своих ожиданиях [erwartungsvoll blode]. Но я надеюсь, что никто, кроме меня, этого еще не слышал и вместо короткой статьи ты в течение года представишь нам небольшую книгу, в которой будут раскрыты секреты периодов 23 и 28».

Это выражение непонимания математических формул Флисса стало доказательством «сопротивления» Фрейда. Однако, все более концентрируясь на самоанализе, он все же с нетерпением ожидал нового «конгресса». 18 июня 1897 г. он писал:

¹ Ошибочно датировано 12 июня. Хотя действительную дату написания этого письма разобрать оказалось трудно, оно начиналось: «Вторник...» 12 июня в том году приходилось на субботу, тогда как вторник падал на 22 июня.

«Я с нетерпением ожидаю окончания сезона... Постепенно становится понятно, когда именно этим летом мы сможем увидеть друг друга. Я хочу получить от тебя новый заряд энергии; некоторое время спустя я выдыхаюсь. Нюрнберг придал мне сил месяца на два».

Летняя встреча не состоялась. Самоанализ отбирал у Фрейда все силы и время. Часто он испытывал нечто вроде «оцепенения». Среди всего «сонма окружающих загадок» только «прозрение сна» казалось ему «наиболее устойчивой опорой» (7 июля 1897 г.). 14 августа Фрейд утверждал:

«Этот анализ труднее всего. К тому же он словно парализует мою способность к формулированию и передаче другим людям того, что я уже узнал сам. Тем не менее я убежден, что он должен быть закончен и окажется существенным промежуточным этапом моей работы».

Понятно, что Фрейд заговорил о систематическом самоанализе только с этого момента. Ведь, как он позже утверждал (в процитированном ранее вступлении ко второму изданию «Толкования сновидений»), и его самоанализ, и работа над книгой о сновидениях в значительной мере оказались форсированы смертью отца. Теперь, после его смерти, он осознал то, что «нечто из потаеннейших глубин моего собственного невроза мешало какому бы то ни было прогрессу в понимании неврозов, и в этом был как-то замешан и ты [Флисс]» (письмо от 7 июля 1897 г.). Это был первый из множества случаев, когда Фрейд открыто посвящал Флисса в такого рода мысли.

Фрейд повел здесь себя так, словно проходящий анализ пациент. Он без колебаний сообщал своему «аналитику» любые мысли о нем, не утаивая их даже тогда, когда за ними угадывалась враждебность. В свою очередь, предполагается, что аналитик должен быть готов к такому повороту событий и не принимать высказывания пациента на свой счет. И все же мы вполне можем задаться вопросом: как же Флисс на самом деле реагировал на слова Фрейда, особенно позже, когда Фрейд сообщал ему о своих мыслях, имевших гораздо более враждебный характер?

К этому моменту Фрейд приблизился к открытию того, что позже назвал «ядром невротического конфликта». За короткое время он понял природу детских сексуальных фантазий и внутрисемейного детского соперничества. В его собственном случае оно вызвало появление желания смерти младшему брату и впоследствии выступило в качестве важного источника чувства вины. Он обнаружил, что детская двойственность сформировала основу его сложного отношения к друзьям, в том числе и к Флиссу

(3 октября 1897 г.). Наконец, он обнаружил и универсальность так называемого «эдипова комплекса» (15 октября 1897 г.). В эти месяцы Фрейд не раз оказывался во власти резких перепадов настроения. Он проходил через периоды сосредоточенного ожидания появления новых данных, в связи с которыми упоминал о «недоступных сознанию необычных состояниях психики, смутных мыслях, завуалированных сомнениях [*schleierzweifel*] — еще одно придуманное им словосочетание], эпизодически сменявшихся определенными просветами».

Одним из первых важных результатов самоанализа оказалось понимание того, что в большинстве случаев сообщения пациентов о якобы имевших место в их детстве «родственных совращениях» являются плодом их фантазии. Этим заключением в письме от 21 сентября 1897 г. он охотно поделился с Флиссом. Много позже, в 1914 г., Фрейд описал свое открытие следующим образом:

«Под влиянием позиции Шарко о травматических истоках истерии сформировалась склонность охотно принимать за истину и считать весьма значимыми утверждения пациентов, приписывающих свои симптомы пассивному сексуальному опыту первых лет жизни, или, попросту говоря, совращению. Когда эта этиология рухнула под бременем собственного неправдоподобия и противоречия достоверно установленным фактам, то первой реакцией было чувство беспомощной растерянности. Анализ вполне корректно приводил к этим детским сексуальным травмам, и все же они оказывались вымыслом. Твердая почва действительности была утрачена. В то время я был бы даже рад бросить всю работу, следуя тем самым по стопам моего почтенного предшественника Брейера. Возможно, я выстоял лишь потому, что у меня не было другого выбора и я не мог тогда взяться за что-нибудь еще. В конце концов появилась мысль, что никому не следует отчаиваться из-за того, что он обманулся в своих ожиданиях. Их в таком случае необходимо пересмотреть. Если страдающие истерией указывают на вымышленные травмы, признавая их лежащими в основе наблюдаемых у них симптомов, то добытый факт означает, что эти сцены — создание их воображения. Значит, эту психическую реальность следует принимать в расчет наравне с практической».

С появлением письма от 21 сентября 1897 г. начался, возможно, самый драматический этап в жизни Фрейда. В течение трех месяцев благодаря самоанализу он восстановил события своего раннего детства. Это привело к открытиям, оказавшим радикальное влияние на будущее человеческой мысли.

С появлением убеждения, что «твердая почва действительности была утрачена», что вполне могло бы удержать человека бо-

лее слабого, чем Фрейд, от дальнейших изысканий, вся «совратительная» теория происхождения истерии развалилась. Однако он нашел в себе силы заявить, что гордится этим открытием, ибо оно стоило ему больших интеллектуальных усилий и поскольку в результате он обрел способность к жесткой самокритике. Он предполагал, что этот эпизод послужит отправной точкой к достижению грядущих успехов. Его ожидания оправдались. Осознание того, что фантазии его пациентов отражают, как он позже выразился, «психическую реальность», подготовило почву для окончательного открытия детской сексуальности и решающего влияния первых лет жизни ребенка на характер его дальнейшего развития.

ПРОРЫВ В САМОАНАЛИЗЕ

Несколькими днями позже, в конце сентября, Фрейд и Флисс повстречались в Берлине. Последовавшие за этой встречей недели позволили Фрейду совершить настоящий «прорыв» в самоанализе. Написанные в октябре 1897 г. три письма, по существу, содержат многие основополагающие психоаналитические открытия.

Во время этого «конгресса» Фрейд не мог только говорить; ему приходилось и слушать. Однако становилось все более очевидным, что Фрейд уже не мог следовать за полетом новых фантазий Флисса. В появившемся сразу по его возвращении первом письме он выразил почтительную неосведомленность:

«Одна из выгод от моего визита к тебе заключается в том, что моя общая осведомленность текущим обликом твоей работы наполнилась теперь рядом подробностей. Однако тебе не следует ожидать от меня исчерпывающих замечаний. Там, где я их тебе представлю, я надеюсь, что, ознакомившись с большей их частью, ты непременно примешь во внимание мою ограниченность в такого рода вопросах, выходящих за пределы моей компетентности...»

Мог ли Флисс принять эти слова беспристрастно, да еще при том, что в этом же письме Фрейд рассказал ему и о реконструкции, непосредственно затрагивавшей «невротическую сторону» отношения к нему самому? Следующий параграф отражает сомнения Фрейда гораздо более явно:

«Я по-прежнему благодарен тебе за малейшие проявления твоего бескорыстия; например, за замечания о связи между заражением и зачатием у матери и дочери. Они представляются мне крайне важными, поскольку это может быть объяснено лишь бес-

смертием зародышевой плазмы¹, а не как-либо фенотипически. Потом мне пришло в голову, что, возможно, это все же не обязательно. Если инфекция у матери возникает в периоды, согласно формуле а. 28 + b. 23, а зачатие дочери также определяется этим уравнением, то тогда различия между ними вновь должны выражаться аналогичной формулой и нет необходимости в существовании какой-то особой связи между заражением и зачатием. Насколько абсурдна такая мысль, судить не берусь. Для этого мне придется узнать о твоей «периодической диспозиции» [по-видимому, термин Флисса. — М. Ш.]».

Этот отрывок иллюстрирует степень двойственности их конфликта; с одной стороны, нескрываемая благодарность за предоставленную информацию, благоговение перед полетом фантазии Флисса, но при этом заметны сомнения Фрейда, которые, впрочем, не распространялись ни на данные наблюдений, ни на «периодическую» гипотезу как таковую и были озвучены только применительно к конкретному вопросу². Что же до якобы отсутствующих у Фрейда математических способностей, то тут он определенно превзошел Флисса в «игре чисел»!

По-видимому, Фрейд был совершенно уверен, что Флисс не примет близко к сердцу продемонстрированную им неосведомленность, поскольку как в этом, так и в последующих письмах продолжал описывать удивительные результаты собственного самоанализа. Например, он торжественно сообщил, что ему удалось реконструировать событие, произошедшее с ним в возрасте двух с половиной лет, которое подтвердила и его мать. В конце этого письма (15 октября 1897 г.) он «вспомнил» и о Флиссе, выразив свой интерес к очередной его гипотезе. Вообще же, читая это письмо, нетрудно представить, сколь страстно Фрейд хотел рассказать Флиссе о своем открытии. Но раз от разу он все же находил в себе силы сдерживать свое нетерпение и особое внимание уделять прежде всего теориям Флисса.

Поведательные Фрейдом реконструкции прошлого появились в основном в результате толкования им собственных сновидений. В этом письме он указывал, что в то время определенно догадывался, «каков будет характер снов следующей ночи». Видимо, поэтому он отправил письмо лишь на следующий день.

Прежде чем перейти к оценке этих реконструкций, следует сказать несколько слов о специфике воспоминаний ранних лет.

¹ Здесь Фрейд представил ту мысль, которую позже подробно рассмотрел в «По ту сторону принципа удовольствия».

² Из писем Фрейда непросто восстановить в точности предположения Флисса о периодико-временной связи между некоторыми инфекциями матери и зачатием у дочери, но здесь нас прежде всего интересует реакция на них самого Фрейда.

Общеизвестно, что обычно большинство воспоминаний о событиях, происходивших в первые пять лет жизни, скрыто так называемой «инфантильной амнезией». Но некоторые отдельные следы таких воспоминаний все же сохраняются, выделяясь на общем фоне словно крошечные островки. Непросто определить, содержат ли они воспоминания о действительно произошедших событиях или же отражают «память» о семейных легендах, сохраненных родственниками ребенка и чаще всего в искаженном и приукрашенном виде переданных ему уже в более старшем возрасте. Такие спонтанные ранние воспоминания обычно являются «прикрывающими воспоминаниями». Фрейд понял лишь позже, что реконструированные в анализе воспоминания в большинстве случаев являются именно прикрывающими.

Наше понимание «прикрывающих воспоминаний» тесно сопряжено с пониманием развития и функционирования самой памяти. Как при анализе одного из своих пациентов предположил Фрейд, память о воспринятом и/или испытанном может ослабеть, если значение произошедшего ребенок еще не в состоянии осмыслить. Позже подобные следы воспоминаний в сходных обстоятельствах могут «возродиться». Тогда они способны оказать сильное и даже травмирующее воздействие.

Обратимся теперь к сопоставлению реконструкций Фрейда с информацией из архивов. Исследование покажет, что они действительно отчасти были «прикрывающими» воспоминаниями, в то или иное время подкрепленными информацией, предоставленной ему окружающими, а восприятия ранних лет, которые должны были оставить по себе следы в памяти, трансформировались описанным выше образом. В своей статье «Ширма памяти» (1899), в которую вошли некоторые из наиболее уточненных формулировок касательно сложной взаимосвязи между памятью и фантазией, между истинными и ложными воспоминаниями, Фрейд ясно показал, что раннее воспоминание также может прикрывать и более позднее событие. Это совершенно не согласуется с общим положением, согласно которому раннее событие заслоняется воспоминанием, относящимся к более позднему периоду. В этой статье Фрейд утверждал:

«В моем распоряжении имеется несколько воспоминаний раннего детства, которые я могу датировать очень точно. В возрасте трех лет я покинул маленькое местечко, где родился, и переехал в большой город. Все эти воспоминания связаны с местом моего рождения, а значит, относятся к тому времени, когда мне было два или три года. В основном это короткие сценки. Однако они очень хорошо и весьма детально сохранились в моей памяти в противовес воспоминаниям более старшего возраста, которые совершенно лишены визуальной составляющей. Начиная с трехлет-

него возраста мои воспоминания уже более скудны и менее определены. Как я полагаю, с шести или семи лет поток моих воспоминаний стал непрерывным».

Затем Фрейд выделил три типа воспоминаний, относящихся к первым трем годам жизни: 1) сцены, которые неоднократно были описаны его родителями; 2) сцены, о которых ему не рассказывали (этот тип воспоминаний обнаруживался в основном в его реконструкциях); и 3) прикрывающие воспоминания.

«Я был ребенком родителей поначалу довольно обеспеченных, которые, как я воображаю, довольно неплохо жили в маленьком провинциальном городишке. Когда мне было около трех, мой отец разорился. Он потерял все свои средства, и мы были вынуждены отправиться в большой город. Последовали долгие трудные годы, о которых, как мне кажется, нельзя вспомнить ничего хорошего. В этом городе я никогда не чувствовал себя по-настоящему хорошо. Теперь я считаю, что всегда тосковал по прекрасному лесу возле нашего дома, куда (как подсказывают мне воспоминания тех дней) я удираю от моего отца почти сразу с той поры, как научился ходить».

В свете данных архивов утверждение Фрейда, что его отец был «обеспеченным и жил достаточно комфортно», выглядит как стремление приукрасить годы «золотого прошлого». Фрейд сам не слишком этому доверял, добавив: «как я воображаю» («wie ich glaube»).

Тесный семейный дом, где родились сам Фрейд и еще двое младших детей, — свидетельство того, что в течение своих первых трех лет Фрейд оказался под влиянием тех самых впечатлений, которые позже описал как травмирующие. Сопоставление реконструкций Фрейда с архивной информацией также наводит на мысль о неточности датировки им некоторых воспоминаний, восстановленных через самоанализ.

Следующий ряд воспоминаний был представлен Фрейдом в его октябрьских письмах к Флиссу и в дальнейшем дополнен и проработан прежде всего в «Толковании сновидений», а также и в некоторых других работах¹:

В письме от 3 октября 1897 г. Фрейд утверждал, что встретил рождение своего младшего брата (Юлиуса, который родился в 1857-м и умер 15 апреля 1858 г.) «враждебно и с неподдельной детской ревностью». Последовавшая через несколько

¹ Далее я обозначу, какие из этих воспоминаний являются прежде всего результатом реконструкции в самоанализе и какие возникли при пересечении реконструкции с дополнительной информацией.

месяцев смерть брата якобы оставила в его душе «зерно вины». Это «воспоминание» сыграло особую роль в жизни Фрейда и не раз будет обсуждаться на страницах этой книги.

В том же письме Фрейд говорил о своем друге детства, племяннике и «компаньоне по злодеяниям»¹ в возрасте между годом и двумя», и племяннице, с которой они «обращались жестоко»². Далее он писал: «Мой племянник и младший брат обусловили не только певротическую сторону, но и глубину всех моих дружеских отношений». Племянник Джон (родился в 1854-м или 1855 г.) и племянница Полина (родилась в 1856 г.) были детьми Эммануила — старшего сводного брата Фрейда. Оба этих воспоминания являются реконструкциями.

В том же письме Фрейд утверждал, что в возрасте двух или двух с половиной лет у него пробудилось «влечение» к матери, что произошло «видимо, во время поездки из Лейпцига в Вену, когда мы почевали вместе и я, должно быть, имел возможность видеть ее обнаженной». Это также реконструкция. Фрейд связывал свою боязнь путешествий именно с этим случаем.

Сопоставление этих реконструированных воспоминаний с подлинными сведениями из архивов сразу выявляет несоответствия по времени. Поездка Фрейда из Лейпцига в Вену имела место в 1860 г., когда ему было около четырех лет. Также весьма маловероятно, что с учетом тесноты в их жилище Фрейд до этого возраста не имел возможности видеть свою мать раздетой.

Тем не менее ошибка в датировке этой реконструкции означает существенное сгущение воспоминаний. С одной стороны, датировка указывает на то, что сексуальная стимуляция имела место еще задолго до поездки из Лейпцига в Берлин. С другой стороны, реакция на нее четырехлетнего мальчика наверняка существенно отличалась бы от реакции ребенка двух — двух с половиной лет. Датировка воспоминаний об играх с Джоном и Полиной, которые неоднократно упоминались потом в его работах (1899; 1900), несколько отличалась от приведенной им в «Толковании сновидений», когда он говорил, что «до конца моего третьего года мы были неразлучны».

Особый ряд воспоминаний относится к няньке, которая заботилась о Фрейде во Фрайберге. Согласно реконструкции Фрейда она неоднократно брала его с собой на католические церковные службы и рассказывала ему о рае и аде. При этом она также была своего рода наставницей Фрейда и в половых вопросах, «бранившей [его] за неаккуратность». Она будто бы купала его в «красноватой воде», в которой прежде мылась сама (см. далее) и даже поощряла его воровать для нее деньги. Первоначально Фрейд относил эти

¹ Немецкое «untat» здесь следует перевести как «злодеяние».

² На немецком «grausam» означает «жестокый».

воспоминания к тому времени, когда ему еще не исполнилось двух лет (до того, как он впервые увидел наготу матери).

За помощью в подтверждении справедливости своих воспоминаний о няньке Фрейд обратился к матери, о чем писал Флиссе в письме от 15 октября 1897 г. Мать рассказала ему, что нянька действительно оказалась воровкой; при ней обнаружили украденные ею деньги. Его старший брат Филипп вызвал полицию, и няньку отправили в тюрьму.

Узнав об этом, Фрейд сразу постиг смысл воспоминания, преследовавшего его с детства:

«Если женщина исчезла так внезапно, говорил я себе, то какие-то впечатления от этого события наверняка должны были бы сохраниться в моей памяти. Как все происходило? Время от времени на протяжении двадцати девяти лет в моем сознании всплывала сцена, смысла которой я не понимал. Я рыдал, поскольку нигде не мог найти свою мать. Мой брат Филипп (который на двадцать лет старше меня) открыл для меня шкаф. Когда я обнаружил, что матери нет и там, то зарыдал еще сильнее и плакал, пока она, стройная и прекрасная, не появилась вдруг в дверях. Что это может значить? Зачем мой брат открыл для меня этот шкаф, зная, что моей матери там нет и, следовательно, это не сможет меня успокоить? Теперь я вдруг понял. Должно быть, я сам попросил открыть шкаф. Когда я не мог найти свою мать, то я боялся, что она исчезла так же, как незадолго до этого и моя нянька. Я, видимо, уже слышал, что пожилую женщину посадили в тюрьму или, как выразился Филипп, всегда любивший игру слов, «заперли». Тот факт, что я обратился с этим требованием именно к нему, указывает, что я догадывался о его причастности к исчезновению моей няньки».

Фрейд предложил две версии и три интерпретации этих воспоминаний. Сопоставление между собой этих версий, а также их сравнение с архивными сведениями имеют важное значение. С одной стороны, это помогает понять роль воспоминаний и их реконструкции, а с другой — проливает свет на проблему смерти. Первая версия тех событий наряду с кратким толкованием была приведена в том же письме.

Фрейд возвратился к этому воспоминанию, рассматривая его теперь в качестве прикрывающего, на страницах «Психопатологии обыденной жизни». Вторая версия включала еще и дополнительные подробности, а ее толкование было выполнено гораздо более тщательно.

«Когда на сорок третьем году жизни я заинтересовался тем, что оставалось в моей памяти от моих детских лет, мне вспомнилась сцена (из очень далекого прошлого, как я полагаю), время

от времени уже давно появлявшаяся в моем сознании. Я имею весомые основания датировать ее концом третьего года моей жизни. Я вижу себя стоящим перед ящиком, который открыл мой сводный брат, старше меня на двадцать лет. Я плачу и чего-то требую. Потом к нам в комнату вдруг — видимо, зайдя с улицы, — входит моя мать. Она выглядит прекрасной и стройной. Такими словами я обрисовал предстоящую передо мной визуальную сцену, о которой я больше ничего не мог бы сказать. Хотел ли мой брат открыть или закрыть ящик (в моей первой передаче этого образа я обозначил его словом «шкаф»), почему я плакал и что в этой связи должно было означать появление матери — все это было мне неясно. Я был склонен объяснить это воспоминание таким образом, что, видимо, брат дразнил меня, а мать положила этому конец. Подобные недоразумения довольно часто происходят с сохранившимися в памяти событиями детства. Общая ситуация вроде бы восстановлена, но неясно, в чем ее суть, и непонятно, на каком из ее элементов следует сделать акцент. Аналитические усилия привели меня к несколько неожиданному взгляду на этот образ. Я потерял свою мать и вынужден был предположить, что она заперта в этом ящике или шкафу, а потому попросил брата его открыть. Когда он выполнил мою просьбу и я убедился, что матери там нет, я начал реветь. Это я твердо запомнил; далее вошла моя мать, и ее появление уменьшило мою тревогу. Но как ребенку могла прийти мысль искать отсутствующую мать в ящике? В сновидениях того времени [когда анализировались эти воспоминания] присутствовали смутные образы моей няньки, о которой я помню, например, то, что она принуждала меня отдавать ей мелкие монеты, которые я, бывало, получал в подарок, — деталь, которая, в свою очередь, может претендовать на роль воспоминания, «покрывающего» нечто позднейшее. Здесь я решил, что мне будет проще расспросить об этой няньке мою мать. Я узнал ряд подробностей, в частности то, что она была умной, но непорядочной женщиной, которая во время родов моей матери украла много вещей и при непосредственном участии моего брата была отдана под суд. Эта информация внезапно прояснила для меня смысл той детской сцены. Внезапное исчезновение няньки не прошло для меня незамеченным. Именно поэтому — пытаясь узнать, где она, — я обратился к брату, который, как я, видимо, тогда заметил, сыграл в ее исчезновении заметную роль. Мне он ответил в характерной для него шутиливой манере: «Ее «заперли в ящик» [«eingekastelt»]. В то время я воспринял этот ответ по-детски [то есть буквально], но уточнять больше ничего не стал. Когда по прошествии некоторого времени моя мать меня ненадолго оставила, я вообразил, что мой грешный брат сыграл и с ней ту же штуку, и вынудил его открыть этот ящик [«kasten»]. Теперь я понимаю, почему в этом моем вос-

поминании детства подчеркивалась стройность матери. Должно быть, она предстала передо мной в облике только что возрожденного человека. Я на два с половиной года старше сестры, родившейся в то время. Когда мне исполнилось три года, мой сводный брат уехал от нас».

В дополнении от 1924 г. Фрейд представил заключительное толкование:

«Всякий, кто интересуется психикой детских лет, с легкостью увидит глубинные основания моего требования к старшему брату. Ребенок, которому не было еще и трех лет, догадывался, что недавно появившаяся на свет младшая сестра выросла внутри его матери. Он был весьма далек от того, чтобы приветствовать такое пополнение в семействе, и полон подозрений и тревог, что внутри его матери прячутся еще дети. Шкаф или ящик выступили для него символом материнского чрева. Поэтому он настойчиво пожелал заглянуть в ящик и обратился с этим к своему взрослому брату, который (как это следует из прочих фактов) заменил в роли соперника его отца. Помимо обоснованного подозрения, что именно брат «запер» его исчезнувшую няньку, он же попал под подозрение, будто бы каким-то образом поместил недавно родившегося ребенка внутрь матери. Аффект разочарования тем, что ящик оказался пустым, проистекает из поверхностной мотивации детского требования. Касательно более *глубокого* направления мыслей, аффект пошел по ложному пути. Однако удовлетворенность ребенка стройностью вернувшейся матери может быть понята лишь в свете этих более глубоких оснований».

Как я подчеркивал ранее, сперва Фрейд относил совращение со стороны няньки и ее воровство к той поре, когда ему было меньше двух лет. Однако согласно рассказам его матери эти события произошли в пору появления ее третьего ребенка, дочери Анны, родившейся 31 декабря 1858 г., когда Фрейд уже достиг возраста двух с половиной лет. Влияние ее рождения не было реконструировано в то время, несмотря на то что реконструкция воспоминаний о своей реакции на рождение и смерть младшего брата Юлиуса существовала. (Юлиус родился, когда Зигмунду было около полутора лет, а умер накануне его второго дня рождения.) Фрейд также никогда не упоминал о том, что вскоре после рождения Анны 22 февраля 1859 г. на свет появилась Берта — дочь Эммануила и Марии Фрейд. Ввиду тесных связей между двумя семьями и из-за того, что у них была общая нянька (о чем свидетельствует реестр служанок, работавших на еврейские семьи), такой пробел имеет важное значение. Только в гораздо более поздней своей работе («Печаль и меланхолия») Фрейд рас-

сматривал возможность того, что иногда воспоминания о соперничестве и желании смерти младшему брату (сестре), который действительно умер, когда старший был еще очень мал, в действительности прикрывают воспоминания о враждебных чувствах, испытывавшихся к другому брату (сестре), родившемуся вскоре после смерти первого.

Аффект, наиболее отчетливо проявляющийся в этих реконструкциях, — отчаянный страх потерять мать, который сейчас мы бы назвали «страхом разлуки». Соответственно в этих воспоминаниях сгустилась память об исчезновении няньки (которая фактически была простой служанкой) и некоторых, очень коротких разлук с матерью. Более того, эти события происходили на фоне появления на свет и смерти его брата, а затем рождения сестры Анны и племянницы Берты. Что касается Анны и Берты, то мы должны учитывать, что в то время роды обычно происходили дома¹, так что долгих разлук с матерью не было. Разве что маленького мальчика могли отправить на день или два к старшему сводному брату.

Рассмотрим различия между первым и вторым толкованиями Фрейда. В письме от 15 октября 1897 г., написанном Флиссу под непосредственным влиянием снов, реконструкции и подтверждающих ее сведений, полученных от матери, Фрейд говорил, что эти воспоминания появляются у него «последние двадцать девять лет», то есть с двенадцати лет, тогда как в 1901 г. он говорил о «сцене, пришедшей в мое сознание издалека (из глубочайшего прошлого, как мне кажется)».

Следует помнить, что спустя лишь несколько месяцев после этих событий отец Фрейда вместе с семьей покинул Фрайберг и прибыл в Вену. В то же время семьи Эммануила и Филиппа уехали в Англию, в Манчестер. Таким образом, навсегда исчезли как друзья детства Фрейда, так и его первый дом, луга и леса. Все эти «исчезновения», по-видимому, сгустились в одном прикрывающем воспоминании.

Для детей такого возраста естественно с тревогой реагировать на внезапные изменения в окружающей обстановке. В «Толковании сновидений» Фрейд обсуждал и тот факт, что для детей понятия смерти и исчезновения сливаются воедино. Как мы можем еще увидеть, смерть близких Фрейду людей, оставивших этот мир, когда сам ученый был еще очень молод, сильно повлияла как на ход его раннего развития, так и на его поздние теоретические построения (см. главы 5 и 9)².

¹ Даже шестой ребенок Фрейда был рожден дома.

² Об исключительно умоизрядном предположении касательно дополнительной детерминанты этого прикрывающего воспоминания см. главу 5.

Реконструкции Фрейда касательно его «некрасивой», по умной пняи были образованы реконструкцией ее воровства и исчезновения, которое также способствовало усилению его страха разлуки. Я уже указывал, что Фрейд ошибочно датировал этот эпизод. То, что эта женщина могла водить Фрейда и детей Эммануила в церковь и рассказывать им о Боге и аде (как Фрейд утверждал в том же письме от 3 октября 1897 г.), звучит вполне правдоподобно.

Некоторые другие детали этой реконструкции выглядят довольно противоречиво и отчасти напоминают «заключения», которые пациенты-истерики выдавали Фрейду за свои действительные воспоминания. Следует помнить, что всего двумя неделями ранее Фрейд рассказал о своем открытии, согласно которому его пациенты заменяют свои подлинные воспоминания фантазиями. Фрейд лишь постепенно начал осознавать фундаментальную значимость таких фантазий и их универсальный характер. Потому вполне вероятно, что именно он стал своим первым пациентом, позволившем самому себе произвести здесь четкое разграничение.

В письме от 3 октября Фрейд говорил об «*urheberin*» (что в «Рождении психоанализа» было переведено как «первичный инициатор [невроза]»), имея в виду, что «совратителем» оказалась его нянька, а не отец, как он сперва склонен был считать по аналогии со своими пациентами-истериками. Фрейд также утверждал, что она внушала ему «высокое мнение о [его] собственных способностях».

В то время сны Фрейда, видимо, продолжали его дневной самоанализ. Многие подробности о его реконструкции относительно няньки были представлены в постскрипуме, датированном 4 октября:

«Она была моей наставницей в половых вопросах, бранила меня за неаккуратность и неспособность что-либо сделать (что всегда ведет к невротической импотенции: тревога за свою несостоятельность в школьные годы получает подкрепление в сексуальной сфере)... Также она купала меня в красноватой воде, в которой прежде мылась сама (это не слишком сложно интерпретировать; в своей цепочке воспоминаний я не нахожу ничего в этом роде и потому принимаю это за настоящее переоткрытие)...

Взыскательный критик может посчитать все это фантазией, спроектированной в прошлое, а не определяемой им. Однако «*experimenta crucis*» (решающий эксперимент) опровергнет такое мнение. Красноватая вода, похоже, относится именно к таким вещам. Откуда все пациенты извлекают столь ужасные подробности, которые чаще всего столь же чужды их опыту, сколь и познаниям?»

Гораздо менее гипотетичные замечания применимы к реконструкции Фрейда, касающейся его няни. Фрейд датировал «совращение» со стороны этой женщины тем временем, когда ему еще не исполнилось двух лет. Хотя няни часто «совращают» детей ласками и иными действиями, весьма маловероятно, что эта женщина давала высокую оценку его способностям и в то же время «бранила» его за неаккуратность в половом отношении.

Существенно, что в «Толковании сновидений» Фрейд упомянул об этой женщине уже в гораздо более правдоподобном контексте. Обсуждая свой сон, он писал:

«[Эти] сны опираются на воспоминание о няньке, заботившейся обо мне, пока мне не исполнилось два с половиной года. Я сохранил о ней смутные воспоминания. Соответственно тому, что я недавно услышал от своей матери, она была старой и некрасивой, но очень умной и расторопной. Как я могу понять из своих сновидений, обращалась она со мной не всегда особенно ласково и могла быть резка в своих выражениях, если я оказывался неспособным соответствовать ее требованиям к опрятности».

Мы можем домыслить, что эта женщина не только могла ругать маленького мальчика за такие проступки, но и пороть его.

В первой реконструкции Фрейд еще колебался между теорией раннего совращения и концепцией ранних фантазий. Ко времени, когда Фрейд писал «Толкование сновидений», он, видимо, уже пересмотрел свое прежнее толкование. Скорее всего, в этом толковании Фрейда имеет место очередной пример прикрывающего воспоминания, спроектированного в прошлое. Известно, что поздние конфликты, концентрирующиеся на сексуальной уязвимости (они возникают, например, тогда, когда маленький мальчик сравнивает свои гениталии с отцовскими), связаны часто с ранними неудачами в процессе «приучения к горшку».

Реконструкция купания в красноватой воде, в которой женщина предварительно вымылась сама, еще больше напоминает смещение и сгущение. В первые годы жизни Фрейд наверняка должен был наблюдать признаки менструальных кровотечений, даже если допустить, что он не был свидетелем рождения своих братьев и сестер.

Реконструкции воспоминаний ранних лет указывают на событие, которое Фрейд относил к возрасту двух или трех лет. Речь идет о травме левой стороны подбородка, которая потребовала наложения швов. Истолковывая свой сон, Фрейд верно заключил, что обрабатывавший рану врач был слеп на один глаз. Это подтверждено Шайнером (1968), который также выяснил имя этого врача — Йозеф Пур¹.

¹ Имя Йозеф играло важную роль в жизни Фрейда.

Очень важно, что Фрейд впервые упомянул идею универсальности «эдипова комплекса» в том же самом письме, где он сообщил о своей травме и односторонней дружбе. Рассечение было очень сильным и должно было сопровождаться кровотечением, при котором пришлось «умыться» кровью.

По всем этим соображениям, реконструкция купания в красноватой воде, по-видимому, была сгущением¹ множества воспоминаний, как это часто случается в наших снах.

Я уже указал, что в свои ранние годы во Фрайберге Фрейд уже наверняка имел возможность лицезреть и чужую наготу, и прочие подробности семейной жизни. По Фрейду, наблюдение сексуальной жизни взрослых — особенно родителей — занимает особое место среди потенциально травмирующих событий раннего детства. Относительно рано Фрейд пришел к заключению, что подобные наблюдения совсем не редки. Вероятно, первый намек на этот факт можно обнаружить в письме от 30 мая 1893 г., где он писал:

«Полагаю, что я понимаю тревожные неврозы молодых людей, которых следует считать девственниками при отсутствии истории сексуального соращения. Я проанализировал два таких случая. Причиной оказалась боязнь сексуальности, наблюдающаяся на фоне того, что они когда-то видели или слышали и не до конца поняли...»

В «Очерках об истерии» Фрейд писал:

«Я довольно часто обнаруживал, что у девушек тревога является следствием того страха, который охватывает девичий ум при первом столкновении с миром сексуальности.

[К этому Фрейд добавляет следующую справку:] Я приведу здесь случай, когда я впервые осознал такую причинную связь. Я лечил молодую замужнюю женщину, страдавшую от сложного невроза и... не склонную согласиться с мыслью о том, что ее болезнь проистекает из условий ее семейной жизни. Она отрицала, что, будучи девочкой, была подвержена приступам страха с обмороками. Я продолжал настаивать. Когда мы стали больше доверять друг другу, однажды она неожиданно сказала мне: «Я расскажу вам сейчас о приступе страха, который случился со мной, когда я была еще девочкой. В то время я обычно спала в комнате, соседней с родительской; дверь была открыта, и на столе обычно горел ночник. Так что не раз я видела отца в постели с матерью и слышала звуки, которые меня очень волновали. Именно тогда начались мои приступы».

¹ Концепция «сгущения» обсуждается далее в этой главе.

В одной из своих попыток увязать этиологию неврозов с травматическими переживаниями в определенных возрастах Фрейд предложил термин «сексуальная сцена», который использовал применительно к травмирующим переживаниям, произошедшим в период первых четырех лет жизни (30 мая 1896 г.). Термин «первичная сцена» впервые появился в письме от 2 мая 1897 г. в следующем контексте:

«Цель видится в том, чтобы вернуться к первичным сценам. В некоторых случаях достичь этого можно непосредственно, но иногда лишь косвенным путем, с помощью фантазирования».

Весьма существенна следующая ссылка (3 октября 1898 г.):

«Биологически жизнь снов представляется мне протекающей непосредственно из сохранившегося от доисторического этапа жизни (от года до трех), который является источником подсознательного и полностью определяет этиологию всех психоневрозов; этап этот обычно скрывается амнезией, сходной с истерической».

Я полагаю, что применение Фрейдом термина «доисторический этап жизни» к возрасту от года до трех лет имеет особое значение.

Множество ссылок можно обнаружить и в работах более позднего периода; например, в случае Доры Фрейд ссылался на услышанные некогда из родительской спальни звуки как на источник появившейся у его пациентки «истерической» одышки. Рассматривая два широко известных случая (случай маленького Гауса и человека-крысы), Фрейд утверждал, что наблюдение за родительскими половыми сношениями сыграло существенную роль в происхождении неврозов его пациентов. Однако в этих статьях он никогда не использовал термин «первичная сцена».

И в той и в другой статье, особенно в последней, Фрейд очень подробно обсудил почти непреодолимые сложности при различении «фактов, на которые опираются [эти] рассказы о доисторическом прошлом», от фантазий, частично опирающихся на истории, когда-то услышанные ребенком от близких. Фрейд утверждал, что «детские воспоминания людей» оформляются лишь позже, обычно к возрасту половой зрелости, и что здесь задействован сложный процесс реконструирования, во всех отношениях аналогичный тому, в рамках которого народы создают легенды о своей ранней истории («Заметки о случае невроза навязчивости»). Тем не менее в одной из своих самых последних работ («Моисей и монотеизм») Фрейд настаивал, что за мифами и легендами всегда скрывается определенная доля исторической правды (см. главу 23).

Термин «первичная сцена», подразумевающий факт наблюдения за половыми сношениями родителей, окончательно утвердился, когда на примере так называемого случая человека-волка Фрейд заключил («Из истории детского невроза», 1918), что подобное произошло, когда его пациенту было полтора года, и данное обстоятельство сыграло центральную роль в развитии его крайне сильного невроза. Фрейд признавал, что в таком возрасте ребенок еще не мог в полной мере сознавать значение наблюдаемого. С другой стороны, то, что в данном случае сделанное ребенком наблюдение не прошло для него бесследно, стало понятно из сна, появившегося на четвертом году его жизни. В нескольких словах было бы трудно дать полное представление об аргументации Фрейда, представленной им к этому толкованию.

Он предполагал, что его пациент в интервале между сделанным наблюдением и сном приобрел некоторую дополнительную информацию (например, подглядывая за спаривающимися собаками), которая позволила ему переосмыслить старые впечатления и воспринять их в подобающем контексте. Рассуждения Фрейда оказались, однако, осложнены следующим фактом: воспоминания и ассоциации данного пациента не исключали и возможности того, что «первичная сцена» имела место не в полуторагодовом возрасте, а в полугодовом. Тогда Фрейд поставил перед собой следующий вопрос: может ли у младенца быть нечто, сопоставимое с «инстинктивной» осведомленностью животных, которая проявляется, пока умственный аппарат ребенка не созреет в достаточной степени?

Фрейд никогда не отходил от этой идеи «первичных» фантазий, филогенетически наследуемой осведомленности. Он обсуждал эту идею не только в своей статье 1918 г., но и в таких работах — если упоминать наиболее существенные, — как «Тотем и табу», «Лекции по введению в психоанализ» (1916 — 1917), «Распад эдипова комплекса», «Моисей и монотеизм».

Применение Фрейдом этой концепции к проблеме влияния первичной сцены можно видеть на примере следующих двух отрывков:

«Хотелось бы знать, является ли первичная сцена в случае моего пациента его фантазией или отражает реально произошедшее... Сцены наблюдения родительских сношений, совращение в детские годы и угроза кастрации бесспорно являются филогенетическим наследием, но легко могут быть приобретены и в рамках индивидуального опыта. В случае моего пациента совращение со стороны его старшей сестры является неопровержимым фактом; почему бы тогда делу не обстоять таким же образом и в отношении родительских сношений?

В предыстории невроза мы обнаруживаем, что, когда собственного опыта у ребенка еще слишком мало, он обращается к опыту филогенетическому. Он заполняет брешь в индивидуальном

знания за счет доисторического; он замещает события собственной жизни эпизодами из жизни предков. Я полностью согласен с Юнгом, признавая существование такого филогенетического наследования; однако я считаю методологически ошибочным прибегать к филогенетическому объяснению до того, как исчерпаны возможности объяснения онтогенетического. Я не вижу никаких причин упорно ставить под сомнение значение младенческой предыстории и в то же время свободно признавать значение предыстории родовой. Не могу упустить из внимания и тот факт, что филогенетические мотивы и образования сами нуждаются в объяснении. В ряде случаев оно становится возможным только благодаря факторам, определяемым детскими годами личности. И в конечном итоге меня не удивляет, что первоначально возникшее при определенных обстоятельствах в доисторические времена и затем переданное по наследству в форме предрасположенности к повторению ситуации, при сходных обстоятельствах может возникнуть вновь как реальное событие в жизни индивидуума.

Рассматривая поведение четырехлетнего ребенка относительно повторившейся первичной сцены или даже размышляя над гораздо более простыми реакциями на нее полугодовалого ребенка, трудно отказаться от мысли, что своего рода четкая осведомленность или, если можно так выразиться, предварительная готовность к пониманию присутствует у него уже в таком раннем возрасте. Мы не можем сформировать здесь более дифференцированного представления; в нашем распоряжении имеется лишь одна аналогия — правда, достаточно удачная — устойчивые инстинкты животных».

В свете представленных ранее архивных сведений уместно задать следующий вопрос. В случае с пациентом Фрейда имеем ли мы дело с единичным наблюдением, или же ребенок наблюдал подобные сцены на протяжении многих лет?

Предположения Фрейда о наследовании приобретенных свойств находятся в противоречии с открытиями современной генетики¹. Даже если генетические исследования на вирусах в целом подтвердили бы возможность такой передачи, это все равно не могло бы служить свидетельством возможности наследования таких психических феноменов, как эдипов комплекс, врожденное знание о половых сношениях, чувство вины за убийство отца и т. д.

Можно ли период жизни, скрытый инфантильной амнезией, период, когда навыки членораздельной речи еще не приобретены и словесное отражение окружающего мира еще не может быть полным, считать столь важным для всего последующего развития личности? В этом смысле весьма уместно будет вспомнить, что

¹ См. обсуждение в главе 23.

Фрейд называл время от рождения до конца третьего года жизни «доисторической эпохой».

В изучении раннего детства Фрейда я уделяю особое внимание тому факту, что оно проходило в бедности и скученности. Жизнь вместе со взрослыми в комнате, где родилось трое детей, в которой любили и умирали, оставила заметный след на психике маленького мальчика. Судя по тому, что нам известно о взрослом Фрейде, он был весьма восприимчивым и любопытным ребенком, стремящимся узнать и понять все вокруг. Несколько позже я еще вернусь к проблеме возможного влияния этих детских впечатлений и также к вопросу о том, знал ли Фрейд о существовании второй жены своего отца.

Вновь обращусь к реконструкциям, которые Фрейд представил в октябре 1897 г. В том же письме (от 15 октября), где Фрейд говорил о подтверждении справедливости своей реконструкции касательно няни, он также поведал о своем открытии «эдипова комплекса» и его универсальности. Свою концепцию он представил удивительно сдержанно:

«Если анализ подтвердит мои ожидания, я изложу все это систематически и затем предоставлю тебе. Пожалуй, пока я не нашел чего-то особенно нового. Меня посетила одна очень важная идея. Я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу и в моем собственном случае и теперь полагаю, что это универсальный феномен раннего детства... Если это действительно так, то удивительная власть «царя Эдипа» становится понятна... Каждый человек однажды бывал кем-то вроде Эдипа в своих фантазиях, но их несовместимость с реальностью заставляет всякого в ужасе отвергать такие мысли, со всей силой вытеснения, отделяющей период детства от остальной жизни.

Мне в голову пришла мысль, что нечто подобное может лежать и у истоков «Гамлета». Я не думаю, что у Шекспира на этот счет были какие-то сознательные соображения. Скорее всего, к написанию этой трагедии его побудило собственное бессознательное, растревоженное смертью отца. Как иначе можно объяснить... фразу Гамлета «так совесть делает из всех нас трусов» и его колебания — отомстить за отца или нет, притом что он так хладнокровно отправляет на смерть двух придворных... Его совесть — это бессознательное чувство его вины».

Так, в течение двух недель в дополнение к связанным с incestом корням сексуальных фантазий раннего детства Фрейд обнаружил и истоки универсального ужаса перед братоубийством и отцеубийством (комплексами Каниа и Эдипа). Также он выдвинул и гипотезу, которую смог сформулировать окончательно лишь через много лет: что «совесть» базируется на бессознательном чувстве вины.

Флисс, видимо, не ответил на письмо Фрейда от 15 октября. Был ли он ошеломлен и шокирован эдиповой теорией или обижен сомнениями, которые Фрейд выразил в своем письме от 3 октября? А может быть, на его молчание повлияло предложенное Фрейдом генетическое объяснение «невротической» стороны всех своих дружеских отношений? Каковы бы ни были действительные причины, 27 октября 1897 г. Фрейд напомнил Флиссу о его молчании:

«Несомненно, твое молчание не объясняется тем, что стихийные силы отбросили тебя в тот период времени, когда чтение и письмо были для тебя задачами обременительными, как это произошло со мной в воскресенье, когда я хотел отправить тебе несколько строк, чтобы отпраздновать твой еще не сороковой [39-й] день рождения. Я надеюсь, что ничего серьезного не случилось».

Из их переписки нам известно, что сороковой день рождений был для Флисса «сверхкритическим» периодом. Поэтому был упомянут предшествующий день рождения. «Забывание» Фрейдом этого события представляется особенно существенным.

Затем Фрейд рассказал о своем новейшем открытии: связи между сопротивлением в процессе анализа и вытеснением в детстве. Сопротивление делает «почтенного» человека «низким, лживым и вызывающим».

Четыре дня спустя (31 октября 1897 г.), получив письмо от Флисса, Фрейд отбросил не только мысли об отмщении, но и все сомнения, которые выражал тремя неделями раньше! Он писал:

«Я так рад вновь получить от тебя письмо (третье после Берлина), что я прогнал все мысли об отмщении. И то, что твоя работа приняла цельный вид, и то, что появились биологические типы, как, например, твои параллели между рождением и смертью у взрослых, — все это восхищает меня и оставляет надежду на гораздо большее уже в самом ближайшем будущем».

Фрейд довольно многозначительно отмечает, что «под влиянием анализа мои сердечные симптомы [о которых он не упоминал больше года] теперь часто заменяются желудочно-кишечными».

Фактически сердечные симптомы Фрейда прекратились к 1896 г., еще задолго до того, как его самоанализ достиг некоего глубинного конфликта, лежавшего в их основе, который мог быть приравнен к сильной невротической тревожности, или, как полагал Джонс, «тревожной истерии». Это обстоятельство подтверждает мою теорию, что Фрейд страдал либо от легкого коронарного тромбоза, либо, что менее вероятно, перенес в 1894 г. мно-

кардит, — другими словами, что его болезнь была органической, а не психогенной или психосоматической. Его интенсивное курение, возможно, выступало в роли дополнительного фактора. Безусловно, симптомы любого органического заболевания, особенно продолжительного, с одной стороны, могут усиливаться из-за эмоционального стресса, а с другой — вызывать различные психологические следствия. Такой порочный круг особенно характерен для заболеваний сердца.

Что касается желудочно-кишечной симптоматики Фрейда, то, как следует из имеющихся подтверждений, у него наблюдалась повышенная склонность к раздражению толстой кишки, что часто сопутствует психическому конфликту¹. Позже Фрейд утверждал, что появление в анализе «анальной» информации часто предваряется или сопровождается функциональной или даже структурной желудочно-кишечной патологией. Возможно (хотя такая гипотеза и сугубо умозрительна), что соответствующее открытие Фрейда, о котором он сообщил в последующие два месяца, некоторым образом соотносилось с типом появившихся у него в тот период болезненных симптомов.

В своем письме от 14 ноября 1897 г. Фрейд представил свое следующее важное открытие, касающееся стадий развития детской сексуальности. Он пародировал при этом астрологические формулы, что, по сути, было своеобразной насмешкой над «периодическими» гипотезами Флисса. Фрейд словно говорил ему: «Видишь, именно я смог дотянуться до звезд в своих изысканиях, но тебе никогда не удастся достичь таких высот». Сам не осознавая того, Фрейд готовился к открытому разрыву. Он целиком ушел в свой самоанализ, переживая мучительные периоды, когда приходилось ожидать появления из глубин подсознания новых материалов, прежде чем у него появлялась возможность четко оформить возникавшие идеи. В один из таких дней он отмечал: «Внутри меня очень тихо и ужасно одиноко... Мне нужно ждать, пока все эти вещи начнут бурлить во мне и я узнаю о них».

Неудивительно, что в это время, но уже на совершенно ином уровне, его потребность во Флиссе заявила о себе с новой силой. В такие дни Фрейд был даже готов согласиться с «периодами» Флисса. Вот письмо от 3 декабря 1897 г.:

«Прошлым вечером твоя милая жена... посетила нас, припеся с собой краткую иллюзию счастья, и своим уходом [дословно: исчезновением] вновь унесла ее. Такие разрывы одиночества оказывают благотворный эффект, напоминая о том, сколь в действительности тягостно самоотречение и сколь ошибочно к нему при-
выкать».

¹ Годами он ездил в Карлсбад на лечение.

Он продолжал это письмо 5 декабря словами: «Критический день помешал мне продолжить». Несколькими страницами далее он восклицал: «С тех пор как я изучаю «Ucs.», я стал себе очень интересен»¹.

Фрейд и Флисс планировали встретиться в Бреслау в декабре 1897 г. Встреча произошла в сентябре, непосредственно после решающего открытия Фрейда, обнаружившего, что его пациенты чаще описывают свои фантазии, нежели реальные события. К тому времени у Фрейда скопилась масса новостей. Поэтому он очень ждал этой встречи. 12 декабря 1897 г. он писал:

«Только тот, кто знает, что обладает истиной, может писать как ты. Поэтому я с огромным нетерпением жду встречи в Бреслау и готов слушать во все уши. Что до меня, то у меня с собой ничего не будет. Я прошел через одинокое и смутное время и сейчас мучительно страдаю от [назального] насморка и закупорки; я совсем лишился сил. Если не будет улучшения, в Бреслау я попрошу тебя о прижигании».

Всякий, кто проходил через анализ или проводил его, знает, сколь сильным бывает сопротивление, возникающее при вскрытии ранних конфликтов. Однако постижение повсеместной распространенности желания смерти родителям, братьям и сестрам, инцестуозных и бисексуальных влечений *впервые* должно было волновать и ужасать намного больше. Когда в 1917 г. Фрейд сравнивал психологическую революцию, совершенную психоанализом, с астрономической революцией Коперника и Галилея и биологической, осуществленной Дарвином и Уоллесом, его слова были обращены к тогдашней его аудитории. Однако он точно знал, что означает эта революция для него. В то время, когда Фрейд подошел к этим открытиям, он прекрасно понимал, что рискует навлечь на себя ненависть и насмешки практически всех, кто познакомился с его работой. Наверное, он чувствовал себя как «Ныряльщик» Шиллера, проникший туда, где до него никто никогда не бывал². Неудиви-

¹ Напротив, более чем тридцать лет спустя в своем письме автору книги «За желтой стеной», посвященной проблеме психозов, Фрейд говорил: «Со временем я перестал находить интерес в своей персоне — что определенно аналитически некорректно, — и потому я не слишком продвинулся в объяснении этой установки [своей неприязни к психотикам]. Можете ли вы понять меня лучше, чем я сам? Веду ли я себя в этом случае как врачи вчерашнего дня по отношению к истерикам? Следствие ли это постепенно все более преобладающего предпочтения, отдаваемого интеллекту, отражение враждебности к «Оно»? Если нет, то что тогда?»

² Сколь страшны глубины для тех, кто привык наслаждаться солнечным светом! Человек не должен искушать богов, стремясь увидеть то, что они столь благосклонно скрывают под покровом беспросветной тьмы. [Переведено в прозе.]

тельно, что время от времени Фрейд нуждался в помощи, поддержке, одобрении и возможности посетовать на свою нелегкую судьбу. Эту «слабость» Фрейд потом научился преодолевать, однако, как он написал одному из своих друзей примерно тридцатью годами позже (см. главу 15), «всякий устает в пути».

Однако психическая гибкость Фрейда напомнила о себе уже в письме от 12 декабря:

«Меня так вдохновляет возможность побеседовать с тобой как о пустяках, так и о серьезных делах, после того как месяцами меня вновь неотступно осаждали самые «*meschugge*»¹ мысли и я не мог пообщаться с чутким собеседником. Еще один глоток вод Леты»².

В греческой мифологии Мнемозина и Лета — Память и Забвение — два источника, бьющие у входа в загробный мир. Соответственно, за словами Фрейда о глотке вод Леты стояло его горячее желание хоть на короткое время облегчить тяжесть непосильной задачи, за решение которой он взялся. На пути своих изысканий он словно бы сошел в преисподнюю и, отведав воды из Мнемозины, теперь жаждал испробовать вкус источника Леты. Однако его жажда скоро оказалась утолена. Внутреннее равновесие быстро восстановилось. В следующем абзаце этого письма уже видны новые смелые идеи, которые ему предстояло воплотить в последующих работах.

Письмо характеризует внутреннее состояние Фрейда, в котором он развивал свои идеи. Мысли, выраженные им годом ранее, представлялись обусловленными его тогдашним состоянием, глубокой скорбью по умершему отцу. Теперь же он обратился к истокам концепций бессмертия, воздаяния, «того света». Эти идеи вновь возникли у Фрейда спустя годы или даже десятилетия, воплотившись в таких его работах, как «Бред и сны в «Градиве» Йенсена», «Творческие писатели и сны наяву» (1908), «Мотив трех шкатулок», «Тотем и табу», «Мысли о времени войны и смерти», «Быстротечность», «По ту сторону принципа удовольствия» и «Будущее одной иллюзии». До последних дней жизни Фрейд размышлял над этой самой проблемой «того света», значением смерти, ее необходимостью и стремлением к жизни как в теоретико-психологическом ключе, так и с позиций их важности для жизни каждого отдельного индивидуума.

В следующем письме (22 декабря 1897 г.) Фрейд спустился «с небес на землю». Вступление вновь написано в слегка ироничном тоне, свидетельствующем о том, что Фрейд вновь стал более скептически относиться к умозрительным построениям Флисса:

¹ В переводе с идиш это слово означает «сумасшедший».

² Это выражение довольно часто появляется в письмах Фрейда.

«Я вновь в хорошем расположении духа и с нетерпением ожидаю встречи в Бреслау, чтобы увидеть тебя и услышать те прекрасные вещи, которые ты мне расскажешь о жизни и ее зависимости от вселенского процесса. Меня всегда интересовали эти вопросы, но до сих пор я не встречал никого, кто бы мог мне на них ответить. И раз уж есть двое, один из которых может сказать — что есть жизнь, а другой — что есть душа (приблизительно), то им, несомненно, надо чаще общаться друг с другом. Я набросаю для тебя кое-что новое из того, что у меня появилось. Это даст возможность мне слушать тебя не отвлекаясь».

Новость, о которой говорил Фрейд, заключалась в достигнутом им понимании того, что за пристрастием к алкоголю, морфию и табаку неизменно стоит «первичная склонность» к мастурбации. Это сообщение является типичным образчиком безупречной честности Фрейда. Фрейд так никогда и не смог избавиться от собственной пагубной привычки к курению. Последствия этой неудачи для его здоровья очевидны. Гораздо труднее оценить, до какой степени эта привычка была помехой для решения ряда аналитических проблем. В том же письме Фрейд выразил на этот счет некоторые сомнения:

«Эта зависимость играет огромную роль в происхождении истерии. Возможно, мое главное и по-прежнему непреодолимое препятствие целиком или частично лежит в этой области. Неизменно возникают сомнения в возможности победить такую зависимость».

Несомненно, однако, что любая попытка бросить курить приводила Фрейда к возникновению различных «абстинентных» симптомов¹.

НА ПУТИ К РАЗРЫВУ

Встреча с Флиссом в Бреслау, которую Фрейд так ждал, выдвинула на первый план в их отношениях ряд непреодолимых сложностей. В пору восхищения Флиссом критические способности Фрейда были притуплены. Полагая, что весь период их дружбы (то есть с 1893-го по 1901 г.) приблизительно совпадает с периодом самоанализа Фрейда, в рамках соответствующего переносоподобного отношения мы можем с той или иной степенью определенности выделить несколько фаз.

¹ Яркий пример соответствующей установки Фрейда можно обнаружить в его письме к Фсренци, написанном 6 ноября 1917 г. (глава 11).

Первая оканчивается сном об инъекции Ирме (24 июля 1895 г.). В это время Флисс играл роль авторитетного судьи и наставника, который с появлением у Фрейда проблем с сердцем также стал его доверенным врачом, немолжно определявшим длину оставшегося отрезка жизненного пути. Ранее описанный эпизод Эммы, предшествовавший сну об инъекции Ирме, подверг потребность Фрейда в восхищении Флиссом серьезному испытанию и повлек за собой включение защитных механизмов отвержения и смещения.

В сне об инъекции Ирме глубокая двойственность их тогдашних отношений, в регулярном анализе оказавшаяся бы в фокусе поискового исследования, оставалась в скрытом и завуалированном виде. Однако Фрейд овладел техникой систематического анализа сновидений, которую мог все более эффективно использовать для понимания себя и своих пациентов. Разгадав тайну сновидений, он знал, что отныне стоит на верном пути. Ко времени сна об инъекции Ирме его сердечные симптомы также утратили прежнюю выраженность и мало-помалу постепенно исчезли.

В результате Фрейд становился все менее зависим от одобрения Флиссом его идей. Постепенно исчезала его беззащитность перед дезорганизующим влиянием внутренних сомнений и неудовлетворенность результатами работы с пациентами. Мне бы не хотелось, чтобы складывалось впечатление, будто я считаю, что такое одобрение было необходимым и без этого Фрейд не мог бы прийти к своим открытиям. Скорее я склонен ставить этот творческий рост в зависимость от успехов самоанализа Фрейда, выступившего существенным этапом как в развитии психоанализа, так и отношения Фрейда ко всем аспектам жизни и смерти.

Крепнущее чувство уверенности в себе снижало и потребность Фрейда принимать гипотезы Флисса. Для Фрейда было относительно легко согласиться с описанным Флиссом синдромом «назального рефлекторного невроза» уже хотя бы потому, что тот все-таки опирался на факты клинических наблюдений. Однако со временем Флисс все более и более погружался в трясину «законов периодичности», безоговорочно принять которые Фрейд не хотел и не мог. Более того, Фрейд стал замечать двойственное отношение Флисса к собственным идеям; с одной стороны, Флисс вроде бы допускал «психогенез» некоторых невротических симптомов, с другой же — настаивал, что возникновение любых симптомов и даже органических заболеваний определяется фактором периодичности. В этой связи характерно сделанное Фрейдом замечание (в письме от 27 октября): «Несомненно, твоё молчание не объясняется тем, что стихийные силы отбросили тебя... в тот период времени, когда чтение и письмо были для тебя задачами обременительными». Оно выступило как явный признак внутреннего протеста. Это не могло остаться незамеченным Флиссом. На-

конец, полная искренность Фрейда, прямо заявившего об истоках своего детского соперничества и влиянии младенческих лет на все его последующие дружеские отношения, также не могла оставить Флисса равнодушным, ускорив появление определенных негативных реакций.

Растущее понимание Фрейдом важности первых лет жизни, скрываемых детской амнезией; рост мастерства в толковании сновидений, приведшем к осознанию им определяющей роли свободных ассоциаций; смерть отца — все это побудило Фрейда — по видимому, уже весной 1897 г. — приступить к систематическому самоанализу. На этом оканчивается вторая фаза в переносоподобном отношении.

В рамках последней фазы отношения продолжались в двух различных планах. Фрейд одержал победу в изучении психической реальности, придя к ней через «поражение». Он оказался вынужден признать, что наиболее часто именно фантазии пациентов, а не якобы действительно случавшиеся с ними в раннем детстве совращения являются главнейшим фактором в развитии их истерии; он открыл особую роль детской сексуальности и особенно эдипова комплекса, оказывающих повсеместное влияние на ход как нормального, так и патологического развития. Он теперь знал, что разрешил одну из величайших мировых загадок. Благодаря этой уверенности он обрел и чувство внутренней независимости. Его критичность вновь заявила о себе, ведя к пересмотру отношения к Флису и его гипотезам, которые все в большей мере опирались на спекулятивные домыслы. Особенно тяжело Фрейду было видеть, как идеи, которые он считал блестящими и многообещающими, дискредитировала сложность Флисса к жесткой систематизации. Неудивительно, что конфликт между Фрейдом и Флисом впервые открыто проявился именно тогда, когда последний обратил теорию генетически присущей человеку бисексуальности в теорию билатеральности¹. Бисексуальность имеет эволюционные, эмбриологические, биологические и психологические проявления, тогда как теория билатеральности произвольно и буквально утверждает наличие женской (левая) и мужской (правая) частей в организме каждого человека.

С успехами в самоанализе Фрейд начал сознавать, что не просто переоценивал Флисса. Он понял, что тот теперь уже решительно не в состоянии критически взглянуть на свои теории, тогда как сам он «достиг звезд». Более того, Флисс начал безосновательно требовать от Фрейда безоговорочно признать свои гипотезы, даже если это предполагало обесценивание открытий самого Фрейда. Следовательно, их взаимоотношения неизбежно шли к болезнен-

¹ Фрейд обсуждал теорию билатеральности в письмах от 29 декабря 1897 г. и 4 января 1898 г.

пому разрыву вместо того, чтобы завершиться па поте обоюдной благодарности и взаимоуважения.

В первом письме после встречи в Бреслау Фрейд хотел остановиться па положительных сторонах «конгресса». Однако из неопубликованной части письма становится ясно, что он желал обойти принципиальные выводы теории билатеральности. Свое письмо от 29 декабря 1897 г. он начал так:

«Я вернулся домой и снова весь в работе, исполненный восхитительными впечатлениями от нашей встречи в Бреслау. Би-би [бисексуальность-билатеральность] звучит в моих ушах, однако я еще чувствую себя слишком хорошо для серьезной работы».

В конце этого письма есть особенно характерный отрывок:

«Я еще не нашел времени обменяться парой слов со своей женской частью. Мой нос ведет себя хорошо и выражает свою благодарность».

Однако между этими отрывками Фрейд затронул данную проблему куда серьезнее:

«Я бы желал сейчас иметь достаточный материал для крайне важного испытания теории леворукости. Игла и нить у меня уже есть. Кстати, в связи со всем этим впервые за долгое время наши предчувствия и предпочтения не следуют одним и тем же курсом».

Флисс, видимо, резко отреагировал па это. В своем следующем письме от 4 января 1898 г. Фрейд осознал серьезность возникших разногласий, однако сделал вид, что очень увлечен своей работой. Он говорил:

«Сегодня посылаю тебе второй номер «дрекологических»¹ отчетов, очень интересной периодики, выпущенной мной в расчете па единственного читателя. Буду рад, если ты вернешь его мне для дальнейшей работы. Однако я ни в коем случае не тороплю тебя. Как всегда, первая неделя после наших бесед оказалась для меня очень продуктивной. Затем последовали несколько бесплодных дней отвратительного настроения и боли, переместившейся из головы (или сердца) к моим ногам. С этим утром все совершенно ясно».

¹ Остроумный неологизм, отчасти самоуничижительный, отчасти свидетельствующий об изобилии «анальной» информации, появившейся тогда в его самоанализе. Немецкое слово «dreck» (грязь, нечистоты) написано неразборчиво.

Это утверждение особенно важно, поскольку ясно указывает, что Фрейд объяснял свои болезненные симптомы характером своего эмоционального состояния. Фрейд обозначил свои сомнения относительно теории билатеральности Флисса только в следующих абзацах, оставив открытым вопрос — попытается ли он отыскать дополнительные свидетельства в пользу этих гипотез. Однако письмо оканчивается довольно ярким предложением:

«Я пахожусь в совершеннейших потемках, тогда как солнце и звезды благосклонны и к этой твоей работе».

Такие замечания отражают иную сторону отношения Фрейда к Флиссу. Магия личности Флисса по-прежнему держала Фрейда в своей власти. Вдобавок к тому времени Фрейд тратил все свои душевные и физические силы на создание книги о снах и в этой связи не мог позволить себе отказаться от поддержки Флисса.

Первые предложения следующего письма Фрейда (16 января 1898 г.) звучат очень неискренне.

«Мне жаль, что на этот раз мы не двигались параллельными курсами. Я весел и чувствую себя хорошо. Надеюсь, что теперь и у тебя все в порядке. Вложен третий помер DR...»¹

Эйфория после их очередной встречи не смогла продлиться слишком долго. Последовавший за ней спад отразился на боевом духе Фрейда. В неопубликованном письме от 22 января 1898 г. Фрейд комментирует свое настроение следующим образом:

«Эта отвратительная особенность моего организма [буквально: моей организации] — внезапно отбирать у меня все мои психические ресурсы — переносится мной тяжелее всего».

После этого Фрейд несколько изменил свой тон и сообщил Флиссу, что в поезде, по пути из Бреслау, уже провел эксперимент по расстегиванию² и обнаружил, что Флисс был прав: эта «пуговичная история» действительно выходит «за рамки» и т. д.

Вопреки последующим утверждениям Флисса, что их дружба разрушилась именно после этого письма, корреспонденция между ними вскоре вновь стала более доверительной. Из письма Флисса Фрейд догадался о беременности его жены и, как это следует из неопубликованного письма, написанного 30 января 1898 г., встретил эту новость с ликованием. Он обещал «слушать наиболее по-

¹ Далее эта аббревиатура будет заменять слово «Drekkology».

² Очевидно, для проверки латентной леворукости Фрейда.

чительно» на следующем «конгрессе», «поскольку он раз от разу становится все полезнее».

То, как перенесения могут притуплять способности к критике, можно видеть на примере следующих предложений:

«Симметрия и численное отношение связей рождения безусловно очень впечатляют. Однажды эти единичные эпизоды будут соединены в единую структуру, которая сильно изумит пилигримов.

Величайшее счастье — как мне иногда представляется — это пребывать в хорошем расположении духа и ясном уме [буквально: ментальной прозрачности]».

Объяснение всему этому дается в следующем письме, появившемся 9 февраля 1898 г.:

«Кроме этого, я беспричинно нахожусь в великолепном настроении и пошел мой интерес дня. Я глубоко увлечен книгой о снах»¹.

Проблема сновидений совершенно захватила мысли Фрейда в последующие два года. Это обстоятельство явственно отразилось в его письмах к Флиссу, в которых он часто упоминал о снах, впоследствии отраженных в «Толковании сновидений». В письме от 15 марта 1898 г. обнаружилось пересечение целого ряда мотивов: самоанализ Фрейда, анализ его собственных сновидений, его потребность во Флиссе как в объекте «перенесения» и внимательном слушателе.

Фрейд начал с уверений, что относь не недооценивает проблему бисексуальности, «особенно после того случая на базаре в Бреслау». Следующие строки выглядят проекцией собственных желаний: «Мне пришла мысль, что ты был бы рад прочесть о моих исследованиях снов, но тебе пеловко об этом спросить». Отметив, что оказался в очередном творческом тупике, Фрейд обрисовал содержание тех частей книги, которые он уже написал. Только к концу этого письма у Фрейда появилась мысль, что он, возможно, ведет себя по отношению к Флиссу довольно навязчиво, но он тут же гонит ее: «Мне пеловко обременять тебя в то время, когда ты чувствуешь нерасположенность к работе; мне лишь кажется, что это сочинительство, содержащее минимум умозрительности, может быть, приведет тебя в благоприятное расположение духа».

24 марта 1898 г. Фрейд спрашивает Флисса: «Ты не должен отказываться [быть] моим верховным судьей и первым слушателем».

¹ Игра слов, Фрейд называл книгу о снах своим интересом *дня*.

Эта потребность символически иметь в лице Флисса благожелательного слушателя, критика и «верховного судью» объясняет, почему кризис их отношений, возникший в начале 1898 г. в связи с проблемой билатеральности, не только не привел к открытому разрыву, но даже ознаменовался новым, последним всплеском позитивных проявлений переносоподобного отношения. Однако временами давала о себе знать и его негативная составляющая. Она проявлялась как в письмах, так и гораздо более открыто, в снах Фрейда.

В это время, когда Фрейд так нуждался во Флиссе, их отношения вновь подверглись испытанию. Возникли проблемы у фрау Флисс, переносившей свою вторую беременность довольно тяжело (понять причину ее недомоганий по сохранившимся материалам трудно). Сам Флисс тоже чувствовал себя плохо, часто страдая от «периодических» головных болей. Мы уже знаем, что еще с 1894 г. Фрейд не выносил сообщений о постоянных головных болях Флисса. В этот раз он отреагировал на них с обычной жесткостью, особенно когда понял, что болезненное состояние Флисса разрушило их планы по организации пасхального «конгресса». Вместо этого Фрейд со своим братом Александром отправились в короткую поездку на Истрию, которую восхищенный Фрейд описал в письме от 14 апреля 1898 г. Это путешествие сыграло определенную роль в его снах о «замке на берегу моря» (1900).

Другой инцидент оказался гораздо серьезнее. В 1897 г. Флисс опубликовал свою книгу о связи между носом и женскими половыми органами, куда поместил большинство своих идей о периодичности, включая и следующее утверждение:

«Изумительная точность, с которой наблюдаются периоды 23 или, в зависимости от обстоятельств, 28 дней, позволяет предположить существование глубинной связи между астрономическими отношениями и созданием живых организмов». (Из книги Криса, 1950.)

В журнале «*Wiener Klinische Rundschau*», членом редакционной коллегии которого являлся Фрейд, а главным редактором был его друг доктор Пашкис, появилась сокрушительная критика книги Флисса. Обзор, подписанный «Ry.», был опубликован 10 апреля 1898 г. (как раз тогда, когда Фрейд вернулся из своей поездки на Истрию) и включал в себя выдержки, абсолютно недвусмысленно свидетельствующие об абсурдности утверждений и выводов Флисса¹. Когда Фрейд узнал об этом обзоре, то написал

¹ О современной оценке теорий Флисса см. статью Мартина Гарднера «Математические игры», опубликованную в «Scientific American» в июле 1966 г.

Пашкису письмо, в котором выразил свой решительный протест. Не получив удовлетворительного ответа, он вышел из состава редколлегии. Так же поступил и доктор Оскар Рие, его друг и зять Флисса.

То, как этот инцидент отразился на переписке с Флиссом, весьма знаменательно в связи с конфликтом, который переживал тогда Фрейд. 14 апреля 1898 г. он написал Флиссу большое письмо:

«Данное письмо имеет следующую историю. В последнем выпуске «Wiener Klinische Rundschau» можно было прочитать заметки о твоей книге, подписанные неким «Ru.». Они представляют собой пример такого высокомерия, которое можно считать невежеством¹. Я написал Пашкису резкое письмо и потребовал объяснений. Я получил лояльный, но бессодержательный ответ. В дальнейшем я более не стану ничего предпринимать, не спросив тебя. Что ты думаешь делать? Есть несколько способов со всем этим разобраться».

Фрейд не дождался ответа Флисса и написал ему снова (27 апреля 1898 г.):

«Я не могу просто ждать, пока дела с Пашкисом окажутся улажены. Я решил, что разрываю связи с «Klinische Rundschau» и мое имя больше не значится в списках его редколлегии. Я намеренно не отправил тебе этот отвратительный обзор. Я думаю, что теперь мы можем забыть об этом деле».

Это «дело» было упомянуто еще раз, лишь когда Фрейд написал, что доктор Рие последовал его примеру и тоже вышел из состава редколлегии журнала.

Удивительно, но сам Фрейд еще не осознавал абсурдности гипотез Флисса, и прежде всего клинических примеров. Приведем лишь один из них. Флисс утверждал, что первоначальное детское косоглазие резко исчезает в «критические периоды» благодаря созреванию глазных мышц. Инфекционные тонзиллиты могут замедлять такое периодическое созревание. Однако простое выскабливание миндалин якобы излечивает косоглазие у детей двух с половиной лет в течение нескольких дней, потому что периодическое усиление глазных мышц таким образом восстанавливается.

Однако не следует забывать, что Фрейд был глубоко сосредоточен на книге о сновидениях — загадочном новом мире. Мог ли

¹ Всего через несколько лет Фрейду предстояло столкнуться с желчной критикой в адрес собственной книги о снах, которую он умел полностью игнорировать.

он осмелиться брать на себя роль критика, тогда как сам изучал певедомое?

Мы видели, что Фрейд не создавал связь спа об инъекции Ирме с впечатлениями от эпизода с Эммой. Сон этот явно указывал на его отчаянную потребность отрицать вину Флисса, равно как и собственное разочарование в нем и испытываемые к нему враждебные чувства. Нечто похожее произошло и позже, с той разницей, что Фрейд тогда уже преуспел в саморазвитии и его отношение к Флиссy больше не было прежним. Более того, чем объективнее становился Фрейд, тем труднее было снам исказить существующее у него на подсознательном уровне понимание абсурдности теорий Флисса.

Сон, в котором отразились сомнения Фрейда касательно ценности работы Флисса, был связан с критикой со стороны Гёте некоего господина М. Данное сновидение Фрейд обсудил сперва в рамках «Толкования сновидений», а позже в коротком эссе «Сны» он говорил о нем следующее:

«Один из моих знакомых, господин М., оказался под огнем неоправданно жесткой (по нашему общему мнению) критики. Критиковал его не кто иной, как Гёте. Господин М., естественно, почувствовал себя совершенно угнетенным. Он горько на это жаловался, сидя в компании знакомых; тем не менее это обстоятельство не изменило его почтительного отношения к Гёте. Я пытаюсь прояснить хронологические отношения, которые кажутся мне неправдоподобными. Гёте умер в 1832 г., а так как он критиковал господина М., разумеется, до этого, значит, в то время господин М. должен был быть совсем молодым человеком. Похоже, что, скорее всего, ему было лет восемнадцать. Однако я был не вполне уверен в том, какой сейчас год, и запутался в своих вычислениях. Кстати, данная критика содержалась в известном эссе Гёте «Природа».

Толкование Фрейдом этого сна учитывает следующие моменты:

«Материал для этого сновидения появился из трех источников:

1) Господин М. из этой *застольной компании* однажды попросил меня осмотреть его старшего брата, у которого наблюдались признаки паралитического слабоумия. В ходе нашего общения возникла целовкая ситуация, когда пациент вдруг ни с того ни с сего начал упрекать брата в *грехах молодости*. Я спросил у пациента о *годе его рождения* (ср. с названным во сне *годом смерти* Гёте) и заставил его проделать несколько вычислений, чтобы проверить степень ослабленности его памяти.

2) Медицинский журнал, на титульной странице которого среди прочих значилось и мое имя, опубликовал совершенно «раз-

громную» критическую статью *молодого* автора на книгу моего друга Ф. Я обратился к редактору... однако в своем письме выразил уверенность, что, *несмотря на все произошедшее, наши личные отношения не пострадают*. Данный случай, по сути, и является источником сновидения. Неблагосклонный прием работы моего друга оказал на меня глубокое впечатление. По моему мнению, в ней содержалось фундаментальное биологическое открытие, которое *только теперь — много лет спустя — начинает находить понимание среди специалистов*. [Курсив мой. — М. Ш.].

3) Одна моя пациентка недавно рассказывала мне о болезни своего брата и его приступах бешенства, сопровождаемых криками: «Природа! Природа!» Доктора полагают, что за этим восклицанием стоит прочтение им одноименного эссе Гёте... Однако *мне кажется более вероятным*, что слово «природа» здесь указывает на присутствие некоторого сексуального компонента...

За моим собственным «Я» в этом сне в первую очередь скрывается мой друг, с которым столь сурово обошлась критика. «Я пытаюсь прояснить хронологические отношения». В книге моего друга обсуждаются свойственные жизни *хронологические отношения*, и среди прочего показывается, что продолжительность жизни Гёте сводится к крайне важному в биологии числу. Но это «Я» можно сравнить с параликом: «Я не вполне уверен в том, какой сейчас год». Получается, что мой сон указывает, что этот друг ведет себя как паралитик и, таким образом, все приобретает абсурдный характер. Однако в основе этого сна лежит ироническая мысль: «Разумеется, именно он [мой друг Ф.] сумасшедший глупец, а вы [критики] гениальные люди, вам виднее. Разумеется, разве может быть все наоборот?» В сне присутствует достаточно примеров подобной инверсии...

Следует указать, что сны всегда определяются эгоистическими мотивами. Фактически «Я» этого сна обозначает не только моего друга, но и меня самого. Я идентифицировал себя с ним, поскольку судьба его открытия, видимо, предвосхищает отношение к моим собственным идеям. Коль скоро в своей теории я делаю акцент на роли сексуальности в этиологии психоневротических расстройств, мне тоже не избежать подобной критики, и я уже готовлюсь встретить ее с аналогичной иронией» (1901).

Этот сон, должно быть, появился вскоре после публикации критической статьи о книге Флисса и, очевидно, обращается к его «вычислениям». Мы можем полагать наличие определенной созвучности ассоциаций Фрейда с мыслью сна, что можно было бы выразить следующими словами: «Это он [мой друг Ф.] — сумасшедший глупец; именно он страдает от паралитического слабоумия, безнадежно погрузившись в свои вычисления». С удиви-

тельной ловкостью Фрейд пытался выпутаться из этой щекотливой ситуации, утверждая, что оценивать Флисса таким образом возможно лишь иронически. Позже Фрейд обнаружит, что здесь был представлен его собственный конфликт. Одна часть личности Фрейда соглашалась с сокрушительной критикой, другая — яростно ей противилась. Фрейд даже сообщил нам имевшиеся на то причины, сказав, что предвидит столь же разгромную критику и в адрес своей работы и готов встретить ее с той же иронией, что и мнения критиков Флисса. Любопытно, но даже в период написания эссе «Сны» (1900), когда разрыв с Флиссом стал уже свершившимся фактом, Фрейд упорно продолжал придерживаться иллюзии, будто размышления Флисса о периодичности имеют под собой какие-то реальные основания. Мы увидим, что он не смог полностью преодолеть эту убежденность даже спустя десятилетия.

Что же касается страхов Фрейда относительно принятия его книги о сновидениях, то они оправдались на все 100 процентов. Одни ученые встретили эту работу пасмешками, другие просто проигнорировали ее выход.

Из сна о критике Гёте господина М. мы можем выявить стоявшую перед Фрейдом дилемму: «Безумец Флисс или гений? Обоснованы ли его рассуждения, или же они имеют навязчивую, даже параноидальную природу?»

Содержание этого сна Фрейда говорило о его желании скрыть от самого себя действительную оценку Флисса. Письмо от 1 мая дает пример того, каким образом Фрейд отрицал свои сомнения и негативные чувства:

«То, что ты говоришь о двух руках и часах жизни, вновь звучит столь понятно и самоочевидно, что в твоих словах непременно должна скрываться большая истина и величайшее открытие. Наступил май, и с его окончанием я смогу услышать об этом. Я чувствую себя истощенным, мои внутренние источники почти иссякли, исчезла всякая восприимчивость. Я не хочу писать тебе об этом слишком подробно, чтобы не походить на жалующегося пытика. Расскажи мне, виноват ли здесь мой почтенный возраст¹, или все дело в периодических колебаниях.

У меня создалось впечатление, что ты уже, должно быть, определил пол твоего следующего ребенка, так что на этот раз «Полихен» действительно появится на свет»².

Вновь и вновь Фрейд выражает Флиссу свою признательность за взятую тем на себя роль его первого слушателя и критика:

¹ Это письмо было написано за пять дней до сорок второго дня рождения Фрейда!

² Родилась действительно девочка, которую называли Полиной.

«Меня делает безмерно счастливым твое благосклонное согласие быть моим Другим... Я совершенно не могу писать без аудитории, но я совсем не думаю писать только для тебя».

9 июня Фрейд вынужден сообщить, что его работа над книгой о сновидениях застопорилась. Он еще не мог в полной мере сформулировать то, что назвал «повой психологией» снов. Фрейд писал:

«Невероятно трудно сформулировать новую психологию, поскольку она связана со снами, а те слишком фрагментарны. Все эти непонятные части, которыми я до сих пор лениво пренебрегал, теперь требуют проработки. Мне нужно больше пациентов, больше бодрости и хороших идей. Сейчас я остановился на взаимосвязи между двумя системами мышления; с этими вопросами я должен разобраться к Пасхе. Какое-то время меня больше ни на что не будет хватать. Напряженность, порождаемая неизвестностью, приводит к состоянию крайнего дискомфорта, который ощущаешь почти физически».

То, что в этом письме Фрейд называл «двумя системами мышления», на страницах «Толкования сновидений» получило имя первичного и вторичного процессов функционирования психики. Для психоаналитической теории эти понятия были — и являются по сей день — фундаментальными.

Изучая истерические симптомы, Фрейд уже обнаружил, что в стремлении к пониманию их значения мы не можем опираться на неизменные логические критерии причины и следствия, поскольку они имеют «собственную» логику. Однако Фрейд смог установить главные и решающие причины происхождения этих симптомов, только начав использовать в лечении своих пациентов метод свободных ассоциаций. Приняв этот метод, Фрейд упорно придерживался мнения, что каждая возникающая ассоциация вполне уместна, даже если на первый взгляд может показаться обратное.

Когда Фрейд впервые стал интересоваться снами, он начал с простого предположения, что они представляют собой отражение психических процессов, а следовательно, должны иметь определенное значение. Когда он в дальнейшем начал применять метод свободных ассоциаций к каждому элементу явного содержания сна, то оказался смущен хаотичностью вырисовывающейся таким образом картины. Тогда он решил попытаться отыскать «порядок в безумии».

Придерживаясь тезиса об уместности всех ассоциаций, Фрейд обнаружил, что то, что он называл «скрытым содержанием сна» (в противовес его явному содержанию, которое может быть воспроизведено, передано и записано сразу по его окончании), включает

обширный информационный материал, начиная от воспоминаний о недавних событиях до давно забытых фантазий, конфликтов и реальных событий раннего детства. Между свежими и отдаленными воспоминаниями всегда существуют ассоциативные связи. Однако в большинстве случаев они весьма неопределенны и хорошо скрыты.

Для того чтобы продемонстрировать яркие различия между скрытым и явным содержанием сна, Фрейд использовал понятие «соединения». В «Толковании сновидений» он говорил:

«Мысли и содержание сновидения предстают перед нами словно один и тот же сюжет, изложенный на двух различных языках. Или же, если говорить точнее, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала с этим переводом. Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаём. Содержание же составлено словно из иероглифов, которые должны быть переведены на язык мыслей».

Впрочем, понятие «сгущение» является более емким. Оно применимо не только к сновидениям, но также и к тому удивительному процессу, посредством которого в «умственном аппарате» сохраняется какая-то часть следов воспоминаний. Этот процесс может быть сопоставлен с созданием «супермикрофильма», когда информация запечатлевается в совершенно неудобочитаемом виде, но все-таки следует определенным «правилам», позволяющим расшифровать ее с помощью догадок, появляющихся в результате свободного ассоциирования (см.: *М. Шур*. Оно и регуляторные принципы функционирования психики).

Проложить дорогу в этом новом мире — задача почти невыполнимая, как и попытка оформить эти новые идеи в точных словах.

Фрейд усвоил, что поток новых творческих идей, равно как и новый материал в его самоанализе, не может появиться по расписанию. Он неизбежно предваряется долгими периодами мучительного ожидания. Неудивительно, что в такие периоды Фрейд наблюдал у себя ряд болезненных симптомов, которые рассматривал с интересом естествоиспытателя, не утрачивая при этом определенной иронии как по своему собственному адресу, так и по адресу Флисса.

В неопубликованной части письма от 20 июня 1898 г. Фрейд предоставил Флиссу результаты некоторых наблюдений за собственной семьей, относящихся к проблеме 28-дневного «периода». Он шутливо добавил, что его голова и голова Флисса все-таки очень разные головы, хотя обе лабильны — поскольку его голова в данный момент чувствует себя очень хорошо. Однако его го-

ловные боли смешались болями в спине, имеющими тенденцию появляться в разных местах, так же как и боли, исходившие от сердца. В это время Фрейд, видимо, обнаружил, что такие боли имеют природу, которую в наши дни назвали бы «психосоматической», и перестал серьезно к ним относиться.

Летом 1898 г. Фрейд во время одного из таких периодов ожидания увлекся чтением книг К.Ф. Мейера, швейцарского романиста, любимого автора Флисса. Однако он редко читал только для удовольствия. В творениях поэтов и писателей Фрейд искал подтверждений своим теориям. Согласно первым реконструкциям октября 1897 г. он обратил свое внимание на такие работы, как «Гамлет» и «Царь Эдип». Письмо от 20 июня 1898 г. содержит первый образец анализа, направленного на произведение искусства. Фрейд обнаружил, что в работах многих, если не всех, поэтов, писателей и художников в существенной мере отражаются их собственные конфликты. Позже, как известно, Фрейд рассматривал с психоаналитической точки зрения многие произведения искусства.

У К.Ф. Мейера Фрейд сперва проанализировал роман «Женщина-судья». Учитывая специфику семейного окружения первых лет жизни Фрейда во Фрайберге (см. главу 1), примечательно, что он прежде всего заинтересовался семейным романом¹.

Летом Фрейд прочитал и другие книги Мейера и продолжал их комментировать. Фрейд сфокусировал внимание на отношениях инцеста, описанных в этих романах, особенно между братом и сестрой. Однако, особенно в исторических романах, Мейер крайне реалистично описывал и жестокие, кровавые сцены насилия. Фрейд истолковывал их, в основном исходя из отношений соперничества и инцестуозного конфликта. До открытия им агрессии в качестве одного из «инстинктивных влечений» оставалось еще два десятка лет.

В июле Фрейд на несколько дней вновь встретился с Флиссом. В этот раз он услышал от него о новых перспективах. В письме от 30 июня 1898 г., написанном после встречи, Фрейд назвал его «Кеплером биологии»².

В том же письме Фрейд, не проявляя никаких признаков беспокойства, написал, что все, напоминающее ему о науке, кажется чем-то уходящим в далекое прошлое. Но при этом он также указал на свою способность во всем находить свои плюсы. Поэтому он рассматривал это обстоятельство как признак *присущей себе гибкости* («die Elasticität meiner Natur»). Закончив обсуждать свои планы на отдых, Фрейд добавил следующее:

¹ Фрейд ввел этот термин для описания фантазий маленьких детей, часто представляющих в образе незаурядного человека одного из своих родителей, чаще отца, или же считающих себя взятыми в семью «короля» или «героя».

² Не исключено, что прежде отождествлял себя с Кеплером сам Флисс.

«Не удерживай себя от того, чтобы писать мне об эллипсах¹, хотя я и сам сейчас прохожу через нечто подобное. Каждому следует делиться всем, что у него есть, без оглядки на другого. Я поступаю именно так. Непринужденность составляет основную прелесть переписки.

Я бы так хотел дать тебе то, чего ты не имеешь: свободную голову, но ты знаешь, что это невозможно. Незавершенность твоих открытий пичуть меня не беспокоит. Ты знаешь, я не сомневаюсь; я реагирую, наслаждаюсь, изумляюсь и полон ожиданий. Время ношения² скоро окончится. Возможно, состояние Иды должно тебя утешить. К сожалению, отпуск тоже [скоро окончится]».

Это письмо указывает на новый успех в самоанализе Фрейда. Он относился к себе с той же беспристрастностью, как аналитик к пациенту, от которого не ожидается появления новой важной информации. Он не потерял уверенности в себе и с гордостью говорил о собственной гибкости. Акцент, сделанный Фрейдом на необходимости не ограничивать свободу выражения в переписке с Флиссом, обнаруживает его неизменную искренность.

В том же письме, где Фрейд назвал своего друга «Кеплером биологии», он также выразил свое сочувствие и грусть из-за того, что не может вернуть Флиссу: «свободную голову». Хотя Фрейд имел в виду повторяющиеся головные боли Флисса, которые вскоре потребовали проведения очередного хирургического вмешательства, эту фразу можно понять и так, что Фрейд сожалел о невозможности вернуть Флиссу ясность ума.

В письме, написанном позже, во время отдыха, Фрейд сообщил, что наконец понял «одну вещь!» — значение промашек, равно как и способы их истолкования методом свободных ассоциаций. Так он обнаружил новый путь к «Бессознательному», приведший к созданию «Психопатологии обыденной жизни». Первая проанализированная им таким образом промашка касалась забывания имени немецкого поэта Юлиуса Мосена. Юлиус — имя брата Фрейда, умершего 15 апреля 1858 г.

Период с июня 1898 г. и до конца этого года стал не только порой самоанализа Фрейда и консолидации его идей, но также и временем новых открытий (таких, как открытие психических корней промашек).

Основной интерес Фрейда был по-прежнему связан с его книгой о сновидениях. Работа над ней продвигалась рывками, прерываясь долгими периодами застоя. 6 июня он констатировал, что дело застопорилось из-за сложностей формулирования «психоло-

¹ Фрейд и Флисс, по-видимому, называли «эллипсами» периоды упадка сил.

² Имеется в виду беременность жены Флисса.

гии». Тем не менее две недели спустя он сообщает, что работа практически закончена, «написана словно во сне», но «не подходит и не предназначается для публикации». Как бы то ни было, всего двумя неделями позже Фрейд представил Флиссу черновик, который был «полностью скопирован с бессознательного».

Остаток года стал весьма непродуктивным. Фрейд погрузился в сомнения. Например, 23 октября 1898 г. он писал:

«Книга снов не претерпевает изменений... пробел в психологии, равно как и другой пробел, оставшийся от полностью проанализированного примера¹, препятствует ее завершению, и пока я не могу преодолеть эти препятствия... Если прояснение нескольких вопросов, требующееся для объяснения неврозов, подразумевает такие затраты сил, времени и сопровождается столькими ошибками, то как я могу даже надеяться понять целиком всю психическую активность, на что одно время я заносчиво рассчитывал».

И все же другая часть личности Фрейда была убеждена в своей гибкости, о которой он сообщал в одном из писем. Годом позже он выразил эту уверенность во фразе: «Его качают волны, но он не тонет»².

В пору, когда Фрейд писал это письмо, в его отношении к Флиссу стал назревать еще один кризис. Он проявился сперва в сновидении, обозначившем веху в его анализе и мастерстве толкования снов.

¹ Это относится к сновидению, которое Флисс действительно не советовал публиковать.

² См. также главу 5.

Глава 5

СНЫ И СМЕРТЬ

ВИНА ВЫЖИВШЕГО: СОН «NON VIXIT»

«Толкование сновидений» по многим соображениям является важным источником биографической информации. В этой работе Фрейд сообщал о своих снах и истолковывал их. Он указывал, что эта работа выступала существенной частью его самоанализа (1900).

С помощью материалов переписки с Флиссом стало возможным установить даты многих снов, о которых Фрейд говорил в своей книге. Мы можем проследить сложное взаимодействие успешного толкования сновидения, обычно появлявшегося, когда наконец завершался мучительный период застоя в работе. Тогда и возникали новые воспоминания, а за ними и новые проблески понимания, новые сопоставления недавних открытий с материалами, появлявшимися в анализе пациентов Фрейда, «углубленных» толкований им собственных снов и т. д. Фрейд неоднократно отмечал в «Толковании сновидений», что его откровения о собственных снах не должны вторгаться в сферу частной жизни фигурировавших в них прочих людей. Потому он не стал публиковать все свои толкования. Из материалов переписки с Флиссом мы узнаём, насколько больше ценного Фрейд сумел обнаружить в сновидении в 1899 г., чем в 1895 г. Очевидно, что к 1899 г. ассоциации Фрейда к снам смогли добраться до совершенно забытых (вытесненных) воспоминаний раннего детства и связать их с событиями, конфликтами и желаниями позднейшего времени. Во время же своего первого систематического толкования сна в 1895 г. он еще не обладал необходимым инструментарием для столь углубленного анализа.

Во время работы над этой книгой Фрейд еще не осознавал всех аспектов нараставшей двойственности в его отношении к Флиссу. Тем не менее она проявлялась в снах, где могла принимать самые различные маскирующие обличья, тем самым оставляя Фрейда в неведении относительно истинной силы конфликта¹.

¹ См. также обсуждение мною эпизода Эммы и его связи со сновидением об инъекции Йрме (глава 3) и сном о критике со стороны Гёте господина М. (глава 4).

По ходу изложения я попытаюсь показать, что такое педоосознание, неудача в «проработке» переносоподобных текущих конфликтов, имевших истоки в раннем детстве, обусловили специфику проявления и устойчивость навязчивого предрассудка Фрейда. Этот предрассудок заставлял его заикливаться на якобы предопределенной продолжительности его срока жизни. Все подобные сны объединены единым мотивом — «виной выжившего».

Чтобы рассмотреть эту группу снов, я временно отойду от хронологической последовательности. Некоторые из них станут более понятными, если мы изучим их в свете данных опубликованной и неопубликованной переписки с Флиссом.

Осенью 1898 г. Фрейду приснился сон, известный под названием «non vixit», и этот сон был им глубоко проанализирован. В «Толковании сновидений» Фрейд сообщает о нем следующее:

«Я пришел ночью в лабораторию Брюкке и, услышав легкий стук в дверь, открыл ее профессору Фляйшлю. Тот вошел в компании нескольких незнакомцев. Обменявшись со мной парой слов, он уселся за свой стол. После этого начался второй сон. Мой друг Фл. [Флисс] в июле проездом был в Вене. Я встретил его на улице беседующим с моим [покойным] другом П. и отправился с ними куда-то, где они сели друг против друга, а я разместился между ними, заняв узкую сторону стола. Фл. говорил о своей сестре и сообщил, что через сорок пять минут ее не стало, добавив что-то вроде «это был предел». Так как П. не смог его понять, Фл. повернулся ко мне и спросил, много ли я рассказывал о нем П. После этого, обуреваемый страшными чувствами, я попытался объяснить Фл., что П. [совсем не может ничего знать, поскольку его] нет в живых. Однако то, что произнес, — и заметил свою ошибку — «non vixit». Тогда я пристально посмотрел на П. Под моим взглядом он побледнел, очертания его фигуры расплылись, глаза болезненно посинели, и, наконец, он растворился в воздухе. Я оказался очень рад этому и понял, что и Эрнст Фляйшль тоже был призраком. Я нашел весьма возможным, что такие люди существуют, только пока их присутствие не вызывает ни у кого возражений, и могут исчезнуть, если это представляется кому-либо желательным».

Следует детально представить имеющиеся у нас сведения о подоплеке появления этого сна, равно как и об ассоциациях Фрейда и вытекающих из них выводов. Фрейд обсудил этот сон в двух обособленных разделах «Толкования сновидений». При этом вторая часть толкования дополняет и расширяет первую. Из переписки Фрейда следует, что толкование сна «non vixit» было окончено им лишь по ходу написания книги о сновидениях, скорее всего, летом 1899 г.

В процессе самоанализа и подготовки «Толкования сновидений» Фрейд часто использовал следующий метод, который, скорее всего, применялся и при толковании сна «non vixit»:

«Наблюдения, которые я смог сделать по ходу подготовки этой рукописи, показывают, что сны забываются не больше, чем другие психические акты... У меня сохранилось большое количество записей собственных снов, которые в свое время по тем или иным причинам частично или полностью я не смог истолковать. Спустя год или два я попытался истолковать некоторые из них, чтобы получить материал для иллюстрации своих утверждений. Такие попытки оказались вполне успешными. Можно сказать, что толковать сон по прошествии определенного времени было заметно легче. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что с тех пор я сумел преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Осуществляя такие запоздалые толкования, я сопоставлял мысли сна того времени с текущими, обычно гораздо более развернутыми и всегда обнаруживал, что старые сохраняются среди новых».

Мое обсуждение не будет в точности следовать порядку изложения Фрейда; скорее я приведу общий обзор этого сна и механизмов возникновения сновидений, при необходимости обращаясь к дополнительным существенным сведениям из его переписки.

Фрейд сообщил о нескольких линиях остаточных впечатлений дня. Каждая из них через ряд ассоциаций связывалась со всеми другими и с событиями прошлого. Первая — открытие памятника Фляйшлю в монастыре при Венском университете, состоявшееся 16 октября 1898 г.

Эрнст Фляйшль фон Марксов (первый «призрак» из сна) был ассистентом физиолога Эрнста Брюкке, в лаборатории которого Фрейд начал свою научную карьеру. Фляйшль обладал самыми замечательными качествами, неизбежно делавшими его объектом идентификации и восхищения и, возможно, даже некоторой зависти. Необыкновенно талантливый, полный перспективных научных идей, обходительный и обаятельный, выходец из богатой и влиятельной аристократической семьи, он был просто создан для стремительной академической карьеры. О такой карьере Фрейд по многим причинам не мог и мечтать. Прежде всего, ему не хватало средств: ведь, чтобы стать приват-доцентом или адъюнкт-профессором (люди, занимавшие эти должности, получали относительно неплохое жалованье), требовалось очень много лет. Как еврей, Фрейд едва ли мог рассчитывать достигнуть высших ступеней научной карьеры.

В ходе одного из экспериментов Фляйшль повредил руку. Рапа оказалась инфицированной, потребовалась ампутация нескольких пальцев. В результате у него развилась ампутационная псеврома

(каузалгия) — состояние, сопровождаемое невыносимой болью. Несколько хирургических вмешательств оказались безуспешными. Тогда Фляйшль начал использовать морфий, что привело к возникновению зависимости от него. Исследования Фрейда анестетических свойств кокаина навели его на мысль, что зависимость от морфия может быть излечена приемом внутрь кокаина. Лишь гораздо позже он стал понимать психологические факторы, лежащие в основе любых болезненных пристрастий (см. письмо от 22 декабря 1897 г.). Тогда он не мог и вообразить, что кокаин, даже употребляемый через рот, тоже может вызывать привыкание. Поначалу состояние Фляйшля существенно улучшилось, и Фрейд ликовал. Однако вскоре развилась тяжелая зависимость от кокаина. Ее симптомы оказались куда страшнее тех, которые наблюдались при потреблении морфия. Фрейду было необыкновенно тяжело видеть резкое ухудшение умственного и физического состояния своего обожаемого друга, и не только из-за глубокой симпатии к нему, но и из-за чувства вины. Ведь принимать кокаин порекомендовал ему именно он. В письмах Фрейда к невесте можно обнаружить яркие описания душераздирающих бессонных ночей, которые он проводил у ложа своего друга, пытаясь хоть как-то уменьшить его страдания. Мучения Фляйшля продолжались до самой его смерти в 1891 г.

Помимо «вины выжившего», Фрейда тяготило и то, что он предложил кокаин не только Фляйшлю, но и, обнаружив его стимулирующий эффект, неоднократно принимал его сам — например, когда был в Париже. Он рекомендовал его также и своей невесте Марте, и ее сестре Мише. К счастью, ни у них, ни у него зависимость от кокаина не выработалась. Каким образом Фрейду, так сильно зависевшему от никотина, удалось избежать судьбы Фляйшля, мы можем лишь догадываться.

Очевидно, что в пору появления сна об инъекции Ирме, в 1895 г., Фрейд по-прежнему испытывал чувство вины, поскольку мотив Фляйшля также возник в этом сне наряду с основным — мотивом «оправдания».

Ассоциации Фрейда к сновидению «non vixit» указывают на дополнительный фактор в чувстве вины, которое он испытывал по отношению к Фляйшлю. Из-за ограниченного количества вакансий возможность стать ассистентом Брюкке была весьма призрачной, и Фрейд иногда признавался себе, что желает смерти Фляйшлю, жизнь которого после произошедшего несчастия превратилась в череду сплошных мучений.

Помимо того, известно, что Фляйшль, будучи человеком весьма обеспеченным, не раз великодушно и тактично давал Фрейду в долг, когда тот был практически ниш. Без этой поддержки Фрейд никогда бы не смог поехать учиться к Шарко в Париж.

В роли другого «призрака» из этого сновидения, которого Фрейд, сам однажды оказавшийся под необычайно укоризнен-

ным взором своего учителя Брюкке, уничтожил взглядом, был Йозеф Панес. В своих ассоциациях Фрейд сообщил, что Панес, занявший его место в лаборатории Брюкке, с явным нетерпением ожидал освобождения места, которое занимал Фляйшль. Однако вышло так, что Панес сам умер годом раньше Фляйшля, так и не заняв столь вожадепшную должность.

Панес, который был на год моложе Фрейда, много лет был его другом. К нему Фрейд также испытывал чувства признательности и одновременно с этим вины. Ведь Панес, как и Фляйшль, происходивший из богатой семьи, был к Фрейду даже еще более великодушен. Зная о безнадежно затянувшейся помолвке Фрейда, он выделил определенную сумму, позволившую ему в те годы хотя бы время от времени навещать свою невесту.

В своих ассоциациях Фрейд признавал:

«Вполне понятно, что несколькими годами ранее меня самого влекла эта должность. Всюду, где существует иерархия, открыт путь желаниям, нуждающимся в подавлении. Шекспировский принц Генрих был не в силах даже у одра своего отца побороть соблазн заполучить его корону. Но, как и следовало ожидать, за столь жестокие мысли сон карает моего друга, а не меня».

Во второй части толкования Фрейд указал на основную «побудительную причину» сновидения: предстоявшая Флиссе операция и первые волнующие сообщения о нем¹.

«Мысли сна поведали мне, что я боялся за жизнь моего друга. Его единственная сестра, которую я совсем не знал, умерла в ранней юности после очень короткой болезни. (Во сне Фл. говорил о своей сестре, сказав, что она умерла в сорок пять минут.) Я, должно быть, вообразил, что по своей природе он не крепче сестры и что, получив о нем тревожные вести, я все же отправлюсь к нему — и появлюсь *слишком поздно*, чего никогда не смогу себе простить.

[Примечание 1:] Эта фантазия, отражающая часть бессознательных мыслей сновидения, упорно подставляет «non vivit» (не живет) вместо «non vixit» (не жил): «Ты появился слишком поздно, его уже нет в живых».

Упомянутую в этом отрывке сестру Флисса звали Полиной. Так же звали и племянницу Фрейда — сестру его племянника Джона, сыгравшего очень важную роль в ассоциациях к этому сновидению. Фрейд упомянул об этой племяннице в том же пись-

¹ Аналогичная ситуация сложилась в сентябре 1894 г., когда Фрейд вместе с женой отправился в интересное путешествие, в то время как Флисс был прооперирован. Это обстоятельство породило в нем косвенно выразившееся чувство вины (см. главу 3).

ме к Флиссу (3 октября 1897 г.), в котором сообщал о реконструкции своих воспоминаний о племяннике. Он писал тогда: «Мы [Джон и Фрейд] порой жестоко обращались с моей племянницей, бывшей на год моложе»¹.

Я уже упоминал о намерении Фрейда на возможность появления новой «Полипхен» в семье Флисса (письмо от 1 мая 1898 г.) и о том, что появившуюся на свет в последнюю неделю августа 1898 г. девочку называли Полиной.

В письме от 9 октября 1898 г., написанном менее чем за две недели до появления сна «non vixit», Фрейд говорил:

«Чувство удовлетворения, пробивающееся сквозь строки твоего письма, трогательно и заразительно. Обрати внимание, как скоро Полипхен заменит тебе твою сестру».

Вот где коренится мотив призраков из сновидения «non vixit»!

Здесь существенна некоторая дополнительная информация. Через некоторое время после этого письма Флисс стал сообщать Фрейду в своих письмах о мучивших его сильных головных болях. Это, как мы уже знаем, обычно вызывало у Фрейда смешанное чувство беспокойства и раздражения.

Фрейд не отметил в своем толковании, что 24 октября (за несколько дней до сна «non vixit») Флиссу исполнилось сорок лет.

Годом ранее Фрейд забыл отправить Флиссу свои традиционные поздравления с днем рождения. В то время он еще не понимал значения таких промахов, но к этому моменту уже обратил на них внимание. В 1898 г. Фрейд написать не забыл, но отправил письмо 23 октября, через неделю после открытия памятника Фляйшлю. Это письмо не слишком напоминает обычно изящный стиль изложения, свойственный Фрейду.

«Мой дорогой Вильгельм,

это письмо должно прибыть к тебе в наиболее важное для тебя время, принести с собой мои сердечные пожелания и сделать нас ближе. Эти пожелания стремятся в будущее и подразумевают следующее: сохранить и приумножить то, чем ты владеешь, и достичь новых успехов в том, что касается детей и познания; и, наконец, хранить каждое воспоминание о страданиях и болезни, которые так необходимы человеку для мобилизации своих творческих сил и сравнения с хорошими [событиями в жизни]. [Короткий неопубликованный отрывок этого письма выглядит так:] Моя сестра Роза 18 октября родила девочку². Обе чувствуют себя хорошо».

¹ См. также работу Фрейда «Ширма памяти» и главу 4.

² Это событие могло явиться еще одним побудительным «остаточным впечатлением дня» для сновидения «non vixit».

Почему сороковой день рождения был такой важной датой для Флисса? Имел ли этот день решающее значение в или для жизни Флисса?

Мы знаем о предрассудке Фрейда, верившего в предопределенность срока жизни. Этот предрассудок, не в пример страху перед путешествиями, так и не был окончательно побежден средствами самоанализа. Сперва Фрейд фокусировал свое внимание на числах 41 и 42, позже, еще с большей напряженностью, — на числе 51. В 1899 г. он ожидал смерти в возрасте 61 года или 62 лет, а в 1936 г. — в 81,5.

Флисс полагал, что может выявить «критические» даты в периодических циклах, предопределяющих такие события, как рождение, болезнь и смерть. Его сороковой день рождения для него, очевидно, означал именно такой «наиболее критический» период. В этой связи у нас появляется дополнительное основание для предположения, что связанный с подобными датами предрассудок Фрейда развился на почве частичной идентификации, возникшей в контексте его отношения к Флиссу.

Фантастические гипотезы такого рода, однако, часто идут рука об руку с верой в некие магические средства, якобы позволяющие избежать влияния таких роковых периодов, например через замену смертельной болезни какой-либо менее серьезной. А для своей операции Флисс избрал именно этот «период»!

Это письмо также указывает на то, что сон «non vixit», должно быть, появился после 23 октября, поскольку там нет упоминаний об операции Флисса. Через неделю, 30 октября, Фрейд вновь пишет Флиссу:

«Отправив тебе мое последнее письмо с пожеланиями счастья, я почувствовал угрызения совести из-за того, что отошел от формы традиционного поздравления, которое не допускает упоминания о чем-то, связанном со страданиями или болезнями. Я лишь хотел, чтобы мои слова прозвучали разумно, и желал найти полезное применение тому, чего избежать все равно невозможно. Из-за своей невнимательности я не обратил внимания на то, что ты собираешься подвергнуть себя новым мучениям, и потому был крайне удивлен, услышав новость о твоей операции».

Упреки самому себе по поводу формы, в которой он в предыдущем письме выразил свои пожелания ко дню рождения Флисса, и признание, что он «не обратил внимания» на задуманную тем операцией, хорошо отражают почти незамаскированную двойственность Фрейда по отношению к старому другу.

В своих ассоциациях к словидению «non vixit» Фрейд указывал, что не мог примчаться к постели друга, поскольку сам в то время стал «жертвой мучительного недуга, который делает болез-

пенным любое движение». Однако в переписке за август 1899 г. содержится отрывок, из которого следует, что Фрейд ошибался, утверждая, что его собственная болезнь (большой фурункул в промежности) совпала по времени с операцией Флисса. Флисс, к величайшему смущению Фрейда, догадался о ней по ходу чтения присланных ему гранок «Толкования сновидений». Лишь почти через неделю *после* написания процитированного ранее письма, 6 ноября, Фрейд написал ему о большом фурункуле на мошонке, потребовавшем хирургического вмешательства. Несмотря на боли, Фрейд не прерывал своей работы с пациентами, число которых постоянно росло. Докладывая о своем недуге, он говорил о нем как о свидетельстве существования между ним и Флиссом некой «таинственной биологической связи», которая в одно и то же время привела обоих к необходимости лечь под нож хирурга.

Появлению этой ошибки, в которой отразилось стремление Фрейда оправдать себя за то, что не поспешил к заболевшему другу, благоприятствовал тот факт, что данная часть толкования появилась только летом 1899 г., когда была написана окончательная версия «Толкования сновидений». Зная то, что сон «*non vixit*» не мог присниться Фрейду раньше, чем он узнал о подробностях болезни Флисса, осведомленность о которой он подтвердил в письме от 30 октября, и предполагая, что созревание фурункула (который также фигурировал в одном из снов Фрейда [1900]) заняло несколько дней, мы можем уточнить, что сон «*non vixit*» должен был появиться ближе к 30 октября.

Эта дата имеет особенное значение: в ночь после похорон отца, 26 октября 1896 г., почти за два года до сна «*non vixit*», Фрейду приснился сон, о котором он рассказал Флиссу:

«Я обнаружил, что нахожусь в какой-то лавке. На одном из плакатов я увидел надпись:

ВАС ПРОСЯТ
ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА.

Я понял, что нахожусь у цирюльника, к которому навещаюсь каждый день. В день погребения мне пришлось прождать его дольше обычного, поэтому я появился в доме скорби довольно поздно. Семья была недовольна мной за то, что я решил сделать похороны максимально скромными, хотя потом все и согласилось, что такое решение было самым правильным. Мое опоздание они восприняли с таким же осуждением. Фраза с плаката, несомненно, имеет двойное значение, ведь она может восприниматься и как просьба о списхождении (буквально: смотреть сквозь пальцы), словно указывая на мою вину в том, что я не исполнил своего дол-

га перед покойным. *Сновидение, таким образом, дает выход чувству вины, которое смерть обычно вызывает у оставшихся в живых.* [Курсив мой. — М. Ш.]» (1900).

В 1899 г. Фрейд еще не выявил значения реакций на годовщины важнейших событий прошлого, проявляющихся не только в снах, но и в симптоматических действиях. Особенно это касается годовщины чьей-то смерти.

Сейчас я вновь обращаюсь к ассоциациям Фрейда по сновидению «non vixit»:

«Наряду с неприятными известиями об операции мне была адресована и настойчивая просьба никому о ней не говорить. Это оскорбило меня, поскольку такая просьба предполагала недоверие к моей надежности. Я был вполне уверен, что она исходила не от моего друга, а возникла как результат бестактности или, может быть, чрезмерного волнения кого-то из его знакомых. Но скрытый за ней упрек все же обидел меня, поскольку не был лишен некоторых оснований. Я имею в виду нечто произошедшее со мной в гораздо более ранний период моей жизни. Тогда я как-то проговорился одному из моих близких друзей о том, что говорил про него другой мой приятель. Я еще помню упреки, обрушившиеся на меня тогда. Одним из этих друзей был профессор Фляйшль; имя другого — Йозеф — совпадает с именем фигурировавшего в сновидении моего друга П.»

Ассоциации установили множество связей между мотивами Фляйшля — Панеса и мотивом Флисса: между настоящим, не слишком отдаленным прошлым и ранним детством. Элементами этих связей оказались соперничество, «сплетни», имя «Полина», а также проблемы рождения, болезни, смерти, любви, ненависти и вины.

Ассоциации добавили к сновидению новые фигуры: Брейер, который так же, как и Панес, носил имя Йозеф, тоже был ассистентом при лаборатории Брюкке и так же сыграл видную роль в жизни Фрейда. Кроме того, имя Брейера воскресило воспоминания тех лет, когда Фрейд проявил неосмотрительность и неосторожно спровоцировал ссору между Брейером и Фляйшлем.

Через воспоминания о соперничестве и конфликтах периода работы у Брюкке разнообразные мотивы ассоциаций привели Фрейда к воспоминаниям раннего детства. Память об этих давних событиях была им восстановлена по ходу самоанализа (ср. с письмом от 3 октября 1897 г.). Он вспомнил о своем племяннике Джоне, первом сыне своего старшего брата Эммануила. Джон «исчез», когда его семья переехала в 1859 г. в Англию, в Манчестер. Он «вновь появился» словно «призрак» (как прочие фигу-

ры из сновидения) в 1870 г., когда Эммануил с семьей посетил Вену. Тогда Фрейду было четырнадцать.

В обоих разделах книги о сновидениях, в которых рассматривался сон «*non vixit*», Фрейд возвращался к мотиву Джона, конкретизируя реконструкцию своего раннего детства (о которой сообщал Флиссу в письме от 3 октября 1897 г.). Фрейд и Джон, согласно Фрейду, до трех лет были неразлучны. Они крепко дружили, что не мешало им драться между собой. В обеих частях Фрейд практически одинаковыми словами говорит, что его дружба с Джоном оказала решающее влияние на все его последующие отношения со сверстниками:

«Все мои друзья были для меня в известном смысле новыми воплощениями этой первой фигуры: они являлись *призраками*. Мой племянник и сам во второй раз появлялся в годы моего отрочества. В то время мы с ним разыграли роли Цезаря и Брута. Моя эмоциональная жизнь устроена таким образом, что мне всегда были нужны близкий друг и ненавистный враг. Я всегда был способен пайти себе и того и другого. Нередко детский идеал осуществлялся столь полно, что друг и враг сливались в одном человеке, хотя, разумеется, не одновременно, как то было в раннем детстве.

...Представим всплывающую в памяти или вымышленную картину детских лет... Двое детей спорят о чем-то... Начинается драка. Судя по сновидению я, должно быть, понимал, что был не прав («Я заметил свою ошибку».) Однако на этот раз я оказался сильнее и одержал верх, поле битвы осталось за мной. Поверженный противник спешит к своему деду — моему отцу — пожаловаться на меня, и я отстанваю свою правоту словами, услышанными от отца: «Я ударил его из-за того, что он ударил меня первым». Отсюда мысли сновидения развиваются по следующим направлениям: «Так тебе и надо! Почему ты не захотел мне уступить сам? Ты мне не нужен. Я легко могу пайти для игр кого-нибудь другого» и т. д. Затем открываются и пути, по которым эти мысли приходят в сновидение».

Фрейд не только описал окольный путь своих ассоциаций, приведших его к мотиву Цезаря и Брута в отношениях к Джону, но и живо обрисовал значительные успехи в преодолении препятствий на пути толкования.

Он пытался отыскать источник, породивший в сновидении фразу «*non vixit*». Большая отчетливость этих двух слов указывала на их происхождение от зрительного впечатления. Фрейд вспоминал, что видел эти слова на пьедестале статуи императора Иосифа II¹, стоявшей рядом с императорской библиотекой. Надпись гласила:

¹ Иосиф II, сын Марии-Терезии. В своих работах Фрейд часто обращался к этой исторической фигуре.

Saluti publicae vixit
non diu sed totus.

[Во имя Родины жил недолго, но до конца.]

Далее Фрейд пришлось проследить, как в явном содержании сна вместо слов «non vivit» — «не живет», появились «non vixit» — «не жил».

«Такая замена, возможно, была обусловлена влиянием другого элемента мыслей сна. Почему-то я обратил внимание, что в этом сновидении по отношению к моему другу П. у меня воедино слились чувства вражды и дружбы. Первые были очевидны, вторые — скрыты; однако и те и другие отразились в одной фразе «non vixit». Поскольку он преуспел в служении науке, я воздвиг ему памятник; но так как он оказался повинен в злом желании (выраженном в конце сна), я уничтожил его. Я чувствую, что последнее предложение звучит как-то по-особому. У этой словесной конструкции должен существовать некий прототип. Но где можно отыскать подобную антитезу, такое сосуществование столь противоположных чувств по отношению к одному и тому же человеку? Каждое из них претендует на полную обоснованность, но при этом не отрицает другое. В литературе существует лишь единственный пример такого рода, вызывающий у читателя незабываемое впечатление: это оправдательная речь Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира».

Этим окольным путем Фрейд пришел к ассоциативной связи между Юлием Цезарем и своим племянником Джоном. Фрейд понял, что «во сне выступал в роли Брута», и продолжал:

«Если бы я только мог в содержании сна найти дополнительное подтверждение... Насколько мне известно, мой друг Фл. никогда не бывал в Вене в июле. Однако месяц июль назван в честь Юлия Цезаря. Следовательно, с полным основанием он может выступать связующим звеном с мыслью, что я играю роль Брута».

Это последнее предложение первой части толкования. Оно весьма существенно по следующим причинам:

а) Вторая часть толкования сна «non vixit» началась с «побудительной причины сна» — операции Флисса и его настоятельной просьбы, чтобы о ней никто не узнал. Эти мотивы через мотив сестры Флисса Полины и «сплетничанья» привели непосредственно к воспоминаниям о детской триаде Джона, Фрейда и его племянницы Полины и о соперничестве за должность при институте Брюкке — в связи с чем там появился образ другого Йозефа — Брейера.

б) Флисс не бывал в Вене в июле, но в этом месяце Фрейд и Флисс встречались где-то под Зальцбургом.

с) В толковании Фрейда имело место существенное упущение. Я указывал, что Фрейд восстановил свои воспоминания о Джоне в своем самоанализе и сообщил о них Флиссу в письме от 3 октября 1897 г. В том же письме, упомянув о Джоне, Фрейд делает следующий комментарий: «Я встретил появление своего младшего брата (умершего через несколько месяцев) злобой и настоящей детской ревностью, так что его смерть оставила в моей душе чувство вины». И заключил: *«Мой племянник и младший брат обусловили не только невротическую сторону, но и глубину всех моих дружеских отношений»*. [Курсив мой. — М. III.]

Это удивительное признание Флиссу подразумевало, что невротические составляющие присутствуют и в их дружбе с Фрейдом. Всего через *несколько недель* после появления этой реконструкции (27 октября 1897 г.) Фрейд утверждал, что именно самоанализ заставил его «забыть» поздравить Флисса с его «несорокалетним днем рождения» — 24 октября, ровно год спустя после смерти отца Фрейда.

Однако в своем анализе сна «*non vixit*» Фрейд не упомянул о своем брате Юлиусе, хотя он и связал ассоциативно Юлия Цезаря с элементом явного содержания этого сновидения: «Мой друг Фл. приехал в Вену в июле». Поскольку Флисс родился в 1858 г. — год смерти Юлиуса, — он, по сути, оказался «воплощением» его младшего брата, совсем как дочь Флисса Полипа, в свою очередь «воплотившая» умершую сестру последнего.

Упомянув в своих ассоциациях о Юлии Цезаре, Бруте и принце Генрихе, Фрейд еще раз вернулся к образу своего друга Йозефа Панеса, который родился в 1857 г. Таким образом, он был ровесником младшего брата Фрейда — Юлиуса.

«Поскольку он был честолюбив, я уничтожил его». Так как он не хотел ждать, пока освободится столь желанная для него должность, он сам был удален. Эти мысли появились у меня непосредственно после присутствия на открытии памятника в университете — не ему, другому. Таким образом, чувство удовлетворения, испытанное мною в сновидении, отчасти следует истолковать словами: «Заслуженная кара! Поделом тебе!»

На похоронах моего друга [П.] один молодой человек сделал замечание, показавшееся неподобающим: выступавший оратор утверждал, что без такого великого человека мир теперь несомненно погибнет. По сути, в нем говорило раздражение человека искреннего, чистосердечная скорбь которого была нарушена нелепым преувеличением».

Только теперь Фрейд смог в полной мере установить связь между мыслями сна и Флиссом:

«...Это замечание... приводит к следующим мыслям: «Действительно, незаменимых людей не бывает. Сколь многие из моих знакомых уже сошли в могилу! Но сам я еще жив. Я пережил их всех; «поле битвы» осталось за мной». Мысли такого рода, появляющиеся в тот момент, когда я боюсь, что, отправившись к своему другу [Фл.], не застаю его в живых, могут истолковываться так, что я радуюсь тому, что переживу еще одного человека, что это он умер, а не я, и снова «поле битвы» осталось за мной, как это было в сцене из моего детства. Эта инфантильная по своей природе удовлетворенность объясняет основную часть аффекта сновидения. Я рад из-за того, что остался жив и выразил свои чувства со всем тем наивным эгоизмом, который известен по анекдоту о супружеской паре: «Когда один из нас умрет, то я отправлюсь в Париж». Для меня было очевидно, что поездка в Париж будет исключительно моей привилегией.

Нельзя не признать, что толкование снов, как и их изложение, предполагает большое самопожертвование. Приходится выставить себя каким-то непревзойденным негодяем... эти призраки являются последовательными воплощениями друга моего детства [то есть племянника Джона]. Следовательно, я ощущаю удовлетворенность и тем, что постоянно мог замещать его еще кем-нибудь и что теперь снова смогу пойти замену тому, кого боюсь потерять. Незаменимых людей не бывает».

Однако, выразив свое удовольствие от того, что как будто сумел пережить Флисса, Фрейд задумался над тем, почему не сработала цензура сновидения. Как могли появиться столь «откровенно эгоистические мысли», не пробудив чувства сильного смущения и тревоги? Фрейд попытался объяснить это так:

«Я думаю, это происходит потому, что иные, безупречные мысли касательно этого же человека вызывают чувство удовлетворенности, покрывающее своим аффектом аффект, проистекающий из запретного детского источника. В другой сфере мыслей, навешанных церемонией открытия памятника, я рассуждал так: «Как много хороших друзей я потерял! Одних похитила смерть, с иными прекратилась дружба! Какое счастье, что я нашел им замену, что я приобрел друга, который мне дороже всех иных и которого я теперь — в возрасте, когда дружеские отношения завязываются с большим трудом, — сумею сохранить навсегда! Моя удовлетворенность найденной заменой утраченным друзьям способна беспрепятственно перейти в сон. Однако вместе с ней в сон просачивается и чувство злорадной удовлетворенности, появившееся из времен раннего детства. Несомненно, детская привязанность способствует укреплению нынешней. Однако там также проявилась и детская ненависть».

Это объяснение выглядит столь же натянутым, как и толкование сна о Гёте, критиковавшем господина М. Тогда Фрейд пытался убедить себя, что «безумцем» является не Флисс, а оскорбивший его автор критического обзора.

В «Толковании сновидений» Фрейд подчеркнул существование влияния конфликтов детских лет на ход последующего развития человека. В этом, несомненно, заключалось одно из основополагающих открытий психоанализа. Фрейд также смог показать, что фактически каждый сон отражает определенные инфантильные желания и связанные с ними конфликты. Кроме того, изучая сновидения, Фрейд выяснил, что недавние события, заурядные или важные, приятные или тягостные, отражаются в сновидениях так, чтобы дать возможность этим вытесненным инфантильным желаниям и фантазиям (порождениям бессознательной сферы) выразиться в явном и особенно в скрытом содержании сна.

Однако в то время он еще не понимал — и это верно как в отношении сна об инъекции Ирме, так и сна «*non vixit*», — что недавние, высококонфликтные, частично неосознаваемые мысли и желания могут выражаться посредством ассоциаций с фактами раннего детства. Деятельность сновидений может протекать в двух направлениях, как от настоящего к прошлому, так и наоборот.

В процессе написания книги о сновидениях Фрейд по многим причинам глубоко увлекся реконструкцией фактов раннего детства. Это имело большую важность для его самоанализа, лечения его пациентов и развития его теоретических построений.

Возможно, по всем этим причинам Фрейду было особенно сложно понять, что порой *акцент на фактах раннего детства может успешно использоваться как защита от недавних конфликтов, в особенности тех, которые возникают в рамках отношений перенесения.* Этот феномен проявляется практически в каждом анализе.

Как отношение принца Генриха со своим отцом, Генрихом IV, так и отношения Брута и Цезаря изначально являются примерами эдипова конфликта. Однако в своих ассоциациях Фрейд все еще рассматривал их как примеры амбициозного соперничества.

Тот факт, что сон «*non vixit*» может также считаться реакцией Фрейда на годовщину смерти отца, точно так же, как и развитием сна о «*vine выжившего*» может объясняться отсутствием «эдипова» мотива в толкованиях Фрейда. Однако еще более существенно, что Фрейд не связал мотив выраженного соперничества с собственным «грехом Каина».

Чтобы полностью понять сон «*non vixit*» и его отголоски в дальнейшей жизни Фрейда, мы должны рассмотреть этот сон в контексте крайне запутанного отношения Фрейда к Флиссу. Собственное замечание Фрейда, согласно которому его отношения с

племянником и младшим братом определили невротические составляющие и глубину всех его последующих дружеских отношений, указывает на понимание им переносоподобных элементов отношения к Флисссу.

Из писем Фрейда я выделил множество фрагментов, подчеркивающих его более чем скептическое отношение к спекуляциям Флисса. Тем не менее он вновь и вновь чувствовал необходимость уверенности в значимости гипотез Флисса, пытаясь укрепить свою веру в друга яростной критикой всех тех «пустоголовых» профессоров, которые осмеливались не принимать эти открытия всерьез.

Работая над «Толкованием сновидений», Фрейд сохранял уверенность в принципиальной важности своих открытий. Однако они оказались столь революционными, что обязательно должны были породить у него ряд сомнений, равно как и чувство благоговения, свойственное всякому, кто приобщится к тайнам, ранее скрытым от человеческого понимания. Следовательно, Фрейд нуждался во Флиссе и потому вынужден был подавлять свою критичность. Но все же она прорывалась в его промахах и снах.

Сравнивая и противопоставляя сон «non vixit» сну о критике Гёте со стороны господина М. и об инъекции Ирме, мы можем проследить, как набирал силу конфликт между Фрейдом и Флиссом.

В сновидении об инъекции Ирме враждебность к Флисссу была замаскирована переносом ее на других лиц. В сновидении о том, как Гёте критиковал господина М., согласие Фрейда с теми, кто разгромил работу Флисса, скрывалось пасмешками над его критиками. В сновидении «non vixit» конфликт зашел еще дальше или, точнее сказать, глубже. Проще всего его можно выразить так: кто кого переживает?

В 1896 г. Фрейд впервые указал на универсальность чувства вины, неизбежно остающегося у детей после смерти родителей. Однако вина выжившего также обнаруживается и после смерти братьев и сестер или сверстников. За сновидением «non vixit» стояла не только мысль о тех, кого удалось пережить буквально, но и о тех, кто, продолжая жить, тем не менее навсегда «остался позади» в профессиональном плане.

В явном содержании сна Фрейд «уничтожил» Панеса и Фляйшля, которые действительно к тому времени уже давно умерли. Он утверждал, что все его друзья являлись воплощениями, «призраками», включая и Брейера. Фрейд никогда не умалял того вклада, который Брейер внес в дело развития психоанализа. Попытки катарсического лечения истерии Брейером выступили своеобразным катализатором последующих открытий Фрейда.

Хотя к моменту появления этого сна Брейер был еще жив, он также «остался позади». Он следил за развитием идей Фрейда со смешанными чувствами скепсиса и благоговения. Порой он давал

ему высокую оценку, по нередко позволял себе «за глаза» критиковать его взгляды.

Нам известен ряд причин, побудивших Брейера дистанцироваться от последней работы Фрейда (см.: Фрейд, Джонс. Т. 1). Из неопубликованных писем к Флиссу мы больше узнаем о комплексном характере и глубине двойственного отношения Фрейда к Брейеру (см. главу 6). Таким образом, в некотором смысле Брейер также был одним из тех, к кому Фрейд мог адресовать свое утверждение «non vixit» или «non vivit».

Отличительной чертой гения Фрейда была способность превращать стимулы, получаемые от общения с людьми, в содержательное ядро грядущей психологической революции. Сам являясь для многих источником вдохновения, он также испытывал потребность черпать свои творческие силы в общении с другими людьми. Одним из этих людей был Брейер, другим — Флисс.

Тут возникает ряд вопросов. Почему Фрейду пришлось «избавиться» от Флисса? Почему он был так исчерпывающе откровенен с ним, что в конечном итоге и спровоцировало нападки Флисса на него (см. главу 7)? Наконец, как Флисс воспринял такое «уничтожение»?

В поиске достоверных ответов на эти вопросы мы можем лишь вновь обратиться к фактам жизни Фрейда.

В сентябре 1899 г. он завершил свою книгу о снах. Хотя Фрейд видел присущие своей работе недостатки, он был уверен, что это его главнейший труд (буквально: *magnum opus*) и отныне мир уже никогда не будет таким, как прежде. По возвращении в Вену он писал Флиссу: «Грядет последующий год этой необыкновенной жизни, в которой лишь умоастроение имеет первостепенное значение. Мое же умоастроение неустойчиво, однако... как написано на гербе нашего любимого Парижа: «*Fluctuat nec mergitur*»¹.

Он отправил Флиссу еще 60 гранок и торжественно подытожил: «Этим я вношу решающий вклад в мои толкования. Абсурдные сны! Изумительно, как часто ты в них появляешься. В сне «non vixit» я был счастлив, что пережил тебя. Не правда ли, это ужасно?»

Написание книги стало для него задачей первостепенной важности. Фрейд не щадил себя. Для того чтобы иметь возможность обоснованно представить свои теории, он был вынужден обратиться к некоторым самым интимным подробностям своей жизни, которые и в наши дни можно без смущения поведать разве что собственному психоаналитику.

Все это время Фрейд продолжал свой самоанализ. В рамках столь нетипичной аналитической ситуации он пуждался в идеа-

¹ Фрейд использовал эту фразу как эпиграф к работе «К истории психоаналитического движения». Также см. главу 4.

лизированном образе Флисса, своего альтер эго, слушателя и доверенного врача. Однако где-то в глубине души он понимал, что теории Флисса есть не более чем плод буйной фантазии. Более того, он понимал, что в конечном итоге ему придется признать несовместимость его собственной концепции и построений Флисса о космической предопределенности событий человеческой жизни. Таким образом, Фрейд предвидел, что вскоре и Флисс окажется «на периферии», станет «призраком». Говоря на языке потаенных детских желаний, ему предстояло оказаться «уничтоженным».

На фоне достигнутых успехов чувство вины у Фрейда оказалось приглушено. В своем толковании он также мог отрицать степень выраженности своих желаний смерти Флисса, прибегнув при этом к помощи «нисходящего сопротивления»¹, то есть интерпретируя сон «*non vixit*» за счет восстановления ассоциативных связей с конфликтами раннего детства с племянником Джоном, не упоминая при этом о покойном брате Юлиусе. Таким образом, он проигнорировал значимость текущего конфликта.

Признание в ошибках прошлых лет, соперничестве и желании кому-либо смерти часто служит способом заглушить чувство вины, по рано или поздно все становится на свои места. Кроме того, мы не знаем, как Флисс реагировал на откровения Фрейда. Известно лишь (из неопубликованного письма от 30 ноября 1898 г., появившегося примерно через месяц после сна «*non vixit*»), как Фрейд откликнулся на операцию Флисса, сколь неоднозначной была его реакция. Фрейда определенно раздражало нездоровье Флисса. Он желал пайти предлог, чтобы усомниться в необходимости такой операции, что не мешало ему с нетерпением ожидать их рождественской встречи. Он признавал смущенно, что его собственная болезнь позволила ему проявить меньше сочувствия к Флиссу.

Когда Фрейд замыслил свою книгу о сновидениях, его прежде всего интересовали процессы сновтворчества и инфантильные корни скрытого содержания снов и памного меньше — различные аспекты «Я» и проявления перенесения в сновидениях. Хотя мы знаем, что остаточные впечатления дня присоединяются к бессознательному — в основном к материалу детских лет жизни, — мы не можем пренебрегать активным влиянием текущих конфликтов, даже когда они неразрывно связаны с вытесненными фантазиями (порождениями сферы бессознательного). Таким образом, заканчивая в 1899 г. «Толкование сновидений», Фрейд мог пайти оправдание своему желанию пережить Флисса, приведшему к его воображаемому «уничтожению». Тем не менее такие фантазии, особенно если за ними следует разрыв дружеских отношений, не-

¹ Термин, предложенный Р.М. Левенштейном.

пременно оставляют некоторые следы в нашей психике. Чувство «вины выжившего» у человека может вновь усилиться, как указывал Фрейд в связи с воспоминаниями о своих драках детских лет с племянником, если в дальнейшей жизни «поле сражения» вновь окажется за ним.

СМЕРТЬ В СНАХ

В снах перед нами предстают основные конфликты нашей жизни, наши тайные желания и страхи, относящиеся к тем людям, кого мы любим или ненавидим, а также образы этих людей; грезится жизнь и смерть — как наша собственная, так и чужая. Фрейд обнаружил, что возникающие желания смерти родителям, братьям и сестрам не являются чем-то совершенно необычным, но, наоборот, абсолютно заурядны и что истоки таких желаний кроются в раннем детстве. Приводя в «Толковании сновидений» примеры того, как желания смерти братьям или сестрам проявляются в наших сновидениях, Фрейд писал:

«Ни у одной из моих пациенток... я не мог заметить наличие снов, в которых проявлялось бы желание смерти сестре или брату... Я нашел только одно исключение, и оно может быть легко истолковано как подтверждающее правило. Во время одной из аналитических сессий я затронул эту тему в присутствии дамы, симптомы которой, как мне показалось, оправдывали этот разговор. К моему удивлению, она ответила, что никогда не видела таких снов. Однако у нее был другой сон, который на первый взгляд не имел отношения к затронутой теме, — сон, приснившийся ей впервые в возрасте четырех лет (тогда она была самой младшей в семье): *шумная компания ребятишек — все ее братья и сестры, родные и двоюродные, — резвилась в поле. Внезапно у всех выросли крылья, они улетели и исчезли.* Она не представляла, что может означать такой сон. Однако нетрудно увидеть, что в своей исходной форме он выражал мечту о смерти всех ее братьев и сестер и лишь в незначительной степени оказался подвержен действию внутренней цензуры...

Может возникнуть вопрос: «Хорошо, пусть дети действительно испытывают враждебные чувства к своим братьям и сестрам. Но как детский ум может дойти до того, чтобы так сильно желать смерти своим друзьям и соперникам, словно, кроме смерти, не существует других наказаний?» Однако следует иметь в виду, что детское представление о смерти не имеет с нашим ничего общего. Дети ничего не знают об ужасах разложения, ледяном холоде могилы, о страхе перед вечным небытием — обо всем, с чем так тяжело смириться взрослым, что подтверждают и многочисленные

ные мифы о загробной жизни. Над детьми страх смерти не имеет такой власти. Ребенок лишь играет громкими фразами, угрожая своему товарищу: «Если ты еще раз так сделаешь, то умрешь, как Франц!» — в то время как, услышав такие слова, его мать вздрогнула бы, вспомнив, что большая часть людей умирает именно в детские годы. Нечто подобное можно было услышать и от восьмилетнего малыша, который, возвратившись домой из какого-то музея естественной истории, заявил своей матери: «Я так люблю тебя, мамочка. Когда ты умрешь, я сделаю из тебя чучело и поставлю его в своей комнате, чтобы я всегда мог тебя видеть». Как мало сходства в представлениях о смерти у детей и взрослых!»

В 1909 г. Фрейд добавил к этому абзацу следующую сноску: «Я был удивлен, когда услышал замечание десятилетнего весьмамышленого мальчика по поводу внезапной смерти его отца: «Я знаю, что папа умер, но я совсем не могу понять, почему он не пришел домой ужинать».

Для детей, которых еще и всячески оберегали от возможности видеть чужую смерть и страдания, быть мертвым, «умереть» означает примерно то же самое, что и «уйти». Потому настоящая смерть вызывает у них не больше беспокойства, чем простое исчезновение. Ребенок не видит различий причин отсутствия: вызвано ли оно путешествием, охлаждением отношений или же смертью.

Сноска, добавленная Фрейдом в 1919 г.: «Один из знакомых с психоанализом родителей имел возможность наблюдать тот момент, когда его четырехлетняя дочь продемонстрировала понимание различия между словами «уйти» и «умереть». Маленькая девочка раскапризничалась во время еды и заметила, что одна из служанок косо на нее посмотрела. «Я хочу, чтобы Джозефина умерла», — обратился ребенок к отцу. «Зачем же? — мягко ответил он. — Ведь она может просто уйти?» — «Нет, — возразила та. — Тогда она сможет вернуться». Безграничное самолюбование (нарциссизм детей, воспринимающих любые замечания в свой адрес как оскорбление своей высочайшей особы) и сопутствующие эмоции приводят к тому, что за любой ничтожный проступок они готовы карать с невероятной жестокостью».

Обнаружив, что маленькие дети воспринимают смерть иначе, чем взрослые, Фрейд предположил, что в нашем бессознательном мы ничего не знаем как о смерти вообще, так и о собственной кончине в частности.

Я подчеркивал (в 1-й и 4-й главах), что внезапное исчезновение ряда окружавших Фрейда людей оказало на него существенное влияние в первые годы его жизни. Напомним: «исчезли» его брат Юлиус (он умер); нянька (ее отправили в тюрьму), его друзья и родственники Джон и Полина, его старшие братья Эммануил и Филипп, а также Мария, жена Эммануила, ремесленник и его

семья, Ребекка, вторая жена отца (хотя Фрейд мог и не знать о ее существовании). Добавим к этому исчезновение деревенских просторов, мастерской ремесленника, лугов и лесов. Ко всему этому следует добавить и воспоминания о бесконечных скитаниях по чужим городам, приведших семью в беднейший район Вены, что также заняло довольно заметное место в памяти Фрейда.

То, что брат Юлиус и в самом деле умер, усилило связь между представлениями об исчезновении и смерти.

Приведенные ранее отрывки из «Толкования сновидений» могут создать впечатление, что Фрейд мог не осознавать отсроченных последствий желания смерти братьям, сестрам и родителям, присутствовавшим в ранние годы жизни. Реконструкция Фрейдом собственного детства, которую он осуществил к 1897 г., показывает, что такое впечатление было бы ошибочным.

Фрейд имел в виду одну из многих особенностей нашей душевной жизни. Из самоанализа и анализа своих пациентов, и прежде всего из толкования сновидений, Фрейд знал, что в человеке могут сосуществовать совершенно взаимоисключающие мысли. Соответственно, малые дети могут делать самые зверские заявления и открыто желать смерти своим близким, поскольку, как Фрейд тогда утверждал, понятие смерти еще не имеет для них конкретного значения. Однако с развитием совести такие желания, обычно вытесняясь, дают импульс к формированию различных как нормальных, так и аномальных защит и часто ведут к развитию чувства вины.

Установившись в раннем детстве, связь между исчезновением и смертью позже может распространиться также на соперников или противников (см. мое обсуждение сна «non vixit»).

В «Толкование сновидений» включено много снов Фрейда, обнаруживающих его реакцию на смерть разных людей и в особенности на смерть отца. Другие его сны имели отношение к его собственной смерти и связанным с ней страхам. Этот мотив был представлен в «Толковании сновидений» сном, оканчивавшимся словами: «Затем мне сказали, что я могу уйти. Однако я не смог найти свою шляпу и поэтому уйти все-таки не мог». Восстанавливая ассоциативные связи к этим предложениям, Фрейд вспомнил строчку из шиллеровской драмы «Заговор Фиеско в Генне». «Мавр выполнил свой долг [Фрейд воспользовался распространенным вариантом, заменив авторское «дело» словом «долг»]; мавр может уйти». Это выражение, как и многие другие классические изречения, стало крылатым, означая: «Ты выполнил свою работу; теперь ты лишний; мы в тебе больше не нуждаемся». Образу мавра в данном смысле отнюдь не случаен. В своем сновидении Фрейд выявил желание «быть признанным невиновным и получить разрешение уйти». (Ср. со сном об инъекции Ирме и присутствовавшим там мотивом оправдания.) Его ассоциации к

«мавру» показали Фрейду, насколько обусловленными были последние слова из его сна. Согласно семейной легенде Фрейд появился на свет с такой копной черных волос, что мать заявила, что он выглядит как маленький мавр. О последних словах сна («Я все же не мог уйти») Фрейд высказался так:

«Окончание этого сна также скрывает отвержение печальных мыслей о смерти: «Я еще не выполнил свой долг, а потому не могу пока уйти». Рождение и смерть¹ — вот что стоит за этим, совсем как во сне о Гёте и паралитике, который я видел незадолго до этого».

Фрейд был прав, говоря о «печальных мыслях о смерти». Взамен «я еще не могу уйти» не прозвучало «я еще не могу умереть». Такие сны отражают чувства человека, взявшегося за решение непосильной задачи. Это явствует и из писем Фрейда к Флиссу, где он сравнивает себя с Иаковом, борющимся с Ангелом. Четыре десятилетия спустя Фрейд снова стоял перед похожей жестокой дилеммой: «Как долго я еще должен терпеть такие невыносимые страдания? Когда мне, наконец, будет дозволено вкушать «безмятежный покой» или даже попросить об этом?»

Толкование таких снов привело Фрейда к мысли, что рождение и смерть в снах могут быть представлены сходными символами (путешествие, корабль, поезд, море, река и т. д.). Эти символы появляются также и в мифах, религиозных обрядах и произведениях искусства самых разных народов. Ссылка Фрейда на обсуждавшийся ранее его сон о Гёте и паралитике и его связь со сном об инъекции Ирме и, следовательно, с эпизодом Эммы также указывают на то, сколь тесно сны Фрейда были обусловлены характером его отношения к Флиссу².

Тот факт, что проблема смерти столь часто появлялась в снах Фрейда, совсем не объясняется его «болезненной» заикленимостью на ней. Следует помнить, что самоанализ Фрейда и его «Толкование сновидений» в значительной степени были стимулированы его открытием сущности влияния конфликтов раннего детства, связанных с родителями, братьями и сестрами, и, прежде всего, эдипова конфликта (см. главу 4) как в про-

¹ См. главы 6 и 22.

² Ссылка Фрейда на «паралитика», болезнь которого сопровождалась криками «Природа, природа», навеяна трагедией Ибсена «Привидения», заканчивающейся бессвязным бормотанием сраженного безумием молодого Освальда, жертвы врожденного сифилиса: «Солнце, солнце». В то время это произведение входило в репертуар каждого немецкого театра, и роль Освальда была столь же желанной для ведущих актеров, как и роль Гамлета. Кроме того, последние слова самого Гёте были: «Больше света».

цессе нормального, так и аномального развития. Важную роль сыграло и то, что смерть отца Фрейда очень сильно повлияла на формирование его научных идей. Потому-то мотив смерти отца так часто всплывал в снах и ассоциациях Фрейда. Истолковывая подобные сны, Фрейд обнаружил, что за снами об уже умершем любимом человеке могут скрываться мысли о собственной смерти.

«Сны об умерших, по дорогих спящему людям поднимают трудные проблемы в толковании, которые не всегда могут быть удовлетворительно разрешены. Причину тому можно обнаружить в эмоциональной двойственности, доминирующей в отношении спящего к умершему. Очень часто в таких снах умерший для спящего словно оживает, затем вновь внезапно оказывается мертвым, а в завершающей части сновидения может снова ожить. Это сбивает с толку. Со временем мне пришло в голову, что такое колебание между смертью и жизнью означает *безразличие* спящего. («Мне все равно: жив ли он или мертв».) Разумеется, безразличие это лишь мнимое; оно призвано помочь спящему побороть его очень сильные и часто противоречивые эмоциональные отношения и, таким образом, является отражением в сновидении его *двойственности*. В иных снах, где спящий ассоциирует себя с умершими, выдерживать наше бремя нам часто помогает следующий принцип. Если во сне отсутствует указание на то, что мертвый человек и в самом деле мертв, спящий приравнивает себя к нему: ему грезится собственная смерть. Если в процессе сна спящий вдруг словно говорит в изумлении: «да ведь он же давно мертв», то тут же он отказывается от принятого ранее тождества и отрицает то, что виденный сон подразумевает его собственную смерть. Впрочем, я охотно допускаю, что здесь по-прежнему есть над чем поразмыслить».

Хотя Фрейд уже обнаружил после смерти своего отца, что у того, кто остается жить, гибель любимого человека обычно порождает чувство вины, ему еще предстояло открыть значение и метapsихологические следствия идентификации с умершим.

С ранних лет являясь страстным читателем, Фрейд рано обнаружил, что в своих произведениях поэты и писатели изображают наши скрытые внутренние проблемы. Начав раскрывать загадки бессознательного, он читал такие труды с двойной целью. С одной стороны, он находил в них подтверждение своим теориям. С другой, полагая, что гений великих творцов позволяет им проникнуть в самые потаенные уголки нашего разума, он еще и учился у них оформлять некоторые из собственных идей, которые затем формулировал на языке науки. Переписка с Флиссом содержит, например, несколько образцов анализа книг К.Ф. Мей-

ера. Толкования Фрейдом своих собственных сновидений содержат массу ассоциаций к трудам авторов самых разных национальностей, писавших на разных языках. Проблема смерти и бессмертия, без сомнения, является общим мотивом литературы, религии и мифологии.

Способ, которым такие мысли могут быть представлены в скрытом содержании сна, возможно, наиболее показательно продемонстрирован в анализе Фрейдом своего сновидения о препарировании своего собственного таза. Из описания Фрейдом этого сна и его толкований я выделю лишь наиболее характерные фрагменты.

«Вначале... было отчетливое изумление этим сном. Старый Брюкке, должно быть, дал мне некое *довольно странное* задание. Мне следовало препарировать нижнюю часть моего собственного тела, таз и ноги. Все это я видел перед собой словно в прозекторской, но ни отсутствия ног, ни отсутствия таза у себя не ощущал и совершенно не испытывал никакого *ужаса* [курсив добавлен. — М. Ш.]... Затем я встал на ноги и смог пройти по городу. Но [устав] я взял кеб... Наконец, я куда-то отправился вместе с альпийским проводником, который нес мои вещи. Часть пути из-за моей усталости он нес и меня. Почва была болотистая; мы шли по узкой обходной тропинке; люди сидели на земле словно индейцы или цыгане — среди них была какая-то девушка... Наконец мы дошли до маленького деревянного домика с открытым дальним окном. Здесь проводник опустил меня на землю и уложил на подоконник две деревянные доски, лежавшие здесь же, чтобы организовать переправу через находящийся под окном ров. Тут я испугался за мои ноги, но вместо ожидаемого мостка я увидел двух взрослых, лежавших на деревянных скамьях, располагавшихся вдоль стен лачуги. Рядом с ними, как мне показалось, спали два ребенка. Возникло ощущение, будто для мостка следовало использовать не доски, а этих детей. В смятении я проснулся».

Фрейд указывал на крайнюю сложность задачи по восстановлению всех ассоциаций к столь комплексному и сгущенному явному содержанию сна. При обсуждении этого сновидения в качестве примера «интеллектуальной активности в снах» основной поток его ассоциаций был направлен на объяснение *отсутствия ужаса*, который можно было бы ожидать с учетом специфики явного содержания сна, и аффекта *смятения*, с которым он пробудился от сна.

Ассоциации к словам «довольно странное» привели к воспоминанию о недавно состоявшемся разговоре о двух страшных книгах Х. Райдера Хаггарда, «полных скрытого смысла». Там гово-

рилось о «вечной женственности»¹, «бессмертии наших чувств»: это романы «Она» и «Сердце мира». Разговор также коснулся и собственной работы Фрейда, отразив предвосхищение им ее грядущей судьбы. Его гостя спросила:

«У тебя еще ничего не сделано?» — «Нет, мои бессмертные работы еще не написаны». — «Ну и когда же можно ожидать от тебя так называемого исчерпывающего объяснения, которое, как ты обещал, понять сможем даже мы?» — спросила она с долей сарказма в голосе. Тут я понял, что ее устами говорит кто-то другой, и промолчал. Я задумался над тем, чего мне стоило предложить к опубликованию мою книгу о снах, — в ней мне придется раскрыть слишком много сведений личного характера.

Все лучшие твои познания
Мальчишкам ты не можешь передать!²

...И в том и в другом произведении главным персонажем является женщина; и в том и другом речь шла об опасных маршрутах. Один был описан в романе «Она» как ведущий в те места, куда еще не ступала нога человека. Замеченная мною во сне усталость в ногах напоминала о тяжести минувшего дня. Это чувство, видимо, соответствовало моему состоянию подавленности и неуверенности: «Сколь долго мои ноги смогут еще носить меня?» Путешествие в романе «Она» окончилось гибелью в мистическом огне героини, так и не сумевшей добыть бессмертие ни для себя, ни для других. Страх такого рода можно безошибочно определить в мыслях моего сна. «Деревянный дом», без сомнения, был также гробом, могилой. Однако в изображении этой самой неприятной мысли механизмы сновтворчества сработали особенно умело. Однажды мне довелось побывать в раскопанной этрусской могиле

¹ Намек на смерть и спасение Фауста. Драма Гёте оканчивается такими строками:

Все быстротечное —
Символ, сравненье.
Цель бесконечная
Здесь в достиженье.
Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.
(Перевод Б. Пастернака)

Мотив Фауста, возникший у Фрейда при обсуждении этого сна, еще не раз повторялся на протяжении всей его жизни.

² Цитата из «Фауста».

См. также речь Фрейда, приуроченную к получению им премии Гёте.

близ Орвето¹. Это была тесная яма с двумя каменными лавками вдоль стенок, на которых лежали скелеты двух взрослых. Деревянный дом из сна внутри выглядел точно так же, с той лишь разницей, что лавки там были деревянные. В сповидении словно говорилось: «Если уж мне суждено остаться в могиле, то пусть она будет этрусской». А благодаря такой перестановке мрачные ожидания оказались трансформированы в желанные. К сожалению... сон может обратить в свою противоположность только лишь идею, сопутствующую аффекту, но не сам аффект. Соответственно этому я проснулся в «смятении» даже после появления мысли о том, что, возможно, дети смогут достичь того, что не смогли их отцы, — явный намек на тот страшный роман, где личность сохранила свою идентичность на протяжении более двух тысяч лет».

Чуть позже Фрейд вновь вернулся к этому сну: «Обращаясь к той странной задаче, которую поставил передо мною старый Брюкке: необходимости препарировать мой собственный таз, можно вспомнить, что я не испытывал какого-то чувства ужаса [«Grauen»], который вообще-то обязательно должен был появиться. Это несомненное осуществление желания, и не в одном только смысле. Препарирование здесь символизирует самоанализ, который я осуществлял на страницах своей книги о снах, — процесс, который был для меня столь травматичен, что я отложил распечатку окончательной рукописи более чем на год. Однако появляется желание преодолеть это неприятное чувство, и потому во сне я не испытывал ужаса [«Grauen»]. Но также я хотел избежать и появления седины (слово «grauen» можно перевести и так). Мои волосы действительно поседели, и их цвет еще раз напоминает мне, что я не могу больше медлить. И, как мы видели, в конце сна выразилась мысль о том, что для достижения цели моего трудного пути мне придется положить на моих детей».

Этот сон и его толкование иллюстрируют мучительный самоанализ, который, как выразился Фрейд, оставил «утомление в ногах» и выбелил его волосы. Фрейд в этом сне обнаруживает в себе чувство нетерпения в борьбе с быстротечным временем и стремление достичь еще непознанных рубежей. Сон также указывает, что, несмотря на ощущения Фрейда, что своей работой он открывает новые горизонты, он чувствовал, что в ответ может ожидать лишь злые насмешки.

После целого дня работы с пациентами и последующих долгих часов творческих поисков, когда Фрейд неизбежно испытывал то восхищение своими трудами, то сомнения на их счет, со-

¹ Возможно, полученное впечатление тоже внесло свою лепту в забывание Фрейдом имени художника Луки Синьорелли, чью алтарную роспись Фрейд с удовольствием рассматривал во время своего визита в Орвето.

держание его снов тесно переплеталось с впечатлениями минувшего дня, воспоминаниями о прошлом, фантазиями, мыслями о смерти и «бессмертии». Фрейд обозначил как «осуществление желания» тот элемент сна, который указывал на желание после смерти оказаться в славной этрусской могиле, а не в деревянном гробу. Но такая трансформация «мрачных ожиданий в желанные» была лишь «отчаянной» попыткой отвержения, стремлением создать приятную иллюзию, которая, однако, оказалась неспособна предупредить появление мучительного аффекта¹.

Это сновидение иллюстрирует множество идей, в том числе и о смерти, в то время еще только развивавшихся у Фрейда. Среди прочего он обнаружил, что смерть в снах может обозначаться различными символами, связанными с путешествием (корабли, поезд и т. п.).

Переписка с Флиссом и многие письма к семье и друзьям красноречиво говорят о страстной любви Фрейда к путешествиям. Во времена его мучительных борений краткие, но насыщенные поездки доставляли ему особое удовольствие и являлись действенным средством для физического и умственного отдыха.

Долгие годы поездка в Рим по ряду причин оставалась для него несбыточной мечтой. Для Фрейда, прошедшего детство и юность в крайней бедности, в атмосфере жесткой экономии, путешествия были непозволительной роскошью.

Во втором издании «Толкования сновидений» (1909) Фрейд указывал, что сны, в которых человек опаздывает на поезд и испытывает по этому поводу тревогу, в действительности выражают страх смерти, но также служат и ее отвержением — раз поезд ушел без него, значит, он не умрет. Фрейд добавлял, что сложность понимания таких снов проистекает от того, что тревога приравнивается к успокоению (выраженному в факте «опоздание»).

Здесь так же, как и во сне Фрейда с препарированием таза, попытка отрицания страха смерти или, точнее, *самой смерти* терпит фиаско. В результате возникает аффект тревоги².

Фрейд очень хорошо понимал заданность тревожных снов, включая и те, в которых опаздывают на поезд. Он сам страдал

¹ Весьма характерно для удивительной преемственности творческого мышления Фрейда, что он вновь обратился к этой мысли в «Будущем одной иллюзии», спустя почти тридцать лет. Мысль, согласно которой его дети (или ученики) смогут достичь не покорившихся ему вершин, также много раз появлялась в его работах и письмах.

Идея «бессмертия» зародышевой плазмы тщательно прорабатывалась в «По ту сторону принципа удовольствия». См. также реакцию Фрейда на рассуждение Флисса (глава 4).

² Лишь в 1919 г. Фрейд смог оценить степень участия «Я» в появлении сновидений. Даже тогда понимание этой роли «Я» было сопряжено со многими трудностями. (Более детально обсуждается в главе 12.)

от легкой формы «боязни путешествий», но она ему всерьез не препятствовала. Переписка с Флиссом тоже дает примеры обеспокоенности Фрейда мнимой опасностью поездок. Она проявлялась, когда члены его семьи или сам Флисс собирались отправиться в очередное путешествие¹. Он еще не осознавал, что эти страхи также являлись проявлением бессознательных желаний смерти. Во многих письмах к Флиссу Фрейд обнаруживал свое беспокойство всякий раз, когда долго не слышал о нем никаких вестей (например, письмо от 1 февраля 1900 г., см. главу 6).

Сон Фрейда (о замке у моря), в котором его страх смерти соседствовал с весьма приятными воспоминаниями о нескольких путешествиях, особенно характерен. Согласно ассоциациям Фрейда и письмам Флисса мы можем датировать его концом апреля 1898 г. В то время Фрейд испытывал большие перегрузки, готовя к изданию первый вариант «Толкования сновидений». Особенно трудно ему давался раздел о психологии, позже ставший седьмой главой. Эту работу ему тогда пришлось временно отложить. Со времени публикации книги Флисса их отношения подверглись тяжелому испытанию. Для окончания книги о снах Фрейд нуждался в поддержке своих добрых чувств к Флиссу, на что он ясно указывал в ряде писем.

Болезнь Флисса помешала их встрече. Вместо этого, как указывалось ранее, Фрейд вместе с младшим братом Александром отправился в весьма приятное путешествие. Письмо, которое Фрейд отправил Флиссу после этой поездки (14 апреля 1898 г.), примечательно по многим причинам. Начал он его довольно тяжеловесным юмором:

«Полагаю оправданным при написании писем не говорить о том, что уже известно собеседнику, а сообщить вместо этого что-нибудь новенькое. Потому я умолчу о том, как плохо ты чувствовал себя в Пасху — ты наверняка в курсе. Взамен я расскажу тебе о моей пасхальной поездке, которую я начал в мрачном настроении, но окончил хорошо отдохнувшим».

Затем последовало замечательное пространное описание поездки (основной мотив для вышеупомянутого сна о замке появился именно из этого источника). В конце письма Фрейд рассказал о неприятных известиях (не включенных в опубликованную версию письма), касающихся «очернительской» критики вышедшей книги Флисса.

Так как Флиссу нездоровилось, его открытия объявили работой душевнобольного, а Фрейд в это время отлично проводил время.

¹ Такая тревожная обеспокоенность возвратилась, например, в 1925 г. в виде промашки, истолкованной Фрейдом в письме к Ференци (см. *Джонс*. Т. 3 и главу 15).

Кроме того, тогда Фрейд был на пороге нового уровня понимания психики. Следовательно, он должен был «заплатить» за все это, отождествив себя с мертвым управляющим. С опорой на эти сведения выдержки из сна и ассоциаций Фрейда будут самоочевидны.

«Замок у моря; вернее, теперь он находится не у самого моря, а на узком канале, ведущем к морю. Управляющий — господин П. Я находился с ним в большой зале [напоминание об окружающей обстановке в сновидении об инъекции Ирме] с тремя окнами... Я был прикомандирован к гарнизону в качестве морского офицера-добровольца. Мы опасались появления неприятельских кораблей, поскольку находились на осадном положении. Господин П. намеревался отбыть и проинструктировал меня на случай, если дело пойдет по худшему сценарию. Его больная жена с детьми находилась здесь же, в крепости. Если начнется бомбардировка, главный зал следует эвакуировать. Он тяжело вздохнул и собрался идти, но я удержал его и спросил о том, как я смогу с ним связаться в случае необходимости. Он что-то сказал в ответ, но внезапно упал замертво. Без всякого сомнения, мне не следовало обременять его моими вопросами. После его смерти, которая не произвела на меня какого-то особого впечатления, я задумался: останется ли его вдова в замке; следует ли доложить о его смерти высшему командованию и нужно ли мне, как старшему по званию, принять теперь командование крепостью на себя? Я стоял у окна и смотрел на проходящие корабли. Это были торговые суда, стремительно проносящиеся по темной воде... Затем у меня за спиной появился мой брат, и мы оба стали смотреть из окна на канал. Внезапно мы увидели корабль и испуганно закричали: «Сюда плывет боевой корабль!» Но оказалось, что мы ошиблись: это были уже известные нам корабли, которые возвращались. Теперь к нам приближалось маленькое судно, комично разрезанное посередине. На палубе были заметны странные предметы, что-то вроде бокалов и флаконов. «Breakfast-ship [корабль для завтрака]!» — вскричали мы в один голос».

Подробно рассказав свой сон, Фрейд продолжал: «Быстрый ход кораблей, черный дым из их труб и насыщенный темно-синий цвет воды — все вместе это создавало напряженную и гнетущую атмосферу.

Окружающие меня в этом сновидении пейзажи напоминали увиденное в разных путешествиях по Адриатике (Мирамар, Дуино, Венеция и Аквилейя). Короткая, но приятная пасхальная поездка с моим братом в Аквилейю, состоявшаяся за несколько недель до этого сна, отлично сохранилась в моей памяти. Сон также напоминал о *морской войне* между Америкой и Испанией и моих тревогах в этой связи за судьбу моих американских родственников. В двух местах этого сновидения заметны проявления аффе-

та. В первый раз ожидавшийся аффект отсутствовал: смерть управляющего явно не произвела на меня должного впечатления. Когда же я подумал, что на нас идет военный корабль, я испугался и почувствовал этот испуг даже сквозь сон. Сон построен столь удачно, что эти аффекты не выявляют никакого противоречия. У меня не было причин пугаться смерти управляющего, по вполне понятно, что, как комендант замка, я должен был бы испугаться, увидев военный корабль. Анализ показал, однако, что господин П. лишь замещал меня самого. (Во сне я был *его* преемником.) Я был управляющим, который внезапно умер. Мысли сна занимала озабоченность будущим моей семьи в случае моей преждевременной смерти. Эта мысль сна была единственной травмирующей. Страх, вызванный видом неприятельского судна, должен быть включен сюда. Однако анализ показывает, что круг мыслей, из которых взят военный корабль, радостен и светел. Годом ранее, находясь в Венеции, в один изумительный день мы стояли у окон нашей комнаты на Рива-дель-Скьевони и наслаждались видом голубой лагуны, по которой в тот день проплыло куда больше судов, чем обычно. Ожидалось церемониальное появление английских кораблей. Внезапно моя жена радостно, словно ребенок, закричала: «*Сюда плывет английский боевой корабль!*» Похожие слова испугали меня во сне... Здесь, следовательно, в процессе преобразования мыслей сна в его явное содержание я трансформировал радость в страх... Этот пример показывает... что сновтворчество свободно выделяет повод к аффекту из его общей связи с мыслями сна и включает в любое место явного содержания сновидения.

Воспользуюсь возможностью более детально проанализировать образ нелепого «корабля для завтрака», появление которого нарушает всю рациональную конструкцию сна. Когда я попытался восстановить в памяти образ этого корабля, меня осенило, что он был черный... со стороны скошенной средней части он имел крайнее сходство с тем, что привлекло наше внимание при посещении музеев этрусских городов. Там мы видели прямоугольные чаши из темной керамики с двумя ручками. На них размещалось нечто отдаленно напоминающее кофейные и чайные чашки, которыми в наши дни мы пользуемся за *завтраком*. Мы задали вопрос и выяснили, что это туалет этрусской женщины с отделениями для косметики и пудры. Тогда мы в шутку заметили, что было бы неплохо захватить его к себе домой. Тот объект из сна означал, следовательно, черный «туалет», то есть траурное платье, что прямо напоминает о смерти. Другим своим концом объект напомнил мне о похоронных ладьях, в которых некогда перевозили умерших, чтобы предать их тела морю. Это объясняет, почему в сновидении корабль *возвращались*. Спасшись, старец на своем корабле тихо плыл в гавань.

Это было возвращение после кораблекрушения «shipwreck» [нем. «Schiffbruch», буквально «ship-break»] — разрезанное посередине слово «breakfast-ship». Но откуда появилось слово «breakfast» в словосочетании «breakfast-ship»? Здесь следует обратиться к слову «английский», которое в свое время было использовано в словосочетании «английский боевой корабль». Английское «breakfast» может быть представлено как «breaking fast». Слово «breaking» относится к кораблекрушению [«ship-break»], а «fasting» [воздержание от пищи] связуется с трауром.

Однако у «breakfast-ship» лишь название было образовано сновидением. Прочие подробности сна имели место в реальной жизни и были связаны с наиболее приятными эпизодами моего последнего путешествия. Сомневаясь в возможности раздобыть в Аквилею подобающую пищу, мы взяли с собой из Гориции некоторый запас провизии, а в Аквилею купили бутылку превосходного истрийского вина. И пока маленькое почтовое судно медленно двигалось по каналу Дель-Мее через пустую лагуну к Градо, мы, бывшие его единственными пассажирами, организовали на палубе замечательный завтрак. Настроение у нас было великолепное, и вкус пищи казался нам особенно приятным. Это, стало быть, и был тот самый корабль для завтрака [breakfast-ship]. Именно за этим воспоминанием, связанным с наиболее приятными жизненными событиями, сон скрывал мрачные мысли о неизвестном, зловещем будущем.

Обсуждая сон «pop vixit», я говорил о глубоко укоренившемся конфликте Фрейда, отличительной чертой которого может быть названа «вина выжившего» или проблема «призраков». Во сне о замке присутствует сходный мотив. Противостояние одновременно существовавших в душе спящего чувств счастья и вины за то, что это счастье стало возможным как бы за счет его любимого друга, неизбежно вело к мучительным терзаниям. «Кто я такой, чтобы сравнивать себя с Коперником, Галилеем и Дарвином, когда человека, теориями которого я так восхищался, считают сумасшедшим? Увижу ли я Рим? Ведь мой отец так там и не побывал, да и сам Ганнибал не смог пройти дальше Тразименского озера, а Моисей увидел обетованную землю только издалека?»

Несколько лет спустя, во время другого путешествия, этот внутренний конфликт вспыхнул с новой силой (см. главу 7), проявившись в ряде симптомов. Наиболее существенный из них был связан с предрассудком «предначертанной продолжительности жизни».

Впервые Фрейд упомянул о 51-летнем возрасте как о роковом в своем письме Флиссу от 22 июня 1894 г., находясь под впечатлением смерти физика Кюндта. Во 2-й главе я говорил, что в действительности Кюндт умер в 54,5 года, а не в 51. В этом смысле

весьма примечателен следующий сон и некоторые ассоциации Фрейда, приведенные к нему на страницах «Толкования сновидений». Это сновидение было изложено в главе «Абсурдные сны», а анализ приводился в нескольких местах по тексту книги. Прежде чем подойти к вопросу значимости числа 51, я затрону несколько относящихся к нему моментов.

«Я получил сообщение от общинного совета моего родного города, касающееся оплаты за оказанные в 1851 г. услуги госпиталя. Я был весьма удивлен, поскольку, во-первых, в 1851 г. я еще не родился; а во-вторых, мой отец, которому могли быть оказаны услуги такого рода, к тому времени уже умер. Однако я зашел в соседнюю комнату, где он лежал на кровати, и обо всем ему рассказал. К моему изумлению, он вспомнил, что в 1851 г. он был сильно пьян и, видимо, его куда-то отправили. Это было в то время, когда он работал на Т. «Стало быть, выпивка была для тебя обычным делом? — заинтересовался я. — Ты вскоре и женился?» Я без труда высчитал, что родился в 1856 г., который, как мне показалось, непосредственно следовал за 1851 г.»

Вначале Фрейд обратил внимание, что образ отца, превратившийся в рамках явного содержания сна в объект насмешек, фактически служил «ширмой для кого-то еще». По контрасту с принятой им ранее процедурой толкования сна «*non vixit*» здесь Фрейд прежде обратил внимание на свои текущие и недавние конфликты, а не на конфликты детских лет. Рассуждая об этом сне, он вспомнил об удивленном и критичном отношении его старшего коллеги (Брейера) к факту психоаналитического лечения пациента, продолжавшегося тогда уже пятый год. «Что такое четыре-пять лет по сравнению с продолжительностью всей жизни?» — парировал Фрейд и продолжал:

«Наиболее вопиющая абсурдность этого сна в соединении 1851-го и 1856 гг., *словно разница в пять лет не имеет никакого значения*. Но именно эта мысль и составляет смысл сна. Именно в течение *четырёх-пяти лет* я имел удовольствие пользоваться поддержкой упомянутого коллеги; такой же срок моя невеста ожидала нашей свадьбы. И, хотя последнее совпадение носит случайный характер, которым, однако, мысли сна не преминули воспользоваться, в течение этого же времени я пытался добиться окончательного выздоровления одного из своих пациентов. «Что такое пять лет?» — вопрошали мысли сна. «*Это совсем не много. У меня еще достаточно времени. И раз я, в конце концов, преуспел в одном, хотя вы в мой успех и не верили, то и здесь я тоже достигну своей цели*». Помимо этого, однако, само число 51 (обособленное от 1851 г.) имеет иной, противоположный

смысл, и не случайно оно появлялось во сне несколько раз. Возраст в 51 год представляется мне особенно опасным; я знал коллег, которые внезапно умерли именно в этом возрасте. Один из них получил долгожданное профессорское звание всего за несколько дней до своей смерти».

Здесь 51-й год жизни также связывается с внезапной смертью 51-летнего коллеги и появляется в контексте ошибочного восприятия времени, которое опять же фигурирует в связи с возрастом, в котором умер Кюндт. (Однако у нас нет возможности судить, знал ли Фрейд вообще о точной дате рождения Кюндта.)

Фрейд дважды возвращался к толкованию этого сна. При этом он утверждал, что сон был стимулирован его стремлением к широкому признанию в обществе гипотез об этиологии неврозов. Разумеется, он желал того же и для своей теории сновидений. Фрейд показал, что он обнаружил абсурдность математической части сна:

«...алгебраическое равенство... знаки «плюс» и «минус», индексы и квадратные корни и все это так, словно кто-то переписал его, не понимая его смысла, смешав в беспорядке числа и символы».

Но кто пользовался комплексными формулами такого рода?

В последней главе «Толкования сновидений» Фрейд опять обратился к «абсурдному сну» и отметил:

«Во внешне абсурдном сне, где различие между числами 51 и 56 было воспринято как несущественное, число 51 упоминается несколько раз. Вместо того чтобы принять этот факт как само собой разумеющийся или просто проигнорировать его, мы пришли к заключению, что в скрытом содержании сна существовала вторая линия мыслей, связанная с числом 51. С ее помощью выказывает себя мой страх перед 51-летним рубежом как пределом моей жизни, что находится в разительном противоречии с преобладающим ходом мыслей, хвастливо заявляющих о том, как много еще мне осталось [прожить]. Во сне «non vixit» есть малоприметный фрагмент, на который вначале я не обратил должного внимания: *«Так как П. его не понял, Фл. спросил меня»* и т. д. Когда толкование зашло в тупик, я вновь обратился к этим словам. Это помогло мне выйти на детскую фантазию, оказавшуюся промежуточной опорной точкой в мыслях сна».

Здесь Фрейд открыто говорит о своих страхах в связи с приближением своего 51-го дня рождения и непосредственно возвращается ко сну «non vixit», в котором Панес именовался П., а Флисс — Фл.

Несмотря на то что в 1894 г. 51-летний возраст связывался со смертью Кюндта, в сентябре 1896 г. Фрейд утверждал: «Я был бы очень рад дожить до того прекрасного возраста, который ограничен примерно 51 годом».

К тому времени Флисс преуспел в развитии своей теории периодичности, оперировавшей числами 28 и 23 как показателями женского и мужского периодов, и «спрогнозировал», что 51-й год жизни (28+23) окажется для Фрейда роковым или, по крайней мере, критическим. Фрейд, думая, что он страдает сердечным заболеванием, хотел дожить хотя бы до 40—43 лет, а возраст 51 год представлялся ему пределом мечтаний. С постепенным улучшением его самочувствия 51-летний предел стал скорее пугать, чем вселять надежду. Хотя Фрейд и не верил в теории Флисса, тем не менее они оказывали на него определенное влияние. Ему часто спились запутанные вычисления. Множество из таких снов также было связано с рождением и смертью (см., например, обсуждение его сна о критике со стороны Гёте господина М.).

Наряду с тем, что числа, фигурировавшие в ожидаемых (и пугающих) сроках окончания его жизни, были связаны с вычислениями Флисса, они, по-видимому, были связаны и с собственными «критическими периодами» Флисса, отличаясь на один-два года. В связи со сновидением «non vixit» я указывал, что 40-летний рубеж являлся для Флисса «крайне критическим» и «наиболее важным». «Критический период» Фрейда приходился, соответственно, на 41—42-й год жизни. Возраст 51 (52) года, рассчитанный как сумма двух критических периодов 28 и 23, имел сходное значение, затем следовали 61-й и 62-й годы¹. Я уже указывал на возможную связь между этой теорией, с подчеркиваемым расхождением в один-два года от «критических» дат Флисса, и датами рождения и смерти младшего брата Фрейда.

Фрейд всегда отмечал, что каждый симптом имеет множество определяющих факторов, которые в своей совокупности и создают специфику его проявления. Разумеется, это относится и к наблюдавшемуся у Фрейда предрассудку «предначертанной продолжительности жизни». Новая информация о семье Фрейда, оказавшаяся доступной благодаря изысканиям Шайнера (см. главу 1), оправдывает переоценку этого сна в поисках таких дополнительных факторов.

Комментируя этот сон, Фрейд говорил:

«Из предыдущего обсуждения следует заключить, что пастовичность, с которой данный сон выказывает свою абсурдность, должна быть воспринята как свидетельство присутствия в мыслях сна

¹ Об определяющих факторах этого «критического» возраста см. в главе 7.

ожесточенного и страстного спора. Тем больше оснований удивляться тому, сколь открыто этот спор проявился во сне, обратив моего отца в объект явных насмешек. Такая открытость, по-видимому, противоречит нашим положениям о действии механизма цензуры сновидений».

Мы можем здесь обнаружить яркую аналогию со сном «*pop vixit*», когда Фрейд также ставил вопрос о том, каким же образом оказалось возможным проявление столь явного удовлетворения от «смерти» Флисса, «случившейся» прежде его собственной. Он объяснял это обстоятельство, говоря об укреплении «нынешней обоснованной привязанности» к Флиссу детской привязанностью. В то же время Фрейд связывал свое желание смерти Флисса исключительно с «инфантильной несправедливостью» к племяннику Джошу, своему другу-сопернику.

Объяснение Фрейда, почему и на этот раз не сработала цензура сновидения, допустив превращение отца в объект насмешек, было еще более усложненным и неувязным.

В явном содержании этого «абсурдного сна» числа 1851 и 1856 имели особый смысл. В толкованиях Фрейда действительный пятилетний период (между 1851-м и 1856 гг.) претерпевал ряд изменений, временами уменьшаясь до четырех лет. Он соотносил этот отрезок времени с продолжительностью своей помолвки и длительностью психоаналитического лечения одного из своих пациентов. Кроме того, Фрейд связывал «ожесточенный и страстный» спор из сна со скептическим отношением Брейера к продолжительности этого лечения и своими собственными уничижительными замечаниями в адрес отца. В этой связи он также вспомнил о своем учителе, неврологе Мейнерте, жестко критиковавшем его взгляды на природу истерии. Мейнерт одно время также пристрастился к наркотику (хлороформу), на смертном одре признавшись ученику, что сам был «одним из характернейших примеров мужской истерии».

Как Фрейд объяснял роль своего отца в данном сне? С одной стороны, он говорил:

«...предложение *«Я зашел к нему в соседнюю комнату»*... воспроизводит обстоятельства, при которых я впервые сообщил отцу о своей помолвке, что оказалось для него совершенной неожиданностью. Таким образом, эта фраза напомнила мне о потрясающей благожелательности, с которой пожилой человек воспринял сложившуюся ситуацию».

С другой стороны, Фрейд обнаружил в этом сновидении «пример активности оценочного процесса».

«В абсурдном сне... я спросил: *«Ты вскоре и женился?»* Я без труда высчитал, что родился в 1856 году, который, как мне показалось, наступил сразу же за 1851-м. Все это имело форму последовательных логических заключений. Мой отец женился в 1851-м, сразу после описанного инцидента; я, естественно, старший в семье и родился в 1856-м; что и следовало доказать. Как мы видим, это неверное заключение появилось в интересах воображаемого исполнения желания. Преобладающие мысли словно торопились заявить: *«Четыре-пять лет — это вообще не срок; это не в счет»*. Однако каждая часть этого умозаключения как по содержанию, так и по форме объясняется иначе в мыслях сновидения. Жениться сразу по окончании лечения решил мой пациент, продолжительность психоанализа которого вызвала нарекания со стороны моего коллеги».

Далее Фрейд сопоставил тон приснившейся ему беседы с отцом с манерой одного университетского профессора, выпытывавшего у студентов имена их отцов, чтобы на этом основании делать «умозаключения» (о еврейском происхождении студента):

«Таким образом, *сделанное во сне умозаключение* является лишь *повторением* другого, представляющего собой часть материала в мыслях сновидения. [Далее следует сгущенное и довольно загадочное утверждение:] Отсюда возникает кое-что новое. Если умозаключение появляется в содержании сна, то, без сомнения, оно проистекает из мыслей сна; но оно также может быть представлено как фрагмент воспоминаний или связывать ряд мыслей сна в логическую цепочку. Тем не менее умозаключение из сна в любом случае представляет умозаключение мыслей сна».

Ассоциации Фрейда неоднократно возвращались к мысли «четыре или пять лет — это не в счет». Однако ему не удавалось выдвинуть прямых ассоциаций к элементу явного содержания сна, согласно которому 1856 г. — год его собственного рождения — оказался ему непосредственно следующим за 1851 г. На самом деле Фрейд родился через год после женитьбы Якоба Фрейда на своей третьей, последней жене, Амалии (29 июля 1855 г.).

С помощью письма Фрейда к Флиссу, написанного 1 августа 1899 г. (через три дня после очередной годовщины свадьбы родителей Фрейда), мы можем установить приблизительный срок появления толкования данного сна. В этом письме он указывал, что «пробел, возникший в результате изъятия тобой большого сна, следует заполнить малым собранием других снов (безобидными, абсурдными, связанными с вычислениями и разговорами)».

Еще одну из ассоциаций Фрейда следует упомянуть, прежде чем поставить ряд вопросов. Приведа аналогию с алгебраическим

равенством, содержащим знаки «плюс» и «минус», индексы и квадратные корни, которое словно бы кто-то переписал, не понимая его смысла, смешав в беспорядке числа и символы математических операций, Фрейд продолжал:

«Оба приведенных аргумента [в содержании сновидения] могут быть увязаны со следующим материалом. Мне тяжело смириться с тем, что некоторые постулаты, лежащие в основе моих объяснений психоневрозов, будут встречены скептически и насмешливо. Например, я утверждаю, что впечатления второго года жизни, а иногда даже и первого оставляют глубокий след в душе заболевшего впоследствии человека и что эти впечатления могут образовывать глубочайшее основание для истерических симптомов. Пациенты, которым в подходящий момент я имел возможность это объяснить, обычно встречали мое сообщение с иронией, заявляя о своей готовности постараться припомнить даже и то, что *произошло с ними еще до момента рождения*».

В связи с тем что в 1852 г. (через год после 1851-го) Якоб Фрейд женился на женщине, которая не была матерью Фрейда, мы можем задаться рядом вопросов, не забывая, однако, об их умозрительной природе: не спрашивал ли Фрейд в своем сне отца о том, на ком он женился «вскоре после» 1851 г.? Не являлись ли выводимые Фрейдом «умозаключения» и его упорный поиск, связанный с мыслью о том, что «четыре или пять лет — не в счет», выражением того же мотива? Могли ли его ассоциации касательно его пациентов, иронично заявлявших о своей готовности постараться припомнить и то, что «произошло с ними еще до момента рождения», также быть связаны с таинственной второй женой отца, о которой он, возможно, когда-то слышал (еще во Фрайберге)? Наконец, могла ли и мистическая дата 1851 г. повлиять на уверенность Фрейда в критичности для него 51-го года жизни?

Заключительный комментарий к вопросу о том, мог ли Фрейд бессознательно догадываться о существовании второй жены своего отца, является исключительно теоретическим. Свой отчет, в котором Фрейд говорил об осознании им ошибочности теории соращения, он закончил так:

«Продолжая мое письмо... мне следовало бы чувствовать себя очень несчастным. Прекрасны были надежды на бессмертную славу, так же как и на крепкое здоровье, возможность стать абсолютно независимым, путешествовать и, наконец, избавить своих детей от всех тех трудностей и забот, которые отравляли мою собственную молодость. Все это зависело от того, как решится вопрос с истерией. Теперь я вновь должен обуздать свои порывы и стать скромнее, погрузиться в мелочные заботы и грошовую

экономии, совсем как в той истории из моей коллекции [еврейских анекдотов]: «*Ребекка*, ты можешь снять свое свадебное платье, ты уже больше не невеста!» [Письмо от 21 сентября 1897 г.; курсив мой. — М. III.]

Эти строки были написаны менее чем за две недели до письма, появившегося 3 октября. Значение этой еврейской шутки лежит на поверхности: «Когда-то ты была горделивой невестой, но свадьба кончилась, пришли обычные заботы — пора снять свой праздничный паряд».

Почему появилась эта шутка? Что дало Фрейду повод посчитать возможным идентифицировать себя с женщиной, разжалованной из королев бала в служанки? Случайно ли в ключевой строке этой шутки появилось имя таинственной второй жены его отца?

ОКОНЧАНИЕ «ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ»

Теперь обратимся от снов Фрейда к его переписке последних лет дружбы с Флиссом. В этот период конфликт между позитивными и негативными тенденциями в их отношениях нарастал. Нежелание Фрейда принять гипотезы Флисса вызвало у того чувство горькой обиды. О неизбежности грядущего разрыва свидетельствовали и успехи Фрейда в самоанализе и его все более углублявшееся понимание законов функционирования человеческой психики. Однако сначала должно было быть завершено «Толкование сновидений».

Флиссу нездоровилось, когда 5 декабря 1898 г. Фрейд написал ему очередное письмо:

«Ввиду твоей болезни предвижу *очередную паузу* в нашем обмене идеями, который, как ты заметил, по большей своей части уже завершился. [Курсив мой. — М. III.] Иногда мне так хочется отведать крепкий глоток восхитительного виноградного вина, хотя его и нельзя назвать «глотком вод Леты»¹. Но я опасаясь пристраститься к очередной вредной привычке».

Однако 20 декабря Фрейд писал: «Эти три месяца разлуки показали мне необычайно долгими».

В конце декабря Фрейд и Флисс опять встретились, на этот раз в Вене, где жила сестра жены Флисса, супруга доктора Рие. Эта встреча дала новый творческий импульс, но пробуди-

¹ Тот же намек присутствовал в письме от 12 декабря 1897 г.

ла и болезненные чувства, что отразилось в первом письме, написанном Фрейдом после их встречи (3 января 1899 г.). Оно начинается так:

«Вышло так, что я сам стал первым человеком, от кого получил новости. Падающий метеор оставляет после себя светящийся след, надолго озаряющий темные небеса. Для меня этот проблеск еще не угас, и в его лучах я вдруг увидел нечто любопытное...»

После этого поэтического вступления Фрейд заявил о разрешении очередной загадки психологии сновидений, которое он рассматривал как имеющее «универсальное» значение и потому способное послужить ключом к пониманию прочих психических процессов. Письмо было закончено днем позже следующими словами:

«До твоего появления я жил во мраке уныния, но теперь победил все свои слабости, присоединив силу твоего ровно пылающего пламени к своему дрожащему огоньку; после твоего ухода я вновь обрел возможность открыть глаза. То, что предстало перед нами, — прекрасно и замечательно. Неужто это все из-за того, что очередная переломная грань периода еще не достигнута? Не слишком ли большая роль приписывается фактору времени?»

За этими фразами скрывалась надежда, что Флисс, считавший все события человеческой жизни заранее предопределенными некими таинственными датами, все-таки сможет оставить в своей крайне жесткой системе исчислений место и для психологических факторов.

Однако сбыться ей было не суждено. Флисс не мог отказаться от своей системы, а Фрейд, очевидно, по-прежнему не желал окончательно избавиться от иллюзии по поводу особой одаренности и великих научных заслуг Флисса (по крайней мере, тогда он был к этому еще не готов).

В письме от 6 февраля 1899 г., пытаясь помочь Флиссу, вероятно столкнувшемуся с проблемой страха смерти, испытываемого пациентами, страдающими от органических недугов, Фрейд писал:

«Судя по твоему описанию, несчастный С. напомнил мне об одной из наиболее неприятных сторон нашей современной медицины. Искусство вводить пациента в заблуждение у нас определенно не на высоте. К чему пришел человек, сколь ничтожно мало влияние авторитета науки, заменившего, по-видимому, авторитет религии, если теперь уже не осмеливаются открыть человеку правду о том, что его ожидает. Христианин, по крайней мере, может рассчитывать на последнее причастие. Шекспир сказал: «Ты обязан Природе [Богу] смертью». Надеюсь, что когда при-

дет мое время, то рядом со мной окажется достойный человек, который отнесется ко мне с большим уважением и сможет подсказать мне время, когда мне должно будет ждать конца. Мой отец прекрасно знал о том, что его ожидало, и встретил неизбежное с завидным достоинством».

Несложно представить, каково было мне читать эти строки спустя десять лет после смерти Фрейда. В последующие годы Фрейд настаивал, чтобы от него не скрывали ничего важного из информации, касающейся его болезни. Он, как того всегда желал, получил возможность встретить свой конец достойно. Воспоминания о том, как умирал его отец, обреченный угаснуть от пневмонии, равно как и сама роковая дата (см. письмо от 29 сентября 1896 г.), должны были иметь для Фрейда очень большое значение в его последние годы.

Некоторые строки из письма, написанного Фрейдом 19 февраля 1899 г., производят зловещее впечатление. Кто мог знать, что использованная тогда им метафора спустя двадцать четыре года в точности воплотится в трагической реальности?

«То же самое происходит с тобой, так что у меня нет оснований стыдиться. Ты тоже начал писать свое письмо 11-го числа, но продолжил лишь 16-го. 16-го ты не мог писать ни о чем другом, кроме как о непосильной работе, которой приходится отдавать все свои силы и которая постепенно поглощает все твои способности и чувства, словно раковая опухоль, внедряющаяся в организм человека и в конце концов окончательно его уничтожающая. Со мной происходит еще худшее. Работа и заработок для меня совпадают. Я совершенно превратился в какое-то новообразование. Сегодня мне предлагают сходить в театр, но эта затея столь же нелепа, как попытка удалить заслуженную опухоль. Ничто постороннее помешать мне уже не может. Отныне и до конца своих дней я представляю собой именно вот такое новообразование».

Фрейд часто говорил о некой внутренней движущей силе, побуждавшей его к дальнейшей работе, как о «тиране», которому он вынужден покоряться. Здесь — и, насколько мне известно, он больше никогда об этом не писал — он назвал эту силу новообразованием, пожирающим все, что в нем еще оставалось человеческого. Почему Фрейд воспользовался тогда этой метафорой? Помимо нее в том же письме Фрейд упомянул о своем новом открытии в области проблемы симптомообразования. Из его слов следовало, что он относился к мастурбации не только как к «первичной склонности», но и как к «первородному греху». Считал ли Фрейд, что будет наказан за собственную склонность к курению, которую рассматривал в качестве производной от «первич-

пой склонности»? Полагал ли он позже, что «внутренний тиран» наказывает его за дерзость, на которую он осмелился, взявшись раскрыть великие загадки психики? Ведь за способностью «подобно Богу, выдать добро и зло»¹ следует изгнание из Рая!

Я не склонен разделять существующее мнение о том, что его подсознание якобы «знало» о болезни за двадцать четыре года до начала ее проявления. Не считаю я и что раковое заболевание Фрейда следует рассматривать как *прямое* следствие его чувства вины за «первородный грех» или что-либо другое. Однако я полагаю, что Фрейд никогда не забывал об этой метафоре, так что некоторые другие выражения, которые он использовал в своих письмах, появившихся в последний год его жизни, приобретают новый, трагический смысл. В конечном итоге Фрейд «наказал» себя: хотя его болезнь не проистекала из чувства вины, неумеренным курением Фрейд сам провоцировал ее рецидивы.

Как бы то ни было, Фрейда не слишком часто мучил гнет его «тирана». В письме от 5 марта 1899 г. он делает вполне справедливое замечание: «Весь этот труд многое сделал для моей душевной жизни. Несомненно, я сейчас намного более нормален, чем четыре-пять лет назад».

Улучшилось не только душевное состояние Фрейда. 25 мая, сообщив Флиссу о мигрени, зафиксированной согласно периоду 28+28/2, Фрейд писал:

«В понедельник утром, как в старые добрые времена, я вместе с Х. взошел на Ракс². На подъем ушло три с половиной часа и два с половиной — на спуск. Только на этот раз Ракс подрос по крайней мере метров на 500. Мое сердце замечательно перенесло все это».

Это лето Фрейд провел рядом с Берхтесгаденом на очень удобной расположенной вилле, где мог гулять, собирать грибы и работать над своей книгой о снах. Чувствовал он себя очень комфортно и пожаловался лишь однажды, испытав после пяти часов непрерывной работы над очередным письмом легкую «писчую судорогу».

Все лето и начало осени Фрейд слал Флиссу гранки своей книги о сновидениях, принимая его критику, комментарии и одобрительные замечания. В ответ на очередное письмо Флисса 27 июня 1899 г. Фрейд пишет:

«Очень благодарен тебе за незаслуженно большое письмо. Я приготовился смиренно ждать, не сетуя, как это бывало обычно, на тяготы бесконечного пути. Надеюсь, что своим путем ты при-

¹ Цитата из «Фауста» Гёте.

² Гора высотой порядка 2000 метров, находящаяся недалеко от Вены.

дешь даже к еще более интересным открытиям и, как новый Кеплер, осветишь для нас непреложные законы действия биологических механизмов».

На первый взгляд письмо изобилует высокопарными оборотами. Однако немецкие слова, использованные Фрейдом в последнем предложении этого абзаца, напомнили мне об одном из его любимых мест в поэме Шиллера «Мудрость мира». Фрейд касался этой поэмы и в своей статье «Ширма памяти», о которой упоминал в ранее процитированном письме Флиссу от 25 мая.

В этой сатирической поэме Шиллер иронизировал над метафизиками, поэтами, Локком и Декартом, философами, священниками и профессорами, утверждая, что лишь Природа способна заботиться о вечном круговороте жизни на Земле. В этой поэме есть и такие строки, особенно полюбившиеся Фрейду:

«Пока философия судит о мире, она [Природа] чрез голод и любовь не дает порваться нити бытия». (Переведено в прозе.)

В своей статье (1899) Фрейд называет голод и любовь «двумя наиболее могучими движущими силами». Используя в своем письме сходные слова, Фрейд, по сути, говорит Флиссу: «Возможно, ты и есть новый Кеплер в биологии; но я считаю, что именно инстинктивные силы — голод и любовь — определяют человеческие поступки». Я не утверждаю, что Фрейд был готов сознательно выразить такие мысли, но в связи с противоречивостью отношений между ним и Флиссом двойственность столь возвышенной оценки представляется несомненной.

Когда аналитику, проводящему биографическое исследование, приходится иметь дело с подобной информацией, он попадает в весьма сложное положение. Ему известны некоторые обстоятельства прошлого и будущего и, до известной степени, пути, по которым шло развитие. Я осмелюсь последовать здесь примеру Фрейда — «*si licet parva comparare magnis*» (если можно сравнить малое с великим) — и обращаться к моим собственным ассоциациям, увязав их с дальнейшими событиями, которые будут подробно обсуждаться в рамках периода, когда они происходили.

Несколькими страницами ранее я упоминал о тех чувствах, что овладели мной при знакомстве с той самой «раковой» метафорой из письма Фрейда от 19 февраля 1899 г. 27 августа 1899 г. Фрейд сообщил Флиссу, что он работает над седьмой, самой важной главой «Толкования сновидений», и отметил: «Я больше не намерен пытаться ее исправлять. Пусть там будет 2467 ошибок — я все равно их оставляю».

В это время Фрейд уже понял значение промашек. В «Психопатологии обыденной жизни» утверждалось, что фактически ни-

что в нашей психической жизни не является совершенно случайным. Отталкиваясь от этой мысли, Фрейд добавил к вышеупомянутому письму следующий постскриптум, который практически без изменений был затем включен им в «Психопатологию»:

«Готов поспешно добавить к психопатологии обыденной жизни следующее. Ты не можешь не заметить, что в письме я упомянул число 2467 достаточно свободно, произвольным образом оценив количество ошибок, которые можно будет найти в моей книге сновидений. Я просто хотел сказать, что ошибок очень много, но почему-то выделил именно это число. Однако ничто в наших поступках не является случайным или беспричинным. В этой связи ты справедливо можешь полагать, что именно бессознательное определило число, впоследствии появившееся вдруг в моем сознании. Незадолго до того я читал газету, где сообщалось об отставке генерала Е. М., покинувшего свой пост в звании фельдцейхмейстера. Объясняя тебе мою заинтересованность. Когда я служил в должности младшего офицера медицинской службы, этот человек однажды зашел в лазарет (тогда он был полковником) и обратился к старшему офицеру: «Вы должны привести меня в порядок за неделю, поскольку я должен выполнить некоторое поручение, в котором заинтересован наш император». После этого случая я решил следить за его карьерным ростом, и вот он уже (1899) отставной фельдцейхмейстер. Я хотел посчитать, за сколько лет он проделал этот путь, исходя при этом из того, что видел его в госпитале в 1882 г. Понятно, что с тех пор прошло семнадцать лет. Я рассказал об этом своей жене, и она заметила: «Стало быть, и тебе пора на покой?» — «Боже упаси!» — воскликнул я. После этого разговора я сел писать тебе. Но по понятным причинам он продолжал жить во мне. Я сосчитал неверно; об этом говорит имеющийся в моих воспоминаниях спорный пункт. В 1880 г., то есть девятнадцать лет назад, я вынужден был встретить свой двадцать четвертый день рождения под арестом (за самоволку). Таким образом, число 24 определяет первые две цифры в числе 2467. Теперь, если к моему настоящему возрасту (43 года) прибавим эти 24, то получим как раз 67. Иными словами, в ответ на вопрос о том, не желаю ли я тоже отправиться на покой, мое желание приписало мне еще 24 года полноценной жизни¹. Очевидно, я весьма огорчен, что за все то время, пока я следил за карьерой М., сам я не достиг столь высоких степеней. Но вместе с тем я чувствую себя удовлетворенным тем, что его карьера закончилась, тогда как передо мной еще открыты все возможности. Таким образом, всякий может согласиться, что даже

¹ То есть дополнительный срок, соответствовавший требовавшемуся для достижения совершеннолетия.

спонтанно возникшее у меня в голове число 2467, по всей видимости, появилось не случайно и вполне может объясняться влиянием со стороны бессознательного».

Фрейд достиг своего 67-летия в 1923 г., и именно в этом году заболел раком! Еще раз повторю: я отнюдь не считаю, что Фрейд в свои 67 лет заболел раком лишь потому, что в 43 года пожелал себе еще 24 года плодотворной работы. Тем не менее, когда в 1923 г. у Фрейда был обнаружен рак, он встретил это известие с необычайным спокойствием (см. главу 13). Столь нехарактерное для Фрейда поведение сложно объяснить. Не было ли то отражением его раннего желания, смиренным принятием того, о чем он сам просил? Мог ли он в действительности сказать: «Судьба дала мне еще 24 года, как же я смею жаловаться?»

Здесь мы не можем не видеть целого ряда существенных связей между некоторыми выражениями, которые Фрейд использовал в своих письмах, и последующими событиями, имевшими непосредственное отношение к его смертельной болезни. К таким выражениям следует отнести слово «усыхает», которое он использовал, говоря о неизбежности скорой смерти своего отца, определение мастурбации как «первичной склонности», выражение желания, чтобы его не обманывали, а честно сообщили всю правду, когда настанет для него время умирать. Также это и сравнение себя с «новообразованием», объяснение симптомообразования как компромисса между удовольствием и наказанием за него, как в случае мастурбации, и выраженное желание дожить до 67 лет. Вдобавок можно вспомнить и об одном неопубликованном письме Фрейда, где он говорил о своей «частой фаталистической убежденности» (письмо от 28 апреля 1900 г.; см. главу 6).

Хотя я могу лишь предполагать наличие связи между вычислениями Фрейда, говорящими об ожидающей его в 67 лет «отставке» с удивительным спокойствием, с которым он встретил роковое известие о своей болезни в 1923 г., у нас имеется на этот счет толкование самого Фрейда (изложенное в письме от 1909 г.). Посредством сходных вычислений он связывал тогда год своей предполагаемой смерти с «судьбоносным» 1899 г.

11 сентября 1899 г., через две недели после известия о возможном наличии в «Толковании сновидений» 2467 ошибок, Фрейд сообщил, что отдал в печать рукопись этой своей книги и что уже чувствует наступление нового спада, неизбежно следовавшего за периодом колоссальных творческих усилий. Любопытно, что критика Фрейдом собственной работы в основном относилась к особенностям ее стиля, а депрессивный настрой проявлялся — как это обычно бывало по возвращении с отдыха — в недовольстве Веной, городом, в котором он не мог получить ни профессорского звания, ни приличной медицинской практики, позволившей бы ему изба-

виться от финансовых проблем. Даже тогда Фрейд по-прежнему испытывал денежные трудности и знал, что его настроение во многом определяется ими. 21 сентября 1899 г. он написал Флиссу:

«Ты убедишься, что мой стиль улучшится и идеи станут более интересными, когда в этом городе появится наконец возможность жить обеспеченно».

Ответное письмо Флисса, видимо, смогло помочь Фрейду лучше понять один из более глубоких истоков надвигавшегося творческого спада, последовавшего за окончанием «Толкования сновидений». (Здесь мы можем видеть пример того, что Флисс был для Фрейда не просто «резонатором». Должно быть, имели место и другие подобные случаи.) 4 октября 1899 г. Фрейд отвечал:

«Ты очень точно описал те мучительные чувства, которые переживаешь при расставании с чем-то очень близким твоему сердцу. Должно быть, поэтому мне столь тяжело. Впрочем, теперь я уже более-менее оправился. В моем случае все, наверное, должно было протекать еще более мучительно, поскольку я оторвал от себя не какое-то абстрактное достояние, а собственные переживания. До появления книги об истерии еще очень далеко¹. В это время к работе у меня нет никакого стремления.

Быт и болезни вновь заявляют о себе. Впрочем, их первая жертва -- Эрнст [старший сын Фрейда] — уже снова здоров. В остальном пока все хорошо.

Мое настроение по-прежнему бодрое. Когда произойдет очередной срыв, я дам тебе очередные сведения для твоих вычислений. Судя по тем периодическим колебаниям, что с нами в последнее время происходят, появляются вполне достаточные основания, чтобы говорить о внешней этиологии».

Уже в этом письме вполне определенно проглядывают зачатки тех идей, которые позже привели Фрейда к акцентированию внимания на понятии страха разлуки, влиянии потери эмоционально близкого объекта на развитие депрессии и специфике состояния матерей после родов, чьи эмоциональные реакции на окончание беременности могут быть представлены в широком спектре, начиная от чувства легкой грусти (независимо от чувства радости из-за появления ребенка) до тяжелой послеродовой депрессии².

¹ Фрейд работал над «Фрагментом анализа случая истерии». Эта работа была опубликована только в 1905 г.

² В этом отношении весьма характерен нетипичный, но весьма показательный оборот, использованный Фрейдом, когда он говорил, что являющийся его достоянием (*Eigentum*) идеи и чувства «отделяются» от него.

Глава 6

СМЕРТЬ ДРУЖБЫ

Дата написания письма, рассмотренного в последней главе, имеет важное значение. Отец Фрейда, как известно, умер в октябре 1896 г. В октябре 1897 г., то есть годом позже, Фрейд сообщил Флиссу о своих революционных открытиях, опиравшихся на реконструкцию событий детских лет. Тогда он забыл о 39-м дне рождения Флисса. Октябрь 1898 г. был для Флисса наиболее критическим — сорокалетие, операция, сон «*non vixit*». Наконец, в октябре 1899 г. Фрейд подготовил первый экземпляр книги о сновидениях как подарок к 41-му дню рождения Флисса. При этом в последнем абзаце письма Фрейд допустил не слишком тонкий намек на истинную ценность проводимых Флиссом вычислений.

Несомненно, было бы интересно узнать об ответной реакции Флисса. Фрейд сам озаботился этим вопросом. Молчание Флисса показалось ему подозрительно долгим. Возможно ли, что того могли обидеть некоторые фрагменты книги? Однако Фрейд вскоре узнал, что Полина, маленькая дочь Флисса, серьезно заболела. Флисс, как это следует из последующих писем, видимо, связывал ее болезнь с влиянием некоторых фатальных периодов, которые, как он полагал, способствовали и смерти его сестры Полины. Фрейд пытался переубедить его, стараясь указать на наличие рациональных медицинских оснований и укоряя за то, что он не разделяет его беспокойства. 9 ноября 1899 г. он писал:

«Я всегда вел себя иначе. Неделями я жаловался тебе на разные пустяки, рискуя вызвать у тебя недовольство. Однако я рассчитывал, что ты не рассердишься, хотя я определенно предпочел бы поговорить с тобой о чем-нибудь более приятном и обнадеживающем».

Фрейд научился все-таки не жаловаться Флиссу!

Ностальгия, которую Фрейд испытывал по времени той героической борьбы, его реакция, которую я сравнил с «послеродовым»

кризисом, может служить объяснением ошибочного датирования им двух следующих писем к Флиссу. Первое из них было датировано 12 сентября 1899 г., следующее — 19 сентября 1899 г. Судя по их содержанию и сравнив их даты с «вечным календарем», я предположил, что на деле они были написаны соответственно 12 и 19 ноября того же 1899 г.

Фрейд окончил переписку этого года и столетия стихотворением — единственным встреченным в письмах к Флиссу и, насколько мне известно, одним из весьма немногих им написанных. Оно появилось в честь рождения второго сына Флисса, явившегося в мир на пороге нового столетия. Стихотворение славит гипотезы Флисса о зачатии и возможности влияния на пол будущего ребенка. Ее содержание вызывает воспоминания о том, каким образом Фрейд в свое время откликнулся на идею Флисса о существовании мистической связи между заболеванием матери и зачатием у дочери. Возможно, что Фрейд писал это стихотворение с определенной долей иронии и возвышенные строки скрывают насмешку и скептицизм. Однако, вчитываясь в его строфы, мы можем обнаружить признаки того настроения, которое было характерно для сна Фрейда о препарировании собственного таза (см. главу 5), ассоциации к которому вели к меланхолическим мыслям о смерти и надежде, что его дети смогут добыть для него своего рода бессмертие, завершив дело, которое он лишь начал. В стихах Фрейд выразил ту же надежду по отношению к Флиссу и его новорожденному сыну.

Не странно ли, что на пороге нового столетия такой человек, как Фрейд, мог позволить себе подобные «сны наяву» и что он выразил их по отношению к Флиссу в стихотворении, которое в то же время отразило и его сложные конфликты, тогда как дружбе между ними вскоре было суждено прерваться навсегда?

Новые идеи и планы зарождались тогда в голове Фрейда. Однако их развитие имело столь же неравномерный характер, который был свойствен и его более ранним задумкам. Фрейд хорошо понимал, что близок к решению новых загадок. Однако он не мог ускорить ход событий, а поэтому вынужден был ждать новой информации как от своего главного пациента — самого себя, так и от других своих пациентов, число которых в тот момент было весьма невелико. В этих обстоятельствах Фрейд медлил с написанием новых писем — ведь он решил больше не жаловаться. Как бы то ни было, 1 февраля 1900 г. он отправил Флиссу письмо, частично опубликованное потом Эрнстом Джонсом, назвавшим его «полусерьезным, но крайне любопытным самописанием». Впрочем, не думаю, чтобы это письмо можно было назвать «полусерьезным».

«Дорогой Вильгельм.

Мое предчувствие чего-то зловещего все-таки подтвердилось. Я считаю дурным признаком столь короткие интервалы¹. Однако может быть, эти два приступа следует рассматривать как один и, в конце концов, состояние нормализуется. Все это очень грустно, и я растерян.

Мартин внезапно заболел 14 января ($5 \times 28^2 - 10 \times 23$)² между двумя и тремя часами дня. Это был единственный случай, и он уже снова чувствует себя хорошо. Так что серия наблюдений на этот раз оказалась внезапно прервана. Может быть, получится в другой раз.

Если бы мы жили в одном городе — причем это был бы Берлин, а не Вена, — многое могло бы пойти иначе. Я наверняка бы не испытывал таких проблем или, по крайней мере, уже избавился бы от них. Потому я столь часто жалею о нашей обособленности. К сожалению, эти мысли ничего не изменят. Возможно, меня и мою практику ждут трудные времена. Вообще я часто замечаю, что ты имеешь обыкновение меня переоценивать. Впрочем, мотивы такой ошибки обезоружат любую критику. Фактически никакой я не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор и не мыслитель. По своему темпераменту я не кто иной, как *конкистадор*, — искатель приключений, коль скоро ты захочешь перевести это слово, — со свойственными такому роду людей чертами характера: любознательностью, стойкостью и отвагой. Обыкновенно люди ценят тех, кто чего-то достиг в жизни, свершил что-нибудь эдакое; все прочие никому не интересны. В этом есть доля справедливости. Однако теперь удача оставила меня; я больше не могу открыть ничего стоящего.

В 17-м номере «The Nation» был опубликован благожелательный и добросовестный, хотя и довольно сумбурный отклик на книгу о сновидениях, написанный Дж. Дж. Дэвидом, моим близким знакомым. Я обещал Левенфельду подготовить по ней краткую статью, которая должна появиться отдельным номером нового «Grenzfragen des Nerven und Seelenlebens»³.

Я нахожу научные изыскания все более утомительными. Вечером я бы предпочел отвлечься и повеселиться. *Но я всегда один* [курсив добавлен. — М. Ш.].

Пример Гогенцоллернов весьма занятен⁴. Разумеется, у невежды сразу возникли всевозможные вопросы, которые будут оставлены для воображаемого «конгресса». Как может строгая регу-

¹ Имеется в виду сокращение пауз между обострениями болезни матери Флисса.

² Это вычисление, вписанное Фрейдом над числом 14, выполнено в духе «периодических» гипотез Флисса.

³ См. «О снах».

⁴ Флисс использовал генеалогические древа семей Гогенцоллернов и Габсбургов для подтверждения своих гипотез.

лярность давать дорогу возникновению отклонений? Я надеюсь, что и я со своей стороны внес бы в твою работу совершенно особую лепту, если жил бы в Берлине. Так мы постепенно отдаляемся друг от друга через то, что наиболее нам близко.

Я раздобыл Ницше¹ и надеюсь почерпнуть у него те слова, что пока молчат во мне, но его книги я еще не открывал. Слишком уж я пока ленив.

Помни, что меня неизменно посещают мрачные мысли, когда твои письма не приходят. Пиши мне.

Твой *Зигм.*».

Фрейд написал это письмо в начале нового столетия, приход которого он с такой язвительностью предвосхищал ранее:

«Новый век, наиболее интересный для нас тем, что наконец-то мы сможем достоверно узнать годы, когда копчаты наши жизни, не сулит мне ничего, кроме бестолкового обзора в *«Zeit»*...² Он крайне нелицеприятен, необыкновенно необъективен и — что хуже всего — будет продолжен в следующем номере...»

Фрейд испытывал чувство безнадежного дискомфорта. Ему всегда была ненавистна чопорная провинциальная атмосфера Вены тех лет, убивавшая все впечатления от блестящих художественных, литературных и научных достижений немногочисленных представителей круга интеллигенции. Антисемитизм и предвзятое отношение к его работе закрыли ему путь к профессорскому званию, а оно было важнейшим атрибутом для успешного ведения частной практики в ранге специалиста и консультанта. До тех пор, пока его идеи не могли быть свободно и четко выражены, Фрейд, по его словам, ощущал себя словно на «натяннутом поводке». Хотя он и не рассчитывал, что книга о снах будет принята хорошо, тем не менее все же не ожидал столь причудливого сочетания совершеннейшего безразличия («убийственное молчание»), особенно со стороны ученой профессуры, и злонамеренных искажений и грубого пренебрежения. Как отмечалось в предисловии Стрейчи к «Толкованию сновидений», за шесть лет, прошедших с момента ее издания, был продан всего лишь 351 экземпляр.

¹ Здесь присутствует одно из немногочисленных упоминаний Фрейдом Ницше, имя которого в последние годы жизни Фрейда встречалось в его переписке с А. Цвейгом (см. вступление и главу 22). Многое было сказано об аналогиях между формулировками Ницше и Фрейда, особенно в том, что касается бессознательного. Данное письмо Фрейда свидетельствует, что до этого времени он не был знаком — по крайней мере в должной мере — с творчеством Ницше. Но к тому моменту Фрейд уже сформулировал свои идеи о функционировании бессознательного и опубликовал их в «Толковании сновидений».

² Венская ежедневная газета.

У Фрейда было мало близких друзей; он любил свою семью; однако общение с представителями своей профессии¹ решил прервать. Хотя, строго говоря, представителей «его профессии» тогда попросту не существовало. Его дружба с Брейером окончилась болезненным разрывом. Потому Фрейд и говорил: «Я всегда один!» А теперь он расставался и со своим единственным «слушателем», со своим «альтер эго», своим драгоценным другом.

Фрейд все еще был готов поверить в действительность тщательно сконструированной математической формулы применительно к болезни своего сына. Но в его словах о внезапно прекратившихся наблюдениях уже чувствуется почти окончательно созревшее понимание ее безосновательности. Масса противоречивых эмоций обнаруживает себя в том коротком отрывке, где Фрейд говорит о примере с Гогенцоллернами. В нем просматривается и отстраненная заинтересованность, и наиболее краткое и, пожалуй, трагическое выражение мучительного отчуждения. Прежде после очередного «конгресса» Фрейд не раз обнаруживал свою неосведомленность в сфере математических изысканий друга и говорил о недостаточном понимании его сложных формул. В этот раз «невежда» начал с того, что предложил в качестве примера периодичности алгебраическую формулу и указал на ключевое противоречие в рассуждениях Флисса: «Как может строгая регулярность давать дорогу и возникновению отклонений?» Он мимоходом упомянул о возможности нового «конгресса», но тот должен был осуществиться лишь в воображении. И затем еще одно важное «если»: если бы они жили в одном городе. И в конечном итоге тяжелое заключение: отстраненность фактически означает разрыв самой прочной связи.

Когда Фрейд говорил о себе как о конкистадоре, он мысленно сравнивал себя с Кортесом, который с горсткой людей покорял целые империи. Проблему сна Фрейд «покорил» фактически в одиночку, если не считать помощи его друга и доверенного аналитика. Но, как и всякий конкистадор, он не мог довольствоваться достигнутым. Суждено ли было ему, потеряв друга, распрощаться и с удачей?

Следовательно, данное письмо более чем серьезно, а никак не «полусерьезно». Окончил же его Фрейд просьбой к другу не оставлять его наедине с мрачными мыслями и продолжать писать.

Таким образом, Фрейду пришлось пройти еще через один, уже заключительный кризис отношений с Флиссом, прежде чем он оказался способен в одиночку переносить все тяготы и как следует подготовился к грядущим десятилетиям, принесшим ему триумф, но также полным разочарований, страданий, болезней и завершившимся изгнанием и мучительной смертью.

¹ Он пошел на этот шаг отчасти и по «настоящему» Флисса (см. главу 4).

Испытываемые Фрейдом противоречивые чувства по-разному находили свое выражение в письмах, последовавших за только что процитированным. В следующем письме от 12 февраля 1900 г. Фрейд объяснил свое длительное молчание печалением обременять друга своими проблемами. Затем он попытался рассказать о них, поведав о своих творческих поисках и трудностях в работе, о неразрешимых финансовых проблемах, отметив в конце письма, что теперь он «дальше от дома, чем когда бы то ни было», в то время как сид становится все меньше и меньше.

Отмеченный мною ранее кризис может быть проиллюстрирован двумя письмами, написанными Фрейдом 11 и 23 марта 1900 г. Эти письма (особенно неопубликованная часть первого) не только отображают поворотную точку во взаимоотношениях Фрейда и Флисса, но позволяют глубже понять природу их конфликта. Выразив свою радость по поводу получения от Флисса большого письма, 11 марта Фрейд писал:

«Учитывая мою все более ограниченную свободу действий и снижение твоего участия, равно как и грядущую «брейеризацию»¹, которая еще больше отдалит меня от тебя и моей семьи, было бы бессмысленно отрицать влияние этих факторов на наши отношения. Иначе говоря, учитывая все эти соображения, я решил ограничить возлагаемые на тебя ожидания. Это и было причиной моего длительного молчания, которое можно было бы объяснить тем, что я ждал твоего ответа».

Если письмо от 1 февраля отображает назревшие противоречия как конфликт между несовместимыми идеями, то этот отрывок письма, написанного в ответ на весьма доброжелательное письмо Флисса, явно демонстрирует эмоциональное охлаждение. До конца этого года, так или иначе, Фрейд еще не раз возвращался к этому мотиву. В противовес этому грустному и даже горькому отрывку остальная часть письма выдержана в исключительно оптимистической манере.

Письмо Фрейда от 23 марта 1900 г. обозначает поворотную точку в его взаимоотношениях с Флиссом еще определеннее. Вновь поблагодарив того за интерес к книге о сновидениях и усилия заинтересовать ею других ученых, Фрейд писал:

¹ «Verbreuerung» — неологизм, указывающий на факт все более сильного сближения с Брейером. Говоря о «брейеризации», Фрейд имел в виду грядущую свадьбу дочери Брейера и некоего доктора Шиффа, который также входил в круг знакомых Флисса и ближайших родственников его жены. Когда об этой помолвке стало известно, Фрейд назвал ее «политической», предвидя, что теперь гипотезы Флисса внезапно найдут поддержку как со стороны самого Брейера, так и в его ближайшем окружении. Это, видимо, и случилось.

«В долгие тягостные времена эта книга служила мне опорой и утешением. Несомненно, отношение к ней пока не приносит мне никакого удовольствия. Понимают ее весьма ограниченно, а оценки сродни жестам милосердия. Для большинства она явно неприятна. Я пока не вижу и намека на то, чтобы кто-либо нашел возможным обратить внимание на те ценные идеи, которые в ней имеются. Я объясняю это тем, что у меня впереди есть еще лет пятнадцать — двадцать¹. Затем, конечно, погружаюсь в сомнения [буквально мучения], которые всякий раз заставляют задуматься: чего же я стою на самом деле.

Никогда я еще так горячо не желал жить неподалеку от тебя и твоей семьи, как в последние полгода. Ты понимаешь, что я прошел через глубокий внутренний кризис и если бы мы встретились, то ты бы увидел, как он меня состарил. Потому я так сильно и разволновался, когда услышал о твоём предложении встретиться на Пасху. Поверхностный наблюдатель не сможет понять, почему я не поспешил сразу принять его. Скорее всего, встретиться нам не удастся, однако вовсе не из-за моего почти детского стремления встретить приход новой прекрасной весны. Я с готовностью пожертвовал бы им ради удовольствия три дня побыть с тобой. Есть другие, более глубокие основания: что-то незримое лежит у меня на душе тяжестью необычайной... Внутренне я сильно истощен. Мне пришлось разрушить свои воздушные замки. Сейчас я собираюсь с духом, чтобы начать возводить их заново. В дни тяжких испытаний ты всегда был готов оказать мне неоценимую помощь. Но сейчас я даже и не знаю, как объяснить тебе, что происходит. В этот раз я победил мою депрессию с помощью особой диеты в интеллектуальных вопросах; теперь она медленно отступает. В твоём присутствии я безусловно попытался бы все это осознать и выговориться; мы бы не сумели обойтись без ученых бесед, а твои блестящие биологические открытия пробудили бы во мне глубочайшую (безличную) зависть. В конце концов оказалось бы, что за эти дни я перевалил бы на тебя все свои проблемы и вернулся бы в весьма расстроенных чувствах, тогда как мне, вероятно, потребуется все мое самообладание. Никто не сможет даже в малой степени облегчить мое бремя; это мой крест, и я должен его нести, но лишь Небесам известно, как согнула меня эта ноша».

Это письмо не нуждается в комментариях. Оно останется ярким свидетельством того, сколь непростым для Фрейда был путь «per aspera ad astra» (через тернии к звездам).

¹ Двадцатью годами позже Фрейд готовил уже шестое издание «Толкования сновидений». К тому моменту его книга уже была переведена на многие языки мира. В 1913 г., перед появлением четвертого издания, «Толкование сновидений» было опубликовано на английском и русском языках.

Написав эти проникновенные строки, Фрейд сделал новую попытку укрепить пошатнувшуюся дружбу, одновременно снова обнаружив всю двойственность отношений с Флиссом. Он продолжал письмо следующим образом:

«Летом или в крайнем случае осенью я увижу тебя и смогу с тобой пообщаться, объяснив затем все загадки Эриндура¹. Ты убедишься в их исключительной сложности... Потом мы также обсудим все за и против пазальной терапии, кое в чем, возможно, и справедливой».

Именно эта летняя встреча привела к их окончательному разрыву.

Примерно в это время Фрейд впервые пришел к выводу, что «бесконечная» продолжительность анализа может отражать феномен перенесения. 16 апреля 1900 г. он написал Флиссу об окончании анализа одного из своих пациентов:

«Я начинаю понимать, что крайняя длительность лечения типична и связана с перенесением... Я мог бы продолжать лечение, но вдруг меня осенило, что такое затягивание — компромисс между болезнью и здоровьем, весьма желанный для самих пациентов, а потому врач должен не попадаться в эту ловушку».

Неопубликованное письмо от 28 апреля 1900 г. начинается следующими строками:

«Теперь-то ты согласен, что судьба Рима предрешена? Я часто наблюдаю у себя такого рода фаталистическую убежденность, которая весьма способствует моей инертности».

Через двадцать три года этому «фатализму» предстояло сыграть особую роль при первой раковой операции Фрейда. У нас еще будет возможность оценить множество факторов, ставших основой такого поведения (см. главы 5, 11 и 13).

Письмо от 7 мая 1900 г., написанное Фрейдом через день после своего 44-го дня рождения, было своего рода продолжением того, которое появилось 23 марта:

«Очень благодарен за теплые слова. Они столь приятны, что, если бы мы были вместе, в некоторые из них я бы почти поверил. Однако лично я смотрю на все это несколько иначе. Я бы не возражал против величественного одиночества, если бы оно не было столь продолжительным и не распространялось бы и на наши с тобой отношения. Однако я сомневаюсь, что может быть

¹ Намек на драму немецкого поэта Мюльнера (1774 – 1829) «Вина».

найдепа полноценная замена близкой дружбе, в которой так пуждается часть — можно сказать, женская часть — моего «Я»¹. Что же касается моей работы, то внутренний голос, к которому я привык прислушиваться, оценивает ее гораздо более скромно, чем ты... Никакой критик... не может точнее меня увидеть несоразмерность существующих проблем и моих решений, и я буду справедливо наказан тем, что потаенные уголки психики, куда до меня не прошикал еще ни один смертный, никогда не будут носить моего имени и следовать сформулированным мною законам. Когда в ходе борьбы мое дыхание готово было остановиться, я заклинал ангела о пощаде, и мои молитвы оказались услышаны. Но я не стал сильнее, хотя еще с того времени заметно прихрамывал. Теперь мне уже сорок четыре года и, как ты сможешь убедиться этим летом или осенью, теперь я просто старый и измученный еврей. Моя семья настояла на необходимости отпраздновать мой день рождения. Своим величайшим утешением я считаю то, что я не лишил их надежд на безоблачное будущее. Они смогут достичь благополучия, если приложат к тому усилия. Я создал для них лишь некую основу его; я не смог возвести их на горную вершину, откуда они уже бы не могли двинуться выше».

Данное письмо имеет особое значение, указывая на преемственность некоторых лейтмотивов в жизни Фрейда. Как я уже упоминал, в стремлении выразить свои идеи и теории и найти им подтверждение Фрейд не раз обращался к трудам великих поэтов. Он часто подчеркивал, что им были хорошо известны все те проблемы, попытки разобраться в которых отнимали у него так много сил. Он получал большое удовольствие от встреч, общения и переписки с известными писателями своего времени. Среди них были такие известные люди, как Ромен Роллан, Томас Манн, Арнольд и Стефан Цвейги. Он испытывал величайшее восхищение Рихардом Бир-Гофманом, чьи относительно немногочисленные пьесы, поэмы и короткие рассказы считал настоящими шедеврами². Самое известное произведение этого автора называется «Сон Иакова». Эта драма появилась в 1918 г., основное действие в ней — борьба Иакова с ангелом. В своем противостоянии ангелу Иаков попытался отказаться от благословения, призванного сделать первым из «избранных людей». В конечном итоге Иаков все же выпущен был покориться своей судьбе, что превратило его жизнь в нескончаемую битву.

¹ См. письма от 11 марта и 7 августа 1901 г.

² Бир-Гофман был моим пациентом одновременно с Фрейдом. По предложению последнего в начале 1930 г. я организовал их встречу. Они встречались еще несколько раз, и оба получали от общения друг с другом большое удовольствие.

Мне было известно, что Фрейд особенно любил эту драму, однако я не знал, что он представлял себя «сражающимся с ангелом» или использовал такую метафору наряду с метафорами «внутреннего тирана» и «повообразования» еще за десятилетия до прочтения «Сна Иакова» и знакомства с автором этого произведения.

В этом письме мы вновь можем заметить и завуалированное сравнение себя с Моисеем, лишь издали видевшим Землю обетованную. Именно этот библейский персонаж определял помыслы Фрейда в последние годы жизни.

Последние письма озаменовали окончание, пожалуй, самого драматичного периода в жизни Фрейда. Именно тогда были сделаны — по крайней мере в основных чертах — все его главные открытия или же выдвинуты идеи, получившие свое дальнейшее развитие в последующие годы. Я уже указывал, что подобное предвосхищение имело место и в отношении некоторых событий личной жизни Фрейда, особенно в том, что касалось его отношения к собственной смертельной болезни и приближающейся смерти. Я уже цитировал его письмо от 12 июня 1900 г. Фрейд написал его, будучи в чудесном настроении, из особняка в Бельвю, где пятью годами ранее он «разгадал» смысл сна об инъекции Ирме (см. главу 3). Чуть более позднее письмо (10 июля 1900 г.) дает еще один пример того, как одна и та же мысль вновь возникла по прошествии многих десятилетий.

«Главные проблемы еще не решены. Все постоянно движется и смешивается в полумраке этой бездны. А в самой ее темной глубине мелькают тени Люцифера-Амура».

Эта «темнейшая глубина» окончательно (1920) была выражена в виде теории о двух разнонаправленных инстинктивных влечениях — Эросе и Танатосе.

В конце июля 1900 г. состоялась еще одна встреча Фрейда и Флисса, описание которой было опубликовано Флиссом в 1906 г. Примечательно, что не раньше, чем через год, появилось письмо, написанное Фрейдом 7 августа 1901 г. Из него мы можем получить представление о том, что ускорило их окончательный разрыв. Это прежде всего была несовместимость веры Фрейда в обусловленность человеческой жизни психическими процессами с жесткими воззрениями Флисса, подчинявшего все психопатологические феномены законам периодичности. Именно это заставило Флисса утверждать, что «чтец мыслей [Фрейд] других людей читает в них только свои собственные».

Вплоть до этого момента — и даже после — письма Фрейда вновь и вновь отражали нестабильность их отношений с Флиссом, его страдания и ностальгию по былой близости. И хотя Флисс утверждал в 1906 г., что именно Фрейд не пожелал продолжать

их переписку, мы легко можем увидеть из писем Фрейда, что это было не совсем так.

Эта стадия их отношений в «регулярном» анализе соответствовала бы его заключительной фазе теоретически и технически сложного и до сих пор не до конца понятого процесса. Известно, что важным фактором на этой стадии является постепенный распад отношения перенесения; процесс, который находится под постоянным анализом и который не должен нарушаться межличностным конфликтом, вызванным внешними причинами. В отсутствие такой гармоничной завершающей фазы рецидивы перешенных конфликтов часты и, как правило, длительны. Финальную фазу отношений Фрейда и Флисса никак нельзя назвать гармоничной. Поскольку она оказала на Фрейда весьма существенное влияние, особенно в том, что касается устойчивости имевшегося у него предрассудка «предопределенной продолжительности жизни», в дальнейшем я проиллюстрирую этот период, используя для этой цели письма Фрейда.

Как мы увидим (главы 7 и 9), долгие годы Фрейд сам подвергал эти отношения анализу. После июльской встречи в 1900 г. Фрейд отправился в долгое путешествие и по возвращении написал Флиссу очень дружеское письмо на восьми страницах, полное восторженных описаний увиденного. Все было так, словно ничего особенного не произошло.

Особое место в их переписке теперь заняла новая тема. Тяжело заболела мать фрау Флисс и фрау Рие. Ее врачом был Брейер, притом что и Рие уделял ей большое внимание. Флисс был не согласен с проводимым Брейером лечением. Соответственно, двойственное отношение Фрейда к Флиссу теперь могло найти выражение в резкой критике Брейера. Кроме того, Фрейд мог торжествовать, поскольку не только сам Флисс, но и фрау Флисс, прежде находившаяся под влиянием Брейера, теперь соглашалась с его критикой, в результате чего стала относиться к Фрейду с гораздо большей благожелательностью, чем раньше.

В октябре Флисс праздновал день рождения. К его 41-летию (1899) Фрейд подарил ему самый драгоценный подарок из тех, что можно представить, — первый экземпляр «Толкования сновидений». Но сейчас, в 1900 г., его новая книга «Психопатология обыденной жизни» еще не была окончена, а потому тон его поздравительного письма оказался довольно унылым.

«23 октября 1900 г.

Дорогой Вильгельм.

С самыми искренними пожеланиями шлю тебе из Вены в Берлин мое дружеское рукопожатие. В этом году у меня нет того подарка, который я смог преподнести тебе с появлением книги о

снах. Пусть все и всё вокруг тебя радует, в том числе и твоя работа, смягчая боль от неизбежного ухода старшего поколения¹.

С самыми сердечными пожеланиями,

Твой Зигм. ».

Фрейд не получал от Флисса вестей несколько недель, пока тот снова не написал ему о состоянии своей тещи. 25 ноября 1900 г. Фрейд ответил ему:

«Мое предчувствие, что твое молчание означает что-то пеладное, все-таки оправдалось. Обычно оно означало, что ты чувствуешь себя *очень* плохо. Сейчас, по счастью, это не так.

Я бы не стал ждать так долго, чтобы узнать о произошедшем. Но я обещал тебе в начале этого года, что ни за что не стану больше обременять тебя своими жалобами. Ты сам мог видеть, сколь быстро после этого оборвалось наше общение. Но ты сам писал: «Я не отвечал, потому что мне было печего сказать; по крайней мере, ничего обнадеживающего». Если б мы этого дожидались! Возможно, [мы можем найти] компромисс: можно чуть-чуть и поплакаться, лишь бы писать почаще.

Твои новости крайне огорчили меня. Лучшее не стало, а есть лишь периодически наблюдаемые улучшения и ухудшения, по-видимому, на фоне отрицательной динамики...

Что касается моей работы, то я не могу сказать, что она вновь остановилась. На скрытом уровне дела, возможно, обстоят неплохо, однако время пожирать плоды явно не наступило. Видимо, неожиданных открытий больше не будет. Все выводы уже, скорее всего, сделаны. Чего мне недостает, так это структуризации и тщательной проработки деталей. Я не вижу никаких возможностей существенно сократить продолжительность терапии и едва ли могу расширить спектр показательных признаков.

Совершенно неясно, когда я смогу опубликовать [свои материалы], если это вообще мне когда-нибудь удастся, поскольку там не должно быть ни ошибок, ни неточностей [сначала впечатлений]. Так что [я буду придерживаться] правила Горация: «*Nonum prematur in appum*» (выпускай в свет книгу на девятый год). Да и потом, кто все это оценит? Ради кого² я буду выполнять эту работу? Я привык уже жить словно иностранец или как гумбольтовский попугай! В похожей ситуации мог бы, пожалуй, оказаться последний из сгнившего рода или его первый и единственный представитель.

...Позволь мне чаще тебя слышать. С наилучшими пожеланиями.

Твой Зигм. ».

¹ Фрейд имел в виду полный распад личности матери Флисса и прогрессирующую болезнь его тещи.

² Фраза, которая часто используется в юридической практике. Означает: «В чьих интересах?»

Говоря «Cui bono», имел ли Фрейд в виду, что потерял своего друга, своего единственного слушателя, свое «альтер эго»?

Муки отчуждения затянулись, и потому сохранялась надежда, что дружбу, по крайней мере отчасти, все же удастся сохранить. Именно эту надежду Фрейд и выразил в начале следующего, 1901 г.

«1 января 1901 г.

Дорогой мой.

Теперь, когда твое последнее письмо нарушило тревожную тишину, я сразу забросил *«Психопатологию обыденной жизни»* и принялся за ответное письмо. Я никак не могу принуждать тебя к ответу, зная, сколь недвусмысленно ты выразил свое нежелание писать и отсутствие у тебя всякого стимула к общению. Помимо этого, я получил удовлетворительное объяснение непонятного феномена, а потому переношу свое полнейшее одиночество достаточно спокойно. Я очень хорошо представляю, как на тебя повлияла болезнь твоей матери. Понимаю, что положение уже хуже некуда, но именно это заставляет тебя страдать еще сильнее.

Я вполне доволен тем, что решил не ездить в Берлин на Рождество...

Мне совсем не просто забыть о визите твоей жены и наших с ней беседах. [Потому] мне тем более грустно, так как я могу питать надежду вновь увидеться с ней лишь благодаря несчастью¹. А раз так, то разумно ли нам откладывать нашу переписку до лучших времен? Не означает ли это несбыточных надежд и не указывает ли на хрупкость нашей дружбы?...

В этом письме Фрейд по-прежнему предлагает Флиссе свою дружбу, но на этот раз именно он выступает в роли понимающего помощника и советчика-утешителя. Таким образом, роли поменялись.

Еще несколько писем были посвящены главным образом отчетам о реакции Венского медицинского общества на теории Флисса, после того как новый зять Брейера прочел лекцию по ним. Фрейд все еще выказывал свое пренебрежительное отношение к Венскому медицинскому обществу и недовольство им за критичный настрой к гипотезам его друга. Фактически его интересовало: если требуется столько времени даже на подтверждение успешности терапевтических результатов назального применения кокаина, то сколько же его уйдет, прежде чем медицинский мир сможет согласиться с важностью циклов 28 и 23?

¹ Ес поездки в Вену были обусловлены близящейся смертью ее матери.

Фрейд также сообщил, что трудится над новой статьей «Сны и истерия», опубликованной только через четыре года и известной как описание «случая Доры». В том же письме он дает Флису совет по поводу его работы, написав:

«Не думаешь ли ты, что сейчас как раз подходящий момент для того, чтобы, набросав на нескольких листах бумаги то, что ты можешь добавить к своей текущей теме (о зонах головы, эффекте опоясывающего лишая или еще о чем бы то ни было), все это опубликовать? Не жертвуй своей репутацией, и тогда ты сможешь позже привлечь внимание читателя к тем большим биологическим проблемам, которые для тебя гораздо важнее. Люди прислушиваются только к авторитету, а авторитет появляется лишь в процессе создания того, что ими действительно может быть понято.

[Это письмо оканчивается очередным сном наяву.] Во мраке этой депрессии меня неотступно преследует мысль провести в этом году пасхальную неделю в Риме. Для этого нет никаких причин или поводов, ведь я пока еще не могу ничем похвастаться, да и внешние обстоятельства в любом случае делают такую поездку невозможной. Будем надеяться, что настанут лучшие времена. От всей души желаю, чтобы очень скоро ты мне о них сообщил».

К этому времени такой «сон» Фрейд уже мог проанализировать довольно быстро и 15 февраля 1901 г. так отвечал на очередное письмо Флисса:

«Мой дорогой Вильгельм.

В отличие от тебя у меня не будет никакой возможности отправиться на эту Пасху в Рим. Твои слова объяснили смысл тех строк моего последнего письма, которые иначе остались бы непонятыми. Конечно же за всем этим стояло обещание, которое ты дал мне в те счастливые времена: провести очередной «конгресс» на земле Древнего Рима. Я полностью отдаю себе отчет, что в данный момент такая встреча невозможна. Я явно поспешил уйти от безрадостного настоящего, найдя утешение в одной из моих самых прекрасных фантазий. Сама же возможность проведения «конгрессов» канула в Лету; ничего нового я еще не сделал, а твоя работа, как ты утверждаешь, меня больше совершенно не интересует.

Я могу лишь заочно порадоваться тем временам, когда ты, наконец, сможешь торжественно рассказать мне о своей новой книге, содержащей великие открытия, и сообщить о своем глубоком удовлетворении ими. В этом плане ты несомненно прав, раз не хочешь обсуждать никакие проблемы до тех пор, пока не переосмыслишь их».

Тем не менее, когда в марте Фрейд посчитал, что у него есть шанс отправиться в Берлин для консультации, он отослал Флиссу большое письмо, где поведал о своих мечтах о «неожиданном визите». Однако опять ничего не вышло.

Позже, к его 45-му дню рождения, от Флисса пришло письмо, содержавшее, судя по ответу Фрейда, похвалы вперемешку с куда менее приятными словами.

«8 мая 1901 г.

Ты, несомненно, можешь использовать мой день рождения, чтобы пожелать мне такого же, как у тебя, бодрого самочувствия, и я искренне соглашусь с твоими словами. Твое письмо лежит на праздничном столе среди других радующих меня подарков. Я просил, чтобы этот день прошел незаметно; я еще слишком молод для юбилеев, но уже слишком стар, чтобы радоваться как ребенок своему дню рождения. От твоего письма я испытал большое удовольствие, за исключением раздела о магии, который считаю совершенно ненужным. К «чтению мыслей» я по-прежнему отношусь лояльно, тогда как «магия» продолжает вызывать у меня сомнения.

Я, кажется, где-то слышал, что только необходимость может обнаруживать лучшее. А потому я вновь собрался с духом, как ты того хотел... и примирился с обстоятельствами. Букет орхидей создает иллюзию богатства и счастья, а фрагмент помпейской фрески с кентавром и фавном переносит меня в мою любимую Италию».

9 июня 1901 г. Фрейд адресовал Флиссу необычайно прекрасное письмо, которое справедливо счесть письмом «прощальным»:

«Дорогой Вильгельм.

Я пользуюсь преимуществом этого странного воскресенья с тем, чтобы вновь тебе написать. Это первое воскресенье, когда я полностью свободен и ничто не напоминает мне о том, что во всякое иное время я врач. Мою престарелую даму, которую я посещал строго два раза в день, вчера увезли в деревню. Теперь я смотрю на свои часы каждые 15 минут, опасаясь пропустить процедуру. *Таким образом, мы ощущаем свое бремя даже тогда, когда его уже нет, и совсем не знаем, как распорядиться нашей свободой.* [Курсив добавлен. — М. Ш.]

Отвечу на твой вопрос: место, где мы проведем лето, все еще не определено. Думаю, что это будет где-то около Зальцбурга...

Ты напомнил мне о том прекрасном и трудном времени, когда я вынужден был признать, что дни мои сочтены, и именно твоя уверенность в обратном помогла мне выстоять. Безуслов-

но, я вел себя не слишком отважно и не слишком умно. Я был слишком молод, мои инстинкты еще не насытились, а мое любопытство было так велико, что я не мог оставаться безучастным. Мне всегда недоставало твоего оптимизма. Конечно, глупо мечтать о том, чтобы страдания и смерть навсегда исчезли, как мы говорим в наших новогодних поздравлениях. Не для того мы покончили с нашим дорогим Господом Богом, чтобы отдалять их от нас самих и от наших близких, обрушивая на кого-нибудь постороннего.

Так что теперь я стал еще более смирным и готов принять все, что бы ни произошло. Без сомнения, не все желания могут быть удовлетворены. Многие из того, о чем я так страстно мечтал, больше невозможно. Почему бы мне каждый год не хоронить какую-нибудь новую надежду? Если ты не согласен, то это может означать, что ты пытаешься меня утешить или же просто указываешь на необъективность дружеской оценки.

Несомненно, пытки трудно переносить. И это я тоже выучился понимать. Вот уже многие недели я вполне удовлетворен моим настроением...

Хотя на первый взгляд это письмо может показаться пессимистичным, в действительности оно свидетельствует о том колоссальном прогрессе, которого достиг Фрейд. Теперь он мог сохранять свое душевное равновесие без помощи иллюзий. По своей безмятежности оно сопоставимо с письмами, которые были написаны им гораздо позже (см. письмо от 10 мая 1925 г. к Лу Андреас-Саломе, глава 17). Его слова об отказе от потребности верить в Бога и в магическое всемогущество наших желаний — своеобразная прелюдия к «Будущему одной иллюзии».

Однако это письмо также дает представление и о той цене, которую Фрейду пришлось заплатить за спокойствие и независимость.

Расставание было бы менее болезненным и более гармоничным, если бы «прощальное» письмо оказалось действительно последним. Однако из-за болезни матери, тещи и жены Флисса их переписка продолжалась. 4 июля 1901 г. Фрейд писал:

«Разумеется, мне сообщили о печальных переменах в Кальтенлейтгегене¹. Мы будем там на следующей неделе, а также навес- тим Кенигштейна², дочь которого ожидает появления своего первого ребенка. «Рождение и смерть» и т. д.³

¹ Летний дом родни Флисса.

² Давний друг Фрейда, офтальмолог, впервые, вместе с Коллером, применивший по совету Фрейда кокаин при глазной операции.

³ Намек на «Фауста». См. эпиграф этой книги, а также утверждение, которое я услышал от Фрейда в 1933 г. (глава 22).

Твоя мать, должно быть, испытывает страшные мучения. Твои идеи касательно того, почему некоторые люди внезапно умирают в самом расцвете лет, а другие мучаются до самого конца, кажутся мне очень интересными. Как ни странно, нас не устраивает ни то ни другое».

Должно быть, Флисс «объяснял» этот факт с помощью своих всеобъемлющих гипотез. Сухое замечание Фрейда мигом расставило все на свои места, равно как и предыдущая цитата из «Фауста», словно напоминая: перед лицом извечных загадок рождения и смерти, составляющих существо человеческого бытия, мы должны покорно признать наше невежество.

Следующее письмо (7 августа 1901 г.) полностью обнаружилось не только конфликт, но и многие его истоки. Первые же слова Фрейда задали основной тон: «Прежде всего -- дело, потом вещи серьезные, ну а о приятном -- под конец». Для начала Фрейд обсудил трения, возникшие между семьями Флисса и Рие. Фрейд прямо заявил о своем абсолютном доверии и почтении к своему давнему другу Рие и затем продолжал:

«Не секрет, что мы разошлись друг с другом. Теперь я могу оценить, насколько далеко».

Следующий, ключевой абзац был написан в связи с тем глубоким разочарованием, которое Флисс и его жена испытывали от лечения, предложенного Брейером для матери Флисса. Это лечение, видимо, побудило их «сбросить его со счетов».

«Кстати, о Брейере. Я совсем не презираю его. Я чувствую, как он старается. Если, как вы оба считаете, он уже все равно что мертв, то, значит, он продолжает делать все, что возможно в данной ситуации, посмертно. Что еще остается твоей жене, кроме как под влиянием злых побуждений подогревать сомнения, которые Брейер зародил в ее душе, поздравив ее тогда, что я не живу в Берлине, а потому не смогу воспрепятствовать ее замужеству?»

В других двух абзацах отражены страдания, которые Фрейд испытывал от разрыва с Флиссом.

«Здесь ты достиг предела своей проницательности, обратившись против меня и полностью обесценив мои труды: «Чтец мыслей определенно читает в чужих свои собственные».

Если это и вправду мой портрет, тогда немедленно выброси мою «Обыденную жизнь», даже не попытавшись читать ее. В ней слишком много того, что напоминает о тебе: и явного, говорящего о твоём непосредственном вкладе, и скрытого, напоминающе-

го о движущих мотивах. Ты подарил мне и эпиграф к ней¹. Какой бы ни была истинная ценность моей книги, ты несомненно можешь считать ее свидетельством роли, которую ты играл в моей жизни до настоящего времени. После сказанного я без лишних слов могу вернуть тебе ее при первой же возможности».

Наконец, неопубликованный абзац содержит яркое свидетельство понимания Фрейдом сути своей личности:

«Что касается Брейера, то, несомненно, ты вправе называть его братом. Однако я не разделяю твоего презрительного отношения к мужской дружбе, возможно, потому, что сам в существенной мере нуждаюсь в ней. Как тебе хорошо известно, в моей жизни женщина никогда не выступала в роли товарища, друга. Если бы мужское начало в Брейере не было бы столь слабым и противоречивым, как и вся его эмоциональная сфера, он был бы прекрасным примером того, как может быть сублимирована присутствующая в мужчине андрофилия».

Таким образом, это письмо указывает на две причины грядущего разрыва. Твердокаменная убежденность Флисса в том, что все события человеческой жизни определяются только факторами космического порядка, была несовместима с верой Фрейда в ведущую роль психики. Кроме того, в то время, как Фрейд всегда подчеркивал важность биологических оснований психической реальности, Флисс столь опасался этой концепции, что яростно отрицал ценность любых толкований Фрейда и видел в них лишь проекцию его мыслей, объясняя его терапевтические успехи лишь «магией» его личности.

Но глубинная причина данного конфликта была моей. В своем письме от 7 мая 1900 г. Фрейд намекал на некоторую «женственность» своей натуры, побуждающую его искать дружеских отношений с мужчинами. Теперь же он прямо утверждал, что подобные отношения могут рассматриваться как завуалированное проявление сублимированных «андрофильных» склонностей или же, попросту говоря, как выражение латентной мужской гомосексуальности. Способность в полной мере осознать этот специфический аспект появилась в результате его самоанализа, который, как следует из его писем, продолжался по крайней мере до 1912 г. (см. главу 9). Процесс этот для Фрейда был особенно мучителен и со-

¹ Эпиграф, появившийся на титульной странице «Психопатологии обыденной жизни», взят из «Фауста»:

Теперь все привиденьями полно,
И поделом, оно не мудрено.
(Перевод Б. Пастернака)

пряжен с чувством вины. Ведь говоря о Брейере, он фактически обращался к Флиссу: «Ты тоже испытываешь презрение к этой стороне дружбы, а значит, ты тоже остаешься на обочине». По сути, здесь мы видим потрясающий подвиг самоанализа Фрейда, поскольку одна из самых больших трудностей, возникающих в регулярном анализе, появляется именно при попытке довести до объекта психоанализа факт существования латентной гомосексуальности и соответствующих адаптивных возможностей. Флисс же оказался не в силах справиться с этой задачей.

Фрейд предпринял еще одну попытку возобновить их отношения. В том же письме он предложил Флиссу сотрудничество в работе над биологическо-психологическим трудом о человеческой бисексуальности. Разумеется, из этой идеи ничего не вышло.

После такого решительного шага Фрейд смог позволить себе осуществить свою давнюю мечту. В сентябре его страстное желание увидеть Рим исполнилось. Многие столь же сокровенные устремления оканчиваются разочарованием, однако Рим оправдал самые смелые ожидания Фрейда. Его письма к семье были полны ощущений восторга от увиденного. Письмо к Флиссу, написанное им по возвращении в Вену, еще раз дало Фрейду возможность рассказать о своей поездке.

«19 сентября 1901 г.

Мой дорогой Вильгельм.

Я получил твою открытку за несколько часов до отъезда. Хотелось бы написать тебе о Риме, но это непростая задача. Эта поездка ошеломила меня, ведь, как ты знаешь, сбылась моя многолетняя мечта. Разумеется, как и всякая воплотившаяся мечта, она оказалась не вполне такой, какой я ее себе представлял. Но тем не менее, я пережил самые яркие впечатления за всю мою жизнь. И хотя античный Рим совершенно не обманул моих ожиданий (я смог поклониться оскверненным и изуродованным останкам храма Минервы), столь же свободно насладиться вторым Римом¹ мне не удалось. Не имея сил избавиться от своих недостатков, равно как и от всех пороков этого мира, я не склонен терпимо относиться ко лжи о спасении человечества, которая обращает к Небесам взоры его представителей».

Этот отрывок вновь свидетельствует о неприязни Фрейда к «иллюзиям» спасения и бессмертия, присущим христианскому вероучению. Он вернулся к этой теме в 1927 г. в «Будущем одной иллюзии».

В том же письме, видимо, в ответ на ряд высказываний Флисса, Фрейд смог затронуть проблему неизбежного изменения их отношений. В бесстрастной и уравновешенной манере он писал:

¹ То есть христианским Римом.

«Твое последнее письмо оказалось несомненно полезным. Теперь я понял характер твоих посланий ко мне, появившихся за последний год. Во всяком случае, впервые ты говоришь мне все, что угодно, только не правду.

Я не сомневаюсь в несправедливости твоих слов о моем отношении к твоей главной работе. Кому, как не мне, знать о чувствах гордости и благоговения, переполнявших меня всякий раз, когда я думал о ней, и том разочаровании, которое я испытывал тогда, когда оказывался неспособен понять то или иное твое умозаключение. Ты знаешь, что у меня совсем нет математических способностей и плохая память на числа. Возможно, это и дало тебе основание думать, будто я не в силах оценить твои труды. Я не согласен, что нельзя рассчитывать на понимание мною качественных выводов, следующих из твоих вычислений. Возможно, ты слишком поспешно посчитал меня плохим слушателем. Друг, который пользуется правом критиковать тебя, хотя и понимает, что недостаточно разбирается в сути вопроса, чтобы его критические замечания возможно было бы считать слишком острыми, может оказаться полезным для человека, посвятившего себя исследованию столь таинственных проблем и общающегося лишь с маленькой кучкой людей, готовых безоговорочно восхищаться им.

Особенно огорчило меня то, что ты отвергаешь всякую ценность проводимой мной терапии... Мне жаль терять мою, как говорит наш Нестрой¹, «единственную аудиторию». Для кого я теперь буду писать? Если мои толкования так легко вызывают у тебя чувство раздражения и ты готов считать, что «чтец мыслей» воспринимает в чужих мыслях только проекцию своих собственных, ты действительно перестал быть моей аудиторией и тебе следует вслед за прочими оценивать всю мою работу как ничего не значащую.

Я не понял твой ответ о бисексуальности. Нам теперь стало очень трудно находить общий язык.

Как будет ясно из упоминания о тебе как об авторе идеи «Повседневной жизни», я нисколько не намерен преувеличивать свой вклад. Мне совсем не обойтись без обращения к общим биологическим и анатомическим аспектам бисексуальности. Поскольку практически всеми своими биологическими и анатомическими познаниями я обязан тебе, то ничего другого и не остается, кроме как просить тебя о помощи или же вовсе переложить обязанности по написанию вступления целиком на тебя. Однако я совсем не желаю публиковаться прямо сейчас. Нам следует все это как-нибудь обсудить.

Прими мои наилучшие пожелания. Надеюсь на хорошие вести от тебя и твоих близких.

Твой *Зигм.*».

¹ Нестрой был известным в ту пору австрийским комедиографом. О значении этого намека см.: *Крис* (1950).

Письма последних двух лет показывают, что Фрейд понимал неизбежность разрыва с Флиссом, но эта перспектива представлялась ему крайне неприятной. В июньском письме 1901 г. Фрейд особо подчеркнул свою глубокую благодарность Флиссу за все то, что тот для него сделал.

Присущая Фрейду честность не позволяла ему делать вид, что он одобряет теории, которые на самом деле казались ему вздорными. Самоанализ, сделавший Фрейда еще более беспристрастным, обострил его критический взгляд на теории Флисса. В то же время процитированное письмо от 19 сентября 1901 г. показывает, что в основном Фрейд отстаивал лишь свое право на критику, попутно выражая готовность принять «качественные» выводы и взгляды, выраженные в этой работе.

Написанное всего через день, следующее письмо было гораздо более дружественным. Флисс отправил Фрейду рукопись новой книги. Свою оценку Фрейд выразил такими словами: «Никогда еще тебе не доводилось создать ничего равного этому по ясности, выразительности и глубине. Какое счастье, что нет никаких сомнений в истинности всего изложенного». Это последнее письмо, в котором Фрейд ссыался на работу Флисса.

Даже в 1920 г. Фрейд вновь выражал свое смешанное с определенной долей скепсиса восхищение «главным» вкладом Флисса.

Фрейд поддерживал переписку с Флиссом до 1902 г. Он рассказывал о своих планах и происходивших с ним событиях, а Флисс, по-видимому, в свою очередь писал о том же. Они еще продолжали обмениваться подарками и поздравлениями с днем рождения. Временами в их переписке можно было заметить следы незатухавших разногласий. Последнее письмо повествовало об успешном лечении одной влиятельной пациентки, которая благодаря своим «связям» и дарам музею поспособствовала выдвижению кандидатуры Фрейда на получение профессорского звания (хотя он так и не смог стать профессором, имеющим докторскую степень). Последнее сообщение из их переписки — строка, написанная на открытке от 10 сентября 1902 г., посланной Фрейдом во время его путешествия по Италии.

Дружба умерла, и пришло неизбежное время грустных воспоминаний.

Говоря о сновидении «non vixit» (глава 5), я обсуждал роль «вины выжившего», фигурировавшей в его скрытом содержании и отношениях между Фрейдом и Флиссом. Зная, что Флисс считает свои гипотезы по меньшей мере столь же важными и революционными, Фрейд испытывал мучительную вину за то, что не в состоянии искренне одобрить теоретизирование своего друга.

Фрейд чувствовал свою вину, поскольку знал, что не сможет в полной мере отблагодарить Флисса за поддержку, оказанную в то

время, когда Фрейд особенно в ней нуждался. Он знал, что Флисс тоже суждено стать «призраком». Возможно, он предвидел, что Флисс достигнет действительно критического периода и тогда уже не будет иметь возможности положиться на помощь друга.

Фрейд очень живо передал свои ощущения в эссе «О снах», которое было опубликовано в 1901 г., примерно в то же время, что и его «прощальное» письмо к Флиссу, строками Гёте:

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе плача не сидел,
Тот не знаком с небесными властями.
Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья
И после муками казнят:
Нет на земле проступка без отмщенья!

(Перевод Б. Пастернака)

Затянувшееся расставание привело в скандальному окончательному разрыву в 1904 г., когда Флисс обвинил Фрейда в недостаточном признании его приоритета в вопросах бисексуальности и в том, что он не уделил должного внимания сохранению «секрета» теории Флисса. Попросту говоря, Флисс обвинил Фрейда в плагиате¹.

В период своей жизни, описанный в последних пяти главах, Фрейд вступил не только счастливым супругом, но человеком еще не встретившим свою настоящую судьбу. Его гений еще не проявил себя в полной мере. Этому мешали серьезные конфликты. Следуя избранным путем, Фрейд не смог бы достичь своей цели, не усилив их до опасного уровня. Болезнь, гонения, предрассудки, постоянная угроза нищеты, одиночество умножали его мучения. Ему пришлось научиться справляться с тягостными сомнениями, депрессией, мыслями о смерти и о возможных неудачах. Однако в этом же десятилетии Фрейд основал новую науку, начав вторую научную революцию века. Новый метод лечения психозов перерос в дерзкую попытку выйти на уровень нормальной психологии. Он открыл нашему пониманию мир «бессознательного», разгадал загадки снов. Кульминацией этой работы стало написание им «Толкования сновидений».

Самоанализ Фрейда, его беспрецедентное достижение, выступил в качестве особенно важного исследовательского средства. Помимо этого, он позволил ему выдержать все тяготы этого бурного периода, преодолеть большей частью все проявления его собственных проблем: страх путешествий, приступы страха смерти, связанные с ожиданием преждевременного конца, сомнения в возможности отыскать когда-либо ответы на множество вопросов и,

¹ Обсуждение см. у Криса (1950) и Джонса (т. 1). См. также главу 7 этой книги.

наконец, постоянно повторявшиеся приступы довольно сильной депрессии.

Самоанализ также помог Фрейду преодолеть и кризис в его отношениях с Флиссом. Фрейд вышел из него более сильным и духовно обогатившимся человеком. Повзрослев и став смелее, теперь он был готов двигаться вперед, рассчитывая лишь на собственные силы.

Склонность Фрейда к значительным спадам в работе после периодов интенсивных творческих усилий или публикации очередного важного труда прослеживалась на протяжении всей его жизни. Но она проявлялась все реже и раз от разу становилась все слабее. Такие перепады настроения не слишком выделяли его среди многих других творческих натур. Устойчивее и долговечнее других оказался предрассудок относительно «предопределенности срока жизни», от которого Фрейд так и не избавился до конца. Непосредственно после неожиданного выпада Флисса в 1904 г. этот предрассудок обрел навязчивый характер. Впрочем, как в то время, так и в дальнейшем Фрейд сохранял способность рассматривать этот свой изъян как явление невротического порядка и подвергал его успешному анализу (см. главу 7).

Итак, Фрейд стал гораздо мудрее и уравновешеннее, значительно лучше подготовившись к встрече с тем, что могло ожидать его в будущем. Тем не менее он чувствовал, что сильно постарел за годы этой борьбы. Во многих письмах к Флиссу об этом говорится не раз. (Фотографии этого периода не вполне подтверждают эти слова; он не показался мне выглядящим старше своих лет и когда я впервые увидел его в конце 1915 г.) Джонс и другие исследователи считают частые упоминания Фрейда о старении, появившиеся как в «период Флисса», так и в последовавшие десятилетия, явлением, тесно связанным с его навязчивым предрассудком, то есть признаком неразрешенного невротического конфликта. Однако, изучая его письмо к Флиссу от 7 мая 1900 г., где он говорил о себе как о «старом и измученном еврее», прихрамывающем после столкновения с ангелом, а также его «прощальное» письмо от 9 июня 1901 г., где он упомянул о том, сколь неприятны пытки, следует прийти к такому выводу. Хотя Фрейд и научился воздерживаться от жалоб, тем не менее он не мог не обращать внимания на то, сколь тяжело ему давалось каждое очередное творческое усилие и как много сил оно отнимало. Следовательно, он прекрасно понимал цену своих открытий. Однако свою «борьбу с ангелом» Фрейд так и не прекратил.

Часть вторая

*Путь к научному
мировоззрению*

Глава 7

«ПРИЗРАКИ»: ЭПИЗОД В АКРОПОЛЕ

Наступление нового столетия ознаменовалось научными, технологическими и социальными изменениями в жизни западной цивилизации. Одновременно с публикацией «Толкования сновидений» новая пора началась и в жизни Фрейда. Хотя революция в психологии тогда еще не привлекла к себе должного внимания общественности, следующий период — период консолидации его достижений — не мог не поражать. Десятилетие 1900—1910 гг. было также временем выхода Фрейда из изоляции и временем, когда психоанализ стал быстро завоевывать мировую известность. У Фрейда быстро росло число студентов, друзей и последователей, но также врагов и противников.

Многие работы Фрейда, задуманные — как мы знаем из переписки с Флиссом — еще в предшествующий период, были доработаны и опубликованы им в следующем десятилетии. Упомянем только основные труды: «Психопатология обыденной жизни», «Три очерка о теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и три наиболее важных в практике Фрейда случая истерии, известные как случай Доры, маленького Ганса и человека-крысы.

Неудивительно, что на протяжении всего этого периода самоанализ Фрейда был все еще связан с его сложным отношением к Флиссу. Он сыграл существенную роль после нападок Флисса и позже, в 1912 г., во время кризиса Международной психоаналитической ассоциации. Этот кризис отразился на отношениях Фрейда с Юнгом. Мы привыкли считать, что опубликование «Толкования сновидений» совпало с окончанием «периода Флисса». Однако отношения, существовавшие между Фрейдом и Флиссом, не завершились непосредственно с выходом этой книги. Они продолжались и после ее публикации. Их отзвуки проявляли себя еще долгое время, после того как Фрейд и Флисс прекратили переписку и больше не встречались.

По данному периоду не сохранилось столь же замечательного источника сведений, каким являлась переписка с Флиссом. Поэтому мы вынуждены довольствоваться менее детальной информации

ей. Так, из писем Фрейда к друзьям мы смогли узнать о тех эпизодах, когда временами, особенно в условиях сильного стресса, течи прошлого возвращались к Фрейду подобно призракам сновидения «*non vixit*».

В качестве одного из таких отзвуков выступил уже не раз упоминавшийся периодически обострявшийся предрассудок Фрейда. Фрейд сам описывал механизм, лежавший в основе проявлений такого рода: старый конфликт, который окончательно не решен («проработан»), но и не слишком силен, чтобы привести к появлению отчетливо выраженного симптома, остается «инкапсулированным в психику», словно инородное тело, и время от времени активизируется в достаточной мере, чтобы напомнить о своем существовании.

Важно помнить, однако, что этот связанный с «роковыми датами» предрассудок отражал собой лишь один аспект отношения Фрейда к смерти как факту и идее. Тем не менее весьма интересно понаблюдать за тем, каким образом старый конфликт продолжал свое существование, постепенно интегрируясь в зрелую, взвешенную, в высшей мере автономную установку «Я», способную противостоять нескончаемым испытаниям.

В письме от 7 августа 1901 г. Фрейд говорил о наполненности «Психопатологии обыденной жизни» как с явными, так и косвенными ссылками на Флисса. Последняя глава этой книги, озаглавленная как «Детерминизм и суеверие», содержит несколько явных противоречий. С одной стороны, Фрейд справедливо утверждал, что он не является «суеверной личностью», с другой — признавал у себя наличие некоторых «суеверий».

Фрейд закончил обсуждение примеров, связанных с различными числами, выбранными будто бы случайно, следующим утверждением:

«Анализ такого рода, который я проводил на себе, позволил мне заметить два особенно поразительных обстоятельства: во-первых, прямо-таки сомнамбулическую уверенность, с которой я шел к моей неосознаваемой цели и погрузился в арифметический образ мысли, внезапно приведший меня к желаемому числу, и та скорость, с которой вся работа оказалась выполнена. Во-вторых, тот факт, что числа оказались в столь свободном распоряжении моего бессознательного мышления, тогда как счетовод я на самом деле плохой и мне очень тяжело сознательно оперировать датами, номерами домов и прочими аналогичными вещами. Кроме этого, в этих бессознательных умственных операциях с числами я обнаружил у себя склонность к суеверию, истоки которого долгое время оставались для меня невыясненными».

Процитированный отрывок появился в «Психопатологии обыденной жизни» 1907 г. издания. Как указывал Стрейчи:

«В 1901-м и 1904 гг. это предложение заканчивалось иначе: «...истoki которого мне все еще неизвестны». [Пропущенный] абзац продолжался: «Порой я бываю подвержен фантазиям относительно продолжительности моей жизни и жизни близких мне людей. Тот факт, что мой друг из Б[ерлина] сделал периоды человеческой жизни предметом своих вычислений, опиравшихся на биологические законы, должно быть, как раз и выступил в качестве определяющего фактора этих бессознательных фокусов. Теперь я не согласен с некоторыми из предпосылок, на которые опирается его работа. По крайне эгоистическим мотивам я был бы очень рад, если его мнение окажется ошибочным. При этом я, кажется, по-своему имитировал его вычисления». [Стрейчи добавляет:] Весь этот абзац был пропущен, и предшествующее ему предложение с 1907 г. обрело свой сегодняшний вид. В пропущенном отрывке присутствуют ссылки на... Флисса и анализ числа 2467, который (в 1901-м и 1904 гг.) был выполнен непосредственно перед этим. Гипотезы Флисса, с которыми Фрейд имел эгоистические мотивы не соглашаться, несомненно проорочили ему смерть в возрасте 51 года, то есть в 1907 г., — в том году данный абзац и был изъят».

Здесь мы получаем подтверждение от самого Фрейда касательно того, что, хотя он и не являлся суеверным человеком, внутри его таился «враждебный к эго» конфликт, обнаруживавший себя именно посредством этого суеверия.

Любопытно, что предложение, пропущенное в издании 1907 г., в 1904 г. — когда навязчивое суеверие Фрейда особенно усилилось — все еще присутствовало. Это произошло при следующих обстоятельствах.

20 июля 1904 г. Флисс заинтересовался у Фрейда, не от его ли студента Г. Свободы философ Отто Вейнинггер получил информацию о понятии бисексуальности. Оно, как мы знаем, играло очень важную роль в работе Вейнинггера «Пол и характер» (1902, 1906).

Ответ Фрейда не удовлетворил Флисса. 27 июля Фрейд получил второе письмо, датированное 26 июля — днем рождения Марты Фрейд. В этом письме Флисс обвинил Фрейда в недостаточном подчеркивании приоритета Флисса в создании концепции бисексуальности и в том, что тот не смог достаточно бережно сохранить «секрет» его теорий. Утечка информации произошла будто бы, когда Фрейд рассказал об этих теориях своему пациенту Герману Свободе, а Свобода передал все услышанное философу Отто Вейнинггеру, который использовал полученные сведения в своей книге. Так «признание» Фрейда, сделанное им в процессе анализа свидения «non vixit», в котором он испытал удовлетворение от того, что пережил Флисса, вновь обрело подкрепление со стороны вновь появившегося мотива неосмотрительности¹.

¹ См.: Крис (1950), Джонс (т. 1) и главу 8 этой книги.

В августе 1904 г., по прошествии лишь нескольких недель с момента появления обвинений со стороны Флисса, Фрейд отправился в небольшое путешествие. Как это часто бывало, его попутчиком оказался младший брат Александр. Он был свободен лишь неделю, поэтому вдвоем они решили отправиться через Триест на остров Корфу и провести там несколько дней. Но знакомый Фрейда в Триесте предложил им не ездить на остров, а лучше провести несколько дней в Греции и тем же маршрутом в назначенный срок вернуться обратно в Триест.

Первоначальная реакция путешественников, которую Фрейд описал и проанализировал (много лет спустя в «Расстройстве памяти на Акрополе»), на это предложение оказалась довольно странной:

«Возвращаясь от этого знакомого, мы оба находились в очень подавленном состоянии. Мы обсудили предложенный план и признали его совершеннейшую непрактичность; он порождал лишь дополнительные трудности; кроме того, мы обратили внимание, что нам не удастся сойти на землю Греции без паспортов. Часы до открытия пароходства мы провели бродя по городу в нерешительности и плохом настроении. Но, когда подошло время, мы с братом направились к стойке и так естественно зарегистрировали нашу поездку в Афины, как будто бы этот вопрос был уже полностью решен. Такое поведение... казалось наиболее странным. Позже мы посчитали, что приняли предложение отправиться в Афины вместо Корфу сразу и очень легко. Но если так, то почему мы провели время до открытия пароходства в столь мрачном настроении, не предвидя на предложенном пути ничего, кроме лишних трудностей?..

Здесь мы имеем дело с одним из тех редких случаев, когда говорят, что нечто «слишком хорошо, чтобы быть правдой»¹. Так в нас часто оживает определенное недоверие, когда мы вдруг получаем хорошие вести, например когда узнаем о нашем выигрыше или когда девушка слышит о том, что мужчина, которого она тайно любит, попросил у ее родителей позволения за ней ухаживать.

Когда же мы констатировали существование некоего феномена, надо сразу же разобраться с его происхождением. Недоверчивость такого рода, очевидно, призвана поставить под сомнение реальность происходящего, но здесь есть и нечто странное. Мы бы ни сколько не удивились, если бы такая недоверчивость проявила себя по отношению к чему-либо, что грозило бы нам неприятностями... Однако почему она может иметь место и тогда, когда неожиданное, напротив, сулит лишь радость? Вот уж действительно парадокс

¹ В оригинале на английском.

сальное поведение! Однако я действительно припоминаю случаи, когда люди оказывались, как я выразился, «уничтожены успехом». Как правило, люди заболевают в результате фрустрации, когда некоторые их жизненно важные потребности или желания не могут быть удовлетворены. Но в данном случае все обстоит как раз наоборот; люди заболевают или оказываются совершенно подавлены из-за того, что осуществилось их самое большое желание. Однако контраст между этими случаями не столь разителен, как это может показаться на первый взгляд. Парадоксальный случай отличается лишь тем, что там место внешней фрустрации занимает внутренняя. Страдающий не может позволить себе счастья: внутренняя неудача принуждает его ориентироваться на отказ от удачи внешней. Но почему это происходит? Потому что слишком часто оказывалось, что от Судьбы не следует ожидать ничего хорошего. По сути, и здесь мы имеем дело с выражением сходного пессимизма, который, как представляется, присущ очень многим из нас. В других случаях все обстоит точно так же, как и у тех, кто оказывается сокрушен достигнутым успехом. Соответственно, мы можем говорить о наличии чувства вины или собственной неполноценности, которые могут быть выражены следующей фразой: «Я не гожусь для такого счастья, я не стою его». Но обе эти мотивировки, по сути, одинаковы, одна является проекцией другой. Судьба, от которой мы не ждем для себя ничего хорошего, представляет собой лишь материализацию нашей совести, строгого «Сверх-Я» внутри нас, в котором нашли свое выражение карающие силы нашего детства (1996)».

Фрейд и его брат приняли предложение о поездке в Афины, где предрассудок «предопределенной продолжительности жизни» Фрейда проявился столь сильно, что он начал воспринимать его как беспокоящий симптом. В этой же поездке Фрейд также испытал то, что потом назвал «расстройством памяти». Фактически это было кратковременным проявлением психического состояния, во время которого он усомнился в реальности происходящего и даже просил брата подтвердить, действительно ли они находятся на Акрополе¹.

«И вот мы здесь, в Афинах, и стоим на Акрополе! Мы действительно кое-чего добились!» Если можно сравнивать малое событие с великим, то разве не Наполеон во время своей коронации в Нотр-Даме обернулся к одному из своих братьев — видимо это был старший из них, Жозеф, — со словами: «Что бы на это сказал господин наш отец, если бы он мог здесь присутствовать?»

¹ В 1919 г. Фрейд дал яркое описание этого незапланированного путешествия, побудившего его, по-видимому, воспринимать происходившее с ним как что-то «нереальное» или «сверхъестественное».

И здесь мы можем подойти к решению той маленькой проблемы: почему в Триесте наша радость от предстоящей поездки в Афины была омрачена. Должно быть, к чувству удовлетворения достигнутым примешивается *чувство вины*; ощущение собственной греховности, которое испытываешь, преступая запретную черту. Это связано с осуждением детей со стороны отца, с *недооценкой* самого себя, которая приходит на место *переоценке* раннего детства. [Курсив добавлен. — М. Ш.] Это выглядит так, словно самое главное в жизни заключается в том, чтобы превзойти своего отца, как будто желание превзойти отца — все еще запретно.

В дополнение к этому общезначимому мотиву для нашего конкретного случая было еще и дополнительное объяснение. Сама по себе тема Афин и Акрополя содержит намек на превосходство сыновей. Наш отец занимался торговлей, он не получил никакого образования и Афины немного для него значили. Таким образом, удовольствие от поездки в Афины было омрачено в силу чувства сыновнего почтения. Теперь Вас больше не будет удивлять, что воспоминание о пережитом на Акрополе столь часто меня тревожит теперь, когда я сам постарел, нуждаюсь в заботе и не могу больше путешествовать (1936)».

Во втором томе биографии Джонс привел описание этой поездки, опираясь на письма Фрейда к семье (по большей части это были художественные открытки), и те впечатления, которыми он делился с Мари Бонапарт, имевшей к тому времени обыкновение вести записи их бесед. Джонс, разумеется, упомянул «расстройство памяти», но не указал на предрассудок Фрейда, обострившийся во время этой поездки. Он подчеркнул лишь то, что эта поездка не была запланирована заранее.

В рукописи от 1936 г. на своем афинском предрассудке не остановился и Фрейд. Однако он подробно рассмотрел данный вопрос в письме к Юнгу от 16 апреля 1909 г. Это письмо очень важно еще и по ряду других причин. Несмотря на то что отрывки из этого письма будут приводиться и в главе 9, здесь оно цитируется полностью.

«16 апреля 1909 г.

Дорогой друг.

Полагая, что Вы уже в северонтальянском велосипедном турне, я отправил Вашей жене открытку из Венеции, куда отправился на Пасху в тщетной надежде отдохнуть и как можно раньше насладиться очарованием весны.

Примечательно, что в тот же вечер, когда я торжественно назвал Вас моим старшим сыном и возвел в ранг наследника и кроппринца — *in partibus infidelium*¹, мое отцовство было отвергнуто,

¹ В краях неверных (лат.).

по-видимому, с отнюдь не меньшим удовольствием. Боюсь, что я вновь войду в роль отца, заговорив о своей позиции касательно «Полтергейста». Тем не менее я должен это сделать, поскольку здесь все обстоит не так, как Вы думаете. Я не отрицаю, что Ваши слова и эксперимент произвели на меня сильное впечатление. После Вашего ухода я решил провести некоторые наблюдения, и вот их результаты. В моей первой комнате, там, где на дубовых досках книжного шкафа покоятся две тяжелые египетские стелы, треск раздается постоянно. С этим все совершенно понятно. Во второй комнате, где мы все это слышали, любые шумы раздаются крайне редко. Сперва я хотел посчитать это доказательством того, что частые шумы имеют место лишь в Вашем присутствии и после Вашего ухода исчезают, однако с тех пор скрип не раз повторялся, хотя безо всякой связи с моими мыслями и никогда в тот момент, когда я думал о Вас и Вашей особой проблеме (не без вызова могу добавить, что нет его и сейчас). Однако мои наблюдения вскоре утратили свое значение по иным причинам. Моя вера или, по крайней мере, моя готовность поверить исчезла вместе с очарованием Вашего личного присутствия. И опять все это кажется мне совершенно невозможным. Лишенная таинственных духов мебель предстает передо мной подобно природе, представшей перед поэтом после исчезновения греческих богов.

Так что я вновь надеваю строгие роговые очки и призываю сына быть рассудительным и скорее согласиться что-либо недопонять, чем приносить пониманию столь большие жертвы. Я качаю своей умудренной главой и по поводу психосинтеза, думая при этом: «Да, вот каковы они, молодые; настоящую радость им дает лишь то, что они стремятся все исследовать без нас, обремененных одышкой и усталостью в ногах».

Теперь же я воспользуюсь привилегией своих лет и пространно расскажу Вам о другой непонятной истории. Несколько лет назад я обнаружил в себе уверенность, что умру в возрасте 61 — 62 года, до которого, как тогда казалось, было еще очень далеко. (Теперь же осталось не более восьми лет¹.) Тогда я отправился с моим братом [Александром]² в Грецию, и мне, старательному примечавшему все происходившее, было просто жутко от того, сколь настойчиво на моем пути попадались числа 61 и 60 в сочетании с единицей или двойкой всякий раз, когда я пытался пересчитать некие предметы, особенно транспортные средства. Пребывая в подавленном настроении, я надеялся воспрянуть духом в нашей афинской гостинице, где комнату нам выделили на вто-

¹ Это письмо было написано примерно за три недели до 53-го дня рождения Фрейда и спустя пятнадцать лет после его самого сильного сердечного приступа 1894 г.

² Как он поступал и в «период Флисса».

ром этаже, а стало быть, она никак не могла значиться под номером 61. Так примерно и получилось, по в моем распоряжении оказалась 31-я комната (по фатальному совпадению 31 — это фактически половина от 61—62). Это еще более прилипчивое число преследовало меня даже чаще, чем первое. После моего возвращения и *практически до настоящего времени* число 31 в тесной связи с цифрой 2 не оставляло меня. Но, поскольку в моей системе наличествует и стремление к познанию, я подверг ту свою уверенность анализу, и вот что получилось. Она зародилась в 1899 г. Два события совпали тогда по времени: во-первых, я написал «Толкование сновидений» и, во-вторых, получил новый номер телефона, который остается у меня и на сегодняшний день, — 14362¹. Между этими двумя фактами может быть легко установлена связь; в 1899 г., когда я написал «Толкование сновидений», мне было 43 года. Естественно предположить, что остальные числа должны означать время окончания моей жизни: 61 или 62. Внезапно среди всего этого хаоса мелькнула догадка. Суеверная мысль, что я должен умереть в возрасте 61—62 года, оказалась эквивалентом убеждения, что своим «Толкованием сновидений» я завершил труд моей жизни, а потому могу спокойно умереть, не думая о создании новых работ. Согласитесь, что после этого история не кажется столь уж абсурдной. Кстати, здесь сказалось и скрытое влияние Флисса; суеверие возникло в тот год, когда он резко против меня выступил². Здесь Вы вновь обнаружите подтверждение *еврейской природы моего мистицизма*³. Вообще-то я склонен считать, что все приключения, подобные только что описанному, объясняются двумя факторами. Во-первых, чрезвычайно высокой избирательностью со стороны бессознательного, готового в любой женщине увидеть Елену⁴; во-вторых, несомненным присутствием «податливой случайности», которая при возникновении всяческих химер играет ту же роль, что и соматическая податливость при симптомах истерии или лингвистическая — при игре слов.

¹ См. мои комментарии к толкованию Фрейдом числа 2467 в его письме к Флиссу от 27 августа 1899 г. (глава 5).

² То есть в 1904 г. Фактически в латентной, скрытой форме это суеверие наблюдалось у него еще намного раньше (см. также главы 3, 4 и 5)

³ См. также главу 1.

⁴ Намек на «Фауста». Мефистофель дает Фаусту магическое снадобье, говоря:

Глотнув настойку, он Елену
Во всех усмотрит непременно.
(Перевод Б. Пастернака)

Это выражение стало крылатым, подчеркивая тот факт, что обуреваемый пристрастными мыслями увидит подтверждение им в любой ситуации, даже если представленные доказательства ничтожны.

Соответственно, я намерен с интересом наблюдать за Вашими дальнейшими изысканиями касательно привидений с любопытством человека, увлеченного милой иллюзией, но ее не разделяющего¹.

Ваш Фрейд».

Это письмо можно было привести, даже исходя лишь из эстетических соображений, как превосходный образец писательского искусства Фрейда, искусства, неповторимую утонченность которого так трудно полностью сохранить в переводах на другие языки. Кроме того, оно имеет и крайне важное значение. Здесь Фрейд предоставил нам уникальную возможность рассмотреть важный аспект его жизни. Оно служит «недостающим звеном» в сорокалетней цепи событий, соединяющей 1896 г. — год смерти его отца — с 1936 г. — годом опубликования его воспоминаний о пребывании на Акрополе.

Ранее я указывал, что, хотя Фрейд и не был суеверен, некоторые предрассудки все же были ему присущи. Сходным образом нельзя утверждать, что Фрейд страдал от невроза навязчивых состояний, однако его предрассудку «предопределенной продолжительности жизни» все же была свойственна определенная навязчивость. Хотя Фрейд и сообщил некоторые подробности своего самоанализа, у нас нет возможности судить, считал ли он возможным рассказать обо всем Юнгу.

К счастью, мы можем полагаться не только на домыслы. Я упоминал уже в этой главе, что перемены в отношении Фрейда к Флиссу отразились в тех изменениях, которые Фрейд внес с 1901 г. по 1907 г. в текст «Психопатологии обыденной жизни». Аналогичным образом мы можем получить некоторую дополнительную информацию и по результатам тщательного сопоставления содержания письма Фрейда к Юнгу с некоторыми другими его рукописями, появившимися в период с 1901-го по 1909 г.

С помощью отрывков из «Психопатологии обыденной жизни» и сделанных Стрейчи замечаний, которые цитировались в этой главе ранее, мы узнали, что в 1904 г. (год, когда Флисс обрушился на Фрейда с резкой критикой и состоялась описанная поездка в Грецию) Фрейд связывал свои суеверия с вычислениями Флисса, *которые он воспроизводил вопреки тому, что уже тогда был не согласен с лежащими в их основе предпосылками.*

В промежуточной копии второго (1904 г.) издания после примера с числом 2467 (см. главу 5) можно обнаружить следующую запись:

¹ Мы увидим, что отношение Фрейда к «оккультным» явлениям в последующие десятилетия его жизни претерпело множество сложных метаморфоз.

«Гнев, злоба и в конечном итоге побуждения к убийству — источник суеверия в случае певроза навязчивости: садистский компонент, который применяется к любви и, следовательно, направлен против любимого человека и подавляется именно в связи со своей направленностью и интенсивностью. *Мое собственное суеверие имеет корни в подавленном стремлении (к бессмертию) и в моем случае замещает страх смерти, протекающий из обычной непредсказуемости нашей жизни*».

Вдобавок к пониманию враждебной к эго природы своего суеверия Фрейд обнаружил, что оно является не только выражением его двойственности, но также защитой от обычного и неизбежного страха смерти.

Эти замечания гораздо ближе к сути его конфликта, чем ранее цитированные дополнения от 1907 г. Однако в том же году Фрейд добавил в «Психопатологию обыденной жизни» еще один фрагмент:

«Всякий, кто имел возможность с помощью психоанализа изучить скрытые человеческие побуждения, также может кое-что добавить *о качестве* бессознательных мотивов, находящих свое выражение в суеверии. С наибольшей ясностью это обнаруживается на примере невротиков, страдающих от навязчивых мыслей или навязчивых состояний. Эти люди, зачастую обладающие высоким интеллектом, — лучшее доказательство того, что суеверия произрастают из подавленных импульсов враждебности и жестокости. Суеверие большей частью — это ожидание бед. Человек, который часто испытывает враждебные чувства к другим людям, но вытесняет их в бессознательное, особенно часто ждет наказания за свою бессознательную злобу в виде бед, грозящих ему извне».

В стандартном издании перевод этого отрывка содержит две важные неточности. В более близком переводе часть второго предложения звучала бы так: «Часто очень умные *раздражительные* люди [поскольку в немецкоязычном варианте написано «die Nervösen», а не «Neurotiker»], которые *находятся под влиянием* (или *обременены*) [«behafteten», а не «leiden» (страдающие)]...» Вторая неточность связана с использованием английского слова «trouble» вместо немецкого «Unheil», которое следовало бы перевести как «несчастье»¹. Несомненно, что применение этого толкования — за некоторыми оговорками — к навязчивым суевериям самого Фрейда имело бы под собой достаточно оснований.

В том же году Фрейд опубликовал краткую статью о «Навязчивых действиях и религиозных практиках», в которой провел раз-

¹ См. главу 10, сноску 1 на с. 278.

личие между «раздражительными людьми» и людьми, страдающими от навязчивых мыслей, идей, импульсов и т. п. В совокупности такие проявления обычно обозначаются термином «невроз навязчивых состояний». Впоследствии Фрейд подчеркивал, что сходные навязчивые явления могут наблюдаться не только при неврозе навязчивости, но и при ряде других психических расстройств.

В этой статье Фрейд говорил, что «страдающие от принуждений и запретов ведут себя словно подавленные чувством вины, о котором, однако, им ничего не известно и которое потому может быть названо *бессознательным чувством вины*» [курсив добавлен. — М.Ш.].

Тогда впервые Фрейд использовал данный термин в опубликованной работе. Это понятие сыграло очень важную роль в его последующих работах, хотя высокая значимость неосознанного чувства вины подразумевалась им и ранее. Первый же раз он воспользовался им применительно к трагедии Гамлета, когда в письме к Флиссу сообщил об «открытии» эдипова комплекса.

В своей статье 1907 г. Фрейд связывал понятие вины главным образом с подавлением запретных сексуальных импульсов. Мы знаем, однако, что еще в 1897 г. Фрейд открыл «эдипов» конфликт и повсеместно распространенное соперничество с отцом, приводящее к возникновению желания его убить. Фрейд также реконструировал в самоанализе свое собственное «желание смерти» своему младшему брату и описал в «Толковании сновидений» повсеместную распространенность враждебных отношений и соперничества между братьями и сестрами (см. главу 5).

Он, в частности, указывал, что маленький ребенок, у которого умер младший брат или сестра, с рождением следующего ребенка может желать, чтобы подобная судьба постигла и этого нового соперника. Фрейд также подчеркивал тем не менее, что степень такой враждебности может быть объяснена, с одной стороны, непомерным эгоизмом маленьких детей, а с другой — отсутствием у них адекватных представлений о смерти.

В 1914 г. Фрейд сделал следующее примечание: «Смерти, переживаемые в детстве при таких обстоятельствах, могут быть быстро позабыты. Однако психоаналитическое исследование показывает их очень существенное влияние на последующие неврозы». Это утверждение имеет прямое отношение к жизни самого Фрейда; место его младшего брата, умершего в 1858 г., всего через несколько месяцев оказалось занято сестрой, родившейся 31 декабря 1858 г.

Все эти примеры вновь показывают, что Фрейд лишь постепенно пришел к пониманию роли агрессии в инстинктивной жизни людей. Открытие ищущего влечения к матери и враждебности к отцу, как к основному сопернику, уже само по себе было шокирующим. Однако мысль о том, что скрытое желание смерти

имеет повсеместное распространение и, до некоторой степени независимо от эдипова соперничества, распространяется также на родных братьев и сестер, была даже еще более неприемлемой.

Только через несколько месяцев после опубликования статьи «Навязчивые действия и религиозные практики» Фрейд приступил к работе над случаем невроза навязчивости, которую он опубликовал в 1909 г. под заглавием «Заметки о случае невроза навязчивости». В этой статье он описал, возможно, наиболее интересный и важный случай из тех, которые когда-либо встречались в практике психоаналитиков.

У этого пациента Фрейда, помимо множества прочих серьезных симптомов, имелись, как он их называл, «направления мыслей», связанные со смертью отца, о чем он сообщил во время одной из первых психоаналитических сессий. Когда на шестой (!) сессии пациент рассказал Фрейду о том, что «он не мог никогда желать смерти отца, такая мысль вызывала лишь чувство страха», Фрейд доказал ему, что согласно психоаналитической теории каждый страх соответствует первичному (бессознательному) желанию.

Уместно вспомнить некоторые фрагменты из этой статьи:

«[Пациент] был удивлен самой возможностью появления такого желания, утверждая, что любил своего отца больше чем кого бы то ни было другого. Не могло быть сомнений, что он был бы готов пойти на любые жертвы, если бы это могло спасти жизнь его отца. Я ответил, что именно такая сильная любовь и указывает на наличие вытесненной ненависти. По отношению к людям, к которым этот пациент был бы безразличен, он вполне бы мог испытывать как умеренное расположение, так и умеренную неприязнь... [Фрейд добавил в скобках:] У Шекспира что-то подобное говорил о Юлии Цезаре Брут: «Цезарь любил меня, и я по нему тоскую, его удачи заставляли радоваться и меня, его доблести вызвали во мне гордость, но он был честолюбив, и я его уничтожил». Уже сама эта речь вызывает у нас неприятие, так как мы представляем себе гораздо большую заинтересованность Брута в смерти Цезаря».

Здесь мы можем обнаружить именно ту ассоциацию, которая сыграла столь важную роль в сновидении «non vixit» и привела к воспоминанию о том, что однажды Фрейд сам играл роль Брута (см. главу 5).

В следующей сессии Фрейд вовлек пациента в продолжительную дискуссию об инфантильных истоках злобных и кровожадных мыслей и желаний. По ходу беседы пациент вспоминал цитаты из «По ту сторону добра и зла» Ницше о конфликте между «Памятью» и «Самолюбием». Отчет об этой сессии Фрейд завершил следующим образом:

«Он продолжал утверждать, что его болезнь особенно обострилась после смерти отца; я отвечал, что согласен с ним постольку, поскольку рассматриваю его скорбь по отцу в качестве основного источника *выраженности* его болезни. Его скорбь, если можно так выразиться, патологична. В норме же, как я ему сообщил, человек не печалится больше одного или двух лет. В противном случае скорбь по умершему может тянуться неопределенно долгое время».

Я процитировал эти отрывки по многим причинам. В переписке с Флиссом Фрейд часто отмечал, сколь тесно его самоанализ связан с открытиями, появлявшимися по ходу его работы с пациентами.

В самоанализе этого периода Фрейд был все еще особенно сосредоточен на проработке своей собственной вины, простиравшейся из универсальных конфликтов Эдипа и Каипа¹.

Еще один отрывок из статьи 1909 г. особенно важен для обсуждения нами темы. После продолжительного обсуждения отношения его пациента к суевериям и смерти, увязывавшегося с детским чувством всемогущества и с неизменно двойственными чувствами таких пациентов к объектам их любви, Фрейд говорил:

«...Поведение прочих людей, страдающих от невроза навязчивости, даже если им и не довелось лицом к лицу встретиться с проблемой смерти в столь же раннем возрасте, не слишком сильно отличается от того, которое мы можем наблюдать у нашего пациента. Их мысли постоянно вращаются вокруг сроков предполагаемой продолжительности жизни других людей и вероятности, смерти; их суеверные склонности не связаны с иными поводами и, пожалуй, вовсе не имеют другого истока».

Нам конечно же известно, что такое поведение присуще не только страдающим от невроза навязчивости, но в той или иной мере может проявляться и в условиях тех навязчивых предрассудков, которые наблюдались у Фрейда.

¹ Другая причина цитирования этих отрывков в том, что тогда Фрейд все еще полагал, что интеллектуальный подход к нашим сокровенным внутренним конфликтам сам по себе способен привести к их разрешению. Ему потребовались еще долгие годы, чтобы на собственном, часто горьком, опыте убедиться в том, что все это не совсем так и преодоление сопротивлений зачастую требует весьма длительных периодов «проработки». Анализируя случаи неврозов навязчивости, равно как и в лечении людей с признаками навязчивых состояний, он также обнаружил, что интеллектуализация часто представляет одну из наиболее прочных форм сопротивления. Сверх того, он обнаружил, что феномен перенесения является наиболее важным средством для «проработки» таких сопротивлений.

Представленный в данной главе материал наглядно подтверждает, сколь тесно переплетались определенные события жизни Фрейда с его научной работой, открытиями и самоанализом. В «Толковании сновидений» Фрейд включил собственные сны и конфликты с тем, чтобы проиллюстрировать процесс действия человеческой психики. Сопоставив содержание процитированных в данной главе отрывков с событиями 1904 г., письмом к Юнгу от 1909 г. и статьей об акропольских воспоминаниях от 1936 г., можно легко увидеть, сколь часто Фрейд обращался непосредственно к своим собственным проблемам. Кроме этого, мы можем заметить, до какой степени прогресс в его творческой деятельности и самоанализе отражался на изменениях его отношения к Флиссу. Подведем главные итоги.

Дополнения, изменения и изъятия, которые Фрейд осуществил в трех изданиях «Психопатологии обыденной жизни»¹, наглядно иллюстрируют его крепнущее осознание того, что, с одной стороны, его собственные цифровые предрассудки и склонность к суевериям связаны со страхами относительно продолжительности его жизни и жизни близких ему людей, а с другой — с «фокусами» Флисса с числами, которым он подражал, хотя уже и не был согласен с лежавшими в их основе предпосылками. В 1907 г. некоторые из этих отрывков были изъятые или изменены. Например, в первом издании Фрейд анализировал якобы произвольное использование им числа 2467, впервые появившегося в его письме к Флиссу от 27 августа 1899 г.

Промежуточное издание «Психопатологии обыденной жизни» (1904) содержит замечания, проводящие различие между суеверием Фрейда, которое он связывал с подавленным стремлением (к бессмертию) и «страхом смерти, проистекающим из обычной непредсказуемости нашей жизни». Только в 1926 г., с появлением статьи «Торможения, симптомы и тревога», Фрейд провел четкое различие между нормальной тревогой и невротической, проявляющейся через усиление нормальной реакции на существующую опасность или бурными переживаниями из-за ситуаций, которые сами по себе не опасны.

Эти замечания представляются уместными по следующим причинам: в 1904 г. Фрейд связывал свои суеверия лишь с «подавленным стремлением» (к бессмертию), при этом из ранее процитированных отрывков и внесенных им изменений следует, что в 1907 г. Фрейд также связывал суеверия с тем, что позже назвал бы идентификацией с Флиссом.

¹ Замечания, в рамках которых Джеймс Стрейчи выделял и комментировал значимость этих изменений, лишний раз подчеркивают уникальную историческую ценность его труда над стандартным изданием работы Фрейда.

Фрейд не конкретизировал ни источник того, что называл «стремлением к бессмертию», ни механизмы подавления этого стремления. В «Толковании сновидений» есть несколько разрозненных замечаний о том, что дети, к примеру, не имеют правильного представления о смерти и что взрослые выражают желание бессмертия, перенося это на своих детей. Только в более поздних работах Фрейда эта концепция была разработана гораздо подробнее.

Еще более уместно сделанное Фрейдом замечание о том, что это «суеверие» (мы бы сказали, предрассудок о смерти), замещало «типичный страх» смерти. Это одно из очень немногих мест, где Фрейд говорил о страхе смерти, проистекающем из «обычной непредсказуемости жизни». Не случайно, что он заговорил об этой непредсказуемости в ту пору, когда окончательно восстановился после своего сердечного заболевания, и потому мог легче перевести в разряд суеверий мысль о том, что не проживет дольше 51 года — возраста, в котором он опубликовал «Психопатологию обыденной жизни».

Только с 1907 г. Фрейд стал сопоставлять суеверие с проявлениями «навязчивых состояний», симптомами певроза навязчивости и религиозными практиками.

Наиболее далеко идущее обобщение было сделано в издании «Психопатологии обыденной жизни» 1907 г.: «Суеверия проистекают из подавленных импульсов враждебности и жестокости». В большинстве других примеров подавленные враждебные импульсы связываются с соперничеством с отцом в эдиповой ситуации, а также соперничеством со своими братьями и сестрами. В это время Фрейд считал вытеснение запретных сексуальных импульсов основным источником бессознательной вины.

В других цитированных отрывках Фрейд также утверждал, что сила и чувство вины указывают на силу испытываемых враждебных чувств.

Наконец, Фрейд подчеркивал, что люди, которым уже в ранние годы довелось лицом к лицу столкнуться с проблемой смерти, оказываются предрасположены к формированию предрассудков о заранее определенной продолжительности жизни и страху близкой смерти. Продолжительность периода, в течение которого они испытывают чувство скорби, также зависит от всех этих факторов.

Со слов самого Фрейда нам известно, сколь сильно повлияла на него смерть брата и отца. Следует лишь добавить, что глубокая печаль вызывается не только самим фактом смерти любимого человека, но и утратой объекта, с исчезновением которого разрушаются и установившиеся глубокие отношения к нему.

Может возникнуть вопрос: почему предрассудок Фрейда обнаруживал себя прежде всего в том, что относилось к его собственной смерти?

Как уже отмечалось при обсуждении некоторых писем к Флису, Фрейд часто бывал весьма обеспокоен, когда Флисс либо кто-то еще из его близких друзей путешествовал и давал о себе знать нерегулярно. Пугали его и заметки о железнодорожных катастрофах. Однако такие мысли никогда не приобретали устойчивого, тем более навязчивого характера.

Нам лишь следует добавить здесь некоторые пояснения, которые Фрейд приводил применительно к навязчивым мыслям своих пациентов. Он обнаружил, что за *навязчивыми* мыслями и тревогой за жизнь других людей часто скрываются враждебные желания. Однако нам известно и то, что такие желания для нас неприемлемы, особенно если они направлены против близких нам людей. Поэтому если такие враждебные желания появляются у человека с развитой совестью, то они могут преобразиться в предрассудок, связанный со страхом собственной смерти.

Появление таких феноменов наблюдается в многочисленных случаях различных ярких отношений, например в состоянии безрассудной страсти или при конфликтах, которые проявляются у некоторых женщин после рождения у них ребенка.

В психоаналитической ситуации такие желания и страхи часто получают свое выражение в явлениях перенесения. Лишь исчерпывающий анализ таких явлений в их позитивных и негативных аспектах может разрешить эти конфликты после установления связи с их инфантильным прототипом. Известно, что «проработка» крайне осложняется в условиях чрезмерно острых отношений перенесения. Потому со временем Фрейд и пришел к пониманию необходимости установления оптимальной дистанции между аналитиком и объектом психоанализа.

Именно дистанция в отношениях между Фрейдом и Флиссом сделала их разрыв таким болезненным. Отсюда легко понятна острота проявления навязчивого предрассудка «предопределенной продолжительности жизни» Фрейда в год, когда Флисс обрушился на его теории с резкой критикой.

Более того, Фрейд стал к тому моменту одним из наиболее влиятельных людей своего времени, в то время как его ранее обожаемый и столь высоко ценимый друг-аналитик не только обратился в критика, но и оказался на «обочине».

«Вина выжившего» выступала связующим звеном между текущими конфликтами того времени, имевшими своим источником пока нерешенный конфликт двойственного отношения, и «виной выжившего», сохранившейся у Фрейда после смерти отца и брата.

В письме к Юнгу, написанном в 1909 г., Фрейд вскользь упоминает о «скрытом влиянии Флисса». Мы имеем основания предполагать, что во время событий 1904 г. и в пору появления второго издания «Психопатологии обыденной жизни» (которое также

было опубликовано в 1904 г.) Фрейд еще не осознавал *всех* нюансов этого «скрытого влияния». В анализе «числового» суеверия, представленном в письме к Юнгу, был упущен один существенный фактор — фактор вины. Без его учета кажется непонятным, почему Фрейд должен был чувствовать, что жизнь его должна закончиться вскоре после публикации «Толкования сновидений».

В своей статье от 1936 г., содержащей воспоминания о посещении им Акрополя, Фрейд ограничил себя в обсуждении испытанного им тогда состояния, пропустив симптом, который описал только в 1909 г. в письме к Юнгу. Более того, анализируя свое тогдашнее состояние, он ограничился вниманием лишь к инфантильным корням этого явления, которое охарактеризовал в терминах «сыновней добродетели» и чувства вины за превосходство над своим отцом.

Вдобавок к фактору «вины выжившего», возможно, наличествовал и другой механизм, проявившийся в этом эпизоде через постоянное возобновление навязчивого «числового» предрассудка, равно как и в некоторых спекулятивных формулировках.

В «Печали и меланхолии» Фрейд описал тенденцию к сохранению определенных черт утраченного объекта в психике скорбящего. После разрыва с Флиссом для Фрейда явно наступил весьма болезненный период, особенно если учесть те обстоятельства, в которых этот разрыв произошел. Очевидно, что «игра чисел» Флисса имела на Фрейда очень существенное влияние, тесно ассоциируясь с иными идеями бывшего друга. Фрейд сам подтвердил это предположение, сообщив в «Психопатологии обыденной жизни» от 1904 г., что все еще подражает вычислениям Флисса, несмотря на то что уже не согласен с ними. Я ранее упоминал в этой главе, что в 1920 г. в книге «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд вновь ссылаясь на «основную концепцию Вильгельма Флисса».

Замечания Фрейда касательно значения нормальной и патологической печали в равной степени применимы и к нему самому. Более того, тот же механизм, хотя и не столь ярко, проявлялся и в отношениях Фрейда с Юнгом.

Глава 8

БЕССМЕРТИЕ

1906-й и 1907 гг. оказались особенно значительными.

В 1906 г. Флисс обнародовал свои претензии к Фрейду, Свободе и Вейнишгеру (см. главу 7). Мы можем полагать, что форма этих нападок и их явно параноидальный характер внесли определенный вклад в «проработку» процесса, требовавшегося для разрушения особого отношения Фрейда к Флиссу. Также они должны были усилить грусть и разочарование, которые тогда испытывал Фрейд, и углубить его по большей мере бессознательное чувство вины.

В 1906 г. к тому же Фрейд начал переписываться с Юнгом, который вместе с Блейлером, профессором психиатрии из Цюриха, двумя годами ранее выпустил в свет серию во многом обусловленных работой Фрейда публикаций. Таким образом, было положено начало новым отношениям, пережившим некоторые, но, вне всякого сомнения, далеко не все характерные черты отношения Фрейда к Флиссу. Хотя здесь тоже имела место некоторая переоценка Юнга, как и завышенные ожидания найти в его лице «сына» и «духовного преемника».

1907 г. стал годом, когда влияние психоанализа сильно расширилось. В этом году Фрейд познакомился не только с Юнгом, но также с Абрахамом и Ференци, ставшими его друзьями и ближайшими соратниками. Свой первый визит в Вену Юнг нанес вместе с Людвигом Бинсвангером, также завязавшим дружбу с Фрейдом. Их отношения характеризовались высоким взаимным уважением, радушием и доверительностью, несмотря на то что Бинсвангер был на двадцать пять лет моложе Фрейда. Позже в своих изысканиях он пришел к идеям экзистенциализма, но Фрейд поддерживал оживленную переписку с ним до самого конца своей жизни. Бинсвангер написал одно из наиболее впечатляющих биографических эссе о Фрейде, включив туда письма Фрейда к себе. Некоторые из них было бы весьма уместно упомянуть на страницах этой книги.

1906 г. был и годом пятидесятого дня рождения Фрейда. Тогда же произошел случай, описанный Джонсом следующим образом:

«В 1906 г., в честь пятидесятилетия Фрейда небольшая группа его поклонников из Вены преподнесла ему медальон... с его рельефным профилем на одной стороне и изображением Эдипа, отвечающего на вопросы Сфинкса, на другой. Там же была выгравирована фраза из «Царя Эдипа» Софокла... [«И загадок разрешитель, и могущественный царь».] <...>

Во время вручения этого медальона произошел курьезный случай. Когда Фрейд прочел надпись, он вдруг побледнел и, придя в необъяснимое волнение, прерывающимся голосом выразил желание узнать, кто решил выбрать именно ее. Он повел себя так, словно столкнулся с *призраком*. В определенном смысле так оно и было. После того как Федерн сообщил, что это он выбрал такую фразу, Фрейд рассказал о том, как в годы обучения в Венском университете он любил прогуливаться по центральной галерее, рассматривая бюсты профессоров прошлых лет. Тогда он мечтал не просто увидеть здесь со временем и собственный бюст — сама по себе такая мечта вполне обычна для честолюбивого студента, — но в сопровождении именно тех слов, которые сейчас заметил на медальоне».

Фрейду не нравилось, когда, побуждаемый окружающими, он был вынужден праздновать свои, особенно не круглые, «произвольные», дни рождения. Тем не менее он считал особой удачей, когда у смерти или, как он говорил позже, «непреклонного Апанке» (рока) удавалось отвоевать хотя бы еще несколько лет, преодолев «превратности жизни» и выдержав «ношу бытия».

Притом что в своих многочисленных письмах 1900 — 1902 гг. Фрейд неоднократно упоминал о своем преждевременном старении, его внешний вид и энергичность никак не подтверждали справедливости этой мысли. Достаточно прочесть заметки Джонса, чтобы понять, что в то время Фрейд был бодр и здоров. И хотя после резкого обострения в 1904 г. боязни смерти Фрейд не раз жаловался на свой возраст, причем чаще всего его сетования были необоснованными, каких-либо признаков навязчивого предрассудка, очевидно, уже не наблюдалось. Так было и в 1907 г., когда Фрейд достиг своего «судьбоносного» и «критического» возраста 51 год (28 + 23).

ГРАДИВА

Обратимся теперь к работам Фрейда, появившимся в этот период. Одна из них называлась «Бред и сны в «Градиве» Йенсена». Этот очерк Фрейд написал во время своего отдыха в 1906 г., затронув в нем проблему смерти и бессмертия¹.

¹ См. также главу 5.

Особенно интересен в данной работе необычный метод представления идей, для реализации которого Фрейд последовал примеру автора «Градивы», обратившись к образам придуманных им персонажей.

Не углубляясь в подробности, напомним лишь, что сюжетом этого произведения является судьба молодого археолога Норберта Ханольда и его подруги детства, когда-то жившей с ним по соседству. В раннем детстве они были очень близкими друзьями, но затем мальчик стал все больше и больше отстраняться от «мира», совершенно погрузившись в свои научные исследования. Он «забыл» свою детскую «любовь» до такой степени, что однажды, к ее великой досаде, даже не узнал ее, когда они случайно повстречались в каком-то обществе. Единственный ребенок в семье своего отца-ученого, с малых лет оставшаяся без матери, девушка всегда чувствовала привязанность к этому молодому человеку. Однажды молодой археолог в ходе раскопок наткнулся на греческий рельеф, изображавший некую молодую женщину. Он ему крайне понравился, особенно же его поразила ее изящная «поступь»: скульптор изобразил женщину в движении, «поймав» тот миг, когда она вот-вот должна была сделать шаг и ступня ее ножки располагалась практически вертикально к земной поверхности. Поэтому он называл ее Градивой, «идушей вперед», а впоследствии стал называть ее «блистающая походкой». Он воображал, что она жила в городе Помпеи и погибла во время извержения Везувия в 79 г. нашей эры. Его скорбь и любовь к ней оказались столь сильны, что однажды он обнаружил, что движимый «непреодолимой силой» спешит в этот город, чтобы отыскать застывшие в окаменевшем пепле следы ее шагов, а может быть, найти и ее саму.

В Помпеях он действительно встретил молодую девушку, невероятно похожую на Градиву. Она сразу узнала его, и постепенно эта загадочная история стала проясняться. Ее звали Зоя (Жизнь). Именно рядом с ней он провел свои детские годы, и ее образ, запечатлевшийся в его бессознательном, жил в нем и порождал необычные бредовые состояния. В серии снов Фрейд сумел проследить развитие и исчезновение симптома молодого человека. Несколько отрывков из эссе Фрейда, в которых он цитировал Йенсена, послужат этому процессу наилучшей иллюстрацией:

«Она узнала о своем сходстве с изваянием по имени Градива и в свою очередь назвала ему свое имя, Зоя. «Твое имя прекрасно подходит для тебя, но в моих ушах оно звучит горькой насмешкой, ведь Зоя означает жизнь». — «Нужно мириться с неизбежным, — был ее ответ, — я уже давно привыкла быть мертвой». Пообещав вновь увидеться в том же месте в следующий полдень, она попрощалась с ним, попросив на память веточку асфоделя: «тем, кто сча-

стливее меня, весной дарят розы. Но лучшее, что ты можешь подарить мне, — это цветы забвения». Без сомнения, грусть лучше всего подходит тому, кто долгое время был мертвым и возвратился в жизнь лишь на несколько коротких часов.

Позже она добавила:

«Для тебя я была ничем... и ты стал скучен, словно пасмурный день, молчалив, как чучело попугая, и при этом важен, как тот древний ископаемый археоптерикс, — да, кажется, так называли ту допотопную чудовищную птицу. Однако я не подозревала о твоей буйной фантазии: здесь, в Помпеях, ты принял меня за ту, что была давно погребена и чудом вновь ожила».

И далее:

«Кто-то должен сперва умереть, чтобы стать живым, — сказала она. — Но ведь для археологов это необходимо». Очевидно, что она не могла простить ему увлечение археологией, разрушившее когда-то их отношения.

«Нет, я имею в виду твое имя... Потому что Бертваг означает то же, что и Градива: «блистающая походкой».

Он предложил ей провести медовый месяц в Италии, Помпеях... И из ответа Зои на это предложение... следовало, что она еще не чувствует себя достаточно живой, чтобы согласиться на это».

Предположительно, внимание Фрейда к этой книге привлек Юнг. Фрейд всегда зачаровывало то, что воображение писателей и поэтов словно «знает» о «бессознательном». Особенно на ранних этапах своей работы он находил в литературе подтверждения своим открытиям. Это также было одной из причин, почему Фрейд все чаще и чаще обращался к изучению мифологии и антропологии, к которым его всегда влекло.

Но возможно, были и другие причины, по которым Фрейд находил книгу Йенсена столь интересной. Фрейд всегда живо интересовался археологией. В письме к Стефану Цвейгу от 2 февраля 1931 г. он отмечал, что гораздо больше прочитал книг по археологии, чем по психологии. Современные раскопки на Крите очень волновали его, и он был глубоко огорчен, понимая, что ему не доведется увидеть их результаты. Он всегда с трепетом демонстрировал мне любую новую книгу о раскопках. Фрейд также был и коллекционером древностей, считая эту склонность уступающей по силе лишь его страсти к курению. Со своей любовью к использованию метафор он сравнивал процесс психоанализа с археологи-

ческими раскопками, в частности с раскопками Помпей, характеризую бессознательное как нечто бессмертное и неизменяемое временем. Только в этом случае старые конфликты и комплексы могут быть разрушены, точно так же, как под влиянием ветра, солнца и дождя рассыпались постройки старой Помпеи, извлеченные из-под слоя лавы, сохранившей их неприкосновенными на протяжении двух тысяч лет. Увидеть Помпеи Фрейд желал почти так же страстно, как и посетить Рим¹.

Вдобавок у Фрейда и Йенсена имела место известная общность лейтмотивов. Фрейд также сопоставлял развитие индивидуума с развитием всего рода человеческого. Мотив победы жизни и любви над силами разрушения и безумия очень характерен и для работ Фрейда. Наконец, оба автора обращались к мотиву призраков. Йенсен называл Зою, появившуюся среди руин Помпеи словно призрак Градивы, *воскресшей*.

«Когда они достигли Геркулесовых врат... Норберт Ханольд помедлил и попросил ее пойти впереди него. Она поняла его. «Слегка придерживая левой рукой свое платье, Зоя Бертганг, Градива *воскресшая*, прошла мимо него словно в том сне, в лучах солнца легко перейдя по каменной дороге на ту сторону улицы»².

Это вызывает воспоминания о сне «non vixit», лейтмотивом которого были «призраки» и выживание, и ассоциации Фрейда к нему, включая рождение дочери Флисса, появившейся на свет за несколько недель до этого сновидения. Как мы знаем, новорожденную называли Полиной, так же как и сестру Флисса, умершую после непродолжительной болезни еще в раннем детстве. Маленькая Полина была таким образом тоже *воскресшей*. Согласно «Заметкам Венского психоаналитического общества», при обсуждении этой и прочих работ Йенсена Фрейд подчеркнул вероятность того, что в свои детские годы писатель испытывал дру-

¹ См. также главу 4, раздел «Todesangst — эпизод Тилгнера».

² В 1882 г. произошел следующий случай, который Фрейд описал в одном из писем к своей возлюбленной. Согласно Джонсу, он написал следующие строки: «Ты даже не догадываешься, как я наблюдателен. Помнишь, как мы прогуливались с Минной по Бетховенганг и ты отстала, чтобы поправить чулки? С моей стороны дерзко напоминать об этом, но я надеюсь, что ты не обидишься». Возможно, будет оправдан и другой намек. Сравнивая 2000-летнюю скульптуру Венеры Милосской с Мартой, Фрейд отметил, что нога Венеры в два раза больше ножки его возлюбленной. «Прости мне такое сравнение, — писал он. — Но у античной дамы не было рук».

Не могли ли воспоминания о сравнении ног Марты и Венеры Милосской и созвучность названия Бетховенганг с фамилией героини «Градивы» — Бертганг дополнительно подкрепить заинтересованность Фрейда этой историей?

жескую привязанность к какой-то маленькой девочке. Согласно Джонсу, в письме к Фрейду Йенсен подтвердил эту догадку, рассказав, что подруга его детства умерла от туберкулеза, едва дожив до восемнадцати. А через много лет он полюбил другую девушку, которая напомнила ему его «первую любовь».

В своем эссе Фрейд сообщил, что однажды к нему на консультацию пришла девушка, которая оказалась так сильно похожа на другую его пациентку, к тому времени уже умершую, что в первый миг, несмотря на все свои усилия, он не смог сразу отделаться от единственной мысли, крутившейся тогда у него в голове: «Неужели такое все же возможно и умершие действительно возвращаются?!» Молодая женщина оказалась сестрой покойной. Еще одна *«воскресшая»*, да еще вдобавок и сестра!

В этой работе Фрейд подошел к проблеме смерти и бессмертия скорее в поэтической манере, чем в научной. Бессмертие здесь виделось в образе Зои, жизни, восстающей из пепла. Это эволюционное бессмертие, смысл которого может быть отражен исключительно принципом преемственности, безо всякого намека на мистическое или религиозное толкование.

Глава 9

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И ДРУЗЬЯ — ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРЫХ КОНФЛИКТОВ

ЮНГ

26 мая 1907 г. Фрейд писал Юнгу:

«Дорогой коллега.

Крайне благодарен за твою оценку «Градивы»! Ты не пове-
ришь, как мало людей склонно разделять твою точку зрения; я
практически впервые слышу такие приятные слова... Теперь я
понимаю, что моя скромная работа все же заслуживает похвалы;
*она была написана в светлые деньки и доставила мне величай-
шее удовольствие*¹. [Курсив мой. — М. Ш.]

Фрейд особо подчеркивал, как много значит для него положи-
тельная оценка его трудов со стороны таких выдающихся людей,
как Блейлер и Юнг. Бесспорно, Фрейд должен был до известной
степени гордиться тем, что, по сути, в одиночку создал новую
науку. Но разумеется, ему хотелось, чтобы его открытия оказа-
лись всюду известны, проверены и, доказав свою обоснованность,
приняты. Он прекрасно отдавал себе отчет, что его дело — лишь
указать новое направление, а дальнейшее развитие психоанали-
за станет возможным лишь благодаря труду тех ученых, что при-
дут ему на смену. Также он всецело осознавал и масштабность
перспектив психоанализа, открывающихся во всех тех областях,
связанных с проблемой человеческого поведения.

Люди с гибким умом и широким кругом интересов всегда при-
влекали Фрейда. Юнг, без сомнения, обладал всеми этими каче-

¹ Отношения с Юнгом были описаны самим Фрейдом в его автобио-
графических работах, Джонсом (т. 2) и, наконец, в автобиографии Юнга
(1961), предоставившего возможность взглянуть на них под несколько
другим углом. Фрейд вел с Юнгом насыщенную переписку, с которой я
имел честь ознакомиться. В контексте данного исследования я подроб-
нее остановлюсь лишь на отдельных аспектах их отношений.

ствами. Его также притягивала новизна, и во всех отношениях он отличался от тех представителей академических медицинских кругов, которые составляли основное окружение Фрейда.

Хотя некоторые элементы раннего отношения к Флиссу проявили себя и в общении с Юнгом, теперь Фрейд был более осмыслительным. Некоторые из писем эти лет говорят о продолжении самоанализа Фрейда, особенно в том, что касалось его отношений с Флиссом. Его ход отражался не только на развитии Фрейда как ученого, но влиял и на все прочие стороны его жизни.

Письмо от 26 мая 1907 г. важно для нас не только по причине его содержания, но и из-за времени его появления. Оно было написано вскоре после того, как Фрейду исполнился 51 год. Несмотря на то что, как бы мы сейчас выразились, автономное «Я» Фрейда понимало истинную цену вымышленных Флиссом «критических периодов», тем не менее суеверные мысли о том, что этот год и впрямь окажется для него «критическим», продолжали оказывать на Фрейда определенное влияние. Как следует из переписки Фрейда, предполагалось, что эти «критические» фазы могли охватывать также несколько месяцев перед и после дня рождения¹. Потому очень важно, что Фрейд говорил о «светлых днях» именно в такое время. Крепнущее международное признание, финансовая независимость, которую он по крайней мере временно, но обрел, и, видимо, чувство удовлетворения от того, что позади остался «фатальный» срок, — все это несомненно придавало Фрейду чувство уверенности, позволившее ему говорить о «светлых днях». Фрейд, должно быть, сумел преодолеть и боль, которую причиняли ему нападки Флисса. Эта боль и обида на Флисса с необычайной яркостью проглядывали за строками его письма от 12 января 1906 г. к Карлу Краусу, венскому писателю и журналисту.

Письмо, которое Фрейд отправил Юнгу 16 апреля 1909 г., было приведено в связи с его навязчивым предрассудком «предопределенной даты смерти», а также в качестве связующего звена между свиданием «*post vixit*», где проявилась двойственность его отношения к Флиссу, и странным ощущением, испытанным Фрейдом во время пребывания на Акрополе (см. главу 7).

Однако это письмо важно и по многим другим причинам. Фрейд описывал усиление своего предрассудка, случившееся во время путешествия в Афины в 1904 г., видимо, для того, чтобы показать Юнгу необходимость критичного отношения ко всяким «суевериям», как он называл телепатические эксперименты Юнга. Однако Фрейд признавал, что эксперименты Юнга его глубоко впечатляют. Из описания Юнгом эпизода, упомянутого в письме Фрейда от 16 апреля 1909 г., известно, что он достаточно подроб-

¹ См. письма Фрейда, появившиеся в 1918 г. (глава 11).

но рассказывал Фрейду о своих мистических воззрениях и убеждениях.

Желая узнать общее отношение Фрейда к «предчувствиям и парапсихологии», Юнг обсуждал с ним этот вопрос. Фрейд, по его утверждению, называл эти вещи «чепухой», идущей вразрез с его «материалистическими убеждениями». Пока Фрейд аргументировал свою точку зрения, Юнг пришел к «неожиданному открытию», почувствовав вдруг, что его диафрагма словно превратилась в железо, которое начали раскалять, — «раскаленный докрасна свод диафрагмы». В тот же миг раздался такой громкий треск, исходивший от книжного шкафа, стоявшего позади них¹, что оба страшно испугались. Юнг утверждал, что это «экстериоризационно-каталитический феномен». Когда Фрейд возразил против такого «объяснения», Юнг предсказал, что слышанный ими шум вскоре повторится, и оказался прав. Сам Юнг не мог удовлетворительно объяснить свою уверенность. Поскольку Фрейд выглядел шокированным, Юнг заключил, что у него остались сомнения и произошедшее его весьма обеспокоило². Юнг утверждал, что никогда больше не поднимал при Фрейде эту тему. Однако я полагаю, что Фрейд скорее был шокирован высказываниями самого Юнга, чем каким-то шумом в шкафу!

Мы знаем, что Фрейд, несмотря на весь свой скептицизм и склонность всему искать научное объяснение, неохотно отвергал даже совершенно явные фантазии и готов был признать, что «есть много на земле и в небесах такого, что нашей философии не снилось» [Шекспир, «Гамлет»].

На примере переписки с Флиссом мы уже видели, что Фрейд допускал возможность влияния «небесных сил» на дела земные (письмо от 8 октября 1896 г.).

В редакции от 1907 г. последней главы «Психопатологии обыденной жизни» Фрейд обсудил проблему «экстрасенсорного восприятия», продемонстрировав свое непредубежденное отношение к такого рода вещам.

«Несмотря на все вышесказанное, хотелось бы коснуться вопроса: можно ли полностью отрицать, что суеверия часто имеют под собой весомые основания, и нужно ли безоговорочно утверждать, что не существует никаких сбывающихся предчувствий, вещей снов, телепатических явлений, сверхъестественных сил и прочего? Я далек от того, чтобы с ходу опровергать существование такого рода явлений, относительно которых было проведено так много детальных наблюдений, часто выполненных людьми

¹ Согласно описанию Фрейда, этот шкаф стоял в соседней комнате.

² Критический анализ описания Юнгом этого случая лежит за пределами возможностей обсуждения на страницах данной книги.

выдающегося интеллекта. Лучше бы сделать эти наблюдения предметом дальнейших изысканий. Мы даже надеемся, что некоторая часть таких наблюдений с углублением нашего понимания бессознательных психических процессов найдет свое объяснение, не требуя, в свою очередь, радикального изменения взглядов, которых мы придерживаемся в настоящее время. Если факт существования некоторых феноменов — к примеру, тех, о которых говорят медиумы, — найдет свое подтверждение, мы несомненно откорректируем наши «законы» в согласии с новыми открытиями, не теряя при этом нашу веру в логичное устройство мира.

Единственный ответ, который я могу предложить в связи с поднятыми вопросами, крайне субъективен, поскольку апеллирует к моему личному опыту. К сожалению, должен признать, что отношусь к числу тех недостойных людей, в чьем присутствии духи перестают себя проявлять и все сверхъестественное исчезает, а потому ни разу не имел возможности на личном опыте укрепить свою веру в чудеса. Как и всякий человек, я испытываю трудности и подвержен предчувствиям, но мои предчувствия никогда не оправдывались, а возникающие проблемы заявляли о себе внезапно. В ту пору, когда я был молод и жил один в далекой стране, я довольно часто слышал, как меня окликают знакомые голоса. Я запомнил время, когда испытывал такие галлюцинации, и по возвращении домой с тревогой расспросил тех, чьи голоса, как мне казалось, я слышал, о том, что же происходило с ними в те моменты. Оказалось, ничего особенного. С другой стороны, недавно, пока я, как обычно, работал с моими пациентами, не испытывая при этом никаких предчувствий, мой ребенок едва не погиб. Ни разу я не смог найти подтверждения и тем предчувствиям, о которых мне рассказывали пациенты. [Добавлено в 1924 г.] Должен все-таки признать, что в последние несколько лет я столкнулся с некоторыми примечательными вещами, которые могут быть легко объяснены с помощью гипотезы о возможности телепатической передачи мысли».

Такое отношение Фрейда можно понять: он сам исследовал то, что в академических кругах считалось плодом буйного воображения. Потому ему приходилось не раз пересматривать свои доводы, прежде чем он мог позволить себе пренебрежительно отнестись к мнениям других людей.

В этот период предрассудок Фрейда иногда снова давал о себе знать. В ранее упомянутом письме к Юнгу от 26 мая 1907 г. Фрейд попытался подготовить его к возможной резкой критике, но в то же время и приободрить, советуя не принимать близко к сердцу утверждения об отсутствии в проведенном им анализе доводов, способных подтвердить справедливость выдвинутых гипотез.

«Пройдет каких-то пять — десять лет, и еще пока незаконченный анализ сможет подтвердить Вашу сегодняшнюю правоту. Все, что нужно, — идти вперед и продолжать работать, не тратя слишком много сил на опровержения, предоставив плодотворности наших идей завоевать умы тех, кто сейчас выступает против нас...

И не сомневайтесь — со временем все встанет на свои места. *Вы доживете до той поры, даже если мне это не удастся.* Не мы первые, кому приходится ждать, пока начнут понимать их язык»¹. [Курсив добавлен. — М. Ш.]

Принимая во внимание совет «подождать еще лет пять — десять», это предложение воспринимается так, словно Фрейд не рассчитывал преодолеть свой следующий «роковой рубеж» (61 — 62).

В следующем письме к Юнгу (18 августа 1907 г.) Фрейд высказался даже более определенно, утверждая, что их работа должна рассматриваться *sub specie aeternitatis*, то есть с исторической, эволюционной точки зрения (см. также главу 15).

«Не важно, поймут ли нас сейчас официальные круги или нет. Среди той огромной массы людей, которые за нами стоят, найдется достаточно тех, кто *захочет* понять и кто, как я уже имел возможность неоднократно убедиться, пойдет по нашим стопам. В конечном итоге эти труды прежде всего предназначены для апологов истории...»

Больше подробностей на этот счет представлено в следующем письме (2 сентября 1907 г.). Видимо, время его появления соответствовало наиболее активным попыткам Фрейда поддержать Юнга и заверить его в своем дружеском расположении.

«Не знаю точно, ждет ли Вас в грядущем успех или неудача, но мне бы хотелось быть рядом именно теперь, наслаждаясь чувством, что я более не одинок. Если от меня потребуется некоторая поддержка, то я мог бы рассказать Вам о долгих годах благородного, но мучительного одиночества, начавшегося с тех пор, когда я впервые увидел первый отблеск этого нового мира; о том, как мои ближайшие друзья теряли интерес к моим изысканиям и переставали меня понимать; о периодах тревоги, когда я сам полагал, что заблуждаюсь, и пытался понять, как при всем этом мне ухитриться содержать свою семью; о постепенно растущей во мне убежденности, которая цеплялась за «Толкование сновидений», как за скалу в бушующем море, и о той спокойной уверенности,

¹ См. также письмо Фрейда к Флиссу от 25 ноября 1900 г., где он сравнивал себя с гумбольтовским попугаем (глава 6).

которой я в конечном итоге достиг и которая вселила в меня силы, позволившие дожидаться отклика извне. Голос, который я услышал, был Вашим голосом. Позвольте мне поблагодарить Вас за это, и не сомневайтесь — Вы непременно сможете прожить достаточно долго, чтобы насладиться заслуженной победой.

По счастью, теперь я имею основания не требовать Вашего сочувствия к моим страданиям. Я праздную достижение климактерического периода несварением желудка (сопровождающим грипп). Оно оказалось довольно устойчивым, но теперь, после этих прекрасных недель покоя, практически не напоминает о себе».

Получив от Фрейда письмо от 16 апреля 1909 г. (процитированное в главе 7), Юнг не отвечал на него в течение многих недель и наконец написал, что серьезно обдумает сделанное «предостережение», добавив, что всякий в конце концов мечтает открыть что-нибудь принципиально новое.

Однако «эксперименты» Юнга и тем более его объяснения касательно возможностей экстрасенсорного восприятия заходили слишком уж далеко. В конечном итоге Фрейд вынужден был предостеречь и самого себя: «Будь поосторожнее с этим ярким молодым человеком! Ты избрал его своим преемником, но его поступки уже напоминают о том, что произошло с Генрихом IV. Не следует забывать и о Флиссе!»

Это письмо, пожалуй, ознаменовало начало конца их отношений. Несмотря на то что их тесное общение продолжалось еще более трех лет, тон ответа Юнга на «предостережение» Фрейда не позволял особенно надеяться на продолжение их дружбы. Однако Фрейд продолжал верить, что разрыва можно еще избежать.

Отношения между Юнгом и Фрейдом вскоре вновь стали теплее, и в том же году они вместе отправились в путешествие по США. То было время, когда все будущие аналитики — Юнг, Ференци и прочие — поверяли Фрейду свои тайны и проблемы, а он «анализировал» их во время поездок, прогулок, в письмах и т. д. Фрейду потребовалось потратить многие годы на то, чтобы понять важность регулярного тренировочного анализа и уяснить, что те методы, которые он использовал применительно к практически здоровым людям, часто приводили к обострению их нерешенных конфликтов. От Джонса нам известно, что Юнг обычно проводил в беседах с Фрейдом очень много времени.

Я уже упоминал о постоянном «анализе» Фрейдом своих учеников-коллег, проводившемся во время их встреч и совместных путешествий. На раннем этапе развития психоанализа лишь на этом пути у Фрейда была возможность разделить со своими учениками свой уникальный личный опыт и помочь им разобраться в имевшихся у них внутренних конфликтах. Временами Фрейд обращался к собственным снам и, как это случалось в путеше-

ствии по Америке, выставлял их на совместные обсуждения. Такие дискуссии вызывали не меньший интерес у Юнга.

Путешествие Фрейда в США, которое он предпринял с целью чтения курса лекций в университете Кларка в Вустере, штат Массачусетс, было описано самим Фрейдом в «Автобиографическом исследовании». Существует также и очень подробное описание биографии Джонса (т. 2). Во время и по окончании этой поездки Фрейд страдал от желудочно-кишечных расстройств. Согласно Джонсу, тогда же у Фрейда произошел приступ аппендицита¹ и проявления (неоднократные) заболевания предстательной железы.

В течение последующих нескольких лет Фрейд жаловался на несварение, вероятно обусловленное американской кухней, и вынужден был несколько раз «лечиться» в Карлсбаде².

ФЕРЕНЦИ

Состоявшийся в Нюрнберге второй международный конгресс (первый был проведен в Зальцбурге в 1908 г.) побудил Фрейда написать Ференци 3 апреля 1910 г.:

«Нюрнбергский рейхстаг подвел черту под юностью нашего движения. Я надеюсь, что теперь для Вас наступят благодатные и счастливые времена».

В сентябре 1910 г. Фрейд вместе с Ференци отправился на Сицилию, где они смогли увидеть не только Палермо и Сиракузы, но и насладиться видами прекрасных греческих храмов в Седжесте, Агриганте и Селинунте.

Когда Фрейд путешествовал, особенно по Италии, он жадно наслаждался не только красотами пейзажей, но и прежде всего прекрасными произведениями искусства. Он не упускал ни малейшего шанса воспользоваться возможностями, которые были закрыты для него в годы лишений.

¹ Джонс упомянул об «умеренно выраженном приступе аппендицита», ссылаясь на письмо Фрейда к Ференци от 2 января 1910 г., и также говорил о «рецидиве его старых кишечных проблем». В то время, когда Фрейд находился под моим наблюдением, никаких признаков перенесенного им аппендицита не обнаруживалось.

² Это «лечение», предполагавшее питье теплых карлсбадских вод из естественных источников, обладавших легким слабительным эффектом, в то время назначали при самых разных симптомах желчно-каменной болезни и желудочно-кишечных расстройств. В Карлсбаде, как и во всех европейских курортах того времени, были прекрасные леса, хорошие гостиницы и великолепное питание.

Когда Фрейд подбирал себе спутника, он стремился к тому, чтобы тот соответствовал ему по темпераменту, до некоторой степени разделял его интересы и не выдвигал непомерных требований. С ростом числа членов Международной психоаналитической ассоциации во время своего летнего отдыха Фрейду приходилось встречаться со все большим числом представителей разных стран. Некоторые из его близких друзей также стали его последователями. Работая со своими пациентами, они чутко прислушивались к его мнению. В то время, когда личный анализ еще не рассматривался в качестве необходимого условия становления молодого аналитика и когда Фрейд был единственным человеком, способным проводить тренировочный анализ, они также использовали переписку с ним как замену личному анализу.

Джонс, который на страницах написанной им биографии Фрейда довольно критично отзывался о Ференци, особенно о его поведении во время совместной поездки по Сицилии, описывал свой собственный визит в семью Фрейда, состоявшийся перед поездкой в Сицилию во время их отдыха на побережье Голландии: «Я провел с ними несколько дней... и у нас с Фрейдом состоялось много интересных бесед. *Я обрушил на него бесконечный поток вопросов, на которые он отвечал с необычайным терпением*». [Курсив добавлен. — М. III.]

Столь же необычайную выдержку Фрейд демонстрировал и в других случаях. Когда я изучал его переписку, готовя материалы для этой книги, то не переставал удивляться его способности находить время для ответа буквально на каждое приходившее к нему письмо даже в тех случаях, когда к нему обращались не с научными вопросами, а с проблемами личного характера.

Однако во время путешествий, на протяжении которых Фрейд не только отдыхал, но и набирался новых впечатлений, требовавшихся его пытливому уму как пища для последующих творческих размышлений, определенная защита была ему необходима. Он не мог запретить появляться своим снам и отказаться от самоанализа, но не в состоянии был и потакать всем капризам своих спутников по путешествию.

Во время их совместного путешествия Ференци в этом отношении оказался, видимо, не самым подходящим компаньоном. Письмо Фрейда от 6 октября 1910 г., вероятно, было написано в ответ на полученное перед этим письмо с извинениями от Ференци, написанное тем сразу по возвращении в Будапешт.

«6 октября 1910 г.

Дорогой друг.

Поразительно, насколько лучше Вы выражаете свои мысли в письме, нежели при непосредственном общении. Безусловно, мне было известно очень многое или даже большая часть того, о чем

Вы пишете. Поэтому теперь мне необходимо предоставить Вам лишь некоторые пояснения. Почему я не разругался с Вами, не открыв тем самым путь к взаимопониманию? Несомненно, это была моя слабость. Я отнюдь не чародей психоанализа, как Вы себе это представляете; я также не сумел преодолеть встречное перенесение. Я могу обходиться с Вами подобным образом не более, чем мог бы делать это с любым из трех моих сыновей, поскольку слишком сильно их люблю и мне было бы жаль так с ними поступать.

Вы не только подметили, но и верно объяснили наличием травматических к тому оснований отсутствие у меня *теперь* какого бы то ни было желания полностью раскрывать свою личность. *После разрыва с Флиссом, отношения с которым, как Вы недавно обнаружили, я до сих пор пытаюсь переосмыслить, такая потребность у меня отсутствовала. Часть гомосексуальной фиксации была изъята и способствовала расширению пределов моего «Я».* Я имел успех там, где параноик терпит неудачу. [Курсив добавлен. — М. Ш.]

Вдобавок Вам следует знать, что я чувствовал себя не так хорошо и страдал от кишечных расстройств больше, чем хотелось бы признать. Я всегда говорю себе, что тот, кто не может справиться со своим Конрадом¹, не должен отправляться в путешествия. Именно здесь можно было бы разоткровенничаться, но мне не кажется, что Вы смогли бы удержаться от проявления слишком большого беспокойства за меня.

Что до того неудовольствия, которое Вы мне доставили, в том числе своим скрытым сопротивлением, то ему суждено претерпеть те же метаморфозы, которым обычно подвергаются все воспоминания о путешествиях: все неприятное и дурное сгладится, мелкие недоразумения будут забыты и в памяти останется лишь самое хорошее.

То, что Вы предположили, будто я что-то особенно скрываю, и очень интересовались — что именно, было легко заметить, а также нетрудно понять, как детское желание. В наших исчерпывающих беседах о делах научных я не скрывал от вас и мои личные дела; случай с Национальной коллекцией даров², как мне кажется, был достаточно нескромным. Как Вы могли понять из моих

¹ Это имя было впервые использовано швейцарским писателем Шпиттелером в 1904 г. в его романе «Образ» для персонификации своего тела. Затем так стал называться журнал, ныне посвященный прикладному психоанализу.

Особенно в переписке с Абрахамом Фрейд часто упоминал о своем «Конраде» всякий раз, когда его беспокоили желудочно-кишечные симптомы.

² Шутливый намек на пристрастие Фрейда к коллекционированию предметов старины.

памятков, в то время мои сны были целиком заняты Флиссом, что вряд ли вызвало бы у Вас сочувствие.

Так что когда Вы присмотритесь к произошедшему внимательнее, то убедитесь, что у нас не так много поводов для разногласий, как Вам сначала показалось.

Я бы предпочел, чтобы Вы обратились к настоящему...»

Это письмо характеризует исключительную открытость Фрейда. Как он сам отмечал, его привязанность к Ференци была столь сильна, что он не считал возможным обращаться с ним иначе, чем со своими сыновьями. Столь же открытым и искренним он был и в отношении его собственных внутренних проблем. На этом основании данное письмо является важным документом. С его помощью мы снова можем судить о занимавшем Фрейда самоанализе. Из данного письма следует, что даже в 1910 г., по прошествии шести лет со времени событий 1904 г., этот самоанализ был все еще сосредоточен на обстоятельствах отношений с Флиссом, которые в своем письме он назвал «травматическими». С другой же стороны, это письмо дает ясное представление о возросшем мастерстве Фрейда в деле преодоления своих конфликтов.

В переписке с Флиссом Фрейд откровенно говорил о «женственной составляющей» его личности, обнаруживавшей себя в их дружеских отношениях, и выражал свое разочарование неспособностью Брейера понять «что творческие достижения могут быть результатом сублимации присутствующих в человеке андрофильных тенденций». В этом письме Фрейд без колебаний ссылается на «гомосексуальную фиксацию» в его отношениях с Флиссом.

Несмотря на то что у нас отсутствует возможность сколько-то обоснованно рассуждать о причинах, побудивших Фрейда во время этой поездки вновь «вспомнить» о Флиссе, внимательнее приглядевшись к научным проблемам, которые в это время занимали его ум, мы все же можем выдвинуть здесь определенные предположения.

Весной 1910 г. Фрейд закончил работу по исследованию личности Леонардо да Винчи. Еще 9 октября 1898 г. в своем письме к Флиссу Фрейд упомянул, что Леонардо был, вероятно, самым знаменитым левшой, о любовных связях которого ничего не известно. В этом исследовании большое внимание было уделено происхождению особого типа гомосексуальности.

Из предисловия Стрейчи к «Психоаналитическим заметкам об автобиографическом описании одного случая паранойи», опубликованным Фрейдом в 1911 г., нам известно и то, что летом 1910 г. Фрейд читал воспоминания Шребера и «обсуждал их и целый ряд вопросов, связанных с паранойей, с Ференци во время их поездки по Сицилии в сентябре этого года». Связь между подавленной гомосексуальностью и паранойей фигурировала в качестве

ве одного из основных мотивов в исследовании Фрейдом случая Шребера.

Таким образом, мы вновь можем наблюдать пример тесного взаимодействия между открытиями Фрейда и его самоанализом. Поэтому неудивительно, что в тот момент интерес к проблеме гомосексуальности и паряду с ней — к отношениям Фрейда с Флисом вновь возродился. Особенную роль в воскрешении старого конфликта мог сыграть и характер отношения Фрейда к Юнгу. Тем не менее Фрейд утверждал, что преуспел в расширении пределов своего «Я» там, где параноик терпит неудачу. Такое «расширение «Я» было существенно не только для обеспечения прогресса в его научных изысканиях, но и для усовершенствования способности преодолевать внутренние конфликты и страхи.

Как обычно, обширная переписка давала Фрейду возможность до некоторой степени удовлетворять свою потребность в сочувствии со стороны других людей, время от времени выявляя его сокровенные мысли о болезнях, старении и смерти. Из писем этого периода ясно следует, что Фрейд не испытывал страха смерти, но все же страстно желал отодвинуть свою старость, особенно страшась того, что с годами утратит свои творческие способности.

ПФИСТЕР

Среди тех, с кем Фрейд вел переписку, был и швейцарский священник Оскар ПФистер. Это был идеалист во всех смыслах слова. Фрейд испытывал к нему большую симпатию, о чем свидетельствуют такие строки из его письма от 16 августа 1909 г.:

«Не знаю, что Вы наговорили моим детям, но я теперь постоянно слышу разговоры о том, что я собираюсь уехать в следующем году с доктором ПФистером, что я собираюсь пойти с ним в горы и т. д. и т. д. Я не осмелился проболтаться о Вашем 10000-футовом восхождении со своим сыном, поскольку это известие вызвало бы у моих ребят самую черную зависть. Как бы они хотели иметь такого отца, как Вы, который вместо того, чтобы мучиться со своим Конрадом, лазил бы с ними по горам и собирал ягоды в лесу у их подножия...

[Касательно его работы и работоспособности:]

По счастью, я стал уже не столь необходим и могу постепенно обращаться в некую символическую фигуру; пожалуй, в этом есть воля providения».

В своем письме к ПФистеру от 6 марта 1910 г., написанном до Юрибергского конгресса, Фрейд выразил свои взгляды на старение и смерть, которых он придерживался до конца своей жизни.

К этому времени Фрейд окончил свою работу над случаями маленького Ганса и человека-крысы, а также над серией более коротких статей, подготовленных для нового издания «Трех очерков о теории сексуальности», и начал свое эссе о Леонардо да Винчи. Все это происходило на фоне подготовки к конгрессу и попыток оправиться от последствий поездки в Америку. Неудивительно, что он писал:

«Я не могу представить себе полноценную жизнь без работы; работа и свободная игра воображения доставляют мне такое удовольствие, которое не может дать мне больше ничто в мире. Здесь мог бы таиться рецепт счастья, если бы не ужасная мысль, что продуктивность творчества всецело зависит от физического состояния. Как быть, если новые идеи перестанут рождаться, а нужные слова откажутся приходить на ум? Об этом невозможно и подумать без содрогания. Поэтому, несмотря на все дары благосклонной судьбы, у меня есть лишь одно сокровенное желание: чтобы проклятая телесная слабость не могла никоим образом повлиять на мои творческие способности.

Следуя словам Макбета, давайте умрем за работой»¹.

Мы увидим, как жестоко судьба отказала ему в этом единственном желании не поддаваться физической немощи (как это некогда случилось с его отцом).

ТРЕВОЖНЫЙ ЭПИЗОД

Зимой 1910—1911 гг. произошел инцидент, вызвавший у Фрейда появление ряда неприятных симптомов, которые мучили его несколько недель: сильных головных болей, нарушений концентрации внимания, разбитости. О некоторых из своих жалоб Фрейд сообщил Юнгу, который посчитал их «психогенными». 17 февраля 1911 г. Фрейд подвел итог:

«Дорогой друг.

Я вижу, что ты не веришь мне и считаешь меня циклотимиком, который по прошествии некоего времени внезапно начинает смотреть на мир сквозь розовые очки. В этой связи я должен сообщить тебе дополнительные подробности. В течение дня запах газа от-

¹ Эта цитата не вполне точна. Фраза, которую король произносит, находясь в безнадежной ситуации, перед лицом гораздо более сильного противника, звучит несколько по-другому: «По крайней мере, мы умрем в наших доспехах». Смысл ее вполне понятен и в случае самого Фрейда отражает его внутреннюю отвагу при отсутствии каких бы то ни было оснований надеяться на возможность творить вечно.

существовал, поскольку газовый кран был перекрыт. С 10 же часов вечера и до часу ночи, когда я сидел за освещенным письменным столом, из-за неплотного соединения между металлической газовой трубой и резиновой трубкой, которой был подсоединен светильник, газ улетучивался. Когда я проверил свою догадку, в том месте, где имелась утечка, вспыхнуло пламя. Запаха газа я тогда не чувствовал, поскольку был весь окутан сигарным дымом. Я до сих пор очень горд, что не приписал эти необычные головные боли, которые появлялись или усиливались только во время ночной работы, и досадные проблемы с моей памятью, из-за которых мне приходилось постоянно напрягаться, чтобы вспомнить нужную информацию, неврозу. Однако вынужден признать, что наблюдал у себя признаки атеросклеротического состояния. Теперь эти проявления исчезли без всякого следа. Головные боли постепенно прекратились в течение трех дней после того, как резиновую трубку заменили».

Описание Фрейдом этого опасного происшествия ясно показывает, сколь сильно было его научное любопытство, не оставлявшее его даже в таких обстоятельствах.

БИНСВАНГЕР

Переписка с Бинсвангером является важным источником информации за 1911 — 1912 гг. В это время Фрейд постоянно размышлял о «причине», как он называл психоанализ. Пришел срок для того, чтобы начать подыскивать для себя преемника. Поскольку никого из своих венских студентов он в этой роли не видел, основное внимание сосредоточилось на кандидатуре Юнга. В своей книге от 1956 г. Бинсвангер цитировал показательный отрывок письма, которое Фрейд написал ему 14 марта 1911 г.:

«Когда созданная мною империя осиротеет, именно Юнг должен взять все в свои руки. Как Вы имеете возможность убедиться, моя политика неизменно определяется именно исходя из такого виденья...»

В письмах к Бинсвангеру Фрейд иногда позволял себе немного пожаловаться. В свою очередь, и Бинсвангер также получал от него поддержку в пору, когда он страдал от болезни и терял близких ему людей. Бинсвангер имел возможность разделить с Фрейдом и свою радость от рождения ребенка. В нижеследующих двух письмах к нему отразилась реакция Фрейда на противоположность рождения и смерти. Первое было написано им в ответ на письмо Бинсвангера, сообщавшего о смерти своего отца:

«Теми несколькими горькими словами, которыми Вы сообщили мне о смерти отца, сказано необычайно много. Мы можем только позавидовать столь легкой и быстрой смерти, положившей конец его бессмысленным страданиям; сколь невыносима эта смерть для сына, мы не можем даже попытаться и представить. Был ли он счастлив? Нам известно, что он преуспел в своей работе и оставил после себя такого сына, как Вы, а это уже само по себе говорит о многом. От имени моей жены и детей передаю глубокое сочувствие всей вашей семье и сердечно жму Вашу руку».

Когда вскоре после этого Бинсвангер поведал Фрейду о рождении дочери (у него уже был сын), 30 января 1911 г. Фрейд писал:

«Только крайний недостаток времени может служить оправданием моих запоздалых поздравлений по поводу рождения Вашей дочери. Теперь Вы отец во всех смыслах этого слова и дважды испытали самую большую радость в нашей жизни. Пусть она всегда будет счастлива и дарит радость своей очаровательной матери».

Вряд ли что-то может лучше охарактеризовать влияние писем Фрейда на Бинсвангера, как не собственные слова этого сдержанного, «холодного» ученого, которому совсем не была свойственна чрезмерная эмоциональность.

Как уже было сказано, я не намерен вновь и вновь поправлять каждого, кто критикует Фрейда за якобы присущий ему холодный рационализм. Предложу читателю лишь обратить внимание на приведенный выше отрывок. Он красноречиво говорит о его отзывчивом сердце, его живом интересе к нашей общей человеческой судьбе с такими ее «поражительными проявлениями», как рождение и смерть, а его поглощенность загадками человеческого бытия совсем не мешала ему разделять с друзьями их радости и горести.

Фрейд открыто выражал сомнения, которые его иногда одолевали. 28 мая 1911 г. он писал Бинсвангеру:

«Несомненно, другу следует прогонять мрачные мысли, накапливающиеся у стареющего человека. Но я не буду жаловаться. В самом деле, чаще всего я тоже бывал убежден, что мои начинания надолго займут умы людей; иногда я испытывал неудовольствие от широты и глубины распространенности моих идей, и у меня появлялись кое-какие сомнения касательно их будущего. Истина же заключается в том, что *ничто не соответствует человеческим способностям в меньшей степени, чем психоанализ*».

Однако Фрейд в полной мере осознавал, что он все же является одним из тех людей, которым суждено «нарушить покой»¹

¹ Прочитанный Фрейдом Геббель говорил здесь не о «покое», а о «сне».

этого мира» (из письма к Бинсвангеру от 10 сентября 1911 г.). В рождественском письме (1911 г.) к Бинсвангеру он писал, что тот, несомненно, доживет до дня, когда психоанализ окажется признан, и тот будет гордиться тем, что в своей молодости также был среди бунтарей. К этому Фрейд добавлял: «Не печальтесь обо мне; я совсем не хочу дожить *до такой старости*».

В 1912 г. у Бинсвангера была удалена злокачественная опухоль. Средний срок жизни после такой операции обычно составляет от года до трех. По счастью, опухоль была обнаружена на ранней стадии, и Бинсвангер прожил еще более пятидесяти лет! Только лишь Фрейду он рассказал о своей болезни и никогда не мог забыть, как тот откликнулся на случившуюся с ним беду. Фрейд посчитал за честь оказанное со стороны столь высоко ценного им человека доверие, в момент несчастья обратившегося за поддержкой к старому другу. Ответ Фрейда (14 апреля 1912 г.) на письмо Бинсвангера К.Р. Эйслер в своем обзоре опубликованных писем Фрейда назвал «образцом человечности».

«Мне, старому человеку, который не вправе жаловаться, если его жизнь оборвется в ближайшие годы (я и решил не жаловаться), особенно тяжело, когда цветущий молодой человек, один из тех, с кем связаны мои надежды на будущее, говорит мне о возможности своей скорой кончины. Теперь я понемногу успокоился и повторяю, что, несмотря на существующие сейчас сомнения, у Вас еще есть все шансы. Следует лишь настойчивее напоминать Вам о тех жизненных неожиданностях, которые держат в напряжении всех нас и о которых мы столь охотно забываем. Теперь о них Вы не позабудете и жизнь, как Вы пишете, обретет для Вас особую ценность. Мы тоже будем на это надеяться. Разумеется, я сохраню Ваш секрет, как Вы того пожелали. Мне бы очень хотелось увидеться с Вами, как только я смогу это сделать, не доставив Вам каких-либо неудобств. Может быть, на Троицу? Устроит ли это Вас? Рад узнать, что сейчас Вы еще больше заинтересованы своим проектом, чем прежде. Я спешу ответить на все вопросы, которые только Вас интересуют».

Это письмо не выражение фальшивого оптимизма: в нем Фрейд еще раз высказывает мысль, которая впервые встречается в письме к его дочери Матильде¹: ценность жизни увеличивается, когда

¹ «Тебе, бедному моему ребенку, пришлось впервые ощутить близкое дыхание смерти, и, наверное, тебя ужасает мысль, что никто из нас не может чувствовать себя в большей безопасности. Нам, старым людям, все это знакомо слишком хорошо, и потому жизнь приобретает для нас такую особую ценность. Мы отказываемся согласиться, что неизбежный финал положит конец нашим заботам. Потому и тебе, такой еще юной, можно также признать, что у тебя нет никаких оснований падать духом. Я очень рад был услышать, что теперь тебе стало лучше...»

человек начинает понимать ее краткость. То, что можно сохранять надежду, не прибегая к помощи иллюзий, еще ярче показывает эссе Фрейда «Быстротечность».

Фрейд посетил Бинсвангера несколькими неделями позже в Кройцлингене. События, связанные с болезнью Бинсвангера и реакцией на нее Фрейда, имели как отдаленные, так и непосредственные отголоски. В 1919 г. Фрейд потерял своего пациента и преданного друга Антона фон Фройнда, умершего от опухоли того же типа, которая была у Бинсвангера. Эта трагедия повергла его в удрученное состояние. Когда в 1923 г. друзья Фрейда и врачи исследовали обнаруженную у него опухоль, они не открыли ему всю правду, не сумев подойти к нему с той же открытостью, доверительностью и почтением, с какими Фрейд в свое время отнесся к Бинсвангеру.

Непосредственные отголоски эпизода болезни Бинсвангера обнаружались в быстро нараставшем кризисе отношений между Фрейдом и Юнгом, подробности которого были описаны Джонсом. В контексте данного исследования нас интересует прежде всего критическая ситуация ноября 1912 г., когда Фрейд обнаружил, что имеющиеся между ним и Юнгом научные разногласия несовместимы с дальнейшим плодотворным сотрудничеством.

Юнг не знал о причинах поездки Фрейда к Бинсвангеру в Кройцлинген (городок недалеко от Цюриха) и почувствовал ревность и обиду за то, что Фрейд не посчитал необходимым встретиться заодно и с ним. На самом же деле, как потом выяснилось, Фрейд дал ему знать о своем появлении, но Юнга в тот момент не было в городе, а на дату письма Фрейда он внимания не обратил. В своих все более и более раздраженных письмах Юнг говорил об этом событии как о «кройцлингенском жесте».

29 июля 1912 г. Фрейд писал Бинсвангеру, что пытается отделить научные проблемы от личных, чтобы предотвратить свой разрыв с Юнгом, но что в любом случае поступки Юнга его все-раз не задевают.

«Я совершенно беспристрастен. Наученный опытом прошлых лет, я горжусь теперь своей гибкостью; мое либидо отошло от него еще в те месяцы, когда появились еще только первые признаки, и теперь я ничего не теряю. В этот раз мне проще, ведь со мной остаетесь Вы, Ференци, Ранк, Захс, Абрахам, Джонс, Брилл и многие другие».

Из приведенных слов следует, сколь ясно Фрейд понимал сходство между своим отношением к Флиссу и к Юнгу. Но они же показывают, что он отнюдь не собирался повторять ошибки прошлого.

ОБМОРОКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

В конце лета 1912 г. Фрейд чувствовал себя недостаточно хорошо и впервые со времени исчезновения у себя симптомов заболевания сердца вновь упомянул о них в письмах к Бипсвангеру и Джонсу. 22 сентября 1912 г. Фрейд писал Бипсвангеру из Рима:

«Полученное мной Ваше письмо вызвало искушение сразу телеграфировать в Констанцу: приезжайте, я тоже здесь, в Италии, в отеле «Эдем» на улице Людовици! Тот факт, что я все-таки не телеграфировал, можно отчасти объяснить тем, что моя компания будет означать для Вас скорее дополнительные заботы, нежели отдых. Более веской причиной пужно считать мое очень плохое самочувствие. Несколько недель страданий уже позади, а диагноз, как обычно, непонятен. Если судить *ex juvantibus*¹, после Карлсбада я вдруг перестал переносить мое обычное курение и крепкие напитки, к которым я привык во время пребывания в Тироле. Полагаю, что взбунтовалось мое сердце; всякий теперь может говорить о психических к тому основаниях, однако я прошу вас не винить Юнга слишком сильно. Я уже достаточно восстановился после всевозможных рецидивов и думаю, что теперь, после почти полного отказа от красного римского вина, я на пути к выздоровлению. Я всегда был очень счастлив в Риме, а в этот раз — особенно... Что касается Юнга, то я готов на любой шаг ради нашего внешнего примирения, по сути наших отношений уже не стать прежней...»

Возможно, недомогание Фрейда определялось целым рядом факторов: он был измучен карлсбадским «лечением», ему пришлось прервать свой отдых и спешно ехать в Вену, где снова заболела его старшая дочь Матильда. Кроме этого, несмотря на то, что растущее разочарование в отношениях с Юнгом Фрейд переживал не слишком тяжело, тем не менее он испытывал чувство досады. Более того, отступничество Юнга пробудило к жизни старые болезненные конфликты.

Джонс предположил, что симптомы Фрейда могут иметь «психогенную» основу и что ухудшению его самочувствия способствовала тревога за дочь и за своего «духовного ребенка», психоанализ. Фрейд ответил Джонсу в тот же день, когда написал письмо Бипсвангеру.

«Ваши гипотезы о *Verdichtung* [соединении] двух дочерей звучат столь остроумно, что я не осмеливаюсь им возражать. Безусловно, выделить действительные психические процессы в собствен-

¹ Распространенный термин, применяющийся в случае постановки диагноза по лечению, оказавшему влияние на течение болезни.

ной личности задача крайне сложная, если ее вообще возможно решить. Физическая составляющая более понятна: внезапная непереносимость табака сердечной мышцей. Еще в большей степени это относится к вину. Последнее улучшение моего здоровья здесь связано со строгим воздержанием от великолепного римского вина... Через несколько дней мы сможем пожать друг другу руки».

На самом деле как предположение Джонса, так и ответ Фрейда слишком упрощают трактовку его состояния. Происхождение таких физических симптомов имеет существенно более сложный характер.

Настоящий «кризис», связанный с Юнгом, произошел позже, когда в том же году Фрейд встречался с Джонсом, Юнгом, Абрахамом и некоторыми другими коллегами, чтобы обсудить ряд организационных вопросов. Фрейд тогда укорял Юнга за допущенную характерную промашку (он не обратил внимания на дату появления письма Фрейда к нему), что должно было заставить Юнга пересмотреть свою оценку так называемого «кройцлингенского жеста». Юнг стал оправдываться и извиняться. Позже, за обедом Фрейд продолжал свои укоры, но внезапно, по словам Джонса, «упал на пол в глубоком обмороке». Юнг перенес его на кушетку, где, как опять же утверждает Джонс, первыми словами Фрейда, когда он пришел в себе, были: «Как, должно быть, славно быть мертвым!» («Es muss süss sein zu sterben» в немецкоязычной версии написанной Джонсом биографии.)

Фрейд подробно обсуждал значение этого происшествия в своей переписке с Ференци, Джонсом и Бинсвангером. При этом, говоря о «значении» обморока, следует отдельно выделить и причину такой реакции.

Обычно такие реакции обуславливаются целым комплексом причин: это и последствия интенсивных эмоциональных реакций, временами связанных с сознательными, но часто с бессознательными событиями, и различные факторы физиологического порядка. Ранее я уже упоминал об определенной склонности Фрейда к «вазовагальным рефлекторным реакциям» (см. главу 2).

Высказывания Фрейда по поводу произошедшего дополняют друг друга, показывая, что, несмотря на то что он подверг этот эпизод анализу, возможность влияния со стороны факторов соматического порядка он тоже никогда не исключал.

Двумя днями позже, 26 ноября 1912 г., Фрейд сообщил о произошедшем Ференци, который не присутствовал на той мюнхенской встрече:

«Увы, у меня был не очень хороший день. Утомленный неделей [работы] и бессонной ночью, проведенной в поезде, за столом я испытал приступ тревоги, сходный с испытанным мною в

«Эссыгхаусе»¹, в Бремене. Я попытался встать и сразу упал. Поднялся я сам, однако еще некоторое время меня подташнивало, позже заболела голова и одолела зевота...

В ночном поезде на Вену я великолепно отоспался и прибыл сюда совершенно здоровым».

Ранее уже указывалось, что в отношениях Юнга и Фрейда определенную роль играл мотив «отцовства». Как раз перед тем, как из Бремена отправиться в трансатлантический рейс, Фрейд и Ференци убедили Юнга изменить своим непоколебимым принципам и выпить за обедом немного вина. Затем Фрейд указал Юнгу (согласно Джонсу) на паличие у этого бессознательного желания смерти своему «отцу». По этому поводу Юнг стал бурно возражать. Во время дискуссии Фрейд внезапно потерял сознание.

В своем ответе от 28 ноября Ференци привел следующий комментарий:

«Не знаю почему, но в те дни меня очень взволновал вопрос: не повторится ли бременское недомогание и в Мюнхене. (Тогда в Бремене мы объясняли случившееся реакцией на измену Юнга своим принципам трезвенничества)»².

Фрейд Джонсу писал 8 декабря 1912 г.:

«Не могу забыть, что два раза — шесть и четыре года тому назад — я испытал очень сходные, но не столь резко выраженные симптомы в *той же* комнате «Парк-отеля». Впервые Мюнхен я увидел, посетив заболевшего Флисса, и этот город прочно связался с моим к нему [Флиссу] отношением. В основе этого случая лежит некоторая доля неконтролируемого гомосексуального влечения. Когда в последнем письме Юнг вновь намекнул на мой «невроз», я счел уместным напомнить ему, что каждому аналитику следует обращать внимание прежде всего на свои собственные неврозы. Как бы то ни было, я думаю, что нам следует быть с Юнгом мягче и терпеливей и, как говорил старый Оливер, держать порох сухим».

Днем позже, 9 декабря, Фрейд написал Ференци другое письмо:

«Я полностью восстановил свою работоспособность, аналитически разобрал мюнхенский приступ головокружения и даже начал работать над долгожданной третьей точкой соприкоснове-

¹ Название ресторана.

² Юнг, как и его учитель Блейлер, был убежденным сторонником полной трезвости.

ния¹. Все эти приступы указывают на крайнюю важность переживаний самого раннего детства, связанных со смертью (мой брат умер совсем маленьким, когда мне было чуть больше года)². Атмосфера войны³ определяет нашу повседневность; моя жизнь пока течет своим чередом, но не исключено, что на фронте могут оказаться все три моих сына».

1 января 1913 г. Фрейд написал Бинсвангеру, сделав акцент на множественности причин наблюдавшегося обморока:

«Мой обморочный приступ в Мюнхене определенно вызван психогенными составляющими, получившими весомое физическое подкрепление (трудная неделя, бессонная ночь, мигрени, дневные заботы). У меня уже было несколько таких приступов при сходных обстоятельствах, часто на фоне употребления небольшого количества спиртного, которое я не переношу. Среди психических составляющих можно выделить тот факт, что дважды я испытал практически сходные приступы в том же месте Мюнхена четыре и шесть лет назад. Тщательно изучив этот вопрос, едва ли можно утверждать, что за моими приступами стоит более серьезная причина, например слабое сердце. Вытесненные эмоции, направленные теперь на Юнга, как ранее на его предшественника, — вот что сыграло главную роль».

Можно обратить внимание на ряд противоречий в описаниях. Например, Джонс, который был очевидцем произошедшего, утверждал, что Фрейд «внезапно упал на пол в глубоком обмороке». В первом письме к Ферепци Фрейд сообщил о приступе тревоги с последующей попыткой самостоятельно подняться после обморока. Такое расхождение объясняется, вероятно, неточностью воспоминаний самого Фрейда. Обмороки очень часто сопровождаются провалами в памяти. Элементы тревоги при обмороках наблюдаются практически всегда. При этом, однако, крайне трудно различить тревогу как фактор, способствующий появлению такого соматического феномена, тревогу как ответную реакцию на поток разнообразных ощущений, наполняющих сознание человека до момента обморока, и тревогу, возникающую именно из-за столь резкой и полной потери самоконтроля. Следовательно, было бы большим упрощением объяснять все одной лишь тревогой. Анализ сопутствующих факторов, проведенный Фрейдом позже, оказался гораздо более обстоятельным. Разумеется, такой

¹ «Соприкосновение» — первое название «Тотем и табу» («Некоторые точки соприкосновения между психической жизнью дикарей и не-вротиков»).

² В действительности Фрейду было тогда около двух лет (см. главу 6).

³ Имеется в виду один из кризисов периода Балканской войны.

анализ требовал некоторого количества времени, тогда как первое письмо было написано Фрейдом уже на следующий день после возвращения в Вену¹.

Когда Фрейд писал Джонсу, он, очевидно, уже проанализировал произошедший инцидент, объяснив его своим отношением к Флиссу и «некоторой долей неконтролируемого гомосексуального влечения, лежащей в основе этого случая». Фрейд отмечал также, что посетил Флисса в Мюнхене во время его болезни (в 1894 г.; см. главу 2)² и потому этот город приобрел для него особое значение³.

Один отрывок, практически дословно повторявшийся в письмах к Джонсу и Бинсвангеру, продолжает вызывать затруднения: Фрейд утверждал, что сходные симптомы он уже испытывал в том же месте шесть и четыре года назад. Видимо, Фрейд также упал в обморок во время посещения Флисса в Мюнхене, что произошло в 1894 г. (шестнадцатью годами ранее). У нас отсутствуют данные, согласно которым мы бы могли подтвердить факт посещения Фрейдом Мюнхена в 1904-м и 1906 гг. Имеющиеся в нашем распоряжении исчерпывающие сведения о его ежегодных путешествиях вынуждают нас признать, что таких поездок не было. Я лично не видел подлинники этих его писем, но вряд ли Джонс и Бинсвангер, знакомые с почерком Фрейда, могли оба одинаково неправильно прочитать данный отрывок. Поэтому, скорее всего, дважды ошибся сам Фрейд.

Письмо, которое Фрейд написал Ференци на следующий день, из всех трех является наиболее интересным. Следует ли полагать, что всего за одни сутки самоанализ Фрейда смог добраться до самых глубоких слоев? Или, может быть, по причине особенно доверительного отношения к Ференци Фрейд оказался готов сообщить тому больше, чем другим?

В письме Фрейда к Бинсвангеру уже чувствуется определенная эмоциональная «дистанция», отдалившая его от травмирующих

¹ Встреча состоялась в воскресенье. К работе Фрейд вернулся в понедельник, а письмо к Ференци написал во вторник.

² Известно, что прежде Фрейд наблюдал у себя и другой похожий приступ, который также был связан с Флиссом: в 1895 г., когда он стал свидетелем кровотечения у своей пациентки Эммы в результате изъятия из ее носовой полости оставленного там дезинфицирующего материала, что произошло по вине Флисса (см. главу 3).

³ В этой связи уместно сопоставить два толкования, которые Фрейд использовал в процессе вспоминания забытого названия «Монако». В издании «Психопатологии обыденной жизни» от 1907 г. он описал ход восстановления забытого названия, пользуясь при этом методом свободных ассоциаций. Тогда он не объяснял причины своей забывчивости. В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд сопроводил свои рассуждения следующей фразой: «Монако также является итальянским названием Мюнхена. Этот город и оказал тормозящее влияние».

переживаний. Здесь он называет произошедшее «обморочным приступом» и рассматривает как соматические, так и психические его причины. На трактовку Джонсом этих приступов, которая до некоторой степени совпадает с позицией Ференци, повлияли его собственные наблюдения, беседы с Фрейдом и письма, написанные ему и Ференци.

Из этих различных источников информации можно выделить некоторые общие моменты: обмороки 1909-го и 1912 гг. происходили в присутствии Юнга. Каждый из них произошел после того, как Фрейд выпил немного вина. И в том и в другом случае обсуждались проблемы, имеющие отношение к смерти и желанию смерти: в 1909 г. — в связи с раскопками останков доисторических людей, в 1912 г. — в связи с очерком Абрахама о египетском фараоне Аменхотепе¹. Джонс подчеркивал, что и в том и в другом случае перед обмороками Фрейд «одерживал маленькие победы» над Юнгом. В 1909 г. Фрейд и Ференци «соблазнили» Юнга изменить твердой приверженности к трезвому образу жизни, что впоследствии испортило отношения Юнга с Блейлером, для которого любое потребление алкоголя по-прежнему оставалось под запретом. В 1912 г. Фрейд заставил Юнга пересмотреть взгляды на свой кройцлингенский визит к Бинсвангеру, что тому и пришлось сделать, по крайней мере временно.

Джонс, сообщив о первых словах Фрейда, которые тот произнес сразу по возвращении сознания, прокомментировал, что это является «еще одним указанием на то, что идея смерти имела для него некий эзотерический смысл». В следующем абзаце Джонс отметил, что сомневается, все ли связанные с данным инцидентом воспоминания абсолютно достоверны. Следует предположить, что Джонс цитировал слова Фрейда по сделанным в то время записям. Однако использованное им слово «эзотерический» в данном контексте представляется несколько непонятным. В то время Фрейд был очень усталым и испытывал сильную напряженность. Он ненавидел споры, выходившие за рамки научной дискуссии. Судя о произошедшем с позиций его собственного анализа, тогда оказались активизированными его глубочайшие внутренние конфликты. Случившийся в такой момент обморок просто «унес» его от всего этого прочь. (Это не означает, что упавший в обморок потерял сознание *потому, что хотел* уйти от всего этого!) Что касается смерти, то Фрейд был не одинок среди тех людей, кто, не желая умирать (как он выразился в одном из своих писем, «ни сейчас, ни вообще» (см. главу 2), предпочитал все же умереть внезапно. Сде-

¹ Абрахам пытался увязать свершения этого монарха, одного из создателей монотеизма, с его враждебностью к отцу. Юнг, также обсуждавший на страницах своей автобиографии обмороки Фрейда, был, по его собственному признанию, глубоко смущен таким предположением.

лашая же ремарка могла быть еще одним указанием на наличие конфликта, базировавшегося на вине и желании смерти.

Джонс истолковал оба обморока, случившиеся сразу после того, как Фрейдом были одержаны упомянутые маленькие победы, в том смысле, что тот должен был «заплатить» таким образом за свои успехи. С той же позиции он рассматривал и собственный анализ Фрейда, указывавшего на возможность связать исходные причины этих приступов с тем воздействием, которое на него оказала смерть младшего брата Юлиуса.

Джонс верно связал психические составляющие «обморочно-го эпизода» с испытанным Фрейдом на Акрополе чувством, не зная, однако, или, по крайней мере, не упомянув о фактах, которые обнаружилились в письме Фрейда к Юнгу от 1909 г., и сославшись лишь на удовлетворение запретного желания превзойти своего отца.

При обсуждении сна «non vixit» я подчеркивал роль «вины выжившего» — понятия, впервые использованного Фрейдом после смерти его отца. Я говорил об этом чувстве в контексте отношений Фрейда с Флиссом, Брейером и Фляйшлем. «Вина выжившего» некоторым образом проявилась и в отношениях Фрейда с Юнгом, который тоже «остался на обочине». При обсуждении толкования Фрейдом этого сна я указывал, что по ряду причин, и в том числе из-за рождения Флисса, в год смерти Юлиуса в конфликт Фрейда с Флиссом оказалось вовлечено гораздо более давнее чувство вины, сформировавшееся у Фрейда на почве его детской ревности. Однако в анализе этого сна Фрейд нигде не упоминал о данном факте.

В заключение сопутствующая информация и более всего сам анализ Фрейда указывают на глубокую обусловленность наблюдавшихся обмороков. Конфликт Фрейда, связанный с его латентной гомосексуальностью, играл существенную роль в его отношении к Флиссу и, правда в гораздо меньшей степени, отразился и на его отношении к Юнгу. Он выступал в качестве одной из многих причин, повлиявших на весь этот эпизод, в структуре которого обморок был лишь его кульминационным проявлением.

Отношение Фрейда к Флиссу характеризовалось глубокой двойственностью. Эта двойственность соединила конфликт Фрейда с Флиссом и, в гораздо меньшей степени, с Юнгом с глубочайшим слоем его ранних конфликтов. Несмотря на то что каждый из факторов, приведших в своей совокупности к обмороку, а также к рецидивом предрассудка «предопределенной продолжительности жизни»¹, сыграл в данном эпизоде определенную роль, главную все же следует отдать именно неразрешенному конфликту, связанному с двойственностью отношения.

¹ См. письмо Фрейда к Ференци от 9 декабря 1912 г.

Заключительный, комично-язвительный аспект реакции Фрейда обнаружился благодаря еще одному его письму к Бинсвангеру (16 декабря 1912 г.):

«После моего мюнхенского приступа меня записали в кандидаты на свидание с Богом. Недавно Штекель написал, что в моем поведении теперь уже видят некоторый «элемент притворства». Все они ждут этого с нетерпением, однако я могу ответить им словами Марка Твена¹: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». Прежде всего, сейчас я работаю над моим третьим «Соприкосновением» для «Imago», которая должна открыть дорогу четвертой, которую я ожидаю с очень большим интересом...»²

Несмотря на мюнхенское «раскаяние» Юнга, этот инцидент практически ознаменовал окончание сотрудничества между ним и Фрейдом. По завершении Международного психоаналитического конгресса, проводившегося в 1913 г. в Мюнхене, Юнг был переизбран президентом при большом числе воздержавшихся. Когда Юнг узнал, что и Джонс оказался в числе «раскольников», он заметил последнему: «Я думал, что ты христианин [то есть не еврей]». Встречный комментарий Джонса: «Хоть эти слова и прозвучали не к месту, вероятно, определенный смысл в них имелся», что доказала позиция, занятая Юнгом во времена гитлеровского режима. В 1914 г. Юнг отошел от Международной психоаналитической ассоциации, чтобы следовать далее уже собственным путем. Несмотря на озабоченность произошедшим, в особенности последствиями раскола в психоаналитическом движении, Фрейд не впал в депрессию, а вскоре вновь погрузился в свою работу.

¹ Марк Твен был одним из любимых писателей Фрейда.

² Имеется в виду третья и четвертая части «Тотема и табу».

Глава 10

МОТИВ СМЕРТИ, РАССМОТРЕННЫЙ В ТРЕХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

«ДИАНА ЭФЕССКАЯ»

Три работы Фрейда за этот период — две малоизвестные и одна крупная — представляют интерес для нашего исследования. Первая, самая короткая из когда-либо им опубликованных, появилась в 1911 г. под названием «Диана Эфесская», напоминающим название одной из поэм Гёте. Материал для нее был подобран из главы об Эфесе книги Ф. Сарто «Мертвые города Малой Азии». Она привлекла внимание Фрейда в то время, когда он особенно много читал, работая над «Тотемом и табу». Она заинтересовала его, поскольку он всегда увлекался вопросами археологии. Однако на то были еще и другие причины.

Одна из основных линий статьи сходна с главной темой статьи о Градиве — преемственность истории на протяжении столетий или даже тысячелетий; появление новых монументов на руинах или пепле старых; «бессмертие», не противоречащее научному мышлению.

В ранней античности множество храмов было возведено во имя богини Артемиды-Дианы. Эфесский храм стал центром паломничества верующих в чудесные способности, приписывавшиеся жрецам храма и самой богине. Фрейд сравнивал «деловой центр Эфеса» с современным Лурдом.

С началом эпохи христианства апостолы Иоанн — автор Апокалипсиса — и Павел обосновались в Эфесе. Существует легенда, что после распятия Христа вместе с Иоанном в Эфес отправилась и Дева Мария. В IV в. нашей эры там появилась базилика Святой Марии. Фрейд отмечал:

«Теперь город вновь со своей великой богиней. Не считая ее имени, мало что изменилось».

Если маленькая статья о Диане Эфесской представляет собой нечто вроде грезы наяву, изложенной на бумаге, следующая работа Фрейда, подлежащая здесь обсуждению, — нечто совершен-

но иное. Она отражает столь решительный отход от научно-психологической точки зрения в отношении к проблеме смерти, что я рассмотрю ее подробнее.

«МОТИВ ТРЕХ ШКАТУЛОК»

В «Трех шкатулках» Фрейд, возможно, впервые столь педвусмысленно обратился к теме смерти. Мы знаем, что в пору, когда его самоанализ был особенно интенсивен, он увидел в легенде об Эдипе выражение одного из глубочайших и фундаментальных конфликтов человеческого бытия. В 1911 — 1912 гг. Фрейд глубоко погрузился во всестороннее изучение мифологии. В 1912 г., кроме того, он был особенно обеспокоен ухудшением отношений с Юнгом. В этой связи он вновь активизировал самоанализ.

«Три шкатулки» были задуманы Фрейдом за несколько дней июня 1912 г., сразу после визита в Кройцлинген к Бинсвангеру. Его молодого друга в то время мучили дурные предчувствия относительно последствий своей тяжелой операции. Этому драматическому периоду в жизни Бинсвангера, в свою очередь, предшествовала болезнь матери Фрейда, которой тогда исполнилось семьдесят семь лет.

Статья началась с рассмотрения мотива «трех шкатулок» в «Венецианском купце» Шекспира, где выбравший третью, самую невзрачную на вид, получал в награду невесту. Фрейд отследил мотив шкатулки в мифологии различных народов. Поскольку шкатулка в принципе символизирует женщину, Фрейд интерпретировал выбор между ними как выбор между женщинами. Похожий мотив прослеживался и в «Короле Лире», где выбор осуществлялся между тремя дочерьми старого короля, который слишком поздно осознал, сколь несправедливо было его отношение к младшей, Корделии. Ведь ее нежные чувства к нему, при всей их недостаточной внешней выраженности, были гораздо глубже, чем у двух других ее сестер с их показным обожанием. Затем Фрейд перечислил множество других мифов и сказок, в которых также приходилось делать выбор между тремя женщинами: Парис выбрал Афродиту, принц — Золушку. Всякий раз выбиралась третья женщина. Фрейд замечал:

«Во всех этих повествованиях о трех женщинах, последняя из которых и есть самая лучшая, их следует воспринимать в какой-то мере тождественными, если они предстают перед нами как сестры. <...> Выбор короля Лира осуществляется между тремя *дочерьми*; это, видимо, означает не что иное, как то, что Лир должен быть стариком. Старика не подобает выбирать между тремя женщинами. Соответственно, женщины предстают в образе его дочерей.)

Однако кто же эти сестры и почему выбор должен пасть на третью?.. В свое время мы уже обращались к психоаналитической технике, когда символически уподобляли три шкатулки трем женщинам. Если мы отважимся следовать ей и далее, то пойдем по пути, который сначала приведет нас к неожиданным и непостижимым результатам, а затем, возможно, окольным путем позволит достичь нашей цели».

Вывод, который Фрейд сделал исходя из этих примеров, — действительно неожидан. Общей чертой выбранных женщин он счел их невыразительность. Сделав свой выбор, Бассанио замечает: «Эта неприметность влечет меня больше, чем внешняя броскость». Корделия, «не заметная, словно свинец», храпит свои чувства в глубине души; она «любит и не говорит ни слова».

Далее Фрейд привел пример сновидения, в свое время выступившего как объект анализа.

«Больше десяти лет назад один очень интеллигентный человек рассказал мне об одном из своих снов, в котором увидел доказательство телепатической природы сновидений. Ему приснился его друг, от которого к тому времени очень долго не было никаких вестей и которого он за это непрестанно укорял. Друг молчал. Позже оказалось, что примерно в то время он покончил жизнь самоубийством. Позвольте мне пока оставить проблему телепатии в стороне и обратить внимание на то, что в этом сне молчание, вне всякого сомнения, символизирует смерть, равно как, впрочем, и стремление Золушки трижды исчезнуть, стать невидимой для прищипа; то же самое относится и к несомненной бледности, о которой напоминает невзрачность свинца в одном из вариантов шекспировского текста».

Затем последовало несколько примеров из сказок братьев Гримм, в которых немота также символизировала смерть. Далее Фрейд подытожил:

«Эти признаки могут привести нас к мысли, что третья из выбиравшихся сестер мертва. Однако она могла бы предстать и в ином качестве: самой смертью, богиней смерти. Из-за смещения... качества, которыми божество наделяет людей, приписываются ему самому. Такое смещение в случае с богиней смерти совсем не кажется странным, поскольку в современных трактовках... смерть ассоциируется с мертвецом.

Зная, что третья сестра — богиня смерти, мы без труда узнаем и ее сестер. Это — богини судьбы, называемые мойрами, парками или порнами. Третья из них носит имя Атропос, или Неотвратимая».

Далее следовало обсуждение связи между мойрами (богини судьбы)¹, орами и норнами германской мифологии. Все они, как указывал Фрейд, связаны с представлениями о времени и временах года.

«Естественно... что со временем стали глубже постигать суть этих божеств и соотносить их с закономерностями чередования времен года. Оры, таким образом, превратились в охранительниц законов природы и божественного порядка, благодаря которому с неизменной последовательностью в природе происходят постоянные повторения.

Такое познание природы повлияло на видение человеческой жизни. Миф о природе превратился в миф о человеке; богини погоды стали богинями судьбы. Однако эта особенность ор воплотилась в мойрах, которые так же неумолимо следят за порядком в жизни человеческой, как оры за порядком в природе. Неумолимая строгость закона, отношение к смерти, совершенно чуждые ранее образам миловидных ор, теперь воплотились в мойрах, *как будто человек лишь тогда испытывает всю строгость закона, когда он должен подчиниться ему сам*².

Далее Фрейд попытался объяснить явное противоречие своего вывода о том, что третья выбранная сестра является «богиней смерти или самой смертью», тому обстоятельству, что выбор Париса пал на богиню любви, в «Венецианском купце» избранной оказалась прекраснейшая и мудрейшая из трех женщин, а в «Короле Лире» — единственная преданная дочь.

«...В нашей психике существуют такие движущие силы, в которых замена объекта на противоположный ему связана с формированием реакций, а ценность нашей работы мы как раз и видим в поиске таких скрытых сил. Создание мойр помогло человеку осознать, что и он сам является частью природы, а потому подчинен непреложным законам смерти. Ему пелегко смириться с такой зависимостью, поскольку человек совсем не желает жертвовать притязаниями на исключительность своего положения в мире. Человеку же, как мы знаем, свойственно прибегать к воображаемому исполнению своих желаний, когда реальность оставляет их неудовлетворенными. Так его воображение восстает против истины, заключенной в мифе о мойрах, создавая вместо него новый, в котором богиня смерти заменяется богиней любви и ее земными воплощениями. Третья из сестер теперь уже не олицетворяет смерть, а

¹ Любопытно, что на идише «мойра» означает скорее «страх», чем «судьба».

² См. также главу 12.

является самой прекрасной и желанной женщиной... богиней любви, пришедшей на смену богине смерти. Еще греческая Афродита не полностью порвала с преисподней, хотя давно передала свою атонаическую роль прочим божествам — Персефоне или трехликой Артемиде-Гекате. И у восточных народов, по-видимому, их великие матери-богини одновременно были и созидательницами, и разрушительницами, богинями жизни и смерти. Таким образом, замена на противоположность, осуществляемая в нашем толковании, возвращает нас к старинному тождеству.

[Выбор в мифе о трех сестрах подразумевает сходную инверсию.] Выбор становится заменой таких понятий, как неизбежность, судьба. *Таким способом человек стремится победить смерть, неизбежность которой он осознал.* Более яркого торжества исполненного желания невозможно себе даже представить. Ведь выбор несовместим с принуждением, и выбирают всегда самую не безобразную, а, наоборот, самую прекрасную и желанную [курсив добавлен. — М. Ш.]¹.

Фрейд окончил эту статью, которая столь показательна в плане того, как мифы и произведения искусства отражают основополагающую проблему человеческого бытия, применив свой метод рассуждений к королю Лиру, а возможно, и к себе самому.

«Однако Лир не просто стар: он — обречен. Странная предпосылка, мотивирующая раздел имущества, теряет в этом случае всю свою необычность. Но обреченный на смерть Лир не хочет отказаться от любви женщины; он желает узнать, сколь сильна любовь к нему. Вспомним теперь потрясающую по силе воздействия финальную сцену, одно из высших достижений драматургии: Лир выносит на сцену мертвое тело Корделии. Корделия олицетворяет смерть. Если переиначить эту ситуацию, она станет нам понятнее и ближе. Ведь это же богиня смерти, выносящая тело павшего героя с поля битвы, как валькирия в германской мифологии. Вечная мудрость в облачении древнего мифа советует старику отказаться от любви, выбрать смерть, примириться с неизбежностью ухода.

Драматург приближает к нам древний мотив, показывая, как дряхлый, умирающий старик избирает одну из сестер. Регрессивная обработка древнего мифологического сюжета позволяет так глубоко высветить его первоначальный смысл, что это делает возможным аллегорическое толкование трех женских образов этого мотива. Можно было бы сформулировать это следующим образом: изображаются три неизбежных для любого мужчины типа отношения к женщине: женщина — мать, друг и погубительница.

¹ См. также главу 11.

Или три формы, в которых предстает перед ним образ матери в разные периоды ее жизни — собственно мать, возлюбленная, которую мужчина выбирает по образу и подобию матери, и, наконец, мать-земля, принимающая его в свое лоно. Однако напрасно старик добивается нерассуждающей, материнской любви женщины; лишь третья из олицетворяющих судьбу женщин, молчаливая богиня смерти, примет его в свои объятия».

Весь отрезок жизни, еще остававшийся Фрейду — включая и саму его смерть, — отразился в этих строках. Его душевный покой нашел выражение в отточенности стиля, равно как и в способности в нескольких предложениях передать трагизм и красоту такого литературного шедевра, как «Король Лир», совместив его с мифом, сказкой и психологическим проникновением в те методы, посредством которых человек стремится совладать с проблемой смерти.

На этом фоне суэта и раздоры личного соперничества и честолюбия, которые в силу сложившихся обстоятельств заботили Фрейда в то время, воспринимались как нечто пустяковое. Между тем проблемы такого рода очень волновали его; ведь, как и любой из нас, он был обычным человеком, что означало и его уязвимость.

Может быть, здесь кроется объяснение тем словам, которые он произнес, очнувшись от обморока, приключившегося в ноябре 1912 г.: «Как, должно быть, приятно быть мертвым»? «Приди, сладкая безмятежность, приди, о, приди ко мне», — говорил Гёте (в одной из своих незабвенных поэм). Фрейд также чувствовал себя крайне усталым и более чем через двадцать семь лет был готов вторить этим словам Гёте, совпадавшим с его собственным страстным желанием обрести, наконец, долгожданный покой, когда жизненных сил уже практически не оставалось.

«ТОТЕМ И ТАБУ»

Многие мысли, выраженные им в этом эссе, Фрейд развил в процессе обсуждения анимизма, который рассмотрел в следующем своем произведении, вышедшем под названием «Тотем и табу»¹.

Он утверждал, что «сам по себе анимизм еще не религия, но содержит те основания, на которых религия возникнет», и что мифы также опираются на анимистические предпосылки. Фрейд указывал, что первобытный человек не смог бы обрести свое пер-

¹ Первоначально опубликовано в виде серии эссе под общим заглавием «Некоторые точки соприкосновения между психической жизнью дикарей и невротиков» (1912—1913).

вое целостное представление о мире на основе «исключительно созерцательного любопытства», вне потребности и желания его контролировать. Этому желанию могли способствовать магические силы, эффект которых достигался через осуществление множества символических действий. Магия и колдовство помогали первобытному человеку забыть о своей беззащитности перед лицом подстерегавших со всех сторон опасностей. Вере в магию соответствовал анимистический образ мысли. Фрейд именовал его «принципом всемогущества мысли», «усвоив» этот оборот от одного из своих ранее упомянутых пациентов, человека-крысы:

«Он придумал эту фразу для объяснения всех тех странных и зловещих событий, которые его, как казалось, преследовали. Стоило ему о ком-то подумать, то тут же он, как по волшебству, внезапно встречал этого человека. Если он вдруг осведомлялся о здоровье кого-либо из своих знакомых, которого уже давно не видал, как ему сразу же сообщали, что тот умер, так что у него появлялось предположение, что покойник дал о себе знать телепатически. Если... он произносил проклятие по адресу какого-нибудь постороннего лица, у него немедленно появлялись опасения, что тот вскоре умрет и на него падет ответственность за эту смерть. По ходу лечения он сам мог мне рассказывать... каким образом укреплял в себе веру в свои суеверные предположения. Все, кто страдает от невроза навязчивости, отличаются такого же рода суеверием, при этом большей частью они отлично понимают всю его нелепость. Похоже, что мы признаем «жуткими» те впечатления, которые вообще подтверждают всемогущество мыслей и анимистический образ мыслей в то время, как в нашем сознательном *суждении* мы от этого отошли».

Далее Фрейд сформулировал одно из своих базовых открытий, в рамках которого провел различие между «психической реальностью» и «реальностью должной», что позволило ему связать психические процессы невротиков, особенно тех, которые страдают от невроза навязчивых состояний, с «магическим» мышлением первобытных людей.

«Первичные навязчивые действия таких невротиков, по сути, носят магический характер. Если они и не представляют собой колдовство, то всегда противодействие колдовству с целью предотвратить ожидающуюся беду¹. С этого обыкновенно начинается невроз. Всякий раз, как мне удавалось проникнуть в тайну, оказывалось, что эта ожидаемая беда — смерть. Шопенгауэр говорил, что проблема смерти лежит у истоков всякой философии.

¹ Немецкое «unheil» здесь следует перевести именно так (см. главу 7).

Мы уже имели возможность убедиться, что вера в души и демонов, составляющая суть анимизма, восходит к тому впечатлению, которое произвела на человека смерть».

К сказанному мы могли бы добавить еще кое-что. В суеверном мышлении или навязчивых действиях намерение, что Фрейд весьма убедительно доказал на примере случая человека-крысы, есть такое «уничтожение» желания, которое на бессознательном уровне приравнивается к самому деянию. Однако чаще всего этого бывает недостаточно. Подобные мысли и действия часто имеют эффект самонаказания. Все это справедливо в отношении тотемных и табу-ритуалов первобытных людей.

Когда Фрейд обсуждал значение «невротических суеверий», несомненно, он полностью сознавал и то, что говорит в том числе и о себе, поскольку его самоанализ всегда был максимально приближен к тому, что в соответствующий период времени занимало его ум и появлялось на страницах его рукописей.

В статье о человеке-крысе и ряде прочих работ, рассматривавших симптомы невроза навязчивости, Фрейд также описал защитный механизм «изоляции», который позволяет некоторым воспоминаниям и аффектам надежно обособливаться от прочих явлений психической жизни личности, сохраняя, таким образом, свою относительную независимость. Одного интеллектуального осмысления оказывается недостаточно для «разрушения» этих чуждых структур. Это может оказаться возможным лишь посредством непрестанной «проработки». Так возможно объяснить удивительную устойчивость некоторых навязчивых «суеверий», десятилетиями не оставлявших в покое самого Фрейда, вспыхивая с новой силой в условиях стрессовых ситуаций.

В «Тотеме и табу» Фрейд отследил развитие в человеческой культуре отношения к смерти как к крайнему проявлению человеческого бессилия.

Фрейд не только сравнил магическое мышление первобытных людей с мыслительными процессами невротиков; он также исследовал эволюцию человеческих представлений о мире и их развитие. И в том и в другом случае анимистическая фаза предшествовала религиозной и научной.

«На анимистической стадии человек приписывает всемогущество *себе*. На религиозной — богам... Научное мирозерцание уже не оставляет места для человеческого всемогущества. Напротив, теперь человек вынужден признать скромность своих возможностей и покорно смириться со смертью и прочими природными закономерностями. И тем не менее, какая-то часть первобытной веры во всемогущество человеческого разума, бросающая вызов законам природы, сохранилась и по сей день».

В процессе написания двух последних глав «Тотема и табу» Фрейда также интересовала концепция нарциссизма. Вера первобытного человека во всемогущество мысли, дававшая ему непоколебимую уверенность в способности контролировать все вокруг, показалась Фрейду сходной с той, которую можно наблюдать у ребенка на нарциссической стадии его развития, а также с нарциссическими составляющими некоторых типов неврозов. Такой компонент позволяет как маленькому ребенку, так и первобытному человеку не обращать внимания на свою почти полную беззащитность. Фрейд подвел итог сопоставлению следующим образом:

«Если мы в состоянии видеть доказательство нарциссизма у первобытных народов в их вере во всемогущество мысли, то можем решиться и на смелую попытку провести параллель между ступенями развития человеческого мирозерцания и стадиями развития либидо отдельного индивида. Анимистическая фаза соответствует в таком случае нарциссизму, религиозная — поиску объекта любви, характеризующему привязанностью ребенка к родителям, а научная фаза составляет параллель тому состоянию зрелости индивида, когда он отказывается от принципа наслаждения и ищет свой объект во внешнем мире, приспособляясь к реальности».

Фрейд использовал также понятие «проекции», которая столь характерна для паранойи, для объяснения природы возникновения «духов» и «демонов», которых он считал проекцией эмоциональных импульсов. Фрейд предположил, что «первенцами» среди духов были духи зла, обязанные своим появлением тому впечатлению, которое смерть произвела на оставшихся жить, и возникшему в этой связи эмоциональному конфликту. Подытожил дискуссию он таким образом:

«Если действительно положение оставшегося в живых по отношению к покойнику впервые заставило задуматься первобытного человека, заставило его передать часть своего могущества духам и принести в жертву долю свободного произвола своих поступков, то эти культурные творения являются первым признанием власти Ананке (рока, необходимости), кладущей предел человеческому нарциссизму. Первобытный человек склонился перед всемогуществом смерти с тем же жестом, с каким он отрицал бы ее».

Так мы можем видеть, как в понимании Фрейда влияние смерти, ее зловещая сила, смутное осознание ее неизбежности, ощущение вины, связанное с бессознательным или сознательным же-

ланием смерти другому, выступили в качестве одного из главнейших истоков развития всего человечества.

В последней главе «Тотема и табу» Фрейд выдвинул самое смелое предположение, согласно которому тотемизм в его разнообразных проявлениях, развитие жертвенных ритуалов и пиршеств и последующий переход от тотемной пищи и жертвоприношений к религии могут проистекать не только из конфликта двусмысленных желаний, но и из фактического акта отцеубийства, действительного убийства лидера первобытного клана его сыновьями (впервые этот акт был описан Дарвином).

В рамках настоящего исследования я не предполагаю обсуждать обоснованность такого предположения, вызвавшего не меньшие распри среди антропологов, чем предположение Фрейда о важнейшей роли сексуальности в нормальном и патологическом развитии. Прежде всего меня интересует тот факт, что Фрейд приписывал «эдипову комплексу», то есть желанию убить отца, и, что гораздо важнее, желанию исполненному, со всеми вытекающими отсюда последствиями, огромную роль в развитии как отдельного человека, так и всего человечества¹.

В первых главах «Тотема и табу» Фрейд рассматривал религиозную фазу в эволюции представлений человека о мире. В последней главе он обсуждал развитие религиозного мышления прежде всего с позиций восхваления убитого отца, подчинения отцу-Богу, попыток отречься от первородного греха или искупить его жертвоприношением сродни тому, на которое пошел Христос, отдав свою жизнь за спасение «братьев своих» и всего человечества².

«Тотем и табу» оказалась одной из наиболее значительных работ Фрейда, поскольку в ней он взял на себя смелость дать максимальную свободу своему воображению и применить методы психоанализа к множеству гуманитарных проблем, занимавших его еще с юности. Его трепетное отношение к принципу последовательности, в рамках которого он оценил путь от «развития умственного аппарата» (1900) до возникновения культуры и религии, в полной мере выразилось на страницах «Тотема и табу».

¹ В рамках инициированной им дискуссии Фрейд рассматривал желание убить отца и фактическое его убийство как первородный грех. Однако уже тогда он осознавал, что братоубийство неизбежно будет следующим преступлением и грехом. Лишь позже, как мы сможем в этом убедиться в главе 14, когда он сформулировал дуалистическую теорию влечений и конфликт между либидо и агрессией, возникла целостная концепция.

² Вопрос развития религиозного мышления на ранней стадии человеческой истории получил дальнейшее освещение в «Будущем одной иллюзии», где Фрейд рассмотрел причины необычайной устойчивости религиозной веры как общечеловеческого феномена и как достоинства отдельного индивидуума (см. главу 17).

Сходное направление мыслей было принято им за основу и в его последней основной работе «Моисей и монотеизм».

Мы можем предполагать, что существовал и некий дополнительный фактор, сказавшийся на содержании последней главы «Тотема и табу». Фрейд сам ощущал себя сродни отцу «первичного клана», когда обращал взор на некоторых своих «сыновей». Как он отмечал в письме (12 декабря 1912 г.) к Бипсвангеру: «Все они [особенно Штекель и Юнг] страстно этого желают [то есть его смерти]». С одной стороны, Фрейд постоянно стремился пайти себе «сына», «преемника», которому можно было бы спокойно доверить будущее психоанализа. С другой — был вынужден признать мощь инстинктивных оснований непокорности своих учеников, «потребности самому открыть нечто принципиально новое» (см. главу 9) и присутствие эдипова конфликта в каждом человеке, включая, как показал самоанализ, и его самого. Для его учеников самоанализ, сочетавшийся с периодическими беседами с Фрейдом и другими коллегами, оказывался недостаточным для преодоления их внутренних конфликтов¹.

По окончании «Тотема и табу» у Фрейда наступил период спада творческой активности, гораздо более продолжительный, чем это бывало раньше. Последняя глава книги пробудила в нем особые сомнения. Чтобы узнать мнение членов Комитета, он отправил ее гравки Абрахаму, Ференци, Джонсу, Ранку и Захсу. Он был готов, как писал в письме к Ференци, к «буре негодования», подобной той, которая разразилась после появления «Толкования сновидений». Однако ему хотелось узнать, по крайней мере, какотреагируют на нее его ближайшие компаньоны.

Джонс, находившийся в то время «в анализе»² с Ференци в Будапеште, предложил их общее объяснение такому спаду. Они предположили, что его первоначальный подъем представлял собой возбуждение, возникающее при убийстве и поедании отца, а сомнения являлись реакцией на это переживание. Согласно Джонсу, Фрейд лишь частично принял такую трактовку:

¹ По этим причинам тренировочный анализ был окончательно утвержден в качестве составной части психоаналитического тренинга.

Из всех аналитиков первого поколения, помимо Джонса (см. ниже), возможно, лишь Абрахаму и Эйтингтону удалось справиться с личными конфликтами, а из этих двух лишь Абрахам смог стать «носителем искры», однако, к великому сожалению, его жизнь оборвалась слишком рано.

² Джонс был первым из близкого окружения Фрейда, кто прошел через «анализ», носивший по необходимости экспериментальный характер. Он предусматривал ежедневные индивидуальные беседы протяженностью в один-два часа, с последующим свободным вечерним обсуждением их в различных кофейнях Будапешта. Весь процесс занял всего несколько месяцев. Понимание того, что тренировочный анализ должен следовать тем же «базовым правилам», что и терапевтический, пришло лишь спустя десятилетия.

«Когда спустя несколько дней я встретил его [Фрейда] и спросил, почему человек, написавший «Толкование сновидений», теперь испытывает такие сомнения, он мудро мне ответил: «Тогда я описывал лишь желание убить отца, а теперь описал настоящее убийство; все-таки это существенный шаг — перейти от воображения к делу».

Толкования Ференци и Джонса были сформулированы — в соответствии с уровнем развития на тот момент психоаналитической мысли — главным образом в терминах «Оно» и влечений. Они недооценивали силу подъема, возникающего из колоссального интеллектуального усилия, «Я» — аспект удовольствия и удовлетворения. Однако ответ Фрейда остается вполне обоснованным. Подтвердить гипотезу, что в основе «мифа об Эдипе» лежало не только желание убить отца, но и фактическое свершение такого убийства, — было, несомненно, нелегко.

«Тотем и табу» заканчивается следующими строками:

«У первобытных людей... механизм торможения не был достаточно развит: мысль у них непосредственно переходила в действие. Они предпочитали фактический поступок воображаемому ее (мысли) удовлетворению. А потому, не претендуя на абсолютную правоту, я все же полагаю, что задолго до нас «сначала было Дело».

И хотя Фрейд одержал еще одну крупную интеллектуальную победу, он вынужден был все же признать и выразить беспомощность человеческого существа перед лицом всемогущей судьбы.

Глава 11

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Фрейд вскоре предстояло вступить в ту пору своей жизни, когда зло распространилось по всему миру, когда первобытное стремление к разрушению снова вырвалось на свободу, а рассудок и здравый смысл отступили; Первая мировая война была уже на пороге.

С 1908 г. Австро-Венгрия прошла через полосу военных кризисов. Уже не раз кровавая развязка казалась неминуемой. Имперские амбиции милитаристской Германии угрожали интересам западных государств, тогда как австро-венгерская политика противоречила панславистским устремлениям России и росту национализма в Балканских странах и входящих в Австро-Венгерскую империю провинциях. По воспоминаниям моего собственного детства несколько раз вплоть до 1914 г. война готова была разразиться, однако лишь немногие европейцы чувствовали приближение катастрофы, повергшей континент в хаос.

Фрейд читал ежедневные газеты и полностью отдавал себе отчет в происходящем, однако всю его жизнь заполнял психоанализ, «причина». Несколько абзацев из письма от 8 июля 1915 г., которое Фрейд адресовал неврологу Джеймсу Дж. Патнему, ярко выражают такое отношение. Патнем послал Фрейду свою книгу «О человеческих мотивах», в которой развивал идеалистическую точку зрения. Согласно ей стремление к духовному усовершенствованию является одной из главных составляющих человеческой одаренности. Отклик Фрейда, который он позже выразил в таких своих работах, как «Будущее одной иллюзии» и «Новые лекции по введению в психоанализ», сводился к мысли, что любой прогресс, который можно ожидать от человечества, будет проистекать из неуклонной сублимации инстинктивных влечений, если только сублимация этих влечений станет столь же понятной, как и процесс их вытеснения. Другими словами, эту идею можно представить с помощью известного афоризма Фрейда: «Там, где было «Оно», — будет «Я».

В контексте ответа Патнему Фрейд нашел возможным сделать несколько необычайно откровенных высказываний и о самом себе.

Вначале он признал, что сознательно ограничил себя, став несколько односторонним для того, чтобы суметь обнаружить те тайны, которые оказались недоступными для понимания его предшественников¹. Затем он утверждал:

«Думаю, мне следует признаться, что меня никогда не удовлетворял уровень моих интеллектуальных способностей, и я точно знаю, в каких именно отношениях. Однако я отношусь к себе как к весьма благопристойному человеку, который всецело разделяет превосходную максиму Ф. Фишера: «Моральное ясно само по себе». Полагаю, что, если судить по моему нежеланию паживаться на других людях или заставлять их страдать, я могу причислить себя к самым лучшим людям, которые мне известны. Я никогда не совершал низких или злонамеренных поступков и ни разу не испытывал соблазна их совершить, и я ничуть не горжусь этим.

Когда в общественной жизни нравственные законы вдруг становятся предметом преувеличенного внимания, я чувствую себя неловко. То, что я наблюдал в религиозно-этической сфере, кажется мне не слишком привлекательным...

В одном, однако, я могу с Вами согласиться. Когда я задаюсь вопросом, почему я всегда склонен вести себя благородно, бережно относиться к окружающим, стремлюсь быть добрым, насколько возможно, и не изменяю этим своим принципам, даже если понимаю, что такое поведение в силу жестокости и ненадежности других людей может принести мне неприятности, то не могу на него ответить. Разумных оснований для этого явно нет. В молодости я не чувствовал никаких особых нравственных побуждений, и мысль о том, что я лучше других, не доставляла мне сколько-нибудь заметного удовольствия! Возможно, Вы первый человек, перед которым я так расхвастался. Думаю, мой случай вполне может служить доказательством справедливости Вашего утверждения, согласно которому стремление к идеалу составляет существенную часть наших задатков. Если бы только эти драгоценные задатки обнаруживали бы себя в большем количестве людей! Я втайне уверен, что если бы кто-либо обладал средствами столь же тщательного изучения сублимации влечений, сколь и их вытеснения, то он обнаружил бы вполне естественные психологические объяснения морали, делающие Ваше человеколюбивое предположение излишним. Но, как я уже говорил, об этом мне ничего не известно...

Подо всем, что Вы еще сказали о психоанализе, я могу подписаться, ничем не жертвуя. Сейчас психоанализ совместим с самыми разными мировоззрениями. Но сказано ли последнее сло-

¹ Сходная формулировка может быть найдена в одном из ранних (19 декабря 1909 г.) писем к Юнгу.

во? Сам я никогда не сосредоточивался на каком-либо исчерпывающем синтезе, неизменно имея дело с одной лишь определенностью. Последней я жертвую все, и это приносит свои плоды».

У Фрейда было множество интересов. Он одинаково хорошо разбирался и в археологии, и в литературе. Он был образцовым отцом семейства и преданным другом, всегда готовым ради дружбы поступиться личными интересами. При этом его главной страстью можно считать стремление отыскать ответы на остававшиеся нерешенными вопросы. По всем этим причинам он не проявлял достаточного интереса к надвигающемуся кризису, грозившему погубить и Европу, и большую часть остального мира.

Переписка Фрейда в 1914 г., перед началом войны, полна размышлений о конфликте с Юнгом, реорганизации Международного психоаналитического общества, о своих публикациях и прочих аспектах собственной работы.

КОРОТКАЯ ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Весной 1914 г. Фрейд чувствовал себя неважно. Он очень устал и перенес простуду. Фрейд решил отправиться на несколько дней на юг. 7 мая 1914 г. он писал Абрахаму:

«Я еще недостаточно здоров и энергичен, чтобы работать...

По-прежнему нет идей по поводу того, где мы проведем это лето...

Надеюсь, что Ваши дети сейчас поправились, а Вы и Ваша жена чувствуете себя так, как это и подобает в Ваши молодые годы.

Вчера мне исполнилось 58».

В том же месяце впервые после памятного письма Флиссу, где Фрейд сравнил себя с «новообразованием», в его переписке снова появляется страшное слово «рак». 13 мая, спустя неделю после своего 58-го дня рождения, Фрейд пишет Абрахаму:

«Последнее обострение моих кишечных проблем побудило моего «лейб-медика»¹ прибегнуть к проктоскопии, после которой он поздравил меня столь пылко, что я вообразил, будто он действительно ожидал обнаружить рак.

Так что на этот раз все обошлось, и я должен продолжать борьбу».

¹ Так называли личного врача королевских особ. В данном случае Фрейд не преминул воспользоваться возможностью поиграть словами, так как слово «Leib» на немецком означает «живот». Позже он часто называл меня своим лейб-медиком. Врача, о котором идет речь в этом письме, звали доктор Вальтер Цвейг.

Последние слова «Так что на этот раз все обошлось, и я должен продолжать борьбу» представляют собой оборот письменной речи, который Фрейд использовал нередко. Может быть, эти слова просто свидетельствовали о его усталости от постоянной борьбы. Возможен и такой вариант: так вновь напомнило о себе старое суеверие, как будто бы фраза Фрейда «так что я должен продолжать бороться; мое время еще не пришло» заменила совершенно иную — «я ожидаю скорой смерти».

Следующий абзац из письма Абрахаму:

«Действительно, лично я хотел бы видеть Вас президентом нашего общества. <...> Ваше предложение сделать почетным президентом меня не показалось мне слишком соблазнительным. Во-первых, в этом статусе есть что-то от почетной отставки, а во-вторых, нынешние тяжелые, кризисные времена не вяжутся ни с какими почетными должностями. Однако я не могу не поблагодарить Вас от всей души за эту идею. В более тихие и благополучные времена я с радостью приму такое предложение. В настоящий момент фигуры президента и вице-президента необходимы, а разделение этих двух функций между Вами и Джонсом на короткий [двухлетний] срок представляется вполне целесообразным...

Больше всего меня угнетают нежелание и неспособность работать, которые преследуют меня с Пасхи. На этой неделе я, наконец, закончил гранки первой трети «Истории психоаналитического движения» — той части, где практически можно ничего не менять. Я лишь добавил девиз, «его качают волны, а он не тонет»¹...

Не принимайте близко к сердцу унылый тон этого письма и примите мои самые сердечные пожелания...»

Такого письма часто оказывалось вполне достаточно, чтобы Фрейд мог восстановить свою бодрость и присутствие духа.

Теперь он готовился к лету и следующему психоаналитическому конгрессу, который должен был состояться в сентябре в Дрездене. Он говорил о публикации своей «Истории психоаналитического движения», где очень критично отзывался об Адлере и особенно о Юнге, которого назвал «бомбой». По иронии судьбы 25 июня 1914 г., за три дня до убийства в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда, ставшего поводом для начала Первой мировой войны, Фрейд писал Абрахаму: «Бомба взорвалась». Переписка с Абрахамом в последующие несколько недель целиком была посвящена организационным и личным вопросам. При этом военно-политический кризис, который принимал все более угрожающий характер, никак не отражен в их переписке.

¹ Фрейд использовал это же выражение и в своих письмах к Флиссу.

Фрейд отправился на лечение в Карлсбад и разрешил своей дочери Анне 18 июля поехать в Англию!

Обсуждение событий тех нескольких недель на первый взгляд может показаться бессмысленным с точки зрения главной темы данной книги. Однако, как мы сможем убедиться, война и ее последствия оказали сильнейшее влияние на научные формулировки Фрейда и его отношение к проблемам жизни и смерти.

23 июля 1914 г. Австрия предъявила Сербии ультиматум. 29 июля австро-венгерская армия вступила в войну.

Письмо Фрейда к Абрахаму от 26 июля показывает, что он, также как и многие его современники, не видел надвигающейся катастрофы.

«Дорогой друг.

Одновременно с сообщением об объявлении войны, преобразившим наш мирный курорт, появилось Ваше письмо, принесся с собой радостные вести. Наконец-то мы избавились от жестоких лицемеров — Юнга и его сторонников. Должен поблагодарить Вас за те огромные хлопоты, груз которых Вам пришлось принять на свои плечи с тем, чтобы поддержать меня и наше общее дело. Всю мою жизнь я искал друзей, которые бы не относились ко мне потребительски. Теперь, незадолго до моей кончины, я вижу, что мои поиски увенчались успехом.

Теперь я могу удовлетворить недавно высказанное Вами желание и рассказать о своих замыслах; речь идет о ряде вопросов, связанных с психоаналитической методикой. Как бы хотелось все это представить заинтересованным людям.

Будет несложно прокомментировать мотив отказа Швейцарии от проведения конгресса Международной психоаналитической ассоциации.

Разумеется, нет никакой возможности судить о том, позволит ли складывающаяся ситуация провести конгресс. Если война ограничится территорией Балкан, то все будет в порядке. Однако российская политика непредсказуема.

Тем не менее впервые за тридцать лет я почувствовал себя австрийцем и думаю, что этой не подающей слишком больших надежд империи следует дать еще один шанс. Всюду видишь подъем боевого духа. Этому в немалой степени содействуют храбрость Германии и надежная поддержка с ее стороны. Практически у каждого можно наблюдать самые настоящие симптоматические действия.

Желаю Вам беспрепятственно насладиться заслуженным отдыхом».

Последний абзац этого письма особенно примечателен: с одной стороны, его можно рассматривать как реакцию на непреодолимое влияние настроя большинства, с другой же — в нем

получил свое отражение конфликт, возникший в то время среди большинства свободомыслящих людей, особенно тех, что были евреями. В то время никто особенно не симпатизировал кайзеру Вильгельму II и агрессивно настроенному Генеральному штабу Германии. Наоборот, многие австрийцы восхищались английской демократией. Очень широко распространены были глубокое отвращение к русскому самодержавию и ненависть к его животному антисемитизму, проявившемуся в фактическом поощрении кровавых погромов 1900-х гг. Особенно омерзительной выглядела официальная пропаганда, распространявшая бредовые идеи о ритуальных убийствах евреями невинных младенцев¹.

Свою позицию Фрейд вскоре выразил следующими словами: «Я был бы за войну всем своим сердцем, если бы знал, что Англия не является нашим противником» (2 августа 1914 г.).

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ: «МЫСЛИ О ВРЕМЕНИ ВОЙНЫ И СМЕРТИ»

«Патриотический» угар быстро выветрился. Англия объявила о своем участии в войне на «стороне противника». Мартин, старший сын Фрейда, был призван в армию. Ему предстояло провести долгие годы в окопах. Прибывшая в Англию Анна оказалась в западне, однако в конце концов с помощью австрийского посольства в Лондоне ей удалось вернуться в Вену.

Также вернувшийся в Вену Фрейд в то время никак не мог приняться за работу. Обуревавшие его мрачные мысли находили свое выражение в цитатах из классических произведений, которые он всегда имел «под рукой». 25 августа Фрейд писал Абрахаму:

¹ Евреев обвиняли в использовании крови христианских детей при приготовлении мацы, пресного хлеба, который, согласно религиозным канонам, следует есть в дни Пасхи. Воспоминания моего раннего детства связаны с одним из самых ужасных погромов, случившимся в 1905 г. в Кишиневе. В то время я жил в Станиславове (Галиция), примерно в 10 километрах от границы с Россией. Мой отец и несколько еврейских благотворительных организаций из Европы и США создали местный центр приема беженцев, потоком хлынувших через границу. Им помогали эмигрировать из России. В то время огромная волна еврейских эмигрантов достигла территории США. Я до сих пор помню скорбные фигуры проходивших через наш дом людей, на лицах которых застыл ужас воспоминаний о казацких расправах. По сравнению с масштабами массового уничтожения евреев в период Второй мировой войны это был, конечно, «незначительный» эпизод! Однако муки пострадавших от бесчинств не были меньше и в то время. Фрейд, разумеется, многое знал об этих событиях.

«Что надежды и планы, когда человек столь хрупок и жизнь его на земле столь коротка?»¹ Или что-то в этом роде... Но возможно, повторяя за Вергилием, *et haec olim meminisse juvabit*².

Столь подавленное настроение было отнюдь не беспричинным. В ноябре 1914 г. Фрейд получил известие о смерти своего сводного брата Эммануила, которого он всегда любил. Тот погиб во время железнодорожной катастрофы в Англии. Практика Фрейда резко сократилась, и его материальное положение сильно ухудшилось.

В предыдущие несколько лет он привык постоянно обмениваться письмами с учениками и друзьями. Теперь многие из них оказались в армии и поддерживать с ними переписку было очень затруднительно. Еще труднее стало связаться с теми, кто оказался на территории вражеских государств. Помимо продолжавшейся переписки с Абрахамом и Ференци, Фрейд начал обмениваться письмами с Лу Андреас-Саломе, поэтессой и писательницей, дружившей со многими известными людьми. Она заинтересовалась психоанализом несколькими годами ранее и с его помощью иначе взглянула на свои наиболее сложные личные проблемы, поразившие Фрейда и заслужившие его глубокое уважение. Она предоставила Фрейду возможность еще раз убедиться в том, что некоторым поэтам и художникам интуитивно «известно» то, что ему самому удалось понять лишь ценой серьезных и мучительных усилий. Она провела в Вене год и опубликовала прекрасную книгу о знакомстве с Фрейдом «В школе Фрейда» (1958). Фрейд написал ей 14 ноября 1914 г., вскоре после того, как узнал о смерти Эммануила:

«Как Вы чувствуете себя в столь трудные для всех нас дни? Полагали ли Вы и могли ли вообразить, что все произойдет именно так? Вы по-прежнему считаете, что все старшие братья так хороши? Могу я надеяться получить от Вас хоть одно ободряющее слово?»

В письме к Абрахаму (11 декабря 1914 г.) он так прокомментировал ее ответ:

«Лу Андреас-Саломе написала мне в ответ трогательное письмо. Ее оптимизм слишком глубок, чтобы быть поколебленным. Как Вы знаете, у нее шесть старших братьев, и всех она очень любит».

Ответ Фрейда на ее письмо, посланный 25 ноября 1914 г., предвосхитил многие его будущие работы:

¹ Цитата из «Мессинской невесты» Ф. Шиллера.

² Даже об этом дне когда-нибудь будет приятно вспомнить (*лат.*).

«Ваши слова придают мне смелости, чтобы написать Вам еще раз. Я не сомневаюсь, что человечество сможет оправиться даже от этой войны. Однако я знаю наверняка, что я и мои современники уже никогда не сможем увидеть этот мир счастливым. Это слишком ужасно. И самое печальное то, что психоанализ позволяет нам ожидать от человека подобного поведения. Из-за такого отношения к людям я никогда не смогу разделить Ваш возвышенный оптимизм. Мой главный вывод таков: поскольку даже высокая цивилизация поражена чудовищным лицемерием, мы для нее органически не подходим. Мы должны отступить, и тогда однажды великое неизвестное, что скрывается в тени судьбы, повторит свой эксперимент с другой расой».

Подобный пессимистический настрой, а возможно, и отчаянная попытка преодолеть его привели к необычайному всплеску творческой активности, подобно тому, который имел место в пору создания «Толкования сновидений». За несколько месяцев Фрейд написал или, по крайней мере, набросал не только серию из двенадцати эссе по метапсихологии¹, одиннадцать из которых были завершены уже к июлю 1915 г., но и особенно важную для темы этой книги работу «Мысли о времени войны и смерти»².

¹ К сожалению, семь из этих рукописей никогда не были опубликованы и оказались, вероятно, уничтожены самим Фрейдом. Нам неизвестно, когда и почему это произошло. Из его переписки следует только, что в них он затронул широкий спектр проблем, связанных с сознанием и принципом удовольствия-неудовольствия. Похоже, что некоторые, если не все, из идей, получивших свое выражение в этих работах, легли в основу поздних рукописей. Например, его заинтересованность в ту пору принципом удовольствия-неудовольствия, возможно, отразилась на сохранении труда «По ту сторону принципа удовольствия».

Фрейд не раз уничтожал свои черновики, письма и рукописи. Так было после того, как он в 1885 г. перенес заболевание оспой (см. главу 1). Также мог он уничтожить и все письма Флисса к нему. Перед отъездом из Вены в 1938 г. Фрейд сжег и выбросил множество «ненужных» бумаг. Мари Бонапарт, присутствовавшая при одной из таких «чисток», видела, как Фрейд выбрасывает несколько листов своей статьи прямо в корзину для мусора. Она убедила Паулу Фихтль, верную домохозяйку, бывшую с Фрейдами с 1928 г. и затем эмигрировавшую вместе с ними в Лондон, всячески этому мешать. Все сохранившиеся бумаги потом были отправлены в Лондон, где я их и смог разыскать в 1963 г. при подготовке этого исследования. Семья Фрейда впоследствии предоставила их в распоряжение архива Фрейда.

² В своем вступлении к эссе «Мысли о времени войны и смерти» Стрейчи упоминал, что часть этой работы «впервые могла быть прочитана Фрейдом в начале апреля 1915 г. в еврейской ложе Бнай Брит (Вена), членом которой он был большую часть своей жизни». Почти полная копия этого выступления находилась среди рукописей, найденных мною в библиотеке Фрейда. Она была готова к публикации.

Изменения во взглядах Фрейда на войну нашли отражение и в его письме к голландскому писателю и «психопатологу» Фредерику ван Эйдену¹.

«28 декабря 1914 г.

Дорогой доктор ван Эйден.

Под влиянием войны я отважился напомнить Вам о двух предложенных психоанализом тезисах, которые, без сомнения, не добавят ему популярности.

Опираясь на сны и оговорки здоровых людей, равно как и на симптомы невротиков, психоанализ заключает, что первобытные, дикие и злобные побуждения человечества не могут считаться полностью уничтоженными ни в одном из его отдельных представителей. Они существуют, пусть и в подавленном состоянии, в бессознательном... Кроме того, мы признаем, что наш ум слаб и немошен, он — всего лишь игрушка или же инструмент для наших инстинктов² и аффектов...

И если теперь присмотреться к происходящему на этой войне, к ее жестокостям и несправедливостям, за которые ответственны самые цивилизованные нации, подходящие к оценке своей собственной лжи и преступлений с иными мерками, чем к оценке лжи и преступлений своих противников, то приходится признать правоту психоанализа и в том и в другом тезисе.

Эту мысль нельзя считать оригинальной; многие философы и мудрецы приходили к сходным выводам. Однако наша наука детально проработала оба тезиса и использовала их для того, чтобы пролить свет на многие психологические загадки.

Надеюсь встретиться с Вами в более счастливые времена.

Искренне Ваш,

Зигм. Фрейд».

Война, с присущими ей бессмысленным разрушением, жестокостью и ненавистью, с ложью и клеветой, которые с ее началом распустились особенно пышно, разбила вдребезги многие иллюзии. Фрейд вновь обратился к анализу происходящего. С горечью он вынужден был признать, что и его объективность

¹ Всегда поражала способность Фрейда адаптировать свой стиль изложения к восприятию тех людей, с которыми он вел переписку. Письмо к ван Эйдену написано в «клиническом», «аналитическом» стиле, в то время как письма к Лу Андреас-Саломе чаще бывали поэтичны.

² Словосочетание «инстинктивное влечение» точнее передает смысл первоначально использованного здесь немецкого «trieb», поскольку словом «инстинкт» прежде всего передается мысль о наличии врожденного образца поведения, а не устремления или мотивирующей силы.

может поддаваться влиянию отолтелой пропаганды. Для него тоже пришло время расставаться с иллюзиями.

Вводные строки написанного им эссе проникли *in medias res* (в самую суть дела)¹:

«В хаосе военного времени, где мы все теперь оказались, полагаясь на одностороннюю информацию, находясь перед лицом неизбежных перемен, которые уже начинаются... мы не можем решить, насколько верны наши оценки всего происходящего. Мы не можем не чувствовать, что еще никогда не гибло столько драгоценнейших сокровищ, составляющих достояние человечества, никогда еще ум человеческий не пребывал в подобном замешательстве, не было так обесценено все то, что мы считали возвышенным».

Затем последовало обсуждение двух факторов, обусловивших столь бедственное положение: порожденное войной глубокое разочарование и изменение самого отношения к смерти у людей, вовлеченных в эту войну, вызванное ее разрушительной силой. Фрейд противостоял иллюзиям и не заблуждался насчет ценности человеческой жизни. Однако это не помешало ему заявить: «Жизнь не самое прекрасное из того, что можно придумать; однако это все, что у нас есть». Он ненавидел силы разрушения и преклонялся перед разумом. Следовательно, он должен был ненавидеть войну.

Сколько важны для нас первые страницы его эссе в эти беспокойные времена! Как пророчески они звучат для переживших Вторую мировую войну и ныне снова ощущающих угрозу третьей, атомной. По этим причинам я приведу больше цитат из «Мыслей о времени войны и смерти».

«Когда я говорю о разочаровании, всякий поймет, о чем идет речь. Не обязательно быть сентиментальным; можно полностью отдавать себе отчет в биологическом и психологическом значении страданий в... человеческой жизни и при этом проклиная войну... и желать прекращения всех войн. Мы говорили себе... что войны никогда не прекратятся, пока нации живут в слишком разных условиях и пока ценность человеческой жизни оценивается ими столь по-разному... Однако мы позволили себе питать надежды на иное. Мы рассчитывали, что нации... на

¹ Нужно было большое мужество, чтобы опубликовать это эссе в пору патристического угара и свирепой цензуры. Однако в силу ли временного озарения или по причине характерной австрийской небрежности, это эссе все-таки вышло в свет в 1915 г.

которых лежит главная ответственность за будущее человеческого рода... все же отыщут пути к примирению противоположных интересов и взаимопониманию. В каждой из этих наций отдельному человеку было предписано придерживаться высоких норм морали... Ему... были непозволительны ложь и клеветнические измышления в отношении своего ближнего. Цивилизованные страны рассматривали такие моральные стандарты как основу своего существования... Предполагалось, следовательно, что и само государство будет уважать их...»

Фрейд также напомнил читателям, что те весьма наивны, если полагают, что войны могут вестись в соответствии с нормами международного права.

«[Эта] война, в которую мы так долго отказывались верить, разразилась, и с ее началом пришло и разочарование. Она не только самая кровавая и разрушительная по причине небывалого прогресса в деле усовершенствования оружия, но и самая жестокая... и безжалостная из всех нам известных. Она не считается с нормами международного права... В своей слепой ярости она давит все на своем пути, словно в уверенности, что человечество отныне обречено. Она разрывает все связи, соединяющие людей, и, скорее всего, оставит после себя ненависть и озлобленность, которые долго не позволят возродить эти связи...¹

Воюющие стороны позволяют себе такие злодеяния и насилия, которые немыслимы для отдельного человека. Против врага... используется самая бесстыдная ложь и злобные вымыслы... Государство требует от своих граждан максимального самопожертвования и покорности, однако в то же время оно обращается с ними как с малыми детьми, само решая, что им следует знать, и не позволяя им свободно выражать свое мнение. Это приводит к смятению в душах тех, чей разум сжат столь жесткими тисками ужаса, перед любой неожиданностью, любым зловещим слухом».

Далее Фрейд продемонстрировал, что весь его пессимизм и разочарование служат научной цели. Он был убежден, что следует приветствовать разрушение даже тех иллюзий, которые оберегают нас от тяжелых чувств. «Нам не следует жаловаться и если... они противоречат некоторым фактам реальности и разби-ваются о них».

¹ При всей своей «разочарованности» Фрейд не мог даже вообразить себе, что через тридцать пять лет человечество доживет до Хиросимы и Освенцима. Не мог он представить и то, что четыре его сестры погибнут в лагерях смерти.

Главная из этих иллюзий — вера в то, что человек рождается «добродетельным и благородным»¹ и что образование и цивилизованное окружение могут искоренить все пороки и дурные задатки человека.

Фрейд напоминает нам о невозможности «искоренить зло» и о том, что элементарные инстинктивные влечения, характеризующие саму основу человеческого существа, являются общими для всех людей и всегда направлены на удовлетворение первичных потребностей. Эти влечения «хороши» или «плохи» лишь в соответствии с общественными нормами. Осуждаемое людским сообществом поведение может преобразоваться под влиянием внутренних и внешних факторов. Эти внешние факторы в целом можно было бы обозначить как «давление культуры». Рассуждая о них, Фрейд выдвинул идею, получившую дальнейшее развитие в его более поздней работе «Недовольство культурой». В 1915 г. он утверждал:

«Цивилизация имеет полное право приписать свои достижения отказу от непосредственного удовлетворения инстинктивных потребностей и, в свою очередь, требует такой же жертвы от каждого нового своего представителя. Вся жизнь отдельного человека протекает в условиях постоянной замены внешнего принуждения внутренним».

Фрейд пришел к непреклонному умозаключению, что всякий, кого побуждают к действию нормы, противоречащие его инстинктивным склонностям, «психологически говоря», неизбежно становится лицемером, живя «не по средствам», и что «культурных лицемеров» гораздо больше, чем людей истинно цивилизованных. Далее он выразил определенную надежду, утверждая, что сохранение цивилизации, пусть даже и на столь сомнительной основе, открывает путь ко все более радикальной трансформации в каждом следующем поколении инстинктивных влечений, которая может стать фундаментом, делающим цивилизацию более устойчивой. Придя к этой мысли, Фрейд смог смириться с тяжелым разочарованием из-за всеобщего озверения и отказа от любых моральных ограничений как отдельных людей, так и целых наций.

¹ Очевидно, Фрейд здесь имел в виду часто цитируемую оду Гёте «Божественное»:

Благороден будь, человек,
Милостив и добр!
Ибо только это
Отличает тебя
От всех прочих существ,
Нам известных.
(Перевод А. Григорьева)

В дальнейшем Фрейд заинтересовался проблемами психологии групп. Он признавал, что формирующее влияние, оказываемое па мораль внешними факторами, чаще всего оказывается действительным только на уровне отдельных людей. В это же время в масштабах наций и государств такое влияние, особенно в условиях военных действий, практически неощутимо.

Не следует забывать, что в 1915 г. Фрейд еще не считал агрессию одним из двух основополагающих инстинктивных влечений. Равно он еще не говорил и о «Сверх-Я» как об одной из структур человеческой психики. Однако эта дискуссия в общих чертах уже предвосхищала характер последующего развития его идей. Эти идеи получили полное выражение в работах «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и Оно» (1923).

Обсуждение Фрейдом разочарования выступило в основном в качестве прелюдии к его анализу причины «чувства отчуждения в этом некогда столь прекрасном мире». Он считал такой причиной прежде всего изменения в отношении человека к смерти.

В «Толковании сновидений» Фрейд описал неспособность маленьких детей понять действительное значение смерти. В «Тотеми и табу» он обсуждал неспособность первобытного человека представить и понять смерть, равно как и смириться с ее неизбежностью. Здесь же он подчеркивал, что современный человек только на словах готов согласиться с тем, что смерть обязательно подводит итог человеческой жизни и каждый «обязан Природе смертью».

«На самом деле мы привыкли вести себя таким образом, словно этого не существует. Действительно, нелегко вообразить свою смерть. Всякий раз, когда мы пытаемся это сделать, то ловим себя на мысли, что напоминаем себе постороннего наблюдателя. Следовательно... никто не верит в свою собственную смерть, или, иначе говоря, каждый подсознательно убежден в собственном бессмертии.

Когда смерть приходит к кому-то другому... [наша] привычка делает акцент на «неожиданности» смерти (несчастный случай, болезнь, глубокая старость). Здесь мы можем заметить свое стремление перевести смерть из разряда событий неизбежных на уровень случайности. А большое количество одновременных смертей воспринимается нами как ужасное событие... К умершему мы пытаем особые чувства: нечто вроде восхищения перед тем, кто сумел справиться с очень трудной задачей...

Вдобавок... обычное отношение к смерти выливается в совершеннейшую растерянность, когда смерть уносит близкого нам человека...

Но такое наше отношение к смерти оказывает мощное воздействие на всех живущих. Жизнь теряет свою прелесть, если человек уверен в своей абсолютной неуязвимости...

Очевидно, что война непременно разрушает наше обычное восприятие смерти. Смерть нельзя больше отрицать; мы вынуждены убедиться в ее действительном существовании. Люди постоянно погибают, и не постепенно, один за другим, сразу десятками тысяч в один день. Смерть более уже не может восприниматься как случайное событие. Можно не сомневаться, что если сегодня пуля не задела кого-то, то завтра счастливца настигнет другая пуля. В таких условиях жизнь вновь обретает совершенно особую ценность; она предстает во всей своей полноте».

Можно добавить, что наше отношение к смерти заметно изменяется в зависимости от возраста умершего. Мы чувствуем тяжесть утраты и оплакиваем ушедших от нас стариков, но не в состоянии смириться, если смерть похищает молодых, особенно если среди них оказывается наш ребенок. Когда Фрейд говорил о «другой пуле», он наверняка вспоминал о своем старшем сыне Мартине, который за годы войны несколько раз был ранен (к счастью, довольно легко), один раз русская пуля пробила ему каску, когда он высунулся из окопа.

Затем Фрейд повторил и развил некоторые из своих ранних формулировок, представленных им на страницах «Тотема и табу». Он считал, что для первобытного человека собственная смерть была так же непредставима, как и для любого из нас. Однако даже первобытный человек должен был испытывать страдания, когда умирал кто-то из его близких (жена, ребенок), ибо, как выразился Фрейд: «Любовь не может быть гораздо моложе желания убить».

Фрейд предположил, что закон двойственности чувств, распространяющийся на тех, кого мы особенно любим, в жизни первобытного человека должен был проявляться еще сильнее. Он обсуждал предположение философов, что встреча со смертью себе подобного побудила первобытного человека к размышлениям:

«Дух сомнения в человеке освободила не интеллектуальная загадка и не чья-то смерть, а конфликт переживаний, связанных со смертью любимого, но одновременно и ненавистного человека. На почве этого конфликта зародились первые ростки психологии. Человек более не мог воспринимать смерть отстраненно. Полнее прочувствовав ее, тоскуя по умершему, он все равно был не готов ее признать, поскольку не в состоянии был вообразить себя мертвым. Так он пришел к компромиссному решению: он соглашался с фактом возможности собственной смерти, но продолжал отрицать необратимость своего исчезновения — необратимость, которую нет повода отрицать в случае смерти врага. Смерть любимого человека заставила его поверить в существование духов, и его чувство вины за испытанную радость, соединившись с чув-

ством горя, превратило эти души в демонов зла, которых следует бояться... Его устоявшиеся воспоминания о смерти легли в основу веры в возможность существования иных форм жизни, о посмертном бытии».

Затем Фрейд описал два способа отрицания смерти. С одной стороны, религия преуспела в изображении жизни после смерти как особого бытия, доступного только для самых добродетельных. С другой стороны, распространение получили представления о переселении душ, посредством которых жизнь как бы продлялась как в прошлое, так и в будущее. Учение о душе, вера в бессмертие, чувство вины и ранние моральные заповеди также восходят к реакции первобытного человека на смерть любимых и близких.

Самый главный запрет: «Ты не должен умирать» — постепенно распространился с близких людей на все человечество в целом. В военное время в отношении врага эта заповедь действовать переставала. Убийца превращался в героя — он даже не нуждался в прохождении сложных искупительных ритуалов, которые у первобытных людей было принято проводить даже после убийства врага.

Обратив внимание на бессознательную сторону нашей духовной жизни, Фрейд вопрошал:

«Какое отношение существует в нашем бессознательном к проблеме смерти? Практически такое же, как у первобытного человека. В этом отношении, как и во многих других, оно продолжает «жить» в нашем подсознании, совсем не изменившись с тех доисторических времен. Наше бессознательное, таким образом, не верит в возможность собственной смерти; оно действует так, словно мы бессмертны... Итак, в нас не существует ни одного инстинкта, позволяющего нам верить в смерть. Возможно, здесь кроется и секрет героизма».

Далее Фрейд выразил мысль, обстоятельно развитую в гораздо более поздних его работах: страх смерти, «который преследует нас чаще, чем нам о том известно», обычно является результатом чувства вины.

Окончил это эссе Фрейд призывом:

«Терпеть жизнь остается все-таки первоочередной обязанностью любого живого существа. Иллюзии становятся бессмысленными, если усложняют нам выполнение этой задачи...

Вспомним старую поговорку: *Si vis pacem, para bellum* (Хочешь мира, готовься к войне).

Сейчас было бы уместно представить ее несколько иначе: *Si vis vitam, para mortem*. (Если хочешь продлить свою жизнь, готовься к смерти)».

Притом что Фрейд смог в полной мере описать иллюзии, которые все мы питаем по отношению к смерти, на этом он не остановился. Это указывает на необоснованность распространяемых мнений, согласно которым Фрейд был якобы безнадежным пессимистом. Он подверг эти иллюзии аналитической оценке в своей беспристрастной научной манере. Многочисленные работы, появившиеся в течение зимы — весны 1915 г., несомненно, чрезвычайно помогли в борьбе Фрейда с собственным унынием. В письмах, которые он писал в те времена, иногда обнаруживались признаки упадка сил и тяжелых переживаний.

В письмах к Ференци и Абрахаму Фрейд сообщал о заметном прогрессе в своей работе. Например, 21 декабря 1914 г. он писал Абрахаму:

«Единственной вещью, которая идет достаточно хорошо, является моя работа. Она, вопреки периодическим заминкам, приносит мне новые идеи и ведет к интересным выводам. Недавно я исследовал характерную особенность двух систем: сознательное и бессознательное, ставших в результате почти что понятными. Я думаю найти простое решение отношения раннего слабоумия к реальности».

Всего несколькими неделями позже, 25 января 1915 г., он вновь написал Абрахаму:

«Дорогой друг.

Так много времени прошло с момента появления Вашей последней короткой открытки, что я должен написать Вам вновь.

Прежде о себе. Физически я снова в порядке и нахожусь в хорошем расположении духа. Однако я не работаю и забросил все начатое мной, включая некоторые весьма многообещающие идеи. Я по-прежнему думаю о таких паузах, как о полярных почвах, неизменно уступающих место солнечным дням. Является ли такое ощущение частью поступательного развития или лишь следствием *естественной периодичности*, — ответить на этот вопрос возможно лишь по прошествии времени [курсив добавлен. — М. Ш.].».

Говоря о «естественной периодичности», не вспоминал ли Фрейд о годах дружбы с Флиссом?

Однако вскоре после этого он за короткое время написал большинство работ, опубликованных в 1915 г. Письмо к Абрахаму, написанное им в 1914 г., на следующий день после своего 58-летия, было довольно жалобным. В 1915 г., за двое суток до празднования очередного дня рождения, Фрейд отчитался об окончании пяти (опубликованных) статей по метапсихологии, добавив:

«Думаю, в целом получилось совсем не плохо. Стил и уровень будут соответствовать седьмой главе «Толкования сповиданий».

Четверть часа назад я окончил работу по меланхолии. Скоро я напечатаю ее и пришлю Вам экземпляр, чтобы узнать Ваше мнение...

[Это письмо он закончил так:] Все мы показали неожиданную способность приспособиться к тяготам войны. В результате мы оба можем сказать, что с нами все в порядке. Больше всего меня поразило то, что мне удалось сохранить практику и заработок. Не думаю, что когда-либо вновь смогу работать по шесть—восемь часов в день, а ведь раньше я привык работать по десять... К тому моменту как в ваши руки попадет это письмо, мне исполнится 59 лет. Что должно, видимо, дать мне право на спокойную жизнь, однако я на это никоим образом не претендую. Потому С.С.¹, и давайте оставим что-нибудь следующему поколению».

Фрейд многозначительно подписал это письмо «Ihr alter Freud» («Ваш старый Фрейд»). Возможно, это был единственный раз, когда он так обращался к Абрахаму, словно давая понять, что уже достиг преклонных лет. В английском переводе опубликованной переписки Фрейда с Абрахамом эта фраза звучала иначе: «как всегда, Ваш».

3 июля 1915 г. Фрейд написал, что близится к окончанию уже 11 из 12 метапсихологических статей. Он объявил о своих летних планах: сначала снова поездка в Карлсбад, а оттуда в Берхтесгаден, где он уже провел не одно лето и собирался отдыхать там и далее. Кроме этого предполагалось:

«...в августе посетить еще и Ишль по случаю 80-летия моей матери. (Мой отец достиг 81,5 года и мой старший брат² тоже не смог пережить этот возраст, так что перспективы весьма мрачные.) Без сомнения, теперь все планы достаточно условны. Что надежды, что планы, когда человек так хрупок, а жизнь столь коротка?»³

Этот примечательный абзац в сжатой форме содержит некоторые противоречия: Фрейд назвал свои «генетически подкрепленные» ожидания прожить так же долго, как и его отец, «мрачными». Ему еще предстояло достичь 62-летнего возраста, который он считал «критическим» еще с 1899 г. Однако впереди уже маячил

¹ С. С. — сокращение от «Coraggio, Casimiro» (Кораджио, Казимир) — «кодовая» фраза, использовавшаяся Фрейдом и Абрахамом в их переписке и означавшая призыв к бодрости и отваге перед лицом обстоятельств.

² Эммануил, погибший в ноябре 1914 г.

³ См. сноску 1 на с. 290.

следующий, и еще более «критический» рубеж, который Фрейду, как отцу и брату, было якобы позволено достичь, но не перейти.

Фрейд, должно быть, чувствовал, что, помимо «мрачного», возможны и другие варианты, поскольку вслед за словами об эфемерности планов и ожиданий (как летних, так и жизненных) воспользовался той же цитатой, которую однажды уже употребил в письме от 25 августа 1914 г. Так кратко он обозначил свою позицию (вновь выраженную им всего за несколько месяцев до смерти), недвусмысленно указывающую, что, хотя он часто бывал утомлен выпадавшими на его долю нескончаемыми испытаниями (особенно на заключительных этапах болезни), он все равно любил жизнь и желал продлить ее как можно дольше, практически до самого того момента, после которого назвать дальнейшее существование жизнью было бы уже невозможно.

«БЫСТРОТЕЧНОСТЬ»

Фрейд выразил свою любовь к жизни в маленьком эссе, где подошел к проблеме жизни и смерти в манере, совершенно непохожей на ту, в которой были написаны его «Мысли о времени войны и смерти». Название этого эссе, «Быстротечность», вновь показывает нам, сколь много общего всегда было между мыслями, выраженными на страницах его писем и получившими свое воплощение в научных трудах. В только что процитированном письме Фрейд использовал фрагмент из трагедии Шиллера, напоминающей нам о быстротечности человеческой жизни. Вскоре одно из встретившихся там слов оказалось в названии его работы. Написанное по просьбе Берлинского общества Гёте для памятного тома «Земля Гёте», в создание которого внесли свой вклад многие ведущие поэты и писатели Германии¹, эссе Фрейда было выполнено в прекрасно соответствующем торжеству стиле и так мастерски, что уже одна эта работа дает исчерпывающее представление о писательском даровании Фрейда, отмеченном в 1930 г. премией Гёте. Фрейд описал разговор, состоявшийся «во время летней прогулки по очаровательной сельской местности» в компании «неразговорчивого друга и молодого, но уже известного поэта»². Вокруг было действительно очень красиво, но поэт не мог наслаждаться прекрасными видами природы, ведь с прихо-

¹ Сам того не желая, Фрейд мог сыграть на руку германской пропаганде, которая желала представить Германию как «Землю Гёте». Психологическому анализу еще предстоит показать, каким образом одна и та же нация породила Гёте и кровожадных варваров.

² В своей работе за 1966 г. Герберт Лехман представил убедительные доказательства, что «молчаливым другом» этого эссе была Лу Андреас-Саломе, а «поэтом» — ее друг и поклонник Райнер Мария Рильке.

дом знымы все это великолепие должно было исчезнуть. Все, что поэту было дорого, раз от разу утрачивало для него свою цепность из-за преходящей сущности любого шедевра.

Поэта брешность прекрасного угнетала, в других она, как указывал Фрейд, вызывала протест и неприятие:

«Нет, совершенно невозможно допустить, чтобы все эти неповторимые шедевры Природы и Искусства действительно обратились в прах... Так или иначе, их великолепие должно победить время и избежать тления.

Однако такая претензия на бессмертие проистекает из наших желаний, слишком явно противоречащих реальности: то, что так угнетает и пугает нас, останется, увы, печальной действительностью. Я не вижу возможности оспаривать брешность всего земного и не считаю, будто что-либо, отличающееся особой красотой и совершенством, может по этой причине избежать общей печальной участи. Однако я могу не согласиться с пессимизмом этого поэта, поскольку прекрасное ничуть не теряет от того, что оно не вечно.

Напротив, оно лишь выигрывает! Краткость возможности получить наслаждение только увеличивает цепность этого наслаждения... Цветок, распускающийся лишь на одну почку, не кажется нам от этого менее прекрасным. Так почему же произведения искусства или достижения разума должны терять в своем великолении лишь постольку, поскольку они могут поражать нас лишь на какое-то время. Действительно, может наступить пора, когда картины или скульптуры, вызывающие сегодня в нас восхищение, рассыплются в прах, или же на смену нам придет другое поколение людей, не способное понять красоту творений наших поэтов и мыслителей, или даже сама жизнь на земле прекратится. Однако поскольку все то, что мы считаем прекрасным и совершенным, обретает свою цепность только лишь для нашей эмоциональной жизни, то красоте вдохновляющих нас вещей не обязательно жить дольше нас, а значит, и непременно быть независимой от течения времени».

Далее Фрейд попытался понять и объяснить, почему соображения, рассматриваемые им самим как «неоспоримые», на его компаньонов впечатления не произвели. Он предложил объяснение, которое представил в одной из своих метapsихологических статей, написанной в том же году, — «Печаль и меланхолия». Вся эта красота, думал он, вызывает «в этих двух чувствительных умах» лишь скорбь, с которой они не желают примириться. Оплакивание утраченного нами любимого человека или даже неодушевленной вещи, которая «стала частью» нас самих, — процесс тяжелый и мучительный, а порой еще и очень долгий.

Фрейд сопоставил этот маленький эпизод, случившийся летом еще до начала войны (1913 г.), с событиями 1915 г.

«[Война] уничтожила не только красоты сельских пейзажей и произведения искусства, оказавшиеся на ее пути, но поколебала и нашу гордость достижениями цивилизации, наше восхищение многими философами и художниками и наши надежды на грядущее торжество гуманизма. Она опозорила высокую беспристрастность нашей науки, обнажила наши инстинкты и выпустила на свободу всех злых духов, которых, как мы полагали, нам удалось навсегда приручить за столетия постоянных просветительских усилий благороднейших умов...

Но то... достояние, которое мы сейчас утратили, разве стало оно для нас менее ценным из-за того, что оказалось таким уязвимым и хрупким? Для многих, возможно, это и так, но я с ними категорически не согласен. Я считаю, что те, кто так думает... просто скорбят сейчас по утраченному. Однако печаль, как нам известно, сколь бы глубока она ни была, когда-нибудь непременно должна уйти. Когда скорбящий забудет о всех своих потерях, тогда... наше либидо вновь будет свободно (насколько, насколько мы еще молоды и активны) заменить утраченное равным по значению или даже еще более ценным. Следует надеяться, что то же самое случится и с потерями, вызванными войной. Когда однажды скорбь прекратится, то мы обнаружим, что наша высокая оценка достижений цивилизации ничего не потеряла оттого, что мы увидели всю их хрупкость. Мы отстроим заново все, уничтоженное войной, и, возможно, восстановленное будет куда более прочным и долговечным, чем ранее».

Эти слова свидетельствуют о том, что Фрейд к тому времени обрел чувство спокойной безмятежности и способность видеть красоту даже среди руин. Он постиг важность вечных ценностей. Фрейд сделал лишь одно замечание, указав в скобках, — «насколько, насколько мы молоды и активны». Особенное ударение в этой фразе стоит на слове «активны». Имеется в виду прежде всего психическая, творческая активность. Такая безмятежность стала результатом непрекращающейся борьбы, которую он вел с момента начала своего самоанализа. И как за всякую победу, за нее пришлось заплатить достаточную цену. Она, естественно, не могла стать неизбежной и «неоспоримой». Всякий раз за нее нужно было заново сражаться.

«ПЕЧАЛЬ И МЕЛАНХОЛИЯ»

Все пять эссе Фрейда по метapsихологии были написаны в 1915 г. Во многих отношениях они представляли итог развития идей, изложенных в седьмой главе «Толкования сновидений».

Почти каждое психоаналитическое исследование подразумевает внимательное изучение этих работ.

Последняя из этих статей, «Печаль и меланхолия», была опубликована в 1917 г., хотя Фрейд закончил ее уже в 1915 г. Как это часто бывало с большинством его работ, концепция этой статьи во многом предвосхищалась в более ранних рукописях. Еще в 1895 г., в черновике G (1950) Фрейд высказывал похожие идеи. Некоторые из них оказались отражены и в его статье «Быстротечность».

Анализ Фрейдом феномена скорби до некоторой степени продолжает то, что было намечено в статье о случае человека-крысы (см. главу 7). Фрейд доказал крайнюю сложность нормального процесса скорби и описал сходство и различие между чувствами печали и меланхолии. Как нам известно, почти всегда научные идеи Фрейда развивались по следующему сценарию: изучение личности, включая собственную, вело к открытию несомненной универсальности ряда феноменов. Так, он доказал всеобщий характер спонтанности, детской сексуальности, эдипова конфликта. Вдобавок для понимания каждого отдельного случая Фрейд обращался к общественным явлениям, истории и антропологии.

Мы видим это развитие, когда сопоставляем «Мысли о времени войны и смерти» и «Печаль и меланхолию». Первое эссе отталкивается от наблюдения и анализа влияния войны и гибели миллионов людей на наше восприятие смерти. Во втором Фрейд обсуждает нормальную и патологическую реакцию индивидуума на утрату, вызванную смертью или разрывом отношений. Изучение нормальной реакции помогает лучше понять патологический процесс; в свою очередь, сведения о патологических реакциях могут внести свою лепту в понимание нами нормы.

Психологическое понимание проблемы самоубийства во многом стало возможным именно благодаря этой статье. Более того, изучение феноменов печали и меланхолии в существенной мере способствовало пониманию сущности идентификации. Здесь же рассматривались понятия агрессии, двойственности и вины. Это произошло за несколько лет до создания Фрейдом его дуалистической теории влечений и структурного подхода, описывающего процесс функционирования психики в терминах «Оно», «Я» и «Сверх-Я» (1920, 1923).

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ

Фрейд, читавший лекции о различных аспектах психоанализа в Венском университете и на частных собраниях Венского психоаналитического общества, в конце 1915 г. решил систематизировать и представить все гипотезы и открытия психоанализа. Эта

идея привела к появлению знаменитых «Лекций по введению в психоанализ», которые были прочитаны им в 1915 – 1917 гг.

Было бы интересно узнать, что же способствовало такой творческой активности этих лет. На подобные вопросы ответить очень трудно, в первую очередь потому, что мы слишком мало знаем о самом процессе творчества. Я могу лишь сделать ряд предположений. В одном из своих писем этого периода Фрейд упоминал о том, что его метод работы изменился. Из переписки с Флиссом известно, что Фрейд, особенно в годы интенсивного самоанализа, вынужден был долго ждать момента появления новых идей. Теперь же он был способен «встречать их на полпути».

Джонс объяснял этот феномен прежде всего возрастом Фрейда. Чувствуя, что он стремительно стареет, Фрейд хотел до конца использовать все возможности уходящих лет. Однако здесь действовали и другие факторы. В любой из работ Фрейда мы можем видеть, как постепенно созревали появляющиеся в них идеи, постоянно получая поддержку со стороны продолжавшегося анализа пациентов и личного опыта его учеников и даже людей, не согласных с его взглядами. Фрейд обладал уникальной способностью без предубеждения выслушать любого человека. Это давало ему возможность обратить пристальное внимание, на любую, самую незначительную на первый взгляд деталь. Дальнейший анализ таких деталей нередко приводил к интересным выводам и обобщениям. Таким образом, все идеи, выраженные в статьях по метапсихологии, были уже заранее подготовлены прежними работами Фрейда.

Нельзя не учитывать и внешний фактор. Все предыдущие годы Фрейд уделял своим пациентам по 10 часов в сутки (до 1924 г. он встречался с ними даже по субботам и воскресеньям). В течение первых лет войны его практика сократилась: не проводились заседания, конгрессы, обсуждения, гораздо меньше стало количество писем. В результате у Фрейда просто появилось больше свободного времени.

Рассматривая те условия, в которых Фрейд создавал «Лекции по введению в психоанализ», я должен выделить еще один важный фактор. Хотя сам Фрейд неоднократно подчеркивал отсутствие у себя «Weltanschauung» (мировоззрения), в действительности оно у него конечно же было. Позже он охарактеризовал его как «научное». Он был убежден в могуществе разума, истины и здравого смысла; он свято верил, что его творение — психоанализ — поспособствует росту могущества этих сил. В то время, когда мир был погружен в хаос или, как Фрейд выразился в эссе «Быстротечность», когда война «посмеялась над нашей гордостью достижениями цивилизации... опозорила высокую беспристрастность нашей науки... выпустила на свободу всех злых духов, которых, как мы полагали, нам удалось

приручить», он пожелал заявить, что голос разума и здравого смысла не умолк, а значит, нам удастся восстановить все то, что уничтожила война.

Обсуждая «Лекции по введению в психоанализ», я не могу не обратиться и к собственным воспоминаниям. Я посещал тогда все эти лекции. В то время я был не в состоянии осмыслить их достаточно целостно. Мой друг и одноклассник Отто Фенишль, возможно, оказался способен к этому лучше меня. Но в моей памяти до сих пор жив образ Фрейда, входящего в малый лекционный зал Института психиатрии. Я помню, как впервые услышал его голос, тогда еще не искаженный калечащей операцией.

Фрейд говорил, не пользуясь ни единой записью. Но все, что он сказал тогда, позже было дословно напечатано. Не могу я забыть и его невероятную способность предвидеть все возможные возражения или сомнения, которые порой появлялись по ходу лекции, и то удивление, а иногда и гордость, которые я чувствовал, когда мне тоже удавалось возразить Фрейду.

Аудитория была весьма пестрой, ведь Фрейда приходили послушать самые разные люди. Он был уже достаточно известен, но все еще считался неоднозначной фигурой. Некоторые приходили специально, чтобы услышать его «шокирующие» рассуждения о сексе. Некоторые — очень немногие — исчезли после первых же лекций. Но остальные слушали его с неослабевающим вниманием и в абсолютной тишине. Лекции проходили каждую субботу с 19 до 21 часа.

Окончание 18-й лекции запомнилось мне особенно ясно, и я бы даже сказал, что она до сих пор звучит в моих ушах.

«Но этим выдвижением бессознательного на первый план в духовной жизни мы вызвали самых злых духов критики психоанализа. Не удивляйтесь этому и не верьте также тому, что сопротивление нам заключается лишь в трудности понимания бессознательного или в относительной недоступности опытных данных, доказывающих его. Я полагаю, оно имеет куда более глубокие причины. В течение веков наивное самолюбие человечества уже претерпело от науки два огромных оскорбления. Первое произошло, когда человечество узнало, что наша земля не центр вселенной, а лишь крошечная частица необъятного космического пространства. Это потрясение мы связываем с именем Коперника, хотя нечто подобное провозглашали уже александрийские ученые. Затем биологическая наука уничтожила привилегию сотворения человека, указав ему на его происхождение из мира животных и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их предшественников при ожесточеннейшем сопротивлении современников. Третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия

было суждено нанести современному психоанализу, который указал нашему высокомерному «Я», что оно не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими обрывками сведений о том, что происходит в духовной жизни бессознательно. Но и этот призыв к скромности раздается не в первый раз и не только от нас, психоаналитиков. Однако, по-видимому, нам суждено отстаивать его самым энергичным образом и подтверждать фактами, понятными каждому. Отсюда и происходит всеобщий протест против нашей науки и отказ от всякой академической вежливости. К этому еще прибавляется то, что мы, как вы скоро узнаете, собираемся нарушить покой этого мира еще и другим способом».

Утверждение, что на смену астрономической и биологической научным революциям теперь пришла психологическая, пресвучало с таким чувством гордости, так беспристрастно, убежденно и человечно, что сделало его слова незабываемыми для любого, кто знал Фрейда. В последней фразе о грядущем «нарушении покоя этого мира еще и другим способом» заключен намек на содержание двух последующих лекций этой серии (сопротивление, вытеснение и детская сексуальность). Однако Фрейд, разумеется, знал, что сделанное им заявление подразумевает борьбу еще и со многими другими вековыми иллюзиями.

Некоторые из тезисов этих лекций Фрейд опубликовал в одной своей маленькой статье 1917 г. «Трудности на пути психоанализа», куда также включил некоторые свои замечания о шопенгауэровской концепции свободы воли. Гранки этой работы он отправил Абрахаму, который находился в тот момент в Алленштейне (Восточная Пруссия). 18 марта 1917 г. Абрахам писал:

«Статья, которую Вы мне отправили, доставила мне особое удовольствие и своим образом мысли и, в особенности, как личный документ... Когда Вы закончите следующую работу, Вам, возможно, захочется приехать в этот далекий северо-восточный уголок Германии, если я скажу Вам, что в Алленштейне долгие годы жил Ваш коллега Коперник. Здесьние места до сих пор хранят о нем воспоминания».

25 марта 1917 г. Фрейд отвечал:

«Дорогой друг.

Вы были вправе указать, что текст моей последней работы создает впечатление, будто я поставил себя в один ряд с Коперником и Дарвином. Однако я не желаю бросать интересную идею лишь из-за подобного сходства и потому в любом случае выдвину Шопенгауэра на первый план».

Когда, как отмечал Фрейд, некто делает открытия, которые нарушают покой мира, он не может не нарушить и свой собственный покой. Сохранять душевное равновесие без помощи иллюзий, верить в превосходство «Я» в условиях, как тогда казалось, полнейшего краха западной цивилизации было трудно даже Фрейду.

Война полыхала, с каждым днем становясь все кошмарнее. Победа в ней также казалась иллюзорной. Приближался 60-й день рождения Фрейда. Год назад свое письмо к Абрахаму он подписал: «Ваш старый Фрейд». Через три дня он писал Эйтингтону с Флиссовой озабоченностью числами: «Между прочим, этот день рождения наиболее *нерегулярный* из тех, что были. Обнадеживает, что, *возможно*, она [жизнь] не может тянуться так же долго, как это наблюдается сейчас».

Несмотря на войну, студенты Фрейда решили отпраздновать его юбилей. В своих письмах он любил поворачать по этому поводу, и 8 мая 1916 г. он писал Абрахаму:

«Я получил так много цветов из Вены, что проблема с погребальными венками теперь решена полностью, а Хичман¹ прислал мне «непроизнесенную» речь. Она так трогательна и панегирична, что, когда придет время, — надгробный монолог уже не потребуется».

Фрейд любезно поблагодарил Хичмана, однако спросил его:

«Несомненно, все достигнутое действительно имеет такое значение, о котором Вы говорите. Но возможно ли будет сохранить все это и в будущем?»

Он жаловался Эйтингтону, что для него пришла «das Greisentalter» (старость).

Жизнь в Австрии становилась все труднее и труднее. К 1917 г. появились перебои с продуктами. Их качество резко ухудшилось. Я помню, как хлеб тогда пекли из кормовой муки и он крошился в руках. Любимую пищу Фрейда — мясо — достать было крайне сложно. Дефицитом стали и дрова.

Русскую революцию все приветствовали тогда как великое событие. Однако правительство Керенского и немецкое правительство, находившееся под влиянием Генерального штаба, по-прежнему надеявшегося на победу в войне, не смогли прийти к соглашению. Это исключило возможность заключения мира. А ведь это перемирие могло изменить дальнейший ход истории.

¹ Доктор Эдвард Хичман, один из первых студентов Фрейда, родился в Вене в 1871 г., умер в Бостоне в 1957 г.

Питая большие надежды на то, что русская революция направит страну по пути демократии, многие австрийские либералы больше не видели смысла желать победы державам своего блока. Фрейд откровенно выразил эту точку зрения — решительно проигнорировав немецкую цензуру — в письме к Абрахаму от 10 декабря 1917 г.

«Дорогой друг.

Пользуюсь часами воскресного досуга, чтобы ответить на Ваше письмо от 2-го числа этого месяца (я так замерз, что ошибочно написал «7» вместо «12»).

Я не в ладах с письменной речью, равно как и со многими другими вещами. Среди них и Ваша дорогая немецкая отчизна. Едва ли я могу вообразить, что вновь попаду туда когда-нибудь, даже если у меня и будет такая возможность. В отношении борьбы между двумя блоками держав я определенно согласен с позицией доньи Бланки из «Диспута в Толедо» Гейне:

«Оба не... благоухают»...¹

Единственная радостная новость — захват Иерусалима и британский эксперимент с избранными»².

Письмо к Ференци, написанное чуть ранее (6 ноября 1917 г.), интересно по ряду соображений:

«Вчера я выкурил последнюю сигару, и с этих пор нахожусь в плохом настроении и ощущаю усталость. Появилось сильное сердцебиение, наблюдается ухудшение состояния болезненной припухлости на нёбе, которую я заметил со дня истощения моих запасов табака [рак?]. Затем один из моих пациентов принес мне пятьдесят сигар, я закурил, вновь обрел бодрое настроение, и припухлость на нёбе быстро исчезла. Я бы никогда не поверил этому, если бы это не было так заметно. Почти по Гроддеку».

К сожалению, Фрейд связал появление опухоли со своим вынужденным отказом от курения, а ее исчезновение — с прекращением переживаний из-за отсутствия сигар. Этот эпизод Джонс прокомментировал довольно туманно и не вполне справедливо:

¹ Отрывок из стихотворения Г. Гейне «Диспут», который заканчивается словами королевы доньи Бланки.

Кто здесь прав из них, не знаю,
Только чувства мне внушают,
Что как рабби, так и патер
Оба не... благоухают.

(Перевод М. Кантора)

² Речь идет о декларации Бальфура.

«Это случилось за шесть лет до того, как настоящий рак поразило его именно в этом месте. В таких случаях хирурги говорят о «предраковой стадии». Связь рака с курением является несомненной».

У Фрейда наблюдалась лейкоплакия, развившаяся вследствие курения сигар. Подобные проявления могут означать предраковое состояние. В случае с Фрейдом ситуация была именно такой. В конечном счете у Фрейда развился рак, но мы не знаем, на том ли самом месте, где была прежде «болезненная припухлость». Определенное учащение сердцебиения действительно может присутствовать при «похмельном» синдроме. Однако лейкоплакия не развилась бы из-за этого и не исчезла бы с возобновлением курения. Такая «вера» Фрейда находилась в соответствии с его воззрениями к курению, в отношении которого он так и не сумел установить «превосходство «Я». То, что Фрейд здесь вспомнил о Гроддеке, выражает это совершенно недвусмысленно.

Я упоминал ранее, что Фрейд, с его культом разума, придерживался взвешенного и скрупулезного опытного подхода. Эта его позиция отчетливее всего выразилась в его письме к Лу Андреас-Саломе от 13 июля 1917 г.

«Достопочтеннейшая дама¹.

Я вынужден разочаровать Вас. Я не собираюсь предлагать однозначного ответа, ни выдвигать какой-либо ряд вопросов, а лишь поступлю так, как я всегда поступаю с Вашими комментариями: буду наслаждаться ими и позволю им оказать на меня определенное влияние. Очевидно, что Вы всякий раз стремитесь превзойти ход моих мыслей и определенным образом его дополнить, пытаетесь придать моим фрагментарным идеям завершенность и найти им место в рамках более целостной структуры. У меня складывается впечатление, что эти усилия стали особенно заметны с тех пор, как я начал работать над теорией нарциссического либидо. Если бы Вы были лишены такой возможности, то чувствую, что Вы вполне могли бы предпочесть мне такого системостроителя, как Юнг или даже Адлер. Однако на примере теории «эго-либидо» Вы видели, как я работаю: шаг за шагом, без острого стремления к завершенности, постоянно под грузом текущих задач и колоссальных усилий, предпринимаемых для того, что-

¹ Долгие годы Фрейд обращался к ней «Verehrteste Frau» («Уважаемая госпожа»). В опубликованном переводе их писем эта фраза была переведена как «Дорогая Лу», что не соответствует ее исходному смыслу. Позже он стал называть ее «Liebste Lou» («Милая Лу»).

В очерке о Лу Андреас-Саломе (*Р. Битон. Фрау Лу. 1968*) отношение Фрейда к ней, по моему мнению, представлено в совершенно неправильном виде.

бы не свернуть с намеченной линии. Похоже, этим я и заслужил Ваше доверие.

Когда же я буду готов завершить мою теорию, Вы, возможно, с удовольствием отметите в пей кое-что новое, что было предложено именно Вами. Однако, несмотря на солидный возраст, я не спешу».

При этом Фрейд всегда симпатизировал людям с богатым воображением и часто охотно внимал их «полету фантазии». На примере с Флиссом мы можем судить о мере такой готовности. Время от времени Фрейд вновь и вновь возвращался к мысли, что в теории периодичности Флисса присутствует рациональное зерно. Об этом он говорил и в письме к Йозефу Поппер-Линкеусу от 4 августа 1916 г., которому Фрейд воздавал должное за то, что он предвосхитил центральную часть его теории, согласно которой искажение в сновидениях обусловлено цензурой нежелательных мыслей. Фрейд поблагодарил Поппера-Линкеуса за предоставленный ему тезис о снах, появившийся еще в XVIII столетии, добавив при этом:

«Почти столетний трактат доктора Генриха Штрауса очень интересен. В нем содержится нечто такое, что очень интересовало моего бывшего друга В. Флисса из Берлина. Опираясь на собственные наблюдения, он воспроизвел ряд положений относительно ритмичности жизненных явлений и сделал важное открытие, заявив о существовании двух циклов: 23-дневного мужского и 28-дневного женского. При этом даже теперь, когда наша дружба осталась в прошлом, я все еще нахожу эту идею в чем-то разумной».

Фрейд был очарован фантазией Юнга. В дальнейшем большое впечатление на него произвели работы Георга Гроддека. Гроддека можно назвать одним из «отцов» «психосоматической» медицины (см.: К. и С. Гроссман. Неистовый аналитик. 1965). Он опубликовал серию наблюдений за невероятными исцелениями от серьезных органических заболеваний, обусловленными сочетанием психо- и физиотерапии. Гроддек свято верил в существенность влияния бессознательных мыслей на физиологические процессы, включая сюда образование злокачественных опухолей. Именно Гроддек предложил Фрейду термин «id» (оно), который тот включил в основную триаду своей структурной теории.

Когда позднее фрау Гроддек, шведка по национальности, переводила на шведский «Психопатологию обыденной жизни», ее заинтересовала интерпретация Фрейдом его замечания о том, что в «Толковании сновидений» им было допущено 2467 ошибок (см. главу 7). Она указала на этот фрагмент своему мужу. Гроддек был уверен, что именно «id» Фрейда через 24 года после 1899 г.

привело к образованию раковой опухоли. С тех пор он упорно настаивал на необходимости поездки Фрейда в его частную клинику в Баден-Бадене.

Фрейд благосклонно отзывался о работе Гроддека и с воодушевлением рассказывал о нем своим друзьям. Ференци, вначале очень скептически относившийся к Гроддеку, стал затем, с тех пор как в 1921 г. Гроддек стал лечить его от токсического зоба, его верным другом и пациентом.

Когда Гроддек опубликовал книгу под названием «Искатель души», Фрейд был удивлен тем возмущением, которое она вызвала у широкой общественности, особенно в Швейцарии. Он писал Эйтингтону: «...напротив, я придерживаюсь моего мнения, что эта работа может быть поставлена в один ряд с шедеврами Рабле. Она очень изысканна, но, безусловно, является слишком уж тонким блюдом для грубого вкуса преобладающего большинства».

Вопреки, а может быть, и благодаря сложности того времени Фрейд иногда позволял своей фантазии определенную свободу. Это можно видеть на примере исследования, посвященного применению психоанализа к теории Ламарка о наследовании приобретенных признаков свойств¹. 11 ноября 1917 г. он писал Абрахаму о своих мыслях по этому вопросу и опять же привлек внимание того к работам Гроддека.

«Неужели я ничего не рассказывал Вам об идеях Ламарка? За это взялись мы с Ференци, однако ни у кого из нас не было ни времени, ни задора заняться этим всерьез. В наше намерение входит целиком подвести Ламарка под наш базис и показать, что его «потребность», которая создает и преобразует органы, есть не что иное, как власть бессознательных мыслей над телом, следы которой мы видим в истерии. Короче говоря, это «всемогущество мыслей». Цель и польза будут тогда объясняться психоаналитически; они станут завершением психоанализа. Отсюда появляются два важнейших принципа изменения или прогресса: первый — через превращение собственного тела, а второй — путем изменения внешнего мира.

Не уверен я и в том, что рассказывал Вам о книге Гроддека из Баден-Бадена («Психологическая обусловленность и психоаналитическое лечение органических страданий». 1917)...»²

¹ Этих взглядов Фрейд упорно придерживался всю свою жизнь (см.: Л. Ритво. Дарвин и историки фрейдовского неоламаркизма. 1965; М. Шур и Л. Ритво. «Концепция развития и эволюция в психоанализе. 1970).

² Примерно в то же самое время Фрейд написал похожее письмо одному американцу, имя которого осталось неизвестным. В свое время оно было опубликовано доктором Самуэлем Гутманом, который и рассказал мне о его существовании.

Здесь мы можем обнаружить в некотором роде «возвращение вытесненного» — веры во всемогущество мысли, которую каждый человек должен преодолеть, так как она расходится с принципом реальности и относится к «бессознательному» наших далеких предков. Это должно было быть глобальное биологическое бессознательное, присутствующее в любой живой материи¹.

В противовес столь возвышенным идеям, всего через несколько недель спустя в своем письме к Ференци Фрейд продемонстрировал «обратную сторону медали»:

«Я слишком много работал, чувствую себя уставшим и начинаю находить этот мир отвратительным. Суеверная мысль о том, что моя жизнь должна закончиться в феврале 1918 г., часто кажется мне вполне привлекательной. Иногда мне приходится очень постараться, чтобы взять себя в руки».

Здесь, после похожего обострения от 1904 г., наблюдавшегося во время поездки в Афины, вновь заявило о себе суеверие, досаждавшее Фрейду еще с 1899 г. В феврале 1918 г. Фрейду должен был исполниться 61 год и 9 месяцев. Согласно представлениям Флисса, дата смерти человека предопределена временем его зачатия и, следовательно, его датой рождения. Ференци, должно быть, протестовал против таких идей. 16 декабря 1917 г. Фрейд отвечал ему:

«Когда я читаю Ваше письмо, я смотрю на Ваш оптимизм с улыбкой. Мне кажется, что Вы верите в идею «вечного возвращения» и не хотите замечать неумолимой судьбы. На самом деле для человека моих лет нет ничего странного в том, чтобы замечать неизбежное постепенное угасание своей личности. Я надеюсь, что Вы вскоре убедитесь в том, что это вовсе не означает плохого расположения духа. Я великолепно работаю весь день с девятью дураками и едва могу контролировать свой аппетит. Но я более не могу наслаждаться тем крепким сном, который был у меня раньше».

Зима 1918 г. оказалась еще хуже прежней. Перспективы представлялись австрийцам все в более мрачном свете. Продолжающаяся мировая война, включая масштабное наступление немецких войск на Западном фронте в марте 1917 г., воспринималась лишь как бессмысленная отсрочка неизбежной развязки. Мы знали, что во Франции высадились американцы.

¹ В своей работе, появившейся под названием «Торможения, симптомы и тревога», Фрейд также представил несколько рассуждений относительно причин развития «латентного периода» у человека.

В то время Фрейду были свойственны очень частые перемены настроения. Об этом, например, свидетельствует письмо к Абрахаму, написанное им 18 января 1918 г.:

«Ваш ровный темперамент и нерушимая жизнестойкость оказывают на меня, постоянно колеблющегося между порывами и смирением, благотворное влияние...

Я сейчас читаю о дарвинизме, впрочем, без какой-либо определенной цели, словно человек, у которого уйма свободного времени. Практика вновь очень насыщена и интересна. Успехи радуют. Один из моих сыновей [Эрнст] сегодня ближе к Вам, чем ко мне. Он сейчас навещает сестру в Шверине. Временами мы получаем весточки от двух других сыновей, плохих вестей, к счастью, нет. Если война еще продлится, то это просто убьет всех нас».

И все-таки Фрейда воодушевляли разнообразные публикации, посвященные вопросам применения психоанализа к лечению «военных неврозов». К тому же он сделал тогда заключительные штрихи к, пожалуй, одной из наилучших своих работ, известной под названием «Из истории детского невроза».

ВТОРОЙ РОКОВОЙ РУБЕЖ ПРОЙДЕН

19 мая 1918 г. Абрахам написал Фрейду о смертельной болезни своей матери. Десять дней спустя Фрейд отвечал:

«В этом году моей матери исполнится 83 года, и она уже довольно слаба. Иногда мне кажется, что я буду чувствовать себя намного свободнее, когда она умрет. Ибо мысль о том, что ей придется услышать известие о моей смерти, приводит меня в ужас.

Теперь мне действительно исполнился 61 год... В основном я нахожусь в состоянии горького бессилия или огорчения от моего бессилия»¹.

Это письмо достойно упоминания по ряду причин. Фрейд миновал очередной из своих зловещих «роковых рубежей». Следующий он ожидал в 81,5 года — возраст, который не смогли пережить его отец и старший брат. Его матери уже было 83 года. Пугающая мысль, что ей придется услышать весть о его смерти, вновь посетила Фрейда через пять лет.

Фрейд вновь продемонстрировал свою психическую гибкость уже через несколько месяцев, когда, вопреки всем предположе-

¹ Позже Фрейд выразил сходные ощущения в письме Арнольду Цвейгу, которое было написано им уже после прихода Гитлера к власти.

нием, в Будапеште состоялся очередной, пятый конгресс, ставший «международным». поскольку, кроме австрийских и немецких представителей, на нем присутствовали и два датских аналитика. Его проведение стало возможно благодаря Антону фон Фройнду, богатому венгерскому предпринимателю и доктору философии. Фройнд, которого позже Фрейд называл в своих письмах «Тони», был ровесником Бинсвангера. У него была обнаружена такая же опухоль, что и у последнего (см. письмо Фрейда к Бинсвангеру в главе 9). После ее удаления Тони страдал от сильного невроза, который Фрейд успешно вылечил. Фройнда воодушевили возможности психоанализа, и, сомневаясь в том, что после проведенной операции рак уже не сможет снова ему угрожать, решил оказать финансовую поддержку психоаналитическому движению, занявшись филантропической деятельностью. Фрейд, очень любивший и высоко ценивший Фройнда, надеялся, что он все же сумеет победить свою болезнь, как и Бинсвангер.

Конгресс состоялся во второй половине сентября 1918 г. и во всех отношениях имел большой успех. Царивший на нем праздничный дух находился в полнейшем несоответствии с мрачными ожиданиями неминуемого поражения Германии и ее союзников. После стольких лет разлуки Фрейд рад был увидеться с Абрахамом. Также он с облегчением узнал, что его сыновья не участвуют в последних боевых действиях. После конгресса Фрейд адресовал Ференци восторженное письмо:

«Помните те пророческие слова, которые я произнес перед первым конгрессом в Зальцбурге, когда сказал, что мы возлагаем на Вас великие надежды?

Я полон радостного удовлетворения, и на сердце у меня легко, так как я знаю, что мое «беспокойное дитя», работа всей моей жизни, защищена Вашей помощью, равно как и помощью других людей, которые тоже заботятся о ее будущем. Буду ждать лучших времен, даже если они еще далеки от нас».

27 августа 1918 г. он писал Абрахаму:

«В Будапеште мои новые друзья [фон Фройнд и его семья] приняли меня великолепно. Воздух Татр сделал все остальное, и теперь я вновь могу отважиться «выносить мирские радости и тяготы»¹.

Несколько недель спустя война наконец завершилась, а вместе с ней пришел конец и Австро-Венгерской империи. Несколько месяцев не было вестей от старшего сына Фрейда Мартина, ко-

¹ Цитата из «Фауста» Гёте.

торый во время последнего спешного отступления попал в плен к итальянцам.

Фрейд был, разумеется, рад окончанию войны и не слишком огорчился из-за распада Австро-Венгерской империи. Его симпатии, особенно после Октябрьской революции в России, постепенно все больше и больше смещались на сторону держав Антанты.

Фрейд и Джонс постарались максимально быстро восстановить личные контакты. Все новости были благоприятными. Во время войны психоаналитическое движение широко распространилось в Англии и США. Однако первое письмо от Джонса принесло с собой и печальную весть: скончалась его молодая (первая) жена.

СМЕРТЬ АНТОНА ФОН ФРОЙНДА

Война окончилась, но это не положило конец царившей в Австрии разрухе и нищете. Зима 1919 г. была очень тяжелой. Страна стояла на грани голода¹. Во время войны Ференци и фон Фройнд время от времени помогали Фрейду деньгами и продуктами. Бешеная инфляция тут же съедала все имевшиеся у Фрейда сбережения, а надежды на поддержку со стороны фон Фройнда с падением стоимости австрийских и венгерских денежных единиц становились все более призрачными. Как и многие другие жители Вены, Фрейд испытывал затруднение не только с продуктами, но и с топливом. Он едва мог обогреть собственный кабинет. Свирепствовала пандемия «испанки», которая унесла в конечном итоге больше жизней, чем война. В марте 1919 г. с бронхопневмонией слегла Марта Фрейд. Антон фон Фройнд мучился от болей в нижней части живота, которые, как оказалось, были вызваны метастазами удаленной ранее опухоли. Тони приехал в Вену, и Фрейд вынужден был стать свидетелем медленной и мучительной смерти от рака человека полностью осознающего неизбежность своего трагического конца.

Вид страданий еще молодого, талантливого и полного надежд человека пробудил у Фрейда чувство мучительной беззащитности, которым он в своем письме от 29 мая 1918 г. поделился с Абрахамом. Все письма Фрейда о болезни и смерти фон Фройнда ярко отражают его реакцию на эту трагедию. Когда Абрахам спросил у Фрейда, знает ли фон Фройнд, насколько серьезно его состояние, Фрейд отвечал (15 декабря 1919 г.):

¹ Я помню, как мне приходилось оставлять для моих домашних часть своего больничного обеда и как мы восхищались изредка появлявшимися американской тушенкой и какао.

«Фройнд знает обо всем и даже распорядился, чтобы после его смерти его кольцо было возвращено мне с тем, чтобы в дальнейшем я передал его Эйтингтону»¹.

21 января 1920 г. Фрейд писал Эйтингтону:

«Т. Ф. тихо умер вчера от своей неизлечимой болезни. Для нас это большая потеря, острая боль, к которой, однако, за прошедшие месяцы мне удалось притерпеться. Он героически нес свой крест, полностью сознавая неизбежность конца, и не проклинал психоанализ.

Когда он получил Ваше письмо, в котором Вы приветствовали его как члена комитета, он заплакал и сказал, указывая на кольцо, полученное от меня: «Я знаю, что он будет моим преемником». С обычной для него прощательностью он верно угадал мое намерение передать это кольцо Вам, поскольку другого такого камня, как в нем, больше не найти. Позже он снял кольцо и распорядился возвратить его мне, после того как он умрет».

¹ Фон Фройнд был назначен Фрейдом членом комитета, организованного в 1912 г., по предложению Джонса, после выхода из первого психоаналитического общества Адлера и Штекеля. Предвидя нарастающие трения между Фрейдом и Юнгом, Джонс предложил создать небольшую группу, образованную абсолютно надежными аналитиками, которая должна была действовать как «внутренний» комитет. В рамках этого комитета Фрейд мог бы свободно обсуждать организационные проблемы развивающейся Международной психоаналитической ассоциации. Джонс подчеркивал, что на членов этой группы накладывалась лишь одна обязанность: никто не должен был публично ставить под сомнение основополагающие принципы психоаналитической теории (вытеснение, бессознательное, детская сексуальность и т. д.) без предварительного обсуждения подобных действий с другими членами группы. Джонс признавал, что «сама идея такой группы была навеяна рассказами о паладинах, слышанными мною в отроческие годы, и историями о разных «тайных обществах», которыми изобилуют литературные произведения». Фрейд отреагировал на это предложение не только с энтузиазмом, но и с огромным облегчением, хотя и признавался Джонсу в письме от 1 августа 1912 г., что видит в этой идее «ребячество и, возможно, даже утопию».

В двух письмах Эйтингтону, написанных 22 октября 1919 г. и 23 ноября 1919 г., Фрейд высказался еще более определенно. Эйтингтон был очень предан Фрейду, тот знал, что может полностью на него положиться. Письма Фрейда к Эйтингтону были особенно душевными. В этих двух письмах Фрейд говорил, что комитет освободил его от волнений за будущее психоанализа, а потому он теперь может спокойно принять свою судьбу. Фрейд также объяснил, что его тревоги восходят к тем временам, когда психоанализ зависел лишь от него одного. С образованием комитета он мог вздохнуть свободнее (см. в этой связи обсуждение книги «По ту сторону принципа удовольствия» в главе 12).

Назначение членом комитета фон Фройнда стало возможным не только благодаря его заслугам. Видимо, это следует объяснять и особым дружественным жестом в его адрес, сделанным в знак глубокого сочувствия к его невыносимым страданиям. Кольца, одно из которых Фрейд подарил Фройнду, носили все члены комитета.

Всего через несколько дней после смерти фон Фройнда в возрасте 27 лет умерла София, средняя дочь Фрейда. В день похорон Фройнда она заболела гриппом, вскоре осложнившимся воспалением легких. В те времена эта болезнь сводила в могилу сотни и тысячи людей¹.

Вскоре после этого от рака умер и отец Джонса. 12 февраля 1920 г. Фрейд писал ему:

«Итак, Вашему отцу не пришлось испытать, как его тело медленно поедает рак, как это случилось с бедным Фройндом. Это подарок судьбы. Однако вскоре Вы поймете, как повлияет на Вас эта смерть. Я был примерно в Вашем возрасте, когда умер мой отец [43 года]², и это событие перевернуло мою душу. Можете ли Вы припомнить время, когда смерти следовали бы одна за другой, как сейчас?»

Я подробно остановился на трагедии фон Фройнда по нескольким причинам. Глубоко сочувствуя Бинсвангеру, когда несколькими годами ранее тот заболел раком, Фрейд оказывал своему другу моральную поддержку. Сам он дважды решал, что стал жертвой этой страшной болезни (в 1914 г. и в 1917 г.). Спустя всего три года после смерти фон Фройнда у Фрейда действительно развилось онкологическое заболевание. Мы можем предположить, что тяжелые воспоминания о страданиях Тони по-прежнему жили в его душе. Кроме того, трагедия Фройнда оказалась в ряду происшествий, на фоне которых появилась одна из наиболее полемичных работ Фрейда. Я предполагаю уделить ей особое внимание. Это «По ту сторону принципа удовольствия».

¹ Я вернусь к реакции Фрейда на смерть Софии в главе 12.

² Джонс привлек наше внимание к описке, допущенной Фрейдом в этом письме: он утверждал, что ему и Фрейду было по 41 году, когда умерли их отцы. Джонс объяснял эту описку тем, что 43 года Фрейду исполнилось, когда он закончил «Толкование сновидений». Однако на самом деле к моменту смерти отца Фрейду не было и 41, так что Джонс тоже ошибся.

Глава 12

«ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ»: ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ И НАВЯЗЧИВОЕ ПОВТОРЕНИЕ

В предыдущей главе я обсуждал работы Фрейда, написанные им в то время, когда бушевала Первая мировая война. Однако ее влияние не прекратилось вместе с окончанием боевых действий. Бессмысленные убийства и уничтожение человеческих ценностей подтвердили предположение Фрейда о важнейшей роли агрессии в человеческой психике. Идея об обращении агрессии против самого себя, предчувствовавшаяся еще в «Тотеме и табу», получила четкое выражение в «Печали и меланхолии». Возможно, такой проницательный психолог, как Фрейд, в процессе постоянного самоанализа обратил особое внимание на строгость своего «Сверх-Я» и свои предрассудки, касающиеся смерти, как на признаки агрессии, направленной на себя самого.

Запутанная симптоматика «военных неврозов» и особенно посттравматические сны требовали объяснений. Фрейд осознал стремление к самонаказанию как важную мотивирующую силу, стоящую за неприятными и пугающими снами, а также особую роль «Я» в целом в процессе образования снов. В 1919 г. он включил эти идеи в пересмотренное издание «Толкования сновидений». Иными словами, Фрейд размышлял уже в терминах структурного взгляда на психику, согласно которому, как он указал в «Я и Оно», психический аппарат образуют три составляющие: «Оно», «Я» и «Сверх-Я».

Наконец, Фрейд столкнулся с одним любопытным феноменом в лечении своих пациентов. Особенно это касалось таких трудных случаев, как случай человека-волка. Этот случай требовал весьма тщательного анализа, растянутого на годы, что в те времена считалось более чем долгим сроком. Фрейд обнаружил, что вместо *припоминания* прошлого его пациент вынужден был в известном смысле повторить его в ситуации перенесения. Он обнаружил, что многие пациенты вновь и вновь воспроизводят крайне неприятные для себя переживания как в аналитической ситуации,

так и вне ее. Фрейд полагал, что все эти тенденции вызваны *давлением навязчивости*.

Эти наблюдения требовали переосмысления теоретических положений. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд попытался предпринять именно такую попытку. Однако в ней мы можем отметить не только возникновение новых идей, но и отход Фрейда от его обычного метода работы с проблемами, практически всегда предполагавшего опору на солидный фундамент наблюдений.

«ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ»

Как и во всех прочих работах Фрейда, в «По ту сторону принципа удовольствия»¹ нашли свое выражение идеи, занимавшие его ум на протяжении десятилетий. Только с восстановлением и опубликованием переписки Фрейда с Флиссом появилась возможность установить сходство идей, появившихся еще в «Проекте научной психологии», с теми, которые получили развитие много позже.

Принятый Фрейдом фехнеровский принцип постоянства, уже сыгравший важную роль на страницах «Проекта научной психологии», был существенной частью его теории функционирования психики. Он сформулировал его в седьмой главе «Толкования сновидений» и позже в «Формулировке двух принципов функционирования психики», а также в метапсихологических работах 1915-го и 1917 гг. Мы знаем, как Фрейда интересовали проблемы эволюции, труды Дарвина и Ламарка, знаем о использовании им в психоанализе онтогенетического принципа Геккеля («онтогенез есть краткое повторение филогенеза»), особенно применительно к развитию мыслительного аппарата. Он также предпринимал попытки применить психоаналитические принципы к теории эволюции.

В труд «По ту сторону принципа удовольствия» включены, как их называл Фрейд, «часто далеко заходящие рассуждения». Дав волю своей фантазии, он высказал несколько весьма смелых идей, приведших в конечном итоге к формулированию им структурного подхода, дуалистической теории влечений и концепции стимульного барьера. Однако они же выступили в качестве прелюдии к теории влечения к смерти и привели к идее навязчивого повторения как ведущего регуляторного механизма функционирования психики. Эти гипотезы с 1920 г. прочно укоренились в психоаналитической теории.

¹ Более подробно эта работа обсуждалась в другой моей книге. Некоторые части этой главы, особенно первые, прежде всего адресованы читателям, знакомым с теорией психоанализа.

Обсуждение действительных достоинств фрейдовской концепции влечения к смерти, которое он рассматривал как всеобъемлющее явление, выходило бы за рамки этого исследования. Но будет уместно обратить внимание на тот *необычный* для Фрейда метод рассуждения, который привел его к этим концепциям. Это обстоятельство наводит на мысль, что к написанию этого эссе Фрейда подтолкнули множество причин, коренящихся в его внутренней жизни. Особенно это бросается в глаза, если сопоставить «По ту сторону...» с большинством работ, появившихся со времени написания книги о сновидениях. Отход Фрейда от типичных для него скрупулезных и надежно аргументированных рассуждений тесно сопряжен с использованной им тогда концепцией «принципа удовольствия».

Когда в седьмой главе «Толкования сновидений» Фрейд сформулировал эту концепцию¹, она была выражена в «экономических» терминах. Любое накопление, напряжение связывалось с неудовольствием, а ослабление напряжения — с удовольствием. Биологически этот принцип казался Фрейду гарантией достижения организмом определенного равновесия, хотя он и пошмал, что полностью избавиться от возбуждения совершенно невозможно. В психологических терминах Фрейд формулировал принцип удовольствия-неудовольствия следующим образом: психический аппарат стремится избежать лишнего напряжения. Этой цели можно достичь путем избегания чрезмерных, «болезненных» стимулов, действующих на психический аппарат извне, или же снятием напряжения, исходящего от внутренних потребностей, которые могут быть названы «инстинктивными влечениями».

Фрейд пытался подвести основу под свои «далеко заходящие рассуждения» в «По ту сторону принципа удовольствия», опираясь на ряд эмпирических наблюдений. Вопрос в том, являются ли предложенные им гипотезы столь же основательными, как его наблюдения, и могут ли они в достаточной степени объяснить их?²

После утверждения, что психический аппарат стремится «удерживать степень возбуждения на возможно более низком или по меньшей мере постоянном уровне», Фрейд внес существенное дополнение:

«Собственно говоря, неправильно было бы утверждать, что принцип удовольствия управляет течением психических процессов. Если бы это было так, то подавляющее большинство наших психических процессов должно было бы приносить нам удоволь-

¹ В недавно опубликованной монографии я подчеркивал, что различие принципа удовольствия и принципа неудовольствия целесообразно по многим причинам.

² Последующая оценка изложена в терминах, которыми Фрейд начал пользоваться только после введения им структурного подхода (1923).

ствие, в то время как весь наш обычный опыт свидетельствует об обратном. Следовательно, можно лишь утверждать, что в психике присутствует сильная *тенденция* к господству принципа удовольствия».

Такое ограничение действия принципа удовольствия рамками «тенденции» конечно же вполне обоснованно. Однако можно обратить внимание на одно очень важное противоречие. Фрейд выражал принцип «удовольствие-неудовольствие», с одной стороны в биологических (нейрофизиологических), а с другой — в «экономических» терминах. При этом в той части «По ту сторону принципа удовольствия», где Фрейд пытался подтвердить основные постулаты своей теории, он использовал термины «удовольствие» и «неудовольствие» главным образом для обозначения *переживания* или *аффекта*. Принципы удовольствия-неудовольствия включают как накопление, так и стремление избежать напряжения и поиск объектов для разрядки этого напряжения. Переживания удовольствия и неудовольствия — как и все другие переживания — являются реакциями нашего «Я», зависящими от состояния всех трех психических структур и их отношения к непосредственному окружению. Эта разница, к сожалению, часто не принималась в расчет даже Фрейдом.

Фрейд писал, что, хотя переход от принципа удовольствия к принципу реальности может быть понят как *торможение* принципа удовольствия и *нарушение*, обнаружены некоторые явления, которые говорят в пользу существования принципа *за пределами* принципа удовольствия. К ним Фрейд отнес посттравматические сны, где пациент вновь возвращается к травмирующей ситуации; некоторые игры детей (особенно прятки и «катушка на веревочке»), навязчивость пациентов в повторении болезненных переживаний прошлого, а также явления, названные Фрейдом «псеврозом судьбы», при котором люди в течение своей жизни несколько раз оказываются в одной и той же драматической ситуации, что вызывает у них ощущение, что «их преследует неумолимая судьба или они обладают некой «демонической» силой».

Главной же опорой для рассуждений Фрейда послужил анализ посттравматических снов. Он считал невозможным истолковывать их с позиций иллюзорного исполнения желаний и потому допустил, что их возникновение объясняется действием какого-то принципа, чуждого принципу удовольствия. Последовавшее объяснение в конечном итоге привело к появлению новой теории «влечений».

«Но каким же образом «инстинктивное» относится к навязчивому повторению? <...> Мы не можем уйти от предположения, что набрали на следы самого характера влечений, возможно, даже всей органической жизни... *Влечение с этой точки зрения можно было*

бы определить как существующее в живом организме стремление к восстановлению некоего прежнего состояния, от которого этот организм был вынужден отказаться под влиянием внешних сил».

Затем Фрейд делал следующее умозаключение:

«Если бы целью жизни было еще никогда не достигавшееся ею состояние, это противоречило бы консервативной природе влечений. Скорее здесь нужно было бы искать *прежнее* состояние, от которого живое существо однажды было вынуждено отказаться и к которому стремится вернуться... Если мы примем как факт то, что все живое вследствие внутренних причин неизбежно умирает, возвращается к состоянию неживой материи, то мы можем сказать: *«целью всякой жизни является смерть»* и... *«неживое было раньше, чем живое».*

Далее Фрейд пришел к логическому выводу, что все живые организмы желают прийти к смерти лишь собственным путем и что «парадоксально, но живой организм самым энергичным образом противится опасностям, которые могли бы помочь ему достичь своей цели [смерти] самым коротким путем».

Новое определение Фрейдом влечения точным образом повторилось и в определении принципов регуляции:

«Основной направленностью нашей психики стала... попытка уменьшить, сохранить в неизменности или устранить внутреннее раздражающее напряжение («принцип «нирваны»...) — тенденция, которая находит выражение в принципе удовольствия. Признание нами этого является одним из наших самых сильных мотивов, чтобы увериться в существовании влечения к смерти».

Далее он добавил, что это навязчивое повторение сначала толкнуло его на мысль о существовании следов влечения к смерти. Таким образом, принципы постоянства нирваны-удовольствия и навязчивого повторения рассматриваются как подтверждающие существование влечения к смерти. Оно, в свою очередь, тоже используется для объяснения этих принципов — классический образец «рассуждения по кругу».

Я обрисовал умозаключение Фрейда в общих чертах, прежде чем перейти к обсуждению необходимости поиска объяснения определенных поведенческих феноменов *за пределами* принципов удовольствия-неудовольствия и необходимости выдвижения навязчивого повторения в качестве ведущего принципа функционирования психики.

Все примеры, которые Фрейд приводил в доказательство существования некой «демонической» силы — посттравматические сны, детские игры, поведение пациентов в рамках ситуации пси-

хоанализа и при «неврозах судьбы», — имеют единый общий знаменатель: физиологическую и поведенческую повторяемость. Фрейд подчеркивал в своей работе, что бессознательные желания обладают свойством сохраняться от разрушения, которое роднит их со всеми прочими бессознательными моментами психики, и описывал «принуждение к повторению» как характерную особенность проявления инстинктивных влечений.

Фрейд утверждал вновь и вновь, что детские инстинктивные потребности, так и не нашедшие удовлетворения, стремятся к разрядке. Предположение о беспрестанном возвращении неудовлетворенных желаний является краеугольным камнем предложенных Фрейдом теорий сновидений¹ и симптомообразования при неврозах. Однако, хотя он осознавал постоянную повторяемость как характеристику инстинктивных потребностей, у него, похоже, были некоторые сомнения относительно других характеристик поведения, которые сейчас мы бы назвали аспектами функционирования структур «Я» и «Сверх-Я».

Фрейд воспользовался словом «демонические», чтобы описать те движущие силы, которые раз от разу принуждают людей к поведению, ведущему их к несчастью и нередко даже к трагедии. Фрейд обращал здесь основное внимание на *результаты*, а не на сами действующие силы, выводя свою теорию об этих силах из их внешних проявлений.

Когда мы ищем *причины*, позволяющие объяснить тот факт, что в жаркую и сырую ночь воздух лесных районов, примыкающих к прудам и озерам, наполняется тучами мелких насекомых, со всех сторон упорно летящих на свет, то мы находим их в специфической реакции этих насекомых на определенный стимул. Когда на следующее утро мы видим, как много слетавшихся на свет насекомых погибло, нас поражает парадоксальный эффект определенного типа поведения, который все-таки должен был сформироваться в ходе эволюции в таком виде, постольку, поскольку всегда играл существенную роль в деле выживания данного вида. Однако тот факт, что на этот раз инстинктивное поведение насекомых вызвало их гибель, не означает существования у них некоего инстинкта, *целью* которого было бы всячески стремиться к такой гибели. Когда мы сталкиваемся с подобными вещами в человеческом обществе, они производят на нас еще более сильное впечатление, однако это не дает нам оснований, чтобы приписать им «демонический» характер. Несомненно, что для Фрейда подобный «демонизм» был необходимым звеном на пути к формулированию теории влечения к смерти и выделению навязчивого повторения в качестве главного принципа функционирования психики. В этой связи у нас есть вес-

¹ Современная психология сновидений по большей части подтверждает это предположение.

кие основания считать, что Фрейд тогда уже выдвинул гипотезу о существовании «влечения к смерти» и для ее подтверждения пользовался различными проявлениями «неприятной» повторяемости, в то же время используя эту гипотезу для объяснения наблюдавшегося им феномена.

Среди примеров, которые Фрейд приводил как показывающие противоречие принципу удовольствия-неудовольствия, один он считал самым показательным. Это было посттравматическое сновидение, которому «свойственно возвращать пациента в обстоятельства пережитой им некогда травмы, что заставляет всякий раз его просыпаться в страхе». Фрейд отмечал, что возникновение травматического невроза определяется фактором неожиданности, изначальной неподготовленностью человека к произошедшему с ним событию. Это верно и применительно к неврозам, возникающим у людей, переживших автомобильные или железнодорожные катастрофы. Однако во время Второй мировой войны травматические неврозы, часто сопровождавшиеся острыми психозоподобными состояниями, очень часто наблюдались у солдат после длительного пребывания в крайне тяжелых условиях, характеризовавшихся не столь резкой динамикой. Сверх того, травматические неврозы могут появляться и в результате травматизации, длившейся в течение долгого времени, в чем мы с горечью могли убедиться на примерах выживших узников нацистских лагерей смерти. У всех этих категорий людей наблюдается общая черта: повторяющиеся сны, которые постоянно варьируют травмирующую ситуацию, включая события, предшествующие психической травме.

Фрейд предложил две трактовки посттравматических сновидений. В рамках первой он высказал предположение, что «эти сновидения [пытаются] совладать с раздражителем через развитие чувства страха, отсутствие которого и стало причиной травматического невроза». Согласно второй, эти сны находятся не под влиянием принципа удовольствия (-неудовольствия), а подчиняются принципу навязчивого повторения, которое, в свою очередь, выражает стремление всех влечений к восстановлению прежнего — неживого — состояния.

Я считаю, что это второе объяснение, выведенное из работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», и клинические наблюдения, противоречащие тем, что были доступны Фрейду в его время, вполне укладываются в рамки принципа удовольствия-неудовольствия. То есть повторение травмирующих событий в сновидениях отражает — помимо удовлетворения разнообразных запретных желаний (например, гомосексуальных или мазохистских) и требований «Сверх-Я» (например, «вина выжившего») — бессознательное желание «Я» уничтожить травмирующую ситуацию. Однако эта цель не может быть достигнута без предварительного

ослабления воздействия этой ситуации через ее постоянные мысленные повторения. Появляющийся в результате страх представляет собой реакцию «Я» на опасность, не отличающуюся от тех, которые вызывают прочие страшные сновидения, отражающие некую запретную инстинктивную (сексуальную и/или агрессивную) потребность. Прочие примеры, к которым Фрейд обращался с целью подтверждения своих гипотез, могут быть объяснены похожим образом.

Если толкование Фрейдом посттравматического сновидения как лежащего по ту сторону принципа удовольствия вызывает большие сомнения, то его гипотеза о навязчивом повторении как ведущем принципе, действующем за пределами принципа удовольствия, и влечении как «существующем в живом организме стремлении к восстановлению прежнего (то есть неживого) состояния» и, наконец, концепция влечения к смерти лишаются той опоры, которую Фрейд считал краеугольным камнем своих рассуждений¹. Прежде чем я выскажу некоторые идеи касательно того, *почему* Фрейд разработал эти концепции и *почему* по ходу их создания не проявились обычно так свойственные ему логика и прозорливость, отмечу еще один умозрительный момент в его книге и отношение Фрейда к собственным идеям.

Ближе к концу «По ту сторону принципа удовольствия», после слов о том, как мало наука, следующая «взвешенной дарвиновской линии», способна рассказать нам об истоках и о развитии сексуальности, Фрейд заметил:

«Совсем в другом месте мы все же встречаемся с подобной гипотезой, которая, однако, столь фантастична, что, пожалуй, скорее принадлежит к сфере мифов, чем является научным объяснением. Я не решился бы привести ее, если бы она как раз не удовлетворяла тому условию, к которому мы стремимся. Она выводит *влечение из потребности в восстановлении прежнего состояния*».

То, что я имею в виду, — теория, которую развивает Платон в «Пире» устами Аристофана и которая рассматривает не только происхождение полового влечения, но и его главнейшие типы поведения в отношении объекта. «Человеческая природа была когда-то совсем другой. Сначала было три пола, а не два, как теперь.

¹ Я бы хотел подчеркнуть, что предложенные Фрейдом концепции влечения к смерти, навязчивого повторения и «той стороны принципа удовольствия» логически неразделимы, хотя это и не всегда принимается многими авторами, которые, будучи не согласны с его концепцией влечения к смерти, тем не менее разделяют его формулировки о навязчивом повторении как ведущем принципе, лежащем по ту сторону принципа удовольствия, принимая таким образом и метод рассуждений, посредством которого Фрейд пришел к этой гипотезе.

Рядом с мужчинами и женщинами существовали люди третьего пола, соединявшие в себе черты каждого из полов...» Все у этих людей было двойным: они имели по четыре руки, четыре ноги, два лица, двойные половые органы и т. д. Тогда Зевс разделил каждого человека на две части, «как разрезают пополам груши, чтобы они лучше сварились». Когда, таким образом, все живущие разделилось пополам, у каждого человека появилось влечение к его второй половине, «обе половины снова обвились руками одна другую, соединили свои тела и захотели снова срастись».

Должны ли мы вслед за поэтом-философом принять смелую гипотезу, что живая субстанция была разорвана при возникновении жизни на маленькие частицы, которые стремятся снова соединиться посредством сексуального влечения? Что это влечение, в котором находит свое продолжение химическое единство неодушевленной материи, постепенно преодолевает трудности, ибо этому единству противостоят условия среды, наполненной опасными для жизни раздражителями, понуждающими защищаться от внешнего воздействия? Что эти разделенные частицы живой материи достигают, таким образом, уровня многоклеточного организма и передают, наконец, зародышевым клеткам влечение к новому воссоединению уже на более высоком уровне?»

В своих умозрительных рассуждениях Фрейд следовал тому образу мыслей, который обнаружился в его письме к Абрахаму от 11 ноября 1917 г., где он намекал на попытку объединения эволюционных и психоаналитических концепций. Тогда это относилось, правда, не к Тапатосу, влечению к смерти, а к Эросу — объединяющей силе, противостоящей «естественной», «инстинктивной» тенденции к разрушению, Эросу — «нарушителю спокойствия», как Фрейд назвал его в «Я и Оно».

Фрейд, таким образом, приписывал всемогущество сексуальным инстинктивным влечениям, рассматривая их в контексте эволюции.

Размышляя на эту тему, Фрейд подвел черту под своими умозаключениями, если не принимать в расчет последнюю часть этой книги, которую он, видимо, добавил позже¹. С замечательной искренностью и самокритичностью Фрейд заметил:

«Я думаю, на этом месте нужно закончить рассуждения.

Но не без того, чтобы добавить еще несколько слов для критического размышления. Меня могли бы спросить, согласен ли

¹ Из переписки Фрейда нам известно, что он писал «По ту сторону принципа удовольствия», делая множество перерывов в работе. Он начал свой труд в марте 1919 г., первый его набросок был закончен в мае. Фрейд вновь принялся за рукопись зимой 1920 г. и закончил книгу, внеся при этом еще несколько исправлений, в июле 1920 г.

я сам, и до какой степени, с этими предположениями. Я бы мог ответить, что не только не убежден в их истинности, но и никого не стараюсь склонить поверить в них. Точнее сказать: я не знаю, насколько я в них верю. Мне кажется, что момент убеждения вовсе не должен приниматься здесь во внимание. Ведь можно отдаться ходу мыслей и следить за ним исключительно из научной любознательности, или, если угодно, действовать как «advocatus diaboli» [адвокат дьявола], который ведь сам не продает свою душу. Я не отрицаю, что третий шаг в учении о влечениях, который я здесь предпринимаю, не может претендовать на ту же достоверность, как первые два: расширение понятия сексуальности и установление факта нарциссизма. Эти открытия были прямым переводом наблюдений на язык теории. Утверждение регрессивного характера влечений покоится, во всяком случае, на фактах навязчивого повторения. Но я, возможно, переоценил их значение. Построение этой гипотезы может осуществиться только через комбинацию материалов наблюдений с чистыми размышлениями. Известно, что конечный результат тем сомнительнее, чем чаще такие комбинации встречаются в процессе построения какой-либо теории. Но степень недостоверности теории определяется не только этим. Здесь можно что-то удачно угадать, но с той же вероятностью и ошибиться. Так называемой интуиции я мало доверяю при такой работе. В тех случаях, когда я ее наблюдал, она казалась мне скорее следствием известной беспринципности разума. Но к сожалению, редко можно оставаться беспристрастным, если дело касается больших проблем науки и жизни. Я полагаю, что каждый привержен здесь глубоко обоснованным пристрастиям, влиянием которых он бессознательно руководствуется в своем размышлении. При этом не остается ничего другого, как сдержанно принимать результаты собственных размышлений».

Однако в дальнейшем Фрейд продолжал по-прежнему придерживаться своих концепций влечения к смерти и навязчивого повторения, хотя, как мы еще увидим, не всегда применял их.

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ФРЕЙДА

Теперь коснемся событий в жизни Фрейда, происходивших в 1919—1920 гг. Некоторые авторы склонны считать, что появление «По ту сторону принципа удовольствия» было обусловлено влиянием, которое оказала на Фрейда смерть его дочери Софии. Такие гипотезы являются всего лишь беспочвенными домыслами. Фрейд сам предвидел возможность их появления. 18 июля 1920 г. он писал Эйтинггону:

«По ту сторону» полностью окончена. Вы можете быть уверены, что эта книга уже была наполовину готова, когда София была еще жива и здорова».

Впрочем, сам термин «влечение к смерти», похоже, впервые появился на страницах писем к Эйтингтону (12 февраля 1920 г. и 20 февраля 1920 г.) вскоре после смерти Антона фон Фройнда и Софии. Кроме того, в процессе написания «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд находился под влиянием продолжительной борьбы со смертью, которую вел фон Фройнд. Характер влияния этих смертей на Фрейда может быть понят из его письма к Бинсвангеру от 14 марта 1920 г.:

«Получив вчера от Вас открытку, я засомневался: неужели я и в самом деле оставил Ваше интересное дружеское письмо от 7 января без ответа. Да, увы, дело обстоит так, и причиной тому послужили печальные события этого месяца. Прежде всего день за днем я наблюдал постепенное угасание моего дорогого друга, чье имя Вы можете увидеть в некрологе, напечатанном в «Zeitschrift», 1920, № 1. Вы легко поймете, почему я не мог писать, особенно Вам, если скажу, что в течение полутора лет меня питала надежда, что он тоже сумеет повторить Вашу судьбу. Ведь он прошел через ту же операцию, что и Вы, однако не смог избежать рецидива. Мы похоронили его 22 января и в тот же вечер получили тревожную телеграмму от нашего зятя Хальберштадта из Гамбурга. Моя дочь София, 26 лет от роду, мать двоих мальчиков, заболела гриппом, а 25 января умерла, всего через четыре дня после начала болезни. В то время железная дорога была блокирована, и мы не смогли даже приехать туда. Теперь моя совершенно убитая горем жена все же пытается предпринять такую поездку, однако новые беспорядки в Германии вряд ли позволят ей осуществить это намерение. С того времени произошедшее тяжким грузом давит на всех нас; моя работоспособность также пострадала. Никто из нас не в состоянии смириться с тем чудовищным фактом, что ребенок умирает раньше своих родителей. Следующим летом мы хотим где-нибудь побыть вместе с двумя сиротами и безутешным вдовцом, который семь лет был уже нам как сын. Если бы это оказалось возможным! Вы понимаете, что есть и другие трудности. У меня много работы, но нет иного способа избежать недостатка денег».

В письмах от 26 января 1920 г. и 8 февраля 1920 г., адресованных Джонсу, также упоминаются обе эти смерти. В первом письме Фрейд писал:

«Бедный (или же счастливый) Тони Фройнд был похоронен в прошлый четверг, 22-го числа этого месяца. Очень огорчен известием о том, что теперь на очереди Ваш отец [отец Джонса в

то время умирал], но нам всем придется умереть, и я хотел бы знать, когда наступит мой черед. Вчера я пережил нечто такое, что заставляет меня желать, чтобы он не заставил себя долго ждать.

[Во втором:] Вам известно о беде, которая на меня обрушилась. Произошедшее крайне угнетает меня... Вполне возможно, что теперь мои мысли существенно потеряют в оригинальности и выразительности. Почему нет? С течением времени всякого ожидает неизбежное угасание, а я уже совершил все, на что был способен, возможно, даже не без успеха. Однако Ваши достижения и достижения других моих друзей меня по-прежнему радуют, словно это мои собственные достижения» [неопубликованное письмо, написанное в Англии].

Фрейд пытался восстановить душевное равновесие. Это давалось ему крайне тяжело, что становится понятно из его писем к Ференци и Эйтингтону, где встречаются такие выражения, как *«сеанс продлжается»*, *«тупая необходимость»*, *«молчаливая покорность»* [курсив мой. — М. Ш.]. Прочие письма также дают представление о его попытках вернуть утраченное после смерти Софии мироощущение. 27 января 1920 г. Фрейд писал Пфистеру:

«В тот же день мы получили вести из Гамбурга о нашей дорогой Софии, которую за четыре дня унесла пневмония, отняв ее — заботливую мать и любимую жену — у нас так внезапно, словно ее никогда и не было. Мы переживали за нее два дня, но надежда все-таки оставалась. Издалека так трудно судить. *Отдаленность сохраняется*. Мы не смогли сразу же отправиться к ней после получения первых же тревожных новостей, поскольку не было ни единого поезда, даже детского¹. *Неприкрытое варварство нашего времени тяжело давит на нас*. Наше бедное «воскресное дитяtko» будет кремировано завтра. Только послезавтра благодаря непредвиденному стечению обстоятельств наша дочь Матильда с ее мужем смогут отправиться в Гамбург специальным поездом. По крайней мере, наш зять будет не одинок. Двое прибывших из Берлина наших сыновей уже с ним, как и наш друг Эйтингтон.

София оставила после себя двух мальчиков, одному из которых шесть лет, а другому — тринадцать месяцев, и безутешного мужа, который дорого заплатил за семь лет счастья. Их счастье было трудным внешне, поскольку на войне он был ранен и совершенно разорился, однако они оставались бодрыми и жизнерадостными.

¹ Силами Международной ассоциации помощи детям из голодающей Австрии детей отправляли за границу.

Я работаю так много, как могу, и признателен за то, что могу отвлечься таким образом от тяжких мыслей. Потеря ребенка представляется смертельным ударом по парциссизму, а за этим несомненно придет печаль» [курсив добавлен. — М. Ш.].

4 февраля 1920 г. он писал к Ференци:

«Дорогой друг.

Пожалуйста, не тревожьтесь за меня. Я такой же, как и прежде, если не считать чуть большей усталости. Это ужасное событие, несмотря на всю его тяжесть, не смогло изменить моего отношения к жизни. Годами я был готов потерять своих сыновей, теперь подошел черед моей дочери. Так как я совершенно неверующий, то мне некого винить и не к кому возносить свои жалобы. «Размеренный порядок на ученых»¹ и «прекрасная, радостная привычка жить и действовать»² позаботятся о том, чтобы все шло как и раньше. Внутри я ощущаю глубокую рану, которой не суждено зажить».

Через несколько месяцев после смерти Софии и Антона фон Фройнда Фрейду, очевидно, удалось восстановить душевное равновесие. 27 мая 1920 г. он писал Эйтингтону:

«Сейчас я корректирую и заканчиваю «По ту сторону» и вновь нахожусь на подъеме. «Если небеса рухнут, руины уже никого не устрашат»³. Как и всегда, все [дело] исключительно в настрое».

В начале этой главы я обсуждал предвестники появления труда «По ту сторону принципа удовольствия». Послевоеенная Вена являла собой печальное зрелище, и для Фрейда, тревожившегося за своих сыновей и вынужденного быть свидетелем мучительного умирания своего друга-пациента и его смерти, за которой через несколько дней последовала и смерть дочери Софии, оно было особенно тягостным.

Следует также иметь в виду, что, несмотря на то что Фрейду удавалось вновь и вновь восстанавливать силы, он был сильно истощен долгими годами невероятной творческой активности. Он миновал свой второй «фатальный рубеж» и временами ощущал себя глубоким стариком (ср. его письмо к Ференци от 16 декабря 1917 г., в котором он подмечал: «На самом деле нет ничего странного для человека моих лет в том, чтобы замечать постепенное неизбежное угасание личности»).

¹ Цитата из «Пикколомини» Шиллера.

² Цитата из «Эгмонта» Гёте.

³ Несколько видоизмененная цитата из «Од» Горация: «Если небеса рухнут, руины уже не устрашат».

В «По ту сторону принципа удовольствия» есть строки, которые могли бы считаться признаком того, что формулировка концепции влечения к смерти выполняла важную функцию в противостоянии Фрейда проблеме смерти:

«Возможно, мы уверовали [в то, что все живое умирает от внутренних причин], поскольку в этой мысли таится некоторое утешение. Если уж нам суждено умереть и перед тем потерять своих любимых, то легче подчиниться неумолимому закону природы, величественной Ананке [судьбе], чем случайности, которой можно было бы избежать. Но может быть, эта вера во внутреннюю закономерность смерти тоже лишь иллюзия, которую мы создаем, чтобы «переносить тяжесть бытия»¹.

Здесь Фрейд повторил идеи, которые ранее выразил в «Мыслях о времени войны и смерти» и «Тотеме и табу». Могло ли быть нечто большее, чем просто *утешение*, в том, что Фрейд называл верой (Glaube) — слово, которое он редко использовал в своих трудах? Наиболее сильной потребностью Фрейда как ученого была жажда знания. Возможно ли, что открытие «влечения к смерти» помогло Фрейду *жить*, не закрывая глаза на реальность смерти, особенно при дополнительной поддержке со стороны одновременно *созданного* Эроса, которого Фрейд считал «всемогущим»?

В этой связи мы можем вспомнить статью Фрейда «Мотив трех шкатулок», а именно тему мойр, «неумолимо» присматривающих за «строгим порядком вещей в природе». Фрейд утверждал в то время, что люди только тогда начинают понимать всю серьезность естественных законов, когда им приходится убедиться в ней на собственном опыте, и что они пытаются превозмочь смерть, постигая ее разумом (см. главу 10).

Следовательно, как ни парадоксально это звучит, именно формулирование влечения к смерти помогло Фрейду не только закалить свою волю перед лицом грядущей суровой и долгой борьбы с раком, но и помочь ему поверить в превосходство «Я», разума — единственной силы, которую он мог бы противопоставить судьбе². Так был открыт путь к созданию «Будущего одной иллюзии» и формулированию «научного мировоззрения». 6 апреля 1922 г. Фрейд писал Пфистеру:

¹ Цитата из «Мессинской невесты» Шиллера.

² В своей работе от 1966 г. Фридман самостоятельно пришел к выводу, что этот отрывок может иметь очень существенное значение в плане указания на то унастроение Фрейда, которое было ему присуще во время, когда создавалась эта книга.

«Совершенная объективность требуется человеку, который пережил даже еще меньше радостей, чем Вы; Вы настаиваете на существовании в этом определенной назидательности. Несомненно, только в таком солидном возрасте можно обратиться к непреклонной вечной паре Разум-Судьба».

Такое «обращение» может быть только мучительным и постепенным процессом. Мы можем, таким образом, перефразировать высказывание Фрейда от 1913 г., уточнив, что, постигая смерть разумом, человек может надеяться победить не саму *смерть*, но свой *страх* перед ней.

«ЖУТКОЕ»

В своих письмах Фрейд упоминал, что написал эссе «Жуткое» еще перед началом работы над «По ту сторону принципа удовольствия». Идея о «навязчивом повторении» как о силе достаточно мощной, чтобы победить принцип удовольствия, впервые была представлена именно здесь. В содержании этого эссе есть некоторые особенные моменты, которые могли повлиять на фрейдовскую концепцию влечения к смерти и навязчивого повторения¹.

Слово «демонический», которое Фрейд использовал, приводя примеры, иллюстрировавшие его формулировки, появилось уже в начале этой статьи, заняв в ней центральное место. В языковедческом разделе своей работы Фрейд отмечал, что при переводе с немецкого на английский наиболее подходящим аналогом немецкого слова «unheimlich» здесь следует считать английское «uncanny» (жуткий). При этом слово «жуткий» в семитских языках имеет и еще одно значение — «демонический».

Фрейд назвал свою работу «эстетическим» исследованием, имея в виду эстетику не как учение о прекрасном, а как учение о наших чувствах, одним из которых и является чувство ужасного. В качестве отправной точки своего повествования он взял различные литературные произведения (в «По ту сторону принципа удовольствия» он обращался к этим произведениям только для дополнительного подкрепления своих теорий). Э.Т.А. Гофман — известный мастер рассказов о фантастическом и сверхъестественном. Фрейд выбрал его повеллу «Песочный человек» как пример жуткого. Он указал, что чувство жути вызывается у читателя особым художественным приемом, заставляющим его какое-то время сомневаться, заслуживает ли все «происходящее» доверия или же это

¹ Мы конечно же не знаем: не добавил ли Фрейд некоторые фрагменты в окончательный вариант этой статьи уже *после* того, как закончил первый набросок «По ту сторону принципа удовольствия».

просто сказки. Затем Фрейд разобрал чувство жуткого в пескольных мотивах этого произведения.

Он обратился к таинственной истории, в которой ранние детские (прикрывающие) воспоминания ее главного героя переплетаются со сценami, ставшими продуктом фантазий или искаженного восприятия, в том числе и с явными угрозами кастрации, смещенными на угрозы лишения глаз и рук, и в конечном итоге самой жизни.

Еще один мотив связан с расщеплением «образа отца». В результате одна «часть» этого образа наделяется положительными качествами (отец-защитник). Вторая предстает как злобная, кошмарная, угрожающая кастрацией и препятствующая любви главного героя повеллы фигура «песочного человека», который и становится, в конце концов, виновником его смерти. Сверх того — и Фрейд это не подчеркнул, — «песочный человек» не только приносит смерть, но и олицетворяет собой «демоническую» силу смерти, побуждающую свою жертву к самоуничтожению, что и произошло вскоре после того, как главный герой едва не убил свою возлюбленную. Так смерть — Танатос — разрушает и убивает любовь.

Далее Фрейд представил прочие элементы жуткого в творчестве Гофмана, в частности в книге «Эликсир Сатаны» [Die Elixiere des Teufels]. Из этой «дьявольской» истории он выделил такие мотивы, которые, как страх кастрации в «Песочном человеке», также могут быть связаны с детскими впечатлениями. Фрейд говорил:

«Все эти мотивы имеют отношение к феномену «двойников» <...> Так, мы можем наблюдать персонажей, которые из-за практически одинаковой внешности могут считаться идентичными. Это тождество подчеркивается тем, что те или иные душевные процессы переходят от одного такого лица к другому — мы бы назвали это телепатией¹, — так что один начинает обладать всеми знаниями, чувствами и переживаниями другого. Или... субъект иденти-

¹ Непредубежденное отношение Фрейда к телепатии имеет некоторую связь с его предрассудком о возможной смерти в «критические» даты. В третьем томе биографии Джонс посвятил целую главу представлениям Фрейда на этот счет. Мы помним, как Фрейд перенял некоторые положения «числовых игр» Флисса и как после разрыва дружеских отношений между ними эти идеи превратились в навязчивое суеверие. Я полагаю, что в качестве основной причины здесь следует рассматривать механизм идентификации, которая усугублялась тяжелым настроением Фрейда. И Юнг, и Ференци интересовались оккультными явлениями и пытались убедить Фрейда в их существовании. К идеям оккультизма Фрейд относился с куда большим скепсисом, чем к постулатам Флисса, однако даже в этой специфической сфере он старался проявлять непредвзятость. После разрыва с Юнгом подобная идентификация с утраченным объектом могла поддерживать у него какой-то интерес к подобным явлениям, хотя, как он признавался в статье «Сны и телепатия», всякий раз, когда у него возникал соблазн принять «телепатический» фактор, ему очень скоро приходилось отказываться от такого замысла.

финирует себя с другим лицом, в результате чего начинает сомневаться в том, кто он, или подставляет на свое место чужое «Я». Иными словами, в сфере «Я» наблюдается двоение, деление и перестановка. И наконец, имеет место *постоянное возвращение одного и того же*, повторение черт внешности, характеров, судеб, преступных деяний, даже имен на прогяжении нескольких поколений, следующих друг за другом» [курсив добавлен. — М. Ш.].

В «По ту сторону принципа удовольствия» при обсуждении «невроза судьбы» Фрейд использовал ту же самую фразу, которая здесь выделена курсивом. Похоже, что она, как утверждал Стрейчи, была взята из книги Ницше «Так говорил Заратустра». Затем Фрейд обсудил феномен двойников, опираясь на одноименное исследование Отто Ранка «Двойник» (1914). Этот феномен берет начало от первых наблюдений человека за своими зеркальными отражениями и тенью, исходит от веры в духа-хранителя и в существование души, обнаруживается в страхе смерти. Двойник, вначале служивший гарантом бессмертия, что, к примеру, побуждало египтян увековечивать изображения усопшего, затем часто стал выступать в роли зловещего предвестника смерти. Так двойник превратился «в пугало, подобно тому, как боги после низвержения старой религии превратились в демонов».

Предполагая появление вопроса о том, почему же постоянное возвращение одного и того же следует рассматривать как источник ужаса, Фрейд предложил рассмотреть два дополнительных примера, описывающие случаи, когда человек терялся в тумане или темном лесу и блуждал по кругу, приходя снова и снова на одно и то же место.

«По моим наблюдениям, такое повторение несомненно... вызывает чувство жутки, которое, сверх того, напоминает нам чувство беспомощности в некоторых сновидениях. Однажды жарким летним днем я блуждал по незнакомым мне улицам одного маленького итальянского городка и вдруг очутился в квартале, в характере которого мне недолго пришлось сомневаться. Здесь можно было видеть одних лишь размазанных женщин у окон маленьких домишек. Я поспешил покинуть эту узкую улочку, свернув у ближайшего поворота. Но после того как я бесцельно прослоснялся еще какое-то время, я вдруг обнаружил, что снова оказался на той же улице, где на сей раз стал привлекать к себе внимание. Мое поспешное отступление имело следствием лишь то, что, пройдя каким-то новым окольным путем, я вновь попал туда же. Тут меня охватило такое чувство, которое я могу назвать бесконечным ужасом, и как же я обрадовался, когда, отказавшись от дальнейших попыток выбраться оттуда, я вскоре нашел площадь, через которую незадолго до того проходил».

Второй пример был приведен без указания на личный опыт Фрейда. Он уже знаком нам по обсуждению его поездки в Грецию из письма к Юнгу от 16 апреля 1909 г. Фрейд писал:

«И в переживаниях другого порядка мы также без труда признаем, что именно момент непреднамеренного повторения делает пугающим то, что в иных обстоятельствах показалось бы совершенно безобидным, и навязывает нам мысль о роковой неизбежности там, где в другой ситуации мы бы сказали лишь о каком-то «случае». Так, например, мы определенно не придаем никакого значения, если за сдающую в гардероб одежду получаем номерок с тем или иным числом — скажем, 62 — или если обнаруживаем, что наша каюта на корабле значится под тем же номером. Но впечатление это меняется, когда два таких события сближаются во времени, так что число 62 встречается нам несколько раз в день. Если мы после этого и вовсе начинаем замечать, что решительно все, на чем проставлены какие-то цифры — адреса, гостиничные номера, железнодорожные вагоны и т. п., — вновь и вновь показывает нам то же самое число, хотя бы в качестве составной части, то уже находим это «зловещим». Тот, кто уязвим для соблазнов суеверия, обнаружит в себе склонность приписать этому упрямому возвращению одного и того же числа какое-то тайное значение — усмотреть в этом, возможно, указание на отмеренный ему срок жизни».

Смысл этого примера очевиден. Не прошло и года после преодоления 62-летнего «судьбоносного рубежа», как Фрейд сел за написание этой работы.

В следующем абзаце Фрейд прямо связал эти эпизоды и их истоки с ключевыми формулировками «По ту сторону принципа удовольствия», сообщив:

«О том, каким образом навязчивое возвращение выводится из душевной жизни ребенка, я могу здесь лишь намекнуть и должен отослать читателя к детальному изложению этого вопроса в готовой к изданию работе [«По ту сторону принципа удовольствия»]. А именно в душевном бессознательном дает распознать себя господство исходящего от инстинктивных импульсов навязчивого повторения, которое, возможно, зависит от сокровеннейшей природы самих инстинктов и является достаточно сильным, чтобы поставить себя над принципом удовольствия, наделяет известные стороны душевной жизни демоническим характером. Оно очень отчетливо проявляется в стремлениях маленького ребенка и господствует над отрезком пути, проходимого психоанализом невротика. Эти рассуждения подготовили нас к тому, что жутким будет ощущаться все то, что может напомнить нам об этом навязчивом повторении».

Однако чувство ужаса от бесконечного повторения чего-либо было знакомо Фрейду не только по произведениям Гофмана. Нам известно по крайней мере о двух случаях, когда он встречал своих «двойников». Джонс упоминал, как во время поездки в Неаполь Фрейд увидел в поезде человека, который показался ему невероятно похожим на него самого, и спросил своего брата Александра: «Означает ли это «увидеть Неаполь и умереть»?».

Письмо, посланное Артуру Шницлеру¹, известному австрийскому писателю и драматургу, по случаю его 60-летия, еще более важно в этом контексте как по причине его содержания, так и на основании того, что оно было написано 14 мая 1922 г.² Фрейд писал:

«Я хочу сделать одно признание, которое попросил бы Вас сохранить в секрете, не рассказывая о нем ни друзьям, ни посторонним. Все эти годы меня мучил вопрос, почему я никогда не пытался завязать знакомство с Вами и не предпринимал попыток с Вами пообщаться (принимая во внимание то, что, возможно, Вы и сами бы не приветствовали эти попытки).

Ответ на него затрагивает самое сокровенное. Я полагаю, что подобное поведение с моей стороны было вызвано опасением познакомиться моего двойника. Это совсем не означает, что я склонен легко отождествлять себя с другими людьми, или то, что я упустил из виду тот факт, что Ваш выдающийся талант не позволяет мне надеяться на возможность сравнивать себя с Вами. Но всякий раз, когда я погружаюсь в мир Ваших прекрасных творений, я неизменно нахожу в их основе нечто чрезвычайно близкое мне самому. Ваш детерминизм и скептицизм, который люди считают пессимизмом, Ваша увлеченность сферой бессознательного и значением инстинктивных влечений в человеческой жизни, Ваш анализ культурных традиций нашего общества, Ваша сосредоточенность на таких противоположностях нашей жизни, как любовь и смерть, — все это создало у меня *жуткое* [курсив мой. — М. Ш.] впечатление крайнего сходства. (В маленькой книге, озаглавленной «По ту сторону принципа удовольствия», опубликованной в 1920 г., я пытался представить Эрос и влечение к смерти в виде двух главнейших сил, взаимодействие которых определяет все загадки нашего бытия.)».

¹ Шницлер обладал большими познаниями в области медицины, а его брат Юлиус был выдающимся хирургом и другом семьи Фрейда. Нередко, навещая Фрейдов, Юлиус часто составлял хозяину дома пару в субботних карточных играх.

² Тот факт, что Шницлер родился в том же месяце, что и Фрейд, мог усилить у последнего ощущение их сходства.

Здесь мы видим прямую связь между собственными ощущениями Фрейда от встречи со своим «двойником» и двумя эссе: «Жуткое» и «По ту сторону принципа удовольствия».

В предыдущем абзаце этого письма Фрейд писал еще об одном источнике чувства жути — элементе «всемогущества мыслей»¹.

«Если бы у меня еще оставались хоть какие-то остатки веры во «всемогущество мыслей», то я бы не колебался, отправляя Вам сегодня самые теплые и самые сердечные пожелания. Столь же своеобразно и, пожалуй, глупо я поздравил в свое время бесчисленное множество Ваших знакомых, которые почтили Вас в этот радостный день 15 мая».

В эссе «Жуткое» Фрейд ссыался на примеры из анализа пациентов, страдавших от невроза навязчивости (прежде всего, он воспользовался материалами случая человека-крысы). Общим знаменателем всех этих примеров являлось то, что они отражали «возвращение вытесненного»; страшное есть нечто такое, что «должно было оставаться потаенным, но вышло на поверхность» (1919). Согласно Фрейду, наиболее пугающим людям представляется все, связанное со смертью и мертвецами.

«Собственно, мы могли бы начать свое исследование именно с этого, может быть, самого сильного примера жути. Но мы не сделали этого, потому что зловещее здесь слишком близко к исключительно ужасающему... Однако едва ли в какой-то иной области наши мысли и чувства с первобытных времен изменились настолько же мало, а старое, прикрытое лишь тонким покровом, осталось в столь же хорошей сохранности, как в нашем отношении к смерти. Хорошее объяснение этому дают следующие два

¹ Фрейд очень часто упоминал в поздравительных письмах, что не верит во «всемогущество мыслей». Аналогичным образом он поступил и на страницах письма ко мне, написанного в 1930 г. по случаю моей свадьбы:

«Берлин-Тегель, 28 июня 1930 г.

Дорогой доктор Шур.

Меня не будет в Вене, когда Вы будете венчаться, потому пишу Вам сегодня, за несколько дней до этого события, чтобы пожелать Вам всех благ, которые Вы вправе ожидать от вашей совместной жизни. Помня о редкой доброте и добропорядочности, с которой Вы заботились о моих бренных останках, как бы я хотел наделить мои пожелания силой, заставляющей их сбыться. Едва ли сейчас подходящий случай обременять Вас медицинскими отчетами. Я лишь хотел сказать, что не могу забыть, как часто Ваши диагнозы по отношению ко мне доказывали свою правоту, а потому, несмотря ни на что, остаюсь Вашим покорным пациентом.

С теплыми воспоминаниями,

Искренне Ваш,

Фрейд».

момента: сила наших изначальных эмоциональных реакций и неопределенность нашего научного знания. Наша биология еще не смогла решить, является ли смерть неизбежной судьбой всякого живого существа или всего лишь часто повторяющимся, но не обязательным случаем. Хотя положение «все люди смертны» фигурирует во всех учебниках как образец всеобщего утверждения, оно не может убедить ни одного человека. В нашем бессознательном сейчас, как и в древности, так же мало места для представления о собственной конечности. Религии все еще продолжают, признавая факт неизбежной смерти, оспаривать его значение и провозглашают существование жизни и после нашей гибели... Объявления, расклеенные на тумбах в наших больших городах, приглашают нас на лекции, которые обещают научить нас, как вступить в общение с душами умерших; и... немало... лучших умов среди ученых, особенно к концу своей жизни, высказывали суждение, что возможности для подобного общения существуют. Поскольку почти все мы в этом пункте мыслим как дикари, не следует удивляться и тому, что в нас так силен первобытный страх перед мертвыми, готовый вырваться наружу, как только ему предоставят такую возможность... Что касается неизменности установки по отношению к смерти, мы бы могли... задаться вопросом о том, что случилось с вытеснением, этим необходимым условием, требующимся для того, чтобы первобытное могло возвратиться как нечто страшное. Но ведь оно и остается. Люди, считающие себя образованными, уже не верят в то, что можно увидеть души умерших; и их эмоциональное отношение к смерти, изначально в высшей степени двойственное, теперь перешло в отношение обязательной глубокой почтительности».

Между тем в начале этого эссе Фрейд утверждал:

«Автору этой новой попытки приходится признать свою особенную черствость в данном вопросе — именно там, где уместнее была бы большая чуткость. Давно уже не переживал и не узнавал он ничего такого, что внушило бы ему впечатление жути: ему приходится сперва погрузиться в это чувство, чтобы пробудить в себе его».

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЖЕЛАНИЯ СМЕРТИ И ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ

В свете сопутствующих примеров подобное утверждение указывает на то, что это исследование также являлось частью непрекращавшейся борьбы Фрейда за обретение превосходства над пугаю-

щими явлениями, особенно теми, которые были связаны с проблемой смерти.

Мы видели в эссе «Жуткое», как Фрейд соотносил предрассудок о своей смерти, которую он ждал в возрасте 62 лет, с принуждением к повторению и возникающим в результате «демоническим» эффектом. Ранее обсуждая этот симптом, как он был представлен в письме Фрейда к Юнгу от 16 апреля 1909 г., я показал, в какой мере этот навязчивый предрассудок представлял собой комплексное компромиссное образование. Он был связан с крайне двойственным отношением Фрейда к Флиссу. Такое отношение он представил в «По ту сторону принципа удовольствия», когда говорил о явлении перенесения. Также он был связан со сновидениями об инъекции Ирме и «*non vixit*» и стоявшими за ними впечатлениями дня, проясненными благодаря материалам переписки с Флиссом. Те, в свою очередь, восходили к его детским конфликтам, обусловленным смертью младшего брата Юлиуса. Я показывал, что Фрейд сам связывал свои конфликты, сопряженные с именем Флисса, с детскими переживаниями в своем анализе мюнхенского обморока, произошедшего с ним в 1912 г.

Однако имеются и другие факты, относящиеся к детскому соперничеству Фрейда. В 1917 г. Фрейд написал статью «Детские воспоминания из «Поэзии и правды» (название автобиографии Гёте), где истолковал воспоминания Гёте о раннем детстве, в частности «озорную выходку, когда тот переколотил солидную часть семейного сервиза», как прикрывающее воспоминание о детском соперничестве Гёте. Фрейд никогда не говорил о какой бы то ни было автобиографической значимости этой статьи. Однако наличие здесь такого аспекта сомнений не вызывает, и я уверен, что Фрейд полностью это сознавал.

Гёте родился 28 августа 1749 г., его сестра Корнелия — примерно через пятнадцать месяцев (приблизительно такая же разница была между Фрейдом и Юлиусом). Следующие четверо детей в семье Гёте умерли в детстве. Брат Гёте родился, когда ему было три года, а умер, когда Гёте исполнилось девять с половиной лет. Из биографических сведений, предоставленных Беттиной Брентано, Фрейд ссылаясь на тот факт, что Гёте «не проливал слез из-за смерти своего младшего брата». В статье Фрейда мы находим следующий фрагмент:

«Самая старшая из младших сестер Гёте, Корнелия Фредерика Кристиана, родилась 7 декабря 1750 г., когда ему было 15 месяцев. Такая незначительная разница в возрасте практически исключает возможность того, что она могла стать для него объектом ревности. Известно, что дети никогда не проявляют особой ревности к тем братьям и сестрам, с существованием которых они, по пробуждении страстей, сталкиваются уже как со свершившим-

ся фактом, а направляют свою враждебность на «новичков». Значит, конфликт ревности отсутствовал и в случае с Гёте, который был слишком мал к моменту рождения Корнелии».

Фрейд был старшим ребенком в семье, родившимся от третьей жены отца, Амалии. Следом родился Юлиус, умерший в возрасте восьми месяцев, потом Анна, родившаяся 31 декабря 1858 г., когда Фрейду было около двух лет и восьми месяцев. Беременность матери и события, относящиеся ко времени рождения Анны, оказались в центре внимания его наиболее искусной реконструкции времен самоанализа, о которой мы узнали из его переписки с Флиссом, «Толкования сновидений» и «Психопатологии обыденной жизни». Как и Гёте, Фрейд проявил к «новичкам» величайшую враждебность. Анна так и осталась самой нелюбимой из сестер Фрейда¹.

Таким образом, вполне вероятно, что воспоминания Фрейда о ревности в отношении Юлиуса и чувстве вины, которые он испытывал в связи с его смертью, представляют собой обратное смещение его ревности к Анне. Такое смещение могло быть усилено его конфликтами с Флиссом, который родился 24 октября 1858 г., то есть примерно на два месяца раньше Анны.

Если не считать Юлиуса, то Фрейд, как и Гёте, был седьмым ребенком в семье. Автобиографический аспект статьи Фрейда о Гёте становится еще более очевиден из следующего отрывка:

«Я, однако, уже где-то говорил, что если ребенок, вне сомнения, любимец своей матери, то он на всю жизнь сохраняет о себе высокое мнение и уверенность в успехе, которая нередко влечет за собой и успех в жизни. Гёте также имел основания выделить эту мысль в своей автобиографии: «Мои силы имеют источник в отношении ко мне моей матери».

Это утверждение, несомненно, относится в той же степени и к самому Фрейду.

Из письма к Юнгу нам известно, что навязчивое суеверие Фрейда особенно обострилось в период резких нападков на него со стороны Флисса, обвинявшего его в неосмотрительности и плагиате. Обвинение в неосмотрительности фигурировало и в сновидении об инъекции Ирме, равно как и во сне «non vixit», и имело основания в детском «наговаривании» Фрейдом на своего племянника. Это же письмо к Юнгу также содержало первые намеки на грядущий разрыв отношений с ним. В последующие годы это суеверие обострялось только в пору вхождения

¹ Анна Бернейс умерла в Нью-Йорке в возрасте 97 лет. Все другие сестры Фрейда погибли в концентрационных лагерях от рук нацистов.

в «критические» периоды или, как то было во время войны, под влиянием тяжелого стресса.

Используя фрейдовский способ объяснения навязчивых суеверий, я указывал, что за суеверием Фрейда стояло желание смерти, проистекавшее из агрессии, направленной на самого себя. Его суеверие означало, что поскольку он как бы хотел смерти Флису, Фляйшлю, своему отцу, брату Юлиусу, сестре Анне и прочим, кого он якобы ненавидел, то должен умереть сам. Выражаясь иначе, он желал смерти не всем этим людям, а самому себе. В этой связи можно вспомнить слова, которые, согласно воспоминаниям Джонса, Фрейд произнес, очнувшись от своего обморока, который произошел в 1912 г.: «Как, должно быть, сладко быть мертвым». Многие из нас, ощущая временами отчаяние или крайнюю душевную усталость, страдание или горе, осознанно или неосознанно желали знать, когда же всему этому наступит конец. В годы войны, когда сыновья Фрейда подвергались смертельной опасности на фронте или позже, когда умирал его молодой друг фон Фройнд, он порой давал волю своему пессимизму, выливавшемуся на страницы его писем. Возможно, тогда Фрейд задавался вопросом: «Как долго еще я должен нести этот крест?» Это были временные моменты. Уже в следующем письме психическая гибкость Фрейда, его желание жить вновь напоминали о себе. Этой способности хватило еще на двадцать лет, шестнадцать из которых были отмечены тяжелыми страданиями и невзгодами.

Почему бы тогда не считать, что стоявшее за суеверием Фрейда неоднократное желание смерти совпадало с его желанием «сладкого покоя» и что он должен был воспринимать такое желание смерти как «демоническое»? Фрейд полагал, что «желания» могут быть связаны с инстинктивными влечениями. Не логично ли было бы тогда попытаться проследить связь желания смерти с неким инстинктивным влечением, которое оказывается сильнее прочих? Разве не столь же «логично» при известных обстоятельствах взамен утверждения, что «смерть есть нечто демоническое, пугающее», подставить теорию о существовании некоего влечения к смерти, стремящегося вернуть живое в состояние небытия? И не «логично»¹ ли было бы противопоставить этой «демонической» силе Эрос, как это сделал Фрейд в «По ту сторону принципа удовольствия», или Разум, как он считал позднее. Другими словами, использовать для этого силы, с помощью которых мы могли бы попытаться ослабить «иррациональную» силу «Оно»?

Формулировки Фрейда, относящиеся к влечению к смерти и навязчивому повторению, были отчасти вызваны его неизменным стремлением «проработать» свои навязчивые суеверия и со-

¹ Во всех этих случаях я имею в виду логику бессознательного.

владать с проблемой смерти, рассматривая ее как проблему научную. Если дело обстоит именно так, тогда мы вполне можем понять порок рассуждений Фрейда, заставивший его прийти к этой своей концепции. «Логика» бессознательных конфликтов вполне может найти свое выражение в произведении искусства, что очевидно из многих отрывков «По ту сторону удовольствия», однако она несовместима с «взвешенной» логикой научного исследования.

ПОСТСКРИПТУМ

С окончанием «По ту сторону принципа удовольствия» летом 1920 г. Фрейд смог направить свое внимание на другие проблемы. Тогда же он закончил набросок «Психологии масс и анализа человеческого я», второй главной работой того периода.

В мае 1921 г. Фрейду должно было исполниться 65 лет. К этому празднованию тоже приходилось готовиться. В марте 1921 г. Фрейда беспокоили некоторые симптомы со стороны сердца, которые он всегда переживал достаточно болезненно. В сочетании с приближающимся 65-летием и спадом, наметившимся в его творчестве по окончании «Психологии масс и анализа человеческого я», это способствовало появлению у него депрессии, продолжавшейся, впрочем, недолго. Два последовавших письма к Эйтингтону отражают всплеск его пессимизма и ироническое отношение к своей персоне. 27 марта 1921 г. Фрейд писал:

«За «По ту сторону» я порядком наказан. Эта работа оказалась очень популярна и обеспечила меня массой писем и высокими оценками. Должно быть, я написал там нечто очень глупое».

29 марта он писал:

«Ввиду сложностей с оценкой моего физического состояния определенно не знаю, следует ли мне сейчас призвать своих друзей по комитету привыкать к мысли о том, что им придется продолжать работать без меня. Сейчас это произойдет или немногим позже — лишь вопрос времени».

Через два дня после своего 65-летия Фрейд писал Ференци:

«13 марта этого года я довольно неожиданно сделал шаг к настоящей старости. С тех пор мысль о смерти не покидает меня. Иногда мне кажется, что семь моих внутренних органов борются за честь свести меня в могилу».

Эти письма, особенно последнее из них, характеризуют отношение Фрейда к проблеме старости и смерти, отражая суть его периодических депрессий. Я внимательно изучил переписку этого периода и даже прибег к помощи Анны Фрейд, чтобы раздобыть подлинники писем. Внезапно я понял, что Фрейд с самоиронией, часто оказывавшей и лечебный эффект, просто перепарафразировал греческую цитату: «Семь городов претендуют на честь считаться местом рождения Гомера: Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Тиос, Аргос, Афины». Это выражение перешло в разряд крылатых и часто использовалось образованными современниками Фрейда. Его письма и работы полны таких цитат.

Письмо к Ференци продолжалось:

«Для этого [то есть для шага к настоящей старости] не было какого-либо подходящего повода, кроме того, что Оливер распрощался с нами, уехав в Румынию. Все же я не поддался ипохондрии и смотрю на нее абсолютно спокойно, что соответствует, пожалуй, характеру моего отношения к моим умствованиям из «По ту сторону принципа удовольствия».

Если «По ту сторону принципа удовольствия» считать попыткой Фрейда «проработать» свои навязчивые суеверия и разобраться с проблемой смерти, то это письмо свидетельствует, что «терапия» удалась. Лишь слабый намек на суеверие может быть замечен в мыслях о смерти, появившихся после мартовского отъезда сына. Но при этом мы можем ясно видеть всю меру беспристрастной отстраненности, с какой Фрейд отнесся к этим мыслям. Эта отстраненность распространилась и на его «умствование» из «По ту сторону принципа удовольствия».

Часть третья

*Болезнь
и смерть*

Глава 13

1923: ОПЕРАЦИЯ ПО УДАЛЕНИЮ РАКОВОЙ ОПУХОЛИ

Вторую половину 1922 г. Фрейд посвятил главной работе, в рамках которой пытался осмыслить новую теорию о трех «областях» психики: «Оно», «Я» и «Сверх-Я» и объединить ее с теорией инстинктивных влечений, сформулированной в «По ту сторону принципа удовольствия». Также он пытался сформулировать в метapsихологических терминах свои взгляды на значение страха смерти. Книга была опубликована в апреле 1923 г., роковым для Фрейда месяце, когда у него обнаружили рак.

Предшествовавшие первой операции события, сама операция и все произошедшее в последующие месяцы были детально описаны Э. Джонсом, Ф. Дойчем и особенно Г. Пихлером, который в 1923—1938 гг. вел записи, отражавшие ход лечения Фрейда. Во время наших первых встреч Фрейд сам рассказывал о тех событиях. Многие его письма служат важным источником дополнительной информации.

Сверх того, многие аспекты тех трагических месяцев стали понятнее мне в свете впечатлений, приобретенных в годы, когда Фрейд находился под моим наблюдением (1928—1939 гг.). Позже я смог разобраться во всем еще глубже благодаря изучению переписки с Флиссом, о которой тогда, к сожалению, мне было ничего не известно.

Я попытаюсь обобщить факты из всех доступных источников информации. И если эта попытка покажется недостаточно беспристрастной и объективной, то это обусловлено спецификой имеющих фактов, а не эмоциями, которые они во мне пробудили.

Известно, что Фрейд был не только заядлым курильщиком сигар, но, по его собственному признанию, зависел от никотина или, по крайней мере, от сигарного дыма. Он понимал опасность этого, но мог некоторое время воздерживаться от курения, лишь когда сильнее всего страдал от сердечной болезни. Он знал и то, что имеет определенную склонность к лейкоплакии, которая час-

то возникает у привычных курильщиков, однако перспектива навсегда отказаться от табака его страшила. Вопреки тому, что говорит Дойч, Фрейд более всего опасался своих сердечных симптомов — временами даже отказываясь из-за их усиления от сигар, — чем всех прочих болезненных состояний. Я уже упоминал о ситуации ноября 1917 г., когда, истощив свои запасы сигар, Фрейд внезапно обнаружил у себя странную болячку на нёбе и сообщил Ференци, что она заставила его поволноваться. Потом, когда он вновь получил возможность курить, она пропала.

25 апреля 1923 г. Фрейд писал Джонсу:

«Два месяца тому назад я обнаружил нарост на моей челюсти и правой стороне нёба, который мне удалили 20-го. Я еще не работаю и не могу глотать. Меня уверили в доброкачественной форме этой опухоли, но, как Вы знаете, никто не может гарантировать, как она поведет себя, когда сможет расти далее. По моему собственному диагнозу, у меня была эпителиома, но с ним не согласились другие врачи. В появлении этой опухоли все обвиняют курение».

В первое время Фрейд не предпринимал никаких действий для дальнейшего изучения обнаруженного новообразования и не говорил об этом ни с докторами, ни с друзьями, ни с членами своей семьи. В то время, как и в те месяцы, когда у него появились первые признаки сердечного заболевания, у Фрейда не было врача, с которым он мог бы регулярно совещаться. Его доверенным советчиком был друг, педиатр Отто Рие. К тому же у него было много друзей-врачей, в особенности кардиолог Людвиг Браун и такой выдающийся хирург, как Юлиус Шницлер. Временами Фрейда мог консультировать Феликс Дойч, практиковавший в то время в сфере медицины внутренних органов, однако уже с аналитическим уклоном.

Письма Фрейда этого периода дают нам некоторое представление о его настроении.

Абрахам, знавший об интересе Фрейда к археологии и сам ею интересовавшийся (особенно египетским искусством), отправил Фрейду несколько газетных вырезок об исследованиях гробницы Тутанхамона. 4 марта 1923 г. Фрейд отвечал:

«С благодарностью возвращаю вырезки. Кое-что из написанного там мне уже известно. Испытываю сильное чувство досады из-за того, что я не смогу там побывать и... от перспективы окунуться в воды Стикса, так и не проплыв по Нилу...

Чудесное письмо от недавно прибывшего сюда Ромена Роллана как глоток чистого воздуха; между делом он упомянул, что заинтересовался анализом еще двадцать лет назад».

Абрахам, как убежденный оптимист, пытался утешить Фрейда, рассказав ему историю своего дяди, который в возрасте 75 лет, путешествуя с женой по Египту, отпраздновал там свою золотую свадьбу и даже прокатился по пустыне на верблюде.

Каким наивным должно было показаться это письмо Фрейду, который ясно понимал безрадостные перспективы развития своей болезни. 8 апреля 1923 г. он отвечал:

«Каждое письмо от Вас несет на себе ответ Вашего оптимизма. Пусть он сохранится на долгие годы.

Просто невероятно, насколько Вы переоцениваете мои материальные и физические возможности. Хотя мне на восемь лет меньше, чем Вашему дяде, когда он катался по пустыне на верблюде, я не смогу это повторить и в состоянии лишь завидовать ему. Я не настолько здоров и богат. Вы должны постепенно привыкнуть к мысли о моей смертности».

В тот же день Фрейд написал и другое, очень важное, письмо, дающее нам представление об его уникальном стиле, обретавшем особое качество в его переписке с писателями и поэтами (на этот раз адресатом был французский писатель-романист Ромен Роллан), где он мог перевести «нравоучительную» психоаналитическую теорию конфликта между влечениями к жизни и к смерти на язык, позволяющий воспринимать ее ценность для всего человечества в целом.

Вообразим себе Фрейда, сидящего в своем уютном кабинете за столом, где он создал большинство своих шедевров и пишущего письма Абрахаму и Роллану после напряженного дня работы с пациентами, находясь один на один с призраком будущей мучительной смерти и затем, с приходом ночи отходящего к глубокому и крепкому сну! Роллану он писал:

«Милостивый государь.

Возможность обмениваться приветствиями с Вами обеспечит меня наилучшими воспоминаниями до самого конца моих дней. Ведь Ваше имя связано для нас с самой драгоценной и прекрасной иллюзией, что любовь будет править всем миром.

Я конечно же принадлежу к той нации, которая в Средние века была повинна во всех эпидемиях и которую теперь винят в распаде Австрийской империи и поражении Германии. Подобное наследие хорошо отрезвляет человека и не слишком способствует вере в иллюзии. Большую часть жизни (я старше Вас на десять лет) я потратил [пытаюсь] разрушить как мои собственные иллюзии, так и иллюзии человечества. Однако если эта надежда не осуществится хотя бы частично, если в процессе эволюции мы не научимся отводить наши [инстинкты] от разрушения наших общих ценностей,

если мы будем продолжать ненавидеть и убивать друг друга, если будем продолжать использовать величайший прогресс в контроле за естественными ресурсами для взаимоуничтожения, то какое же будущее нам уготовано? Несомненно, трудно гарантировать выживание нашего рода в условиях конфликта между нашей инстинктивной натурой и теми требованиями, которые налагаются на нее цивилизацией.

Мои письменные труды не могут сравниться с Вашими, дающими читателю утешение и поддержку. Но если я могу надеяться, что они пробудят в Вас интерес, то готов отправить Вам маленькую книжку, опубликованную в 1921 г. Ее название наверняка Вам еще неизвестно: «Психология масс и анализ человеческого я». Не то чтобы я считаю эту работу особенно удачной, но в ней показан путь от анализа отдельной личности к пониманию общества.

Искренне Ваш,

Фрейд».

Примерно на второй неделе апреля Фрейд наконец отправился проконсультироваться с одним из своих друзей, дерматологом Максом Штейнером, который также был и одним из первых членов Венского психоаналитического общества. Слизистая оболочка рта — та область, которая одновременно находится в компетенции отоларингологов, хирургов, занимающихся челюстно-лицевыми операциями, и дерматологов.

С тех пор началась трагическая цепь недомолвок, которая имела далеко идущие последствия.

Штейнер, очевидно, распознал болезнь, поскольку предложил удалить новообразование, но сказал Фрейду, что это всего лишь лейкоплакия. По данным Дойча, Штейнер порекомендовал Фрейду бросить курить — совет прозвучал веско, но не к месту. Судя по моим наблюдениям, такой отказ пугал Фрейда куда больше, чем даже операция.

Фрейд, как следует из его письма к Джонсу, справедливо считал свою опухоль эпителиомой. Когда Дойч наведлся к нему на той же неделе, под конец их беседы Фрейд попросил осмотреть себя, добавив: «Возможно, вам не понравится то, что вы увидите». К тому времени Фрейд, похоже, всецело отдавал себе отчет о возможных реакциях людей на его болезнь.

«С первого взгляда» Дойч понял, что у Фрейда рак. Очевидно (и многие считают именно так), он был шокирован увиденным, но, подумав, объявил о наличии «плохой лейкоплакии», вызванной курением, и предложил операцию. Фрейд рассказал Дойчу о мнении и совете Штейнера и поделился своим огорчением, вызванным настоятельным требованием последнего бросить курить. Фактически это было единственное, что, по крайней мере на сознательном уровне, беспокоило Фрейда в первую очередь.

Далее Фрейд упомянул о своих опасениях по поводу того, что операцию будет делать профессор Маркус Гаек (который в конечном итоге ее и провел). Он лично знал этого человека, их отношения с Фрейдом были непростыми. Решение о выборе хирурга не было принято, все осталось на усмотрение Фрейда.

Последующие дни напоминали спектакль театра абсурда. Дойч настаивал по телефону, чтобы Фрейд не откладывал консультацию с хирургом. Фрейд, очевидно, воспринял это в качестве косвенного подтверждения справедливости диагноза, подразумевавшегося Штейнером и Дойчем. Тогда он пошел на операцию именно к тому врачу, о котором прежде не желал и слышать. Профессор Гаек получил свое звание в знак признания ценности его исследований патологии носовых пазух и являлся автором нескольких известных учебников, однако, по общему признанию, хирургом он был довольно посредственным¹. Безусловно, он не обладал достаточной квалификацией, чтобы оперировать злокачественные опухоли с резекцией верхней челюсти. Проведение процедуры такого рода уже тогда находилось в ведении хирургов. Во время Первой мировой войны в Венской хирургической клинике было организовано специальное отделение челюстно-лицевой хирургии под руководством Ганса Пихлера, который позже и провел необходимую Фрейду радикальную операцию.

Первая операция была проведена не в частной клинике, а в амбулаторном отделении возглавлявшегося Гаеком госпиталя, где не было даже отдельных больничных палат. Фрейд не стал сообщать семье о своем решении. В госпиталь его проводил Дойч, однако на операции он не присутствовал. В своей книге он вспоминал:

«Мы отправились в госпиталь, полагая, что он окажется дома сразу после операции. Однако, вопреки нашим ожиданиям, он потерял много крови и вынужден был остаться в одной из совершенно непригодных для этого маленьких комнат госпиталя (других там не было), в компании, как ни дико это прозвучит, слабоумного карлика».

Как отметил Дойч, операция прошла не слишком удачно. Началось обильное кровотечение, а меры, по всей видимости, в нужном объеме предприняты не были. После операции Фрейд не получал должного ухода и не был переведен в довольно дорогой частный госпиталь, находящийся в квартале от клиники Гаека (туда Фрейд перевез Эмму после ее кровотечения, см. главу 3).

¹ В качестве студента и практикующего терапевта я имел возможность присутствовать при нескольких операциях, которые он проводил.

Только после операции семья узнала о случившемся. Из госпиталя попросили доставить личные вещи Фрейда, чтобы он мог провести там ночь.

По их прибытии в госпиталь «фрау профессор» Фрейд и Анна нашли Фрейда сидящим на табурете и сплошь забрызганным кровью. За ним не присматривали ни врач, ни сиделка. О произошедшем далее известно со слов Джонса:

«Дежурная сестра на время завтрака отправила женщин домой, поскольку посетителям в это время находиться в госпитале не позволялось, уверив их, что с пациентом все будет в порядке. Вернувшись через час или два, они узнали о случившемся у Фрейда сильнейшем кровотечении. Оказавшись один на один со сложившейся ситуацией, Фрейд пытался позвать на помощь звоном специального колокольчика, но тот не работал. Сам он не мог говорить даже шепотом. Дружелюбно настроенный карлик бросился ему на помощь, и вскоре, несмотря на некоторые трудности, кровотечение удалось остановить. Возможно, действия карлика спасли Фрейду жизнь. После этого Анна отказалась покидать отца и просидела у его постели всю ночь. Он ослабел от потери крови, находился в полусне от лекарств и испытывал сильные боли. Ночью Анна и дежурная сестра вновь были встревожены его состоянием и послали за домашним хирургом, но тот отказался вылезать из своей постели. Следующим утром Гаек продемонстрировал пациента студентам, и в тот же день по прошествии некоторого времени Фрейду разрешено было отправиться домой».

Эта почти невероятная история вызывает множество вопросов относительно мотивов и действий Дойча, Гаека и, прежде всего, самого Фрейда. Первый вопрос, пришедший мне в голову с момента нашей первой встречи с Фрейдом, во время которой он, возможно, памятуя о случившемся, выставил основные «условия» наших с ним отношений: почему Дойч утаил правду от Фрейда? Сам Дойч объяснял, что поступил так потому, что «вначале Фрейд, несмотря на свои заверения, был еще не готов посмотреть в лицо правде», тогда как после первой операции, с ее последствиями и последующим лечением, Фрейд «мог уже воспринимать слово «рак» несколько в ином свете». Однако в переписке с Джонсом Дойч сообщил, что Фрейд попросил его «помочь» ему достойно покинуть этот мир, если он обречен умереть в страданиях, и что он также говорил о своей старой матери, которая не перенесет вести о его смерти. Очевидно, у Дойча сложилось впечатление, будто Фрейд решил покончить жизнь самоубийством. Если Дойч действительно так посчитал (при этом хочу подчеркнуть, что сам Дойч — мой друг и старший коллега, которого я высоко ценю), то на этот раз он грубо ошибся. Главная из при-

чин, по которым я привожу здесь такие подробности, — стремление восстановить истинный ход событий.

В письме Абрахаму от 29 мая 1918 г., в ответ на рассказ того о болезни матери, Фрейд заметил, что после смерти своей матери сам почувствовал бы себя «немного свободнее», поскольку его ужасала мысль о том, что ей придется узнать о его смерти.

В 1899 г., когда мать и беременная жена Флисса были больны, Фрейд писал ему:

«[Как] ужасно, когда болеют и умирают наши матери, единственные, кто пока еще стоит между нами и небытием».

Здесь мы видим один из многочисленных примеров, выступавших в качестве предзнаменования тенденций, характерных для последних лет жизни Фрейда. Фрейд много раз высказывал сходные мысли, вплоть до смерти своей матери. Впоследствии он повторял их и в отношении других родственников. Он имел в виду, как мы это увидим из писем, процитированных позже (например, в главе 24), то, что перед лицом смерти особенно мучительны перспективы навеки расстаться с теми, кого любишь, и боль, остающаяся в сердцах выживших. Несомненно, Фрейд не мог позабыть собственную боль от утраты дочери Софии, Антона фон Фройнда, племянницы, многих друзей и особенно своего внука Хейнеле, которого он любил больше, чем кого бы то ни было еще. Подчеркивая свою обязанность продолжать жить, Фрейд не мог думать о самоубийстве. Похоже, что перспектива отказаться от курения, что обычно приводило к спаду его творческой активности, пугала его куда больше, чем ожидаемые мучения. Мысль о самоубийстве никогда не приходила ему в голову, даже в пору наиболее тяжких страданий последующих лет, что красноречиво подтверждают события весны 1938 г. (см. главу 26). Прежде всего он стремился продлить свою жизнь как можно дольше, однако хотел быть уверен, что его *умирание* не затянется. Эту позицию он выразил в одном из писем к Флиссу (6 февраля 1899 г.), сообщив, что «искусство обмана пациента у нас стоит не высоко. <...> Надеюсь, что, когда придет мое время, рядом со мной окажется достойный человек, который отнесется ко мне с большим уважением и сможет подсказать мне время, когда я буду должен уйти» (см. главу 5). Человек, после смерти Антона фон Фройнда написавший, что тот умер достойно и в полном сознании без надеждности своего положения, желал слышать истину и, узнав ее, не стал бы сам прерывать свою жизнь.

Но даже представление Дойча о «неготовности» Фрейда к тому, чтобы узнать об истинном положении вещей, оставляет без ответа массу вопросов. Почему Дойч не поговорил начистоту с членами семьи Фрейда и не обсудил создавшуюся ситуацию с Рие или

Шницлером? Почему он сам не предложил консультанта? Почему подумал о кандидатуре Нихлера только спустя месяцы?

Этому, похоже, может быть только одно объяснение. Дойч всегда испытывал восхищение Фрейдом и благоговел перед ним. Мне и самому пришлось заставляя себя преодолевать внутренние барьеры, мешавшие быть полностью искренним в условиях, когда на меня была возложена честь заботиться о здоровье великого человека.

Именно Дойч не смог взглянуть правде в лицо, когда, заметив у Фрейда неопровержимые признаки страшного заболевания, оказался потрясен догадкой, что это не лейкоплакия, а эпителиома.

Поведение Гаека объяснить гораздо труднее. Я целиком согласен с Джонсом, который охарактеризовал его как «беспечное». То, что он довольствовался лишь локальным иссечением, несомненно зная, что это не остановит развитие опухоли, можно объяснить лишь тем, что он с самого начала посчитал случай безнадежным и решил прибегнуть к паллиативному лечению. Однако то, что Гаек решился провести эту довольно сложную операцию амбулаторно, оставив потом Фрейда без должного медицинского ухода, в любом случае непростительно.

Учитывая, сколь сильное неприятие психоанализ вызывал в душах очень многих людей, что оказывало влияние и на их поведение, мы можем допустить и такой факт. То, что пациентом на этот раз оказался сам первооткрыватель психоанализа, повлияло на отношение к больному не самым лучшим образом.

Фрейда прооперировали 20 апреля 1923 г., накануне его 67-летия. В своем письме к Лу Андреас-Саломе Фрейд заметил, что его день рождения отпраздновали так, будто он «звезда оперетты».

На письма Фрейда от 10 мая 1923 г. стоит обратить особое внимание. Одно из них было адресовано Лу Андреас-Саломе, второе — Абрахаму. Оба содержали благодарственные слова за поздравления ко дню рождения. В обоих письмах Фрейд упомянул, что снова может курить. И то и другое письмо показывает, что еще тогда Фрейд осознавал, хотя, возможно, и не до конца, характер обнаруженной у него опухоли. Он писал Лу Андреас-Саломе: «Даже после операции они уверяют меня в благоприятном прогнозе». А вот цитата из письма Абрахаму:

«Я вновь могу есть, работать и курить и надеюсь на воплощение в жизнь вашего пожелания — *долгих лет жизни и никаких опухолей*»¹.

Неопубликованное письмо к Джонсу от 18 мая 1923 г. более пессимистично:

¹ В письме эти слова были написаны по-английски.

«За день до появления письма от Вашей милой жены я услышал о Вашей операции и поражен, что такие события следуют друг за другом. Я рассчитываю, что Ваше здоровье надолго улучшится. Вместе с тем от своего лечения надежных результатов я ждать не могу».

В дополнение к оценке поступков Дойча и Гаека здесь следует привести соображения и относительно поступков самого Фрейда.

То, что Фрейд не рассказал семье о своем заболевании и предстоящей операции, вполне понятно, если знать о величайшей деликатности, которая определяла его отношение к родным и близким. Мы помним, что и в пору своих сердечных болей Фрейд тоже ни о чем не сказал жене. Его дочь Анна в 1923 г. была еще молода, и он хотел оградить ее от тревог и волнений.

Но почему Фрейд не обратился за советом к своему старому другу Шницлеру? Причиной тому могла быть образцовая преданность Фрейда. Она не раз находила выражение в его отношении к своим ученикам (тот факт, что некоторые из них оказывались далеко не столь благородными, он признавал нехотя и тяжело переживал), к друзьям, а позже и к врачам. Помимо прочего, это качество очень помогало мне и профессору Пихлеру в последние десять лет жизни Фрейда.

Особенно важен вопрос, почему Фрейд, узнав о своей болезни, в течение двух месяцев ничего не предпринимал. Безусловно, здесь сыграло свою роль его нежелание услышать ожидаемый, но от этого не менее ужасный вердикт: «Нужно срочно бросать курить». Однако здесь следует учитывать и другие основания.

Когда в 1964 г. я готовил мою лекцию о Фрейде, то написал: «Здесь был один момент, который можно было бы назвать склонностью к фатализму. Сам Фрейд определил бы его как проявление влечения к смерти. Я сам скорее охарактеризовал бы его как несомненную, но по счастью временную покорность силе судьбы». Только после того, как я вновь тщательно изучил опубликованную и неопубликованную переписку с Флиссом, обнаружил, что число из фразы о «2467 ошибках» в «Толковании сновидений», о котором он походя упомянул в письме к Флиссу от 27 августа 1899 г. и которое потом проанализировал в «Психопатологии обыденной жизни», действительно удивительным образом отразилось в событиях 1923 г. Это произошло через 24 года по достижении им 67 лет! В пятой главе я отмечал, что, анализируя это, по всей видимости, совершенно случайное число, Фрейд истолковал две составлявшие его цифры 67 как тот возраст, когда ему следует быть готовым «уйти в отставку»; число 67 означало также и возраст его брата Эммануила в 1899 г. Эммануил погиб в 1914 г. в возрасте 81,5 года, за девять лет до первой операции Фрейда. В возрасте 81,5 года также умер и его отец (см. главу 4).

В другом письме к Флиссу Фрейд говорил о своей «фаталистической убежденности» (глава 5). Следовательно, 67-летний рубеж, которого Фрейд достиг через 24 года после окончания «Толкования сновидений», осознания неизбежности разрыва отношений с Флиссом и упоминания о «вине выжившего» в анализе сна «поп vixit», мог восприниматься его бессознательно в качестве «критической даты», причем более опасной, чем прочие, о которых он беспокоился на сознательном уровне. Это обстоятельство вполне могло способствовать фатализму в его отношении к собственной болезни¹.

Может возникнуть вопрос, не является ли такое «фаталистическое» поведение выражением неосознанного «стремления к смерти» и, следовательно, признаком склонности к самоубийству? И не противоречит ли это моему утверждению, что Фрейд, узнав о том, что страдает от рака, никогда не помышлял о самоубийстве? Но следует иметь в виду огромную разницу между реальным обдумыванием самоубийства или попыткой его совершения и неосознанными желаниями, проявляющими себя в «фаталистическом» настрое и поведении.

Исследование удаленной ткани подтвердило предположение о злокачественной опухоли. После операции Гаек направил Фрейда к доктору Гвидо Хольцкнехту, главе радиологического отделения венской медицинской школы, для сеансов лечебного облучения. Также Фрейд обратился к одному из помощников Гаека для лечения радием. Важно обратить внимание на два момента: во-первых, радиотерапия при таком типе опухолей обычно неэффективна. Позже это подтвердили эксперты, профессора Риги и Лакассань, директора института Кюри в Париже. Во-вторых, лечение в Вене проводилось довольно сумбурно. Радиоактивное облучение приводило лишь к повреждению тканей и сильным болям. К тому времени ни Фрейду, ни другим больным об этом известно не было.

Однако, как я уже говорил, Фрейд с самого начала подозревал об истинном положении вещей. Он не мог не догадываться, при каких болезнях применяют рентгеновское облучение и радий. В письме к Дойчу из Лавароне (южный Тироль), где он проводил лето, Фрейд говорил о своем «дорогом новообразовании». Отрицание смерти и смертельной болезни — одна из форм защиты от нее. И хотя Фрейд не желал так защищаться, он вынужден был поступить таким образом, поддавшись слабости окружавших. То, что случившееся вызвало у Фрейда негодование и в конечном итоге даже чувство стыда, можно видеть из его письма к Дойчу:

¹ Я упоминал, что Гроддек пошел еще дальше: он предположил, что на фоне ассоциаций 1899 г. рак у Фрейда в 1923 г. был «вызван» именем его «id» (глава 5).

«Я всегда мог согласиться с любой реальностью и благодаря реальности был способен терпеть любую неопределенность, но, оставшись наедине с неясностью, без опоры на неумолимую и неизбежную необходимость, я вынужден был пасть жертвой жалкого человеческого малодушия и оказаться недостойным примером для окружающих».

Это письмо также подтверждает и мои предположения относительно внутренних мотивов, побудивших Фрейда сформулировать теорию влечения к смерти. В «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд утверждал, что «гораздо проще подчиниться неумолимому закону природы, величественной Судьбе, чем смириться... со случайностью...».

Фатализм Фрейда внезапно усилился вследствие удара судьбы, самого жестокого из всех, когда-либо на него обрушивавшихся. 11 июня 1923 г. он писал двум своим близким друзьям, венграм Като и Лайошу Леви¹:

«О моей операции и болезни нельзя сказать ничего того, что было бы Вам неизвестно или о чем Вы бы не могли догадываться. Нависшая над человеком 67 лет неопределенность теперь обретает зримые черты. Я переносу это не слишком тяжело; современная медицина поможет мне на какое-то время, а затем придет на память и изречение Бернарда Шоу: «Не пытайтесь жить вечно, из этого ничего не выйдет».

Но теперь случилось еще кое-что. Из Гамбурга мы забрали маленького сына Софии, Хейнеле, которому четыре с половиной года. Моя старшая дочь Матильда и ее муж практически усыновили его, окружив любовью и заботой. Он в самом деле очаровательный малыш, и я чувствую, что никогда еще никого не любил так сильно. К несчастью, он всегда был очень слабеньким, постоянно страдал от лихорадки: он один из тех детей, чье внутреннее развитие словно усиливается их физической немощью. Думается, что в Гамбурге за ним не присматривали должным образом.

Он вновь заболел две недели назад. Высокая температура, головные боли, выраженные симптомы отсутствуют. Долгое время диагноз был неясен, и в конечном итоге мы пришли к убеждению, что у него милиарный туберкулез и что ребенок фактически обречен. Теперь он в коме и только периодически приходит в сознание. С каждым разом, когда он снова теряет созна-

¹ Като Леви был психоаналитиком. Доктор Лайош Леви был терапевтом и в 1923—1928 гг., когда я стал врачом Фрейда, часто навещал его в Вене, консультируя по различным медицинским проблемам. Мы с ним перевели записи Пихлера о болезни Фрейда. Некоторые из этих записей были опубликованы Джонсом в приложении к третьему тому его биографии Фрейда.

ние, мы будто теряем его запово; доктора говорят, что ему осталось жить всего неделю, может быть, немножко дольше. Вчера приехал его отец.

Я очень тяжело переживаю эту утрату. Не думаю, что когда-либо испытывал подобное горе; возможно, в мое тяжелое состояние внесла лепту и моя собственная болезнь. Я продолжаю существовать словно по привычке; все утратило для меня смысл».

Хейнеле умер 19 июня, через несколько дней после написания этого письма. По трагическому стечению обстоятельств и внук и дед подверглись операции на ротовой полости примерно в одно и то же время!¹ То, что этот очаровательный озорной малыш, завоевавший симпатии всех окружающих, через несколько дней умер от туберкулезного менингита, было жесточайшим ударом судьбы. В письме к Ференци, написанном 18 июля, Фрейд утверждал, что испытал «первую в своей жизни депрессию». Впоследствии он неоднократно повторял, что эта трагедия что-то навсегда в нем убила и он уже не был способен привязаться к кому-либо. Примерно через три года Фрейд вновь получил возможность дать волю своим чувствам, когда новая беда пришла к Бинсвангеру. В 1926 г. его восьмилетний сын, чем-то похожий на Хейнеле, также умер, и тоже от туберкулезного менингита. Бинсвангер сообщил Фрейду о своей тяжелой потере в письме, которое вновь отлично подтвердило тот факт, что расхождения в научных взглядах не препятствовали дружеским связям Фрейда. Частично процитируем письмо Бинсвангера и ответ на него.

Бинсвангер писал:

«В то время, когда моя жизнь готова была оборваться, Ваша забота произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь моя жизнь вне угрозы, однако после двух недель болезни в страшных мучениях умер мой любимый восьмилетний сын, по всему обещавший вырасти яркой личностью. Он скончался от туберкулезного менингита. Это был наш пятый ребенок, но мы ощущали к нему особую привязанность. Я не мог заставить себя послать Вам печатное извещение о смерти своего мальчишка, но не мог написать Вам и сам. Теперь все кончено. Я знаю, что Вам довелось пройти через нечто подобное. Терять выросшего ребенка, возможно, еще тяжелее². Моя жена, с первых дней жизни окружившая малыша материнской лаской и заботой, чувствовала к нему особую привязанность, но не сделала этот удар переносимым для меня, а, наоборот, своей покорностью перед неизбежным помогла мне легче перенести эту трагедию.

¹ Хейнеле подвергся операции по удалению миндалин.

² Бинсвангер не знал о смерти Хейнеле.

Что касается остальных детей, то у нас исчезло ощущение полной безопасности и наши чувства всюду находят повод для постоянного беспокойства.

Я не могу рассчитывать на Ваш ответ, дорогой господин профессор, однако самая короткая открытка от Вас для нас с женой была бы очень приятна. С сердечным поклоном, вечно Ваш Л. Б.

P.S. Я не стал диктовать это письмо, а написал его от руки; и все-таки я сделал для Вас копию»¹.

Фрейд ответил немедленно, 15 октября 1926 г.:

«Даже если Вы не рассчитывали получить мой ответ, я должен Вам написать — не ради простого сочувствия, а из внутреннего побуждения, поскольку Ваше письмо пробудило во мне воспоминания, которые никогда меня не оставляют. Действительно, я потерял любимую дочь, когда ей было 27, но смог стойко перенести эту утрату. Это случилось в 1920 г., когда только что кончилась война, в годы которой мы постоянно были готовы получить известие о гибели одного из наших сыновей или даже всех троих. Так что мы заранее покорились судьбе. Но два года спустя я привез в Вену младшего из ее детей, мальчика лет трех-четырех, где его приняла моя бездетная старшая дочь. 23 июня он умер от острого милиарного туберкулеза. Он был развит не по годам. Даже консультировавший его врач обратил на это внимание. Для меня этот ребенок был дороже, чем все мои дети и внуки, вместе взятые. С тех пор как Хейнеле умер, я не только больше уже не нахожу утешения в других моих внуках, но и утратил вкус к самой жизни. Здесь и кроется секрет моего безразличия — люди называют это храбростью — к опасности, угрожающей моей жизни. Наши трагедии походят одна на другую тем, что я тоже оплакиваю то, что уже не вернуть. Надеюсь, сходство между нами на этом кончится. Вы еще достаточно молоды, чтобы смириться с этой потерей; что же касается меня, то мне уже не придется пережить ничего подобного.

Если Вы будете 27 сентября в Вене и я буду еще жив, то, как и в прошлые годы, я буду в Земмеринге. Приезжайте».

Здесь напомнила о себе неизжитая душевная боль Фрейда, его скорбь по утраченному, воскрешенная трагедией, случившейся с его другом. Для меня, как и для всех прочих, кто близко знал Фрейда в последние годы его жизни, было странно слышать такие признания. Чувства Фрейда никогда не остывали. Он по-прежнему заводил новые знакомства, а его старые привязанности с

¹ Почерк Бинсвангера был очень неразборчивым, и Фрейд часто просил его печатать письма.

годами не слабели. Фрейд не мог без этого жить. Он по-прежнему обожал своих внуков. Я помню, с какой нежностью он расставался в августе 1939 г. со своей внучкой Евой¹, прекрасно понимая, что, скорее всего, никогда больше ее не увидит. Таким образом, не только лишь усилия «Я» Фрейда помогли ему в конце концов обрести вновь свое душевное равновесие. Он всегда черпал новые силы в своей способности любить и быть любимым.

В то время ситуация до конца еще не прояснилась. Фрейду было разрешено отправиться в обычный долгий летний отпуск, несмотря на испытываемое им недомогание. Организм еще не оправился после применения радия, возможно, и опухоль добавляла беспокойства. Охарактеризовав в письме Дойчу свои симптомы, Фрейд добавил, что теперь совсем безразличен к мелочам жизни, относя сюда же и науку, и продолжает носить траур в глубине своей души. Это подчеркивает, что неутешное горе, вызванное смертью Хейнеле, объединилось с реакцией на поразивший его рак, образовав общий мрачный фон.

Во время отдыха Фрейда в Лавароне приехал Дойч, чтобы повидаться с ним. Туда же прибыли и все члены комитета. Дойч пришел к мысли о необходимости второй операции и сообщил об истинном положении дел Абрахаму, Эйтингтону, Ференци, Джонсу, Ранку и Захсу, но не стал говорить об этом Анне Фрейд и Фрейду. Комитет считал нужным, чтобы Фрейд осуществил свои задуманные после апрельской операции планы, проведя с Анной две недели в Риме. Дойч возвратился в Вену и стал готовиться ко второй операции. Только в последний год жизни Фрейда Дойч рассказал ему о «решении» комитета в Лавароне. Согласно Джонсу, узнав об этом, Фрейд, гневно сверкая глазами, спросил: «По какому праву?»

Впрочем, это решение «позволить» Фрейду еще раз побывать в Риме и показать его своей дочери было, пожалуй, самым человеческим за все эти месяцы, несмотря на то что в поезде из Вероны в Рим у Фрейда внезапно открылось сильное кровотечение из рта.

Только по возвращении из Рима Фрейду рассказали всю правду о его болезни, которую он воспринял абсолютно хладнокровно. Об этом свидетельствует письмо к Эйтингтону, написанное 26 сентября 1923 г., в день, когда его впервые осмотрел профессор Ганс Пихлер.

«Сегодня я могу удовлетворить Ваше любопытство. Решено, что я должен пройти через вторую операцию, во время которой будет частично иссечена верхняя челюсть, поскольку моя дорогая опухоль снова там объявилась. Операцию будет проводить про-

¹ Дочь его сына Оливера (см. главу 26).

фессор Пихлер, величайший эксперт в этой области, который также готовит для меня и протез, который потом понадобится. Он обещал, что через четыре-пять недель я смогу удовлетворительно есть и говорить, так что начало моей практики теперь откладывается до ноября».

Пихлер идеально подошел на роль врача Фрейда. Во время Первой мировой войны он стал руководителем новейшего отделения челюстно-лицевой хирургии при университетском госпитале, где прооперировал множество сильно искалеченных солдат, героически используя при операциях никогда ранее не применявшиеся средства и показав при этом отличные результаты. При лечении Фрейда он также был вынужден прибегнуть к еще неопробованным мерам. Он принадлежал к довольно малочисленной в то время категории хирургов, которые не стремились любой ценой избежать радикальной операции, когда та была действительно необходима. Кроме того, Пихлер был невероятно добрым и гуманным человеком. Хотя он весьма смутно представлял место Фрейда в истории науки, он не только лечил его на протяжении пятнадцати лет с величайшей почтительностью и тактом, но и использовал все свои возможности влияния на власти, чтобы спасти Фрейда после вторжения нацистов в Австрию.

После того как в 1928 г. я стал врачом Фрейда, Пихлер относился ко мне с такой же обходительностью. Более тесного сотрудничества, чем было тогда между нами, трудно себе и представить. По счастью, Пихлер оказался дотошнейшим человеком в лучшем смысле этого слова. На протяжении пятнадцати лет он вел записи о каждом приеме Фрейда и о каждом проведенном хирургическом вмешательстве. К концу Второй мировой войны мы с ним подытожили нашу переписку. После смерти Пихлера в 1949 г.¹ его сын любезно согласился полностью напечатать его записи и передать их мне.

После первого осмотра Пихлер обнаружил злокачественную язву в правой части мягкого нёба, которая затронула щеку и нижнюю челюсть. Также имело место определенное стягивание тканей, как следствие первой операции. Первая небрежная операция имела далеко идущие последствия. В этот раз требовалось гораздо более серьезное вмешательство, включающее методику, которую Пихлер вынужден был вначале проверить на трупах!

Пихлер всесторонне подготовился к операции, сделав несколько моделей протезов как верхней, так и нижней челюсти, учитывая возможность различных сценариев оперативного вмешательства.

¹ Написанный мной некролог появился в «Бюллетене Американской ассоциации психоаналитиков» (1949).

4 октября 1923 г. под местной анестезией Пихлер провел первую операцию, при которой он перевязал наружную сонную артерию и для предотвращения распространения рака удалил подчелюстные и шейные лимфатические железы. По счастью, анализ подозрительно увеличенных желез не обнаружил следов рака. И уже 12 октября, также под местной анестезией, Пихлер провел вторую радикальную операцию, удалив большую часть верхней челюсти с ее правой стороны, значительную часть нижней челюсти, правую сторону мягкого нёба, а также слизистые оболочки щеки и языка¹. Наконец, он заменил удаленные фрагменты слизистой кожей в тех местах, где сшить ткани было нельзя, и поставил протез. Фрейд под действием локальной анестезии, усиленной применением непривычного для него успокаивающего средства, проспал большую часть операции, длившейся несколько часов. После операции его пульс составлял 64 удара в минуту!

Записи Пихлера по этой операции оканчивались словами: «Была допущена единственная ошибка, заключавшаяся в том, что, по-видимому, следовало удалить большую часть внутренней крыловидной мышцы». Пихлер, несомненно, обладал сильным «Сверх-Я», не оставляя себе ни малейшей лазейки!

Напомню читателям, что тогда еще не применялись ни антибиотики, ни внутривенные вливания. Жидкости доставлялись через прямую кишку; кормили же пациента через трубку, вставленную в нос.

Два дня у Фрейда был сильный жар, но 28 октября он смог отправиться домой. Пихлер внимательно наблюдал за тем участком, где, как он считал, следовало удалить больше ткани. 7 ноября он обратил внимание на изъязвленное маленькое пятно и провел биопсию. 12 ноября анализ показал, что в этом месте осталась ткань злокачественной опухоли. Это был момент, когда и Пихлер и Фрейд доказали силу своих характеров. Многие хирурги в свете открывшихся фактов признали бы свое поражение. Пихлер сообщил Фрейду всю правду и предложил немедленно провести новую операцию. Фрейд дал согласие. Операция состоялась во второй половине того же дня, вновь под местной анестезией и с дополнительным применением успокоительного средства. Было проведено дальнейшее удаление оставшейся части нижней челюсти и мягких тканей, что сопровождалось значительной кровопотерей. Только теперь Пихлер остался доволен проведенной радикальной операцией. Он имел для этого все основания. Дальнейших серьезных осложнений не было, но Фрейду при-

¹ Вспоминая о предположении Флисса, что Фрейд страдал от хронической назальной инфекции, интересно отметить, что верхнечелюстной (наиболее крупный) синус не был захвачен никаким патологическим процессом, если не считать нескольких полипов!

шлось вновь пройти через «профилактический» курс рентгеновского облучения¹.

Только *прирожденный хирург* в то время мог отважиться на проведение такой операции. Она увенчалась успехом. Фрейд не умер от рецидива или метастазов первичного рака. Однако масштабное хирургическое вмешательство сделало невозможным создание удовлетворительного протеза, а потеря большей части слизистой оболочки щеки не могла быть полностью возмещена с помощью пересадки кожи. В результате жизнь Фрейда превратилась в нескончаемое мучение. Есть, курить и говорить можно было лишь с большим трудом, преодолевая боль. Хотя протез обеспечивал правильный прикус и отделял носовую полость от ротовой, он вызывал раздражение, давил на нижнечелюстной сустав и вызывал непереносимые страдания. Если же протез вынимали, то говорить, есть и курить становилось еще труднее. Поистине Фрейд находился словно между Сциллой и Харибдой. Так было положено начало постоянным попыткам улучшить протез или создать новый. Во избежание стягивания тканей протез вынимался только для гигиенических процедур. При этом как изъятие, так и установление протеза обратно требовало незаурядной ловкости².

Но настоящие мучения были еще впереди. Фрейд не мог справиться со своей привычкой к курению. Сигары же приводили к постоянному раздражению ротовой полости и создавали предпосылки для образования новых лейкоплакий. Вскоре обнаружилась их склонность к росту. Таким образом, с 1926 г. постоянно

¹ Ему также была сделана и другая операция. В «По ту сторону принципа удовольствия» и прочих работах Фрейд упоминал труды эндокринолога Штейнаха, одного из первооткрывателей функции внутритканевых клеток, синтезирующих мужской половой гормон. Он выдвинул гипотезу, согласно которой перевязка семенных протоков должна приводить к гипертрофированному синтезу полового гормона этими клетками, что непременно вызовет «омоложение» организма. Эффективные инъекции половых гормонов в то время были недоступны. Поскольку возникновение рака отчасти объяснялось процессом старения, предполагалось, что перевязка протоков, названная «штейнаховской операцией омоложения», поможет предотвратить рецидив рака. Я не мог выяснить, кто же посоветовал Фрейду такую операцию, пока он не рассказал мне, что сам возлагал на нее надежды. 17 ноября 1923 г. эта операция состоялась (то была несложная процедура).

² Джонс упоминал, что протез «окрестили «монстром». В действительности же при жизни Фрейда так его никогда не называли, хотя протез и выглядел ужасно. Я использовал такое название в эссе (названном «Последняя глава»), которое передал Джонсу для опубликования в качестве последней главы третьего тома его книги.

Что касается протеза, то должен добавить, что, хотя Пихлер был великолепным хирургом, его стоматологическое мастерство не было столь же безупречным. Позже за создание протеза попросили взяться двух других специалистов. Возможно, если бы они смогли работать на постоянной основе, то сделали бы этот протез более эффективным и удобным.

образовывались лейкоплакии и возникало предраковое состояние. Каждый раз поврежденная область вырезалась или подвергалась электрокоагуляции. Так продолжалось больше тридцати раз. В 1936 г. исследования удаленного фрагмента ткани показали наличие злокачественности, и лишь в 1939 г. пораженный участок в ротовой полости Фрейда оказался недоступен для хирургического вмешательства. Часто предпринималась попытка закрыть оголявшийся в результате операций участок, пересадив туда лоскут кожи. Обычно использовалась местная анестезия. Процедуры часто длились часами, однако в госпитале проводились только самые серьезные операции. После каждого хирургического вмешательства протез должен был быть помещен обратно в течение нескольких дней; его очищали только промыванием. Его первые выемки и вставки вызывали массу затруднений, с которыми в большинстве случаев мог справиться только Пихлер.

Мучили Фрейда не только боли. Людям, слабо знакомым с немецким языком, сложно в полной мере оценить, сколь мастерски владел им Фрейд. Единственная международная награда, которой Фрейд был удостоен, — премия Гёте, присуждаемая за литературные достижения. Он чаще номинировался на Нобелевскую премию по литературе, чем по медицине. Слышать речь Фрейда было истинным наслаждением. Всякий, кто имел такую возможность до его операции, сохранил от его выступлений незабываемые впечатления. Его манера говорить находилась в тесной взаимосвязи с содержанием его речи. Эта гармония подкреплялась богатством мимики и выразительностью его взгляда. Операция не лишила его этой способности, однако плавное и естественное прежде течение речи давалось теперь ценой мучительных усилий и часто прерывалось движениями, которые могли показаться нелепыми, но на самом деле объяснялись периодическими попытками Фрейда поудобнее устроить протез, чтобы уменьшить оказываемое им давление.

Мы также должны иметь в виду, что все эти тяготы ему приходилось терпеть более шестнадцати лет. Естественные проблемы, вызванные возрастом, сопровождались и политическими. Расцвет нацизма, вторжение Гитлера в Австрию (что сделало эмиграцию Фрейда неизбежной), Вторая мировая война — только в свете всех этих событий можно оценивать отношение Фрейда к жизни, болезни и смерти, присущее ему в ту пору.

Наше отношение к смерти во многом зависит от того, насколько мы наслаждаемся жизнью и способны терпеть ее. Если говорить в терминах психоанализа и структурного подхода, оно зависит от способности обеспечить некоторое удовлетворение инстинктивных потребностей, от способности «Я» переносить фрустрацию, способности к сублимации, от характера «Сверх-Я» и от способности к формированию внутренней и внешней гармонии. Продолжитель-

ные болезни и страдания — что означает не только удлинение жизни, но и затягивание умирания — должны обязательно влиять на это.

Физическое состояние Фрейда, колебавшееся в пределах от обычного недомогания до сильнейших мучений, на протяжении шестнадцати последующих лет практически не менялось. Страдания были, разумеется, особенно сильными в первый год после радикальной операции. Они сохранялись до тех пор, пока операционная рана, наконец, благодаря вновь сформировавшейся слизистой оболочке и рубцовой ткани не затянулась, а протез постепенно не «притерся», да и сам Фрейд к нему кое-как приспособился. Особенно много времени у него ушло на то, чтобы научиться выпимать и вставлять обратно этот протез. Я прекрасно помню, с какими трудностями была связана эта малоприятная процедура.

К тому же Фрейду приходилось заново учиться есть, курить и говорить. Протез следовало помещать как можно плотнее, чтобы исключить носовую полость из процесса звукообразования при речи, а также чтобы дать Фрейду возможность затягиваться при курении. Однако чем плотнее прилегал протез, тем больше он давил на живые ткани и тем сильнее были боли.

Вторая радикальная операция состоялась 12 ноября 1923 г. В дневнике Пихлера за последние месяцы 1923 г. было сделано 16 отдельных записей, а за 1924-й — 74! При этом каждое посещение врача, подгонка протеза и т. п. требовали очень много времени.

Из-за затруднений с речью в первые месяцы после операции Фрейд избегал принимать посетителей. Поначалу он надиктовал Анне несколько коротких записок, но вскоре начал писать их сам. После первой радикальной операции он не забывал писать и своей матери, которой тогда было уже 88 лет.

2 января 1924 г. Фрейд возобновил практику, ежедневно принимая по шесть пациентов. Позже, после большинства хирургических процедур, за исключением самых серьезных, он возобновлял работу с пациентами уже через день или два.

Глава 14

СМЕРТЬ КАК МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

После того как Фрейд в январе 1924 г. возобновил свою работу, он закончил статью, получившую название «Экономическая проблема мазохизма». Работать над ней он начал после второй радикальной операции. Она в какой-то степени могла считаться продолжением «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и Оно». Последняя из них была опубликована непосредственно перед операцией. В ней Фрейд попытался представить страх смерти в метапсихологических терминах.

В «Я и Оно» Фрейд писал:

«Красивая фраза, что «каждый страх в конечном счете оказывается страхом смерти»¹, едва ли имеет какой-либо смысл и уж во всяком случае не может считаться оправданной. Мне, наоборот, кажется совершенно справедливым отделять страх смерти от испуга перед определенным объектом (реалистичная тревога) и от невротической тревожности. Для психоанализа это очень трудная проблема, так как смерть есть абстрактное понятие отрицательного содержания, не имеющее никаких связей со сферой бессознательного. Механизм страха смерти может состоять только в том, что «Я» в значительной мере освобождается от своей нарциссической фиксации, то есть отказывается от самого себя точно так же, как обычно отказывается от некоторого *внешнего* объекта, когда он начинает порождать у «Я» чувство тревоги. Я полагаю, что страх смерти есть нечто такое, что развертывается между «Я» и «Сверх-Я».

Нам известно, что страх смерти появляется в двух случаях (совершенно аналогичных тем условиям, при которых обнаруживаются все прочие виды тревоги): как реакция на внешнюю опасность и как внутренний процесс (например, при меланхолии). Невротический случай снова поможет нам понять случай нормальный.

¹ Это выражение было использовано Штекелем в 1908 г.

Страх смерти при меланхолии допускает лишь одно объяснение: «Я» отказывается от самого себя, так как чувствует, что «Сверх-Я» его ненавидит и преследует вместо того, чтобы любить. Следовательно, для «Я» жить означает быть любимым, «Сверх-Я» здесь вновь проявляет себя как представитель «Оно». «Сверх-Я» выполняет ту же функцию защиты, которая некогда возлагалась на отца¹, а позднее — на Провидение или Судьбу. Но тот же вывод должно сделать и «Я», когда обнаруживает огромную реальную опасность для себя, преодолеть которую собственными силами считает невозможным. «Я» видит, что оно покинуто всеми охраняющими силами, и позволяет себе умереть. Это, впрочем, та же ситуация, что становится основой первого страха рождения и детской тоски-страха перед разлукой с матерью»².

На основе всего изложенного страх смерти, как и страх угрызений совести, может быть истолкован как развитие страха кастрации. Принимая во внимание большое значение чувства вины для развития певрозов, нельзя также отрицать, что обычный невротический страх в тяжелых случаях усиливается развитием страхов (страха кастрации, страха совести, страха смерти).

«Оно», к которому мы в заключение возвращаемся, не обладает возможностями доказать «Я» свою любовь или ненависть. «Оно» не может выразить, чего хочет. В нем борются Эрос и ин-

¹ Фрейд только начинал осознавать главенствующую роль матери и ранних отношений мать — ребенок. Отец здесь все еще выступает в роли защитника и хранителя маленького ребенка.

² Здесь признается роль матери.

Существенно, что еще в 1883 г. Фрейд подчеркивал, что заброшенность — самая страшная беда, которая может обрушиться на человека. В то время Фрейд находился в приподнятом настроении, поскольку совсем недавно реализовал новый метод окрашивания тканей ЦНС (центральной нервной системы), позволивший ускорить их изучение под микроскопом и доказавший свою высокую эффективность, приведя к открытию нейрона как функциональной единицы нервной системы. 25 октября 1883 г. он писал своей невесте Марте: «Я преуспел в деле, которое раз за разом пытался выполнить на протяжении многих лет. Когда я оглядываюсь назад, на то время, когда я впервые взялся за эту проблему, то понимаю, что моя жизнь все-таки меняется. Я так часто мечтал об очаровательной девушке, которая будет для меня всем, и вот ты со мною. Те люди, которым я восхищался и считал недосыгаемыми, теперь относятся ко мне как к равному. Я остаюсь в добром здравии и ни делаю ничего недостойного; пусть даже я останусь беден, но то, что для меня много значит, осуществилось, и я чувствую, что мне не грозит *наихудшая из всех судеб: оказаться покинутым*.

Таким образом, несудивительно, что книга «Император, мудрецы и смерть», прочитанная Фрейдом в декабре 1938 г., когда он ощущал близость собственной смерти, произвела на него столь глубокое впечатление; ведь в финальной части этого произведения была описана страшная смерть главного героя книги, оказавшегося в полнейшем одиночестве и навсегда оторванного от всех прочих живых существ (см. главу 27).

стинкт смерти; мы видели, какими средствами одни первичные позывы обороняются против других. Мы могли бы изобразить это таким образом, будто «Я» находится под властью глухих, но могучих инстинктов смерти, которые стремятся к покою и (по настоящему принципу наслаждения) хотят заставить замолчать нарушителя этого спокойствия — Эрос; но мы, возможно, недооцениваем роль Эроса»¹.

Приведенные здесь формулировки весьма емки, однако мы можем представить их более дифференцированно.

Фрейд повторил мысль, которую впервые представил в «Толковании сновидений»: смерть фактически есть нечто «неизвестное бессознательному» (в «Я и Оно» он охарактеризовал ее как «абстрактное понятие отрицательного содержания»). Соответственно, он признавал, что смерть представляет для психоанализа трудную проблему, поскольку сложна для понимания в психологических терминах.

Далее Фрейд обособил страх смерти как от реалистичной тревоги (связанной с некоторым внешним объектом), так и от «невротической тревожности» (которая, с его точки зрения, имела своей основой сексуальную фрустрацию). Таким образом, он подошел к проблеме смерти с помощью теоретических концепций, разработанных за предшествующее десятилетие. Здесь мы можем видеть, как метапсихологические взгляды оказались связаны с идеями нарциссизма и конфликта между Танатосом и Эросом — влечением к смерти и либидо.

Далее следует нечто похожее на пробную формулировку: страх смерти возникает, когда «Я» «освобождается» от своей нарциссической фиксации и таким образом «отказывается от себя». Страх смерти — нечто «развертывающееся между «Я» и «Сверх-Я». Это объяснение оказалось, пожалуй, слишком общим, и Фрейд вынужден был прибегнуть к материалам собственных наблюдений, которые так часто ему помогали. Он сопоставил нормальные механизмы с невротическими, учитывая, что страх смерти может возникать как реакция на внешнюю опасность или как внутренний процесс, как при меланхолии. В последнем случае Фрейд связывал появление страха смерти с тем, что «Я» ощущает себя «презираемым и преследуемым» «Сверх-Я».

«Сверх-Я» воспринималось как преемник родителей, Провидения и Судьбы. В условиях большой реальной (внешней) опасности (которые позже, в «Торможениях, симптомах и тревоге» были охарактеризованы словосочетанием «травмирующая ситуация») «Я» вновь «видит себя покинутым и позволяет себе умереть». Далее Фрейд ввел иерархию опасных ситуаций, предвос-

¹ Любопытно, что и здесь Фрейд предостерегал от недооценки Эроса.

хитившую более основательные его рассуждения в статье «Торможения, симптомы и тревога» (написанной в 1925 г. и опубликованной в 1926 г.): разлука с матерью-защитницей; страх кастрации; страх мук совести; и, наконец, страх смерти.

Последний абзац процитированного ранее отрывка из «Я и Оно» может пояснить некоторые трудности, с которыми Фрейд встретился, разрабатывая эту тему. За всеми этими формулировками просматривается концепция влечения к смерти. Как сказала потребность Фрейда в использовании этой концепции на обычной четкости его изложения, можно видеть из двух абзацев, которые я здесь приведу:

«Я» не беспристрастно в отношении двух видов стремлений. Своей работой идентификации и сублимации оно помогает влечению к смерти поставить либидо под контроль, но при этом само подвергается опасности целиком подчиниться влечению к смерти и погибнуть. «Я», таким образом, само должно наполниться либидо, становясь представителем Эроса и исполняясь желанием жить и быть любимым.

Но так как работа сублимации «Я» имеет следствием освобождение агрессивных влечений в «Сверх-Я», то своей борьбой против либидо «Я» подвергает себя опасности стать жертвой смерти. Судьба «Я», страдающего или даже погибающего от агрессии «Сверх-Я», подобна судьбе одноклеточных, погибающих от продуктов разложения, которые они сами произвели. Действующая в «Сверх-Я» мораль в экономическом смысле кажется нам таким продуктом».

В «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд представил концепцию влечения к смерти как дерзкую гипотезу. Приведенные отрывки из «Я и Оно» показывают, что тремя годами позже Фрейд уже рассматривал концепцию влечения к смерти в качестве составной части своей теории инстинктивных влечений. Процитированная ранее формулировка: «Глухие, но могучие инстинкты смерти, которые стремятся... заставить замолчать Эрос, этого нарушителя спокойствия; но мы, возможно, недооцениваем роль Эроса» доказывает, что Фрейд использовал дуалистическую теорию влечений, в которой Эрос рассматривался как хранитель жизни, защитник от стремления к возврату в состояние неживой материи.

В статье «Экономическая проблема мазохизма» Фрейд конкретизировал свою теорию влечений и развил собственные формулировки регуляторных принципов функционирования психики, которые были им представлены в «По ту сторону принципа удовольствия» (см. главу 12). Он принял термин «принцип Nirvana», предложенный английским аналитиком Барбарой Лоу, для обозначения тенденции психики к сокращению «до нуля или, по

крайней мере, к удержанию на наименьшем возможном уровне суммы возбуждений».

Затем Фрейд попытался согласовать свои ранние построения о принципах удовольствия-неудовольствия с теорией влечения к смерти и своей новой формулировкой теории влечений. При этом он рассуждал следующим образом:

«[Он утверждал:] ...мы без колебаний отождествили принцип удовольствия-неудовольствия с принципом нирваны. Всякое не-удовольствие должно, таким образом, совпадать с неким повышением, а всякое удовольствие — с неким снижением присутствующего в психике раздражающего напряжения. Тогда принцип нирваны (а также, возможно, тождественный ему принцип удовольствия) всецело служил влечению к смерти, целью которого является превращение переменчивой жизни в неподвижное, всегда одинаковое небытие, и предупреждал бы притязания влечений жизни, которые всячески препятствуют осуществлению влечений к смерти».

Теперь Фрейд признал, что высказанные им биологические гипотезы противоречат некоторым фактам. Например, рост напряженности в состоянии сексуального возбуждения *воспринимается* как удовольствие. Соответственно Фрейд пришел к пониманию необходимости отличать то, что он считал регуляторными принципами функционирования психики (принцип удовольствия-неудовольствия или же принцип нирваны) и аффекты удовольствия и неудовольствия (см. главу 12).

«[Соответственно Фрейд пришел к выводу, что] мы должны понять, что принадлежащий к влечениям смерти принцип нирваны в живом существе превратился в принцип удовольствия, и отныне мы не будем принимать эти два принципа за один. Нетрудно догадаться... какая сила приводит к такому превращению. Это может быть лишь влечение к жизни, либидо, которое добывается, таким образом, своего участия в регулировании жизненных процессов. Так мы получаем интересный ряд соотношений: принцип *нирваны* выражает тенденцию влечения к смерти, принцип *удовольствия* представляет притязания либидо...

Нам очень не хватает понимания физиологии того, какими путями и средствами либидо может обуздать влечение к смерти. Оставаясь в кругу психоаналитических идей, мы можем лишь предполагать, что здесь происходит смешение в разных пропорциях двух видов влечений. Так что мы всегда имеем дело не с чистыми влечениями к смерти и жизни, но лишь с их смесями. Смешение этих влечений при некоторых условиях может сопровождаться их расхождением».

В «Экономической проблеме мазохизма» Фрейд лишь вкратце упоминает о страхе смерти.

«К образам родителей примыкают также влияния учителей, авторитетных лиц и общественно признанных героев, избранных самим человеком образцами для подражания. Последняя фигура этого ряда — темная сила Судьбы, которую лишь очень немногие из людей способны постичь как безличную. Когда у голландского поэта Мультидули¹ мойры греков заменяет священная чета [Разум-Необходимость], против этого мало что можно возразить; но все, кто передает управление миром Провидению, Богу или Природе, вызывают подозрение в том, что они все еще мифологически воспринимают эти безличные силы как родителей и полагают себя связанными с ними либидинозными узами. В «Я и Оно»... я сделал попытку вывести из подобного постижения судьбы также и испытываемый людьми страх перед смертью. Освободиться от него — задача весьма нелегкая».

Страх смерти, таким образом, оказывается тесно связан с теми трудностями, которые сопутствуют замене человеком персонализированной Судьбы безличными Разумом и Необходимостью. Фрейд уже утверждал в 1922 г., в письме к Пфистеру, что лишь в преклонном возрасте человек обращается к этой «неумолимой паре».

Формулировки Фрейда, касающиеся страха смерти в «Я и Оно» и «Экономической проблеме мазохизма», содержат много неясностей. Особенно это касается тех фрагментов, где Фрейд больше, чем это обычно было ему свойственно, пользовался антропоморфными метафорами. Используя в качестве примера меланхолию, Фрейд утверждал, что страх смерти возникает, если «Я» «отказывается от себя» и «позволяет себе умереть», когда оно ощущает целюбовь или даже ненависть со стороны «Сверх-Я» и чувство беззащитности перед лицом внешних и внутренних опасностей. Отчасти эти мысли напоминают рассуждения Фрейда в «Печали и меланхолии». Но такое состояние «Я» может служить объяснением недостаточной воли к жизни, фатализма и даже суицида в случаях тяжелой депрессии. Оно не объясняет *страха* смерти, кроме как в терминах дуалистической теории влечений, утверждающей, что «Я», когда либидо ослабевает, «чувствует» себя беззащитным против влечения к смерти.

Этот пример показывает большую важность концепции иерархии опасностей, представленной в «Торможениях, симптомах и тревоге», для нашего понимания *всех* ситуаций, в которых возни-

¹ Э.Д. Деккер (1820—1887), писавший под псевдонимом Мультидули (Многострадальный), долгое время был любимым писателем Фрейда. Его работы возглавляли список «десяти лучших книг», который в 1907 г. составил Фрейд.

кает тревога¹ (страх смерти является лишь одним примером). Другая формулировка, которая также делает непущим введение концепции влечения к смерти: «Я» испытывает чувство опасности, когда оказывается перед лицом непомерных внешних угроз и становится мишенью «ненависти», «нелюбви», «пренебрежения» объектов своей любви или их «внутренних представителей» в «Сверх-Я». Также воспринимается опасной реакция «разрешения себе умереть», которое на деле *может вызвать желание умереть*. Желание смерти станет тогда одним из источников страха смерти.

Я мог бы добавить, что у всякого человека, страдавшего столь же сильно, как Фрейд в то время, как он писал статью о мазохизме, желание умереть и тем самым окончить свои мучения могло существовать наряду с желанием жить и продолжать борьбу. Общеизвестно, что сила желания жить очень важна для исхода любой тяжелой болезни. Имеется, однако, огромное различие между концепцией сознательного или бессознательного *желания* жить или умереть и концепцией *влечения*, стремящегося к возврату в неживое состояние.

Обсуждая в своей книге концепцию влечения к смерти, я имел основания предположить, что Фрейд пришел к ней не только по причине своей стойкой приверженности к дуалистическим построениям, а прежде всего поскольку она помогала ему бороться с собственным страхом умереть.

Те части статьи о мазохизме, которые опираются прежде всего на концепцию влечения к смерти, очень расплывчаты. Однако в той же статье и даже в том же абзаце мы находим формулировки, которые отнюдь не ограничиваются только рамками психоанализа. Например, Фрейд утверждал, что:

«Либи́до встречает в (многоклеточном) живом организме влечение к смерти или разрушению, которое хотело бы разложить это существо и перевести в состояние неживой материи каждый элементарный организм [являющийся составной частью целого] в отдельности. Задача либи́до — обезвредить это разрушительное влечение, и оно выполняет ее, начиная отводить это влечение с помощью специализированной системы организма, мускулатуры, вовне, направляя его против объектов внешнего мира. Тогда это влечение уже именуется влечением к разрушению или волей к власти. Часть этого влечения непосредственно ставится на службу сексуальной функции, где играет очень важную роль. В этом заключаются истоки садизма».

¹ Характерно, что во всех этих фрагментах Фрейд не использовал слово «Furcht» (страх), предпочитая ему слово «Angst» (тревога), которое охватывает все оттенки этого чувства от часто неосознанного понимания опасности до состояния паники, переживаемой в травмирующей ситуации (см.: *Шур М.* «Я» в состоянии тревоги. 1953).

Отделенная от теории влечения к смерти, концепция инстинкта разрушения, или, как его чаще называют, инстинкта агрессии, — неотъемлемая часть психоанализа, психологии человека и животных, социологии, криминологии и многих других научных сфер. В равной мере существенны понятия «агрессии, направленной вовне», и агрессии, направленной на себя». При изучении преступлений, самоубийств или психосоматических расстройств обойтись без них порой невозможно. Столь же плодотворным оказалось обсуждение Фрейдом «морального мазохизма», способствовавшее пониманию нами многих нерешенных вопросов человеческого поведения.

Следующая работа этого периода, в которой Фрейд подробно обсуждал страх смерти, — «Торможения, симптомы и тревога». Среди множества важных аспектов этой статьи можно отметить разграничение аффективной реакции тревоги в ее различных проявлениях и способствующей ей причины — ситуации опасности. Далее Фрейд сформулировал иерархию опасных ситуаций, следующих направлениям человеческого развития. В «Торможениях, симптомах и тревоге» теория влечения к смерти фигурировала в основном в терминах агрессивного влечения. Страх же смерти в основном рассматривался в терминах концепции опасности и позиций происхождения неврозов.

«Если тревога является реакцией «Я» на опасность, то может появиться соблазн рассматривать травматические неврозы, которые так часто возникают у человека, пережившего смертельную опасность как прямое следствие страха смерти (или страха за жизнь), не принимая во внимание проблему кастрации и зависимость «Я» от других психических инстанций. Многие из тех, кто изучал травматические неврозы последней войны, склонны придерживаться именно этой точки зрения. Они торжественно заявили о том, что появилось, наконец, доказательство тому, будто угроза инстинкту самосохранения сама по себе способна спровоцировать невроз, и при этом можно не принимать в расчет ни сложные гипотезы психоанализа, ни роль сексуальных факторов... Учитывая все то, что нам известно о структуре относительно простых неврозов, возникающих в повседневной жизни, кажется маловероятным, что невроз может возникнуть лишь при наличии объективной опасности, без какого бы то ни было участия глубинных слоев психического аппарата. Но в бессознательном, похоже, отсутствует что-либо, что могло бы дать опору нашим представлениям об уничтожении жизни. Кастрация может быть условно представлена с опорой на обычный опыт отделения испражнений от тела или отлучения от груди кормящей матери. Но ничего, напоминающего смерть, в повседневном опыте никогда не происходит; после обмороков никаких заметных следов в

памяти не сохраняется. Я поэтому склонен придерживаться мнения, что страх смерти должен рассматриваться как нечто аналогичное страху кастрации и что ситуация, на которую «Я» соответствующим образом реагирует, заключается в том, что «Я» чувствует себя покинутым своим защитником — «Сверх-Я», то есть силами судьбы, — и с этим наступает конец уверенности в собственной безопасности».

Основное отличие — можно даже сказать преимущество — этой формулировки от других, представленных в «Я и Оно» и «Экономической проблеме мазохизма», в том, что ощущение нелюбви, покинутости не *уравнивается* со страхом смерти. Смерть представлена как одна из многих опасных ситуаций, с которыми мы постоянно встречаемся в нашей жизни.

Между тем Фрейд здесь вернулся к своему раннему утверждению о том, что бессознательное не содержит ничего общего с идеей уничтожения жизни.

Суть данной формулировки видится в том, что все эти метапсихологические объяснения могут быть отнесены только к невротической тревоге, означающей не болезненное усиление у невротиков реалистичной тревоги, а тревожность, базирующуюся на *бессознательных* конфликтах раннего детства.

Однако, если даже верно утверждение, что «смерть есть абстрактное понятие отрицательного содержания, не имеющее никаких связей со сферой бессознательного», разве нельзя сказать, что и нечто, не имеющее подобных связей, может стать *предметом опасности*, который вызовет у «Я» тревогу? Должно ли метапсихологическое объяснение Фрейда ограничиваться лишь невротической тревогой? Иерархическое развитие концепции опасности зависит не только от развития инстинктов, но и от развития самого «Я». Фрейд подразумевал, что каждому типу тревоги должны соответствовать определенные прототипы. Вдобавок может измениться само существо опасности, вызывающее у «Я» тревогу. Представляемый образ смерти, несомненно, лучше всего приспособлен к тому, чтобы быть связанным со всеми предшествовавшими травмирующими ситуациями. Присущее всем людям постоянное отталкивание от смерти, похоже, говорит в пользу этого предположения. После смерти любимых нами людей, особенно наших ровесников, смерть становится ближе к нам и чувство отторжения ее усиливается. Сверх того, всякий раз, когда мы действительно видим гибель человека и наблюдаем страшный переход существа от жизни к смерти или даже когда присутствуем на похоронах, смерть становится для нас еще реальнее. Как Фрейд высказался в «Мыслях о времени войны и смерти», «все люди действительно умирают, каждый в свой черед».

То, что Фрейд назвал ядром ситуации опасности, есть ощущение беспомощности. Это несомненно относится и к нашему воззрению на смерть. Само непонимание какого-либо факта усилит наше чувство незащитности до крайних пределов.

Лишь в последнем предложении процитированного выше отрывка из «Торможения, симптомов и тревоги» Фрейд представил более простое объяснение страха смерти как реакции на ситуацию опасности, в которой нельзя спастись от воздействия силы судьбы. Эти силы у Фрейда обычно носили имя *Ананке*. Здесь же этим термином обозначалось «защищающее «Сверх-Я». Фрейд, должно быть, подразумевал, что одна часть «Сверх-Я» — преемница родителя-защитника — гарантирует «Я» возможность бессмертия, иллюзию, за разрушение которой он стал ратовать в самое ближайшее время.

Глава 15

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К МУЧЕНИЯМ И БОЛЕЗНИ

Как уже упоминалось, с началом 1924 г. Фрейд вновь стал принимать по шесть пациентов в день. Он продолжал и писать. В том же году он был также вынужден отдать много времени и сил организационным вопросам. Некоторые из них, например отступничество Отто Ранка, долгие годы являвшегося одним из ближайших сподвижников Фрейда, оказались весьма неприятными. (Этот эпизод подробно обсуждался Джонсом на страницах третьего тома его биографии.) В ту пору Фрейд покорно терпел постоянные попытки изменить и улучшить свой протез. В повседневной жизни он не только не утратил самоконтроль и чувство собственного достоинства, но и обрел безмятежность, которая оказывала влияние на окружающих.

Во многом Фрейд, конечно, был вынужден изменить свой стиль жизни. Он больше не мог посещать собрания Венского психоаналитического общества, хотя позже ежемесячно собирал его членов у себя дома. Он пытался максимально ограничить круг своего общения, поскольку устная речь давалась ему с трудом. Несколько лет он не путешествовал.

Я процитирую лишь несколько примеров, очень характерных для этих лет «приспособления», то есть 1924 — 1925 гг. 22 марта 1924 г. Фрейд писал Эйтингтону:

«Я не могу предвкушать Ваш визит с тем же удовольствием, что и раньше, поскольку предвижу, что наша встреча принесет Вам разочарование. Вы относитесь к тем людям, которые отказываются признавать, что я уже не таков, каким был прежде. Я быстро утомляюсь, часто нуждаюсь в отдыхе, с трудом выдерживаю шесть часов апалитической работы в сутки и даже не могу помышлять о том, чтобы делать что-либо еще. Правильней было бы бросить всю работу и прочие обязанности и где-нибудь в тихом углу дожидаться естественного конца. <...> Также меня постоянно что-нибудь беспокоит... Кажется, что все очень просто и стоит лишь заменить часть челюсти протезом, как все встанет на свои места. Однако протез не может быть пригнан достаточно точно. Попытки его улучшить еще

не завершились. Нижняя правая часть моего лица (особенно нос и ухо) выглядит весьма неэстетично, правое ухо почти оглохло из-за деформации и закупорки [евстахиевой] трубы. С этой стороны я не слышу ничего, кроме постоянного невнятного шума, и чувствую себя крайне смущенно, когда вынужден слушать нескольких людей, собравшихся в тесном кругу. Моя речь, правда, стала понятней и, возможно, будет улучшаться и далее. Разумеется, я могу жевать и глотать, однако [особенности] того, как я принимаю пищу, делают это зрелище неприятным для других людей. Я написал Вам обо всем этом, во-первых, для того, чтобы Вы не оставались в неведении, и, во-вторых, чтобы Вам не обязательно было спрашивать о моем состоянии, когда Вы здесь окажетесь».

Последнее предложение особенно примечательно. Фрейд не только оберегал других людей от необходимости узнавать о состоянии его здоровья, но и не хотел, чтобы его об этом спрашивали. Соответственно он очень высоко ценил деликатность тех друзей, которые в своих письмах избегали обсуждений его здоровья. Одним из таких друзей был Пфистер. 4 января 1924 г. Фрейд писал ему:

«Ваше милое новогоднее письмо, связанное с пятнадцатой годовщиной начала нашей дружбы, доставило мне огромное удовольствие. Вы обладаете даром делать повседневную жизнь теплее, что не может не быть оценено человеком, обреченным на столь безрадостное существование, как я. Также я благодарен и за то, что Вы так мало говорите о моей болезни, которая в последние несколько месяцев занимает слишком заметное место в моей жизни».

И вновь письмо от 26 февраля 1924 г.:

«Вы единственный из моих друзей, никогда не упоминающий в письмах о моей болезни. Однако я думаю, что Вам радостно будет услышать, что я преуспел в своей работе и ожидаю дальнейших положительных сдвигов в моем лечении, которое еще не закончено».

Красноречив и следующий отрывок из письма к Абрахаму, написанного 31 марта 1924 г.:

«Возможно, из-за гриппозного насморка, одолевшего меня в начале этого месяца¹, состояние моего здоровья резко ухудшилось. Так что последнюю субботу и воскресенье я *впервые за всю мою карьеру врача вынужден был прекратить в выходные прием посетителей*» [курсив добавлен. — М. Ш.].

¹ Из-за прямого сообщения между ротовой и носовой полостями каждая простуда длилась очень долго и часто приводила к воспалениям синусов и правого уха. При этом Фрейду становилось тяжелее говорить, есть и курить.

С большинством своих пациентов Фрейд всегда встречался ежедневно.

Многие письма Фрейда, особенно появлявшиеся перед его днем рождения, свидетельствовали о неустойчивости его душевного равновесия. 4 мая 1924 г., перед своим 68-летием, он писал Абрахаму:

«Чтобы не сердиться на меня, представьте себя в моем состоянии. Хотя, по-видимому, дело идет к выздоровлению, глубоко внутри моей души притаилась пессимистическая уверенность в скором конце моей жизни, подпитываемая незначительными, но постоянными мучениями и неудобствами, которые доставляет мне моя рана. Это своего рода старческая депрессия, кроющаяся в конфликте между безрассудной любовью к жизни и разумным смирением с истинным положением дел. Наряду с этим я стал заметно больше нуждаться в отдыхе и сокращении контактов, при том что эта моя потребность с трудом может быть удовлетворена, ибо я не могу не работать по шесть-семь часов ежедневно. Если же я ошибаюсь и весь этот спад носит лишь временный характер, то я первым это отмечу и вновь войду в свой обычный рабочий ритм. Если же мои плохие предчувствия верны, то я не премину просить Вас о скором визите ко мне.

Мысль о том, что мой послезавтрашний день рождения может оказаться последним, должно быть, посетила и других людей, судя по той поспешности, с которой Вена одарила меня почестями, которых обычно удостоивают к юбилею. Меня проинформировали, что шестого числа в полдень меня почтит официальным визитом представитель бургомистра профессор Таидлер, а вместе с ним и доктор Фридьонг».

Письма к Лу Андреас-Саломе считаются одними из самых лучших. 13 мая 1924 г., после получения поздравления по случаю своего 68-летия, Фрейд писал ей:

«В этот раз Вы вызвали у меня совершеннейшее восхищение. Я — это человек, который вместо того, чтобы в старости усиленно трудиться... и затем внезапно умереть, еще в среднем возрасте приобрел ужасную болезнь, вынужден был долго лечиться, подвергался много раз операциям, тратил свои с трудом заработанные сбережения, создавал себе трудности и вместе с тем удовлетворялся тем, что дела могли бы быть и хуже. По Самуилу Батлеру (я думаю, что Вам знакомы его блестящие истории) такой человек несомненно был бы наказан. Тем не менее Вы находите возможным воздать мне хвалу за то, сколь терпеливо я переносу свои страдания. В действительности же это не совсем так. Хоть я кое-как и приспособился к ужасающей реальности, есть вещи, смириться с которыми мне слишком тяжело; я не могу привыкнуть к жизни приговоренного к смерти.

Теперь шесть месяцев отделяют меня от операции. Мой хирург позволил мне летом отправиться в дальнее путешествие, отчего мне следовало бы ощущать себя в известной безопасности. Если, конечно, такое слово вообще уместно, принимая во внимание *пресловутое «нет уверенности в завтрашнем дне»*¹, что касается каждого из нас. Однако это не произвело на меня положительного эффекта, отчасти, возможно, потому, что мой протез справляется со своей задачей весьма посредственно. Мы ожидали от него большего, однако надежды не оправдались.

Шесть часов психоанализа в сутки — это все, что я могу позволить себе, утратив свою былую работоспособность. При этом мне особенно тяжело дается общение с людьми. (Разумеется, Ромену Роллану, сообщившему о своем послезавтрашнем визите, я отказать не смогу...)

Ну вот я и поделился тем, что у меня на душе; ведь, похоже, мы не сможем устроить нашу встречу. Сколь многим приходится жертвовать! И вместо этого на человека обрушиваются почести, значение которых вряд ли удастся оценить чересчур высоко».

Написанное Абрахаму 22 августа 1924 г. письмо уместно привести здесь по несколько иным соображениям: Абрахам был не только наиболее талантливым клиницистом-психоаналитиком, но и автором многих статей в этой области. Некоторые из них до сих пор считаются классическими. Также он интересовался и тем, что в наше время мы бы назвали прикладным психоанализом: например, значением мифов и т. д. На этот раз Абрахам заинтересовался значением цифры 7, которое ей приписывалось в древних мифах и суевериях многих античных культур. Этот вопрос он обсуждал в ходе своего августовского (1924) посещения Фрейда, в их последнюю встречу.

Очень возможно, что Абрахам поддерживал частые деловые контакты с Флиссом, который годом позже пытался излечить его от смертельной болезни. Соответственно интерес Абрахама к цифре 7 мог быть вызван — что, видимо, и подразумевается в письме Фрейда (22 августа 1924 г.) — флиссовской «игрой чисел».

«Дорогой друг.

К вопросу о 7

Предлагаю в Ваше распоряжение мысль, об истинном значении которой я не могу судить в силу своего невежества в подобных вещах.

Возможно, цифра 7 была наделена особым значением в ту пору, когда люди считали по шестеркам. В этом случае цифра 7 не была бы последней в такой серии из шести, но была бы первой во второй серии, и, как все первое, она должна была выступить объек-

¹ Последняя строка известной поэмы Лоренцо ди Медичи (1449—1492).

том табу. С этим суждением совпадает и тот факт, что число, открывающее третью серию из шести, то есть 13, считается самым несчастливым из всех чисел.

Когда-то в Ассирии пастороженно относились к числу 19, которое увязывалось с продолжительностью месяца. При этом $30 + 19 = 49$, или 7×7 . Однако число $19 = 13 + 6$ — это еще и число, начинающее четвертую серию из шести.

Кроме того, можно обратить внимание на то, сколь большое количество простых чисел начинается эти серии:

1
7
13
19
25 — исключение, но за ним идет
31
37
43
49, которое вновь 7×7

Невероятнейшие вещи можно проделывать с числами, так что будьте осторожны.

С совершенным почтением,

Фрейд».

Обратите внимание на предостережение в конце!

Научное любопытство Фрейда оставалось таким же острым, как и раньше. Он был по-прежнему «*novagum regum cupidus*» (страстно жаждущим нового).

Последнее письмо от 1924 г., которое будет здесь процитировано, было написано Эйтингтону 2 августа из Земмеринга, где Фрейд проводил лето:

«Буду рад видеть Вас и Вашу жену, если она тоже пожелает приехать. Мне здесь очень хорошо, чувствую себя отдохнувшим и больше не сторонюсь людей. Однако не рассчитывайте увидеть меня «без симптомов»¹. Возможно ли такое для меня вообще? Чтобы есть, пить и говорить, я все еще вынужден предпринимать ощутимые усилия. Существует большое количество обманчивых ощущений, которые изменяют свою локализацию и качество до такой степени, что это дает достаточную почву для смутной тревоги. При этом они столь малоприятны, что отвлекают меня по повеле от повседневных событий. Таким образом, было бы лучше всего, если бы Вы больше никогда не спрашивали меня о здоровье. Я бы сам не преминул сообщить Вам о важных переменах, однако они вряд ли произойдут в ближайшие недели».

¹ Должно быть, Эйтингтон выразил такую надежду в своем письме.

Здесь мы сталкиваемся с одним из тех немногих случаев, когда Фрейд позволил себе открыто выразить в письме сильное беспокойство и озабоченность своим физическим состоянием.

В течение 1925 г. Фрейд по-прежнему пытался справиться со своим протезом. Обычно несколько более или менее спокойных дней сменялись новыми неделями страданий. В журнале Пихлера было сделано 69 записей. Сверх того, из-за верхушечного абсцесса была проведена очередная операция. Фрейд продолжал встречаться со своими пациентами и писать. Порой его работа продвигалась вперед в том же лихорадочном темпе, как в старые добрые времена. Борьба тех лет нашла отражение и в некоторых его письмах. 1 апреля 1925 г. Фрейд писал Эйтингтону:

«Изнурительные времена остались позади; постоянная работа над улучшением протеза (как бы я хотел ошибиться и написать «гипотезы»!) и «сопутствующие восстановлению страдания», поглощавшие всю мою энергию, наконец, завершены. К сегодняшнему дню с основными проблемами покончено, однако более мелкие по-прежнему отравляют мне жизнь. Окруженный заботами трех любящих женщин, я лишен права жаловаться, но при этом у меня появилась масса возможностей практиковаться в самоконтроле. *Однако всякий устает в пути*» [курсив добавлен. — М. Ш.].

Развитый самоконтроль Фрейда шел на пользу не только трем любящим женщинам (Марте, Минне и Анне), но и его пациентам. Всякому аналитику, страдающему от тяжелой болезни, хорошо известно, как сильно она может осложнить его работу. Здесь мы вновь можем видеть в действии «неизменный призыв долга», который помог Фрейду пережить смерть Софии. Такое отношение к своему делу проявило себя, например, в одном из многочисленных писем к Мари Бонапарт, где он трогательно приносил извинения за то, что, чрезмерно сосредоточившись на проблемах своей болезни, проглядел явные признаки перенесения в ее анализе.

В третьем томе своей биографии Джонс рассказывал об инциденте, повлекшем ему Евой Розенфельд в то время, когда она была студенткой и пациенткой Фрейда¹. В 1930 г. Фрейд проводил свой летний отдых в Грандльзее, прекрасном местечке в Австрийских Альпах. Как обычно, вместе с ним находилось несколько пациентов и практикантов. Среди них была и Ева Розенфельд, с которой другая студентка, Рут Мак-Брунвик, поделилась своими опасениями по поводу состояния здоровья Фрейда. В ходе следующей сессии госпожа Розенфельд решила не упоминать о них при Фрейде, который все же почувствовал, что она что-то скрывает. После того как ей пришлось все рассказать ему, Фрейд напомнил ей: «У нас

¹ Позже она стала аналитиком, практиковавшим в Лондоне.

есть лишь одна цель и только одна преданность — психоанализу. Эта преданность и уважение гораздо важнее, чем все почтительные соображения по моему адресу». Ева Розенфельд рассказала мне об этом случае, когда я посещал Фрейда в Градльзее. Тогда я имел все основания утверждать, что, по крайней мере, в то время подобное беспокойство о состоянии его здоровья было совершенно беспочвенным. Как часто в те годы Фрейду приходилось терпеть подобные «свободные ассоциации» со стороны своих пациентов!

В мае 1925 г. Фрейда с 69-летием поздравила Лу Андреас-Саломе. Вот его ответ:

«Воскресный полдень и тишина! Это утро, с помощью Анны и ее пишущей машинки, я посвятил моей переписке. Письма накопились из-за моей старческой неосмотрительности. Но [теперь] я могу поблагодарить Вас и побеседовать с Вами.

Прежде всего позвольте поблагодарить дорогого Вам почтенного джентльмена [мужа Л. Андреас-Саломе] за чудесные строки в адрес незнакомого ему человека. Пусть он сохраняет интерес к жизни так долго, как того пожелает.

Что касается меня, то я уже не столь бодр, как в былые дни. Я медленно обрастаю броней равнодушия, и это приводит к тому, что я обхожусь без жалоб. Это естественный процесс, начало возвращения к состоянию неживой материи. Думаю, это называется «отчужденностью старости». Скорее всего, это связано с решающими переменами в равновесии двух моих влечений. Возможно, они не столь заметны; как и прежде, мне все интересно; однако глубина ощущений исчезла точно так же — насколько я могу судить как человек немзыкальный, — как исчезает насыщенность звучания, когда отпускаешь педаль инструмента. Чувствительное бремя огромного количества неприятных ощущений, должно быть, преждевременно ускорило развитие такого состояния и привело к стремлению воспринимать все с точки зрения вечности.

В остальном моя жизнь вполне терпима. Я даже смею полагать, что открыл нечто крайне важное для нашей работы. Но о подробностях, впрочем, пока умолчу. Это открытие должно послужить укором человеку, который мог бы обнаружить эти связи еще в самом начале своего пути, а не спустя тридцать лет. Еще одно доказательство человеческого несовершенства»¹.

Этот отрывок являет собой, пожалуй, наиболее лаконичный пример самонаблюдения Фрейда, его высокой проницательности, самообладания и очень простого и человеческого описания poste-

¹ На немецком эта фраза звучала как «überall mit Wasser gekocht», что в буквальном переводе означает, что нечто везде делается одинаково, или же, если представить эту мысль иначе, никто не является исключением, то есть всякий может ошибаться.

пенного перехода из жизни в смерть. Я уже упоминал, что стиль письма Фрейда очень разнился, в зависимости от того, кому оно было адресовано. Здесь такое различие вновь оказывается вполне очевидным, особенно если сопоставить это письмо с приведенным выше письмом к Эйтингтону, в котором также обсуждалось влияние болезненных ощущений. Даже не зная о том, кому последнее письмо было адресовано, об этом вполне можно догадаться. Это письмо отмечает прогресс Фрейда в борьбе с выпавшими на его долю страданиями и в то же время указывает на грядущее окончательное изменение баланса между способностью «наслаждаться жизнью», даже в самых тяжелых и не располагающих к этому условиях, и теми мучениями, которым нужно противостоять. Впрочем, к моменту появления данного письма, Фрейду до этого было еще далеко.

Последний отрывок процитированного письма отсылает нас к его статье «Торможения, симптомы и тревога», в которой Фрейд развил многие из своих основных концепций, касавшихся роли тревоги в нормальном и аномальном развитии. Композиция этой статьи обнаруживает скрытые за ней переживания: «У меня все еще осталась важная работа, которую нужно доделать, но я должен торопиться. Я должен сражаться с непреклонным Хроносом, должен успеть осуществить мой замысел до того, как «насыщенность звучания» совсем исчезнет».

Те, кто обвиняет Фрейда в догматизме и неспособности пересматривать свои позиции, наверное, никогда не читали эту работу или же не пытались ее понять. Вспомним объяснение Фрейдом страха смерти, которое он рассматривал как страх «Я» оказаться покинутым защищающим «Сверх-Я». Письмо Фрейда указывает, что он сам сумел преодолеть этот страх. Остался лишь вопрос, с которым, как и все мы, Фрейд обращался к *Ананке*: «Зачем все это требуется от меня?» В грядущие годы этому вопросу было суждено прозвучать еще не единожды.

Прочие письма показывают, сколь велика была степень готовности Фрейда снова целиком открываться миру и «наслаждаться жизнью» всякий раз, когда терзавшие его болезненные ощущения стихали или, по крайней мере, на время ослабевали.

Перед тем как Фрейд отправился в 1925 г. на летний отдых, Пихлер сделал ему прижигание очень болезненной области, которое после острой первоначальной реакции организма принесло значительное облегчение. Впервые с момента операции Фрейду удалось насладиться достаточно долгим периодом относительно хорошего самочувствия. Когда в письме к Абрахаму от 9 июня он описывал свое состояние, то еще не знал, что тот поражен болезнью, которая через несколько месяцев сведет его в могилу. Письмо Абрахама (написанное 7 июня), в котором тот сообщал Фрейду о своем состоянии здоровья, по-видимому, 21 июля 1925 г. еще не дошло.

«Те энергичные меры, которые мой доктор предпринял на протяжении три недели назад, основательно улучшили мое положение. Все болезненные ощущения исчезли, остались лишь затрудненная речь и непрекращающийся насморк. Так что жизнь вполне сполна, однако на фоне такого отвыкания¹ что же определит устойчивый вкус к работе?

Я написал несколько коротких статей, но их не надо воспринимать слишком серьезно. Возможно, если решусь признать свое авторство, как-нибудь я расскажу Вам о них».

Многие писатели и ученые относятся к своим творениям подобным образом. Никким образом не следует считать, что Фрейд здесь впадал в самолюбование или самоуничижение, хотя из всех своих работ он высоко ценил лишь очень немногое, прежде всего «Толкование сновидений».

Объяснение такого недовольства Фрейда оконченной работой может крыться в его способе написания статей. Из писем времен дружбы с Флиссом, равно как и последующих, а также из собственных описаний Фрейда нам известно, что большинство работ — даже самых сложных, таких как «Проект научной психологии», заключительная версия седьмой главы «Толкования сновидений» и статьи по метапсихологии — создавалось им в лихорадочном темпе за считанные дни или недели. За такими периодами всплеска творческой активности, как правило, следовали определенные спады, которые выражались не только в колебаниях настроения, но и выливались в состояния, напоминающие легкую депрессию. Известно, что подобная нестабильность всегда была свойственна Фрейду. Если же мы примем во внимание, насколько был труден для него естественный процесс старения, к тому же отягощенный переносимыми физическими страданиями, то покажется еще более удивительным, что Фрейду удавалось сохранять свою способность к творчеству почти до самого конца. При этом мы еще лучше сможем понять остроту его борьбы с депрессиями, которые предвляли всплески его активности. Мы также можем предполагать, что окончательный отказ от творчества должен был стать для Фрейда тяжелее любых физических мучений.

¹ «Entwöhnung» буквально означает отлучение ребенка от груди матери и искоренение привычки, но также может пониматься как «отвыкание» — в данном случае от мучений. Когда Фрейд говорил о воздержании от курения, он всегда пользовался словом «Abstinenz».

Глава 16

ФРЕЙД ВСТУПАЕТ В БИБЛЕЙСКИЙ ВОЗРАСТ

В конце 1925 г. беда пришла к Фрейду оттуда, откуда он мог ожидать ее меньше всего. Он уже неоднократно напоминал членам комитета, своим ближайшим друзьям и последователям, чтобы они готовились к тем временам, когда его не станет. Отступничество Ранка побудило Фрейда еще сильнее желать, чтобы члены комитета плотнее сомкнули свои ряды.

Из всех своих друзей и учеников самые теплые чувства Фрейд питал к Ференци, а позже и к Эйтингтону. Однако наиболее ярким представителем комитета был Абрахам. По своей объективности и умению правильно оценивать людей и ситуации он был на голову выше всех остальных. Именно Абрахам, наряду с Джонсом, был первым, кто понял неизбежность разрыва отношений с Юнгом и разобрался в певротических конфликтах Ранка. При всей своей неизменной преданности, он никогда не боялся защищать свои убеждения и при всем этом был как блестящим исследователем, так и превосходным организатором.

И вот этот незаурядный человек внезапно умирает. Его болезнь, диагностированная как легочный абсцесс, последовавший якобы за повреждением от проглоченной рыбной кости, требовала оперативного вмешательства. По окончании первой острой фазы болезни положение Абрахама казалось обнадеживающим. Побывав в Швейцарии, он, как все думали, сумел восстановить свое здоровье. В сентябре Абрахам даже оказался в состоянии присутствовать на проводившемся в Гамбурге психоаналитическом конгрессе. 8 сентября 1925 г. он написал о нем длинное письмо. Однако в том письме имелся фрагмент, несколько омрачивший дружеские отношения между Фрейдом и Абрахамом в последние месяцы жизни последнего.

Ранее я упоминал, что Флисс, с которым Абрахам познакомился, когда начал практиковать в Берлине, лечил его на заключительной стадии болезни. Флисс, должно быть, произвел на Абрахама очень сильное впечатление. Подтверждением тому могут

служить некоторые из его последних писем. Письмо от 8 сентября 1925 г. заканчивалось следующим абзацем:

«Потому в целом я удовлетворен конгрессом... Некоторые дни меня просто изматывали. Все, кто хотел поговорить со мной «минуточку», затягивали беседу так долго, что это приводило меня в состояние очень сильного напряжения. Мне потребовалось несколько дней, чтобы снова прийти в себя. В любом случае мне нужно немного полечить свою поперхотку у Флисса. Если это письмо еще не чересчур затянуто, я хотел бы поделиться моим удивлением по поводу того, сколь точно течение моей болезни согласуется с представлениями Флисса о периодичности».

И это говорил такой здравомыслящий ученый, как Абрахам!

В своем ответе на это письмо Фрейд точно не обратил внимания на упоминание о Флиссе.

Следующее письмо Абрахама не давало никаких поводов для чрезмерного беспокойства. 19 октября 1925 г. он писал:

«Возможно, Вам будет любопытно узнать, что Флисс, два года назад слышавший о Вашей болезни, вновь с большим участием спрашивал меня о Вашем самочувствии. Раз уж я об этом заговорил, то должен еще раз повторить, что испытываю к нему чувство крайней благодарности».

То, что Флисс сохранил интерес к психоанализу или же, что более вероятно, вновь открыл его для себя, с любопытством читал публикации Фрейда и рекомендовал своим пациентам пройти курс психоаналитического лечения, подтверждается и другими людьми¹.

Фрейд оставил без внимания и это сообщение. В «Rundbriefe» (циркулярном письме членам комитета, появившемся 20 октября 1925 г.) он заметил: «Это выражение симпатии после двадцати лет молчания оставляет меня равнодушным».

В последние месяцы жизни Абрахама его отношения с Фрейдом оказались несколько испорчены следующими обстоятельствами. В то время Фрейд отказался поддержать американского продюсера Сэмюэля Голдвина в его работе над «научно-популярным фильмом» о психоанализе. Однако против возможного участия Абрахама в этом проекте он не возражал (см. письмо Абрахама от 7 июня 1925 г.). Работа над этим фильмом привела к разногласиям между Абрахамом и рядом других аналитиков, также вовлеченных в этот проект или предлагавших его альтернативные

¹ Среди них была и доктор Марianne Крис, племянница фрау Флисс. Сын Флисса Роберт стал выдающимся психоаналитиком.

варианты (все это подробно описано у Джонса). В этой связи в своем циркулярном письме Фрейд раскритиковал Абрахама, назвав его поведение «несдержанным».

В ответ на это в своем последнем письме к Фрейду Абрахам напомнил ему, что ему уже доводилось доказывать справедливость своих оценок в ранних суждениях о «личностях» (в том числе и о Юнге с Ранком). Видимо, эти строки задели Фрейда и, выразив самую искреннюю озабоченность состоянием здоровья Абрахама, он не смог удержаться от того, чтобы не заметить: «Совсем не обязательно, что Вы всегда правы».

Когда я прочел обо всем этом у Джонса, который указывал, что переписка Фрейда и Абрахама закончилась этой запиской, я никак не мог совместить этот факт с тем, что мне было известно об отношении Фрейда к Абрахаму, о той участливости и заботе, с которыми он встречал серьезные болезни своих более молодых друзей. Только когда я изучал последние письма, которыми обменялись Фрейд и Абрахам, мне пришло в голову, что эти довольно раздражительные строки Фрейда могли оказаться запоздалой реакцией на неоднократные упоминания о Флиссе, сделанные Абрахамом в предыдущих письмах. Абрахам вполне бы мог рассчитывать на какой-либо ответ на те отзывы, однако никакой реакции не последовало, за исключением довольно едкого замечания в циркулярном письме. Фрейд, по-видимому, так и не смог простить Флисса.

То, что Абрахам, которым Фрейд восхищался за его острый ум и выдающиеся личные качества, оказался под влиянием чар Флисса, не могло его не возмущать.

Когда Фрейд написал последнее письмо к Абрахаму (5 ноября 1925 г.), он, вероятно, уже подозревал о серьезности его болезни. Из писем Фрейда, появившихся после смерти Абрахама, мы можем понять, что Абрахам умер от рака легких. Фрейд, сам не желая обманываться, возможно, ожидал такого поведения перед лицом неизбежного, которое продемонстрировал Антон фон Фройнд, и от Абрахама. Соответственно, Фрейд не мог примириться с теми проявлениями эйфории, которые появились у Абрахама под влиянием Флисса¹.

В октябре 1925 г. письма Абрахама оставались все еще оптимистичными. Однако вскоре его состояние стало стремительно ухудшаться, и на Рождество он умер.

Фрейд воспринял эту потерю как «несправедливость судьбы», ведь Абрахам еще был так молод, тогда как двое других, гораздо более старших мужчин, заболев раком, остались живы. 30 декабря 1925 г. Фрейд писал Джонсу:

¹ Эту точку зрения подтверждает процитированное ниже письмо Фрейда к Эйтингтону (10 марта 1926 г.) и письмо к Флиссу (2 февраля 1899 г.) (см. главу 5).

«Кто мог представить, когда мы все находились на Гарце, что Абрахам первым покинет этот безумный мир! Мы должны продолжать работать и держаться вместе. В личном плане эта потеря невозместима, но для дела психоанализа никто не может считаться пезаменимым. Вскоре и я покину эту жизнь, и в свой черед — я надеюсь, это произойдет еще не скоро, — за мной последуют и другие. Однако наше дело гораздо важнее жизни любого из нас, и оно должно продолжаться».

Фрейд написал краткий некролог об Абрахаме, предназначенный для первого в 1926 г. номера «*Internationale Zeitschrift*». Когда он обнаружил, что в последующем номере предполагалось осветить его предстоящее семидесятилетие, он написал редактору журнала Шандору Радо весьма характерное письмо, в котором просил его отложить публикацию статьи о предстоящих торжествах на более поздний срок, а ближайший номер посвятить воспоминаниям об Абрахаме, которые Радо планировал опубликовать в конце года:

«Нельзя предаваться торжествам, пока не исполнен печальный долг».

Письмо Фрейда к Джонсу, написанное в связи со смертью Абрахама, проясняет один из мотивов, согласно которому Фрейд считал своей обязанностью продолжать жить и бороться: дело его жизни не должно быть оставлено. Другим мотивом выступала необходимость продолжать обеспечивать свою большую семью, к которой он относил не только своих детей и внуков, но и своих сестер и их потомство.

В 1926 г., когда Фрейду исполнилось 70 лет, его внутренняя борьба усилилась. В попытке проанализировать то, что Фрейд называл непрерывным потоком болезненных ощущений, я обратился к записям Пихлера за 1926 г. — «обычный» год, не отягощенный серьезными хирургическими процедурами и сопровождавшийся лишь непрекращающимися попытками достичь хоть какого-то более-менее комфортного состояния. В том году Фрейд 48 раз посещал своего врача, перенес биопсию, два прижигания и постоянно экспериментировал с тремя разными протезами. Все это сочеталось с попытками сохранить оставшиеся зубы.

В третью неделю февраля 1926 г. была опубликована статья «Торможения, симптомы и тревога», в которой Фрейд сформулировал концепцию «сигнальной тревоги» как непосредственного отклика на сознательное или бессознательное знание об опасности. В ту же неделю промелькнул новый «сигнал опасности» для Фрейда. Несколько раз после усиленных физических нагрузок он чувствовал стенокардическую боль (не сопровождавшуюся тревогой и, в отличие от приступов 1894 г., без одышки). Кар-

диолог Людвиг Браун, друг Фрейда, диагностировал у него стенокардию¹ и рекомендовал полный покой.

В то время Фрейд имел основания надеяться, что в ближайшем будущем ему удастся избежать рецидивов рака². Рак всегда оставался для него главной угрозой будущего, тогда как сердечные боли означали более непосредственную опасность. Поэтому он был готов, по крайней мере временно, воздерживаться от курения. После некоторых колебаний он также согласился провести несколько недель в «Санаториуме», дорогом частном госпитале, расположенном в одном из отдаленных уголков Вены.

Написанное 10 марта 1926 г. большое письмо к Эйтингтону отразило реакцию Фрейда на эту новую опасность и его нежелание участвовать в различных торжествах, планировавшихся в честь его 70-летия.

Поскольку большая часть этого письма была процитирована Джонсом, я сошлюсь лишь на некоторые наиболее существенные моменты.

«[Фрейд предполагал встретиться с комитетом по случаю своего дня рождения в особенности потому, что эта встреча могла оказаться последней.] Я говорю это, не сетуя на судьбу и ничуть не стремясь уйти в отставку, но как о естественном факте. Хотя я знаю, как трудно убедить людей в подобном взгляде на вещи.

[Затем он поведал Эйтингтону о своем миокардите³.] Количество моих телесных недугов заставляет задуматься о том, сколько долго я еще смогу продолжать свою профессиональную деятельность, особенно если откажусь от спасительной привычки курить, что приведет к значительному снижению моих интеллектуальных способностей... Единственное, чего я действительно боюсь, — это инвалидности, которая лишит меня возможности работать...

[Он бесстрастно констатировал, что] болезнь сердца открывает перспективу исхода не слишком затянутого и не слишком жалкого... Не думайте, что я попросту нахожусь в депрессии. Я считаю своим успехом сохранение ясности суждений во всех обстоятельствах, в противовес бедному Абрахаму, который позволил себе обманываться!»

¹ Электрокардиография тогда еще не была распространена повсеместно.

² См. его письмо к Бинсвангеру (15 октября 1926 г.), процитированное в главе 13.

³ Любые проблемы с сердцем, даже сосудистого происхождения, в то время чаще всего называли «миокардитом». Однако возможно, что Фрейд использовал тот же термин, как и в пору своих сердечных болей 1890-х гг., поскольку Браун (которого я хорошо знал) был очень обстоятельным человеком и всегда предоставлял Фрейду самую точную информацию.

Последнее предложение демонстрирует свойственное Фрейду отношение к опасности. Оно также иллюстрирует, сколь серьезным было его стремление к обладанию полным знанием, сколь бы горьким оно ни было. В этой связи вспоминается заключительное примечание из его письма 1910 г. к Пфистеру: «Словами короля Макбета: давайте погибнем на поле боя».

Двумя неделями позже самочувствие Фрейда улучшилось, и 28 марта 1926 г. он писал Эйтингтону:

«Теперь, когда я начал писать о наиболее интимных вещах, вижу, что должен сообщить Вам о том, что пребывание на моей «Ривьере»¹ в значительной мере способствовало улучшению моего внешнего вида, веса и самочувствия. Неприятные ощущения в области сердца полностью не исчезли, но сохранились до минимума. Теперь я без болей могу совершать длительные прогулки и склонен считать тогдашнее мое состояние временным, в чем меня пытается убедить и мой искусный врач Браун. За сим, как это повсеместно и бывает, мои «волнения» также отошли на второй план».

В то время Фрейд начал писать Мари Бонапарт. В 1925 г. она решила пройти анализ у Фрейда, и он принял ее в качестве пациентки. Со временем она сама стала аналитиком и его верным другом. Фрейд поддерживал переписку с ней до конца своей жизни. Из его писем к ней среди прочего мы узнаем и подробности его приступов болезни, о борьбе с искушением курить превосходные сигары, которые она ему присылала, и т. д.

Из «Санаториума» Фрейд возвратился домой в начале апреля 1926 г. Он все еще работал по облегченному графику, однако симптомы болезни сердца теперь исчезли. Письмо к Мари Бонапарт, написанное 27 апреля, всего за девять дней до пугающего 70-летнего юбилея, ясно свидетельствует о сохранении восприимчивости Фрейда к прекрасному, особенно к красоте природы. Он писал:

«Я должен продолжать мои утренние прогулки по венским рощам и нахожу их поистине прекрасными. Какая жалость, что мне пришлось стать старым и больным, прежде чем сделать это открытие. И какое счастье, что Вам не требуется столько же времени, чтобы благодаря Вашему саду² суметь почувствовать все эти прелести.

Кстати, Вы знакомы с той славной маленькой поэмой нашего Уланда? В ней как нельзя лучше передано дыхание весны. Бо-

¹ Так Фрейд называл «Санаториум».

² На улице Сен-Клу, близ Парижа.

юсь, что она не совсем точно сохранилась в моей памяти, но для Вас попытаюсь ее процитировать:

С каждым днем мир все прекраснее,
Не знаем мы, что можно ждать еще;
Цветенью нет конца,
И зелен даже самый дальний уголок.
Забудь же ныне все свои страдания,
Все переменится теперь.

Я все еще очень активен»¹.

Как мы увидим, десятью годами позже в письме к Арнольду Цвейгу Фрейд процитировал эту же самую поэму, однако уже без оптимистичного окончания.

Тон этого письма подчеркивает, что Фрейд по-прежнему находил в себе силы жить и «наслаждаться всеми мелочами жизни» даже при его состоянии здоровья.

С 70-летием Фрейда поздравляли со всех концов земного шара. Фрейд прислал Мари Бонапарт подробное и живое описание состоявшегося 10 мая 1926 г. праздника. Вот характерный отрывок из него:

«Я прочел и услышал немыслимую массу лестного. К празднованию присоединилась и еврейская ложа, к которой я принадлежу 29 лет. Мой врач, профессор Людвиг Браун произнес речь, очаровавшую всех, кто там присутствовал, включая и мою семью. Я вынужден был просить позволения воздержаться от присутствия там, поскольку это было бы слишком бестактно. Когда кто-либо оскорбляет меня, я могу защититься, но от лести я беззащитен».

Фрейд очень неуютно чувствовал себя в фокусе всеобщего внимания. Однако вопреки всем своим опасениям и протестам, он был искренне благодарен за все теплые слова, прозвучавшие в его адрес.

«У меня сложилось впечатление: мир действительно питает к моей работе определенное уважение. Но пока анализ признан только аналитиками».

Блестящая и захватывающая речь Брауна была опубликована в «Mitteilungen» ложи Бнай Брит. 6 мая 1926 г. Фрейд написал письмо ее членам, вспоминая, как вступил когда-то в их общество. В нескольких фразах он сумел обрисовать ту нестигаемую внутреннюю силу, благодаря которой он мог преодолевать все препятствия, из года в год возникавшие на его пути.

¹ Имеется в виду отказ от курения.

«И случилось так, что в последовавшие за 1895 г. годы произошло два глубоко затронувших меня события. Прежде всего, я впервые достиг приблизительного понимания глубин человеческих инстинктов, открыв для себя много отрезвляющего и поначалу даже пугающего. Во-вторых, обнародование моих непопулярных открытий привело в то время к утрате многих моих старых друзей. Я ощущал себя словно поставленный вне закона человек, которого все предпочитали сторониться. Эта изоляция пробудила во мне страстное желание приобщиться к кругу блестящих людей с высокими идеалами, которые отнеслись бы ко мне с пониманием, невзирая на мое безрассудство. О вашей ложе я слышал как о том месте, где я смогу отыскать таких людей...

И вскоре пришло понимание, что именно моему еврейскому происхождению я обязан тем двум качествам, которые выступали неотъемлемой частью моего существа в течение всей моей трудной жизни. Я обнаружил, что, как еврей, лишен многих предрассудков, которые так мешают другим людям беспристрастно смотреть на вещи. Кроме того, я в большей степени, чем другие, оказался приспособлен, чтобы противостоять мнению «единого [цельного] большинства»¹.

Так я стал одним из вас, разделил ваши человеколюбивые и национальные интересы, обрел среди вас друзей... В то время, когда никто в Европе не желал меня слушать и у меня не было учеников, именно вы уделили мне благожелательное внимание. Вы стали моей первой аудиторией... Смею уверить, что в те годы, которые мы провели вместе, вы очень много для меня значили и многое для меня сделали».

¹ Цитата из «Врага народа» Г. Ибсена.

Глава 17

БУДУЩЕЕ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Фрейд вступил в «возраст патриарха». Празднуя это событие, он обратился к своим «сыновьям» и напомнил им, что с этих пор им следует полагаться лишь на самих себя. (На самом деле на следующий день после празднования Фрейд провел семь с половиной часов на конференциях и в дискуссиях с собравшимися отовсюду аналитиками!) Несмотря на сделанное заявление, Фрейд не только продолжал активно интересоваться развитием психоанализа как науки, но при этом и все его «сыновья» продолжали советоваться с ним и обращались за помощью по научным, организационным и даже личным вопросам.

Это обращение Фрейда возвестило о переменах в его основных интересах. После написания своего блестящего эссе «Вопрос работы прихонализа», в котором он сумел наиболее четко и совершенно понятно представить контуры психоанализа, Фрейд неоднократно говорил об этих переменах. В постскриптуме к «Вопросу работы психоанализа» он писал:

«По прошествии сорок одного года медицинской деятельности я, наконец, понял, что никогда не был врачом в подлинном смысле этого слова. Я стал врачом лишь потому, что вынужден был свернуть с моего основного пути. Успехом моей жизни я обязан тому, что после долгих скитаний вновь смог вернуться на свою тропу. Я не помню в моем раннем детстве какого-либо стремления помочь страждущему человечеству. Моя врожденная садистская наклонность не была слишком сильной, так что я не испытывал потребности как-либо ее развивать. Я никогда не стремился и «поиграть в доктора»; мое детское любопытство, очевидно, избирало другие пути. *В молодости я чувствовал непреодолимое желание разобраться в загадках мира, в котором мы живем, и по возможности даже внести некоторый вклад в их решение*» [Курсив мой. — М. III.].

В постскриптуме от 1935 г. к своему «Автобиографическому исследованию» Фрейд говорил:

«Две темы проходят через эту работу, повествующую о моей жизни и об истории психоанализа. Они теснейшим образом переплетены. «Автобиографическое исследование» показывает, как психоанализ стал смыслом моей жизни. Кроме того, оно исходит из вполне оправданных предположений, что, помимо моих научных занятий, ничто другое в моей личной жизни не заслуживает такого внимания.

Незадолго до того, как я стал писать «Автобиографическое исследование», появилось ощущение, что из-за рецидива злокачественной опухоли моя жизнь вскоре завершится. Однако в 1923 г. меня спасло искусство хирургов, и я мог продолжать жить и работать, хотя уже никогда не мог похвалиться здоровьем и отменным самочувствием. За десятилетие, прошедшее с тех пор, я ни разу не прекращал своей аналитической работы и не переставал писать... Но сам я вижу, что произошли существенные перемены. Нити, которые переплелись друг с другом в моем развитии, начали отделяться одна от другой; интересы, возникшие позднее, отошли на задний план, а на первое место вышли более ранние, первоначальные. Хотя за этот десяток лет мною была проделана важная часть аналитической работы, например пересмотрена проблема тревоги в «Торможениях, симптомах и тревоге». Годом позже мне удалось предложить простое объяснение сексуального «фетишизма»... Тем не менее нужно сказать, что с тех пор, как я выдвинул гипотезу о существовании двух типов влечений (Эрос и влечение к смерти) и предложил проводить различие между «Я», «Сверх-Я» и «Оно» (1923), я больше не вносил существенного вклада в психоанализ. То, что я написал позже, могло бы без потерь остаться и не написанным. Это связано с произошедшими во мне коренными переменами, с некоторой стадией обратного развития, если можно так выразиться. После того как всю жизнь я посвятил естественным наукам, медицине и психотерапии, мой интерес обратился к тем культурным проблемам, которые когда-то вряд ли бы захватили пробудившегося к размышлению юношу».

Так Фрейд описывал свое внутреннее развитие, в рамках которого возникли такие его работы, как «Будущее одной иллюзии» и «Недовольство культурой».

В его повседневной жизни, омраченной постоянными попытками подобрать, наконец, удовлетворительный протез, не произошло никаких существенных перемен. В дневнике Пихлера за 1927 г. содержится 77 записей (включая сведения об одном хирургическом вмешательстве и электрокоагуляции маленькой лейкоплакии). Новое «осложнение» проистекало из распоряжения правительства об ограничении товарооборота: в Австрию было запрещено импортировать сигары, притом что австрийские сига-

ры были довольно плохи. В этих условиях неутомимому паладину Эйтингтону пришлось искать новые источники поставок сигар в Германии и новые способы доставить их в Австрию.

Следующее письмо рассказывает именно об этом периоде:

«...Во-вторых, я хочу поблагодарить Вас за те великолепные сигары, которые Вы мне прислали. Лишь как-то очень давно мне доводилось курить нечто столь же восхитительное. И поскольку у меня нет намерения отказываться от этого источника удовольствия на оставшиеся мне годы жизни, я прошу Вас использовать любую возможность пополнить мои припасы.

...Появление нового протеза вновь и вновь откладывается, и нет никаких гарантий, что он будет лучше прежнего, а пока я чувствую себя чрезвычайно неудобно».

Ранней весной стенокардическая боль снова дала о себе знать. Опять более двух недель Фрейду пришлось провести в «Санаториуме». Это означало очередную тщетную попытку бросить курить. 14 апреля 1927 г. Фрейд писал Эйтингтону:

«Очень благодарен Вам за отправленные мне новые сигары, стоимость которых, как я надеюсь, Эрпст исправно возмещает¹. Разумеется, сейчас меня уговаривают курить меньше. Мой новый протез оказался в чем-то лучше, но в чем-то и хуже».

Фрейд никогда не упускал возможности представить свои чувства и реакции на суд анализа, что явствует из следующей записи в дневнике Пихлера: «Пациент сделал интересное самонаблюдение о неблагодарности пациентов и их сопротивлении состоянию подчиненности» (12 мая 1927 г.).

6 июня Фрейд вновь писал Эйтингтону:

«Итак, Вы тоже оказались в числе мечтателей! То «почти» [очевидно, Эйтингтон убеждал Фрейда в том, что его новый протез «почти» совершенен] имеет свои корни в той иллюзии, от которой Вы не желаете отказаться. Видно, Вы считаете, что Пихлер преуспеев в удалении последнего подозрительного пятна на моей челюсти и все, наконец, станет как прежде. Однако это «последнее» пятно всегда оказывается лишь предпоследним, а тем временем появляется что-нибудь новенькое как, например, периостит, из-за которого мой зуб дал понять, что в дальнейшем на него мне рассчитывать не стоит. Так что этой иллюзии суждено разделить участь прочих».

¹ Эрнст Фрейд жил в Берлине.

Это письмо, разъясняющее отношение Фрейда к любым иллюзиям, служит очень наглядным примером тесной связи между жизнью Фрейда и его работой. Той же весной он начал писать «Будущее одной иллюзии», закончив рукопись в ноябре 1927 г. Продолжив работать над идеями, изложенными в «Тотеме и табу» и «Мыслях о времени войны и смерти», Фрейд привел к логическому итогу «манифест о психологической революции», о которой объявил в «Лекциях по введению в психоанализ». Формулировки, появившиеся на страницах «Будущего одной иллюзии», отразили жизненный путь Фрейда, проделанный им за предшествовавшее десятилетие.

Я процитирую несколько наиболее уместных отрывков из этой книги, которые повествуют о том, «что, возможно, является важнейшей составляющей духовного инвентаря культуры: о ее религиозных представлениях. Иными словами (как это будет обосновано позже), о ее иллюзиях». Здесь нашел свое выражение тезис Фрейда, согласно которому главной задачей цивилизации и *смыслом* ее существования является защита людей от сил природы — стихий, болезней и «мучительной загадки смерти».

«Силы природы противостоят нам. Величественная, жестокая, неумолимая, природа напоминает нам о нашей слабости и беспомощности, от которых мы, как полагали, избавились благодаря цивилизации...

[Жизнь трудновыносима как для отдельного человека, так и для человечества в целом.] Как личность реагирует на ущерб, наносимый ей культурой и другими людьми, мы уже знаем: она накапливает в себе соответствующую меру сопротивления культуре и враждебности к ней. А как она обороняется против сокрушительных сил природы, судьбы, которые грозят ей?

[Чтобы преуспеть в этом] мир и жизнь должны быть представлены не столь ужасными [природа должна быть очеловечена]. С безличными силами и судьбой не вступишь в контакт, они остаются вечно чуждыми нам. Но если в стихиях бушуют страсти, как и в нашей собственной душе, если даже смерть представляет собою насильственное деяние некой злой Воли... тогда мы можем вздохнуть свободно, почувствовать себя как дома среди всей этой жути и направить силы нашей психики на свою безрассудную тревогу...

[Этот процесс есть повторение его инфантильного прообраза:] Когда-то человек уже был таким же беспомощным: в раннем детстве перед своими родителями. У ребенка были основания их опасаться... и при том быть уверенным, что они защитят его от всех опасностей, которые ему только знакомы понаслышке... Здесь, так же как в сновидении, свою роль играет желание. Спящего

может посетить предчувствие смерти, грозящей свести его в могилу. Но механизмы спотворчества ловко подбирают такие условия, при которых это страшное событие превращается в исполнение желания: например, спящий видит себя в старой этрусской гробнице, куда он радостно спускается для удовлетворения своих археологических интересов».

Здесь Фрейд в очередной раз продемонстрировал преемственность своего творчества, сославшись на свой собственный сон, который обсуждался в «Толковании сновидений». Этот сон некогда помог ему победить страх смерти (см. главу 5). На этот раз он попытался отнестись к этому своему страху по-иному.

По мнению Фрейда, человечество наделяет силы природы качествами, присущими отцу, и обращает их в богов, приписывая им три задачи:

«...Они должны умиротворять ужасы природы, примирять людей с безжалостной Судьбой, выступающей прежде всего в образе смерти, и вознаграждать за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном мире...

Что касается повелений рока, то мне упрямо приходит на ум неприятная догадка о том, что неведению и беспомощности рода человеческого тут уже ничем нельзя помочь. Боги здесь оказываются слабее всего. Уже самые одаренные люди античных времен начинают понимать, что Мойра [Судьба] стоит над богами... И чем более самостоятельной оказывается природа... тем напряженнее все ожидания сосредоточиваются на третьей отведенной им функции, тем в большей мере их подлинной сферой становится нравственность. Цель богов теперь состоит в том... чтобы вникать в страданиям, которые люди причиняют друг другу, и следить за исполнением предписаний культуры, которым люди так плохо подчиняются...

Так создается совокупность представлений, порожденных потребностью сделать человеческую беспомощность хоть как-то переносимой... Очевидно, что такое приобретение оберегает человека как от опасностей природы и Судьбы, так и от ущерба, причиняемого ему самим человеческим обществом. Общий смысл таков. Жизнь в нашем мире служит некоторой высшей цели... О каждом из нас печется великодушное Провидение... Сама смерть есть вовсе не уничтожение, не возвращение в безжизненное небытие, но начало нового существования, возводящего нас на более высокую ступень развития... Жизнь после смерти, продолжающая нашу земную жизнь наподобие того, как невидимая часть спектра соприкасается с видимой, дарует нам все то, чего мы на этом свете так и не получили».

В «Тотеме и табу» Фрейд пытался проследить и объяснить развитие культуры и религии. В «Будущем одной иллюзии», повторив и развив эти идеи, Фрейд поставил несколько ключевых вопросов: «...что представляют собой эти идеи в свете психологии?.. И какова их истинная ценность?»

Фрейд проявил себя наилучшим образом как учитель и писатель, когда представлял свои тезисы в форме диалога с воображаемым учеником или оппонентом. Он воспользовался этим методом в «Лекциях по введению в психоанализ», «Вопросе о работе психоанализа» и двух последних главах «Будущего одной иллюзии». Судя по переписке с Пфистером, похоже, что именно последний и представлял воображаемого участника мысленного спора. Озвучив сперва возражения своего оппонента, Фрейд продолжал размышлять, начав со следующего определения:

«Религиозные представления являют собой учения и утверждения о фактах и обстоятельствах внешней (или внутренней) реальности, сообщающие нечто такое, подтверждение чему мы самостоятельно не находим и что требует веры».

Фрейд изложил множество примеров фактов, которые сплошь и рядом преподносятся ученикам в школах в виде готовых истин, но при этом не сопровождаются никакими обоснованиями.

«Они предлагаются нам как краткий исход более или менее долгого мыслительного процесса, опирающегося на наблюдения и, разумеется, также и на умозаключения. Если же некто намерен самостоятельно пройти весь путь заново, вместо того чтобы принять его однажды как уже зафиксированный итог, то указывается необходимый для этого образ действий».

Говоря о религиозных учениях, Фрейд приводил три довода, которые рассматривались как «доказательства» их истинности: во-первых, наши предки верили в это; во-вторых, «до нас дошли свидетельства, сохранившиеся с тех самых пор; и, в-третьих, вообще запрещено задавать вопросы о доказательности религиозных догматов».

«Мы должны верить потому, что верили наши предки. Но наши предки были много невежественнее нас. Они допускали существование таких вещей, которые в наше время ни у кого не вызовут доверия... Имеющиеся у нас свидетельства представлены в текстах книг, которым, судя по всему, вряд ли стоит доверять. Эти книги полны противоречий, много раз подвергались редакциям, фальсифицировались...

Так мы приходим к поразительному выводу, что все эти сведения, составляющие нашу культурное наследие... призванные открыть нам загадки бытия и примирить нас со страданиями жизни... являются очень мало обоснованными...

И не следует полагать, что все, сказанное мной относительно недоказуемости религиозных учений, содержит нечто новое. Это ощущали... наши предки, оставившие после себя такое наследие. Вероятно, многие из них питали те же сомнения, что и мы, только над ними довлел слишком большой гнет, чтобы они отважились их высказать. И с тех пор бесчисленные множества людей терзались одинаковыми сомнениями... многие блестящие умы сломались в этом конфликте, многие характеры стали ущербными из-за компромиссов, через которые они искали выход из положения».

Фрейд вновь поднимал вопрос: откуда религиозные доктрины черпают свои силы и чему они обязаны своей действительностью, «независимой от голоса разума»? Он отвечал на него таким образом:

«[Эти доктрины] не являются сухим остатком опыта или итоговым заключением мысли: это иллюзии, реализации древнейших, сильнейших и наиболее настойчивых желаний человечества. Тайна их силы кроется в силе этих желаний, благосклонная власть божественного Провидения смягчает наш страх перед жизненными опасностями... продолжение земного существования в будущей жизни расширяет пространственные и временные рамки, в которых исполнение этих желаний окажется возможным. <...> Индивидуальная психика испытывает огромное облегчение, когда конфликты детского возраста... которые никогда до конца не преодолеваются... получают общепринятое разрешение.

Оценка истинности религиозных доктрин выходит за рамки данного исследования. Нам достаточно того, что мы сумели охарактеризовать их... как иллюзии... Мы примерно знаем, в какие времена... создавались религиозные доктрины. Если же добавок мы откроем и соответствующие мотивы, то наша позиция в отношении религиозной проблемы претерпит заметное изменение. Мы говорим себе, что было бы прекрасно, если бы существовал Бог, создавший мир и благое Провидение, и существовал бы нравственный мировой порядок и загробная жизнь. Однако было бы просто поразительно, если бы все обстояло так, как нам бы того хотелось. И еще более удивительным было бы, если бы наши несчастные, невежественные и угнетенные предки преуспели бы в решении этих трудных загадок мироздания».

Затем Фрейд выдвинул на первый план возражения воображаемого собеседника, которые сводились к тому, что такая работа может быть опасной, подорвать мораль, провозгласить незаконные и т. д. При этом он даже пренебрег тем, что его книга может повредить репутации психоанализа, сообщив:

«В крайнем случае такую книгу будет запрещено переводить или распространять в той или иной стране. Несомненно, это будет та страна, которая убеждена в высоком уровне своей культуры».

Особое внимание было уделено следующему вопросу:

«Раз люди так маловосприимчивы к голосу разума и если падшими безраздельно властвуют их инстинктивные влечения, то стоит ли лишать их удовлетворения этих влечений, предлагая взамен выкладки разума? [Фрейд ответил следующим вопросом: Конечно, люди таковы, но спросите себя: действительно ли они *должны* быть такими, понуждает ли их к тому их природа?

[Фрейд полагал, что это не так. Он признавал:] Несомненно, бессмысленно пытаться силой низвергнуть религию и тем более надеяться сделать это одним махом. Прежде всего, потому, что эта затея безнадежна. Верующий не позволит отнять у себя свою веру ни доводами разума, ни запретами. И даже если бы в отношении кого-то такое удалось, то это было бы слишком жестоко.

[Однако отсюда не следует, что люди непременно *должны* находить утешение в религии, чтобы жить по-человечески:] Я должен возразить Вам, когда Вы... настаиваете, что люди... без иллюзорного религиозного утешения... не способны выносить тяготы жизни и жестокость действительности. Да, несомненно, это так. Но это относится только к тем из них, в которых с детства вливали сладкий — или кисло-сладкий — яд. А другие, воспитанные в атмосфере здравомыслия? Тот, кто не страдает от невроза, не нуждается в паркозе. Конечно, люди тогда окажутся в трудном положении. Они должны будут признать... свою ничтожность в механизме мироздания; они перестанут быть центром творения, объектом нежной заботы благосклонного Провидения. Они попадут в ситуацию ребенка, покинувшего родительский дом, где ему было так тепло и уютно... Но людям нельзя вечно оставаться детьми; они должны, в конце концов, выйти в «недружелюбный мир». Мы можем назвать это «*воспитанием реалистичности*». Следует ли мне уверять Вас, что единственная цель моего сочинения — указать на необходимость этого шага в будущее?

Возможно, Вы опасаетесь, что люди не выдержат столь тяжелого испытания? Однако будем все-таки надеяться. Понимание того, что ты предоставлен лишь своим собственным силам, чего-

нибудь да стоит... Люди не беспомощны. Со времен потопа наука многому их научила, и она будет и впредь увеличивать их силу. А что касается Судьбы, против которой ничего нельзя предпринять, то они научатся принимать это с покорностью. К чему им пустые обещания какого-нибудь призрачного огромного надела на Луне, пользы с которого еще никто никогда не видел? Как честным мелким землевладельцам, им известно, как обрабатывать свою родную землю, чтобы она их прокормила. Перестав ожидать чего-либо от загробного существования и сосредоточив все высвободившиеся силы на земной жизни, они, пожалуй, преуспеют в том, чтобы жизнь, наконец, стала сносной для всех и культура никого уже больше не угнетала. Тогда они не колеблясь смогут повторить за одним из наших неверующих собратьев:

Мы аистам и воробьям
Оставим небо дружно¹.

Казалось, эти слова прозвучали финальным аккордом. Однако Фрейд предоставил своему воображаемому оппоненту дополнительный шанс, вложив в его уста следующий аргумент:

«Мне кажется, что мы теперь поменялись ролями: Вы превратились в мечтателя... захваченного иллюзиями, а я представляю голос разума, осуществляю свое право на скепсис. Вашу трактовку... я могу назвать иллюзорной, поскольку в ней слишком очевидно прослеживается влияние Ваших желаний. Вы склонны верить в то, что поколения, не испытывавшие в раннем детстве влияния религиозных учений, легко сумеют подчинить страсти разуму. Увы, в этом отношении человеческая природа вряд ли когда-нибудь изменится... Если Вам угодно изгнать из нашей европейской культуры религию, то этого можно достичь только с помощью другой системы учений, которая с самого начала переймет все психологические черты религии: священный характер, косность, нетерпимость, запрет на мысль.

[И тем не менее, за самим Фрейдом осталось последнее слово:] У Вас нет оснований полагать, что я недоступен для Вашей критики. Я знаю, как трудно уберечься от иллюзий. Возможно, надежды, в которых я признался, тоже иллюзорны... Примите мою попытку такой, какова она есть... Возможно, подобная позиция, выведенная из индивидуальной психологии, недостаточно обоснованна, ее распространение на весь человеческий род неоправданно, а мой оптимизм не имеет под собой почвы. Соглашусь, что все здесь сомнительно. Но... мы можем сколь угодно

¹ Фраза из поэмы Г. Гейне «Германия». Слово, которое переведено как «неверующие собратья» — на немецком «Unglaubensgenossen», — Гейне употребил в отношении Спинозы.

часто подчеркивать, что человеческий интеллект бессилен в сравнении с человеческими страстями, и будем совершенно правы. Однако тут все не так просто. Голос разума слаб, но он не умолкнет, пока не будет услышан. И в конечном итоге, невзирая на постоянные попытки его окоротить, он все же добивается своего. Этот факт один из немногих, питающих наш оптимизм относительно будущего человечества, но и он сам по себе немаловажен. И он может оказаться верной опорой для прочих надежд. Господство разума действительно кажется делом очень и очень далекого будущего. Но тем не менее, это будущее хоть и стоит далеко от нас, но не *бесконечно* далеко.

У науки много открытых и еще больше тайных противников... Утверждают, что она мало чему нас научила и несопоставимо больше оставила нерешенных загадок. Но при этом люди словно забывают, как она еще молода, как трудны были ее первые шаги и как ничтожно мало времени прошло с тех пор, как человеческий интеллект достаточно окреп для решения выдвигаемых ею задач...

Нет, наша наука не иллюзия. Но иллюзорной была бы надежда, что мы сможем где-либо еще получить то, чего наука дать нам не в состоянии».

Таким образом, «Будущее одной иллюзии» оканчивается на оптимистической ноте, в которой звучит уверенность в грядущем торжестве Разума.

Еще некоторое время Фрейд продолжал обсуждать «Будущее одной иллюзии» в своей переписке с Пфистером. Так, 16 октября 1927 г., перед опубликованием этого произведения, Фрейд написал Пфистеру письмо, которым хотел подготовить его к выходу книги и где в полной мере проявил весь свой такт и деликатность, стремясь не обидеть чувств друга своим решением:

«В последующие несколько недель появится мой памфлет, которым я во многом обязан Вашему участию. Я давно хотел его написать и всякий раз откладывал, памятуя о Ваших возражениях. Однако в конечном итоге исходный импульс оказался слишком силен. В его основе, как Вы легко можете догадаться, лежит полное неприятие мною религии во всех ее формах, даже сколь угодно ослабленных. Хотя в этом нет для Вас ничего нового, я по-прежнему очень боюсь, что мои взгляды, получив публичное выражение, могут причинить Вам боль. Когда Вы это прочтете, то я бы хотел как можно скорее получить от Вас ответ, в какой мере Вы еще способны сохранить понимающее и терпеливое отношение к столь неискрающему атеисту.

Всегда искренне Ваш,

Фрейд».

Реакция Пфистера не была неожиданной. Ничто не могло поколебать его уважения к Фрейду, однако его ответ был изложен именно в том стиле, который Фрейд и «ожидал» от своего воображаемого оппонента из двух последних разделов «Будущего одной иллюзии».

Летом 1927 г., работая над «Будущим одной иллюзии», Фрейд попутно заинтересовался трудами и личностью Ф.М. Достоевского. Письмо к Мари Бонапарт, написанное 5 августа 1927 г., иллюстрирует то, как отражались проблемы жизни и творчества Достоевского в переписке Фрейда. Дочь Мари Бонапарт серьезно заболела. Фрейд писал ей:

«Ужасно слышать, что Ваша малышка снова больна. Я надеюсь, что она сможет преодолеть все эти беды. Мое застарелое мнение, что болезни излишни — с необходимостью смерти я смиряюсь, — крепнет с каждым днем.

[Следующий отрывок имеет отношение еще к одной проблеме, затронутой Мари Бонапарт:] Это старая проблема, потрясающе представленная в «Великом инквизиторе» Достоевского: сможет ли человечество оценить дары свободы или же, напротив, ему больше всего подходит полнейший абсолютизм? Да, проблема есть, но где ее решение? Где нам искать гарантии такого превосходства?»

Здесь Фрейд обратился к вопросам, которые он поднимал на страницах «Будущего одной иллюзии». В первых главах этого произведения он обсуждал тот факт, что культура, в лице неких ее авторитетных представителей, навязывает человеку ряд морально-этических стандартов, призванных подавить его инстинктивные потребности. Однако тут же возникает вопрос: сможет ли человек жить, если у него отнять милые его сердцу иллюзии? Не питаем ли мы сами иллюзий, если думаем, что сможет? На первый вопрос Фрейд ответил утвердительно, отметив при этом, что если такое и произойдет, то в весьма отдаленном будущем. Мы можем предположить, что сам Фрейд достиг подобного уровня превосходства Разума, «Я». Но что можно сказать о великом множестве других людей?

Видимо, название эссе Фрейда имеет двойное значение. Он был убежден в иллюзорности религиозных доктрин; в том, что он должен сделать это заявление в силу его истинности; что сам он не нуждается в подобных иллюзиях. Что касается остальных, то он надеялся, что окончательная победа разума, в свою очередь, иллюзией не является, хотя в те времена могло показаться, что это совсем не так.

События следующих лет не смогли поколебать убеждений Фрейда, его способности жить без помощи иллюзий, однако они

серьезно подорвали его веру в грядущую победу разума и здравого смысла.

После опубликования «Будущего одной иллюзии» у Фрейда наступил очередной творческий спад. Он по-прежнему мучился со своим протезом. Пихлер постоянно старался его усовершенствовать, предприняв к весне 1928 г. пять таких попыток. Порой Фрейд был не в состоянии оставлять нижний протез на ночь, но если он надолго его вынимал, то ткани стягивались и это доставляло Фрейду еще больше мучений. В том году Пихлер последний раз встретился с Фрейдом 15 июня 1928 г., и это была их 49-я встреча за пять с половиной месяцев!

Фрейд тогда подумывал о поездке в Берлин к профессору Шредеру, специалисту в области челюстно-лицевой хирургии, способному сконструировать новый протез. Он крайне неохотно пошел на такой шаг. Его сомнения на этот счет недвусмысленно отразились в письме к Джонсу, написанном 1 июля 1928 г.

«Усилия Пихлера по улучшению моего протеза за последний год принесли мне множество страданий. Конечный результат весьма неудовлетворителен. Таким образом, я зажат со всех сторон и просто вынужден обратиться к кому-то еще. Это для меня очень непростой шаг, ведь я уже обязан Пихлеру еще четырем годами моей жизни. Однако дальше так продолжаться не может. На прошлой неделе профессор Шредер из Берлина направил своих помощников, чтобы меня осмотреть, и оставил мне надежду, что недели через четыре он сможет сделать мне нечто получше. Я согласился с его предложением и думаю в сентябре отправиться в Берлин».

Пихлер, понимавший, что сам он не в состоянии улучшить протез, принял это известие как истинный джентльмен. И когда Фрейд вновь возвратился к Пихлеру, тот принял его столь же уважительно, как и раньше.

Протез Шредера временно принес Фрейду существенное облегчение. Главным его достоинством была меньшая громоздкость. И хотя Фрейд заявил об «улучшении своего состояния на 70%», он был совершенно измотан и мог лишь постепенно восстанавливать свою психоаналитическую практику.

И все-же дух «Иллюзии» не был сломлен.

На протяжении 1928 г. смерть дважды приходила к близким Фрейду людям. Зимой Джонс потерял маленькую дочь, которая была ему особенно дорога. Фрейд попытался, как мог, смягчить эту утрату. 11 марта он писал:

«Мое сочувствие опирается на собственный болезненный опыт. То, что пришлось пережить Вам, на меня обрушилось целых два раза. Будьте уверены, София была моей любимой дочерью, хотя

тогда она уже была взрослой. Но только когда тремя годами позже, в июне 1923 г., умер маленький Хейпеле, жизнь для меня навсегда потеряла свою прелесть. У него и Вашей малышки было нечто общее. Он тоже был крайне одаренным ребенком и не раз повторял, что скоро умрет! Как могли эти дети знать такие вещи?

Вы и Ваша дорогая жена, несомненно, еще достаточно молоды, чтобы все-таки суметь сохранить интерес к жизни».

3 мая он вновь писал Джонсу:

«Вы намекаете, что через несколько дней мне исполнится 72...

Вам известно, что мне удалось достичь согласия в том, что все мои дни рождения до 75-го праздноваться не будут. Вы можете легко понять, какие ожидания за этим стоят. Тем не менее я подзреваю, что в этот день «Verlag» подарит мне 11-й том моего Собрания сочинений и что я вполне готов с этим примириться.

«Молодость» и «старость» воспринимаются мной теперь как самые значительные противоположности. Мне кажется, что установить взаимопонимание между ними невозможно... Если бы мне довелось подольше задержаться на этой земле, то я несомненно ожидал бы услышать, что Вы и Ваша жена конечно же смогли преодолеть этот жестокий удар судьбы».

Глава 18

ФРЕЙД СТАНОВИТСЯ МОИМ ПАЦИЕНТОМ

К концу 1928 г. одна из учениц-пациенток Фрейда, Мари Бонапарт, сильно заболела в Вене, куда она приехала для возобновления своего анализа, который часто прерывался из-за ее многочисленных общественных обязанностей. На протяжении нескольких недель она находилась в больнице под моим просмотром. Впоследствии эта болезнь и послужила поводом для установления контактов между мной и Фрейдом.

Расставшись в 1923 г. с Феликсом Дойчем, Фрейд по-прежнему обходился без личного врача. Пихлер работал только над хирургическими проблемами. Попутно Фрейд эпизодически консультировался у своего старого друга Людвиг Брауна, кардиолога. Время от времени его навещал и другой его приятель, терапевт доктор Лайош Леви из Будапешта. Кроме того, за советом можно было обратиться и к старому верному другу семьи, педиатру доктору Оскару Рие. Нежелание Фрейда верить себя заботам личного врача опиралось не только на его воспоминания о событиях 1923 г., но и на глубокое понимание им проблемы двойственности любых человеческих отношений, которая в его случае могла приобрести особую остроту. Как бы то ни было, члены семьи Фрейда и его друзья были недовольны сложившимся положением дел.

Мари Бонапарт предприняла максимальные усилия, чтобы убедить Фрейда назначить своим личным врачом меня. В мою пользу говорило то, что я посещал когда-то его вводные лекции и принадлежал к крайне немногочисленному в те времена кругу психоаналитически ориентированных терапевтов. С другой стороны, были по меньшей мере два обстоятельства, которые вызывали у Фрейда сомнения: мой возраст (тогда мне не было еще и 32 лет) и то, что к тому времени я еще не окончил свой личный анализ. Это могло привести к тем же трудностям, с которыми Фрейд столкнулся при Дойче. Тем не менее он решил «испытать меня».

Никогда не забуду нашу первую встречу. Со времени вводных лекций Фрейд зачаровал меня не только как личность, но и как

мыслитель. В душе я уже тогда был аналитиком, несмотря на то что по ряду причин посвятил себя медицине внутренних органов. Я с жадностью читал все произведения Фрейда и дружил со многими аналитиками второй волны. Свой личный анализ я начал в 1925 г. и к 1928-му мог надеяться, что уже достиг достаточной меры беспристрастности, необходимой для столь ответственной работы.

На нашей первой встрече я был приглашен во «внутренние покои» — рабочий кабинет Фрейда. Подробности тех первых встреч широко представлены в ряде биографических исследований жизни Фрейда. Возможно, наиболее поэтичное их описание было приведено Хильдой Дулиттл в ее «Дани Фрейду» (1956) и Лу Андреас-Саломе в «Журнале Фрейда» (1958). Потому я ограничусь изложением лишь некоторых фактов.

Ни малейшего высокомерия не ощущалось в этом мудром человеке, встретившемся впервые с доктором, который был более чем на сорок лет его младше. Несмотря на сосредоточенную внимательность его необычайно выразительных глаз, я сразу почувствовал себя раскрепощенно. Особенно помогла в этом его высокая оценка успешности моего лечения Мари Бонапарт. В самое короткое время он продемонстрировал готовность установить между нами отношения на основе взаимного уважения и доверия. Перед тем как поведать мне историю своей болезни, он пожелал прояснить условия этих отношений. Упомянув лишь в самых общих чертах о «некоторых досадных недоразумениях с вашими предшественниками», он выразил надежду на то, что я всегда буду говорить ему только правду о его состоянии и ничего, кроме правды. Надо полагать, мой ответ вселил в него уверенность, что я сдержу обещание. Затем он, испытующе на меня глядя, добавил: «Пообещайте мне еще одну вещь: что, когда придет мое время, вы не позволите мне страдать понапрасну». Все это было сказано чрезвычайно просто, без всякого пафоса, но совершенно серьезно. После этого мы пожали друг другу руки.

Фрейд закончил нашу беседу, заявив о своем нежелании злоупотреблять профессиональным этикетом и находя нужным всецело оплачивать врачебные услуги.

Он и в самом деле был настроен решительно. В Вене было принято предоставлять врачу счет в конце года. Фрейд сделал в мой адрес соответствующий запрос, однако, познакомившись с представленными мною подсчетами, нашел их заниженными. В следующем письме он писал мне:

«10 января 1930 г.

Мой дорогой доктор Шур.

Я нахожусь в затруднении, не зная, как отнестись к тому счету, который Вы выслали мне за прошлый год. Любая медицинская организация посчитала бы, что стоимость медицинских услуг

в нем непрофессионально занижена. Я чувствую, что Вы отходите от соглашения, на котором строятся наши формальные отношения. Я не желаю оплачивать этот счет и прошу Вас прислать более правильный.

Искренне Ваш,

Фрейд».

В аналогичной ситуации оказывался и Пихлер, первая запись которого содержала следующее утверждение:

«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Профессор Фрейд
1923 г.

9.26 Консультация у профессора Гаека

Пациент поставил условием свой отказ от предоставления коллегияльных услуг, настаивая на оплате».

После того как я прошел это испытание, мы договорились о последующих встречах, во время которых я смог бы изучить историю болезни Фрейда и осмотреть его. Поскольку ему трудно было говорить, на предварительное знакомство ушло несколько встреч. Фрейд предоставил в мое распоряжение полную информацию о своих операциях и о проблемах с протезом. Он рассказал мне о своих стенокардических симптомах 1926 г. и эпизодических экстрасистолах. Мы договорились, что я смогу получить любую дополнительную информацию от его кардиолога Брауна. Он очень мало говорил о своих прежних проблемах с сердцем. В то время ни я, ни Браун не имели оснований предполагать, что у него уже наблюдались серьезные сердечные симптомы, беспокоившие его на протяжении нескольких лет.

Также Фрейд рассказал мне о появлявшихся у него временами желудочно-кишечных симптомах, стремясь избавиться от которых он неоднократно ездил на лечение в Карлсбад. Они были типичными для спастического колита. Он также говорил, что в прошлом у него иногда наблюдалось учащенное мочеиспускание, но позже эти симптомы проявлялись уже очень редко.

Общее состояние Фрейда, если не брать в расчет его ротовую полость, оказалось удивительно хорошим. Несмотря на большие сложности с жеванием и глотанием, он приучил себя полноценно питаться. Со стороны сердца тоже не было заметно никаких патологических изменений. Ни само оно, ни аорта увеличены не были. Несмотря на неумеренное курение, у него не было ни хронического бронхита, ни легочной эмфиземы.

Мне потребовалось довольно приличное время, чтобы привыкнуть к его изуверченной операциями носо-ротовой полости. Во рту у него преобладала рубцовая ткань, по площади лишь немногим

уступая обычной слизистой оболочке. Тогда я не обнаружил никаких заметных лейкоплакий. Имело место обильное истечение частично гнойного секрета, в основном из правого верхнечелюстного синуса. Во рту было много участков, чувствительных к малейшему прикосновению. Было совершенно понятно, сколь ужасные страдания должны были доставлять ему манипуляции с протезом. А ведь протез пытались улучшить уже очень много раз!

Разумеется, я расспросил Фрейда о его привычках и не обошел стороной проблему его курения. Я быстро смог понять, что курение являлось той сферой, в которой, как Фрейд сам признавался, он не мог установить «доминирование собственного «Я».

Я уже подробно обсуждал попытки Фрейда отказаться от курения (глава 2) во время проблем с сердцем 1893—1895 гг. Он не преуспел в них ни тогда, ни позже. Однако характерно, что Фрейд на какое-то время все же бросал курить после появления сердечных болей или мигреней, равно как и после выраженных желудочно-кишечных симптомов. При этом ему неохотно приходилось признаваться себе и другим, что отказ от курения в его случае приводил к незамедлительному смягчению наблюдавшихся у него симптомов. Это ясно видно из одного его письма к Эйтингтону, написанного 1 мая 1930 г.

«Сердечные и кишечные симптомы вынудили меня отправиться в санаторий, доверившись врачу [то есть мне. — *М. Ш.*], который на этом твердо настаивал. Здесь я испытал быстрое и существенное облегчение, но не в результате какого-то медицинского волшебства, а по причине моей мучительной автономности¹. За последние шесть дней я не выкурил ни единой сигары. Не могу отрицать, что улучшением моего состояния я обязан именно этому самоограничению. *И все-же это печально*» [курсив добавлен. — *М. Ш.*].

Такие периоды воздержания были непродолжительны. Порой, когда болезненные симптомы вновь заявляли о себе, Фрейд обращался ко мне: «Я знаю, что Вы собираетесь мне сказать — не следует курить». Через несколько дней отказа от табака он трогательно-обезоруживающе приветствовал меня следующими словами: «Ну вот, я опять начал». Однажды во время летнего отпуска (9 сентября 1930 г.) он написал мне письмо, где говорил, что чувствует себя лучше, и добавлял:

«Мое состояние в целом удовлетворительно; сердечные симптомы отсутствуют. В дебете: ежедневно одна сигара, со вчерашнего дня — две».

¹ Намек на статью, в которой Ференци соотносил некоторые психосоматические симптомы с поведением ящериц, в случае опасности отбрасывающих собственные хвосты.

Фрейд прекрасно понимал, что курение раздражает его слизистую оболочку, но так никогда и не согласился бросить из-за этого курить, хотя сделать это ему советовали весьма недвусмысленно. Патолог Я. Эрдхайм, исследовавший большую часть иссеченных у него тканей, неоднократно подчеркивал связь между курением и наблюдавшимися у Фрейда патологическими изменениями. Один из его отчетов гласил:

«В этот раз особенно заметно широкое воспаление, охватывающее всю слизистую и являющееся следствием неумеренного курения. Все указывает на то, что воспаление появилось раньше, тогда как образовавшаяся лейкоплакия стала следствием этого воспаления. Далее, оба образца содержат участки, где лейкоплакия уже переродилась в эпителиому, то есть предраковое состояние. Оба образца также содержат участки, в которых началось наложение глобул. Однако значительного роста вглубь не отмечено; лежащая в основе соединительная ткань загрубевшая, рубцово измененная. Иссечен достаточный фрагмент ткани, чтобы гарантировать полное удаление локального распространения эпителиомы».

В этот же отчет Эрдхайм добавил следующую ремарку: «Пациенту настоятельно рекомендуется бросить курить». Когда я показал этот отчет Фрейду, он только пожал плечами.

Познакомившись с перепиской Фрейда с Флиссом и Эйтингтоном, я получил яркое подтверждение силы пристрастия Фрейда к никотину. Многие письма к Эйтингтону полны просьб достать определенные марки сигар или жалоб на их плохое качество. Я неоднократно себя спрашивал, имел ли я право или даже должен ли был категорически настаивать на необходимости прекратить курение. Пожалуй, другой врач, оказавшийся на моем месте и обладавший беспристрастностью Пихлера, именно так бы и поступил. Я же не смог этого сделать и, мысленно возвращаясь к тем временам, понимаю, что не жалею. В любом случае сомнительно, чтобы подобная попытка могла оказаться успешной.

Фрейд не принимал никаких барбитуратов или опиатов. Мы можем лишь гадать, почему он, в 1890-х гг. в течение нескольких лет принимавший кокаин, в отличие от своего друга Фляйшля, так никогда и не стал зависим от него, но пристрастился к сигарам. Возможно, ответ заключается в том, что Фрейд никогда не стремился достигнуть преходящего эйфорического эффекта от кокаина, тогда как никотин обострял его внимание и оказывал стимулирующее влияние на мыслительный процесс. Позже курение стало помогать снятию психического напряжения, возникшего из-за терзавших Фрейда болезненных ощущений. Он

неоднократно говорил мне, что был не в состоянии работать без сигары. Но было ли время, когда Фрейд не работал?

Следующие письма к Эйтингтону весьма красноречивы в этом отношении. 1 июня 1931 г. Фрейд писал:

«Ваш вопрос о сигарах побуждает меня признать, что я вновь начал курить. Учитывая мой возраст и все неудобства, которые мне день ото дня приходится испытывать, связанный с перспективой [предотвратить новое обострение болезни] отказ от курения не представляется мне оправданным».

И 13 июля 1931 г.:

«Благодарю за Вашу посылку. Раздосадованный тем, что боль не отступает, я вновь преступил черту и [мои запасы сигар] довольно малы».

Видимо, никотин позволял Фрейду переносить боль и помогал поддерживать душевное равновесие.

Оба процитированных письма, равно как и следующее, написанное 25 июля, были отправлены Эйтингтону после 75-летия Фрейда, обеспечившего его «оправданием».

«Эмбарго на перемещения, несомненно, еще более затруднит задачу по поддержанию моих запасов сигар. Поскольку я придерживаюсь принципа, что после 75 лет человеку не следует лишать себя удовольствий, они [запасы] стремительно тают».

Однако эти письма также показывают, что в душе Фрейд все еще испытывал чувство вины¹. Я предполагаю дальше показать, как желание и обязанность жить постепенно возобладали.

В прочих отношениях Фрейда вполне можно было считать образцовым пациентом. Он почти никогда не жаловался на свое состояние. Лишь иногда мимолетное выражение боли на его лице или невольное движение выдавали, какие он испытывал мучения. За годы нашего общения между нами установилась особая связь, не требовавшая слов. Я понимал его состояние, а он, в свою очередь, понимал, что именно я о его состоянии думаю. Слова явля-

¹ При том, что никотиновая зависимость выполняла в жизни Фрейда важную функцию, мы можем допустить, что на фоне постоянных проблем со ртом, преследовавших Фрейда последние шестнадцать лет его жизни, именно эта зависимость могла помешать ему еще глубже продвинуться в понимании значимости «оральной стадии» в нормальном и патологическом процессе развития.

Во времена дружбы с Флиссом Фрейд сам полагал, что зависимость от курения может стать постоянной помехой в его работе (см. главы 3 и 4).

лись в таком случае лишь дополнительным пояснением. Никогда не придавая этому какого-то особого значения, Фрейд всегда был внимателен и великодушен к людям и проявлял самый неподдельный интерес к ним. Его способность любить, его чуткость остались с ним до самого конца.

Если не принимать в расчет зависимость от курения, в повседневной жизни Фрейд сохранял не только максимальный самоконтроль, но и такую степень безмятежности и человеческого достоинства, которая никого не могла оставить равнодушным, даже представителей гестапо и официальных властей, с которыми Фрейду пришлось иметь дело в пору нацистской оккупации. Не было в его манере поведения и ничего заурядного, шаблонного. До последних дней он сохранял удивительную психическую гибкость, позволявшую ему легко общаться с самыми разными людьми.

Несколько «пустяковых» фактов особенно важны для меня, как свидетельство его потрясающе выдержанного поведения. Несомненно, он ненавидел свой ужасный протез, но уронил его лишь однажды, во время процедуры очистки. На рабочем столе у него стояли часы, требовавшие завода каждые восемь дней. Делать это он не забывал никогда, вплоть до самого конца своей жизни. Как известно, Фрейд обладал фотографической памятью и поэтому вносил в свои рукописи очень мало изменений. Я познакомился с тысячами подлинников его писем — многие из них появились в последнее десятилетие его жизни — и почти не нашел в них исправлений или описок¹.

Никогда я не слышал от него злых или раздраженных слов в адрес кого бы то ни было, притом что последние несколько недель его жизни я провел в его доме!

Единственным обезболивающим препаратом, который Фрейд позволял себе использовать, был аспирин. При мигренях он мог согласиться принять пирамидон, и такой распорядок сохранялся в течение всей жизни. Лишь до или непосредственно после хирургических процедур он применял опиаты. К счастью, Фрейд мог похвастаться способностью к крепкому и освежающему сну. Он почти всегда быстро засыпал и безмятежно спал всю ночь. Разбудить его могли лишь очень сильные боли.

После большинства операций, за исключением самых сложных, он был в состоянии возобновить свою психоаналитическую практику через день или два. Следующий эпизод весьма красноречиво описывает устойчивость Фрейда к боли. Некоторые люди, например тот же Пихлер, даже стали воспринимать такое терпение как норму. Одна из хирургических процедур, проводившаяся под местной анестезией, затянулась очень надолго. Анестетик был уже не в состоянии удовлетворительно выполнять свое назначение в

¹ Некоторые из них были отмечены мной в предыдущих главах.

сплошь покрытых рубцами тканей. Фрейд начал стонать и потом просто произнес: «Я больше не могу это выносить». В своих записях о проведенной операции Пихлер отметил это высказывание, сопроводив его следующим комментарием: «Хотел бы я знать почему». Позже я расскажу еще о двух случаях, которые мне известны. Это были единственные моменты в жизни Фрейда, когда он лишь с трудом сумел сохранить свое неизменное хладнокровие.

На первых порах я должен был следить за общим состоянием здоровья Фрейда и пытаться облегчить его страдания без помощи специальных лекарственных средств. С июня 1928 г. по ноябрь 1929 г. Фрейд и Пихлер не встречались. После того как Фрейд отправился в Берлин, чтобы Шредер сделал ему новый протез, тяготы, связанные с его ежедневной подгонкой, легли исключительно на него самого. В следующий раз я предложил Фрейду отправиться в Берлин вместе с моим другом-дантистом доктором Йозефом Вейнманом¹, чтобы, пока Шредер улучшал протез, Фрейд мог бы постичь с его помощью тонкости обращения с ним. Именно Вейнман позже (в 1931 г.) предложил Фрейду проводить вдвухания ортоформа — производного новокaina, который в распыленном виде предполагалось наносить на болезненные участки ротовой полости². Вот где вновь пригодился старый «друг» кокаин! Фрейд согласился прибегнуть к этому средству, поскольку при таком применении ортоформ не всасывался. Посредством систематических лечебных процедур он также смог улучшить состояние своего носа и синусов.

Со временем я уже с закрытыми глазами мог представить себе каждый участок рта Фрейда. В мои функции вошла обязанность как можно раньше обнаруживать признаки появления новообразований и оповещать о них Пихлера.

Несмотря на боли, в 1929 г. Фрейд получил большое удовольствие от пребывания в Шнивинкеле близ Берхтесгадена, где я навел его в августе. (Это было недалеко от того места, где тридцатью годами раньше Фрейд закончил свое «Толкование сновидений».) Фрейд и его семья оказались изумительно радужными хозяевами. Однако больше всего меня поразило, как восторженно Фрейд воспринимает природу, цветы, луга, то, как он наслаждался красотой местных гор. Было очевидно, что все пережитые им страдания не смогли уничтожить его жизнерадостное и оптимистическое мировосприятие.

¹ Позже профессор стоматологии в Чикаго. Умер в 1960 г.

² После очередного хирургического вмешательства Пихлер, с типичной для него скромностью и благородством, сделал следующую запись: «27 апреля 1931 г.: вчера и ночью имели место приступы очень сильных болей. 28 апреля: боль почти сразу удалось снять благодаря вдвуханиям ортоформа — процедуре, предложенной доктором Вейнманом».

Глава 19

«НЕДОВОЛЬСТВО КУЛЬТУРОЙ»

Во время своего пребывания в Шнивинкеле Фрейд написал «Недовольство культурой». Его отношение к этому произведению было сходным с отношением к большинству других своих работ. Это может быть хорошо проиллюстрировано письмом к Лу Андреас-Саломе от 28 июля 1929 г.

«Милая Лу.

Со свойственной Вам проницательностью Вы легко догадаетесь, почему я задержался с ответом. Анна уже сообщила Вам, что я кое-что пишу. И вот сегодня я вписал последнее предложение, которое — насколько здесь, в отсутствии библиотеки это возможно — закончило данную работу. В ней повествуется о культуре, чувствах вины, счастья и иных высоких материях. Как бы то ни было, по сравнению с более ранними моими работами, в которых как-никак всегда ощущался внутренний творческий импульс, эта поражает меня своей посредственностью. Но что еще остается делать? Я не могу позволить себе проводить весь день курия и играя в карты. Я больше не в состоянии совершать длительные прогулки, а находящиеся здесь книги по большей части мне неинтересны. Потому я пишу, и время проходит вполне приятно. Создавая эту работу, я запово открывал самые банальные вещи».

Я уже упоминал, что Фрейд ссылаясь на эту книгу в постскрипуме к своему «Автобиографическому исследованию», где говорил, что придерживался в ней того же направления идей, как и в «Будущем одной иллюзии». Это действительно было так. Также верно и утверждение Фрейда о возвращении его интересов к проблемам культуры, волновавшим его еще много лет назад. Мы можем, однако, отметить и иные черты этой работы. Фрейд написал ее через десять лет после «По ту сторону принципа удовольствия» и через шесть и пять после соответственно «Я и Оно» и «Экономической проблемы мазохизма». К тому времени он применил и испытал структурную и дуалистическую теории в анализе своих пациентов. Он пришел к пониманию способности инстин-

кта агрессии к превращениям, связи этого влечения со «Сверх-Я» и трудностей, которые агрессивное влечение создает для процесса анализа. В «Недовольстве культурой» он в сжатой форме представил сложную взаимосвязь между разрушительным инстинктивным влечением, «Сверх-Я» и характеро- и симптомообразованием. Фрейд также отметил широкие возможности использования этих знаний в образовании, в истории, при решении социальных проблем. Однако если мы сопоставим «Будущее одной иллюзии» с «Недовольством культурой», то не сможем не заметить, насколько эти произведения различны по своим настроениям. На смену жизнеутверждающему оптимизму, уверенному в неизбежной победе «Я» над иллюзиями, слабостью и глупостью, пришел глубокий пессимизм. Мы можем лишь догадываться о факторах, приведших к такому повороту событий. События тех лет не могли особенно радовать Фрейда. Хотя вначале, несмотря на свое глубочайшее неприятие всякого насилия¹, он в целом положительно отнесся к коммунистической революции, очень скоро он ощутил, что в России верх начали брать все те же слепые агрессивные инстинкты, под которые философия марксизма пыталась подвести экономическую базу².

В Германии же быстро разрастался нацизм, олицетворяя собой все те силы, которые противостоят Разуму и Эросу. Запад все глубже увязал в трясине экономического кризиса. Ужасная инфляция снова стала напрямую угрожать финансовому благополучию семьи Фрейда.

Но особенно тяжело Фрейд переживал свои физические страдания, поглощавшие все его жизненные силы и разрушавшие его способность наслаждаться жизнью. Все эти обстоятельства вполне могли стать причиной пессимистического настроения «Недовольства культурой». Теперь Фрейд крайне скептически относился и к перспективам развития человечества. Тут было бы весьма уместно привести текст его письма к Пфистеру, где подобные его чувства выразились особенно ярко, во всем противоречия высказанной им в «Будущем одной иллюзии» уверенности, что «господство разума... кажется делом далекого будущего, однако, возможно, это будущее... все же не *бесконечно далеко от нас*».

«Вена, 7 февраля 1930 г.

Дорогой доктор Пфистер.

За окном льет дождь и, следовательно, у меня есть час, чтобы без промедления ответить на Ваше любезное письмо, пришедшее ко мне вчера.

¹ Это получило недвусмысленное выражение в его письме от 1932 г. к Альберту Эйнштейну (см. главу 21).

² Об отношении Фрейда к этому вопросу упомянуто в главе 21.

Не все Ваши новости благоприятны. Но с чего мы взяли, что все должно идти хорошо? В любом случае я рад, что Вы написали о себе и своей работе, своих надеждах и разочарованиях. Физическая удаленность людей друг от друга легко может привести к прекращению их отношений, если они ничего не слышат друг о друге и не имеют общих переживаний. В личных взаимоотношениях присутствует нечто особенно ценное, что не могут заменить ни совместная работа, ни общие интересы. Оба мы с того момента, когда обратили внимание на непреодолимые различия в нашем отношении к жизни, имеем особое основание — и, я надеюсь, склонность — развивать такие взаимоотношения.

Вы справедливо заметили, что мои умственные силы не пострадали от старости (мне уже больше семидесяти), хотя кое-какое влияние здесь все же заметно. Природа всегда выбирает между тремя способами уничтожения конкретного организма: ум и тело могут разрушаться одновременно; распад психики иногда предвещает ухудшение физического состояния; и, наконец, физический распад происходит, когда умственные способности еще не пострадали. В моем случае пока реализуется третий, наиболее гуманный. Ну а раз так, то попытаюсь извлечь выгоду из такого положения вещей. Моим ответом на Вашу краткую и сдержанную критику станет еще более краткая и скромная защита.

Я остановлюсь лишь на одном моменте. Сомневаясь в том, что человечеству суждено стать более совершенным и считая наше бытие постоянной борьбой между Эросом и влечением к смерти, результат которой представляется мне непредсказуемым, я полагаю, что эти выводы никак не обусловлены чертами моего характера. Я по натуре отнюдь не самоед и не злобный смутьян. Я бы с удовольствием поверил, что меня, как и всех прочих людей, ожидает нечто приятное, и утешался бы перспективами скорого наступления прекрасного и гармоничного будущего. Однако это было бы не чем иным, как очередной иллюзией, противоречащей истинному положению вещей. Вопрос ведь не в том, какая вера стала бы более приятной, более удобной или более выгодной для жизни, а в том, какова мера ее соответствия запутанной реальности, окружающей нас. Влечение к смерти противно стремлениям моего сердца; оно представляется мне лишь неминуемым допущением, опирающимся на биологические и психологические основания. Отсюда вытекает и все остальное. Соответственно мой пессимизм представляется мне умозаключением, тогда как оптимизм моих оппонентов выглядит как предположение. Я мог бы сказать, что считаю свою приверженность к мрачным теориям союзом по расчету, а не «по любви», как у моих «противников». И не исключено, что в результате они окажутся куда счастливее, чем я.

Разумеется, я готов допустить, что ошибаюсь по всем трем пунктам: в утверждении независимости моих теорий от моей на-

туры; в оценке моей аргументации этих теорий и их содержания. Однако Вам известно, что чем соблазнительнее перспективы, тем меньше вероятности, что они сбудутся, и тем больше страстей они вызывают в тех, кто склонен в них верить. Однако я не желаю обманываться.

Я могу представить, как миллионы лет назад величественные динозавры могли гордиться развитием своего рода и воображали свое будущее самым прекрасным. А затем, если не считать крокодилов, они вымерли все до единого. Вы возразите мне: «Но динозавры не умели размышлять! Они вообще ни о чем не думали, кроме как о том, чтобы набить свои желудки. Однако человеку дан разум, чтобы думать о будущем и верить в него». Однако что есть разум и что нам известно о нем и его месте в природе? Лично я питаю к нему огромное уважение, а природа? Разум — лишь малая ее часть, и все прочие ее создания, похоже, отлично могут без него обходиться. Так допустит ли она, чтобы разум занял в мире хоть немного более значительное положение?

Завидую тому, кто не питает в этом таких сомнений, как я.

С сердечными пожеланиями,

Ваш *Фрейд*.

Существенная часть размышлений Фрейда в «Недовольстве культурой» была посвящена вопросу практически неизбежного возникновения чувства вины перед лицом в равной мере неизбежного преобладания агрессивных и эротических инстинктов.

«Если культура представляет собой необходимый путь развития от семьи к человечеству, то как результат неизменного конфликта, протекающего из вечного противоборства любви и смерти, неизбежно возникает чувство вины, достигающее иногда такой силы, что становится невыносимым для человека. Всякий помнит драматическое обвинение великого поэта «небесным силам»¹.

Можно лишь вздохнуть при мысли, что иным людям дано умение без всякого труда извлекать глубочайшие прозрения из круговорота своих чувств, притом что другим суждено прокладывать свой путь мучительно и на ощупь».

Сколь мрачно, что спустя тридцать лет после опубликования «Толкования сновидений» эти строки, которые Фрейд отнес тогда к сновидению, которое он обсуждал в «Толковании» и в эссе «О снах», вновь появились в его новом произведении!

Между тем Фрейд изменил первоначальное название своей новой книги с «Без культуры» на «Недовольство культурой». И, несмотря на выражавшиеся им сомнения, указания на препят-

¹ Этот отрывок из поэмы Гёте был представлен в главе 6.

ствия, разрушение иллюзий, он по-прежнему верил в ту силу, которая вместе с Разумом движет нашим миром, — Эрос. Эссе оканчивается следующими строками:

«Важнейшим для человеческого рода представляется мне вопрос: удастся ли, и если да, то в какой мере, обуздать тенденции агрессии и самоуничтожения, ведущие к разрушению человеческого сообщества? Возможно, что в этой связи особый интерес представляет уже наше время. Теперь люди в такой мере получили власть над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга, вплоть до последнего человека. Они знают это, и отсюда в немалой степени проистекает испытываемое ими беспокойство, их несчастья и тревоги. Остается надеяться, что другая из двух «небесных сил» — вечный Эрос — достаточно силен, чтобы выстоять в битве с таким же бессмертным противником».

После того как угроза нацизма стала еще очевиднее, в 1931 г. Фрейд добавил еще одно предложение:

«Однако кто может предвидеть, каков будет результат этой борьбы и за кем останется победа?»

Можно только гадать, какие слова Фрейд добавил бы к своему эссе, доживи он до Хиросимы!

Ранее в этой книге, перечисляя различные пути, которыми люди стремятся к счастью, Фрейд утверждал, что «образ жизни, отводящий центральное место любви и предполагающий, что всякое удовлетворение будет следствием главного: любить и быть любимым», возможно, является «ближайшим путем к цели [достижения счастья], чем все прочие». Однако сразу же добавил:

«Легко можно увидеть и слабые стороны этого способа. Иначе кому бы пришлось в голову отказываться от него в попытке отыскать иные пути? Никогда мы не бываем слабее и уязвимее перед страданиями, чем тогда, когда любим, и никогда не бываем столь безнадежно несчастны, как утратив объект нашей любви или даже просто лишившись его любви».

Несколькими месяцами ранее (11 — 12 апреля 1929 г.) Фрейд выразил сходные мысли в своем письме к Бинсвангеру, который прежде рассказал ему о трагической смерти своего старшего сына:

«Несомненно, острота даже такой потери со временем притупится, однако это не сможет послужить нам утешением, ибо потеря эта невозвратима. Чем бы мы ни попытались ее заменить, прошлое уходит безвозвратно. Но именно так и должно быть. Ведь это единственный способ увековечить любовь, которая так много для нас значит».

Глава 20

В ОЖИДАНИИ НОВЫХ ОСЛОЖНЕНИЙ. БОРЬБА С ПРОТЕЗОМ

В конце лета 1929 г. Фрейд вновь отправился в Берлин к Шредеру, чтобы тот поработал над его протезом. Это привело к некоторому улучшению, но обратно Фрейд возвратился совершенно измотанным.

В ноябре 1929 г. он был вынужден посетить Пихлера, поскольку нечто в его рту показалось нам подозрительным. Осмотрев этот участок, где слизистая оболочка носа разрослась в направлении остатков нёба, покрыв при этом рубцовую ткань, Пихлер пришел к заключению об отсутствии поводов для беспокойства и предположил, что это образование появилось вследствие сильного насморка. Пихлер оказал ему любезный прием и внимательно осмотрел новый протез. Фрейд испытал сильное облегчение, поняв, что по-прежнему при необходимости может обращаться к нему за помощью.

В апреле 1930 г. Фрейд вновь почувствовал боли в области сердца и брюшной полости, исчезнувшие после нескольких дней отказа от курения. Нехотя Фрейд признал это, однако не курить больше трех недель не смог (см. письма к Эйтингтону в главе 18). Позже, в 1930 г., он вернулся в Берлин, где промучился еще три месяца, пытаясь приспособиться к сделанному Шредером новому протезу.

В 1929 г. в Берлине находился американский дипломат Уильям С. Буллит, участник конференции мира в Париже, состоявшейся после окончания Первой мировой войны, и первый американский посол в Москве (позже он стал послом в Париже, где, как мы еще увидим, в 1938 г. принимал самое активное участие в вызволении Фрейда из Вены после ее оккупации нацистами). Он встречался с Фрейдом несколько раз, навещал его в санатории, где Фрейд всякий раз останавливался по приезду в Берлин. Они обсуждали свой общий замысел — историко-психоаналитическое исследование, посвященное Вудро Вильсону¹. Буллит был

¹ В конечном счете эта работа вышла под заглавием «Томас Вудро Вильсон: Психологическое исследование» (1967). Дополнительная информация представлена в главе 26.

«вне себя» из-за того, что Фрейд не собирается бросать курить, и снабдил его образцом для подражания, рассказав о человеке, который сумел справиться с такой задачей. Как бы то ни было, Буллит смог повлиять на Фрейда так же мало, как и все мы.

Фрейд восстанавливал свои силы в Градльзее, где я посетил его в сентябре, вскоре после получения им уведомления, в котором сообщалось, что он награжден премией Гёте. Фрейд не мог отправиться во Франкфурт, чтобы лично выразить свою благодарность, так что подготовленную им речь пришлось от его имени зачитывать Анне Фрейд. Эта речь крайне важна для любого биографа Фрейда; ведь там он затронул проблему биографического изучения жизни «великих людей» (см. Вступление).

Тем же летом в возрасте 95 лет умерла мать Фрейда, последние недели сильно страдавшая от гангрены ноги. Каким бы ни было в детстве отношение Фрейда к своей матери, в последние годы ее жизни он относился к ней с искренним сыновним почтением. Я никогда лично не встречался с ней, а Фрейд рассказывал о ней крайне мало. Ее смерть не вызвала у Фрейда сильной печали. В своем письме он писал Джонсу:

«Не буду скрывать тот факт, что моя реакция на это событие в силу особых обстоятельств была весьма странной. Разумеется, невозможно сказать, каким образом повлияет это переживание на глубокие слои моей психики, однако пока я обнаружил лишь две вещи: чувство возрастания личной свободы, поскольку меня всегда страшила мысль о том, что матери придется услышать о моей смерти, и, во-вторых, удовлетворение от того, что она, наконец, избавилась от страданий. Никакой печали, подобной той, какую испытывает мой младший брат, у меня нет. Я не присутствовал на похоронах; меня, как и во Франкфурте, вновь представляла Анна... Это большое событие повлияло на меня любопытным образом. Никакой боли, никакой печали, что, возможно, может быть объяснено моим преклонным возрастом и исчезновением той жалости, которую мы чувствовали, видя ее беспомощность. Зато появились чувства освобождения, облегчения, которые, как мне кажется, я могу понять. Пока она была жива, я не мог позволить себе умереть, но теперь могу. Как бы то ни было, ценности жизни претерпевают заметные изменения в глубоких слоях».

В октябре 1930 г. мы впервые, с тех пор как я стал его личным врачом, заметили у него увеличение и изменение внешнего вида лейкоплакии. Мы проконсультировались с Пихлером, который продолжал следить за состоянием здоровья Фрейда вплоть до 1939 г. Новообразование показалось тому предраковым, и он порекомендовал провести хирургическую операцию. Так вновь начались нескончаемые муки, борьба с нестерпимой

болью, неуспешные наблюдения за любыми подозрительными изменениями.

После первого хирургического вмешательства Пихлер попытался закрыть прооперированный участок трансплантированным куском кожи. После этого Фрейду еще более настоятельно порекомендовали носить протез и днем и ночью, что вызывало у него невыносимые боли. Мы также помним, сколь плохо Фрейд переносил успокоительные средства, так что в конечном итоге главную роль стало играть лечение ортоформом. После операции Фрейд заболел бронхопневмонией, которая заставила нас поволноваться не меньше.

7 февраля 1931 г. состоялась следующая операция. В начале апреля в той же самой области ротовой полости я обнаружил новый подозрительный участок, выглядевший даже еще более угрожающе. 14 апреля его осмотрел Пихлер и рекомендовал немедленную операцию. Вот соответствующая запись Пихлера, доказывающая его хладнокровный, взвешенный и непреклонный подход:

«14 апреля 1931 г. Новое появление опухоли неподалеку от складки рубца, выступающего в ротовую полость. Опухоль мягкая, неравномерная, частично окрашена в темный цвет и уже не полностью ворсинчатая или бархатистая, а морщинистая и складчатая. Может переместиться в подлежащие ткани. Предполагается быстрый рост. Поскольку иссечение и прижигание диатермией предположительно вызовет устойчивые боли на протяжении двух месяцев, рекомендую иссечение и пересадку кожи. Пациент вскоре отпразднует свое 75-летие и перенес ринит. Предпочтительна отсрочка. Я возражаю против столь длительного промедления. Полагаю, что мягкая опухоль свидетельствует о предраковом состоянии, но, по моему мнению, ждать не стоит (ввиду быстрого роста, о котором я пациенту не сообщал). [Пихлер действительно не акцентировал на этом внимание Фрейда, но это сделал я.] На вопрос [Фрейда] относительно целесообразности рискнуть и отменить операцию [здесь впервые Фрейд попытался переубедить Пихлера] я ответил, что возражаю против такого решения. На вопрос о возможном лечении радием или рентгеновским облучением [вместо радия] я предложил проконсультироваться с профессором Хольцкнехтом, который в настоящее время находится в санатории по поводу лечения своей руки. Телефонное обсуждение с доктором Шуром».

Этот эпизод показывает, сколь шатким стало равновесие между желанием Фрейда жить и желанием умереть. Следующие письма к Эйтингтону явственно демонстрируют этот конфликт. Хотя из последнего письма становится ясно, что нежелание продолжать борьбу не было долгим.

«12 апреля 1931 г.

Со времени моей последней операции и последнего простудного заболевания стойко ухудшились условия, связанные с ношением мной моего протеза. Не лучше стало и мое общее самочувствие, так что любая мысль о праздниках [связанных с предстоящим 75-м днем рождения] ненавистна мне даже еще больше, чем ранее. Больше не стану Вам докучать своими жалобами».

Письмо от 16 апреля 1931 г. началось критическим замечанием в адрес тех, кто всячески призывает к себе смерть, за которым в скобках последовала фраза: «Кстати, у меня нет оснований торопить свою кончину». Письмо продолжалось: «Сейчас я недоволен собой. Ввиду новых угроз я утратил свою всегдашнюю бесстрастность, но надеюсь вновь обрести ее, как только ситуация прояснится. С прошлой осени, как Вам известно, я перенес две пустяковые операции в моей ротовой полости; первую из-за того, что подозрительной показалась часть моего старого шрама; микроскопическое же исследование удаленного фрагмента показало его полную безобидность. Вскоре на краю нового шва появился полиповидный нарост, который привел Пихлера к мысли о необходимости его немедленного удаления (7 февраля). По сей день я не оправился от этого последнего вмешательства, и с тех пор у меня не было ни единого сносно-го дня. Сейчас, через несколько дней после второй операции на слизистой оболочке вновь образовались заметные складки, которые хирургу опять не нравятся¹. Его настрой может быть передан следующими словами: «Несомненно, это не злокачественная опухоль, однако дело обстоит так лишь в данный момент; так почему не удалить этот участок ткани, пока он еще безопасен?» Ответ двух моих лейб-медиков², а заодно и мой таков: «Потому, что нет уверенности, что подобные складки или пролиферации не образуются и после новой операции или, может быть, даже в ее результате, тогда как любая операция гарантирует лишь долгие месяцы страданий»³. Однако сложно оспаривать мнение столь авторитетного человека, как Пихлер. В ка-

¹ Здесь воспоминания Фрейда претерпели одно из редких искажений. Пихлер вообще не видел его с 13 февраля, когда еще ничего не было заметно, по 14 апреля. Замеченный нами дефект был отнюдь не простой складкой.

² Вторым лейб-медиком, упоминавшимся в письме, была доктор Рут Мак-Брунстик, которая, как и все мы, была крайне обеспокоена большой длительностью периода восстановления Фрейда после хирургических вмешательств.

³ В этом письме Фрейд привлек кое-что из арсенала своих научных трудов, представив его в форме диалога, в рамках которого воображаемый оппонент высказывал его собственные мысли.

честве альтернативы операции мы решили рассмотреть возможность радиевой терапии. Поскольку в Вене не было людей с достаточным опытом в этой области, доктору Шуру пришлось в голову пригласить профессора Риго из Парижа¹, который является непререкаемым авторитетом в этих вопросах и может выступить экспертом в нашем споре. Переговоры с ним — сейчас он в Локарно — ведет Принцесса [Мари Бонапарт], которая дружна с ним. Похоже, он согласится и вскоре будет здесь. Он должен решить, имеют ли эти новообразования патологический характер, стоит ли их лечить с помощью радия и как это делать, а также какие последствия это лечение может вызвать [Фрейд позабыл о тех страданиях, которые в 1923 г. принесло ему лечение радием.] Возможно, из этого ничего не выйдет и я вновь буду вынужден лечь под нож. В любом случае Вы меня поймете, если в предстоящие недели у меня не будет ни настроения, ни сил участвовать в торжествах».

Последнее предложение до известной степени повторяет мысли Фрейда, выраженные им перед своим 70-летием.

21 апреля 1931 г. Фрейд вновь писал Эйтингтону:

«Француз (Риго) решил ничего со мной не делать. Поскольку эта ткань не бесспорно злокачественная, то радий использовать не следует. После этого мы посоветовались и со специалистом по рентгеновским лучам Хольцкнехтом. Придется мне беспрекословно подчиниться Пихлеру. Операция состоится в четверг или пятницу. Теперь я совершенно привык к Пихлеру».

Испытание реальностью было пройдено, и душевное равновесие вновь восстановилось. Впрочем, в конце этого письма Фрейд все-таки взял своеобразный реванш.

«Кстати, о сигарах. Еще я хочу Вам сообщить, что маленькие — «Pearl» — оказались очень хороши. Мои запасы опять сильно сократились. Если Ваш человек из Берхтесгадена [там Эйтингтон всегда доставал хорошие марки сигар] не может доставить «Soberanos», я готов принять и «Reina-Cabana», которые однажды мне прислали взамен»².

¹ Профессор Риго был директором института Кюри в Париже.

² Когда я только начинал работать в качестве личного врача Фрейда, он всегда предлагал мне — закоренелому противнику курения — сигару. Не решаясь отказаться, я пытался отважно дымить вслед за ним. Вскоре Фрейд, должно быть, это заметил. Однажды, внимательно на меня глядя, он спросил с любопытством: «Скажите мне, Шур, вы курите?» Когда я признался, что — нет, он лишь произнес: «И вы курили мои драгоценные сигары?»

Также Фрейд желал услышать мнение Хольцкнехта, который в 1923 г. проводил постоперационные сеансы облучения.

Хольцкнехт был главой радиологов при Венском университете и являлся одним из пионеров современной радиологии. Когда-то он сам был пациентом Фрейда и охотно в этом признавался. Хольцкнехт пал жертвой своей науки. В результате рентгеновского облучения у него развился рак кожи правой руки и ему пришлось последовательно ампутировать палец, кисть и всю руку. В то время он вновь находился в госпитале. После ампутации правой руки рак перебросился на подмышечные лимфатические железы. Он знал, что обречен, и действительно умер через несколько месяцев. Я побывал у него вместе с Фрейдом. Это было незабываемо. Гораздо более молодой Хольцкнехт, бывший пациент Фрейда, стал его доктором. Оба страдали от одинаковой болезни; оба знали правду и не отворачивались от нее.

Хольцкнехт считал хирургическое вмешательство предпочтительнее облучения. Когда они расставались, Фрейд произнес: «Вами следует восхищаться за то, как вы терпите свою судьбу». Хольцкнехт ответил: «Вы знаете, что это лишь благодаря вам». Все это было произнесено совершенно бесстрастно.

После вердикта Хольцкнехта Фрейд с готовностью обратился к помощи хирургии. Операция состоялась 23 апреля 1931 г. В этот раз в качестве обезболивающего средства Пихлер использовал скополамин и эвкодал (производное коденна). Часть операции Фрейд проспал, а после ее окончания выказывал довольно выраженное первичное возбуждение. Он сильно мучился и много раз испытывал приступы жестокой боли. Тем не менее он не захотел принимать много успокоительного, и я был с ним согласен. Успокоительные препараты делали его дыхание поверхностным, и с учетом наличия в его ротовой полости некрозов возникновение дыхательных осложнений было весьма вероятно. Все мы — но Фрейд больше всех — почувствовали облегчение, когда хорошо подействовали локальные вдувания ортоформа. Хотя эти процедуры принесли Фрейду самое большое облегчение за все эти годы, позже выяснилось, что наркотик оказывал иссушающий эффект, что вело к росту специфических струпов и ороговению кожи, которое также могло способствовать развитию предракового состояния. Поэтому его использование пришлось ограничить, а за образовавшимся струпом внимательно следить и тщательно ухаживать.

Несмотря на все предосторожности, 30 апреля у Фрейда в легких появился маленький воспалительный очаг. И вновь он хорошо отреагировал на лечение, хотя тогда была еще доантибиотическая эра. Легочные осложнения устранялись инъекциями транспулмина, содержавшего хинин, эвкалипт и камфору, кислород и, при необходимости, стимуляторы сердечной дея-

тельности. К 4 мая, за два дня до своего дня рождения, он был уже дома.

По счастью, гистологическое исследование вновь не выявило злокачественности. Датированный 24 апреля 1931 г. отчет Эрдхайма об изученном фрагменте ткани можно считать образцом патологического исследования. Он дал прекрасное описание типичного поражения, подчеркнув его предраковый характер и указав на злоупотребление курением как на причину поражения. Ригго, получивший образец удаленной ткани и отчет Эрдхайма, был потрясен. Впрочем, в ответ на эрдхаймовский «приговор курению» Фрейд лишь пожал плечами.

День рождения в этот раз не отмечался. Конечно, были подарки (среди них прекрасная статуэтка Вишну от Индийского психоаналитического общества), цветы, телеграммы и т. д. Фрейд был рад оказанным знакам внимания, однако, когда я посетил его в тот день, он выглядел ужасно измученным. Последняя операция отняла у него определенную уверенность или, по крайней мере, надежду, питавшую его на протяжении восьми лет, на то, что он навсегда распрощался со своим раком. Перемены в его взглядах нашли отражение в двух письмах, написанных им 10 мая 1931 г. Одно из них было адресовано Арнольду Цвейгу¹, а другое — Мари Бонапарт. Фрейд писал Цвейгу:

«Хочу упрекнуть Вас — и не премину сделать это — за то, что Вы стали уделять чрезмерное внимание расстройствам Вашего здоровья, на что Вы туманно намекаете в Вашем письме. Впрочем, я не тот человек, который имеет право на подобную критику. 24 апреля у меня была новая операция по поводу активно растущей опухоли, принципиально сходной с той, которую мне удалили восемь лет назад. Из-за этих событий я утратил большую часть моей работоспособности. Теперь, после всех злоключений, лишенный сил, способности бороться и способности свободно говорить, я уже ни в чем не нахожу ни малейшего удовольствия.

Завтра я отважусь предпринять первую попытку вновь обратиться к работе. Одна сессия утром, другая — в полдень. Жить лишь ради своего здоровья, оберегая его как национальное достояние, крайне тяжело».

Мари Бонапарт он писал:

«Сегодня Вам придется довольствоваться весьма краткой благодарственной запиской. Я по-прежнему нахожусь в довольно жалком состоянии, однако на этот раз, без всякого сомнения, нахожусь гораздо ближе к последней черте.

¹ Избранная часть переписки между Фрейдом и Арнольдом Цвейгом была опубликована в 1968 г.

[Затем он поблагодарил ее за прекрасную греческую вазу, которую она ему подарила, и добавил, намекая на ее прадеда Люсьена Бонапарта:]

Я очень рад этому подарку, но во всех других отношениях ощущаю себя примерно как Ваш прадед и даже сожалею, что ни одну из этих прекрасных ваз нельзя будет забрать с собой в могилу»¹.

Однако, несмотря на свою слабость, оба эти письма Фрейд написал, не прибегая к сокращениям и вновь продемонстрировав в них свое виртуозное владение немецким языком и свою неизменную самоиронию.

Я довольно подробно описал события этих нескольких месяцев, поскольку наряду с противостоянием Фрейда неумолимой судьбе, явившейся здесь в облике тяжелой болезни, они доказывают и его неодолимую отвагу. Фрейд знал, что это качество относится к числу сильнейших сторон его личности. Соответствующее мнение он высказал в своем письме от 17 февраля 1931 г. Стефану Цвейгу, в котором комментировал написанное тем биографическое исследование о нем (см. также Вступление).

Была предпринята еще одна попытка сделать новый протез. На этот раз за дело взялся доктор Казанян, именитый американский хирург, преподававший в зубоврачебной школе Гарвардского университета и специализировавшийся на челюстно-лицевых операциях. Приехав в Вену, он в течение трех августовских недель работал вместо Пихлера, вновь благосклонно позволившего еще одному человеку попытаться достичь наилучших результатов. Работа шла напряженно и каждый день отнимала много времени. Кроме того, Фрейд вынужден был пойти и на крупные денежные траты. Впрочем, созданный Казаняном протез принес лишь временное облегчение и не соответствовал понесенным издержкам.

17 сентября 1931 г. умер Оскар Рие. Он был старейшим другом Фрейда и, по сути, единственным, остававшимся из его друзей молодости. На следующий день Фрейд писал Мари Бонапарт:

«Вчера умер мой друг доктор Оскар Рие. Сорок пять лет назад, когда я, недавно женившись (1886), объявил о начале лечения детских нервных расстройств, он первым пришел ко мне в приемную в качестве интерна, а затем выступал как мой ассистент. Позже он стал врачом и лечил наших детей и наших друзей; с его именем связано все, что мне довелось пережить в эти долгие годы. Как Вы знаете, одна из его дочерей — Марианна [Крис] — стала аналитиком, другая — вышла замуж за аналитика [доктора Германа] Нунберга, так что объединявшие нас узы были, пожалуй, даже еще крепче.

¹ Позже, после кремации в 1939 г., прах Фрейда был помещен именно в эту вазу.

Пихлер каждый день работает над тремя моими протезами и улучшил их до такой степени, что я в состоянии курить с любым из них, а с помощью двух — разговаривать. Но ни один из них не удовлетворяет меня полностью. Попытки их улучшить напоминают мне погоню за счастьем — всякий раз кажется, что оно уже в твоих руках, но всегда вновь и вновь ускользает».

В 1931 г. экономический кризис в Центральной Европе достиг катастрофических масштабов. Его политические последствия оказались гораздо более худшими, чем в США. Росла безработица и одновременно — число членов нацистской партии. Эйтингтон, чьи семейные капиталы уничтожила Великая депрессия, больше уже не мог поддерживать Берлинский институт. После вынужденного закрытия своего санатория, который, если не считать кройцлингенского, возглавлявшегося тогда Бинсвангером, был единственным учреждением, ориентированным на психоаналитическую терапию своих пациентов, эмигрировал в Соединенные Штаты Зиммель.

«Verlag» находился под угрозой, и Фрейд теперь сожалел, что потратил так много денег на сделанный Казаняном протез, вместо того чтобы использовать их для финансовой поддержки журнала.

На все это наложились своеобразные изменения в поведении Ференци и внезапный и радикальный пересмотр им психоаналитической техники. Фрейд тяжело воспринял все произошедшее. Ведь он неизменно называл Ференци своим паладином и очень высоко оценивал его вклад в развитие психоанализа. В опубликованном Джонсом письме, написанном 13 декабря 1931 г., Фрейд весьма решительно высказал свои возражения по поводу предложенных Ференци нововведений, указав на связанные с ними опасности. С болью он вынужден был признать, что Ференци не избежал судьбы, больше всего страшившей самого Фрейда, — ослабления умственных способностей, сопровождающего физическое угасание или предшествующего ему. Как явствует из писем, появившихся до и после смерти Ференци в мае 1933 г. и из написанного Фрейдом некролога, его глубокая симпатия к Ференци всегда была неизменной. Лишь довольно поздно обнаружилось, что у страдавшего от токсического зоба Ференци развилась пернициозная анемия. Этот диагноз был поставлен только после появления необратимых изменений в его центральной нервной системе, очень характерных для данного заболевания¹.

¹ Соответствующее мнение было доведено мною до сведения Джонса, после того как я прочел первые гранки третьего тома написанной им биографии. Я считаю, что изменения в поведении Ференци, равно как и в его работе с пациентами (упомянутым, например, в указанном чуть выше письме Фрейда к Ференци), были вызваны именно органическим заболеванием. Лишь позже, когда мне довелось прочесть переписку Фрейда с Джонсом, я узнал, что в своем письме от 29 мая 1933 г., написанном уже после смерти Ференци, Фрейд выразил сходное мнение.

Все эти обстоятельства стали серьезным испытанием для душевного равновесия Фрейда. Написанные им в последние месяцы 1931 г. письма как нельзя лучше отражают его продолжавшуюся внутреннюю борьбу, но также и его психическую гибкость. 27 октября 1931 г. он писал Эйтингтону:

«Пихлер по-прежнему постоянно работает над моим протезом и, будем надеяться, сумеет сделать для меня что-нибудь более спосное. В ряду более-менее серьезных трудностей моего почтенного возраста — я едва не написал «естественно» — никаких подвижек в лучшую сторону не наблюдается. Вашу партию [сигар] я принял с благодарностью. Могу принять и больше. Как сказал лорд Бэкон, оказавшись в ситуации, потребовавшей от него самоотречения: «Я не намерен дать себя ощипать».

15 ноября 1931 г. Фрейд вновь пишет Эйтингтону:

«Коль скоро мне следует рассказать что-то о себе, то сообщу о случившемся у меня кишечном расстройстве; желудок совершенно взбунтовался по неизвестной мне причине, и я оказался вынужден прервать сеанс анализа, что до этого со мной случалось лишь однажды. После этого я больше часа мучился от кишечных колик, и даже сегодня еще не чувствую себя вполне здоровым, однако вполне готов к тому, что все это, возможно, неспроста¹.

На этот раз я свободен от привычных жалоб. Связанные с протезом неудобства снизились до своего обычного уровня. Странные перемены мироощущения, случающиеся независимо от объективного состояния здоровья, могут лишь изумлять».

29 ноября он писал Мари Бонапарт:

«От Рут [Мак-Брунсвик] я слышал, что в дом Ваш пришла болезнь, и так как я давно не получал от Вас письма, то прошу как можно скорее прислать мне весточку, из которой, как я надеюсь, узнаю, что все вновь в порядке.

Этот месяц оказался непростым. У меня были сплошные неприятности, связанные с протезом и прочими проблемами, однако на первый план вышел наш испуг за угрожавшее жизни внутреннее кровоотечение у новорожденного ребенка Марианны Крис. Благодаря переливанию крови ребенок был спасен².

¹ В таких случаях Фрейду хорошо помогала белладонна, против приема которой он не возражал, поскольку она не оказывала тормозящего действия на центральную нервную систему.

² Переливание крови не было весьма сложной и опасной процедурой и значительно позже.

Это письмо показывает, что страдания Фрейда никогда не ставляли его с меньшим участием относиться к судьбам своих друзей и их детей.

10 декабря в довольно подавленном настроении он писал Арнольду Цвейгу:

«Обо мне можно сообщить не слишком много; нет ничего стоящего. Мой жизненный настрой оставляет желать лучшего».

Однако письмо Эйтингтону, написанное всего через несколько дней после этого (14 декабря), звучит совсем иначе:

«Я вновь с большим удовольствием курю и тревожно наблюдаю, как тает содержимое последних двух берхтесгаденских упаковок. Как мне быть в Ваше отсутствие?» [Эйтингтон собирался за границу.]

Все очевиднее становилось, что на отношение Фрейда к смерти влияло его отношение к позитивным сторонам жизни. Особенно начиная с 1931 г. это отношение определялось двумя факторами: теми страданиями, которые возникали в результате неуклонного прогрессирования болезни Фрейда, и грозными историческими событиями, разворачивавшимися в Западной Европе.

Что касается его болезни, то за 1932 г. в дневнике Пихлера мы можем обнаружить 92 записи! Вкратце опишу лишь самые существенные факты. К ним прежде всего относятся пять проведенных операций.

Одна из них состоялась 7 марта 1932 г. Сделанные Пихлером записи открыто говорят о все более существенных трудностях, возникавших при попытках стянуть рану как с помощью наложения швов, так и с использованием пластических процедур. Опять наблюдалась лейкоплакия.

В последовавшие месяцы состояние здоровья Фрейда нельзя было назвать удовлетворительным. Он постоянно боролся за возможность отвоевать для себя хоть несколько дней, когда неудобства были бы минимальными. Лето 1932 г. Фрейд провел в Пётцляйнсдорфе. Июль оказался для него благоприятным месяцем, если, конечно, не брать в расчет еще две операции, состоявшиеся 29 июля и 16 августа.

В сентябре мы наблюдали, как за несколько дней прямо на наших глазах злоеще видоизменился внешне здоровый участок ткани. В этот раз понадобилось более обширное вмешательство (6 октября). В своем отчете Эрдхайм вновь указал на предраковый характер иссеченной ткани, подчеркнув в качестве главной причины перерождения пагубное влияние курения. Это была уже четвертая операция за семь месяцев! Я вновь указал

Фрейду на этот отчет и даже еще категоричнее прежнего настаивал на прекращении курения. Фрейд лишь вновь пожал плечами и опять отмахнулся. Он оказывался способен отказываться от курения, когда о себе напоминало его сердце, но никогда не считался с той опасностью, которую представляли появляющиеся у него во рту новообразования. Проблемы с сердцем всегда ассоциировались у Фрейда с явной опасностью, тогда как угрозы иного порядка он считал второстепенными.

В начале ноября 1932 г. Фрейд подхватил обычный для него насморк — в этот раз инфекция верхних дыхательных путей привела к отиту правого уха. Он чувствовал себя совершенно несчастным. Постоянно шел дождь. Когда я посетил его, он показал мне картины Крита и Родоса и рассказал о своих недавних грезах наяву о солнечном Средиземноморье, греческих храмах на Сицилии и т. д. Очередную операцию пришлось отложить, ожидая, пока он восстановится после перенесенной инфекции. Она состоялась 8 декабря. Отчет Эрдхайма вновь указывал на лейкоплакию.

Таким образом, этот год окончился на грустной ноте.

Глава 21

НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

1932 г. для Фрейда ознаменовался дополнительным стрессом, вызванным внешними обстоятельствами. Появилась необходимость вмешаться в реорганизацию «Verlag», в том числе и его финансовой структуры (несмотря на то, что на своем 70-летии Фрейд выразил желание отойти от организационных проблем психоанализа). Ухудшение здоровья и все более сомнительные эксперименты Ференци также очень его беспокоили.

Однако особенно тревожило Фрейда ухудшение политической ситуации в Германии. Несмотря на то что он всегда считал себя евреем (см. письмо к членам ложи Бнай Брит от 1926 г., приведенное в главе 16), он вырос под сильным воздействием немецкой культуры. Мы знаем, какое влияние оказала работа Гёте «Природа» на выбор им своего призвания. Долгое время Фрейд не мог поверить, что родина таких людей, как Гёте и Капт, может стать центром противостояния Разуму. Однако теперь он уже не мог больше сомневаться в том, что мир катится в пропасть. Из Берлина, вместе с множеством других людей, начали уезжать и многие аналитики, однако два сына Фрейда все еще оставались в Германии. Политическая ситуация в Австрии тоже приближалась к критической черте.

Потому вполне оправданно было ожидать, что соединение физических страданий и пугающей политической ситуации отразится на установках Фрейда и его настрое. Фрейд все чаще встречал меня приветствиями, за которыми угадывалось горькое чувство безнадежности. Он испытывал отвращение от постоянной возни со своим протезом. Иногда мне даже казалось, что силы его на исходе. Он выражал сильное беспокойство по поводу ситуации в Германии. Однако в этом году письма Фрейда часто были полны и особенной душевной умиротворенности. Его переписка продолжалась все так же интенсивно. Письма к Эйтингтону и Джонсу касались большей частью личных, профессиональных и научных вопросов. Переписка с Мари Бонапарт оставалась такой же оживленной, как и всегда, а письма к Арнольду Цвейгу становились все более дове-

рительными. Письмо Цвейгу, написанное 8 мая 1932 г., наиболее ясно демонстрирует сферу интересов Фрейда и его эмоциональный настрой этого времени.

«Вы правы. Я только отпраздновал свой день рождения и сейчас усиленно пытаюсь оградить себя от вытекающих отсюда обязанностей. Однако возвратимся к Вам: сколь, должно быть, странной предстала перед Вами та трагическая и фантастическая страна, которую Вы посетили. Если вдуматься, то эта полоска нашей родной земли по большому счету не ассоциируется ни с какими открытиями, изобретениями или прогрессом, как, например, Финикия, где изобрели стекло и алфавит (хотя и то и другое сомнительно!), или остров Крит, знаменитый своей минойской культурой, Пергам, напоминающий нам о появлении пергамента, магнезии для магнита и т. д. до бесконечности. По сути, Палестина не произвела ничего, кроме религии, священного безумия и дерзких попыток покорить внешний мир внутренним, миром мышления, руководимого желанием. Но мы произошли оттуда (хотя один из нас считает себя еще и немцем). Там жили наши предки, возможно, пять столетий, а возможно, и все десять. Трудно представить себе, сколь многое из той жизни навсегда вошло в нашу плоть и кровь. Какой невероятной интересной могла быть жизнь, если бы мы больше знали о таких вещах! Однако единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в чувствах, которые мы в данный момент испытываем! Среди них и те, которые говорят о моем теплом отношении к Вам и Вашей работе!»

Пожалуй, это письмо являет собой наиболее яркую демонстрацию того факта, что Фрейд по-прежнему всецело сохранял свое самое важное качество души, как и раньше оставаясь все так же страстно жаждущим нового. Вспоминая «Фауста» Гёте, мы можем сказать, что Фрейд по-прежнему неизменно стремился к новым познаниям¹.

С тем же пылом Фрейд показывал мне многочисленные описания новых раскопок на Крите, со страстью и горечью заяв-

¹ Сделка Мефистофеля с Фаустом заключалась в том, что, как только Фауст откажется от своего стремления к знаниям, это будет означать и конец его жизни.

Фауст: Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен — я закабален,
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.
(Перевод Б. Пастернака)

для, как сильно он хотел бы увидеть их и вновь посетить греческие храмы Южной Сицилии. В другом письме к Арнольду Цвейгу, который, как и Эйнштейн, к тому времени уже покинувший Германию, подвергался злобным нападкам нацистской прессы и постоянно получал анонимные письма с угрозами, Фрейд выразил свою большую озабоченность сложившимся положением вещей.

Весной 1932 г. Фрейд начал писать «Новые лекции по введению в психоанализ», призванные обновить его концептуальные рамки. Они были написаны с тем же изяществом и простотой, как и «старые» «Лекции».

По своему общему настрою эта книга вновь напомнила о той вере в Разум, которая так недвусмысленно была выражена в «Будущем одной иллюзии». Лекция XXXI оканчивается знаменитым утверждением Фрейда: «Где было Оно, там будет Я». После этого он добавил: «Это примерно такая же культурная работа, как осушение Зейдер-Зее» — явный намек на смерть и спасение Фауста после отвоевания им земель у разрушительных сил океана.

Самое важное значение для этой книги имеет последняя лекция: «Проблема мировоззрения». В целом Фрейд был не склонен заявлять о своем кредо. Сделать это его, несомненно, побудило несколько факторов. Возможно, сильнее всего на его настроение повлиял быстрый рост угрозы фашизации Германии. Видимо, Фрейд вновь пожелал сказать ныне живущим и грядущим поколениям, как это он уже делал в «Лекциях по введению в психоанализ», что во времена хаоса только один голос звучит отчетливо и убедительно. Это голос Разума, объективности, науки. Однако он не мог этого сделать без того, чтобы вновь с еще большей принципиальностью не подчеркнуть свои взгляды на религию, высказанные ранее в «Будущем одной иллюзии». Фрейд также подтвердил и неоднократно им высказывавшийся взгляд на философию:

«Из трех сил, которые могут поспорить с наукой, лишь религия является ее серьезным врагом. Искусство почти всегда благотворно; понимая свою иллюзорность, оно и не претендует на иную роль... Философия не противостоит науке, она сама во многом ей аналогична и отчасти придерживается сходных методов; но отдаляется от нее, придерживаясь иллюзии, что способна представить полную картину мира... гармония которой, однако, распадается с каждым новым успехом нашего познания. В используемых методах она допускает ошибку, переоценивая познавательную ценность наших логических операций и признавая также и другие источники знания, такие как интуиция».

Годами, заинтересованно, но несколько недоуменно, наблюдая за русской революцией, Фрейд теперь был вынужден признать — помимо ее нечувствительности «к страданиям любого, кто оказался между ее лидерами и их целью» — странности ее развития:

«Представленный в русском большевизме теоретический марксизм обрел энергию, самостоятельность и исключительность мировоззрения, но одновременно превратился в зловещее подобие того, против чего он борется. Первоначально... основываясь... на фундаменте науки и техники, он тем не менее наложил запрет на мышление. Этот запрет стал столь же жестким, как некогда был религиозный. Любая критическая оценка марксистской теории запрещена, сомнения в ее правильности караются так же, как когда-то католическая церковь карала любую ересь. Учение Маркса заняло место Библии... хотя оно также несвободно от противоречий, как и древние священные книги».

Фрейд вновь обратился к своему сократовскому методу ведения дискуссии:

«Итак, борьба не окончена. Сторонники религиозного мировоззрения действуют по старому правилу: лучшая защита — нападение. «Что это за наука, — спрашивают они, — которая отваживается очернять нашу религию... тысячелетия дававшую утешение миллионам людей? Чего такого особенного ею достигнуто? Чего можно ожидать от нее в будущем? По ее собственному признанию, она не способна принести с собой утешение и возвышенные чувства. Отвлечемся от этого... Как обстоит дело с ее теориями? Может ли она поведать нам, как произошел мир и какая судьба его ждет? Может ли она... показать место необъяснимых жизненных явлений или возможности влияния сил души на мировую материю? <...> Она лишь копит наблюдения за повторяющимися явлениями, откуда выводит то, что называет законами природы, и подвергает найденное своим сомнительным толкованиям. Все, чему она учит, имеет лишь преходящую ценность; то, что сегодня считается высшей мудростью, завтра отбрасывается и заменяется чем-то другим... Последнее заблуждение объявляется тогда истиной. И ради этой истины мы должны принести в жертву наше высшее благо!

...Упреки в адрес науки за то, что она еще не смогла решить мировые проблемы, несправедливо преувеличены... для столь великих свершений у нее пока не было достаточно времени. Наука есть... сфера человеческой деятельности, поздно занявшая свое место. Давайте вспомним... что лишь около трех столетий назад Кеплер открыл законы движения планет, что жизненный путь Ньютона, разложившего свет на спектральные составляющие и выдвинувшего теорию притяжения, завершился в 1727 г., что

Лавуазье открыл кислород лишь незадолго до Французской революции. Жизнь человека очень коротка по сравнению с длительностью процесса человеческой эволюции; я теперь могу считаться очень старым человеком [тогда Фрейду было 76], однако я уже жил на свете, когда Дарвин опубликовал свою книгу о происхождении видов. В том же 1859 г. родился открыватель радия Пьер Кюри. А если вы обратитесь... к истокам точных наук у греков, к Архимеду, предшественнику Коперника, Аристарху Самосскому (около 250 г. до нашей эры) или даже к зарождению астрономии у вавилонян, то вы увидите, что эти события отделяет от нашего времени не такой уж долгий период, особенно по сравнению с той порой, когда, как считают антропологи, человек обособился от своих обезьяноподобных предков и которая, несомненно, уходит в глубь веков более чем на сто тысяч лет. Мы не должны забывать и то, что последнее столетие принесло... столь грандиозное ускорение научного прогресса, что есть все основания с уверенностью смотреть в будущее науки.

И наконец, какую цель преследуют эти страстные стремления принизить науку? Несмотря на ее нынешнее несовершенство и трудности, она остается необходимой для нас и ее нельзя заменить ничем иным. Она способна на невиданные деяния, тогда как религиозное мировоззрение не в состоянии решить подобных задач. Оно уже завершено во всех своих основных частях; если оно было заблуждением, то и останется им навсегда. Никакое принижение науки не может отвергнуть того факта, что она пытается уменьшить нашу зависимость от внешнего мира, в то время как религия является иллюзией и черпает свои силы в том, что с готовностью идет навстречу нашим инстинктивным влечениям».

Утверждение Фрейда о том, что «коренное изменение социального порядка имеет мало шансов на успех до тех пор, пока новые открытия не увеличат нашу власть над силами природы и тем самым не облегчат удовлетворение наших потребностей», сейчас, в атомный век, звучит поистине пророчески. Несомненно, Фрейд был знаком с некоторыми исследованиями, которые проводил Эйнштейн. Это видно из писем, которыми обменивались Фрейд и Мари Бонапарт. 20 октября 1932 г. она сообщала:

«Здесь [в Копенгагене] я познакомилась с Нильсом Бором, который, как Вам известно, является одним из выдающихся физиков нашего времени. Тем не менее я не смогла принять определенные положения теорий, которые он нам объяснял, особенно «свободу воли» атома. Мне было приятно услышать его слова о том, что и Эйнштейн возражал ему, сказав: «Не могу вообразить, чтобы Господь Бог играл в кости». Планк (основоположник квантовой теории), похоже, также с ним не согласен, говоря, что, воз-

можно, из-за недостатка понимания всех действующих факторов мы и не можем пока предсказать, куда направится атом.

Я удалилась с впечатлением, что в этих атомных теориях пытается найти себе прибежище «свобода воли». Похожим образом рассуждали и метафизики, которыми столь часто становились древнегреческие физики. Современные физики — такие же неизменные метафизики¹. Эдипов комплекс тут менее вероятен».

Фрейд ответил ей 22 октября 1932 г., закончив свои «Новые лекции по введению в психоанализ». Его комментарии были кратки, но выразительны:

«То, что Вы рассказали мне о величайших физиках, поистине замечательно. Отсюда начинается ломка сегодняшнего *мировоззрения*. Нам остается ждать и наблюдать».

Летом 1932 г., еще до окончания «Новых лекций по введению в психоанализ», Фрейд обменялся письмами с Альбертом Эйнштейном по проблеме причин возникновения войны. Фрейд вновь высказал свой взгляд на постепенное развитие культуры, на основания и грядущие следствия этого явления. Особое внимание он уделил множеству причин, по которым так трудно избежать войны, а также причинам, которые побуждают множество людей самым решительным образом протестовать против войн. Он еще надеялся, что войны можно предотвращать.

«Почему Вы, я и так много других людей столь отчаянно боремся против войны? <...> Потому что любой человек имеет право на жизнь; потому что война обрывает исполненные надежд жизни, ставит каждого человека в унижительное положение, вынуждая его убивать других людей... и в результате усовершенствования средств уничтожения война будущего может привести к полному уничтожению одной из воюющих сторон или даже обеих. Все это правда, и выглядит она столь пугающе, что остается только удивляться, почему на войнах общими усилиями все еще не поставлен крест... По моему мнению, мы ненавидим войну прежде всего потому, что иначе не можем. Мы — пацифисты, поскольку должны быть такими в силу естественных причин... С незапамятных времен человечество включилось в процесс культурного развития. (Некоторые люди... предпочитают пользоваться

¹ Мари Бонапарт и, возможно, также и Нильс Бор не вполне предвидели последующее распространение «детерминизма» на составляющие атома. Обвинение в «метафизических» тенденциях скорее могло быть направлено — хотя и ошибочно — против Планка.

ся словом «цивилизация».) Этому процессу мы обязаны всем лучшим, что у нас есть, но он же часто заставляет нас испытывать страдания... Возможно, этот путь приведет к угасанию рода человеческого, поскольку самыми разнообразными способами воздействует на его сексуальную функцию; нецивилизованные расы и низшие слои населения уже сегодня размножаются намного быстрее, чем цивилизованные. Пожалуй, этот процесс можно сравнить с процессом приручения некоторых видов животных. Несомненно, он сопровождается и телесными изменениями... Сопутствующие цивилизационному процессу изменения психики очевидны и недвусмысленны. Они состоят в прогрессирующем смещении целей влечений и ограничении инстинктивных импульсов... Из психологических черт, характеризующих цивилизацию, следующие две представляются мне самыми важными: усиление интеллекта, который начинает подчинять себе жизнь влечений, и направление агрессивных импульсов вовнутрь, со всеми вытекающими отсюда выгодами и опасностями. В наше время война находится в принципиальном противоречии с психическими установками, обусловленными процессом культурного развития, и потому мы обязаны восставать против войн; мы просто не можем их больше выносить. Это уже не только интеллектуальное и эмоциональное неприятие; у нас, как пацифистов, война вызывает конституциональное отвращение.

Как долго придется нам дожидаться той поры, когда и все прочие люди станут пацифистами? Трудно сказать. Однако это не утопия. Вполне возможно, что благодаря влиянию культуры и оправданному страху перед последствиями будущей войны уже в обозримое время войнам будет положен конец. Какими путями мы к этому придем, догадаться мы не можем. Однако все же кое-что сказать можно: все, что способствует культурному развитию, работает против войны.

Наша мифологическая теория влечений легко подсказывает формулу косвенных методов борьбы с войнами. Если готовность к войне возникает под воздействием влечения к разрушению, то было бы очевидно компенсировать его антагонистичным влечением, то есть Эросом. Все, что объединяет чувства людей, должно преградить путь войне. Эти связи могут быть двух типов. Во-первых, связи, напоминающие отношения к объекту любви, но лишённые сексуальной цели. Психоаналитик не должен стесняться в подобных случаях говорить о любви, ведь и религия утверждает то же самое: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Впрочем, это проще сказать, чем выполнить. Другой тип эмоциональных связей возникает посредством идентификации. Все, что побуждает людей разделять друг с другом свои главные интересы, вызывает такую общность чувств. Здание человеческого общества во многом должно опираться на них».

Возможно, что революционные успехи естественных наук, о которых Фрейд упоминал в своем письме к Мари Бонапарт, отчасти побудили его включить в «Новые лекции по введению в психоанализ» самую спорную главу «Сны и оккультизм», в которой он представил тот же материал, что и в двух своих ранее обсуждавшихся работах на эту тему (см. главу 12). Впрочем, в этой главе Фрейд даже еще более убежденно выразил свою веру в телепатические феномены. Его исследовательский настрой отчетливо проявил себя в письме от 8 мая к Арнольду Цвейгу, в котором Фрейд восклицал: «Насколько интереснее могла бы стать жизнь, если б только мы знали и понимали больше...» Фрейд по-прежнему желал знать, понимать, делать открытия, и, пока у него были соответствующие возможности, его жажда жизни не могла быть утолена.

Глава 22

ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЙСКИЙ ФАШИЗМ

Окончание «Новых лекций по введению в психоанализ» ознаменовалось наступлением очередного спада. Фрейд объявил о публикации этого произведения в пессимистическом письме Арнольду Цвейгу от 27 ноября 1932 г.

«Через несколько дней Вы получите мой последний опус — дополнение к «Лекциям по введению в психоанализ». С тех пор как я подхватил грипп, сопровождавшийся отитом, мое состояние заметно ухудшилось».

Год 1933-й начался на сходной ноте. 5 января Фрейд писал Эйтингтону, получив сообщение о смерти его отца, скончавшегося в результате операции:

«В то время, когда Вы сообщили мне о сложностях послеоперационного восстановления Вашего отца, это показалось мне странным; я утратил уверенность и начал строить предположения, которые позже породили такую мысль: «По крайней мере, немного времени отвоевать удалось». Возможно, Вы помните ту часть моего письма! Увы, отвоевать удалось слишком мало времени. Мой пессимизм заставляет считать, что все мы обречены, а для стариков такой приговор будет приведен в исполнение особенно скоро».

В первые несколько месяцев общее состояние Фрейда было достаточно неплохим. Даже протез, требовавший постоянных подгонок, стал приносить меньше беспокойства. Любые подзрительные участки во рту Фрейда находились под пристальным наблюдением врачей, но по крайней мере до 16 мая никаких хирургических вмешательств не было, а первое состоявшееся было минимальным. Тем не менее за этот период было отмечено 23 визита к Пихлеру.

В январе 1933 г. к власти в Германии пришел Гитлер, и это послужило началом эскалации насилия и террора. Уже тогда для Фрейда многое изменилось. Его сыновья с семьями вынуждены были покинуть Германию. Вскоре стало очевидно, что прекратят свою деятельность Психоаналитическое общество и Институт тренинга. Вынуждены были эмигрировать все аналитики-евреи. Его дети теперь должны были искать новые средства к существованию, а аналитики — место, куда могли бы уехать. Фрейда очень беспокоила судьба Арнольда Цвейга, обеспечившего безопасность своей семьи, но по ряду причин вынужденного вернуться в Германию.

Влияние Гитлера на Австрию было, разумеется, огромным. Многие из нас были убеждены, что Австрия не сможет противостоять распространению нацизма. Я пытался убедить Фрейда, что рано или поздно ему и всем нам придется задуматься над тем, чтобы покинуть Вену. Фрейд получал массу предложений уехать и поселиться где захочет. Первое пришло от Мари Бонапарт, прочие последовали от Пфистера, Бинсвангера и многих других людей. Однако все они были с благодарностью отклонены.

По ряду причин Фрейд довольно долгое время отказывался верить в неотвратимость прихода нацизма, вылившегося в конечном итоге в кошмар Второй мировой войны и лагерей смерти.

Его отказ верить в подобные перспективы нашел отражение в ряде писем к Мари Бонапарт. 16 марта 1933 г. он писал:

«Какое счастье, что Вы способны так глубоко погрузиться в Вашу работу, что можете не обращать никакого внимания на все те мерзости, которые нас окружают. У нас все очень взволнованы. Люди боятся, что германский нацизм захлестнет и нашу маленькую страну. Мне даже предлагали уехать в Швейцарию или Францию. Какая чепуха; я не верю, что нам может грозить какая-либо опасность, а если она и придет, то я твердо решил встретить ее здесь. Даже если они убьют меня — что ж, двум смертям не бывать, одной — не миновать. Впрочем, возможно, это лишь старческое бахвальство».

В последнем предложении этого отрывка нашла свое выражение та степень самоконтроля, на которую Фрейд был способен. Он мог мгновенно поправить себя, чувствуя, что сказанные им слова не обоснованы в достаточной мере. Его установка происходила отчасти от некоторого страха перед эмиграцией и всем тем, что с ней связано. И хотя Фрейд в конце концов вынужден был эмигрировать, он тянул с этим вплоть до самого последнего момента.

Следующее письмо, написанное 26 марта 1933 г., оказалось необычайно оптимистичным. Фрейд благодарил Мари Бонапарт

за приглашение приехать в Сен-Клу, однако отказался им воспользоваться. Он надеялся, что германский фашизм отступит под давлением Франции и США. Однако он считал, что мучения совсем не окончены и систематические притеснения евреев, из-за которых они лишаются всех своих позиций, только начинаются. Единственное, как он думал, что удастся осуществить из планов Гитлера, — это преследование евреев и подавление свободы мысли. Все остальное Фрейд считал утопией.

Последнее письмо в этом ряду было написано 8 апреля 1933 г. Однако было совершенно невозможно поверить, что его автором был тот же Фрейд. Он полагал, что нацистское движение способно распространиться на Австрию, но без характерного для Германии произвола, поскольку, как он писал, австрийцы не столь жестоки, как немцы (он забыл, что Гитлер был австрийцем)! Он напомнил Мари Бонапарт, очевидно пытаясь успокоить себя, что Версальские и Сен-Жерменские соглашения не допустят насильственного включения Австрии (*аншлюс*) в состав фашистской Германии.

Складывалось впечатление, что Фрейд, описавший силу индивидуальных агрессивных влечений, не мог поверить, что подобная сила может проявиться в масштабах целой нации. Впрочем, нам не следует забывать, что Фрейду также потребовалось много времени, чтобы суметь осознать нарастающую враждебность таких своих соратников, как Юнг и Ранк. Тогда он пытался избежать признания столь горькой для себя правды, пользуясь защитным механизмом отрицания. Он сработал и на этот раз.

Фрейд, как и большинство людей на Западе, не верил, что нацистам удастся осуществить свои безумные планы. Написанное в тот период (21 марта 1933 г.) письмо Арнольду Цвейгу было печальным:

«Трудные времена меня угнетают... О себе я не имею нужды беспокоиться. Как недавно сказал мой брат-пессимист, который моложе меня на десять лет, — наши годы — наше самое большое богатство».

77-й день рождения для Фрейда ознаменовался не только депрессией, но и внезапным приступом сильного головокружения, который начался незадолго до того, как я нанес ему свой визит. В письме к Мари Бонапарт (9 мая 1933 г.) Фрейд описал и этот день, и свое состояние:

«С каким бы удовольствием я побывал с Вами на Корсике [которую правнучка Люсьена Бонапарта посещала впервые] и разделил Ваше удовольствие от великолепных пейзажей и теплого приема...

Мой день рождения отнял у меня много сил, утопив в цветах, письмах и телеграммах. Я многих удержал от подарков, но не Вас. Ваш верблюд уже гордо занял место рядом с другими представителями «китайской серии»¹... здесь, в моей комнате... Утром у меня был приступ головокружения, который едва не свалил меня. Зашедший невзначай вскоре после этого доктор Шур почти ничего не смог сделать. Он утверждал, что это головокружение вестибулярного типа, вызванное курением. С того времени я ограничился тремя сигарами, однако до сих пор не чувствую себя хорошо. Не знаю, вызвано ли это ограничением курения или чем-нибудь еще...

Оба Ваших ребенка по-прежнему в Дании? К сожалению, Дания больше не единственная страна на свете, в которой что-то прогнило».

В то время моя жена ожидала нашего первого ребенка, перенашивая его уже несколько дней. Фрейд явно неважно чувствовал себя в день моего приезда, однако встретил меня вопросом: «Пока ничего?» После того как я осматрел его и смог успокоить относительно причин случившегося приступа, он настоял на моем незамедлительном отъезде, сказав: «Поезжайте, вы должны быть с женой». Затем он взглянул на меня и задумчиво заметил, держа мою руку: «Вы уходите от старика, который не хочет умирать, к ребенку, который не хочет рождаться на этот свет».

Меня глубоко тронула проникновенность этой простой фразы, в которой так необычно переплелись жизнь и смерть. Многими годами позже, прочитав неопубликованное письмо к Флиссе (см. главу 6), в котором Фрейд говорил о своем посещении беременной дочери старого друга, предварившем визит к умирающей матери Флисса, я по достоинству смог оценить преемственность мышления Фрейда и то, что он называл «бессмертием бессознательного». Вот почему я выбрал эти строки как «девиз» моей книги. Та же сверхъестественная преемственность вновь проявила себя в последние дни его жизни (см. главу 27).

К ранее процитированному письму к Мари Бонапарт Фрейд добавил следующий постскрипtum: «Шур стал отцом в то время, как я пишу это письмо».

В противовес письму к Бинсвангеру от 1926 г. этот скромный эпизод — приветственные и прощальные слова Фрейда, с которыми он обратился ко мне, его письмо к Мари Бонапарт и постскрипtum к нему — свидетельствует о неугасающем интересе Фрейда к судьбам близких ему людей и особенно о его внима-

¹ В то время Фрейд вдруг сильно заинтересовался древнекитайским искусством. Этот верблюд остался одним из его самых ценных приобретений.

нии к детям. Он был способен ставить интересы других людей выше своих собственных. В этом отношении не было ровным счетом ничего поддельного или неискреннего.

Сходные чувства выражены и в его письме к Джонсу, ребенок которого появился на свет примерно в то же время, что мой:

«При всей непредсказуемости жизни можно только позавидовать родителям, чьи радости и надежды вскоре сосредоточатся на появившемся человечке, тогда как пожилой человек должен быть счастлив уже тогда, когда наступает приблизительное равновесие между неизбежно возникающей потребностью в вечном отдыхе и желанием подольше наслаждаться любовью и дружбой близких ему людей. Я думаю, что обнаружил, что стремление к вечному покою не есть нечто первичное¹, но выражает потребность избавиться от присущего старости чувства ненужности, особенно остро обнаруживающего себя в ничтожнейших мелочах жизни».

11 мая 1933 г., через два дня после того, как было написано праздничное письмо к Мари Бонапарт, газеты сообщили о показательном сожжении в Берлине книг, принадлежащих перу авторов-евреев и антифашистов. Церемония завершилась речью Геббельса, а сожжению книг каждого автора или группы авторов предшествовали специальные сопроводительные речи. Сожжение книг Фрейда было прокомментировано так: «Во имя величия человеческого духа я предаю огню сочинения некоего Зигмунда Фрейда за его разрушающую душу переоценку сексуальной жизни!» Одна из венских газет дала оценку произошедшему событию, и Мари Бонапарт сохранила копию этой статьи.

Сходное действо состоялось во Франкфурте, где всего тремя годами ранее Фрейд был удостоен премии Гёте. Редакторский комментарий газетного сообщения гласил: «В «Поэзии и правде» [биография Гёте] Гёте рассказывал о том, как на заре своей молодости впервые увидел сожжение книг. Однако даже в старости он не мог вспоминать об этом без содрогания. Ему не могло и присниться, что такое же варварство повторится через столетие после его смерти».

Таким образом, Фрейд оказался вынужден признать, что родина Гёте и Канта действительно готова шагнуть в пропасть.

6 июня 1933 г. Фрейд писал Мари Бонапарт:

¹ Это находится в противоречии с его теорией влечения к смерти! В этом письме Фрейд говорит как аналитик, выражающий свои чувства. У него не появляется необходимости обращаться к своей концепции влечения к смерти для того, чтобы объяснить их.

«В моем письме я вряд ли смогу сообщить что-то новое. Нет ни построения, ни тем, ни слушателей; слишком много тревог. Вы сами исчерпывающе описали политическую ситуацию. Мне кажется, что такого количества лжи и клеветы я не слышал даже во время войны. Этот мир становится огромной тюрьмой, а Германия в ней — самая худшая камера...

[С тех пор как я] уже более не имею жизненных сил, мне кажется, что весь мир обречен на разрушение. Мысль о том, что Вы все еще живете как на благословенном острове, делает меня счастливым».

Медицинские аспекты этого года были зафиксированы в моих записях следующим образом:

16 мая прошла еще одна электрокоагуляция. Лето нельзя было назвать удачным. Было очень жарко, Фрейд неважно переносил такую погоду, временами наблюдались легкие стенокардические симптомы; беспокоило образование корок на ране, сильные боли.

5 сентября Пихлер снова выполнил небольшую электрокоагуляцию. После возвращения в свой летний дом, находившийся не вдалеке от моего, Фрейд испытал легкий шок с тахикардией и слабыми болями в области сердца. Произошедшее походило на коронарную недостаточность, возможно, спровоцированную местной анестезией.

Фрейд довольно быстро восстановился от шока. Пульс и кровяное давление в тот вечер были в норме. Через несколько дней у него появилась небольшая температура и обнаружилась незначительная закупорка бронхов. Поскольку лабораторные тесты и электрокардиограммы не подтвердили диагноз коронарного тромбоза, я не стал настаивать на постельном режиме¹. Пихлер согласился, что в будущем нам следует воздерживаться от использования адреналина. Это означало, что и без того не слишком эффективная (из-за обширной рубцовой ткани) анестезия должна была стать еще менее действенной. В результате мы решили еще более внимательно, насколько это было возможно, чем раньше, следить за любыми подозрительными участками во рту Фрейда, чтобы откладывать проведение новой операции на возможно более отдаленное время.

Во время этих событий Фрейд неоднократно — хотя и довольно неохотно — обсуждал свою историю болезни сердца прошлых лет. Он упоминал о сходстве испытанных им симптомов с тем, что мог наблюдать в прежние годы, говоря о «галопирующем сердце»²,

¹ Тогда при коронарном тромбозе рекомендовали шесть недель строжайшего постельного режима.

² Это был тот же симптом, который в письмах Фрейда к Флиссу обозначался как «*delirium cordis*».

легкой боли и гиперчувствительности к никотину. Он спрашивал меня, как мог он оказаться в состоянии вести такой активный образ жизни и полностью забыть о всех своих проблемах с сердцем в более поздние годы, если между 30 и 40 годами действительно имел какое-то сердечное заболевание. Также он сопоставлял свои недавние симптомы со стенокардическими болями 1926 г.

После этого случая Фрейд несколько недель воздерживался от курения. Его сердце и кровяное давление оставались в норме. Состояние его рта стало лучше, однако вынужденный отказ от курения был для него очень мучителен. Когда Фрейд снова приступил к работе, в конце концов опять начал курить.

В ноябре, помимо своей обычной осенней простуды, он заболел также диффузным воспалением ротовой полости и синусов. Оно сопровождалось сильной болью в области сустава нижней челюсти и трудностями при жевании, разговоре и курении. Лечение ультразвуком принесло Фрейду некоторое облегчение.

В некоторых письмах Фрейда отразилось его настроение. 18 августа 1933 г. он писал Арнольду Цвейгу:

«Что со мной происходит? За последние три месяца я составил больше, чем за три предшествовавших года. Все вокруг меня тоскливо, жара действует почти удушающе. Вокруг все больше сгущается разъедающая все основы злоба. Если бы можно было хоть что-то предпринять!..

Женщины в нашем доме держатся лучше. По сути, они наиболее устойчивы. Мужчины — по разумным биологическим соображениям — более уязвимы».

Насколько мне известно, до этого Фрейд никогда не высказывал эту мысль. Ее появление здесь, возможно, объясняется тем, что это письмо было написано Фрейдом в день рождения своей матери.

25 октября он писал:

«Я вновь могу работать, но больше не в состоянии лазить по лестницам, а потому стеснен в своих перемещениях по дому¹. Думаю, что на этот раз я вполне могу рассчитывать на смерть от сердечного приступа. Исход не так уж плох. У меня коронарный тромбоз², однако я еще жив. Поскольку я сейчас не курю, едва

¹ Фрейд жил на втором этаже, и в доме не было лифта.

² Фрейд ошибочно полагал, что у него более серьезное заболевание, чем это было на самом деле. Думал ли он при этом о своих сердечных симптомах 1893—1896 гг.?

сли смогу написать что-либо, кроме писем. Эта ситуация напоминает мне о том канторе — жить он будет, но петь уже не сможет»¹.

7 декабря 1933 г. он пишет Мари Бонапарт:

«Сегодня день рождения Мартина. Здесь больше нет детей. И сам я уже давно пережил свои годы!..

Моя жизнь вновь ограничена четырьмя стенами дома. Сейчас невелика потеря, что я не могу выбираться на улицу; там холод и мерзость. Пишу ли я что-нибудь? Нет и не думаю, что буду. В день я выкуриваю одну маленькую, «успокоительную» сигару².

От Буллита нет никаких известий³. Наша книга никогда не выйдет в свет».

В январе 1934 г. некоторые участки кожи показались нам подозрительными. Учитывая предыдущий эпизод и то, что наблюдавшиеся поражения имели скорее воспалительный характер, мы не спешили готовить Фрейда к новой операции. Хотя Ригго возражал против использования радиевой терапии в лечении воспалительного процесса, мы все же решили применить малую дозу радиации. Небольшой нарост на верхней губе также требовал к себе внимания. После нескольких попыток использовать рентгеновское облучение (под руководством доктора Эйслера) доктор Фюхс предло-

¹ Мы знаем, как Фрейд любил шутки, особенно еврейские, и как часто использовал их в своих произведениях. Этот метод он использовал и при лечении. Последнее предложение этого письма воскрешает в памяти замечательную историю о двух бедных евреях. Был канун большого праздника, а они сидели без гроша в кармане. Пока они обсуждали, как бы им раздобыть денег, одному пришла в голову мысль представить своего друга как кантора, незаменимого в праздничные дни. Когда его друг испугался и начал уверять, что никогда в жизни не пел, тот успокоил его, сказав: «Положись на меня. Ты выйдешь к публике и на первом же слове упадешь в обморок». Друг согласился. Люди, собравшиеся послушать «кантора», увидев, как тот вдруг упал в «обморок», решили, что он умер. Друг сумел «оживить» его. «Кантор» открыл глаза, но больше не произнес ни единого звука. Тогда его друг повернулся к слушателям и с важным видом произнес: «Жить он будет, но петь уже не сможет».

Фрейд обычно подчеркивал, что когда пациент оказывается способен оценить юмор ситуации, принять шутку или сам пошутить, то это указывает на то, что в его состоянии доминирует «Я». То, что Фрейд смог закончить это письмо шуткой, показывает, что он, вопреки всем своим бедам, был способен справиться со своим подавленным настроением.

² Сразу после того, как Фрейд выразил свой пессимизм, утверждая, что больше уже никогда не напишет ни одной книги, он упомянул и о своем вынужденном воздержании от курения. Это вновь показывает его зависимость от стимулирующего влияния табака.

³ Подразумевается их совместная работа над биографией Вудро Вильсона (см. главу 26).

жил использовать радий. В результате у Фрейда появился целый ряд отрицательных реакций: мигрень, носовое кровотечение, а временами даже легкая стенокардическая боль. Пихлер не особенно верил в связь между лечением радием и подобными проявлениями. Однако я доверял Фрейду, чувствовавшему, что некоторая связь все же есть, и предложил ему проконсультироваться у доктора Л. Шлосса, эксперта в области применения радия, который прежде обучался в Институте Кюри в Париже. Доктор Шлосс объяснил, что содержащийся в протезе металл может вызывать вторичную радиацию и, следовательно, приводить к более резкой реакции организма, чем мы ожидали. После этого радий применялся, лишь когда Фрейд стал пользоваться специально сконструированным протезом. Такая мера оказалась весьма действенной; болезненные симптомы заметно ослабли. Вопреки всем ожиданиям, радиотерапия благоприятно подействовала даже на маленькие наростоподобные поражения и папилломы. На этот раз мы смогли целый год обходиться без операции. Помимо временного «радиевого» протеза, был сделан еще один, поскольку старый, казаняновский, уже не мог выполнять своих функций.

За это время общее состояние Фрейда улучшилось. Он регулярно получал инъекции мужского гормона. (Доступные в то время андрогенные экстракты уже были достаточно эффективными, однако еще не столь стандартизованными, как в наши дни.) Каков бы ни был их лечебный эффект, организм Фрейда реагировал на них достаточно хорошо.

Этот год оказался единственным из череды последних лет жизни Фрейда, когда нам удалось обойтись без очередной операции!

Два события 1934 г. отнюдь не могли способствовать какому бы то ни было оптимизму во взгляде на будущее Австрии. 14 февраля 1934 г., после того как социал-демократическая партия решила дать последний бой наступавшему по всем фронтам фашизму, вспыхнула гражданская война, ограничившаяся в основном территорией Вены. Борьба была упорной и кровавой, однако восстание жестоко подавили. После этого Австрия фактически перешла под управление администрации фашистского типа.

Фрейд вновь оказался перед необходимостью подумать об отъезде из страны, и на этот раз он впервые не исключил такую вероятность. Само по себе это можно считать доказательством некоторого подъема его жизненной энергии. Соответствующие перемены в его настрое выразились в трех письмах, написанных в течение недели:

19 февраля 1934 г. он писал Мари Бонапарт:

«Вновь хочу выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши повторные предложения. Несомненно, человеку крайне важно быть уверенным, что где-то на земле существует прекрас-

ное место, где его с радостью готовы принимать, пока он будет искать для себя новый дом...

Будущее непредсказуемо... Если нацисты придут сюда и присутствуют с собой такое же беззаконие, которое воцарилось в Германии, тогда, конечно, придется уехать».

На следующий день он написал своему сыну Эрнсту, который тогда уже жил в Англии:

«Будущее сомнительно; нас ждет либо австрийский фашизм, либо свастика. В последнем случае мы вынуждены будем уехать».

Письмо от 25 февраля к Арнольду Цвейгу во многих отношениях является более показательным:

«Дорогой господин Арнольд.

Не прекращайте работать над «Воспитанием под Верденом»¹. Вложите в нее весь сарказм и все те чувства, которые вызвали у Вас жестокость и надменность этого времени, поскольку, во-первых, я сам сгораю от нетерпения прочесть эту книгу — предпочтительно в тенистом саду, с Вульфом и Джофи [волкодав и чау-чау Фрейда] на лужайке рядом со мной — и не знаю, сколько времени у меня еще осталось. А во-вторых, потому, что мне кажется, что возможные читатели Вашей книги уже перенесли свое внимание с событий той войны на ошеломляющие дела дней сегодняшних. Так что Вам следует поторопиться.

Наше состояние гражданской войны трудно назвать привлекательным. На улицу не выйдешь без документов, целый день нет электричества, маячит неприятная перспектива отключения воды. Сейчас все стихло, однако колоссальная напряженность сохраняется. Так больше продолжаться не может. Что-то должно произойти: либо придут нацисты, либо наши доморожденные фашисты возьмут власть, либо, как считают многие, ее подберет Отто фон Габсбург. В этой связи мне приходит в голову история под названием «Дама и тигр», довольно смутно сохранившаяся в моей памяти. В ней повествуется о несчастном узнике, оказавшемся в таких обстоятельствах, когда он вынужден был гадать: либо на него нападет зверь, либо появится дама, которая спасет его от смерти, выбрав своим мужем. Характерная особенность этой истории в том, что в ней не говорится, кто же в конце концов объявился: зверь или дама. Это может означать лишь то, что для узника оба исхода были равноценны, а потому не стоило и выделять особо один из них.

Вы справедливо считаете, что мы хотим остаться здесь, покрывшись судьбе. В конце концов, куда ж мне идти при моей за-

¹ Вторая большая повесть А. Цвейга на тему Первой мировой войны. Первой была «Спор об унтере Грише».

висимости и физической беспомощности? А ведь чужие страны всегда негостеприимны. Но если у нас действительно придет к власти правительство гитлеровского типа, тогда, разумеется, я должен буду уехать — все равно куда. Мое отношение к двум противоборствующим партиям [австрийские фашисты и гитлеровцы] могу выразить, лишь процитировав Шекспира: «Чума на оба ваших дома!» [«Ромео и Джульетта»].

То, что нацисты завладели Вашей библиотекой, мы переживаем очень болезненно. Мы с Анной надеемся, что сможем хотя бы отчасти компенсировать Вам эту потерю».

К этому письму требуется небольшой комментарий. В нем мы вновь видим прежнего Фрейда, не того, который после смерти Хейнеле заявил, что более не способен на новые привязанности! Стремление жить, бороться, любить было столь же сильным, как и прежде. Но при этом его никогда не оставляла тайная мысль: «Сколько у меня еще осталось времени?»

Два приведенных ниже письма к Арнольду Цвейгу также очень важны. Цвейг отправил Фрейду рукопись своей книги, которую назвал «Итог». В ней Фрейд нашел несколько ошибок, на которые указал в своем ответном письме от 3 апреля 1934 г.

«3 апреля 1934 г.

Дорогой господин Арнольд.

Старая история гласит: когда 10 000 [солдат] под предводительством Ксенофона после долгих скитаний по Малой Азии наконец достигли побережья, то, потрясенные увиденным, не могли сдерживать восторженного крика: «Thalassa, Thalassa»¹. На что стоящий неподалеку Ксенофон заметил: «Можно сказать и Thalatta».

Этой историей Фрейд хотел шутивно показать, как высокий полет эмоций может быть оборван сухим рациональным доводом. Он вспомнил о ней перед тем, как исправить некоторые ошибки, найденные им в рукописи Цвейга:

«На 232-й странице Вашего «Итога» исправьте, пожалуйста, слово «подсознательный» на «бессознательный», а на 234-й — написание фамилии Ференци.

Искреннейше Ваш,

Фрейд.

P. S. Да! Еще исправьте «Эдвард Джонс» на «Эрнест».

4 апреля 1934 г.

¹ Слово «Thalassa» как и «Thalatta» означает море, но отражает разницу в диалектах. В подлинниках писем эти слова как в этом месте, так и в постскриптуме были написаны по-гречески.

Постскрипtum к моему вчерашнему письму. Сразу после того как я его отправил, понял, что сам допустил ошибку, написав «Thalassa» с двумя «l». Судя по всему, здесь [мною] допущена явная описка. Я очень быстро понял ее корни. Я был раздосадован мелкими ошибками, допущенными в Вашем эссе. Они всегда очень заметны в небольших рукописях.

Вместо того чтобы прямо указать на них, я повторил историю с Ксенофоном. Я решил поступить именно так, поскольку считаю, что Вы, строго говоря, не виноваты в этих маленьких огрехах; корректировать текст Вам не так просто, как другим людям¹. Что касается слова «подсознательный», то здесь, видимо, ошибся Ваш помощник, и я также не могу Вас за это упрекнуть. Следовательно, Вы должны были получить некую компенсацию. Я мог бы ее Вам предоставить, сам допустив ошибку, которую бы Вы заметили и в свою очередь довели до моего сведения. Именно так «Thallatta»² и возникла, хотя я всегда гордился тем, что отлично помню все то, что касается Греции (хоровые песни Софокла, отрывки из Гомера).

Искренне Ваш,

Фрейд».

Это письмо любопытно по многим соображениям, однако я отмечу лишь некоторые из них. Фрейд поставил себе в вину симптоматическое действие («фрейдистскую промашку»), которое фактически не совершал. Однако в рамках этого самообвинения присутствовало действие другого типа: не описка, а «забывание». Фактически второе письмо также содержит «промашку», которую Фрейд не заметил, написав «Thallatta» вместо «Thalassa». Толкование Фрейдом ошибок, допущенных им и Цвейгом, свидетельствует о его крайней тактичности и нежелании своей критикой оскорбить чувства Цвейга. Возможно и то, что Фрейд, перепроверив свою память на древние высказывания, оказался смущен своей самоуверенностью. Остроумное применение изречения Ксенофона, внимательное чтение Фрейдом длинной рукописи, присланной ему Цвейгом, совершенно не согласуются с тем мнением, что из-за тяжелых физических страданий и пессимистического взгляда на окружающий мир Фрейд пал духом и больше не желал продолжать свою жизненную борьбу.

¹ У Цвейга было очень плохое зрение, и он с трудом мог читать.

² В своем первом письме Фрейд, несмотря на свою убежденность в обратном, на самом деле не написал слово «Thalassa» с двумя «l». Однако во втором, написав «Thallatta», он сделал именно эту ошибку!

Глава 23

МОИСЕЙ И МОНОТЕИЗМ

Ни в тот, ни в какой-либо другой период своей жизни Фрейд не скрывался в «башне из слоновой кости» своей аналитической деятельности или писательской работы над историей Древнего мира. Скорее он обладал замечательной способностью фокусировать свой очень живой интерес к этим вопросам в структуре «интересов Я» таким образом, что это не мешало ни его творческой, ни профессиональной жизни. Ряд писем этого периода свидетельствует о преодолении Фрейдом своей депрессии 1933 г. Однако из них следует и то, что определенные отголоски тех дней все же сохранились. 2 мая 1934 г., переехав в свою летнюю резиденцию, Фрейд писал Мари Бонапарт:¹

«Моя дорогая Мари.

Мы переехали и обосновались на Штрассергассе, 47, и теперь я могу заняться письмами. Первое — Вам. Здесь прекрасно, как в сказке. Не зная, как там у Вас в Сен-Клу [имение Мари Бонапарт близ Парижа], думаю, что у меня отнюдь не хуже. [Затем Фрейд выразил некоторые опасения в связи с приближающимся 78-м днем рождения, упомянув о своем приступе головокружения годовой давности. Он продолжал:]

Я ничего не пишу. Для этого нужен определенный уровень физического здоровья, которого я уже не могу достичь, а также и более дружелюбное отношение к миру, чем это возможно в наше время. Не слишком-то помогает знание, сколь мало значит состояние отдельного человека для состояния всего остального мира; он остается рабом своих ощущений. Единственное, в чем он способен преуспеть, так это в сдерживании чувства отвращения по отношению к себе самому».

Впрочем, несмотря на эти чувства и свое утверждение, что больше он не способен создать ничего нового и не желает даже пытаться это сделать, как ни страшно, Фрейд смог найти тему для еще одного, последнего, своего произведения, над которым он

¹ Даже почерк этого письма отличает его от предыдущего.

работал все последующие годы. Беспокойное лето 1934 г. смогло лишь задержать его в этом начинании.

В июне 1934 г. произошли события, известные под названием «чистка Рема». Они воскресили надежды (к несчастью, ложные) на скорое падение гитлеровского режима (Фрейд и Цвейг обменялись на этот счет взволнованными письмами). В июле в Вене произошел мятеж, закончившийся убийством канцлера Дольфуса и временной победой австрийского правительства. В результате появилась слабая надежда на то, что Австрия все-таки сумеет сохранить свою независимость.

В оставшуюся часть того лета Фрейд, перечитав немыслимое количество книг, наконец приготовился писать свою книгу «Моисей и монотеизм» и даже сумел оформить ее в общих чертах. То, что главная тема будущего произведения занимала его довольно давно, понятно из сделанного им замечания в письме к Цвейгу от 18 августа 1933 г. Говоря о «нашем великом главе — Моисее», Фрейд утверждал: «Возможно, что он действительно был египтянином». Первые два из трех составивших книгу эссе были опубликованы в 1937 г. в «Imago» под названием «Египтянин Моисей».

На этих страницах я не буду обсуждать обоснованность выдвинутых Фрейдом теорий, появившихся в результате колоссальных усилий. К тому же я не обладаю необходимым для этого уровнем познаний¹. Как бы то ни было, творческий всплеск, приведший к написанию книги «Моисей и монотеизм», позволил Фрейду в последние годы его жизни создать еще несколько важных работ по теории и практике психоанализа.

В длинном письме Арнольду Цвейгу от 30 сентября 1934 г. Фрейд представил эскиз этой книги и обсудил причины своего нежелания публиковать имеющиеся материалы — ощущение недостаточной обоснованности теоретической части работы и страха по поводу возможной реакции католического режима Австрии, бывшего тогда последним бастионом на пути нацистов.

Настроение Фрейда, сопровождавшее работу над данной книгой, нашло свое отражение в письме, написанном Арнольду Цвейгу 16 декабря 1934 г.

«Что касается «Моисея», то поддержка не требуется². То, что эта, возможно последняя, попытка создать нечто может провалиться, страшно меня угнетает. Я бы не сказал, что работа уже

¹ В моем распоряжении находится замечательная рукопись, написанная немецким знатоком Библии доктором Когеном, который был убит в концентрационном лагере. Работая над различными, главным образом библейскими, источниками, он пришел не только к заключениям, сходным с выводами Фрейда, но получил и еще более впечатляющие результаты. Я надеюсь, что эта книга будет опубликована в самом ближайшем будущем.

² Цвейг, очарованный идеей этой книги, постоянно снабжал Фрейда историческими материалами.

закончена. Этот человек и то, что я хочу написать о нем, — все это преследует меня неотступно. Однако успех моей попытки невозможен. Внешние угрозы и внутренние предчувствия не позволяют надеяться на иной исход. Я полагаю, что моя память теперь уже не слишком надежно хранит недавно произошедшие события. Как бы то ни было, по то, что я подробно Вам рассказывал в предыдущем письме о Моисее как египтянине, не является главным выводом моей работы. Однако же это ее отправная точка. Нет, мое внутреннее беспокойство связано не с этим моментом. Скорее мне кажется, что я водрузил пугающе грандиозную фигуру на глиняные ноги, которые сможет легко разрушить любой глупец.

Что касается моего здоровья, то тут грядут плохие времена. Они облучают мой рот радием, и я реагирую на эту дьявольскую штуку самыми скверными симптомами. Часто думаешь, что игра не стоит свеч. Самочувствие плохое. Ослабление воспалительных процессов едва ли может служить большим утешением».

Вряд ли что-либо может лучше проиллюстрировать проницаемость Фрейда, чем следующий отрывок из его письма (к Арнольду Цвейгу), написанного в довольно тяжелом настроении. Получив рукопись поэмы Цвейга и его восторженное описание ранней весны в Палестине, Фрейд отвечал:

«Это описание весны делает меня грустным и завистливым. *Я все еще обладаю столь большой способностью к наслаждению*, что очень недоволен теми ограничениями, которые накладывает на меня мое состояние. Суровая зима царит в Вене; я не выходил из своего дома уже несколько месяцев¹. При этом я нахожу трудным для себя принять ту роль героя, страдающего за все человечество, которую Вы на меня возложили. Настроение у меня отвратительное, все желания ослабели до крайности, а моя самокритика стала еще суровее. Со стороны мой диагноз звучал бы так: *старческая депрессия*. Я вижу, как грозные тучи сгущаются над нашим миром, в том числе и моим» [курсив добавлен. — М. Ш.].

Именно в это время я заметил, что в его состоянии начали происходить изменения, которые выглядели подозрительно. 23 мая 1935 г. Пихлер провел обширную электрокоагуляцию подозрительных участков, используя при этом местное обезболивание (по моему настоянию в состав обезболивающего адреналин не вошел). Выполненный Эрдхаймом отчет в этот раз производил еще более зловещее впечатление: «Пролиферирующая лейкоплакия, возможно, все еще предраковое состояние». В этой связи 30 апреля была проведена еще одна электрокоагуляция. В результате начались сильные боли и вставить протез стало много труднее. На

¹ В эти месяцы Пихлер и я посещали его на Берггассе.

свое 79-летие Фрейд вообще не смог самостоятельно разместить его во рту. Мы с Анной попытались ему помочь, но в результате он лишь окончательно выбился из сил, так что пришлось отвезти его к Пихлеру. Нужно было делать новый протез. Это был один из немногих случаев, когда Фрейд испытал отчаяние. Однако вскоре он справился с собой и на приеме у Пихлера был вновь невозмутим, терпелив и любезен.

Конструирование и подгонка нового протеза заняли более двух месяцев. Более того, с 30 апреля по 9 июля потребовалось 26 визитов к Пихлеру! Теперь образование патологических тканей проходило в новой последовательности: образование струпов приводило к ороговению тканей и в конечном итоге к появлению маленьких бородавчатых папиллом, которые, как показала следующая операция, имели столь же активный характер, как и те, что развивались из лейкоплакий.

19 августа 1935 г. Пихлер оперировал Фрейда вновь. В детальном отчете Эрдхайм описал папиллому, которая явно проросла в пижележащие слои. При этом оказалось, что глубина выемки ткани в этот раз лишь немногим превысила глубину наибольшего врастания. Отчет Эрдхайма гласил: «Во врастшей ткани признаки злокачественности отсутствуют, так же как и следы аномального клеткообразования в эпителии, так что диагноз папилломы сомнений не вызывает. Это явно не рак, однако такие папилломы следует рассматривать как его предвестники, а стало быть, они подлежат обязательному удалению хирургическим путем»¹.

Все эти отчеты регулярно показывались Фрейду. Не подлежит сомнению, что окружающие его люди, включая меня и даже Пихлера, больше беспокоились из-за постоянных угроз жизни Фрейда, чем он сам, увлеченный поисками доказательств обоснованности своих гипотез о Моисее, как это следует из его постоянно продолжавшейся интенсивной переписки с Арнольдом Цвейгом.

Весна в том году была довольно холодной, и Фрейд порой вздыхал о том, как славно, должно быть, было бы находиться сейчас в Палестине на горе Кармел, где у Арнольда Цвейга был дом. 14 мая 1935 г. он писал тому: «*Коль скоро* я приеду в Хайфу, я обязательно возьму с собой и «Моисея»².

В своем письме от 2 мая 1935 г., написанном за четыре дня до своего 79-го дня рождения, Фрейд отозвался об этой мысли как о типичной фантазии.

¹ Это было единственное хирургическое вмешательство, проведенное в мое отсутствие. Я был на отдыхе, и меня заменял мой старший друг доктор Поппер.

² Словосочетание «*коль скоро*» было выделено курсивом Фрейдом. Таким способом он тонко передал всю ироничность своего настроения, как будто говоря: у меня столь же мало оснований надеяться посетить Хайфу, как и закончить «Моисея».

Усиление политического кризиса в Европе, подстегнутое абсолютной несостоятельностью Лиги Наций, не могло внушать Фрейду оптимизма относительно будущего Австрии. В письме к Арнольду Цвейгу от 12 мая 1934 г., которое уже цитировалось, Фрейд рассказал, какую ярость вызывает у него все происходящее в Германии и как удручает его неспособность что-либо изменить. Эти чувства усилились еще больше, когда немецкий журналист Леопольд Шварцшильд, позже уехавший во Францию (в конце концов перебравшийся в Нью-Йорк), в одном из еженедельников опубликовал работу под названием «Дневник». Фрейд и я прочитали эти обстоятельные и подробные рассказы о тогдашней Германии. В них впервые мы узнали о существовании концентрационных лагерей (которые еще не превратились в лагеря смерти). Этим поступком Шварцшильд стремился предостеречь западные страны, рассказав им о лихорадочном перевооружении Германии, создании люфтваффе и т. д. Но его слушали с тем же вниманием, как троянцы некогда внимали пророчествам Кассандры.

Находясь под впечатлением от происходящего, 6 июня 1935 г. Фрейд написал Томасу Манну по случаю его 60-летия письмо. Он обратился к нему как к человеку, к голосу которого еще могли бы прислушаться:

«...От имени бесчисленного числа Ваших современников я хочу выразить уверенность в том, что Вы никогда ничего не сделаете и не произнесете — а ведь слова писателя, в конце концов, и являются поступками — такого, что покажется малодушным или низменным, и даже в пору всеобщего безумия сумеете избрать верный путь и указать на него другим».

В 1935 г. Арнольд Цвейг окончательно завершил нетерпеливо ожидавшееся Фрейдом «Воспитание под Верденом». Он получил эту работу в сентябре и тут же написал Цвейгу:

«23 сентября 1935 г.

Дорогой господин Арнольд.

Вот уж действительно господин!..

Эта работа как долгожданное освобождение. Наконец сказана правда, тяжелая, окончательная правда, без которой нельзя обойтись. Современную Германию нельзя понять, ничего не зная о «Вердене» (и том, что из этого следует)...

Создавая Ваши художественные образы, Вы проявили непревзойденное мастерство. Чего стоит один такой персонаж, как лейтенант Кройзинг! А каким чудом можно было придумать сестру Клэр, которая словно ожила на этих страницах? Как Вы пришли к идее создания портрета наследного принца, привле-

кательного, несмотря ни на что? Было бы интересно как-нибудь у Вас спросить о тех «впечатлениях дня», что привели к его появлению. Однако прежде, чем Вы посетите меня, Вена не должна превратиться в подобие Германии.

С самыми сердечными пожеланиями и выражением моего самого страстного восхищения.

Ваш старый Фрейд».

Это письмо подтверждает неслабеющую увлеченность Фрейда литературным творчеством, его неизменное стремление к истине и непреходящий интерес к источникам вдохновения творца, которые Фрейд по-прежнему надеялся постичь с помощью аналитических методов¹.

Получив от Цвейга ответное письмо с выражениями искренней благодарности, 14 октября Фрейд снова пишет ему:

«Дорогой господин Арнольд.

Просто удивительно, какое большое удовольствие можно получить от подлинного литературного шедевра. Однако я хочу уверить Вас, что этими словами отнюдь не стремлюсь сделать Вам дружеский комплимент, а лишь пытаюсь воздать должное Вашему таланту. Помимо меня, моей дочери и сына [Мартина], среди моих близких есть еще один человек, который в восторге от Вашей работы. Это мой доктор, Макс Шур, очень компетентный врач, который до такой степени возмущен происходящим в Германии, что не прописывает никаких германских лекарств². Мне приходится рассказывать ему о Вас снова и снова»³.

¹ Во время частных визитов к Фрейду Арнольд Цвейг проводил с ним долгие «аналитические» беседы. Последняя из них состоялась в 1938 г. в Лондоне.

² Вместе с главой моего отделения (доктором Юлиусом Бауэром) я организовал бойкот германским лекарствам. Мы составили перечень лекарственных препаратов — преимущественно швейцарских, австрийских и французских, — которые были эквивалентами часто используемых немецких. По этой причине мы были объявлены *персонами нон грата* в немецком отделении нашего госпиталя. Несомненно, нас уже занесли в черный список и нам была уготована весьма незавидная участь. Спасло нас, возможно, то, что Бауэр лечил одного родственника Геринга и, видимо, я был спасен теми же людьми, которые в конце концов помогли уехать из Австрии и Фрейду. Подробнее обо всем этом — позже.

³ Я встретил Арнольда Цвейга в 1938 г. в Лондоне, где он меня консультировал. Летом 1963 г. я возобновил переписку с ним, которая продолжалась до 1968 г., когда была опубликована его переписка с Фрейдом. Цвейг любезно позволил мне воспользоваться его письмами, за что я ему глубоко благодарен. Он умер через несколько недель после их публикации.

Далее Фрейд прокомментировал попустительство англичан действиям Муссолини в пору эфиопского кризиса. Он предвидел, что от этого выиграет только Гитлер и Австрии — и в том числе австрийским евреям — придется за это дорого заплатить. Письмо заканчивается так:

«Через несколько дней мы возвращаемся в нашу городскую квартиру. За окном великолепная осень. Мое состояние несколько улучшилось. Война либо ее предчувствие могут разрушить всю нашу аналитическую работу в Вене».

К концу 1935 г. Фрейда попросили написать статью для праздничного тома, посвященного грядущему 70-летию Ромена Роллана (родившегося 29 января 1866 г.). Письмо к Арнольду Цвейгу дает нам возможность понять мотивы, которыми руководствовался Фрейд, выбрав тему «Расстройства памяти на Акрополе». Несомненно, здесь сыграла свою роль обычная ностальгия: «Как молод я был тогда, какой чудесной оказалась поездка в Афины! Какие захватывающие описания Греции я получил от Мари Бснапарт» и т. д. Но конечно, здесь были и другие основания. 20 января 1936 г. Фрейд писал Цвейгу:

«Меня настойчиво просили написать что-нибудь к 70-летию Ромена Роллана и я, наконец, согласился. Я завершил краткий анализ состояния, которое наблюдал у себя во время пребывания на Акрополе в Афинах в 1904 г. Это довольно интимное переживание, которое едва ли имеет отношение к Р. Р. (если не считать того, что он ровесник моего брата, с которым мы тогда отправились в путешествие). Однако если Вы сопоставите две старые притчи — о плуте, который отдавал больше, чем у него было, и прекрасной девушке, которая не могла дать больше, чем у нее есть, — то Вы меня поймете».

Письмо к Цвейгу является связующим звеном между роллановской статьей и навязчивым предрассудком Фрейда, проявившимся во время его поездки в Афины в 1904 г., который он в 1909 г. описал в своем письме Юнгу. С некоторого момента письмо к Цвейгу начинает напоминать поток сознания; Фрейд развивает свою мысль, затем обрывает сам себя и продолжает уже словами, в которых говорится, что данный анализ есть «нечто довольно интимное» и едва ли имеет отношение к Ромену Роллану, за исключением того обстоятельства, что последний — ровесник брата Фрейда Александра. Это означало, что оба они были его «младшими братьями», так же как Юнг (родившийся в 1875 г.), Флисс (умерший в 70 лет) и, разумеется, брат Фрейда Юлиус. Кроме того, Фрейд приближался к своему 80-летию и его опасения, связанные с этим

весьма «критическим» возрастом, вскоре должны были себя обнаружить.

Последнее предложение этого письма крайне туманно. Упомянутый там «плут» определенно указывает на некий обман. «Прекрасная девушка» оставляет в недоумении. Что Фрейд хотел этим сказать Цвейгу? Желал ли он подчеркнуть то, что выполненная им работа исчерпывала его возможности того времени? Или же за игрой слов и некоторыми намеками в этом письме скрывалось сознательное или бессознательное указание на то, что он не раскрыл все, что ему было известно об акропольском эпизоде?

В следующем письме к Арнольду Цвейгу (21 февраля 1936 г.) Фрейд писал:

«Как было бы славно Вам очутиться в Вене-Гринцинге¹. Мы бы забыли обо всех несчастьях и упреках и пофантазировали бы о Моисее. Не обязательно это происходило бы во время моего [80-го] дня рождения; любое другое время, возможно, подошло бы лучше. Я еще не знаю, каким образом мне удастся увильнуть от тех обременительных дел, которые от меня ожидаются. Однако, без всякого сомнения, участвовать в них я не буду. До чего абсурдна затея попытаться компенсировать плохое обращение со мной в течение моей долгой жизни пышным празднованием столь критического² срока. Нет, уж лучше останемся врагами»³.

С приближением к юбилейной дате пробудились призраки прошлого. «Магия» чисел возвращалась. Ведь $80 = 40 \times 2$, а 40-летний рубеж был «критическим» возрастом Флисса. Что привело к всплеску вытесненных, но не исчезнувших воспоминаний о минувших днях? В книге о Моисее, над которой он тогда работал, Фрейд писал:

«Воспоминания... о ранних событиях сохраняются... но в особом психологическом состоянии... Забываемое не исчезало, а лишь «вытеснялось»; соответствующие следы памяти полностью сохранялись, но были изолированы посредством «противоположно направленной фиксации»... Возможно... некоторая часть вытесненного избегала этой участи, оставаясь доступной припоминанию и при удобном случае прорываясь в сознание...

¹ Пригород, где располагался летний дом Фрейда.

² Я перевел словосочетание «bedenklichen Termin» как «критический срок», поскольку ранее Фрейд уже использовал этот оборот в аналогичном выражении.

³ Фрейд имел здесь в виду своих «доброжелателей» из официальных и научных кругов, которые когда-то насмешками и клеветой встречали его начинания.

Вытесненное сохраняет свою восходящую тенденцию, не оставляет попыток прорваться в сознание. Оно достигает своей цели, если связанные с вытесненным инстинктивные элементы получают особое подкрепление... и... всякий раз, когда последние события вызывают впечатления или переживания, которые оказываются столь сходны с вытесненным, что способны вызвать его пробуждение. В последнем случае свежие переживания подкрепляются скрытой энергией вытесненного, и вытесненное начинает действовать за этими переживаниями и с их помощью. Ни в одном из этих трех вариантов ранее вытесненное не проникает в сознание легко, в неизменном виде. Оно всегда подвергается искажениям, свидетельствующим о влиянии еще не вполне преодоленного сопротивления противоположной фиксации или о модифицированном влиянии свежего переживания, а возможно, о том и о другом».

Мы вскоре увидим, как сильно Фрейд возражал против празднеств, планировавшихся на его 80-летие, задолго до наступления юбилея, тогда как он не мог быть уверен, что сможет до него дожить.

В 1935 г. хирургические вмешательства участились. Фрейд полностью отдавал себе отчет о результатах исследования удаленных у него тканей. Кроме того, он постепенно приближался к возрасту, в котором умерли его отец и старший брат Эммануил — 81,5¹ — и который он давно считал «критическим». На это он вновь сослался в письме к Арнольду Цвейгу, написанном 17 июня 1936 г. (см. главу 24). Могло ли на таком этапе произойти особое подкрепление вытесненного? Могла ли внести свой вклад и работа над книгой о Моисее?

По завершении «Тотема и табу», где Фрейд обсуждал убийство и съедение отца первобытного стада, спад его творческих сил оказался намного глубже обычного. В своей «акропольской» статье Фрейд истолковывал этот феномен с позиций чувства вины, появ-

¹ Фрейд не раз ссылаясь на то, что его отец умер в 81,5 года. Это было бы так, если бы он родился 1 апреля 1815 г. Однако семейный календарь называет другую дату рождения: 18 декабря 1815 г., и с этим соглашался и Джонс.

В неопубликованном письме к Флиссу от 1 августа 1898 г. Фрейд писал, что его отец всегда утверждал, что родился 1 апреля 1815 г., в один день с Бисмарком. Фрейд полагал, что эта дата была обусловлена переходом на григорианский календарь. Однако разница между 18 декабря и 1 апреля слишком велика (григорианский и лунный календари совпадают каждые девятнадцать лет, и расхождение между ними никогда не превышает нескольких недель). Как бы то ни было, но указание на 1 апреля явно было произвольным. Впрочем, это обстоятельство не мешало Фрейду считать 81,5 года своим следующим «критическим возрастом».

ляющейся у человека, который в чем-то превзошел своего отца. Там же Фрейд даже привел сравнение с коронацией Наполеона. Я бы добавил сюда и еще один момент, связанный с «виной выжившего», переживавшейся Фрейдом по отношению к Флиссу и своему брату Юлиусу, то есть присоединил бы к комплексу Эдипа еще и комплекс Каина.

Теперь же появилась книга о Моисее, в которой говорилось об убийстве не какого-то неведомого, первобытного отца, а Моисея, которого Фрейд называл «величайшим человеком», человеком, «породившим евреев», полностью отрицавшим бессмертие и положившим конец всем «магическим ухищрениям», выступив за первенство разума и превосходство «Я» над низменными влечениями. Говоря словами Фрейда: «...за триумф духа над чувствами или, собственно говоря, за отречение от инстинктивного со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями».

Могла ли старая вина Фрейда получить подкрепление и со стороны сказания об Иосифе и его братьях, о котором он упоминал в «Моисее и монотеизме»?

«Можно предполагать, что они [то есть люди иных национальностей, такие как греки] реагировали так, будто тоже верили в превосходство, на которое претендовали сами израильтяне. Когда кто-то объявляет себя любимцем наводящего ужас отца [а в случае Фрейда — матери], неудивительно, что это вызывает ревность у прочих братьев и сестер. К чему ведет такая ревность, замечательно показывает еврейское сказание об Иосифе и его братьях».

Согласно Фрейду, проблема вины за «первородный грех» — незапамятный, забытый, вытесненный факт отцеубийства — легла в основу тех искажений, которые претерпело предание о Моисее. Идея существования такого первородного греха встретила куда большее сопротивление, чем факт, определяющий существо монотеизма; факт существования первобытного отца.

Понятие «первородного греха» было предложено апостолом Павлом. Фрейд так писал об этом: «С первородным грехом в мир пришла смерть. Именно наказание смертью заслуживало убийство отца, который позднее был обожествлен».

Павел, таким образом, согласно Фрейду, мог отрицать факт реального убийства бога-отца, выдвинув сомнительное утверждение, что будто «мы освобождены от нашей вины, поскольку один из нас, пожертвовав своей жизнью, искупил наши грехи». В то время как христианская догма приписывала первородный грех изначально присущей людям греховности, Фрейд утверждал, что преступлением, которое должно быть искуплено такой жертвой, может быть только убийство.

Вина за предполагаемое убийство Моисея, после которого наступило ослабление влияния его учения на последующие несколько поколений, тледа, согласно мнению Фрейда, в душах евреев словно «хроническая болезнь».

«И вот из толщи народной вышла нескончаемая череда людей — не обязательно прямых потомков первых левитов, — людей, увлеченных великой и мощной традицией, мало-помалу восстающей из пепла. Именно эти люди, пророки, стали неустанно проповедовать древнее Моисеево учение, которым они воскресили старую веру, ставшую устойчивым содержанием еврейской религии. Еврейский народ вполне может гордиться тем, что сумел сохранить от гибели такую традицию и породить пророков, давших ей выражение, — даже если первый импульс для нее исходил извне.

Факт наличия некой особой психической структуры в... евреях обнаруживается в том, что они смогли выдвинуть из своей среды такое множество людей, готовых взять на себя ношу Моисеевой религии в обмен за право считаться избранным народом.

Несчастный еврейский народ, который с родовым упрямством продолжал отрицать убийство отца [Моисея], дорого заплатил за это в дальнейшем. Снова и снова слышал он обвинение: «Вы убили нашего бога». И, если его толковать правильно, это обвинение по сути совершенно справедливо. Если рассматривать его с позиций истории религий, то оно прозвучит следующим образом: «Вы не желаете *признавать*, что убили бога» (то есть архетип бога, первобытного отца и его последующие воплощения). Но здесь христианам следовало бы добавить: «Мы тоже убили его, но мы в этом *признались* и тем очистились от греха».

В самой религии Моисея нет места прямому выражению этой убийственной ненависти к отцу. Обнаружиться могла лишь выраженная реакция на такую ненависть — чувство вины, вызванное этой скрытой ненавистью, отягощенная совесть за грех перед богом и свое непокаяние. Это чувство вины... питалось и от другого... источника. Народ переживал тяжелые времена; надежды на покровительство могущественного бога не спешили исполниться; становилось все труднее сохранять иллюзию... своей богоизбранности, чувство вины за собственную греховность подсказывало наилучшее объяснение ниспосылаемым богом бедам: дескать, они сами не заслужили лучшей участи, потому что не соблюдали божественных законов. И, движимые потребностью смягчить это чувство вины... они вынуждены были предъявлять к себе все более жесткие требования... и все более педантичные... с каждым новым шагом все ближе подходя к полному аскетизму, достигнув — по крайней мере, в догме и ее предписаниях — таких моральных высот, которые были недостижимы для других народов

Античности. Многие евреи считают покорение этих высот своей второй основной чертой и вторым основополагающим достижением своей религии. Характер связи этого достижения с первым — с концепцией монотеизма — должен проясниться из наших замечаний. Эти моральные заповеди не могут, однако, отречься от своего происхождения из чувства вины за подавленную враждебность к богу. Они имеют характерные черты... навязчивых невротических реакций; мы можем также догадаться, что они служат тайным задачам наказания.

Интересно обратить внимание на тот подход, с которым новая религия [христианство] подошла к проблеме давней двойственности отношений отца и сына. Его основной направленностью было... примирение с богом-отцом, искуплением совершенного против него преступления; однако... искупивший грехи сын сам стал богом рядом с отцом, а фактически — и вместо отца. Первоначально являясь религией отца, христианство постепенно превратилось в религию сына, не избежав изначально завещанного ей судьбой предназначения — избавиться от отца.

Лишь часть еврейского народа приняла новую доктрину. Те, кто отверг ее, до сего дня называются евреями. Этим решением они отделили себя от остального мира еще резче, чем раньше... Евреи оказались вынужденными услышать от приверженцев новой религии... обвинение в том, что они убили бога. Наиболее четко оно прозвучало бы так: «Евреи не признают, что некогда участвовали в убийстве отца, тогда как мы это признали и избавились от своей вины». В такой форме легче увидеть, какая правда стоит за этим обвинением... В определенном смысле евреи возложили на себя трагическое бремя общей вины; за это им предстояло дорого заплатить».

Таким образом «Моисей» продолжает все ту же старую тему: «Нет на Земле греха без искупленья» (см. главу 6).

Но евреи получили и награду.

«Моисей... подарил евреям высокое чувство богоизбранности. Дематериализацией бога был внесен... еще один ценный вклад в сокровенное достояние народа. Евреи сохранили эту склонность к духовному. Позднейшие политические неудачи научили их по достоинству ценить свои сохранившиеся писмена. Сразу же после разрушения Титом Иерусалимского Храма рабби Йоханан бен Закай попросил разрешения открыть в Явне первую школу для изучения Торы. С того момента именно духовное ядро Священной Книги удерживало разрозненный народ вместе...

Предпочтение, которое евреи в течение двух тысяч лет отдавали духовным начинаниям, не могло себя не проявить. Это помогло им выработать иммунитет к жестокости и насилию, кото-

рые обычно торжествуют там, где идеалом является исключительно физическое совершенство. Достигнутая греками гармония между физическим и духовным началом евреям оказалась несвоейственна. В борьбе духа и плоти они встали на сторону того, что имело большее культурное значение».

Представляется вполне оправданным предположить, что временное «возвращение вытесненного», приведшее к оживлению застарелого конфликта и склонившее Фрейда к написанию «Расстройства памяти на Акрополе», также обратило его внимание на близящуюся «критическую» дату и даже вызвало легкий страх перед ней. Все это должно было до некоторой степени быть связано с «Моисеем». В свою очередь, идея этой книги выступала неотъемлемой частью неустанныго поиска Фрейдом ответов на ключевые вопросы жизни и смерти.

На протяжении всей жизни Моисей для Фрейда был одной из тех фигур, с которыми он более всего себя идентифицировал. Приезжая в Рим, он всякий раз часами зачарованно созерцал статую Моисея работы Микеланджело в церкви Сан-Пьетро в Винколи. Он рассказал об этом в своей статье «Моисей Микеланджело», которая впервые была анонимно опубликована в «Imago»:

«Как часто я карабкался по крутым ступенькам с непривлекательной Корсо-Кавур на уединенную площадь с заброшенной церковью и старался выдержать презрительно-гневный взгляд героя! Украдкой я иногда выбирался из полумрака внутреннего помещения, чувствуя словно сам принадлежу к тому сборищу, на которое обращен его взор, сборищу, которое было не в состоянии отстоять свои убеждения, не желало доверять и ждать и смогло возразовать, лишь вернув своих эфемерных идолов».

В своем исследовании этого воодушевляющего шедевра, о котором он писал:¹ «Мои чувства к этой работе напоминают чувства, которые питаешь к любимому ребенку», Фрейд пытался переосмыслить образ библейского Моисея, придя к заключению, что:

«На могиле папы римского Микеланджело поместил другого Моисея, превосходившего как Моисея исторического, так и канонического. Он иначе выразил мотив разбитых скрижалей; охваченный гневом, Моисей не разбивает скрижали. Напротив, предчувствуя подобное, он умирляет бушующие страсти. Этим Микеланджело добавил к образу Моисея нечто новое, возвы-

¹ В письме к Эдоардо Вейссу, написанном 17 апреля 1933 г. по случаю публикации этой работы на итальянском языке.

шенное. Его мощная фигура становится воплощением высокого духовного подвига, на который способен человек, — подвига подавления своих страстей».

Мы знаем, что Фрейд начал читать Ветхий Завет в семь лет. Из материалов переписки с Флиссом нам известно, что в первое десятилетие их дружбы и особенно в ту пору, когда Фрейда беспокоило состояние его сердца, мысль: «Смогу ли я прожить достаточно долго, чтобы увидеть землю обетованную?» — имела для него первостепенное значение. Как и многое другое, что манит к себе издали, эта земля обетованная по мере приближения к ней постоянно меняла свои имена: сперва Фрейд пришел к решению загадки снов, потом отыскал ключ к постижению причин неврозов и т. д.

Позже Фрейд оказался подобен «пророку в пустыне», говорящему от имени будущих поколений. В «Моисее» мы можем обнаружить множество ярких параллелей с жизнью и работой Фрейда. Упомянем лишь некоторые отрывки:

«Я полагаю... что идея единственного бога, равно как и отказ от магических церемоний, и акцент на провозглашенных им моральных требованиях действительно были свойственны воззрениям Моисея, которые по прошествии длительного времени... в конце концов прочно заняли свои позиции. Чем можно объяснить этот отсроченный эффект и где мы сталкиваемся с подобным феноменом?

Думается, что с такими явлениями мы встречаемся нередко, и в ряде случаев они могут быть истолкованы более-менее легко. Вспомним хотя бы путь любой новой научной теории, такой, к примеру, как дарвиновское учение об эволюции. Поначалу она сталкивается с враждебным отрицанием. Однако уже следующее поколение видит в ней великий шаг к истине. Сам Дарвин удостоился почетного захоронения в Вестминстерском аббатстве... Новая истина порождает эмоциональное сопротивление... некоторое время продолжается борьба мнений; как обычно, у такого нового взгляда находятся сторонники и противники; со временем число и влияние сторонников неуклонно возрастает, пока они не одерживают верх. Неудивительно, что весь этот процесс занимает весьма длительное время».

Более чем за двадцать лет до этого Фрейд провел параллель между биологической революцией, совершенной Дарвином, и психологической, провозглашенной им самим. Дополнительную параллель к этому можно обнаружить в ранее цитировавшихся отрывках, где Фрейд говорил о победе духа над чувствами, предпочтении духовных свершений и моральном превосходстве над жестокостью и насилием как о достижениях, привнесенных учением «Великого чело-

века», величие которого как раз и определялось «духовными качествами», «психическими и умственными отличиями».

Когда Фрейд столкнулся с отступничеством и демонстративным уходом своих учеников, особенно в случае с Рапком, который именно таким образом отреагировал на болезнь Фрейда, в своих беседах и письмах он часто указывал на параллели между сыновьями «первобытного отца» и некоторыми своими последователями, ожидавшими его смерти.

Теперь обетованная земля предстала перед Фрейдом в образе мечты о завершении книги о Моисее. На этот раз ему пришлось сражаться не только с быстротечным временем (старость и рак), но противостоять также неподконтрольным внешним силам. Много об этом было сказано в письмах Фрейда. Теперь, как мы видели, главным образом Арнольду Цвейгу он поверял свои планы, надежды, фантазии, сомнения и разочарования. Я уже упоминал письмо Фрейда к Цвейгу от 8 мая 1932 г., в котором он снова продемонстрировал свою страстную тягу к знаниям, на этот раз о Палестине, которая породила «религии, священные безумия, попытки покорить внешний мир [Scheinwelt] средствами внутреннего мира иллюзорного исполнения желаний [Wunschwelt]». Он также подчеркнул собственные, теряющиеся в глубине веков узы, связывающие его с прошлым. Похоже, это было одно из первых свидетельств сильной увлеченности Фрейда вопросами, которые позже отразились на страницах его книги о Моисее.

В этом письме 1932 г. Фрейд подчеркивал, что — в противовес Цвейгу — он всегда скорее считал себя евреем, чем немцем, хотя никогда не был религиозен. Также он резко выступал против любых националистических и шовинистических тенденций. Цвейг буквально разрывался между желанием остаться в Германии и необходимостью покинуть ее, чтобы избежать очевидной опасности. Как автора многих книг, с родной страной его связывал еще и язык, на котором он писал. Время от времени Цвейг проходил анализ, и Фрейд, неоднократно советовавший ему покинуть Германию, указывал (как в письме от 18 августа 1933 г.), что некоторые конфликты Цвейга находили выражение в его двойственном отношении к своему еврейскому происхождению. Отсюда возник комментарий, где встречается первый намек на направленность основного течения его мыслей в то время. Он продолжал: «Любой человек всячески пытается оградить себя от страха кастрации. Здесь может скрываться и сопротивление своему еврейскому происхождению. Между прочим, наш великий вождь Моисей был порядочным антисемитом, и это не составляло секрета. *Возможно, он действительно был египтянином*» [курсив добавлен. — М. Ш.].

Говоря об «антисемитизме» Моисея, Фрейд явно имел в виду гнев, который тот обрушил на евреев, которые снова принялись поклоняться золотому тельцу, пока он получал от бога 10 запо-

ведей на горе Синай. Как можно видеть из ранее процитированного отрывка, именно этот эпизод оказался в центре внимания Фрейда в его эссе о Моисее Микеланджело. «Великий человек», памятного опередивший свое время, выступал в качестве одного из центральных мотивов работы Фрейда и его собственной жизни.

Очевидно, что захват нацистами Германии и угроза повторения этой ситуации и в Австрии сказались на увлеченности Фрейда легендой о Моисее. Однако я не могу согласиться с Джоном, не видевшим здесь еще и других причин. Книга о Моисее стала логическим продолжением таких произведений, как «Тотем и табу», «Будущее одной иллюзии» и «Недовольство культурой», равно как и частью собственного *финального* противостояния Фрейда «первородному греху», последним шагом на пути к обретению подлинной безмятежности.

Статья о «Расстройстве памяти на Акрополе» была еще одним из эпизодов этой затянувшейся борьбы.

Из письма к Арнольду Цвейгу от 30 сентября 1934 г. мы узнаём, что Фрейд закончил тогда первый набросок к своей книге. Тогда он предполагал назвать ее «Человек по имени Моисей: Историческая повесть». Он выражал сомнения относительно обоснованности своих исторических выводов и опасался того, что публикация последней, основной, части этой книги может подорвать позиции психоанализа в Австрии. Эти опасения он вновь выразил в предисловии к третьей части. Тогда Фрейд не был уверен в том, что сможет ее опубликовать вслед за первыми двумя, которые вышли в свет в 1937 г. Второе эссе Фрейд окончил следующим утверждением:

«Было бы чрезвычайно соблазнительно воспользоваться частным случаем еврейской истории, чтобы попытаться понять подлинную природу традиции и причину силы ее влияния на судьбы людей. Насколько нелепо оспаривать влияние личностей великих людей на ход исторических событий! Каким упрощением величайшего многообразия человеческой жизни было бы сведение всех движущих мотивов людей исключительно к материальным потребностям, откуда черпают свою силу идеи (особенно религиозные), подчиняющие себе как отдельных людей, так и целые народы. Продолжив мой труд в этом направлении, можно было бы развить утверждения, которые четверть века назад я выдвигал в «Тотеме и табу». Но я не думаю, что и дальше могу рассчитывать на свои силы».

В предисловии к третьей части Фрейд пишет:

«С дерзостью человека, которому почти совсем нечего терять, я полагаю вновь нарушить вполне обоснованное решение и добавить к двум первым моим эссе о Моисее, напечатанным

в «Imago», третье, от публикации которого я до сих пор воздерживался. В конце своего последнего эссе я признавал отсутствие у себя необходимых для этого сил. Я имел в виду, разумеется, спад творческих способностей, сопровождающий преклонные годы. [Замечание. Я не разделяю точку зрения моего современника Бернарда Шоу, который полагает, что люди могли бы только тогда достичь чего-либо стоящего, если бы они жили по 300 лет. Продление жизни ни к чему не приведет, если не произойдет множества других важнейших перемен в условиях жизни.] <...>

Мы живем в католической стране и под защитой католической церкви, не зная, насколько хватит этой защиты. Но, пока ее хватает, я, естественно, не решаюсь сделать что-либо такое, что может возбудить враждебность этой церкви. Причина тому не трусость, а осторожность. Новый враг, потворствовать которому мы ни в чем не желаем, куда опаснее старого, с которым мы уже научились находить общий язык. К продолжению наших психоаналитических исследований католицизм в любом случае будет относиться с подозрением. Я не стану утверждать, что эти опасения беспочвенны. Раз наша работа приводит к выводам, низводящим религию до невроза человечества, объясняя ее грандиозную власть над людьми теми же причинами, которыми объясняется власть навязчивого невроза над большими, то не приходится сомневаться, что это вызывает сильнейшее недовольство наших правителей. Не то чтобы я намеревался сообщить нечто новое, однако со временем сказанное раньше было забыто. Поэтому я полагаю оправданным вновь это повторить и проиллюстрировать на типичном примере возникновения одной конкретной религии. Вполне возможно, что это приведет к запрету практики психоанализа. Столь жесткие меры подавления никогда не были чужды католической церкви. Она даже готова считать покушением на свои права, когда к подобным мерам прибегают другие. Однако за долгие годы моей жизни повсеместно распространившийся психоанализ все еще не нашел для себя более подходящего приюта, чем город, где он возник и сложился.

Я не только предполагаю, но даже уверен, что внешняя опасность помешает мне опубликовать последнюю часть моего труда о Моисее».

В письме к Цвейгу Фрейд высказался более определенно. Больше всего его настораживал некий отец Шмидт, который имел большое влияние на австрийское католичество, равно как, видимо, и на самого папу римского. Шмидт интересовался антропологией и был крайне критично настроен к тем мыслям, которые Фрейд выразил в «Тотеме и табу».

Было бы совершенно бессмысленно пытаться обсуждать, насколько обоснованны были опасения Фрейда на этот счет. Однако складывается впечатление, что он мог прикрывать ими свои внутренние сомнения (см. письмо к Арнольду Цвейгу от 16 декабря 1934 г.).

В письме к Цвейгу от 13 февраля 1935 г. Фрейд прямо говорит:

«Моему «Моисею» ничем не поможешь. Если Вы однажды приедете в Вену, то сможете прочесть рукопись, которая отложена до тех пор, пока у меня не появится на ее счет большей уверенности».

2 мая 1935 г. Фрейд отправил Цвейгу письмо со следующими строками:

«Моисей не оставляет мое воображение. Несмотря на трудности с речью, я воображаю себя читающим Вам этот труд после Вашего приезда в Вену».

Цвейг, Эйтингтон и другие люди постоянно снабжали Фрейда необходимой ему для этой книги информацией. Несколько позже, в 1935 г., Цвейг сообщил Фрейду, что пекий «надежный источник» получил вести от профессора Смита, работавшего при рокфеллеровском музее Луксора. Тот утверждал, что во время недавних раскопок была обнаружена глиняная табличка, где были записаны имена учеников храма Ра-Атона в Гелиополисе, среди которых значились Моисей и Аарон. Ответное письмо Цвейгу (20 января 1936 г.), в котором Фрейд сообщил тому о своей работе, посвященной Ромену Роллапу, продемонстрировало его познания в этой области, равно как и критичность суждений:

«Дорогой господин Арнольд.

Только что получил присланные Вами сведения. Очень рад, что Вас так интересует эта проблема. Сперва у меня сложилось впечатление, что утверждения Вашего «поэта» отнюдь не плод досужего ума; они покоятся на солидных основаниях, которым нельзя не поверить. Луксор существует, то же самое можно допустить и относительно Рокфеллера и даже профессора Смита. Однако чуть позже меня посетила мысль, которая обесценила все ожидания: если такой перечень учеников храма Солнца действительно был найден в Амарпе, то он не мог быть сделан клинописью на глиняных дощечках. В таких случаях писали на папирусе, пользуясь при этом иероглифами. Клинопись использовалась лишь во внешней переписке. Так что эта новость дает мало надежд на пробуждение моего Моисея ото сна — видно, такова его судьба».

В этих строках мы видим разочарование, смешанное с удовлетворенностью компетентного исследователя, не позволившего ввести себя в заблуждение. Все они выдержаны Фрейдом с прекрасной мягкой иронией.

Эти письма отражают взлеты и падения, сопутствовавшие Фрейду в те годы, когда книга о Моисее стала частью его жизни, наряду со всеми прочими его интересами, состоянием здоровья и его человеческими взаимоотношениями.

Еще один аспект книги о Моисее требует здесь дополнительного упоминания: никогда еще Фрейд так убежденно и подчеркнуто не настаивал на возможности наследования приобретенных свойств в форме «наследуемой традиции», «сохранения следов воспоминаний в архаическом наследии» и на утверждении того, что «люди всегда знали, что когда-то у них был первобытный отец и они убили его».

Фрейд полностью понимал, что занятая им позиция «не согласуется с воззрениями, принятыми в рамках современной биологической науки, не желающей и слышать о наследовании приобретенных свойств последующими поколениями». Характер рассуждений Фрейда в этом случае был нетипичен. Он говорил:

«Предположив сохранение таких следов воспоминаний в архаическом наследии, мы проложили мост через пропасть между индивидуальной и массовой психологией, получили возможность исследовать народы так же, как мы исследуем невротиков. Если добавить, что в настоящее время мы не располагаем никаким убедительным доказательством существования следов воспоминаний в архаическом наследии, кроме остаточных проявлений при психоаналитической работе, то это доказательство кажется нам все-таки достаточно убедительным, чтобы признать такое положение вещей. Если дело обстоит иначе, то мы не продвинемся ни на шаг по проложенному пути ни в психоанализе, ни в исследовании психологии масс. Подобное дерзкое предположение неизбежно.

Тем самым мы добиваемся еще кое-чего. Мы сужаем громадную пропасть между человеком и животным на ранних этапах становления человека. Если так называемые инстинкты животных позволяют им в новой ситуации с самого начала вести себя так, словно они давно и хорошо с ней знакомы, если инстинктивная жизнь животных вообще может быть объяснена, то такое объяснение может быть только одним: в свое новое существование они привносят опыт вида, то есть сохраняют память о том, что пережили их предки. По существу, и у первочеловека, видимо, было нечто подобное. Инстинктам зверей соответствует его собственное архаическое наследие, хотя оно совсем иное по объему и содержанию».

Другими словами, Фрейд утверждал, что поскольку его гипотеза обеспечивает сближение индивидуальной и массовой психологии и дает объяснение возникновению монотеизма, то она вполне обоснованна.

Почему Фрейд не был достаточно осмотрителен в своих рассуждениях, когда утверждал:

«Самый краткий и верный ответ гласит: оно содержит определенные наклонности, свойственные всем живым существам. То есть способности и склонности выбирать определенные направления развития и особым образом реагировать на определенные раздражения, впечатления и побуждения. Поскольку опыт показывает, что в этом отношении отдельные особи человеческого рода различаются между собой, то архаическое наследие включает в себя и эти различия. Они представляют собой то, что у отдельного человека признается конституционным моментом. Поскольку все люди, по крайней мере в раннем детстве, переживают примерно одно и то же, то и реагируют на это сходным образом. Может закрасться сомнение: не стоит ли отнести эти реакции вместе с их индивидуальными различиями к сфере архаического наследия? Сомнения следует отбросить: факт такого единообразия не обогащает наше знание об архаическом наследии».

В рамках своего клинического опыта Фрейду приходилось вновь и вновь наблюдать, что практически ни один человек в ходе своего развития не был в состоянии избежать столкновения с ситуацией того типа, которая порождает характерные эдиповы конфликты. Сверх того, однажды открыв значение агрессии и неизбежность конфликтов двойственности отношений, Фрейд знал, что у каждого ребенка порой появляются жестокие импульсы, направленные не только против отца, но и против матери, братьев и сестер; что чувство вины проистекает не только из поступков, но и из мыслей, поскольку на уровне психической реальности мысль равноценна деянию. Фрейд сам выдвинул — и тут же отклонил — два возможных возражения против этих утверждений:

«Во-первых, при каких условиях такое воспоминание входит в архаическое наследие? Во-вторых, при каких обстоятельствах оно может стать активным, то есть ворваться в сознание из своего бессознательного состояния, пусть даже в измененном и искаженном виде? Можно легко сформулировать ответ на первый вопрос: это происходит, если событие было достаточно важным или повторялось достаточно часто, либо и в том и в другом случае. В случае отцеубийства были выполнены оба условия. По поводу второго вопроса можно заметить, что, видимо, следует учитывать все воздействия, которые не обязательно нам известны (по аналогии с про-

цессом при некоторых псевдозах также можно представить и спонтанное развитие событий). Несомненно, однако, что решающее значение имеет пробуждение воспоминания благодаря новому реальному повторению события. Таким повторением было убийство Моисея; позднее — мнимое убийство невинного Христа, так что эти события выдвинулись в первый ряд причин. Дело обстоит так, будто именно без этих инцидентов не смогло обойтись рождение монотеизма».

Вновь мы можем спросить: зачем Фрейд потребовалось такое дополнительное объяснение архаического наследия? Убийства, в том числе и отцеубийства, несомненно были распространены и уже считались греховным деянием в большинстве культур во времена Моисея. Распятие Христа сразу же вошло в письменную и устную традицию. Несомненно, что убийство Моисея, если бы оно даже действительно имело место, могло подвергнуться вытеснению, однако Фрейд представил множество убедительных примеров долгого существования традиций, сохраняющихся и приукрашивающихся из поколения в поколение. Построение гипотез о сохранении подобных, когда-то вытесненных и вновь воскресших воспоминаний не обязательно влечет за собой допущение касательно архаического наследия. Тем не менее Фрейд упорно его придерживался. Джонс был не единственным, кто пытался внушить Фрейду мысль об ошибочности такого подхода. По крайней мере один из редакторов «Imago» Эрнст Крис также пытался переубедить Фрейда, но безуспешно.

Не подверглось пересмотру и сопоставление Фрейдом этого архаического наследия с инстинктами животных. То, что приверженцы «инстинктивной» концепции называют «образцами инстинктивного поведения», на самом деле представляет собой типичные видовые реакции на определенную стимуляцию, склонность к которым передается генетически (см.: *Шур. М.*; *Шур. М.* и *Рудо Л.*). Однако мы не можем признать тождественной «память» генетического рода, обеспечивающую поддержание биохимического состава крови и воспоминания об исторических событиях.

Встреченный нами здесь тип рассуждений напомнил о том, который наблюдался в «По ту сторону принципа удовольствия». Имеется существенное отличие между тем Фрейдом, который сразу сумел опровергнуть «доказательство» подлинности записей на глиняной табличке, и тем, который столь безапелляционно заявлял: «Я не сомневаюсь, что люди всегда знали, что некогда у них был первобытный отец и они убили его».

Следует полагать, что в этой книге, как и в «По ту сторону принципа удовольствия», ряд предложенных Фрейдом формулировок порождался его внутренними конфликтами, на существование которых он часто ссылался в пору работы над книгой о Мо-

исее. Мы можем лишь догадываться, почему Фрейд остановился на столь своеобразных формулировках. Возможный ответ заключается в том, что, если человеческие чувства вины за отцеубийство являются реакцией на архаическое наследие, восходящее к тем первобытным временам, когда отцеубийство встречалось довольно часто, это означало бы наличие огромной дистанции между переживаниями и деянием. Мы бы тогда смогли сказать: «Деяние совершили наши древнейшие предки. Мы же лишь воспроизводим некоторые фантазии, весьма условно следуя тем же путем». Это был бы совсем иной метод примирения с «первородным грехом», отличающийся от приписанного Фрейдом апостолу Павлу. В этом заключался бы еще один аспект усилий Фрейда по примирению с собственным «первородным грехом».

В своей последней работе, «Очерк о психоанализе», которая была опубликована лишь в 1940 г., посмертно, Фрейд уже более осторожно подошел к вопросу использования концепции «архаического наследия». Обсуждая кастрационный комплекс, Фрейд вернул к ней лишь в рамках сноски:

«Не исключена возможность, что следы воспоминаний могут способствовать ужасающему впечатлению от этой угрозы — это следы воспоминаний доисторических времен, когда ревнующий отец первобытной семьи действительно лишал своего сына гениталий, если последний начинал восприниматься соперником в борьбе за женщину».

Мое обсуждение дилеммы Фрейда, связанной с «архаическим наследием», было подготовлено до того, как я узнал о недавней публикации Шайнера, упоминавшейся в первой главе. Я не внес изменений в свои записи, поскольку в приведенных фрагментах книги о Моисее внутренний конфликт Фрейда проявился гораздо более определенно, чем в любых других обсуждениях им этой концепции. Я уже выражал ранее предположение, что упорство, с которым Фрейд придерживался гипотез о наследовании приобретенных качеств, о «прафантазиях», как он выразился в «Лекциях по введению в психоанализ» (1916—1917) и в статье «Из истории детского невроза» (1918), и об архаическом наследии, коренится в его собственных «доисторических» временах: времени первых трех лет жизни во Фрайберге, когда ему приходилось жить в одной комнате со всеми прочими членами своей семьи и где родились еще двое детей. Будучи не в состоянии полностью восстановить те события, он создал максимальную дистанцию, отделяющую его от них, проявив при этом незаурядную изобретательность и изощренную фантазию.

Указывая на изъяны такого рода в мышлении Фрейда, я конечно же никоим образом не ставлю под вопрос его гениальность.

Не исключено, что однажды окажется, что он был прав и в том, что касается наследования приобретенных качеств (я, разумеется, не имею в виду мутации). С 1951 г. генетик Роджер Вильямс заинтересовался индивидуальными различиями между животными с очень сходным генетическим кодом. Современная генетическая мысль указывает на то, что наследуемые черты определяются лишь ДНК и что эта структура существует только в клеточном ядре.

Недавние исследования позволяют предположить, что на наследственность могут оказывать влияние и цитоплазматические компоненты, отличные от ДНК. Это может быть применимо к животным с высокодифференцированными клетками. Есть предположение, что передача по наследству признаков в многоклеточных живых структурах может отличаться от ныне принятой модели, которая установлена на одноклеточных живых структурах. Вопрос, что принесут эти изыскания в проблему передачи приобретенных качеств, на данный момент остается нерешенным.

Другая линия генетических исследований осуществляется в русле проблемы «нейтральной мутации» и «генетического дрейфа». Похоже, что генетические изменения, проявляющие себя на молекулярном уровне в различных белках, случаются чаще, чем это предполагалось прежде. Пока нам очень мало известно о причинах этих изменений и их последствиях. Но к таким передаваемым качествам никак не могут относиться особые воспоминания, касательно убийства первобытного отца или кастрации.

Глава 24

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ФРЕЙДА

Незадолго до Рождества 1935 г. я обнаружил бородавчатое образование, которое быстро увеличивалось в размерах. Это крайне меня беспокоило. 16 января 1936 г. оно было подвергнуто обширной коагуляции. В письме к Арнольду Цвейгу (20 января 1936 г.) Фрейд отмечал:

«В результате «маленькой» хирургической процедуры, выполненной недавно на моем рту, сейчас я не могу ни жевать, ни внятно говорить. *Жду, пока не станет лучше*» [курсив добавлен. — М. Ш.].

Мои собственные записи и записи Пихлера дают понять емкость этого простого предложения. Фрейд мучился неделями, будучи не в состоянии вставить протез нижней челюсти. Следующая запись Пихлера красноречиво свидетельствует о страданиях Фрейда, равно как и об установках самого Пихлера, внимательность и обходительность которого, в сочетании со взвешенной решительностью, только и могла позволить ему сделать все, что было в его силах.

«24 января: первые 1 — 2 дня после операции пациент чувствовал себя относительно хорошо. Затем появилось весьма сильное напряжение мышц челюсти, которое теперь уже ослабло. К сожалению, он вытащил нижний протез и теперь не может вставить его обратно. После длительных усилий попытка оказалась почти успешной. Следовательно, протез следует забрать для обработки. Рана покрыта выделениями; она больше, чем предполагалось, что требует основательной коагуляции. Удален некротизированный участок ткани. *Памятка*. В любом случае нижний протез должен быть установлен на место так скоро, как это возможно; в ином случае пациенту надлежит немедленно явиться ко мне».

В феврале 1936 г. мы заметили новую лейкоплакию, по поводу которой 20 февраля Пихлер записал следующее: «Она не выглядит безобидной. Ее следует удалить». Это было сделано 10 марта,

но еще прежде Пихлер обратил внимание на нарастание струпа и ороговевшие участки, обработав их мазями и выполнив прижигание с использованием трихлоруксусной кислоты. Запись Пихлера о проведенной операции оканчивается так: «Возможно, этого достаточно для уничтожения всей слизистой оболочки. Контуры недостаточно отчетливы, не исключено, что по краям кое-что осталось». После всего этого мы горячо надеялись провести несколько последующих недель в относительном спокойствии, особенно во время грядущего юбилея Фрейда. После предшествовавшей операции у него появились некоторые симптомы со стороны сердца. Однако они исчезли после нескольких недель воздержания от курения.

Разумеется, Фрейд прекрасно знал о приготовлениях к его 80-му дню рождения. Джонс, который в то время был президентом Международной психоаналитической ассоциации, предложил выпустить юбилейный сборник статей, планировавшийся к выходу за год до юбилея. Фрейд узнал про это и стал энергично протестовать. Переписка Фрейда и Джонса весьма красноречиво иллюстрирует отношение Фрейда к подобным празднествам. Из нее, сверх того, следует, что Фрейд не желал, чтобы ему заранее напоминали об этой «зловещей» дате.

Сперва в качестве компромиссного варианта Фрейд предложил сделать альбом с фотографиями всех членов Международной психоаналитической ассоциации, но затем отверг и такую идею. Эту мысль он прояснил в следующем письме Джонсу, написанном 21 июля 1935 г.

«Давайте забудем про альбом, сборник статей и т. п. Признаюсь, что моя собственная мысль об альбоме теперь правится мне гораздо меньше; фактически она мне уже совершенно не правится. Не говоря о том, что создание такого альбома сопряжено с большими трудностями и совсем не гарантирует, что я доживу до этого события. К тому же меня поражает безобразная чудовищность 400 фотографий большей частью некрасивых людей, половина из которых мне незнакома, а другая половина знать обо мне не желает. Нет, эти времена совсем не подходят для празднеств «ни внутри, ни за стенами Трои». Единственно верным мне представляется решение вообще отказаться от каких бы то ни было мероприятий. Тот, кто чувствует необходимость меня поздравить, может сделать это и так, а тот, кто не испытывает подобной потребности, не должен опасаться моей мести.

Есть и другой аргумент. В чем главный смысл празднования таких круглых дат? Несомненно, здесь кроется некая доля торжества над скоротечностью жизни, которая, как мы никогда не забываем, в любую минуту готова оборваться. В таких условиях человек получает возможность разделить общее радостное ощущение, вообразив, что мы сотворены не из такого уж хрупкого мате-

риала, раз один из нас оказался способен успешно противостоять враждебным перипетиям жизни и в 60, и в 70, и даже в 80 лет. Со всем этим вполне можно согласиться. Однако очевидно, что такой праздник может быть понят лишь в том случае, если, несмотря на все свои раны и шрамы, юбиляр может присоединиться к пирующим тоже как здоровый человек. Праздник совершенно теряет свой смысл, если этот юбиляр предстает как инвалид, полностью лишенный всякого праздничного настроения. А поскольку в моем случае дело обстоит именно так, то я предпочел бы, чтобы мое 80-летие считалось моим личным делом».

Впрочем, Фрейд понимал, что он не в состоянии отменить все празднования, и стал относиться к ним, как к «досадной угрозе», как он выразился в письме к Мари Бонапарт (11 марта 1936 г.), написанном всего через день после довольно серьезного хирургического вмешательства, осуществленного 10 марта. В этом письме Фрейд уверял Мари Бонапарт, что его самочувствие и работоспособность вполне удовлетворительны.

Затем последовали долгие недели сильных болей, а настроение Фрейда никак нельзя было назвать предпраздничным. Единственное событие, вызывавшее у Фрейда радость, — предстоящее открытие нового здания, предназначенного для Психоаналитического института и «Verlag».

Особенно характерное для этого времени письмо было им написано Мари Бонапарт 26 марта 1936 г. Фрейд допустил, как он выразился, «примечательную оплошность», сделав ошибку как при написании адреса на конверте (ее он заметил и исправил¹), так и в самом письме, вычеркнув одно из написанных им слов. В ответ на ее вопрос, приезжать ли ей в Вену на празднование его дня рождения, он писал:

«Приезжать ли Вам сюда 6 мая? Несомненно, я буду очень рад Вас видеть; однако я смогу отдать Вам лишь долг вежливости. Мы ничего не можем с этим поделать. Я предполагаю, что придут многие, в том числе Эйтингтон, Джонс, Лафорг и Ландауэр. Каждый будет в чем-то на меня рассчитывать, но, увы, я не в состоянии удовлетворить их ожидания. Недавно мое самочувствие заметно ухудшилось. Вчера у меня была сильная мигрень, довольно для меня необычная², и сегодня я все еще очень неловок, как это Вы могли заметить по тексту письма и написанному мной адресу. Сей-

¹ Написанный на конверте адрес «Париж, XVI, улица Адольф-Иван, 6», Фрейд исправил на «улица Иван-Адольф». Поскольку в своем письме Фрейд сослался на эту ошибку, Мари Бонапарт решила сохранить этот конверт.

² Фрейд здесь словно забыл о той роли, которую сыграли его мигрени в пору дружбы с Флиссом.

час я куда раздражительнее и чувствительнее к дурным вестям, чем это бывает обычно. Вчера Миншу прооперировали по поводу двусторонней глаукомы; свою тайну она хранила до последней минуты. Мы надеемся на хорошие результаты.

Из Лейпцига пришли печальные вести: гестапо конфисковало большую часть психоаналитической литературы. Для бедного «Verlag» это почти катастрофа.

Такова была прелюдия к этому празднику! Приходилось предпринимать постоянные усилия, чтобы сохранить хрупкое равновесие между способностью наслаждаться жизнью и стремлением наконец обрести покой.

Поздравления начали приходиться заранее; среди самых первых оказалось письмо от Альберта Эйнштейна, на которое Фрейд незамедлительно ответил 3 мая 1936 г.

В день рождения ранним утром я отправился его навестить. Был прекрасный весенний день, дом был полон цветов (особенно Фрейд любил орхидеи и гардении), писем и телеграмм со всего света. Прибыл поздравительный адрес, написанный Томасом Манном и Стефаном Цвейгом и содержавший подписи самых известных людей из мира литературы, искусства и науки. Томас Манн отправил и рукопись своей речи, которую он собирался торжественно представить Фрейду 8 мая. Фрейд был очень обрадован, но, к сожалению, почерк Манна оказался слишком неразборчив и, несмотря на все старания, мы смогли прочитать лишь первые несколько предложений.

Несмотря на все свои возражения, Фрейд всецело наслаждался происходящим! Он был, что называется, в ударе, очарователен и обходителен. Разумеется, мы пытались свести количество посетителей к минимуму и старались утомлять его как можно меньше.

Впервые Фрейд оказался вынужденным печатать благодарственные записки для ответов на обрушившийся поток поздравлений. Однако для очень многих он все равно нашел возможность добавить от себя нечто особенное. Мы с женой взяли с собой нашего трехлетнего сына, который лично вручил Фрейду цветы от себя и своей маленькой шестимесячной сестры. Для каждого ребенка Фрейд написал благодарственную открытку, прибавив: «Поражен столь большой учтивостью в столь нежном возрасте». То, что Фрейд мог получать удовольствие от общения с людьми самых разных возрастов, несомненно, помогало ему сохранять вкус к жизни.

Некоторым Фрейд высылал сперва записку, а затем письмо. Одно из самых замечательных из них он написал своей бывшей пациентке, ставшей выдающейся американской поэтессой. Она публиковала свои работы под инициалами Х. Д. (Хильда Ду-

литтл)¹. Письмо к ней Фрейд написал в ответ на ее поздравления ко дню рождения, которые пришли к нему вместе с прекрасным букетом белых гардений.

«24 мая 1936 г.

Дорогая Х. Д.

Все Ваши белые гардении прибыли в целости и сохранности и украшали мою комнату вплоть до вчерашнего дня.

Я воображал, что стал нечувствителен к похвалам и брани. Прочитав Ваши прелестные строки и поймав себя на удовольствии, которое они мне доставили, я сперва подумал, что заблуждался насчет своей стойкости. Но затем пришел к выводу, что это не так. Подаренные Вами строки — это не похвала, это шло от самого сердца, поэтому мне нет нужды стыдиться своего удовольствия.

Жизнь в моем возрасте не так-то проста, но весна прекрасна, как прекрасны и чувства.

Любящий Вас Фрейд».

Два адреса в честь Фрейда были подготовлены Академическим союзом медицинской психологии, обществом, образованным группой молодых врачей, в большинстве своем психиатров. Первый из них вручил Фрейду его старый друг Людвиг Бинсвангер, но основным событием стала речь Томаса Манна. Это был не просто адрес в честь обычного юбиляра. В то время атмосфера в Вене стала просто невыносимой: демонстрации и взрывы бомб случались практически ежедневно. Все чаще венцы задавались вопросами «Когда все это кончится?» и «Когда и куда нужно будет бежать?». Таким образом, адрес Томаса Манна оказался не только даром Фрейду, но панегириком в честь мощи человеческого духа, прав человека, торжества научного мировоззрения, прозвучав резким вызовом силам зла и безрассудства. Манн, которому отнюдь не часто доводилось произносить торжественные речи, оказался на высоте, и его чтение адреса произвело выдающееся впечатление. Каждый присутствующий был глубоко тронут услышанным; речь Манна подарила нам ощущение — столь необычное в те дни, — что еще не все потеряно.

Я очень сожалел, что Фрейд не мог тогда слышать это выступление. Несколько позже, когда представился подходящий момент, я подошел к Манну и объяснил ему причину отсутствия Фрейда.

¹ В 1956 г., по случаю столетия со дня рождения Фрейда Х. Дулиттл написала поэтичную и трогательную книгу под заглавием «Дань Фрейду», включив в нее и несколько его писем к ней. После этой публикации я продолжил переписку с ней; мы планировали встретиться (последние годы она прожила в Швейцарии), однако ее безвременная смерть помешала нам осуществить задуманное.

Я также спросил его, не согласился бы он прочесть эту речь Фрейду лично. Манн с радостью принял это предложение.

Эта встреча, состоявшаяся в летней резиденции Фрейда 14 июня 1936 г., произвела на меня незабываемое впечатление. Поскольку я сам предложил организовать эту встречу, то был приглашен на нее вместе со своей женой. Также присутствовала семья Фрейда и фрау Манн.

С заметным волнением Манн прочел речь, с которой в то время не раз выступал перед широкой аудиторией, разумеется, за пределами Германии. Фрейд, не любивший слушать публичные похвалы в свой адрес, на этот раз был глубоко растроган. (Вскоре он рассказал об этом Арнольду Цвейгу и Мари Бонапарт.) Для Фрейда речь Манна прозвучала как признание итога трудов его жизни, как подтверждение тому, что силы и время, потраченные им в годы клеветы и непонимания, не пропали даром и что действительно стоило жить так долго.

На торжественном приеме и после его окончания Фрейд и Манн долго и увлеченно беседовали, главным образом об Иосифе и Моисее (Манн тогда работал над тетралогией об Иосифе, а Фрейд был, разумеется, увлечен своим «Моисеем»). Фрейд и Манн во многом отличались друг от друга, в том числе и во взглядах. Тем не менее для Фрейда не было неожиданностью услышать столь проникновенные слова из уст литератора. После этой встречи он вновь и вновь говорил о Манне, повторяя свою мысль, что поэты каким-то образом интуитивно знают многое из того, к чему ему самому удалось прийти лишь в результате тяжелого труда¹.

Фрейд не питал иллюзий, что психоанализ завоевал общее признание. Он всецело понимал, как следует из его писем, что Университет Вены и министр образования поздравили его с 80-летием лишь по обязанности. 31 мая 1936 г. он писал Арнольду Цвейгу:

«Министр народного просвещения поздравил меня по-официальному вежливо, а потом газетам под страхом конфискации запретили публично сообщать об этом проявлении симпатии. К тому же многие статьи местных и иностранных газет весьма недвусмысленно выразили свою ненависть ко мне. Можно с удовлетворением признать, что искренность еще не совсем исчезла из нашего мира.

Что касается меня, то эта дата, естественно, не воспринимается как переломная: я тот же, что был до сих пор».

¹ Фрейд столь же высоко оценил Артура Шницлера, Ричарда Бир-Гофмана, Стефана Цвейга и особенно Арнольда Цвейга, когда мы позже как-то вновь вернулись к этому вопросу (это происходило уже в Лондоне). В конечном итоге это явилось одной из причин обращения к Стефану Цвейгу, проживавшему тогда в Берлине, с просьбой выступить с речью на похоронах Фрейда.

В другом письме (17 июня 1936 г.) Арнольду Цвейгу Фрейд выразил свое удовлетворение тем, что тот отказался от идеи написать его биографию. Он также отверг предложение писать автобиографию самому, добавив: «Я прекрасно сознаю исключительность своего повествования». В этом же письме Фрейд упомянул и о своем новом «критическом» возрасте — возрасте, в котором оборвалась жизнь его отца и сводного брата. Он вспомнил о нем впервые в 1915 г., когда было написано письмо к Абрахаму («И мой отец, и сводный брат дожили до 81 года, так что мои перспективы мрачны»). (См. главу 3.)

Важно отметить, что теперь разговоры Фрейда о «предельных сроках» больше не происходили из его навязчивой суеверной идеи или не вполне осознанного конфликта. Их возникновение уже не объяснялось и чувством вины человека, продолжавшего жить и после смерти своего отца и брата. Скорее здесь сказалась борьба между его жадной жизнью и желанием «не пережить себя», как он некогда выразился в одном из своих писем к Флиссу в связи со смертью хирурга Бильбота (см. главу 2). Сходные мысли Фрейд выразил и 18 мая 1936 г. в письме к Стефану Цвейгу:

«Прекрасный адрес, составленный Вами и Томасом Манном, и венская речь Манна — это те два события, которые примирили меня с тем, что я дожил до такой старости. Однако, несмотря на то, что я очень счастлив в своем доме, с моей женой и детьми... тем не менее я никогда не смогу смириться с ущербностью и беспомощностью старческого возраста и смотрю в будущее со страстной надеждой перейти в небытие. Как бы то ни было, мне все равно не удастся оградить моих любимых от боли разлуки».

Позже он повторил эти мысли еще выразительнее. Отсюда понятно то исключительное самообладание, с которым Фрейд встретил новую атаку своей болезни, заявившей о себе вскоре после того, как он отослал письмо Стефану Цвейгу.

Глава 25

РАК ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

В тот год весна была особенно прекрасной. Фрейд наслаждался чудесным садом, раскинувшимся за окнами его дома. Несколько недель его состояние было вполне приличным. В начале июля 1936 г. я заметил подозрительного вида новообразование, находившееся рядом с областью, где была проведена мартовская операция. Оно довольно быстро развивалось. Мы вызвали Пихлера; он тоже встревожился. На следующий день (14 июля) он уже прооперировал Фрейда. 16 июля мы получили отчет от Эрдхайма. Там он утверждал, что на этот раз несомненно была удалена злокачественная опухоль. Пихлер и Эрдхайм часами изучали под микроскопом все сделанные срезы удаленной ткани. Поскольку в одном месте злокачественная ткань проросла на слишком опасную глубину, Пихлер решился на еще одну операцию, где при необходимости был готов использовать общую анестезию. Эта операция состоялась 18 июля. Пихлер надеялся, что можно будет ограничиться электрокоагуляцией. Потому он начал оперировать с использованием местной анестезии, однако несколько раз вынужден был прерываться, когда Фрейд начинал испытывать невыносимую боль. В конечном итоге в качестве общего анестетика была использована закись азота. Пихлеру пришлось удалить часть подлежащей кости и прокоагулировать все смежные ткани.

Фрейд был доставлен домой лишь через два дня после операции. Страдания его оказались не столь сильны, как мы опасались, однако он был очень слаб и ощущал огромную усталость. Пихлер сделал следующую запись:

«20 июля 1936 г.: визит в Грининг. Болей нет, но настроение плохое [нечему удивляться!]. Трудности при разговоре. Несколько невнятное произношение. Нужны еще два дня отдыха.

27 июля: пациент жалуется на сложности с курением и речью, которые будут устранены [подгонкой протеза]».

Последующие два месяца Фрейд провел относительно спокойно. Во время отпуска Пихлера о Фрейде заботился доктор Берг, его ассистент. Он был простым в общении и жизнерадостным че-

ловеком с необычайно мягкими и умелыми руками. Он умудрялся так бережно очищать рану и удалять из нее остатки отмерших тканей, что эти процедуры не причиняли больному мучений.

Разумеется, я сдержал свое обещание и рассказал Фрейду всю правду. Фрейд выслушал это известие без видимых эмоций. Однакоотреагировал он на него не менее пессимистично, чем мы с Пихлером. Проведенная на этот раз операция вновь была радикальной. Теперь мы могли быть уверены в том, что данное новообразование было удалено. Однако смущало то, что отныне каждое вновь появлявшееся поражение имело тенденцию к быстрому росту и злокачественному перерождению. Теперь наши заботы должны были стать еще более неусыпными.

Новая атака рака лишила Фрейда еще одной иллюзии. Так, в 1926 г. он еще мог писать Бинсвангеру, что разделил его судьбу, поскольку надеялся, что рецидив рака обошел его стороной (см. главу 13). Теперь эта надежда умерла. А с ней не стало и надежды на благосклонность судьбы, которая, как полагал Фрейд, выразится в том, что он будет избавлен от медленной и мучительной смерти, внезапно скончавшись от сердечного приступа.

Тем временем политическая ситуация в Австрии неуклонно ухудшалась, а попустительство фашизму со стороны западных держав стало еще очевиднее.

Однако этим летом Фрейд не был подвержен депрессии. Восстанавливаясь после операции, он по-прежнему сохранял интерес к личности Монсея. Мари Бонапарт прислала ему замечательные описания своей поездки в Южную Америку, описав путешествие по Амазонке. Ему было грустно читать эти яркие строки, но в то же время он был рад, что она по-прежнему живет словно на благословенном острове и полна юношеского любопытства к жизни. Некоторые сделанные ею описания Фрейд показывал и мне, сказав, что в некотором смысле она повторяет бессмертный вояж корабля «Бигль».

27 октября у Фрейда открылось сильное носовое кровотечение, потребовавшее 24-часового тампонирования. Как обычно, зимой он сильно страдал от простуд. В ноябре и декабре в Вене шли дожди со снегом, так что визит к Пихлеру, состоявшийся 25 ноября, оказался для Фрейда единственной возможностью выбраться из дому. Вдобавок столкнулась с некоторыми трудностями и работа над книгой о Монсее. Последующее письмо к Мари Бонапарт красноречивее всего описывает настроение Фрейда. 1 декабря 1936 г. он писал:

«Последние несколько дней я страдаю от моего хронического катара, распространившегося на трахею и бронхи. На самом деле нет ничего серьезного, но с каждой моей болезнью старость с новой силой заявляет о себе. Всякий согласится, что это неизбеж-

но, а потому не следует искать особого сочувствия. Жизнь моего отца и брата оборвалась в 81,5 года. До этого возраста мне остался всего один год.

Р. С. Если Вы всемогущи, попытайтесь упросить музей [в Афинах, где она остановилась] позволить Вам приобрести что-нибудь из Коркси для меня!»

На это письмо Мари Бонапарт ответила 4 декабря. Она мягко, но не скрывая своего возмущения, укоряла Фрейда за «суеверия». Там же она добавила:

«Почему бы Вам не прожить дольше и при этом не сохранить работоспособность? Ведь Вы обладаете и наследственностью Вашей матери, которая смогла это сделать»¹.

6 декабря Фрейд отвечал:

«...Коль и Вы в Ваши юношеские 54 года часто подумываете о смерти, то стоит ли Вам удивляться моей озабоченности тем, смогу ли я пережить моего отца и брата, а тем более — мою мать, особенно если учесть, как мучает меня конфликт между желанием покоя, страхом перед страданиями (которые неизбежно принесет с собой продолжение жизни) и предчувствием скорби, что придет с отлучением меня от всего, к чему я все еще привязан».

В конце этого письма Мари Бонапарт сделала для себя следующую заметку:

«Тетрадь 5, 22 октября 1925 г.

М.: Как прекрасно все то, что Вы сказали, но как все это грустно!

Фр.: Отчего ж? Такова жизнь. Именно мимолетность и делает нашу жизнь такой прекрасной»².

Через пять дней состоялась новая операция. Во время ее проведения, после того как прошел первый час, Фрейд, к удивлению Пихлера, начал выражать бурный протест. Поскольку адреналин не использовался, местная анестезия была недостаточно эффективна и не сохраняла свое действие на всем протяжении хирургического вмешательства. Это был один из очень немногих случаев, когда Фрейд терял терпение. В таких обстоятельствах продолжать свое дело мог лишь человек с железными нервами, такой, каким и был Пихлер. Его запись по этому эпизоду выглядела следующим образом:

¹ Мать Фрейда дожила до 95 лет.

² Сходные мысли Фрейд выразил в 1916 г. в эссе «Быстротечность» (см. главу 11).

«12 декабря 1936 г.: ...Вначале пациент не испытывал боли, но к концу объявил, что не может больше терпеть, хотя причина тому не вполне ясна».

В этот раз образец удаленной ткани вновь исследовал Эрдхайм. Увы, он сделал это в последний раз, ибо вскоре после этого внезапно умер.

Две послеоперационные недели были очень тяжелыми. Фрейд не мог ни есть, ни курить, ни вообще открывать рот. Дома он получил возможность пройти курс лечения короткими волнами, гиперпривавшимися специальной портативной установкой (большая редкость в то время). Это принесло ему некоторое облегчение. Уже 21 декабря 1936 г. Фрейд написал Мари Бонапарт ответ на одно из ее писем, в котором он истолковывал один эпизод в ее анализе.

«Потрясающе! Все так и должно быть, как Вы это себе представляете. Моя пропичательность парализована моей сосредоточенностью на раке».

В конце 1936 г. Фрейд получил от Мари Бонапарт известия, которые были совершенно неожиданными и глубоко его взволновали. 30 декабря 1936 г. Мари Бонапарт писала:

«Сегодня ко мне приходил господин Шталь из Берлина. От вдовы Флисса он получил его письма и рукописи. Сперва она намеревалась разместить их в прусской национальной библиотеке, но, поскольку Ваши работы были сожжены, отказалась от этой идеи и продала рукописи Шталю, писателю и торговцу произведениями искусства, который производит очень благоприятное впечатление. Несомненно, у него были предложения из Америки о продаже этого собрания Ваших рукописей. Однако прежде он предложил мне выкупить эти ценные документы, и я решила приобрести у него всё. Он даже снизил цену, чтобы они смогли остаться в Европе, у меня. Шталь запросил 12 000 франков [\$480] за все 250 писем от Вас (и еще несколько от Брейера) и большое количество выполненных Вами очень длинных теоретических набросков...»

Ответ Фрейда от 3 января 1937 г. являет собой очередной пример его самообладания. Прежде всего он заинтересовался состоянием здоровья Мари Бонапарт, затем рассказал о собственном самочувствии и последствиях последнего хирургического вмешательства, отметив: «Чтобы стать способным все это перенести, я вынужден постоянно напоминать себе, что, в сущности, у меня нет никакого права жить так долго». Лишь после этого он перешел к основному вопросу.

«Эта история с перепиской глубоко меня взволновала. После смерти Флисса вдова попросила вернуть его письма ко мне. Я согласился, но найти их не смог. До сих пор я не могу понять, уничтожил ли я их, или же так искусно спрятал... Как Вы догадываетесь, наша переписка носила глубоко личный характер. Мне бы совсем не хотелось, чтобы она попала в чужие руки. Потому с Вашей стороны было очень любезно приобрести эти письма и тем самым обезопасить их. Я сожалею лишь о том, что Вам пришлось понести некоторые убытки. Могу ли я предложить возместить половину потраченной Вами суммы? Я бы сам приобрел эти письма, если бы тот человек сразу же обратился ко мне. Я не желаю, чтобы какая-либо часть этой переписки стала достоянием так называемых потомков».

Во время нашей последней встречи в Сеп-Тропезе летом 1961 г. Мари Бонапарт рассказывала о том, как трудно ей было пойти против воли ее любимого учителя-отца, но она твердо решила сохранить эти письма для последующих поколений. Как она была права!

7 января в письме к Фрейду она искренне и самым блестящим образом представила свою (и нашу) позицию по этому вопросу.

«Господин Шталь только что передал мне первую часть бумаг Флисса: научные эссе, которые встречаются в Ваших письмах то здесь, то там. Он предпочел их отделить от других. Остальное — сами письма, из которых 200 или 250 все еще находятся в Германии. Он найдет возможность переправить их в Париж через несколько недель.

Эти письма и рукописи были предоставлены мне при условии, что я не передам и не продам их семье Фрейда, поскольку есть опасения, что в таком случае этот материал, столь важный для истории психоанализа, будет уничтожен. Это не означает, что я не намерена обсуждать этот вопрос с Вами. Однако для Вас не являются секретом мои мысли и чувства на этот счет и мое *личное* громадное нежелание уничтожить хоть малейшую часть этой переписки.

Возможно, Вы сами... не в полной мере понимаете всю меру Вашего величия. Вы принадлежите истории человеческой мысли, как Платон или, например, Гёте. Какой потерей для нас, их несчастных потомков, обернулась бы утрата бесед Гёте с Эккерманом или диалогов Платона...

В Ваших письмах не может быть ничего... в этом я совершенно уверена, что могло бы умалить Ваше величие. Да и сами Вы... написали прекрасную статью, в которой возражали против безоговорочной идеализации великих людей, образов великих отцов человеческого рода. Более того, я полагаю, что мо-

жет пострадать и история психоанализа этой уникальной новой науки, значение которой едва ли можно переоценить, если вся эта переписка из-за содержащихся в ней нескольких фрагментов будет уничтожена.

Моя идея такова: приобрести эти письма и, предотвратив этим их опубликование случайными людьми, сберечь их, на долгие годы поместив в какую-нибудь государственную библиотеку. Например, можно избрать для этого женевскую библиотеку. Там можно было бы меньше опасаться их утраты во время войн и революций. Необходимо поставить только условие, чтобы никто не мог ими воспользоваться ранее, чем через 80 или 100 лет с момента Вашей смерти. Разве сможет тогда их содержание оскорбить кого-нибудь, в том числе и членов Вашей семьи?

Кроме того, я сама не знаю, что в них написано. Если Вы пожелаете, я вообще не буду их читать. Лишь сегодня я просмотрела одно из них, содержавшее также и одно из написанных эссе; в нем нет ничего компрометирующего.

Их содержание действительно значит для Вас так много даже по прошествии стольких лет? Вы даже не можете вспомнить, уничтожили ли Вы эти письма или просто спрятали их — должно быть, разрыв вашей дружбы с Флиссом был очень болезненным.

...Кроме того, у меня еще нет этих писем. Я получу их только через несколько недель.

Если пожелаете, то в начале марта по пути в Грецию я остановлюсь в Вене на один-два дня, чтобы еще раз все с Вами обсудить.

Я... питаю к Вам глубокое почтение и именно потому решилась обо всем Вам написать».

Фрейд ответил ей 10 января 1937 г. Сперва он рассказал о смерти своей любимой чау-чау Джофи. Ее пришлось прооперировать по поводу кисты яичников, и через два дня после операции она умерла. Затем он продолжал:

«Печально, что мои письма к Флиссу все еще не в Ваших руках, а в Берлине... Мне нелегко принять Ваше мнение, равно как и согласиться с использованными сравнениями. Могу лишь предполагать, что через 80 или 100 лет интерес к этой переписке заметно ослабеет.

Естественно, меня радует, что Вы не читали этих писем. Однако Вам не следует думать, что они большей частью лишены вздорных моментов. Ввиду близкого характера наших отношений с Флиссом эти письма носят во многом личный характер. И даже деловые письма, в которых получили отражение все озарения и заблуждения развивавшегося психоанализа, часто носят весьма личный характер [например, самоанализ Фрейда]. В них есть не-

мало щекотливых моментов; упоминания о тех обстоятельствах, в которых умерла паша дружба, до сих пор очень тяжелы и неприятны для меня. По этим причинам я бы хотел быть уверен, что эти материалы находятся в Ваших руках».

Этим письмом Фрейд, по сути, одобрил идею сохранить переписку с Флиссом.

В первые три месяца 1937 г. Фрейд меньше страдал от болей во рту, однако мучился от затяжной простуды. К тому же в начале февраля у него возобновились стенокардические боли.

5 февраля 1937 г. в возрасте 76 лет умерла Лу Андреас-Саломе. Фрейд всегда восхищался ее высоким интеллектом и творческим воображением. Он был глубоко опечален, когда узнал о ее смерти из письма друга Лу Андреас-Саломе Эрнста Пфейфера, который был также и ее литературным секретарем, а позже редактировал ее переписку с Фрейдом. В письме к Арнольду Цвейгу Фрейд говорил о ней как о самой своей любимой подруге, упомянув, что она была ровесницей его жены.

С каждой смертью в кругу своих друзей и знакомых Фрейд испытывал такое ощущение, словно пропустил свою очередь. Он написал некролог о Лу Андреас-Саломе в международный журнал психоанализа. Все еще находясь в подавленном настроении, 2 апреля он написал Арнольду Цвейгу, сообщившему о своем намерении навсегда уехать в Палестину:

«Так, может быть, я смогу вновь Вас увидеть поздним летом или ранней осенью. Как Вам известно, моя наследственность обязывает мою жизнь завершиться в поябре [то есть в возрасте 81,5]. До этого времени я готов держаться, но задерживаться дольше не желал бы, поскольку окружающий мир становится все более мрачным и угрожающим, а сознание моей собственной беспомощности — все более острым. Следовательно, я не могу надеяться застать Ваш последний визит в Европу. Так что не будем откладывать...

Боязнь того, что старость отнимет у меня все, что еще осталось от моей личности, делает мое желание [увидеть Вас] еще сильнее».

Последнее предложение вновь показывает, что у Фрейда страх смерти был вызван не застарелым суеверием, а давним желанием «умереть за работой». Возможно, не случайно, что оставшаяся часть этого письма была посвящена обсуждению различных трагедий Шекспира, в особенности «Макбета».

Фрейд с полным основанием мог говорить о том, что его личность сохранилась такой же, как и в прежние годы. В начале 1937 г. он написал статью «Анализ конечный и бесконечный», внося важный вклад в теорию и практику психоанализа.

В апреле этого года в том месте, где проводилась последняя операция, я заметил маленькое выступающее образование, которое быстро росло и выглядело очень подозрительно. 19 апреля Пихлер произвел очередную операцию, вновь применив общую анестезию (использовав внутривенное вливание эвипала — эквивалента пентотала натрия). По результатам исследования удаленной ткани злокачественность в этот раз обнаружить не удалось. Несмотря на то что операция была проведена безупречно, следующие несколько недель для Фрейда вновь омрачились страданиями и болью.

Эти обстоятельства нашли свое отражение в двух коротких¹, довольно печальных письмах, появившихся в один и тот же день — 16 мая 1937 г. В письме к Мари Бонапарт Фрейд горячо поблагодарил ее за две присланные великолепные вазы. Одну из них он устроил над аналитическим креслом в своем летнем доме. Затем он продолжал:

«Чудесная весна обрушилась на нас. Сад никогда еще не был так прекрасен. К несчастью, упрямая боль отравляет мое удовольствие... С момента операции прошло уже три с половиной недели. Я больше не пишу».

Арнольду Цвейгу он писал:

«Сад, наконец, расцвел во всей своей красе. Трудно удержаться от того, чтобы не вспомнить строки поэмы о весне:

С каждым днем мир все прекраснее,
Не знаем мы, что можно ждать еще...

Впрочем, здесь возникает возражение: что нас ждет впереди, известно, и это не радует».

Целиком строфу из этой поэмы Фрейд процитировал в письме к Мари Бонапарт от 27 апреля 1926 г. (см. главу 16). На этот раз, в письме Цвейгу, Фрейд привел лишь первые две строки.

Однако 27 мая он прислал Мари Бонапарт одну из своих наиболее лаконичных и понятных формулировок, касающуюся превращений агрессивного влечения, его связи с сублимацией и вытеснением. В июне «Анализ конечный и бесконечный» был опубликован; 13 августа Фрейд объявил Мари Бонапарт о том, что закончил писать вторую часть книги о Моисее. Это лето оказалось для Фрейда благоприятным, если не считать дваж-

¹ В переписке с Мари Бонапарт, равно как и с Арнольдом Цвейгом, Фрейд очень редко ограничивался письмом длиной в одну страницу.

ды повторившегося отита. Его вызвало прямое распространение инфекции на район евстахиевой трубы, глоточный вход которой оказался в непосредственной близости от места проведения последней операции.

Лето Фрейд провел за работой над последней частью книги о Моисее. Он продолжал наблюдать пациентов, невозмутимо выдерживал все более тяжелое бремя общественных дел.

Это письмо к Мари Бонапарт, как и множество его прочих писем, предполагало удовлетворение особой — хотя, возможно, и не вполне осознанной — потребности. Получив возможность выразить на страницах письма некоторые свои пессимистические или, вернее, реалистические взгляды, он вновь мог восстановить свою работоспособность, прийти в бодрое расположение духа. Объявив об окончании второй части книги о Моисее (после чего, как обычно, последовал временный спад творческой активности), Фрейд продолжал:

«Для писателя бессмертие означает любовь множества неизвестных ему людей. Собственно, я знаю, что мне не придется горевать о Вашей смерти, ибо Вы переживете меня на долгие годы. Ну а что касается моей, то надеюсь, что вскоре после нее Вы восстановите свое душевное равновесие и сохраните обо мне теплые дружеские воспоминания. Это единственная форма бессмертия, которую я признаю.

Впрочем, боюсь, что мои взгляды на этот счет покажутся Вам не слишком привлекательными. Да, возможно, я стал пессимистом. С некоторых пор в моей голове засела фраза, которую я считаю самым дерзким и оригинальным творением американских рекламщиков: «К чему жить, если Вы можете быть похоронены всего за десять долларов?»

Люп¹ прибежала ко мне за сочувствием, после того как ее искупали. Если я правильно ее понял, она хочет выразить Вам благодарность за Ваше приветствие. Могла ли Топси думать, что ее будут переводить?²

Вскоре напишу снова».

Осенью 1937 г. общее состояние Фрейда — если не принимать в расчет его обычную ноябрьскую простуду — оставалось удовлетворительным. В сделанной 26 ноября записи Пихлер отметил: «В этом месяце минуло четырнадцать лет со времени первой операции». Примерно в это же время (1 декабря) Фрейд в первый

¹ Другая чау-чау Фрейда.

² Книга Мари Бонапарт о Топси, переведенная на немецкий Анной и Зигмундом Фрейд, была опубликована в 1939 г. в Амстердаме под названием «Топси, чау-чау с золотой шерстью».

и единственный раз уронил свой протез! Он был сконфужен этой промашкой, а я отметил, как часто удивлялся тому, что этого не случилось намного раньше.

Фрейд не мог не обращать внимания на неуклонное ухудшение политической ситуации в Австрии. Все мы — те, кто был рядом с ним, все члены психоаналитического общества и наши пациенты — пребывали в состоянии неопределенности и мучились от дурных предчувствий. В некоторых своих письмах Фрейд упоминал о сложившейся ситуации. 17 ноября 1937 г. он писал Стефану Цвейгу:

«...Непосредственное будущее выглядит безрадостным, в том числе и будущее психоанализа. В любом случае не похоже, чтобы мне довелось испытать что-нибудь приятное в те недели и месяцы, которые мне еще доведется прожить.

Я уже начинаю жаловаться помимо собственного желания. Как бы я хотел стоять рядом с Вами, а не воображать себя чем-то вроде незыблемой скалы, о которую волны разбиваются в мелкую пыль. Но хотя мое упрямство и молчит, оно все равно остается упрямством — руины поразят, но не устроят его».

20 декабря 1937 г. в письме Арнольду Цвейгу целых полторы страницы Фрейд посвятил его проблемам. Он выразил свою радость от того, что зрение Цвейга наконец улучшилось, похвалил его последнюю книгу, после чего продолжал:

«Я совсем не жалею, что Вы не избрали Вену своим новым домом. Правительство здесь другое, да люди те же самые, как в рейхе. Их объединяет тот же самый антисемитизм. Нас крепко держат за горло, хотя к нынешнему моменту еще окончательно и не придушили».

Новый, 1938 год начался неудачно. Фрейд испытывал сильные боли, был не в состоянии открывать рот. Вдобавок у него появилась язва, которая быстро увеличивалась в размерах и выглядела крайне подозрительно. Я заметил ее под Новый год. Несмотря на то, что она напоминала мозоль, я сообщил о ней Пихлеру, который, понаблюдав за ней несколько дней, пришел к выводу, что, скорее всего, это снова рак. В результате он решил опять оперировать с использованием общей анестезии. Однако ему пришлось столкнуться в этот раз с особыми сложностями. Новообразование находилось так глубоко в носо-ротовой полости, что доступ к нему был крайне затруднен. Пихлер был вынужден искать особенно длинную пиласу для коагуляционной иглы. Однако даже после тщательнейшим образом проведенной коагуляции он не был абсолютно уверен, что сделал все возможное. Кроме того, опухоль возникла в области твердых рубцовых тканей, что особенно затрудни-

ло ее удаление. В этот раз поражение оказалось в опасной близости от основания глазной орбиты.

Фрейд попросил Пихлера удалить и старую атерому, находившуюся слева под нижней челюстью, поскольку та мешала ему во время бритья и уродливо выглядела.

Через два дня Фрейд был уже дома. Сразу после этого мы получили заключение по исследованному образцу: злокачественная ткань появилась вновь. Это произошло полтора года спустя ее последнего удаления. В этот раз Пихлер не торопился поставить Фрейда в известность об истинном положении дел, поскольку дополнительная операция не представлялась необходимой. Я, однако, вынужден был сдержать обещание и передал отчет дальше. Фрейд принял известие точно так же, как и в 1936 г., — без каких-либо видимых переживаний.

Прошло много трудных недель, прежде чем Фрейд сумел избавиться от некротизированных тканей. Каждый день мы подолгу промывали рану, чтобы очистить ее. На все эти долгие и малоприятные процедуры Фрейд реагировал как обычно: с терпением и достоинством.

Несколько недель Пихлера мучили сомнения относительно целесообразности проведения дополнительной обширной электрокоагуляции. В конечном итоге 19 февраля он удалил только небольшую бородавчатую лейкоплакию.

Теперь мы знали, что Фрейд вплотную подошел к роковой черте, и он сам знал это. Он провел несколько еще более тяжелых недель, в то время как грозные тучи продолжали сгущаться над всеми нами. При этом Фрейд все равно оказался способен 27 января 1938 г. написать чудное, остроумное письмо Мари Бонапарт. Оно появилось всего через пять дней после операции и спустя три дня после того, как он узнал о рецидиве рака.

Мари Бонапарт написала ему в ответ, кроме всего прочего сообщив о дальнейшем продвижении своей новой работы «Проблемы времени в жизни, сне и смерти», рассказав о своем собственном сердечном заболевании. Закончила она письмо таким абзацем:

«Однако я пишу о себе слишком уж много. В самое ближайшее время я бы хотела услышать о *Вас* и узнать, что мы сможем еще долго беседовать на этой земле, прежде чем отправимся в рай на поля блаженных».

Фрейд отвечал:

«Получив сегодня Ваше душевное письмо, я почувствовал необходимость немедленно выразить охватившие меня чувства. Я вообразил, как встречу Вас на тех полях, узнав о Вашем пребы-

тии. Я был бы очень рад Вашему появлению. Вы слишком медлили, и я не смог прочесть Ваш последний большой труд о времени. Мое любопытство уже сейчас достаточно велико. Ведь так бы хотелось узнать Ваши мысли на этот счет. Ведь, как Вы можете предположить, условия в этом месте не особенно располагают получать познания о столь загадочном аспекте работы нашей психики. В общем, Вы будете должны многое рассказать мне об анализе...

Может быть, Вам покажется, что я стал выглядеть лучше. Думаю, что смогу вернуть Вам этот комплимент. Пребывание в этом месте оказывает благоприятное действие на внешний вид. Возможно, Вы даже заметите нечто особенное. Разве не уродовала меня киста слюнной железы — атерома, о которой Вы никогда из вежливости не упоминали? Это украшение я удалил во время моей последней — я, конечно, имею в виду предпоследней операции. Но довольно обо мне. Вновь мои сердечные пожелания.

Ваш среди блаженных¹,

Фрейд».

¹ Перевод концовки этого письма «Ihrem seligen» вновь демонстрирует огромные трудности, с которыми приходится сталкиваться любому переводчику трудов Фрейда. Немецкое слово *selig* означает «блаженный, счастливый, радостный», но может использоваться применительно и к умершему для подчеркивания особенно уважительного к нему отношения. Особенно это принято в кругу евреев, где использование выражения «ваш мертвый отец» может быть воспринято как выражение неуважения к покойному.

Глава 26

ВТОРЖЕНИЕ НАЦИСТОВ. ИСХОД

В феврале 1938 г. Гитлер вызвал канцлера Австрии Шушнига в Берхтесгаден, где фактически предъявил ему ультиматум. Теперь уже никто не сомневался, что судьба Австрии решится за считанные недели. (Лично я в этом был убежден настолько, что через несколько дней после этого события обратился за американской визой.) Я много раз упрашивал Фрейда покинуть страну. Один раз он даже обещал обдумать мое предложение, но потом вновь отказался. 11 марта началось вторжение.

Я совершал послеобеденный обход в моем госпитале, когда узнал об отставке Шушнига. Я тут же позвонил домой и затем отправился на Берггассе. Улицы были заполнены колоннами штурмовиков. В доме Фрейда собрались некоторые из его друзей. Все мы пытались убедить его уехать. На следующий день он уступил угловорам, однако было уже поздно. Для отъезда теперь требовалось «специальное разрешение».

Обстоятельства последующих нескольких недель пребывания Фрейда в Вене, вплоть до 4 июня, ярко описаны Джонсом в третьем томе написанной им биографии. Рискую повторить сведения, приведенные в этом и других источниках, я все же попытаюсь добавить в общую картину несколько дополнительных штрихов.

Невозможно передать наше состояние в то время. Много страниц написано об ужасах концентрационных лагерей и лагерей смерти. Но совсем не так часто можно слышать о тех чувствах, которые испытывали люди, внезапно оказавшиеся беззащитными перед всеобщим произволом. Не бояться внезапного стука в дверь казалось тогда по меньшей мере странным. Друзья и родственники вдруг исчезали. Их квартиры занимало гестапо и устраивало там свои штабы; появились первые слухи о пытках.

В дом Фрейда несколько раз, в основном в поисках наживы, наведывались шайки СА. Куда опаснее были обыски, учиняемые агентами гестапо. За такие вещи, как подписанная фотография Эйпштейна — одного из главных врагов рейха, его письма к Фрейду, равно как и за факт членства Фрейда в ложе

Бнай Брит, которая считалась франкмасонской, в то время могло последовать самое страшное наказание.

Без всякого сомнения, теперь будущее каждого из нас оказалось под угрозой. Фрейд и его семья, другие оставшиеся в Вене аналитики, моя семья и я сам находились в смертельной опасности. Однако в этом хаосе Фрейд, как обычно, оставался невозмутим, полон достоинства и сохранял исключительное самообладание.

Разумеется, в то время ходило множество слухов. Некоторые из них, похоже, имели под собой основания. Среди высших нацистских иерархов, видимо, существовало несколько точек зрения на нашу дальнейшую судьбу. Кликка Гимmlера — Геббельса требовала немедленно отправить всех нас в тюрьму. Геринг под влиянием своей кузины занимал умеренную позицию. Министертво иностранных дел Германии все еще прислушивалось к мнению западного мира, опасаясь волнений, которые могли бы последовать в случае, если бы с 82-летним ученым что-либо случилось. Эта установка в конечном итоге и возобладала. Осенью 1964 г. посол Уильям Буллит поделился со мной своими взглядами на события тех лет: тогда он не верил в способность Австрии противостоять натиску нацизма. В то время, все еще являясь послом США в Москве, он обратился к генеральному консулу в Вене мистеру Уайли с особым «поручением», предполагавшим опеку и, в пределах дипломатических полномочий, защиту Фрейда и его семьи. После оккупации Австрии Буллит немедленно связался с Уайли и попросил его «обозначить свое присутствие». Затем он обратился к германскому послу в Париже, графу Вильцеку, аристократу старой закалки, которому недвусмысленно указал на возможные последствия ареста Фрейда. Также он настоял, чтобы Вильцек немедленно передал полученные сведения в Берлин. Наконец, он позвонил Рузвельту и попросил его поддержать свое вмешательство¹.

¹ Во время моей встречи с мистером Буллитом также обсуждался и вопрос о книге про Вудро Вильсона. Я знал о существовании рукописи, поскольку Фрейд сам говорил мне о своем интересе к этой работе. Также он выражал свое неудовольствие по поводу задержек с окончанием этой книги, что следует из его письма к Мари Бонапарт от 7 декабря 1933 г. (глава 22). Джонс имел возможность познакомиться с рукописью во время своей поездки в Нью-Йорк в 1956 г.

Мистер Буллит интересовался моим мнением по вопросу публикации этой книги. Я ответил, что, как член правления архивами Зигмунда Фрейда, крайне заинтересованный в сохранении любого рода материалов, способствующих углублению понимания нами его личности (рукописи, письма, интервью с людьми, знавшими Фрейда, и т. д.), а тем более как человек, работающий над биографическим исследованием жизни Фрейда, я прежде всего стремлюсь сохранить рукопись этой книги. Я обратил на это особое внимание, поскольку мистер Буллит сообщил мне, что рукопись существует лишь в одном экземпляре. Также я высказал предположение о том, что у него могли сохраниться записи многих его разговоров с Фрейдом о Вильсоне, равно как и письма. Однако

Мари Бонапарт и Джонс немедленно выехали в Вену. Одно их присутствие также оказало желательный эффект.

В свою очередь сделал все возможное и мистер Уайли. В тот же вечер он позвонил Фрейду. Позже, на случай обысков, мародерства и пр., была отработана следующая процедура: при необходимости мисс Дороти Бэрлингем, жившая в одном доме с Фрейдом, могла теперь позвонить в американское посольство, и через несколько минут официальному представителю оставалось «лишь зайти».

Пихлер, хотя и был старым членом Национальной партии великой Германии (со времен Первой мировой войны она стремилась к объединению Германии и Австрии), окончательно порвал с нацистскими взглядами. Иначе поступить он не мог. Он не раз приходил к Фрейду, как только узнавал о его проблемах, и всегда использовал для их решения все свои сохранившиеся связи. Так же поступал и О. Пётуль, кандидат в члены Венского психоаналитического общества, преемник Вагнера-Яурега, председателя отделения психиатрии при Венском университете.

Однако положение Фрейда становилось все более неопределенным. События развивались так стремительно, что, по-видимому, в «Verlag» осталась копия волеизъявления Фрейда, свидетельствующая о наличии у него денег за рубежом — страшное преступление по тем временам. Старший сын Фрейда Мартин, пытавшийся уничтожить этот и другие документы, был схвачен и несколько часов провел под арестом. Виновником своих злоключений он считал «нацистского комиссара» при «Verlag».

Однажды Анну Фрейд вызвали в гестапо, откуда многие — если не сказать подавляющее большинство — уже никогда не возвращались, прямоком отправляясь в концентрационный лагерь. В любой момент Мартин ждал, что туда же вызовут и его. Они вдвоем пришли ко мне домой и рассказали о сложившейся ситуации. По их просьбе — они опасались пыток, и эти опасения отнюдь не были беспочвенными — я снабдил их достаточным количеством верона-

мистер Буллит сказал мне, что, когда он во время войны в спешке покидал Париж, все эти записи и письма по небрежности камердинера были сожжены.

В результате я предложил мистеру Буллиту отправить копию рукописи мистеру Эрнсту Фрейду, который занимался вопросами защиты авторского права Зигмунда Фрейда, и выразил надежду, что мисс Анна Фрейд могла бы помочь ему в работе над формулировками психоаналитических аспектов этой книги. Я предложил, чтобы любая публикация готовилась университетским издательством. На вопрос мистера Буллита о наиболее подходящем для этой цели издательстве, я порекомендовал ему «Rutgers University Press». Мистер Буллит отправил копию мистеру Эрнсту и мисс Анне Фрейд, но, к сожалению, не счит возможным воспользоваться какой-либо помощью со стороны мисс Фрейд. Прочитав присланную рукопись, мисс Фрейд посчитала, что лишь вступление к предполагаемой книге безоговорочно отражает стиль и образ мышления самого Фрейда. Я разделил ее мнение, с которым согласились и другие.

ла и обещал позаботиться о Фрейде (это был единственный эпизод, о котором Фрейду мы никогда не рассказывали). То был самый ужасный день. Я отправился на Берггассе и оставался с Фрейдом. Часы, казалось, тянулись невыносимо долго. Тогда я единственный раз видел Фрейда в глубокой тревоге. Он рассказывал взад-вперед по комнате и постоянно курил. Я пытался успокоить его как только мог. Наконец, поздним вечером Аниа Фрейд возвратилась. В тот вечер Фрейд, внешне редко проявлявший свои чувства, не мог сдерживаться. Опасность миновала. Мартин так и не арестовали. Я никогда не спрашивал у Аниа, что произошло в гестапо¹.

Лишь позже мы обнаружили, что по крайней мере часть наших тревог была необоснованна. Нацистский комиссар Зауэрвальд знал о «преступлении», но сохранил его в тайне².

¹ Согласно Джонсу, в это происшествие также вмешался мистер Уайли; возможно, не обошлось без участия и самого Муссолини. Доктор Эдоардо Вейсс, итальянский аналитик, знавший дуче, утверждал, что итальянский представитель в Вене получил инструкции защитить интересы Фрейда.

² Хотя эта информация непосредственно не относится к основной теме моего исследования, все же мне кажется уместным подробнее рассказать о докторе Зауэрвальде, поскольку он сыграл важную роль в судьбе Фрейда.

После аншлюса к каждому учреждению был приписан «нацистский комиссар». Часто это был бывший служащий или некто, знакомый с соответствующей сферой деятельности. То, что Зауэрвальд, обладатель докторской степени по химии, оказался комиссаром при «Verlag», занимавшемся вопросами психоанализа, — несомненно, удивительная причуда судьбы. Вначале он вел себя крайне жестоко, не скрывая своей ненависти и презрения к нам. Он именовал докторов Хартмана и Штербу отступниками, спутавшимися с «еврейским свинарником». Но мало-помалу он начал меняться. Прежде всего, ему наскучила его «работа», и он начал читать труды Фрейда, сперва из любопытства, но вскоре они на самом деле заинтересовали его. А после еще больше его впечатлила личность самого Фрейда. В результате он изменил свой настрой на крайне благожелательный и использовал все свое влияние в нацистских кругах, чтобы помочь эмиграции Фрейда, его семьи и ближайшего окружения. Он постоянно взаимодействовал с «нацистским» адвокатом Фрейда (который мог считаться нацистом лишь по названию) доктором Индрой. Позже мы узнали, что Зауэрвальд имел фактические доказательства наличия у Фрейда зарубежных счетов, но с риском для самого себя он сохранил их в тайне. Однажды, когда гестаповцы проявили неуважение к Фрейду, он извинился за них перед Анной, заметив: «Что вы ожидали? Эти пруссаки не знают, кто такой Фрейд». Позже он лично готовил к отправке имущество Фрейда, включая его книги и коллекцию произведений искусств, а после отъезда Фрейда заботился о его престарелых сестрах, часто навещая их (позже, когда Зауэрвальда призвали в армию, их отправили в лагерь смерти).

Однажды в 1939 г. доктор Зауэрвальд неожиданно появился в Лондоне. Никому из нас не были известны мотивы этого визита — возможно, он выполнял деловое или разведывательное поручение. Он зашел к Александру Фрейду и расспросил его о старшем брате. Александр прямо спро-

Совсем недавно Анна Фрейд рассказала мне эту историю и разрешила ее опубликовать. Когда спасение уже казалось невозможным, Анна спросила Фрейда: «Не лучше ли всем нам покончить с собой?» На что Фрейд, в свойственной ему иронической манере, возразил: «Зачем? Потому что они этого желают?» В этих обстоятельствах он вновь проявил силу своего духа. И этому человеку в 1923 г. боялись говорить о его заболевании раком, полагая, что он может покончить с собой! Фрейд все еще оставался в Вене. Но, когда шансы эмигрировать увеличились, 12 мая, спустя несколько дней после своего 82-го дня рождения (которое в этот раз действительно не могло быть отпраздновано), он написал своему сыну Эрнсту:

«В эти мрачные времена две перспективы ободряют меня: воссоединиться со всеми вами и умереть на свободе».

сил его о причинах такого поведения, столь нетипичного для нациста. В ответ Зауэрвальд рассказал ему удивительную историю. Оказалось, что некогда он работал в венской полиции как эксперт по взрывчатым веществам. Но одновременно он занимался и производством взрывчатки для нацистского подполья в Австрии. После каждого взрыва образцы взрывчатого вещества приходили на анализ именно к нему! Соответственно за свои быстрые и точные заключения он приобрел прекрасную репутацию.

Когда Александр Фрейд спросил Зауэрвальда о том, как же его нацистское мировоззрение может ужиться с хорошим отношением к Фрейду и его семье, ответ того был типичной отговоркой многих «хороших» нацистов: «Фюрер, которому, разумеется, виднее, понимает, что отечество в опасности. Евреи с их космополитизмом и склонностью к индивидуалистическому поведению не могут стать надежным элементом нашего народа. Следовательно, они должны быть устранены. Возможно, это печально, но цель оправдывает средства. Однако это не означает, что в ряде случаев не позволительно особое отношение к некоторым из этих людей».

Согласно Джонсу, Зауэрвальд некогда изучал химию под руководством профессора Херцига, старого друга Фрейда, и проникся к тому таким же уважением, как и к своему старому учителю. Сам по себе этот факт не может объяснить изменения в поведении Зауэрвальда и его постепенно нарастающее стремление помочь Фрейду. Я всегда считал, что он был одним из тех убежденных нацистов, которых постепенно стало тревожить чувство вины. Поэтому они, стремясь успокоить свою совесть, всякий раз, когда обстоятельства позволяли это, давали «задний ход». Такое объяснение, как мне представляется, вполне можно считать правильным, при этом принимая во внимание и то огромное впечатление, которое Фрейд произвел на Зауэрвальда лично.

Во время войны Зауэрвальд был ранен, заболел туберкулезом. После победы его предали суду как военного преступника. Мари Бонапарт и Анна Фрейд под присягой дали свои показания как свидетели защиты с его стороны. Это помогло его оправдать.

Это был один из тех эпизодов, когда судьба оказалась благосклонна к Фрейду, избавив от страшной смерти и его самого, и всех близких ему людей, включая сюда меня и мою семью.

В этом же письме он провел определенную историческую параллель:

«Иногда я сравниваю себя со старым Иаковом, которого в преклонные годы его дети привезли в Египет. <...> Остается надеяться, что результат не будет тем же — исходом из Египта. Самое время, чтобы Вечный жид пошел где-нибудь пристанце для себя»¹.

В данной ситуации для Фрейда мы могли бы предложить и другое сравнение. В книге о Моисее он писал: «Сразу же после разрушения Титом Иерусалимского Храма рабби Иоханан бен Закай попросил разрешения открыть в Явне первую школу для изучения Торы». К желанию жить и умереть на свободе Фрейд прибавлял и надежду на создание в Лондоне нового психоаналитического центра.

Решающим мотивом к эмиграции, который Фрейд отметил позже, в 1939 г. выступило желание закончить третью часть книги о Моисее и опубликовать ее, что в Австрии стало невозможным.

Все эти недели Фрейд, разумеется, не покидал своего дома. Ходить по улицам Вены было небезопасно. Он продолжал наблюдать оставшихся пациентов, работал над третьей частью книги о Моисее и, готовясь к эмиграции, просматривал свои письма и рукописи. Физическое состояние Фрейда, в том числе и состояние его рта, было неплохим. Новые язвы не появлялись, доставляли неудобства лишь вновь образующиеся струпья, требующие к себе постоянного внимания. Мы старались не нарушать его повседневный режим. Пихлер посещал нас всякий раз, когда имел такую возможность. С 19 февраля 1938 г. (даты проведения последней хирургической процедуры) он не вел записей вплоть до 2 июня, когда он написал: «Последний осмотр перед отъездом в Англию». Осмотр не выявил подозрительных участков. Это улучшение в состоянии Фрейда помогло нам убедить его, что эмиграция действительно имела для него смысл.

¹ Отца Фрейда тоже звали Яков. Образ Иосифа всегда привлекал Фрейда. Эту тему он подробно обсуждал с Томасом Манном, рассуждая о предложенной им в своей тетралогии трактовке образа Иосифа. Иосиф был не только толкователем снов. Библия рассказывает, что он был первенцем Иакова и Рахили. Именно Рахиль, младшая сестра Лии, нравилась Иакову. Ради нее он готов был семь лет служить ее отцу. Рахиль не могла иметь детей до того, как «Бог вспомнил о ней... и отверз утробу ее». Иосиф оставался любимым сыном Иакова, и все братья завидовали ему.

Мы знаем, что Фрейд фактически вырос с Библией. Аналогия между молодой женой отца, первенцем которой был сам Фрейд, и библийской Рахилью дала Фрейду прекрасную почву для идентификации, особенно после того как он сам стал толкователем сновидений.

Рассказ об отъезде из Вены фактически можно назвать «историей выкупа». С каждого эмигранта нацисты требовали уплаты пошлины (Reichsfluchtsteuer) в размере 20 процентов от стоимости имущества желающего покинуть страну. Однако датой оценки стоимости имущества нацисты установили 1 января 1938 г., уже через несколько месяцев после этого они стали конфисковывать большую часть имущества своих жертв. Поскольку банковский счет Фрейда, «Verlag» и т. д. были конфискованы, у него больше не оставалось денег, чтобы оплатить эту пошлину. В этой ситуации за него заплатила Мари Бонапарт, и Фрейд настойчиво желал вернуть этот долг.

Всем нам пришлось пройти через кошмарную процедуру получения необходимых бумаг, ради которых приходилось мотаться из одного учреждения в другое. К счастью, адвокат Фрейда и Зауэрвальд помогли всем нам уладить эти проблемы.

Было решено, что я буду сопровождать Фрейда в Англию вместе с его семьей и останусь его «лейб-медиком»¹. Это оказалось возможно стараниями Эрнеста Джонса, сумевшего договориться о необходимых разрешениях, за что я ему глубочайше благодарен. Мы составили детальный план отъезда. Фрейд и его семья были взбудоражены; ведь как-никак он не покидал Вену уже в течение восьми лет. Я успокаивал их как мог, я был полностью уверен в том, что он с достоинством перенесет все тяготы пути. Кстати говоря, просто удивительно, как много глубоких стариков, несмотря на самые скудные бытовые условия, хорошо перенесли тогда переезд через океан.

Вскоре после получения разрешений, в которых была оговорена дата нашего отъезда, у меня обнаружился гнойный аппендицит. Я пришел в отчаяние и решил было выждать несколько часов, но в конечном итоге все равно вынужден был лечь на операционный стол. С медицинской точки зрения это было сделано

¹ Для получения необходимых виз Фрейд предоставил в британское консульство следующий перечень:

1. Проф. Зигм. Фрейд, 82 года
2. Его супруга Марта, 77 лет
3. Сестра жены Минна Бернайс, 73 года
4. Дочь Анна, 42 года
5. Сын доктор Мартин, 48 лет
6. Жена сына Эсти, 41 год
7. Его сын Вальтер, 16 лет
8. Его дочь София, 13 лет
9. Внук Эрнст Хальберштадт, 24 года
10. Замужняя дочь Матильда, 50 лет
11. Ее муж Роберт Холличер, 62 года
12. Доктор Макс Шур, 41 год, личный врач на протяжении девяти с половиной лет
13. Его жена и два малолетних ребенка
14. Паула Фихтль, 36 лет, экономка, работает в доме долгие годы

с запозданием и совершенно не вовремя с точки зрения нашего скорого отъезда! Я позвонил Анне Фрейд, глубоко мне посочувствовавшей. Я встречался с ней незадолго до операции, и мы обсуждали возможность того, что мне придется остаться на какое-то время в Вене. На пятый день после операции я попытался встать, но у меня ничего не вышло. Анна вновь зашла ко мне и сказала, что они должны ехать, задерживаться было уже опасно. Мы решили, что вместо меня сопровождать их будет Жозефина Штросс, позже ставшая педиатром-консультантом при Хэмпстедской детской больнице. Она будет выполнять мои обязанности до тех пор, пока я не смогу вновь к ним присоединиться.

Фрейд выехал 4 июня 1938 г. Как и планировалось, все остальные отправились вместе с ним. Я прекрасно понимал, что он не мог задержаться ни на день, но все же чувствовал себя таким одиноким и заброшенным, как никогда раньше. Тем временем у меня воспалился послеоперационный шов, последовала еще одна операция. Я старался максимально ускорить свое выздоровление, насколько это вообще было возможно. Тем временем моим пребыванием в госпитале заинтересовалось гестапо¹, а восторженный прием, оказанный Фрейду во Франции и Англии, делал мое дальнейшее пребывание на германской территории очень небезопасным. Мы уехали 10 июня. Видимо, это был уже самый последний момент.

Оперировавший меня хирург достал все необходимые документы, чтобы предъявить их пограничной полиции, иначе я бы подвергся процедуре разматывания биштов в поисках денег и драгоценностей. По счастью, отъезд прошел гладко. Наш поезд миновал Зальцбург в один из тех прекрасных вечеров, когда предгорье Альп освещает великолепный закат. На выезде нас не обыскивали.

Никогда не забуду то чувство невероятного облегчения, которое мы испытали, увидев, наконец, первых французских погра-

¹ Неделями я был вынужден каждые три дня сообщать о своем местонахождении в ближайший к моему дому полицейский участок. Гестапо знало о дате нашего запланированного отъезда, и мы не смогли оповестить полицию о моей внезапной госпитализации. Через два-три дня после отъезда Фрейда в госпитале появился агент гестапо, который желал выяснить, действительно ли я нахожусь в больнице, по-настоящему ли я болен и когда я намереваюсь покинуть страну. Мы с женой пережили весьма неприятный момент, когда в комнату ворвалась сиделка (очень доброжелательная монахиня, до этого знавшая меня) и выпалила, что гестапо проводит допросы. 8 июня мою жену вновь вызвали в службу внимания пошлин, чтобы она дала дополнительные разъяснения относительно нашего «Unbedenklichkeitserklärung» — дьявольского документа, призванного подтвердить, что его обладатель не является подозрительным лицом. Платежеспособность человека была важнейшим фактором, учитывавшимся при выдаче этого документа.

пичпиков. Мы были живы и на свободе! На станции нас ожидала Мари Бонапарт. Она проводила нас в свой дом, где я мог поправиться, прежде чем продолжить путь в Англию. Выздоровление для меня, разумеется, означало нечто большее, чем простое улучшение состояния моего здоровья. Сколь невероятным был контраст между оставшимся позади миром безумцев, наделенных властью решать, можешь ты жить или должен погибнуть, и атмосферой пежной заботы и уважения в прекрасном доме Мари Бонапарт! Его ощутили даже мои маленькие дети (пяти и двух с половиной лет).

Глава 27

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Тем временем Фрейд обосновался в Лондоне. Письмо, которое он написал Мари Бонапарт после своего прибытия туда, достойно того, чтобы процитировать его полностью, поскольку оно показывает, сколь много «жизни» в нем еще оставалось:

«8 июня 1938 г.

Моя дорогая Мари.

Первое письмо, написанное на этом столе, где по углам стоят Ваши терракотовые статуэтки, в комнате с видом на сад, который, без сомнений, Вам понравится, обязательно должно отправиться к Вам. Ведь всего за один день, проведенный в Вашем доме в Париже, мы смогли восстановить чувство собственного достоинства и поднять свой боевой дух. Все время окруженные любовью, мы уехали довольные и богатые¹, защищенные эгидой Афины². Однако, возможно, Вам не очень интересно слушать мои благодарности. Может быть, Вы желали бы услышать что-нибудь новое.

Новостей у нас довольно много, большей частью они приятные, есть даже очень приятные. Прием, оказанный нам на станции Виктория, был доброжелательным и даже восторженным. В последующие несколько дней не менее приятными были и газетные статьи. Нас буквально засыпали цветами. Интересны письма: три пришло от коллекционеров автографов и одна художница хотела бы нарисовать мой портрет, как только я отдохну от дороги. Трогательная просьба пришла от одной женщины, спрашивающей о возможности проконсультировать у меня ее мать, которую считают неизлечимой. Вдобавок поступили приветствия от большинства членов английской [психоаналитической] группы, от некоторых научных и еврейских обществ, а также пришла длинная телеграмма на четырех страницах из Кливленда, Огайо,

¹ Мари Бонапарт снабдила Фрейда деньгами, которые специально сохранила для него. Он тогда настаивал на возмещении «выкупной» суммы, которую она ему предоставила до этого.

² По прибытии Фрейда в Париж Мари Бонапарт подарила ему одно из его любимых сокровищ — древнегреческую статуэтку Афины.

подписанная «гражданами всех профессий и вероисповеданий» -- крайне почтительное приглашение, со всевозможными обещаниями и предложением поселиться среди них (придется ответить, что мы уже распаковали вещи).

Наконец, что довольно необычно для Англии, приходят многочисленные письма от незнакомых людей, где они говорят, что рады нашему приезду и тому, что теперь мы находимся в безопасности. Они воспринимают наши беды точно свои собственные.

Последние несколько дней мое сердце работает не так, как в Париже. Наш маленький доктор [доктор Жозефина Штросс] очень заботлива. Похоже, положение быстро улучшается...

Ваши сигары, несомненно, безвредны, хотя и не очень вкусны. До сих пор здесь я еще не нашел ничего похожего¹.

На эту тему я мог бы писать часами, так и не исчерпав ее. Однако на сегодня достаточно. С самыми сердечными пожеланиями,

Ваш *Фрейд*».

Строки этого письма совершенно недвусмысленно говорят о радости, которую вызвала у Фрейда восторженная встреча в Лондоне, и то, что ему удалось вырваться из Австрии. Разумеется, было много поводов и для беспокойства: так, его свояченица Минна, покинувшая Вену еще раньше, слегла с воспалением легких, и он до сих пор не смог с ней встретиться. Помимо того, на него очень угнетающе действовали вести из Австрии.

Перед тем как написать Мари Бонапарт, Фрейд отправил письмо Эйтингтону в Иерусалим. Описав свой путь в Лондон, Фрейд колко заметил:

«Едва ли случайно, что [в этом письме] я до сих пор остаюсь так прозаичен. Эмоциональная атмосфера этих дней трудно укладывается в голове. Она почти неопишима. Радость освобождения слишком тесно соседствует с печалью. Ведь, несмотря ни на что, я все еще продолжаю любить тюрьму, в которой был заточен... счастливые предчувствия новой жизни умяляются вопросом: сколько месяцев или лет еще мое усталое сердце сможет выполнять свой долг? Из-за болезни Минны, которую я все еще не видел, боли в сердце вызвали pesimicheskuyu депрессию. Однако все дети — как свои, так и приемные — очаровательны. Матильда распоряжается здесь так же умело, как Анна в Вене; Эрнст просто сама надежность, жена и дети ему под стать; Мартин и Роберт воспрянули духом и вновь высоко держат голову. Неужели я единственный, кто не в состоянии обеспечить свою семью? Моя жена по-прежнему сохраняет бодрость духа и боевой настрой».

¹ Фрейд никогда не любил сигары с пониженным содержанием никотина. Вскоре он нашел себе кое-что «повкуснее»!

Это письмо, пожалуй, единственное, где Фрейд признался, что, несмотря ни на что, любит Вену.

После прибытия Фрейда в Лондон многие деятели литературы, науки и искусства начали вновь обсуждать возможность вручения ему Нобелевской премии. Арнольд Цвейг написал ему на эту тему. Ответ Фрейда от 28 июня 1938 г. начинался так: «Не позволяйте себе принимать слишком близко к сердцу химеру Нобелевской премии». Указав, что при нынешних обстоятельствах официальные представители Нобелевского комитета не осмелятся так дерзко бросить вызов нацистской Германии¹, он продолжал:

«Здесь мы чувствуем себя превосходно. И все бы хорошо, если бы не удручающие вести из Вены, постоянные мольбы о помощи. Это напоминает нам о нашей собственной беспомощности, однако не в состоянии омрачить нашу радость...

С удовольствием пишу третью часть «Моисея». Всего полчаса назад пришло письмо от одного молодого еврея-американца, в котором он просит меня не отнимать у его бедного, несчастного народа его единственное и последнее утешение. Письмо тактичное и благожелательное, но что за переоценка! Мог ли я помыслить, что своим бесстрастным эссе оскорбил веру пусть даже одного... человека...

Я принял несколько интересных посетителей... Самым приятным был визит двух представителей Королевского общества. Они принесли мне почетную книгу этого общества с тем, чтобы я мог поставить в ней свою подпись, поскольку новая слабость... помешала мне покинуть этот дом. Они оставили мне факсимиле этой книги и теперь, когда Вы появитесь в наших краях, я смогу показать Вам подписи И. Ньютона и Чарльза Дарвина. Неплохая компания! С самыми сердечными пожеланиями Вам, Вашей семье и детям.

Ваш *Зигм. Фрейд*

P. S. Я вынужден использовать новую роспись, поскольку узнал, что только лорды имеют право ограничиваться в своей подписи одной фамилией. Все-таки это необычная страна».

Фрейд был явно доволен своим выбором места для эмиграции. С молодых лет он считал Англию колыбелью демократии и свободы мысли. Оказаться членом Королевского общества наряду с

¹ Пожалуй, Фрейд был не вполне корректен, оценивая мужество представителей Нобелевского комитета. В 1935 г. Нобелевская премия была присуждена Карлу фон Осецкому, выдающемуся немецкому пацифисту и редактору «Die Weltbühne», который в 1933 г. был отправлен в германский концлагерь. Это награждение вызвало сильный шум в нацистской прессе.

такими людьми, как Ньютон и Дарвин, ему было, несомненно, приятно.

Фрейду правился предоставленный им дом, расположенный вблизи Риджентс-парка. Он работал над третьей частью книги о Моисее, а также начал писать эссе, которое после его смерти было опубликовано под названием «Очерк о психоанализе» (1940). Как часто бывало и в прошлом, Фрейд недооценивал важность своей работы, что следует, например, из его письма к Мари Бонапарт. Писал он медленно, так и не закончив эту работу. Однако психоаналитическая теория в ней получила наиболее четкое и глубокое освещение.

Когда 15 июня 1938 г. я прибыл в Лондон, узнал, что во время поездки у Фрейда возникли небольшие проблемы с сердцем. Болезненные симптомы наблюдались весь июнь. Некоторое время он мучился также и от воспаления мочевого пузыря (это была та «новая слабость», на которую он сослался в письме Арнольду Цвейгу).

Я очень остро чувствовал ту огромную ответственность, которая легла теперь на мои плечи. Пихлер порекомендовал Фрейду в качестве хирурга по челюстно-лицевым операциям доктора Экспера, которого считал превосходным специалистом. Однако он мягко и тактично подчеркнул, что Экспер вряд ли имеет большой опыт в лечении столь сложной патологии. Только Анне Фрейд и мне было известно, сколь коварно вела себя болезнь Фрейда. Кроме того, я прекрасно понимал, что в последние два года наблюдалась тенденция к появлению злокачественных новообразований в противовес прежним годам, когда преобладали предраковые состояния. Вдобавок новые поражения в ротовой полости возникали теперь очень высоко, и доступ к ним был очень труден. Сложно было теперь и находить подходящие ткани для закрытия оперируемых участков, ведь Фрейду было уже 82 года! Возможности дальнейших хирургических вмешательств были ограничены.

Мы постарались воссоздать для него привычный ритм жизни. Все было, как на Берггассе, — только гораздо приятнее и удобнее. Министерство внутренних дел Великобритании любезно предоставило мне разрешение официально выступать в качестве врача Фрейда даже прежде, чем я прошел необходимые процедуры проверки. Я видел Фрейда почти ежедневно. В конце июля я обратил внимание на подозрительную опухоль. Хотя это проявление могло объясняться обычным перитонитом, в начале августа я заметил еще два поражения, появившиеся буквально за несколько дней. Первое, чуть меньше по размеру, располагалось рядом с областью последней операции. Это было бородавчатое образование, напоминавшее лейкоплакию. Экспер не воспринял это поражение с достаточной серьезностью, и мне пришлось проявить некоторую настойчивость. Недоверчиво и раздражительно он вы-

слушивал позицию «иностранца» и вдобавок еще и терапевта! Нам очень не хватало Пихлера. Я написал ему несколько срочных писем, спрашивая его о возможности срочно выехать в Лондон. Пихлер без колебаний согласился.

В первые недели августа совместное решение еще не было выработано. Экспер сохранял свой скепсис и рекомендовал рентгеновское облучение, которое, как мы и предполагали, только ухудшило положение.

Даже Фрейд стал испытывать против меня некоторое раздражение. Об этом я узнал много позже, в 1964 г., когда изучал его переписку с Мари Бонапарт. В одном из писем он объявил меня папикером и выразил недовольство моим самовольным обращением к Пихлеру и т. д. В то же время он признавал, что, возможно, ему не избежать новой операции, особенно после того, как Мари Бонапарт написала ему (18 августа 1938 г.), что профессор Риго из парижского института Кюри также выступает за электрокоагуляцию даже наименее подозрительных очагов поражения.

Все это время Фрейд продолжал работать над окончанием третьей части книги о Моисее и «Очерком о психоанализе».

В довольно коротком письме к Мари Бонапарт, написанном 22 августа 1938 г., Фрейд обсудил ее работу «Время в жизни, сны и смерти» и предложил возможный метапсихологический подход к идеям времени, пространства и причинности¹.

К сожалению, эти недели положили конец периоду творческой активности Фрейда. В конце августа возле места проведения последней операции обнаружилось крупное новообразование, еще более подозрительное из-за своей труднодоступности. Я знал, что это было началом роста папилломы. Теперь мое решение пригласить Пихлера в Лондон разделяла и Анна. К этому времени Фрейд также смог преодолеть свое первоначальное сопротивление, на что он указывал в письме от 4 сентября к Мари Бонапарт. Теперь Фрейд писал ей со своей неизменной образцовой честностью, что «все трое» — то есть Экспер, английский специалист по использованию радия и я — настаивают на операции и что он вынужден был согласиться.

¹ Следующий отрывок из письма, написанного 12 ноября 1938 г. к Мари Бонапарт по поводу этой ее работы, показывает, сколь, в противовес убежденности некоторых людей в обратном, неприемлемы были для Фрейда умозрительность рассуждений, поспешность выводов и низкий уровень самоконтроля: «Ваши замечания по поводу «времени и пространства» гораздо любопытнее тех, что имеются у меня. Хотя к нынешнему времени я еще полностью не проинформировал ни Вас, ни кого бы то ни было о своих идеях. Моя несомненно вредная внутренняя склонность освобождать воображение из-под контроля [в научном исследовании] всегда удерживает меня от скоропалительных решений. Если Вам все еще будет интересно, я расскажу о них при следующей нашей встрече».

Пихлер прибыл в Лондон 7 сентября 1938 г. Осмотрев Фрейда, он повторил свое настойчивое требование не медлить с операцией, объяснив ее не только характером наблюдавшихся поражений тканей, но и их локализацией. Их дальнейший рост еще больше затруднил бы доступ к ним для хирурга. Пихлер отметил, что уже сейчас ему требуется сделать значительный внешний надрез щеки и губы, и спросил мое мнение, способно ли сердце Фрейда вынести подобную операцию. Он заручился моим согласием, однако решающее слово мы оставили за самим Фрейдом, который тоже согласился. Абсолютное доверие, которое он испытывал к Пихлеру, позволило ему легче принять окончательное решение. Пихлер оперировал в лондонской клинике. Сделанный им отчет показывает, насколько важна была проведенная операция:

«8 сентября: операция в лондонской клинике, Девоншир. Введение [общего обезболивающего] посредством [внутривенной инъекции] эвипала и последующее нагнетание через носовой катетер закиси азота. Разделением губы и продолжением разреза до носа обеспечен нормальный доступ. Затем удаление опухоли на щеке диатермической иглой, а в конечном итоге и всех патологических тканей. Удаление больших участков очень твердой, плотной ткани. Под микроскопом эта ткань не похожа на карциному [отдельные фрагменты были проверены в процессе операции], напоминая рубцовую ткань. Их удаление было произведено вплоть до здоровой, мягкой мускулатуры, хотя не для каждого участка глубина удаления была гарантированно достаточной. Произведен контроль полной очистки полости, вставлен протез, оперированная полость была орошена ортоформом и закрыта 5%-ным йодоформным газом.

8 сентября, вечер: пациент уже очнулся и чувствует себя достаточно хорошо.

9 сентября: утреннее посещение. [Пациент] спал хорошо. Все без неожиданностей. В 11 утра он отпущен домой».

Такая операция оказалась возможна благодаря технике общей анестезии, которая в США и Англии к тому времени была отработана гораздо лучше, чем на европейском континенте. Обезболивание и масштабную операцию Фрейд перенес очень хорошо. Пихлер уехал 9 сентября, поскольку процесс выздоровления Фрейда обещал быть стабильным. В этот раз анализ тканей на предмет патологии выявил «лишь» их предраковое состояние, что дало Эксперу основания говорить о том, что, возможно, операция была излишней. Эти слова заставили меня еще острее почувствовать весь груз моей ответственности. Я поддерживал мою переписку с Пихлером так долго, как это было возможно.

Анна Фрейд отправила отчет Мари Бонапарт тем же вечером, после операции. Ее последнее предложение выразило чувства, владевшие всеми нами:

«Мы провели несколько очень неприятных дней, пока не решились вызвать Пихлера и не узнали, что он сможет скоро приехать. Он был чрезвычайно любезен. Я очень рада, что уже наступил сегодняшний день».

Возвратившись домой, Фрейд пошел на поправку, но очень медленно. Тот участок, где кость подверглась коагуляции, частично отмер, заживал медленно и очень болел.

27 сентября 1938 г. Фрейд переехал в свой новый дом по адресу Мэрсфилд-Гарден, 20. Тем временем из Вены прибыла его мебель и коллекция. Анна и Паула Фихтль расставили вещи в новой комнате таким образом, чтобы все точно повторяло обстановку в венской квартире Фрейда. Только сама комната была больше и светлее, а ее окно выходило в сад. Именно в этой комнате Фрейд и умер. С тех пор в ней практически ничего не изменилось, чтобы любой посетитель мог хотя бы на мгновение почувствовать себя современником ее великого обитателя.

Восстановление сил Фрейда продолжалось, но он чувствовал себя крайне утомленным. Лучше всего его тогдашнее состояние передает настроение его же письма 13-летней давности, написанного Лу Андреас-Саломе весной 1925 г. (глава 15).

Это состояние было недолгим и затронуло в основном его отношение к внешним событиям тех недель, но не его личные связи. Его письма по-прежнему отражали весь спектр чувств.

То была пора мюнхенского кризиса, когда каждый человек в Лондоне (может быть, исключая Чемберлена и его советников) чувствовал, что война может разразиться в любой момент. Появившийся затем пакт вызвал чувство облегчения, смешанное с жесточайшим разочарованием у тех, кто понимал его истинное значение.

Фрейд регулярно читал газеты. Его замечания были мудрыми и меткими, но «резонанс отсутствовал». Столь тонкие перемены, разумеется, не могли быть замечены людьми, знавшими его недостаточно близко.

Первое письмо с Мэрсфилд-Гарден Фрейд отослал Мари Бонапарт 4 октября 1938 г. В нем встретилось несколько ошибок. Это подчеркивало владевшую им усталость:

«Это не может продолжаться долго. Я едва могу писать, что мне не намного легче делать, чем разговаривать или курить. Последняя операция оказалась самой тяжелой с 1923 г... Я совершенно изнурен и очень слаб. Хотя вчера я начал работать с тремя пациентами, дела идут неважно».

Арнольд Цвейг приехал навестить Фрейда и задержался на несколько недель¹. Фрейд был очень рад его видеть. Но у Цвейга накопилось так много новостей о своей жизни и работе, которыми он хотел поделиться, что порой Фрейд оказывался совершенно измотанным, хотя ни разу не пожаловался. Оба понимали, что, скорее всего, видят друг друга в последний раз.

Октябрь и ноябрь прошли довольно спокойно. Фрейд даже обошелся без своей обычной ноябрьской простуды. Сильно болел лишь участок кости, начавший отмирать после проведенной операции. В остальном ее поверхность была гладкой, корка практически отсутствовала.

Немецкая версия «Моисея и монотензма» была опубликована в Голландии в августе 1938 г. С этого момента Фрейд с огромным нетерпением ожидал появления английской. Над ее переводом при поддержке своего мужа работала миссис Джонс. Следующее письмо к Джонсу, написанное 1 ноября этого года, заслуживает особого упоминания:

«Дорогой Джонс.

Мне очень жаль, что Ваша простуда вынудила Вас покинуть меня вчера. Я был совершенно потрясен, когда узнал, что Вы не сможете окончить перевод моего «Моисея» раньше февраля или марта [1939 г.]. Я знаю, что Ваше время очень дорого, Ваша добросовестность крайне велика и у Вас есть много важных дел. Смею, однако, напомнить, что эту новую ношу Вы возложили на свои плечи добровольно, без моего непосредственного участия. Разумеется, я понимаю, что то был жест доброжелательного ко мне отношения и знак уважения к моей книге.

Возможность задержки огорчает меня по многим причинам. Во-первых, несколько лишних месяцев для меня значат больше, чем для кого-либо другого, раз я придерживаюсь понятного желания увидеть оконченную [то есть опубликованную] книгу своими собственными глазами».

Строки этого письма выдают чувство недовольства, испытанное Фрейдом, и даже его обиду на Джонса. Но из них же можно понять, как сильно было его желание дожить до издания английской версии своей книги. Теперь такого рода высказывания уже не объяснялись застарелым предрассудком, а лишь подчеркивали реалистичность оценки Фрейдом перспектив своего ближайшего будущего.

В ноябре Арнольд Цвейг, вскоре после своего возвращения в Палестину, сильно пострадал в серьезной автомобильной катастрофе. Он был без сознания несколько дней. Фрейд испытал боль-

¹ Именно тогда я впервые смог встретиться с ним лично и о многом побеседовать.

шое облегчение, когда Эйтингтон прислал ему телеграмму, в которой говорилось, что жизнь Цвейга уже вне опасности.

В том году осень в Лондоне выдалась необыкновенно хорошей и мягкой. Фрейд наслаждался чудесным садом, куда он мог выходить прямо из своего кабинета. Теперь он ежедневно работал с четырьмя пациентами и принимал посетителей.

В первую неделю декабря в отмирающей части кости я заметил явную и очень болезненную опухоль, которая была, судя по всему, вызвана воспалительным процессом. Выделения стали гнойными, Фрейд испытывал сильные боли. Все это происходило за несколько лет до открытия антибиотиков. Очень мучительно сознавать, скольких тяжких страданий можно было бы избежать, если бы это открытие случилось чуть раньше. Мы надеялись, что отмерший участок кости должен отделиться, и ждали этого с нетерпением.

13 декабря 1938 г. Фрейд написал Арнольду Цвейгу, который к тому времени уже более-менее выздоровел после пережитой аварии:

«Дорогой господин Арнольд.

Эйтингтон, конечно, сообщил мне о Вашем состоянии. Однако совсем другое дело — вновь видеть Ваш почерк... Произошедшее лишний раз напомнило нам о непредсказуемости жизни, на которую мы и без того в любом случае не можем закрывать глаза. Я очень волнуюсь за Вашего сына, который вел машину... С радостью узнал, что он не несет никакой ответственности [за произошедшее]. Чертям бы следовало не забыть прихватить с собой того пьянчугу-водителя.

У нас не слишком много новостей. Было бы вполне приятно, если бы не то, да не это и не много чего еще... [это многоточие присутствует в авторском варианте письма].

Я все еще жду выхода куста второй кости» [маленький осколок отделился несколькими неделями ранее].

19 декабря Фрейд написал письмо к Эйтингтону. Его тяжело читать даже спустя двадцать пять лет:

«Я еще не поблагодарил Вас за исчерпывающий отчет о нашем Арнольде Цвейге. Тем временем я получил и первое письмо от него, довольно неразборчивое, но все равно приятное. По крайней мере, хоть одна хорошая вещь... Словно голодный пес кости, я ожидаю обещанного мне, с той лишь разницей, что жду своей собственной кости. Сейчас я работаю по четыре часа в день».

Даже при таких обстоятельствах Фрейд не начинал письма с рассказа о своих хворях. Когда же он все-таки упомянул о них, то и в столь тяжелой, возможно, даже трагической для себя ситуации все равно сумел пошутить.

К Рождеству боли стали локализованными, и я смог теперь ясно увидеть и прощупать осколок кости, готовый выйти на поверхность. 28 декабря мне удалось изъять приличный кусок отмершей кости. Фрейд сразу почувствовал заметное облегчение, появилась какая-то новая надежда. Не могу забыть чувство благодарности Фрейда, не пуждавшееся в словах, но безошибочно читавшееся по выражению его лица и особенно теплому рукопожатию. Я немедленно известил об этом Пихлера. Таким образом, 1938 г. кончился на обнадеживающей ноте.

За день до этого, 27 декабря, Фрейд, должно быть, чувствовал себя немного лучше и написал два интересных письма. Первое адресовалось Мари Бонапарт, отправившейся тогда в Египет:

«Моя дорогая Мари.

Ваше письмо с прекрасными фотографиями из музея прибыло в тот момент, когда мы еще размышляли о том, следует ли послать ответ на Ваше милое рождественское письмо в Афины или же в Египет. В сопровождении новогодних пожеланий он будет отправлен по последнему адресу.

У нас здесь и впрямь холодно; вечнозеленый английский газон покрылся толстым слоем снега — прекрасное зимнее зрелище, которым я могу любоваться из моего окна, выходящего в сад. Мы не решаемся и представить, каким будет Лондон, если весь этот снег растает!

Рождество у нас тихое и мирное, конечно, если не брать в расчет привычные вести о смерти и насилии из Вены. Моя кость все еще со мной, но я уже не с ней. Шур очень заботлив, но помочь ничем не может.

Вчера закончил чтение первых гранок немецкого «Моисея». Мои переводчики на английский [Джонсы] сейчас в Мюррене [Швейцария].

Синай не заслуживает Вашего внимания. Вы знаете, что гора Яхве находится не на полуострове, а в Западной Аравии; заповеди попросту никогда не были ниспосланы с Синая. Посмотрите моего «Моисея», который то впечатляет, то сильно разочаровывает меня.

Не побывать в Иерусалиме было бы обидно. Для Вас не секрет, как бы мне, даже «парализованному для путешествий» [очередное нестандартное словосочетание], хотелось его повидать».

В тот же день он написал и еще одно очень трогательное письмо, на этот раз Рахиль Бирдаш (Барди):

«Дорогая мадам (или мисс?),

Ваша таинственная и прекрасная книга [«Император, мудрецы и смерть»] доставила мне такое удовольствие, что я не могу ни оценить его. Хотел бы я знать, что именно заставляет меня утвер-

ждать, что я давно не читал ничего столь же основательного и поэтически совершенного: изложение ли еврейских страданий или удивление от того, сколь глубоким было психоаналитическое пропикпование в суть вещей уже при дворе блестящего и деспотичного Штауфера [Фридрих II фон Гогенштауфен].

И после этого такое скромное письмо! Кто Вы? Откуда у Вас эти познания, которые Вы выразили в своей книге? Судя по Вашему особому вниманию к проблеме смерти, можно заключить, что Вы еще очень молоды¹.

Не доставите ли Вы мне удовольствия своим визитом? Я свободен в утренние часы.

Искреннейше Ваш,

Фрейд».

Эту замечательную книгу Рахиль Бирдаш я смог прочитать только в 1964 г., после того как закончил первый набросок этой биографии. Тогда я смог понять, что эта книга должна была значить для Фрейда в ту пору его жизни.

Влияние, которое на нас оказывает какой-либо внешний стимул, во многом зависит от сочетания важнейших факторов нашей внутренней жизни. Такое влияние усиливается, если природа такого внешнего стимула начинает соответствовать нашему внутреннему конфликту. В последние дни 1938 г. равновесие между стремлением Фрейда продолжать свою борьбу и желанием достичь, наконец, покоя было очень неустойчивым. Едва ли тогда он мог надеяться прожить хоть какой-то период, не ожидая новых атак своей болезни, на продолжение полноценной жизни, а не просто на отсрочку прихода смерти. Приближался новый год, который, как Фрейд понимал, мог оказаться для него последним.

Именно в такое время Фрейд прочел книгу Рахиль Бирдаш, произведшую на него столь сильное впечатление. Когда я взял ее в руки в первый раз, то объяснил ее воздействие на меня глубоким влиянием Фрейда, его психологического состояния, в котором он читал эту книгу. Однако с тех пор я перечитывал ее уже не раз, но всякий раз оказывался глубоко взволнован и восхищен ею.

Эта книга переносит нас к событиям XIII в., времени последних Крестовых походов, когда особенно усилились противоречия между папским престолом и германскими императорами. Главных персонажей этого произведения двое: император Священной Римской империи Фридрих II и раввин Якоб Шариф Бен-Арон. Хотя Фридрих II скончался еще до наступления эпохи Возрождения, во многих чертах его вполне можно назвать человеком этой эпохи. В нем сочетались политическая пропикпательность и сила духа с культу-

¹ Фрейд ошибался. Рахиль Бирдаш тогда было 60 лет. Однако она действительно задумала эту книгу еще в молодости, так что догадка Фрейда была вполне точной.

рой и жадной познания. Он не только строил дворцы и соборы, но и стремился к основанию нового центра развития наук и искусств. Он собирал древности, книги на всех языках, особенно на арабском, еврейском, греческом и т. д. Он скликал к себе «мудрецов», принадлежавших различным культурам — арабской, еврейской, греческой, — чтобы они могли вместе изучать науки и обмениваться мнениями по самым разным вопросам бытия. Сам Фридрих проводил много времени в их обществе, не боясь устраивать теологические диспуты между этими «еретиками» и иерархами католической церкви.

Особую роль в этой книге играет раввин Бен-Арон. Его смерть приковывает к себе всеобщее внимание. Ее тайна и вызванный ею страх становятся предметом размышлений «мудрецов» — верующих, сомневающихся, еретиков, молодых и старых, что помогает явиться на свет множеству прекрасных притч, аллегорий и повествований о человеческих страданиях, слабости и величии, дополняющих разговоры в стенах императорского дворца.

Некоторые наиболее впечатляющие места из этой книги возвращают нас к проблеме, затронутой Фрейдом в «Мыслях о времени войны и смерти» — проблеме влияния факта смерти на человека.

Католический епископ спорит с арабским лекарем о воскрешении Лазаря. Он объясняет, почему ему, как целителю, не мила эта легенда. Ведь вернувшийся к жизни Лазарь во второй раз должен был предстать перед ужасающим ликом смерти. Мы можем лишь догадываться, какие чувства испытывал Лазарь, но он был обречен жить с ними¹.

Когда Фридрих был отлучен от церкви за перемирие, заключенное с мусульманами после очередного Крестового похода, и оказался вне церковных таинств, он спросил друга своего отца, искренне верующего архиепископа, сможет ли он рассчитывать на христианское погребение, если анафема не будет с него снята. Священник убедил его, что, когда придет его черед, его тело будет предано земле со всеми необходимыми обрядами. Это обещание исполнилось.

Воспринимал ли Фрейд эту просьбу Фридриха как близкую собственной просьбе, с которой он обратился ко мне, в надежде на мою помощь, когда придет и его черед?

Книга оканчивается описанием смерти Бен-Арона. Однажды ночью он проснулся от зловещей тишины вокруг. Обойдя город и

¹ Благодаря отработанной практике медицинской реанимации сегодня эта проблема перешла из сферы религиозных и философских диспутов в область реальности. Новые эксперименты по глубокому замораживанию умирающих от неизлечимых болезней людей, надеющихся на излечение и «воскрешение» в будущем, заставляют взглянуть на этот вопрос внимательнее. Уже создано Международное криобиологическое общество, содействующее проведению такого рода экспериментов.

всю округу, он не нашел ни единой живой души. Лишь его одного позабыл ангел смерти. Он умер, не сумев вознести последнюю отчаянную мольбу, чтобы ангел забрал его с собой к остальным.

Особое очарование этой книги в ее особой эстетической позиции. Смерть в ней не воспринимается как нечто ужасное и пугающее. Но нет также и легкомысленного пигмализма в ее отношении. Пожалуй, в ней отражено величие подлинного смирения.

То влияние, которое должна была оказать на Фрейда эта книга в ту пору его жизни, когда ему довелось ее прочесть, лишь частично отразилось в его письме к ее автору. Там он прежде всего выразил свое восхищение ее «таинственной и прекрасной книгой» и свое изумление перед ее глубокой пропитательностью. Но почему он предположил, что Рахиль Бирдаш непременно должна быть молода? Думал ли он, что лишь молодой человек может отважиться так много писать о смерти и умирании?¹

Фрейд наслаждался красотой этой книги, но, возможно, она пробудила в нем и те мысли, которые он выразил в таких своих работах, как «Мысли о времени войны и смерти» «Быстротечность» (глава 11), а также в своих метapsихологических объяснениях страха смерти и, наконец, в своем письме к Мари Бонапарт от 6 декабря 1936 г. (глава 24).

К сожалению, самочувствие Фрейда улучшилось совсем ненадолго. Примерно в середине января 1939 г. выше и глубже места последней операции в ротовой полости появилась новая опухоль. Поначалу она напоминала очередной некроз кости, но вскоре приняла угрожающий вид. Экспер легкомысленно отнесся к моим тревогам, но новообразование не напоминало обычную лейкоплакию или папиллому. Я полагал, что это эпителиома, но понимал, что при такой ее локализации операция может оказаться невозможной. Таким образом, впервые мне не оставалось ничего другого, кроме как постоянно наблюдать за ее развитием. Фрейд знал о наших подозрениях. К началу февраля я был уверен в поставленном мною диагнозе, однако Экспер продолжал упорно настаивать на том, что наблюдаемое

¹ Во введении к английскому переводу книги «Император, мудрецы и смерть» доктор Теодор Рейк отметил (с позволения автора), что некоторое время он работал с Рахиль Бирдаш в качестве психоаналитика, перед тем как она опубликовала эту книгу. Роман был задуман еще очень давно, но она никак не могла представить его в соответствующем для опубликования виде. Она смогла это сделать лишь в 1938 г., когда закончила свой анализ. Доктор Рейк также подчеркнул, что в молодости она потеряла очень близкого ей человека. Это определило как ее сосредоточенность на проблеме смерти, так и то, что она так долго не могла изложить на страницах все то, что занимало ее ум столько лет.

Рахиль Бирдаш встретила с Фрейдом в начале 1939 г., после того как получила его письмо. К сожалению, записей об их встречах не сохранилось.

поражение — обычный результат воспалительного процесса. Тогда я решил обратиться за консультацией. 10 февраля Фрейда принял Троттер, выдающийся хирург, член Королевского медицинского общества и родственник Джоиса. Я не удивился, но, тем не менее, ощущал некоторое раздражение, замечая, что даже Троттер, чьи блестящие познания и опыт не могли не вызывать чувства уважения, сперва затруднялся высказать свое мнение о характере наблюдаемого поражения. Возможно, на его месте так же тяжело пришлось бы любому, кто не имел возможности на протяжении десятка лет следить за всевозможными проявлениями болезни пациента, накапливая опыт их оценки под руководством такого умудренного опытом человека, как Пихлер. В конце концов Троттер согласился, что эта опухоль может быть опасна, но рекомендовал продолжать за ней наблюдение. 11 февраля я связался с Пихлером, рассказав о невозможности операции из-за слишком неудобного расположения опухоли, и попросил его высказать свое мнение и прокомментировать возможности лечения Фрейда радиацией. Пихлер настаивал на применении электрокоагуляции вместо радиевой терапии.

На следующей неделе опухоль приняла столь характерный вид, что сомнений у меня уже не осталось. Следующая консультация с Троттером и Экснером разочаровала еще больше. Троттер был даже возмущен происходящим, и я — терапевт и иностранец — оказался в особенно сложном положении. Однако я настаивал на своем мнении, и в конечном итоге, при посредничестве Мари Бонапарт, которая в то время находилась в Лондоне, было решено проконсультироваться с доктором Лакассанем, преемником Риго в Институте Кюри в Париже. Лакассань осмотрел Фрейда в Лондоне 26 февраля и произвел на всех нас великолепное впечатление. Он счел опухоль крайне подозрительной и потребовал проведения биопсии, рентгеновского облучения костной структуры и заключение хирурга о возможности оперативного вмешательства, поскольку сомневался относительно возможности добиться сколько-нибудь заметного улучшения с помощью радиотерапии. Он отметил, что в случае положительной биопсии и отказа от операции со стороны хирурга и/или Фрейда порекомендовал бы радиотерапию, но первым шагом предлагал провести интенсивное рентгеновское облучение пораженного участка. Локассань не одобрил идеи проведения электрокоагуляции, поскольку в этом случае из-за дополнительного повреждения тканей увеличивалась опасность дальнейшего отмирания тканей. Он посоветовал мне не рассчитывать на устойчивый результат, однако надеялся на благоприятный исход и рекомендовал применение радия лишь в качестве дополнительной меры, для устранения остаточных явлений, не поддающихся воздействию рентгеновских лучей.

Биопсия была проведена 28 февраля 1939 г. Результат оказался положительным — была обнаружена типичная раковая эпите-

линома. Рентгеновское облучение не привело к возможному поражению кости. Опухоль, как отмечалось, располагалась слишком высоко — недалеко от основания глазной орбиты, — а потому была недоступна для операции. Однако мы вновь проконсультировались с доктором Троттером и хирургом-отоларингологом доктором Хармером. Они решили, что операция слишком рискованна и в любом случае, скорее всего, окажется бесполезной. Я тоже сомневался, что Фрейд и в этот раз вновь согласится на новую тяжелую операцию. Радиотерапия была начата незамедлительно силами английского радиолога доктора Финзи. Ежедневные визиты к Финзи причиняли Фрейду большие страдания. У него обнаружили неприятные побочные реакции на радиотерапию: слабость, легкие головокружения, головные боли. Вдобавок у него начали выпадать волосы из бороды и появились ротовые кровотечения. Определить источник этих кровотечений было нелегко, но они случались практически ежедневно, раздражая и изматывая больного. Фрейд был очень обеспокоен ими. Он часто цитировал из Фауста: «Кровь — жидкость особенного свойства». Во время одного из таких кровотечений мне все же удалось обнаружить его источник — маленькое расширение кровеносного сосуда на верхней губе. Устранить его оказалось очень легко, и Фрейд, который, как правило, не был склонен проявлять свои чувства, на этот раз не мог сдержать бурной благодарности. Возможно, его беспокойство по поводу повторяющихся кровотечений усиливалось воспоминаниями о событиях 1923 г.

Следующие несколько писем могут проиллюстрировать то, как Фрейд реагировал на эти события. В письме Арнольду Цвейгу от 20 февраля 1939 г., комментируя намерение Цвейга покинуть Палестину, Фрейд продолжал:

«...Я должен преодолеть свою лень и все-таки предоставить Вам письменный отчет; к несчастью, он — о состоянии моего собственного здоровья. Со времени сентябрьской операции меня мучают боли в челюсти, которые медленно, но неуклонно усиливаются, так что я не могу ни днем, ни ночью обходиться без помощи бутылей с теплой водой и аспирина. Однажды большой осколок кости уже вышел, и мы ожидаем повторения такого процесса, который положит конец всем этим терзаниям, но пока тщетно. Неизвестно, является ли такая задержка безобидной или же указывает на зловещий процесс, с которым мы боремся вот уже шестнадцать лет.

...Принцесса Марн, которая провела с нами последние несколько недель, вышла на крупного парижского специалиста по радио... Он [Лакассань] готов приехать в Лондон... если диагноз не будет вызывать сомнений... Я могу вместе с Анной и доктором Шуром отправиться в Париж, чтобы около четырех недель

пробыть в клинике, относящейся к Институту радия. Я еще ничего не знаю наверняка, но легко могу предположить, что это и есть начало конца, который в любом случае ожидает всех нас. А пока я вынужден мириться с этими невыносимыми болями».

«Невыносимы» были не только боли, но и неопределенность положения. Пока диагноз не подтвердился официально, я говорил Фрейду лишь о наших подозрениях.

Это письмо оканчивалось уверениями в том, что авария, в которой пострадал Цвейг, не будет иметь для него далеко идущих последствий, а также комментариями относительно его последней литературной работы.

В то время как 5 марта 1939 г. Фрейд писал Эйтингтону, он уже знал о результатах проведенной биопсии и открыто говорил об этом.

«Я не писал Вам какое-то время не только потому, что процесс писания чего бы то ни было, равно как и большинство прочих действий, стал слишком мучительным для меня [буквально: неприятным], но и из-за неопределенности сложившейся ситуации. Теперь нам более-менее все ясно. Биопсия показала, что мы действительно столкнулись с новым покушением рака. Какое-то время мы сомневались в выборе между возможными защитными мерами, но теперь все согласилось на внешнее рентгеновское облучение, от которого всякий склонен — хотя я и не могу сказать чего-то определенного — ожидать хороших результатов. Завтра меня предполагает навестить радиолог доктор Фиизи, которому они хотят передать мою историю. Я надеюсь, что он не откажется. Разумеется, я очень рад, что пришлось отменить операцию и поездку в Париж. Рентгеновское облучение шадит меня все-таки больше, позволяя мне протянуть еще несколько недель и, возможно, даже продолжать в это время мою аналитическую работу... Мой личный врач Шур очень мне предан. Я сожалею, что мне не о чем больше Вам написать, но это все, что Вы желаете знать обо мне. Впрочем, помимо всего этого, через несколько дней мы ожидаем выхода немецкого варианта «Моисея».

Сердечные пожелания Вам и Мире.

Ваш Фрейд

Р. С. Праведные речи Мартина Бубера немногим повредят «Толкованию сновидений». «Моисей» же куда более уязвим, и я готовлюсь к ожесточенному сопротивлению, которое эта книга встретит среди евреев».

Последнее письмо, которое Фрейд написал Арнольду Цвейгу (как много последних писем он отправил в те дни!), заслуживает особого внимания по ряду причин. Фрейд советовал Цвейгу, у которого не получалось наладить свою жизнь в Палестине, ехать лучше в США, чем в Англию. Затем он отметил:

«Мне непросто догадаться о том, какие, как Вы говорите, «утешительные толкования» Вы пашли в моем «Недовольстве»¹. Эта книга теперь далека от меня. Я лишь жду выхода своего «Моисея», который, предположительно, ожидается в марте. Затем мне уже не придется интересоваться какими-либо моими книгами до своего следующего воплощения.

У меня было несколько особенно неприятных недель — не только из-за болезни и мучений, но и от совершенного непонимания того, какие меры следует предпринять далее. Хирургия и лечение радием (в Париже) окончательно забракованы; решено применить внешнее рентгеновское облучение, которое будут проводить с завтрашнего дня. (Больше нет никаких сомнений, что это новое наступление моего доброго старого рака, с которым худо-бедно сосуществоваю уже шестнадцать лет)».

Далее следует предложение, в котором Фрейд допустил две характерные описки, а потому я приведу его на немецком:

«*Wer damals der Starkere sein wurd konnte man natuerlich nicht vorhersagen*» [курсив мой. — М. III.].

Буквально это предложение может быть переведено лишь следующим образом: «Кто из нас *в прошлом будет* [или: *оказался*]; [использованное Фрейдом слово «*wurd*» в немецком языке отсутствует] сильнее, предвидеть, разумеется, нельзя». Для того же, чтобы правильно выразить стоящую за этим предложением мысль, нужно было бы использовать иные слова: «*Wer diesmal der starkere sein wird kann man natuerlich nicht vorhersagen*» («Кто из нас на этот раз окажется сильнее, предсказать явно нельзя»).

Слово «*diesmal*» (на этот раз) было заменено «*damals*» (в прошлом), а слово «*wurd*» — явное соединение «*wird*» (будет) и «*wurde*» (оказался). Толкование этих описок не составляет труда. Желание Фрейда жить никуда не исчезало — «Вот бы вернуть время на шестнадцать лет назад, когда сильнее все еще был я». Однако сомнения, объективные обстоятельства, а возможно, и накопившаяся усталость от жизни «выпустили» его заменить «*wird*» несуществующим «*wurd*».

Сколь зловещей в свете этих писем к Эйтингтону и Арнольду Цвейгу кажется та метафора Фрейда о «новообразовании», использованная им в письме к Флиссу от 19 февраля 1899 г. (глава 5).

Обнаруженная опухоль неожиданно хорошо отреагировала на начатую рентгенотерапию. Боли довольно быстро уменьшились. 20 марта 1939 г. Фрейд писал Мари Бонапарт:

¹ «Недовольство культурой».

«Я должен вновь выразить мое сожаление по поводу того, что мне удалось уделить Вам слишком мало внимания в то время, когда Вы были с нами¹. Возможно, в следующий раз дела мои пойдут лучше — если не начнется война², — поскольку боли, кажется, ослабли. Только что посетивший меня доктор Хармер полагает, что лечение явно повлияло на внешний вид пораженных участков».

В целом это письмо довольно оптимистично, что заметно и по почерку Фрейда, и по тому, что он начал его не с неприятного обсуждения состояния своего здоровья.

Книга о Моисее вышла из печати. С тех пор как я стал врачом Фрейда, он всегда дарил мне авторские экземпляры своих публикаций. Я никогда не просил у него и не получал сопроводительных автографов. На этот раз, вручая мне «Моисея», Фрейд на миг задумался и затем произнес: «Можно мне ее на минутку?» Он взял книгу и написал на форзаце: «Доктору — Автор. Март, 1939». Он передал книгу мне. Его лицо хранило выражение глубокой задумчивости и смирения. Не требовалось слов, чтобы выразить то, что он хотел сказать: «Это моя последняя книга, и пусть эта надпись хранит память о ее авторе». Он знал, что я понял его. Гораздо позже Анна рассказала мне, что точно так же он вручил книгу и ей.

Улучшение продолжалось, и к началу апреля весь пораженный участок выглядел гораздо лучше. В качестве дополнительной меры были применены небольшие дозы радия. Теперь мы вздохнули с облегчением. Снова появилась надежда, что положительная тенденция сохранится.

В это время мне пришлось принять особенно трудное решение. После мюнхенских событий я решил оставаться в Англии, лишь пока жив Фрейд, а затем эмигрировать в США. Как уже упоминалось ранее, я запросил американскую визу еще во время пребывания в Вене, но утратил право на ее получение с приобретением разрешения выехать в Англию. После мюнхенского кризиса я вновь обратился за визой, и мое прошение было принято к рассмотрению. В сочельник 1938 г. американское консульство в Лондоне уведомило меня о праве на получение иммиграционной визы. Специфика американских положений по квотам обязывала меня получить эту визу, или же я терял право на мой квотационный номер, что до крайности осложнило бы мой выезд из Лондона. Однако я не мог оставить Фрейда и обратился с просьбой о продлении срока получения визы. Предельный срок разрешенного продления был установлен на конец апреля. Именно в это время благодаря эффекту рентгенотерапии Фрейду стало лучше. Когда его состояние значительно улучшилось, я решил отправить в

¹ В те недели Мари Бонапарт жила в Лондоне в доме Фрейда.

² В ту неделю немцы оккупировали всю территорию Чехословакии, разрушив тщетные надежды Чемберлена на мир.

США мою семью, обратиться за своими «первичными документами», уладить вопрос с моей медицинской лицензией и как можно скорее вернуться обратно в Лондон.

Фрейд помог мне во всех необходимых формальностях. Ради меня он послал в американское консульство и своим друзьям в США прошение помочь мне побыстрее пройти через все установленные процедуры. Однако я знал, что он не вполне согласен с моим решением, и не только потому, что со времени своей поездки 1909 г. приобрел определенные предрассудки относительно этой страны, но и потому, что привык ко мне и в некотором смысле зависел от меня. Возможно, ему казалось, что я бросаю его в трудную минуту или, что еще хуже, отказываюсь от него.

Когда я предоставил Джонсу свой рассказ об этом эпизоде, который он включил в последние главы своей биографии о Фрейде, то заметил: «Я знаю, что это не только проекция моего чувства вины». Письма Фрейда за этот период, которые будут здесь приведены, подтвердили мою правоту.

Когда я уже собирался уезжать, Фрейд стал мягче и снисходительнее и дал мне свое «благословение» на отъезд.

Перед отъездом я «ввел в курс дела» доктора Б. Самета, моего друга и бывшего коллегу кардиолога Брауна, друга Фрейда, чтобы он смог, насколько это возможно, заменить меня на время моего отсутствия.

21 апреля 1939 г. мы отплыли в Нью-Йорк. В письме к Мари Бонапарт, которое Фрейд написал 28 апреля, помимо прочего, нашла свое отражение и его реакция на мой отъезд:

«Я не писал Вам некоторое время, пока Вы плавали в своем синем море [Средиземное море близ Сен-Тропеа]. Я думаю, Вы понимаете причину этого, и ее же Вам подскажет и мой почерк. (Даже моя манера письма уже не та, что прежде; она оставила меня так же, как мой врач и другие органы.) Мои дела идут неважно. Виповаты в этом моя болезнь и последствия ее лечения. Правда, я не знаю, кто из них виноват больше. Окружающие всячески пытаются внушить мне оптимизм: рак отступает, побочные эффекты посят временный характер. Я этому не верю и не желаю обманываться.

Было бы очень кстати, если бы какие-нибудь неожиданные осложнения положили бы конец этому жестокому процессу.

Имею ли я основания надеяться, что в мае вновь увижу Вас?»

Даже на страницах столь грустного письма Фрейд не преминул обратить внимание Мари Бонапарт на судьбу венгерского писателя, беженца, нуждавшегося в ее помощи, и справиться о состоянии здоровья ее дочери, принцессы Эжени.

Фрейд всегда был уверен, что услышит от меня всю правду, но не мог рассчитывать на такую же искренность со сторо-

ны других врачей, которые за него отвечали. Это не смягчает моего чувства вины за то, что я оставил его тогда. Оно не исчезло даже теперь, когда я много лет спустя вновь читаю это письмо.

В Нью-Йорке я делал все возможное и невозможное, чтобы сократить время моего пребывания там. С помощью доктора Рут Мак-Брунстик и ее отца, федерального судьи Джулиана Мака, который сообщил официальным кругам о той особой ситуации, в которой я оказался, я надеялся получить свои «первичные документы» гораздо скорее, чем при обычных обстоятельствах. От Анны и доктора Самета я получал регулярные отчеты. В мае они были все еще обнадеживающими. Письмо Фрейда к Мари Бонапарт, написанное 18 мая 1939 г., подтверждало улучшение его самочувствия. Я уже не один раз говорил, какое удовольствие приносили ему весна и цветущий сад. В июне стали поступать тревожные отчеты: снова появились боли, болезненные реакции на рентгенотерапию и, возможно, некроз скуловой кости. 15 июня я получил необходимые документы. 16 июня Фрейд написал Мари Бонапарт (которая в то время была в Лондоне):

«Моя дорогая Мари.

Позавчера вечером я собирался написать Вам длинное письмо со словами утешения по поводу смерти Вашей старой Тату¹ и подчеркнуть, что во время следующего Вашего визита я с удовольствием буду слушать то, что Вы пожелаете рассказать мне о Ваших новых работах, вставляя словечко то здесь, то там. Однако две последовавшие ночи разбили в прах все мои чаяния. Радий вновь начал свое разрушающее действие, вызывая боли и отрицательные эффекты. Мой мир опять превратился в маленький островок боли, блуждающий в океане безразличия.

Финзи продолжает говорить о том, что он удовлетворен происходящим. На мою последнюю жалобу он ответил: «В конечном счете довольны будете и Вы». Так он наполовину против моей воли соблазняет меня продолжать надеяться и одновременно продолжать страдать».

Сколько трагизма в этом последнем предложении Фрейда! Здесь виден тот же самый конфликт, который проявил себя в описках, допущенных Фрейдом в его последнем письме к Арнольду Цвейгу. Фактически Фрейд вторил здесь последней строфе поэмы Гёте «Рыбак»:

К нему она, он к ней спешит,
И след навек пропал.

¹ Чау-чау Мари Бонапарт.

Так он хотел сказать, что его ожидает та же судьба, что и жертв русалок.

Это письмо Фрейд продолжил несколькими пронищательными суждениями касательно Мари Бонапарт и окончил его на подъеме:

«Я слышал, что «Моисей» на немецком уже продан в количестве 1800 экземпляров. От всего сердца — самые теплые пожелания¹ Вам на все время Вашего пребывания на морском берегу.

Ваш *Фрейд*».

Это было последнее письмо Фрейда к Мари Бонапарт.

Завершив свои приготовления в последней неделе июня, я отплыл в Англию первым же кораблем, прибывшим в пункт назначения 8 июля 1939 г. Фрейд выглядел теперь гораздо хуже, чем до моего отъезда. Он терял вес и выказывал признаки апатии, по крайней мере в сравнении со своим обычным настроением. Кожа на правой скуле теперь слегка обесцветилась. Из-за рентгенотерапии он потерял справа большую часть своей бороды. В зоне последнего поражения возникло нагноение. У меня также сложилось определенное впечатление, что у него развилось новое раковое изъязвление, распространившееся в заднем направлении от места старого поражения и вверх от него, в направлении к основанию глазной орбиты. Кость была крайне болезненна, от рапы исходил дурной запах².

¹ Очередной пример нетипичных фраз Фрейда; использованная им языковая конструкция, переведенная здесь как «теплые пожелания», на немецком выглядела таким образом, что он сумел передать как свое душевное отношение к Мари Бонапарт, так и свою надежду, что на побережье ей будет сопутствовать исключительно приятная, теплая погода.

² И при этом всего несколькими днями ранее доктор Финзи написал доктору Лакассану нижеследующий ошеломляющий отчет, который я обнаружил среди бумаг Мари Бонапарт:

*«107, Харлей-стрит
5 июля 1939 г.*

Дорогой Лакассань.

Принцесса Елена сообщила мне, что Вы желаете знать о тех изменениях, которые произошли в состоянии профессора Фрейда. В результате лечения опухоль сильно спала. Теперь на ее месте находится большая каверна. К сожалению, его состояние все еще неважное, он испытывает значительные боли, которые его совершенно изматывают. Он отказывается от каких бы то ни было болеутоляющих, кроме аспирина, и потому плохо спит и очень слаб. Возможно, остатки опухоли еще сохранились, однако в этом я еще не вполне уверен. В чем он действительно нуждается, так это в формировании благоприятной психологической установки по отношению к некоторым другим лекарствам по аналогии с той, которая у него имеется в отношении применения аспирина. Однако я не осмеливаюсь высказать ему это мое предположение.

С самыми добрыми пожеланиями.

Искренне Ваш,

Доктор Финзи».

И вновь нам с Фрейдом не потребовалось слов, чтобы понять друг друга. Он знал, о чем думал я, а я знал то же, что и он. Он не мог поверить в то, что у него обычный некроз кости, а я не смел ему возразить. Наши усилия мы сконцентрировали на гигиене полости рта, подобающем питании и укрепляющих мерах, а также на борьбе с мучившими его болями. Последнее становилось все более затруднительным, поскольку Фрейд неавидел обезболивающие средства. О морфине он подумал лишь тогда, когда его душевные силы были уже на исходе. Таким образом, мы вынуждены были вновь начать использовать ортоформ, который уменьшал поверхностные боли, но не решал проблему некроза кости. Теперь Фрейд покинул и его обычный глубокий восстанавливающий сон. И без того измученная непосильными обязанностями Анна бодрствовала теперь практически сутки напролет, вынужденная прикладывать ортоформ по несколько раз за ночь. Иногда Фрейд принимал аспирин или пирамидон. Весь июль он продолжал наблюдать своих немногочисленных пациентов, читал и, насколько это было возможно, старался придерживаться своего обычного дневного распорядка.

Несколько позже, в конце июля, у Фрейда ночью случился сердечный приступ: недостаточность левого желудочка с «сердечной астмой». В этих обстоятельствах я смог оказать ему срочную помощь, и с этих пор он «простил» мне мою поездку в США. Несмотря на то что в первые недели после моего возвращения обычная доверительность до некоторой степени оказалась утрачена, с этого дня наши отношения вновь стали такими же теплыми, как и прежде. В этой связи я испытал большое облегчение, поскольку понимал, что это имеет особое значение и для самого Фрейда, вступавшего в последний, самый трудный этап своей жизни.

Пришлось начать лечить сердце. Используемые при этом лекарства подавляли его и без того уже плохой аппетит.

С августа состояние Фрейда начало стремительно ухудшаться. Сомнений в раковом характере новой опухоли уже не оставалось. Обесцвеченность щеки становилась заметной все больше и больше, что свидетельствовало о развитии некроза кожи. Скверный запах становился совершенно невыносимым и не мог быть устранен никакими мерами по гигиене рта. Очевидно, что он был следствием некроза кости. Я вновь должен подчеркнуть, что возможность использования антибиотиков в то время отсутствовала.

Фрейд слабел с каждым днем. Теперь он был вынужден принять самое тяжелое для себя решение — отказаться от приема пациентов. Временами им овладевала глубокая усталость, притуплявшая его внимание. Он все еще пытался кое-как есть, но все равно вынужден был большую часть дня отдыхать. Его рабочий кабинет превратился теперь в его больничную палату. Из своей постели он мог видеть сад со своими любимыми цветами. Однако

чау-чау Фрейда, к которой он был так привязан, не выносила исходящего от раны запаха и боялась приближаться к нему. Когда собаку привели к нему в комнату, она забилась в самый дальний ее угол. Фрейд знал, что это означает, и смотрел на свою любимицу с глубочайшей печалью.

Мари Бонапарт посетила его в последний раз между 31 июля и 6 августа 1939 г. Это было печальное и молчаливое прощание. Позже Фрейд заметил мне, как ему повезло быть другом столь многих прекрасных людей.

В конце августа состоялось еще одно прощание, на этот раз с внучкой Евой, дочерью Оливера, визит которой в Лондон (в то время она жила во Франции) очень обрадовал Фрейда. Он питал особую нежность к этой славной девочке, которой тогда было всего 15. Ей было суждено погибнуть в конце войны, всего через пять лет после этой встречи.

Болезнь продолжала неумолимо прогрессировать. Кожа над скулой омертвела, и в конечном итоге в щеке образовалось сквозное отверстие. Это несколько уменьшило боли. Точнее сказать, боли уменьшились, поскольку проще стало накладывать ортоформ, однако запах стал еще невыносимее. На него слетался целый рой мух, так что кровать Фрейда пришлось укрыть москитной сеткой.

Тем временем началась война. Теперь люди опасались авиационных налетов. Чтобы постоянно быть «под рукой», 1 сентября я переехал в дом Фрейда, прежде отправив свою семью в безопасное место. Фрейд читал газеты и был полностью осведомлен о происходящем. Но он был уже далек от этого. Возникшая на фоне мюнхенского кризиса отстраненность, о которой я уже упоминал, теперь стала еще более заметной. После того как по радио мы услышали не раз уже повторенную мысль о том, что уж эта война несомненно положит конец всем возможным войнам, я спросил его: «Вы верите, что эта война будет последней?» Ответ Фрейда был сух и краток: «Для меня это последняя война».

С первыми угрозами бомбежек кровать Фрейда перенесли в безопасное место. С некоторым интересом он теперь следил за теми шагами, которые предпринимались для спасения его рукописей и коллекции древностей. Он по-прежнему следовал своему устоявшемуся распорядку и вплоть до предпоследнего дня своей жизни никогда не забывал заводить свои часы! В известном смысле это обстоятельство несомненно можно было считать верным подтверждением дисциплинированности его ума. Несмотря на свою болезнь, Фрейд ни в чем не утратил былой доброжелательности. Ни разу я не видел, чтобы он проявил нетерпение или раздражение. С прежней участливостью он спрашивал о том, как мои дети перенесли эвакуацию, и предлагал мне воспользоваться материалами его библиотеки, помимо прочего рекомендуя почитать некоторые работы Альберта Швейцера, которого он высоко ценил в то время.

Кормить его становилось все труднее и труднее. Он очень страдал, и ночи были ничуть не легче дней. Он едва мог подняться с постели, его истощение нарастало буквально не по дням, а по часам. Мы с Анной по очереди прикладывали ортоформ, а от других успокоительных средств Фрейд по-прежнему отказывался. Было невыносимо тяжело ощущать неспособность хоть как-то облегчить его страдания, однако я не мог прекратить их без его просьбы.

Жизнь его вошла в последнюю стадию, когда ему стало тяжело читать. Фрейд всегда тщательно отбирал книги для чтения из своей библиотеки. Последней прочитанной им книгой была повесть Бальзака «Шагреновая кожа». Когда он закончил ее читать, то заметил мне: «Эта книга как раз для меня; речь в ней идет об усыхании и голодной смерти».

«Шагреновая кожа» была написана в романтическом духе под влиянием «Вертера» и «Фауста» Гёте, сказок Гофмана и стихов Байрона. И бальзаковский герой Рафаэль, и Фауст Гёте заключили сделку с дьяволом. Рафаэль оказался обладателем магического куска кожи. Все его желания тут же исполнялись, но с каждым исполненным желанием кожа сжималась все больше и больше, и вместе с ней стремительно подходила к концу и его собственная жизнь. Рафаэль не мог *обуздать* свои желания, и все его попытки отказаться от них были тщетными. Он не мог победить свой страх смерти и умер в совершеннейшем отчаянии.

Фауст же, напротив, умер лишь после того, как достиг своей конечной цели, отвоевав земли из-под власти океана или же, словами Фрейда, осушив Зейдер-Зее.

Поскольку тогда я еще не читал ни «Шагреновой кожи», ни писем Фрейда, то еще не понимал, насколько важно было это его высказывание и почему он так выразился. Мотив сокращающейся кожи возник еще в 1896 г., когда Фрейд писал о своем умиравшем отце. Как говорил Фрейд, бессознательное бессмертно. Оно хранит все воспоминания. Сколь ужасно, что он выбрал для чтения именно эту книгу перед тем, как окончилась история его собственной жизни!

Перед смертью Фрейд, как и Фауст, успел завершить все свои работы. В противовес Рафаэлю, он смог победить свои страхи в той мере, в какой это возможно для человека. Однако к концу жизненного пути он так невероятно устал, что у него осталось лишь одно желание, выраженное в строках одной из самых замечательных поэм Гёте:

О, небесный владыка,
Облегчающий любую боль и горе,
Одари двойным покоем
Того, кто устал вдвойне.
Сколь тяжела для меня эта борьба,

К чему все эти бессмысленные страдания и радости?
Приди, сладкая безмятежность,
Приди, о, приди ко мне.

На следующий день, 21 сентября, когда я сидел у постели Фрейда, он сжал мою руку и сказал: «Мой дорогой Шур, несомненно, вы помните наш с вами первый разговор. Вы обещали не покидать меня, когда придет мой срок. Теперь в моей жизни не осталось ничего, кроме бессмысленных мучений».

Я подтвердил, что не забыл своего обещания. Он вздохнул с облегчением и, удерживая мою руку сказал: «Благодарю вас», а затем, слегка запинувшись, добавил: «Расскажите об этом Анне». Все эти слова были произнесены без малейшей тени волнения или жалости к себе. Они были полны лишь абсолютного осознания неизбежного.

Как и просил Фрейд, я передал Анне наш разговор. Когда у него началась агония, я ввел ему подкожно морфий. Это принесло ему облегчение, и он погрузился в мирный сон. Выражение боли и страдания сошло с его лица. После двенадцати ночей я повторил инъекцию. Фрейд несомненно уже исчерпал все ресурсы своего организма. Он впал в кому, сознание к нему больше не возвращалось. Он умер в три часа ночи 23 сентября 1939 г.

На страницах его «Мыслей о времени войны и смерти» есть и такая строка:

«К умершему мы питаем особые чувства: нечто вроде восхищения перед тем, кто сумел справиться с очень трудной задачей».

Оглавление

Вступление	5
------------------	---

Часть первая ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Глава 1. Атмосфера	23
Глава 2. Симптомы заболевания сердца и борьба Фрейда с никотиновой зависимостью	44
Глава 3. Дружба с Флиссом: ранний период	69
Глава 4. Самоанализ	98
Глава 5. Сны и смерть	156
Глава 6. Смерть дружбы	200

Часть вторая ПУТЬ К НАУЧНОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

Глава 7. «Призраки»: эпизод в Акрополе	225
Глава 8. Бессмертие	242
Глава 9. Последователи и друзья — возрождение старых конфликтов	248
Глава 10. Мотив смерти, рассмотренный в трех произведениях	272
Глава 11. Первая мировая война	284
Глава 12. «По ту сторону принципа удовольствия»: влечение к смерти и навязчивое повторение	319

Часть третья БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Глава 13. 1923: операция по удалению раковой опухоли	347
Глава 14. Смерть как метапсихологическая проблема	366
Глава 15. Приспособление к мучениям и болезни	376
Глава 16. Фрейд вступает в библейский возраст	385
Глава 17. Будущее без иллюзий	393
Глава 18. Фрейд становится моим пациентом	406
Глава 19. «Недовольство культурой»	414
Глава 20. В ожидании новых осложнений. Борьба с протезом	419
Глава 21. Научное мировоззрение	431
Глава 22. Гитлеровская Германия и австрийский фашизм	439
Глава 23. Моисей и монотеизм	451
Глава 24. Восемидесятилетие Фрейда	474
Глава 25. Рак переходит в наступление	481
Глава 26. Вторжение нацистов. Исход	493
Глава 27. Заключительная	502

Макс Шур

Зигмунд Фрейд

Жизнь и ~~смерть~~

Работы Зигмунда Фрейда оказали значительное влияние на искусство, социологию, этнографию, психологию и психиатрию первой половины XX в. В этой книге знаменитый ученый предстает в роли пациента. Его лечащий врач, Макс Шур, стал не только объективным и добросовестным исследователем, который составил жизнеописание великого психиатра, но и единомышленником, человеком, разделившим с ним самые трудные минуты жизни. Автор вспоминает сам и приводит воспоминания друзей и близких великого человека, фрагменты его писем, выдержки из дневников, мысли о революции, смерти и цивилизации. Он создает правдивый и яркий образ Зигмунда Фрейда, сомневающегося, страдающего, но одержимого страстной жадой познания.

ISBN 5-9524-1794-9

ЦЕНТРОЛИГРАФ